Сергей Хомич

Территория и государственные границы Беларуси в XX веке:

от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo

Минск

издательский центр
ЭКОНОМПРЕСС
2011

УДК 96(476)"19"
ББК 63.3(4Беи)6
Х 76

Рецензенты:
доктор исторических наук, академик НАН РБ
М.П. Костюк;
кандидат исторических наук. старший научный сотрудник НАН РБ
В.Г. Мазец

В оформлении обложки использована архивная фотография пограничной арки на железнодорожной станции «Негорелое», 1932 г.

Хомич, С.Н.
Х 76 Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоиндентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С.Н. Хомич. – Минск: Экономпресс, 2011. – 416 с.

ISBN 978-985-6479-60-4.

Настоящая монография, пожалуй, является первой работой в белорусской историографии, где становление границ белорусского государства является самостоятельным предметом исследования. Раньше эта тема, в большинстве случаев, поднималась лишь в контексте политической истории, иллюстрируя отдельные моменты в развитии Беларуси. Автор подошел к проблеме формирования границ белорусского государства как к явлению более политическому, нежели этнографическому. Свою задачу он видит не в том, чтобы сравнить, насколько белорусская этническая территория совпала с территорией государственной. Цель исследования – показать, какие политические силы были вовлечены в процесс формирования государственных границ Беларуси, какова была степень их влияния, чем они руководствовались при принятии решений, какими доводами оперировали и, наконец, какие внешние факторы и каким образом повлияли на становление современных границ белорусского государства.

УДК 96(476)"19"
ББК 63.3(4Беи)6

ISBN 978-985-6479-60-4

Оглавление

Введение

Территория – один из главных атрибутов независимого и суверенного государства, его главная ценность. Вся политическая история человечества – это, в конце концов, борьба за пространство, за контроль над той или иной территорией. Подчеркивая важность территориального вопроса, родоначальник современной политической географии Ф. Ратцель отмечал: «Граница есть периферийный орган государства и, как таковой, служит свидетельством его роста, силы и слабости, изменений в этом организме»[1].

Современная Республика Беларусь распространяет свой суверенитет на территорию в 207,6 тыс. кв. км, занимая 13-е место среди более чем 40 стран Европы. На долю нашей страны приходится 2,1% площади и 1,5% населения Европы. По размерам Беларусь можно сопоставить с Великобританией (244,1 тыс. кв. км) и Румынией (237,5 тыс. кв. км). Она имеет бóльшую территорию, чем такие государства, как Австрия, Нидерланды, Греция, Португалия. По площади Беларусь превосходит совокупную территорию Литвы, Латвии и Эстонии в 1,2 раза. Находясь в центре Европы и занимая срединную часть Евразийского континента, Республика Беларусь граничит с пятью государствами: на севере и востоке – с Российской Федерацией (протяженность границ 990 км), на юге – с Украиной (975 км), на западе – с Польшей (399 км), на северо-западе – с Литвой (462 км) и Латвией (143 км). Общая протяженность границ составляет 2969 км[2].

Многие воспринимают современную территорию Республики Беларусь и ее границы как данность. Между тем, и линия границ, и территория Белорусского государства еще чуть более полувека назад существенно отличались от настоящих. В силу своего геополитического положения Беларусь неоднократно оказывалась в эпицентре разрушительных войн и социальных катаклизмов. Помимо потерь, вызванных Первой и Второй мировыми войнами, белорусскому народу дважды в прошлом столетии довелось испытать на себе все тяготы, связанные с коренной социально-политической трансформацией общества: сначала в 1917 г., затем в конце 1980 – начале 1990-х гг. Все эти процессы оказали огромное влияние на территориальное строительство Белорусского государства.

В науке существуют различные подходы к изучению территориального вопроса. Советская правовая наука первой половины XX в., подходя с классовых позиций, определяла территорию как «пространство, в пределах которого государство осуществляет свой суверенитет, где господствующий в государстве класс осуществляет свою государственную власть, распоряжаясь, в частности, и самой территорией и организуя ее в административном отношении в со-

ответствии со своими интересами»[3]. Позже, во второй половине XX в., классовая составляющая перестала играть доминирующую роль в определении государственной территории: идея диктатуры одного класса над другими более не отражала, по мнению советских идеологов, реалии советской действительности – в стране был построен социализм. Государственная территория стала рассматриваться как «определенная часть земной поверхности, находящейся под суверенитетом данного государства»[4]. Подобный «внеклассовый» подход близок к взглядам современных ученых, которые под государственной территорией понимают такую территорию, которая «находится под суверенитетом определенного государства, то есть принадлежит определенному государству, осуществляющему в ее пределах свое территориальное верховенство»[5]. Как видим, хотя теоретическое понимание термина «государственная территория» неоднократно менялось, никто из исследователей, на какой бы мировоззренческой платформе он ни стоял, не умалял громадной практической ценности территории с точки зрения полноценного функционирования государства.

Исследование формирования территории любого государства является чрезвычайно сложной задачей. Крайне редко в истории человечества встречаются примеры, когда этнические границы расселения народа совпадают с границами его национального государства. Изучение процесса территориального строительства Белорусского государства вызывает особую сложность в виду затруднительности, а часто невозможности точного определения границ расселения белорусского этноса. Имеющиеся данные в виде результатов переписей, исследований лингвистов и этнографов нередко противоречат друг другу и очерчивают белорусскую этническую территорию лишь приблизительно.

Такое состояние дел вполне объяснимо, принимая во внимание, насколько тяжелым и трагичным оказался для белорусов процесс государственного строительства. В истории Беларуси был продолжительный период, когда она, лишенная собственной государственности, входила в состав полиэтничных государств (Речи Посполитой и Российской империи), каждое из которых отказывало белорусскому этносу в праве на государственное самоопределение, а белорусские земли считались соответственно польскими или же великорусскими. Этническая территория белорусов очерчивалась расплывчато в зависимости от той или иной этнополитической либо этноконфессиональной ситуации. Часто существование отдельной белорусской народности вообще не признавалось[6].

В начале XX в. проблема определения белорусских этнических границ существенно осложнялась также тем, что процесс самоидентификация населения национальных регионов бывшей Российской империи (каким являлась и Беларусь) не был завершен. Национальное самосознание населения находилось на низком уровне. Особен-

но это было характерно для этноконтактных зон, где на протяжении столетий тесно сосуществовали два и более этносов, каждый из которых в условиях распада Российской империи стремился засвидетельствовать свою доминирующую роль и таким образом добиться включения спорной территории в состав собственного национального государственного организма[7]. Подобные этноконтактные зоны в начале XX в. наблюдались практически по всему периметру белорусских этнических границ: это практически вся Гродненская губерния, значительная часть Виленской губернии с городом Вильно, три северных уезда Витебской губернии (Двинский, Режицкий, Люцинский), западная часть Смоленской губернии и Восточное Полесье (южная часть Минской и Могилевской губерний). Государственная принадлежность данных территорий являлась спорной. Не случайно после 1917 г. помимо белорусов на эти земли претендовали другие государства. Разрешение перечисленных выше территориальных споров происходило на протяжении XX в. и во многих случаях не в пользу белорусских интересов.

Несовпадение границ Белорусского государства с этническими границами расселения белорусского этноса или с теми границами, которые считала справедливыми политическая элита, не есть явление исключительное, характерное лишь для процесса становления белорусской государственности. Наоборот, исследователи территориального вопроса давно отметили такую особенность, как невозможность «торжества безусловной справедливости» в процессе становления государственных границ. Как правило, любая граница – это результат острой политической либо вооруженной борьбы, продолжительных переговоров, уступок и компромиссов[8]. В связи с этим в настоящей работе автор подошел к проблеме формирования границ белорусского государства как к явлению более политическому, нежели этнографическому. Свою задачу он видит не в том, чтобы сравнить, насколько белорусская этническая территория совпала с территорией государственной (в силу расширенности этноконтакных зон, о чем речь шла выше, это практически невозможно). Цель исследования – показать, какие политические силы были вовлечены в процесс формирования государственных границ Беларуси, какова была степень их влияния, чем они руководствовались при принятии решений, какими доводами оперировали, отстаивая собственную точку зрения (именно здесь имевшиеся на то время представления об этнической белорусской территории могли сыграть свою роль), и, наконец, какие внешние факторы и каким образом повлияли на становление границ белорусского государства в том виде, как они сложились на сегодняшний день. Преимущество такого подхода, на наш взгляд, состоит в том, что он позволяет избежать оперирования моральными категориями и вместо того, чтобы отвечать на вопрос: справедливы или нет белорусские государственные границы, установившиеся в XX в., дает возможность проанализиро-

вать то, какой видела территорию белорусского государства ее политическая элита на разных этапах развития национальной государственности, какими способами и с каким результатом отстаивала собственную позицию, что получилось, что – нет, и почему.

Формирование государственной территории Беларуси – тема важнейшая для понимания исторического пути белорусского государства. Тем не менее в отечественной историографии данный вопрос изучен недостаточно. В то время как в других постсоветских республиках, в частности в российской и украинской, существует обширная историография, посвященная процессу складывания национальных государственных границ, белорусская историческая наука пока не может похвастать всесторонним изучением территориальной проблемы. Это не значит, что белорусские историки игнорировали данную тему. Наоборот, практически любой ученый, когда-либо занимавшийся или занимающийся историей белорусской государственности, в той или иной степени затрагивал проблему формирования государственной территории. Однако в опубликованных на сегодняшний день монографиях становление белорусских границ не является самостоятельным предметом исследования – в большинстве случаев авторы обращаются к нему лишь в контексте политической истории, иллюстрируя те или иные тенденции в развитии белорусского государства. Анализ научной литературы также показывает, что различные этапы белорусского территориального строительства изучены далеко не в равной степени, что не позволяет в комплексе представить весь процесс формирования государственной территории Беларуси в XX в.

В силу сложившейся общественно-политической ситуации проблема определения белорусской этнической территории в конце XIX – начале XX вв. носила исключительно научный характер: ею занимались историки, этнографы, картографы, краеведы, лингвисты и другие ученые. Отсутствие четких критериев, недостаточность исходных материалов, фрагментарность исследований приводили к тому, что в работах, посвященных белорусской этнической территории, авторы существенно расходились в определении территории расселения белорусов, особенно когда речь шла об этноконтактных зонах. Среди работ начала XX в. следует особо выделить исследование филолога Е. Карского «Белорусы», создавшего в 1903 г. на основе диалектологических исследований «этнографическую карту белорусского племени»[9]. Исследования Е. Карского и составленная им карта в будущем помогли белорусской политической элите сформулировать и научно обосновать свое видение границ белорусского государства.

До начала Первой мировой войны вопрос о территории Беларуси практически не имел выхода в сферу прикладной политики. Лишь только столкнувшись с территориальными претензиями литовских, польских, российских национальных организаций, лидеры белорус-

ского национального движения осознали важность проблемы. Они же первыми сделали попытку определить справедливые государственные границы Беларуси, результатом чего стало создание карты Белорусской Народной Республики. Многие деятели белорусского национального движения – братья А. и И. Луцкевичи, И. Воронко, Д. Жилунович, Ф. Турук, А. Цвикевич и др. – попытались дать научное осмысление и оценку историческим событиям, непосредственными участниками которых они являлись[10]. Однако территориальный вопрос в этих документах упоминается лишь эпизодически, в контексте других задач, решением которых в то время занимались белорусские лидеры. К сожалению, советская историография не исправила отмеченных недостатков в изучении процесса территориального строительства БНР. Отмечая определенные положительные моменты в культурно-просветительской деятельности национальных организаций, советские историки крайне негативно оценивали Белорусскую Народную Республику, цели и результаты политической деятельности ее лидеров[11].

С конца 1918 г. и до конца 1991 г. реализовывался проект создания и развития белорусской государственности на советской основе. На протяжении 72 лет существования БССР территория республики неоднократно менялась. Происходило это в силу как объективных (внешнеполитическая обстановка, военные действия), так и субъективных причин, связанных с тем, какое место национальный вопрос занимал в политике коммунистической партии. Учитывая, что в программных установках РКП(б) территориальная проблема изначально имела второстепенное значение, подчиняясь целям и задачам мировой революции, межреспубликанские границы в Советском Союзе выполняли скорее функцию административно-территориального деления, нежели служили для размежевания суверенных республик. Широко распространенной была практика, когда границы национальных республик, игнорируя этнографические факторы, устанавливались исходя из политических и идеологических соображений либо вообще в результате самоличных решений партийных лидеров. В 1972 г. в беседе с писателем Ф. Чуевым В. Молотов, оценивая роль И. Сталина в формировании границ советских республик, приоткрыл механизм принятия решений по территориальным вопросам: «Одно создание среднеазиатских республик – это целиком его, сталинское дело! И границы, и само открытие целых народов, которыми никто не интересовался в центре и не знал их по-настоящему... Ведь острая борьба шла. Казахи, например, их верхушка, дрались за Ташкент, хотели, чтобы он был их столицей. Сталин собрал их, обсудил это дело, посмотрел границы и сказал: «Ташкент – узбекам, а Верный, Алма-Ата – казахам». И стоял на этом нерушимо»[12].

Значительно более высокий статус имели внешние границы Советского Союза, выполнявшие функцию «железного занавеса» меж-

ду капитализмом и социализмом. Советское руководство внимательно контролировало процесс установления границ СССР с соседними государствами. Однако даже в случае с межгосударственными границами их проведение не всегда было результатом глубокого научного изучения. В истории СССР имеется немало примеров, когда его лидеры шли на значительные территориальные уступки в пользу соседних держав, руководствуясь определенными внешнеполитическими соображениями.

События, связанные с созданием белорусской государственности на советской основе и территориальным строительством БССР, изучались советскими историками весьма активно. Данная проблематика была популярна. Образованию БССР в 1919 г., повторному провозглашению Белорусской Советской республики в 1920 г. посвящено огромное количество статей и монографических исследований. В советской историографии доминировало сформулированное Н. Каменской утверждение о том, что на момент образования БССР при решении вопроса о территории республики были учтены исторические и национальные особенности той или иной губернии, уезда и даже волости, а границы, определенные I съездом КП(б)Б, в основном совпадали с современными границами БССР[13]. Попытку пересмотреть оценки в определении причин, обусловивших территориальный состав БССР в момент провозглашения республики, предпринял исследователь В. Круталевич. Он отметил, что на формирование границ БССР в декабре – январе 1919 г. повлиял тот факт, что Белорусская республика создавалась на базе Западной области. Руководство Облискомзапа не видело никакой разницы между республикой и областью и к образованию белорусского государства относилось лишь как к смене названия, вызванной внешнеполитическими причинами. «Отсюда... стремление сохранить всю предшествовавшую областную территорию, оставить в границах области районы переходные, смешанные и спорные в этнографическом отношении»[14].

В определенных I съездом КП(б)Б границах БССР просуществовала фактически не более месяца. Уже 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение о выделении из состава республики Витебской, Могилевской и Смоленской губерний и включении их в РСФСР. В границах БССР оставались только Минская и Гродненская (на то время оккупированная) губернии. В атмосфере относительной идеологической свободы начала 1920-х гг. ограничение территории БССР оценивалось первыми советскими историками по-разному. В. Игнатовский в 1924 г. характеризовал это решение ЦК РКП(б) как целиком ошибочное «в смысле правильного выявления белорусской политики и национального вопроса»[15]. Непосредственный участник рассматриваемых событий В. Кнорин в 1929 г., защищая руководство компартии от подобных обвинений, обосновывал сокращение территории республики «слабостью молодого советского

правительства БССР, которое оказалось неспособным управлять старыми территориями Западной области». Одновременно он назвал тактические и внешнеполитические мотивы этого сокращения – ЦК РКП(б) предвидел возможность войны с Польшей и не хотел рисковать «старыми советскими территориями»[16]. В официальной историографии оценка бывшего секретаря ЦБ КП(б)Б стала доминирующей. Советские историки утверждали, что выделение восточных губерний из состава БССР было вынужденным и временным актом, на случай, если военные действия будут развиваться не в пользу Красной Армии[17]. Данная точка зрения разделяется и некоторыми современными белорусскими историками. Они считают, что, включая белорусские территории в состав РСФСР, ЦК РКП(б) хотел сохранить их, чтобы в перспективе они стали основой восстановленного белорусского государства[18].

Помимо сокращения территории БССР, ЦК РКП(б) на совещании от 16 января 1919 г. принял также решение об объединении Белорусской и Литовской советских республик. Литовско-Белорусская ССР – драматичный этап в истории белорусской государственности. В советской историографии образование ЛитБел трактовалось как реализация на практике большевистской национальной политики, целью которой было создание наиболее благоприятных условий для развития всех национальностей бывшей Российской империи[19]. Авторы также обращали внимание на сложные военно-политические обстоятельства, в которых создавалась Литовско-Белорусская ССР. Новообразованная республика должна была стать форпостом пролетарского государства на западной границе России, одновременно закрывая путь к центру революции – в Советскую Россию[20]. Исследуя достаточно широкий круг вопросов, связанных с образованием и жизнедеятельностью ЛитБел, советские историки, как правило, практически не касались проблемы границ. В лучшем случае они ограничивались перечислением губерний и уездов, которые входили в состав республики.

Особое место в советской историографии занимали события 1920-х гг. (возвращение в состав республики восточнобелорусских земель в 1924 и 1926 гг.), поскольку они служили «убедительным примером» торжества ленинской национальной политики. Первые публикации, посвященные возврату восточнобелорусских территорий, появились практически сразу же после описываемых событий. Уже в 1924 г. вышла коллективная работа «Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху», в которой вместе с другими затрагивалась проблема белорусских границ. Книга вышла под общей редакцией А. Сташевского, Д. Жилуновича и В. Игнатовского. Непосредственно возврату восточнобелорусских территорий в сборнике посвящен раздел «Коммунистическая партия на Беларуси и белорусский вопрос», автором которой являлся В. Игнатовский. Он был первым, кто отметил большую роль национально

ориентированного руководства БССР в постановке и разрешении территориального вопроса. Однако сам процесс обсуждения и изучения проблемы показан в самых общих чертах[21].

Большое количество работ, посвященных территориальной проблеме, появилось во время второго этапа возврата восточнобелорусских земель в состав БССР. В 1926 г. по инициативе белорусского правительства публиковались результаты этнографических экспедиций в Псковскую и Гомельскую губернии, исследования историков, филологов, экономистов. Эти работы должны были восполнить недостаток научных данных и засвидетельствовать единство и тесную историческую, культурную и экономическую связь белорусских районов Псковщины и Гомельщины с БССР[22].

В это же время начала складываться тенденция, согласно которой расширение БССР неизменно рассматривалось как «наивысший акт взаимного доверия народов», свидетельствовавший о последовательном осуществлении ленинской национальной политики. Историки, которым приходилось затрагивать данный вопрос, ограничивались констатацией фактов, заменяя научный анализ пропагандистской риторикой. События 1924–1926 гг. рассматривались упрощенно, трафаретно, схематично. За пределами внимания исследователей оставались такие вопросы, как деятельность руководства БССР по возврату восточных территорий, антибелорусская политика и сопротивление расширению БССР со стороны властей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, процесс законодательного оформления передачи территорий и др.[23]

Следующее существенное изменение границ Белорусской ССР связано с началом 2-й мировой войны. Воссоединение Западной Беларуси с БССР осенью 1939 г. стало событием огромной важности в истории белорусской государственности. Оно оказало большое влияние на все стороны общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни республики, в том числе на процесс формирования территории белорусского государства. На протяжении 1939–1948 гг. граница Белорусской ССР с Польшей претерпела значительные изменения. Однако советские историки основное внимание уделяли политическим, социально-экономическим, культурным преобразованиям, имевшим место в Западной Беларуси после включения ее в состав СССР. Территориальный вопрос, если и рассматривался, то в качестве второстепенного[24].

Еще одной малоисследованной страницей в истории формирования белорусской государственной территории является становление белорусско-литовской границы. Советские историки, затрагивая данную проблему, ограничивались констатацией того, что разграничение Литовской и Белорусской республик проводилось в соответствии с принципами советской национальной политики на основе свободного волеизъявления народов. Без ответа оставались такие важные вопросы, как влияние на разрешение территориаль-

ной проблемы геополитических факторов; позиция союзных и республиканских органов, населения спорных пограничных районов; ход белорусско-литовских переговоров и, наконец, проведение делимитации и демаркации белорусско-литовской границы[25].

С образованием независимого и суверенного государства Республика Беларусь в 1990-е гг. в белорусском обществе существенно вырос интерес к истории белорусского государственности, в том числе к формированию государственной территории. Белорусские ученые смогли ознакомиться с новыми архивными материаламим, ранее недоступными историческими источниками, что привело к значительному расширению наших знаний о том, как создавалось белорусское государство, складывались его границы.

Современные исследователи с новых позиций подошли к оценке содержания, характера и результатов деятельности белорусских организаций до октября 1917 г.[26] В это же время были сделаны первые попытки написать объективную и политически неангажированную историю БНР. Современные белорусские историки уделяют достаточно много внимания проблеме государственной территории БНР, которая рассматривается в контексте внутри- и внешнеполитической деятельности правительства БНР[27]. При всем при этом до сих отсутствует научное исследование, которое обобщило бы представления о Белорусской Народной Республике как государственном образовании, в том числе раскрыло бы сущность территориальной политики правительственных органов БНР, на принципиально новом научном уровне дало бы оценку деятельности руководства БНР по защите территориальной целостности белорусского государства.

Сегодня мы знаем гораздо больше и о том, какие факторы и в какой степени повлияли на создание БССР, определение территориального состава республики в 1919–1920 гг. Большинство современных белорусских историков придерживаются точки зрения, что решение о создании Белорусской ССР принималось в Москве в крайне сжатые сроки под влиянием ряда внутри- и внешнеполитических факторов, причем внешнеполитические обстоятельства были определяющими. Именно сложная геополитическая ситуация, в которой оказалась Советская Россия в начале 1919 г., стала причиной ограничения территории БССР[28]. Наряду с внешнеполитическими причинами, по мнению профессора В. Ладысева, важным аргументом для передачи белорусских губерний в состав РСФСР в январе 1919 г., явились соображения экономического характера: Витебская, Гомельская и Смоленская губернии были выделены из БССР и включены в РСФСР, поскольку играли важную роль в обеспечении продовольствием центральных районов России[29].

За последние два десятилетия произошли существенные изменения в оценках причин возникновения Литовско-Белорусской ССР. В настоящее время при объяснении мотивов, которыми руководствовались лидеры РКП(б), принимая решение о создании Лит-

Бел. на первое место вышли интересы всемирной революции: именно угроза польской интервенции заставила большевиков приступить к созданию барьера из формально независимых республик, одновременно максимально сокращая их территории[30]. Сегодня создание ЛитБел в белорусской историографии рассматривается как временный, вынужденный шаг, вызванный неблагоприятными международными обстоятельствами[31]. Во многих современных работах ЛитБел оценивается как искусственное образование. Это объединение советских республик называется аморфным, надуманным и нежизнеспособным[32]. Продолжая данную мысль, авторы некоторых публикаций высказывают мысль о том, что Литовско-Белорусская ССР не являлась государственным образованием в полном смысле этого слова: «Литовско-Белорусская ССР не была создана и на ее создание как государства просто не хватило времени. ...не был создан государственный аппарат и местные органы власти; не была точно определена территория республики и ее границы, государственное образование не имело конституции и других атрибутов государственности, например собственных вооруженных сил, судебной системы, таможни, налоговых органов и т.д.»[33].

Отмечая тот факт, что современные историки существенно расширили и углубили свои представления о Литовско-Белорусской ССР как государственном образовании, следует сказать, что территориальный вопрос в истории ЛитБел изучен недостаточно. На наш взгляд, и новейшие документальные материалы это подтверждают; значительное влияние на принятие решения об объединении Литовской ССР и Белорусской ССР оказала проблема территориального разграничения республик. Осознав, что провести границу между Литовской и Белорусской республиками так, чтобы это удовлетворило обе стороны, будет крайне сложно и, быть может, даже невозможно, ЦК РКП(б) нашел выход в слиянии Литовской и Белорусской ССР[34].

Достаточно хорошо в современной историографии изучены события, связанные с возвратом восточнобелорусских территорий в 1924 и 1926 гг. Белорусские ученые в качестве приоритетных исследуют такие вопросы, как деятельность властей БССР по возвращению восточных земель, антибелорусскую политику руководства Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, законодательное оформление возврата белорусских земель в состав БССР и др. Новые архивные документы позволили исследователям более четко представить позицию губернского руководства по вопросу передачи восточных земель в состав БССР. Значительное внимание в публикациях последних лет уделено процессу приемки-передачи белорусских территорий, который раньше оставался за пределами научного интереса белорусских историков[35].

Последние годы в белорусской историографии появились также работы, посвященные попыткам властей БССР в конце 1920-х гг.

добиться третьего укрупнения территории республики за счет возврата оставшихся, по мнению белорусского руководства, в составе РСФСР восточнобелорусских территорий. Историки В. Сколабан и М. Старовойтов в одной из своих публикаций называют территории, на которые претендовало правительство БССР, анализируют доводы белорусской стороны[36].

С образованием независимой Республики Беларусь произошла кардинальная переоценка событий 1939–1940-х гг., связанных с установлением белорусско-польской и белорусско-литовской границ. Отечественные историки начали рассматривать процесс формирования белорусской государственной территории с точки зрения национальных интересов. Новый взгляд на присоединение Западной Беларуси к СССР, в частности, на международный аспект данной проблемы содержится в работах белорусского исследователя В. Снапковского[37]. Ценные сведения о том, как определялась линия размежевания на белорусском участке советско-польской границы, можно найти также в работах А. Великого, в отдельных статьях других белорусских историков[38]. В то же время за пределами научных интересов белорусских историков остались такие аспекты территориального вопроса, как работа согласительных комиссий и делимитация-демаркация границы.

Ознакомление с ранее закрытыми архивными материалами позволило определить реальные факторы, оказавшие влияние на становление белорусско-литовской границы. Большинство белорусских историков солидарны при определении внешнего фактора в качестве доминирующего: принимая решение относительно территориальной принадлежности сначала Вильно и Виленского края, а позже, осенью 1940 г., о корректировке белорусско-литовской границы в пользу ЛССР, руководство СССР стремилось одновременно решить ряд геополитических задач, а именно включить Литву в сферу своих интересов. Справедлива и позиция тех исследователей, которые рассматривают изменения в территориальном составе БССР в контексте советско-германских соглашений 1939 г., результатом чего стало разделение Европы на сферы влияния[39]. А. Титов, один из авторов первой в постсоветской белорусской историографии монографии, посвященной белорусскому территориальному вопросу, обосновал тезис о том, что белорусско-литовская граница в 1939–1940 гг. была установлена без учета белорусских национальных интересов[40].

Современные литовские историки также обращают внимание на несправедливый характер белорусско-литовской границы, которая была установлена в 1939–1940 гг. Подчеркивая тот факт, что передача Литве Вильно и Виленской области была частью плана будущей советизации Литвы, литовские ученые придерживаются точки зрения, что в 1940 г. не все литовские территории были переданы Литве из состава БССР[41]. Вместе с тем, следует отметить, что

на сегодняшний день отсутствуют убедительные документальные данные и научные исследования, согласно которым можно было бы с высокой степенью точности ответить на вопрос, как должна была пройти белорусско-литовская граница в 1940 г. Советское руководство, от которого зависело разрешение данной проблемы, не пожелало провести необходимое историко-культурное, этнографическое, социально-экономическое обследование территорий.

О том, что внешнеполитический фактор был определяющим, свидетельствуют архивные документы и мемуары исторических деятелей. Мемуары министра иностранных дел Литвы Ю. Урбшиса, воспоминания одного из видных деятелей БССР М. Иванова вместе со сборником документов «СССР и Литва в годы Второй мировой войны» позволяют проследить ход советско-литовских переговоров по территориальному вопросу в 1939–1940 гг., изучить позицию белорусского руководства по вопросу о государственной принадлежности Вильно и свидетельствуют об ограниченных возможностях властей БССР в отстаивании собственной позиции[42]. На наш взгляд, дополнительного изучения требуют следующие проблемы: установление белорусско-германского участка государственной границы СССР в 1939–1940 гг., разрешение вопроса о белорусско-литовском и белорусско-польском участках государственной границы СССР во время Второй мировой войны, а также в первые послевоенные годы, когда закладывались основы нового мирового устройства. Эти проблемы относятся к компетенции международной политики, в связи с чем они присутствуют в ряде публикаций документов, посвященных советско-германским и советско-польским отношениям в конце 1930–1940-х гг.[43]

1950–1980-е гг. оказались наименее насыщенными событиями в истории территориального строительства Белорусской ССР. Видимо, именно этим объясняется практически абсолютное отсутствие внимания историков к территориальному строительству БССР в данный период. Изменение белорусско-польского участка государственной границы СССР в 1950-е гг. и корректировка границы между БССР и РСФСР в первой половине 1960-х гг. действительно были незначительными – речь шла об изменении государственной принадлежности нескольких хуторов и деревень. Тем не менее решение вопроса о судьбе этих небольших населенных пунктов (а также пересмотр границ между другими советскими республиками, в частности между РСФСР и УССР) показало, что в 1950–1960-е гг. руководство СССР по-прежнему рассматривало границы между социалистическими республиками как условные политические образования, постепенно теряющие свою актуальность. Зато в 1970-е гг. руководство СССР уделяло пристальное внимание надлежащему с точки зрения международного права законодательному оформлению государственных границ Советского Союза. Изучение и анализ сформировавшейся в СССР законодательной базы по территори-

альной проблематике представляется нам крайне важным, поскольку в 1990-е гг., с распадом СССР, данные законодательные акты составили правовую основу при проведении территориального размежевания постсоветских республик[44].

Недостаточный интерес проявляют отечественные историки и к белорусскому территориальному вопросу накануне распада Советского Союза, во второй половине 1980-х гг. На данный момент научные исследования по данной проблеме отсутствуют, а ее обсуждение ограничивается публицистическими статьями[45].

Практически неизученными остаются проблемы, связанные с договорно-правовым обеспечением государственной границы современной Республики Беларусь, ее делимитацией и демаркацией. Исследование данных процессов осложняется их незавершенностью. Делимитация и демаркация государственной границы РБ с сопредельными государствами еще не завершены, в связи с чем материалы, их освещающие, закрыты для изучения. Ученым приходится довольствоваться сведениями о ходе обустройства границы, содержащимися в сводках информационных агентств или на сайтах государственных органов.

Помимо данных, опубликованных в научных и публицистических изданиях, в периодической печати и сборниках документов, автор, изучая процесс формирования государственной территории Беларуси в XX в., в значительной степени опирался на архивные материалы, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Источниковедческую базу диссертации составили материалы Национального архива Республики Беларусь (НА РБ), документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Литовского государственного архива (ЛГА). В частности, при работе над проблемой определения белорусской этнической территории в начале XX в. и в период существования Белорусской Народной Республики активно использовались документы фонда 325 (опись 1) НАРБ (архив государственных органов БНР). Большое количество документов, касающихся провозглашения Белорусской Советской Социалистической Республики, возврата восточнобелорусских территории в 1920-е гг., содержат фонды 4 и 60 НА РБ: фонд ЦК КП(б)Б, описи 1, 2, 3, 4, 21, и фонд 60, опись 3 (копии документов, собранных Институтом истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б). Знакомство с документами, которые хранятся в этих фондах, позволило восстановить процесс формирования территории БССР в 1918–1926 гг., определить его основные этапы и факторы, оказавшие наибольшее влияние на ход и результаты процесса. Протоколы заседаний ЦБ и ЦК КП(б), переписка между руководством БССР, губернскими властями и Политбюро ЦК РКП(б) дают возможность исследовать позицию центральных, республиканских и губернских органов власти по белорусскому территориальному воп-

росу, понять суть расхождений во взглядах и их причины. Важные для исследования сведения находятся также в материалах бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции – в настоящее время фонды НА РБ: фонд 6 (ЦИК БССР), фонд 15 (Полномочное представительство БССР при правительстве РСФСР), фонд 31 (Государственная плановая комиссия при Экономическом совещании БССР), фонд 34 (Народный комиссариат земледелия), фонд 701 (Комиссия по осуществлению национальной политики при ЦИК БССР). Документы данных фондов позволяют рассмотреть не только политическую сторону процесса территориального строительства БССР, но и его экономический аспект, тесную связь с социально-экономической ситуацией в стране.

Исследуя процесс формирования границ Белорусской ССР в годы Второй мировой войны и в послевоенные годы, автор широко использовал материалы как белорусских, так и зарубежных архивов. Впервые в данном исследовании вводятся в научный оборот архивные документы российских архивов: РГАСПИ (ф. 17, опись 162), ГАРФ (ф. 4459), практически закрытого для белорусских ученых Архива внешней политики (АВП РФ) (Фонд секретариата Молотова и фонд «референтура по Польше»), Литовского государственного архива (фонды 383 и 391). В Национальном архиве Республики Беларусь значительный интерес для данной работы представляли документы фонда 4, опись 21; фонда 4, опись 3; фонда 968, опись 1 и др. Важным источником по проблеме становления белорусско-литовского участка государственной границы СССР являются стенограммы особых заседаний бюро ЦК КП(б)Б, на которых рассматривался территориальный вопрос.

Таким образом, анализ существующей исторической литературы свидетельствует о наличии существенных пробелов в наших представлениях о том, как происходило формирование государственной территории Беларуси в XX в., какие факторы на каждом из этапов являлись определяющими. Несмотря на наличие большого числа публикаций, в той или иной степени затрагивающих территориальный вопрос, в белорусской историографии отсутствуют монографические исследования, освещающие в целом процесс формирования и трансформации границ Беларуси в XX в.

В отличие от многих существующих работ по теме в данной монографии процесс складывания государственных границ белорусского государства является главным и самостоятельным предметом исследования. Для изучения данной проблемы использованы многочисленные материалы отечественных и зарубежных архивов, систематизированы и обобщены уже имеющиеся в научной литературе сведения по территориальному вопросу. Тем не менее, автор считает необходимым отметить, что данная монография ни в коем случае не исчерпывает столь сложную тему, как формирование границ белорусского государства. Некоторые этапы территориального строитель-

ства исследованы в ней более обстоятельно. Что же касается других событий, например, связанных со становлением государственных границ Республики Беларусь, то, учитывая практически первый опыт осмысления этих процессов, параграфы, посвященные данным событиям, следует рассматривать, как первую попытку постановки проблемы, которая, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении. Мы надеемся, что книга будет способствовать привлечению более пристального внимания к территориальному вопросу и активизации исследований по данной теме. Глубокое и объективное изучение того, как происходило разрешение белорусского территориального вопроса в XX в., позволит не только по-новому посмотреть на уже известные события из истории государственного строительства Беларуси, но и использовать исторический опыт для выработки путей преодоления современных проблем, стоящих перед белорусским государством и обществом.

Примечания

1 Цитата по: Границы Российской Федерации / М.А. Мунтян и др. М.: РАУ. 1993. С. 3.

2 Беларусь: государство для человека: Нац. отчет о человеч. развитии / В. Шимов и др. Минск, 1997. С. 8; Беларусь: государство, управление, человек: Нац. отчет о человеч. развитии '98 / В. Шимов и др. Минск, 1998. С. 1; Пимошенко И. Особенности современного геополитического положения Республики Беларусь // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 4. С. 11.

3 Территория // Большая советская энциклопедия: в 65 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1926–1947. Т. 54. 1946. С. 178.

4 Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров и др. М.: Совет. энцикл., 1979. С. 1335.

5 Международное право: учебник / Б.М. Ашавский и др.; отв. ред.: Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 71.

6 Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі: вучэб.-метад. дапам. Мінск: Беларусь, 1996. С. 48.

7 Термин этноконтактная зона был введен в 1980-е гг. во время работы комиссии по этнографии Московского филиала Географического объединения СССР. В отличие от понятий «этническая граница», данный термин акцентировал внимание на процессе взаимодействия народов в зонах «стыка», их исторических взаимоотношений в ареалах наиболее активного межэтнического взаимодействия. См.: Манаков А.Г. Геокультурное пространство Северо-Запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр соц. проектирования «Возрождение», 2002. 298 с.

8 Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 195.

9 Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Петроград: Тип. Рос. акад. наук. 1917. 32 с.; Карский Е.Ф. Белорусы: в 3 т. Минск: Беларус. энцыкл., 2006–2007. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. 2006. 652 с.

[10] Варонка Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году: карот. агляд. Коўна: Друк. А. Бака і Х. Манкес, 1920. 29 с.; Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюц. руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага. Мінск: Выд. ЦВК БССР, 1924. С. 183–185.; Турук Ф. Белорусское движение. Очерк национального и революционного движения белорусов. М.: Гос. изд-во, 1921. 144 с.; Жылуновіч З. Эпізод з жыцця беларускай часопісі // Полымя. 1923. № 7/8. С. 111–117; Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX сталецця: лекцыі, чыт. студэнтам Беларус. дзярж. ун-та. Мінск: Дзярж. выд. Беларусі, 1925. 253 с.; Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі: Лекцыі, чытаныя на курсах лектараў беларусазнаўства. Мн.: Дзярж. выд Беларусі, 1921; Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев: Тип. «И.И. Чоколов», 1918. 16 с.; Луцкевіч А.І. За дванцаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых беларус. паліт. арг.: Беларус. рэвалюц. грамада, Беларус. сацыяліст. грамада. Мінск: Беларус. савец. энцыкл., 1991. 64 с.; Сидоревич А. Антон Луцкевич. Главы из книги // Неман. 1990. № 7. С. 91–167; Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 215–224; Гадлеўскі В. З беларускага палітычнага жыцця ў Менску ў 1917–1918 гг. // Спадчына. 1997. № 5. С. 18–39; З.Ж. (Жылуновіч З.) З'езд беларускіх нацыянальных арганізацый 25 сакавіка 1917 г. // Полымя. 1925. № 6. С. 202–206; Мядзёлка П. Сцежкамі жыцця. Успаміны. Мінск: Маст. літ., 1974. 230 с.; Лёсік І.І. Творы. Мінск: Маст. літ., 1994. 335 с. и др.

[11] Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917). Минск: Белорус. гос. изд-во, 1928. 346 с.; Каменская Н.В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мінск: Дзяржвыд БССР, 1946. 170 с.; Каменская Н.В. Вялікая Кастрычніцкая Сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1954. 184 с.; Саладкоў Ц.Я. Бальшавікі Беларусі ў перыяд Першай сусветнай вайны і другой рускай рэвалюцыі (1914 – сакавік 1917). Мінск: Дзяржвыд БССР, 1957. 172 с.; Игнатенко И.М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Мн.: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962; Липинский Л.П., Лукьянов Е.П. Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями (июль 1907 – февраль 1917 гг.). Минск: Наука и техника, 1964. 258 с.; Мартюхова М.А. На переломе революции: общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной Думы в России (август 1905 – июль 1906 г.) / М.А.Мартюхова. Мн.: Наука и техника, 1986.; Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.). 1972. 688 с.; Савицкий Э.М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.). Минск: Наука и техника, 1981. 182 с. Между тем в некоторых работах того времени можно встретить интересные данные и оригинальный подход к анализу белорусского национального движения. См., например: Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / АН БССР, Ин-т истории. Мн.: Наука и техника, 1986; Игнатенко И.М. Великий Октябрь в судьбах белорусского народа. Мн.: Беларусь, 1987; Александровіч С.Х. Кнігі і людзі. Даследаванні, архіўныя знаходкі, успаміны, эсэ: літ.-крыт. арт. Мінск: Маст. літ.,

1976. 208 с.; Скалабан В. В это суровое и важное время: Максим Богданович в Минске // Нёман. 1981. № 12. С. 148–152 и др.

[12] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 279.

[13] Каменская Н.В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мінск: Рэд. паліт. літ. Дзярж. выд. БССР, 1946. 170 с.; Каменская Н.В. Вялікая Кастрычніцкая Сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1954. 184 с.

[14] Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г.). Минск: Наука и техника, 1979. С. 142.

[15] Ігнатоўскі У. Вялікі Кастрычнік на Беларусі // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / Цэнтр. выкан. кам. БССР; Пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага і інш. Мінск, 1924. С. 195–214.

[16] Кнорын В. Да гісторыі дыктатуры пралетарыяту ў Беларусі // Полымя. 1929. № 1. С. 87–100.

[17] Бугаев Е.И. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. М.: Госполитиздат, 1959. 270 с.; Куличенко М.И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 годах. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1963. 447 с.

[18] Тернистый путь к свободе ... образование БССР // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: материалы и док. по истории обществ. движений и полит. партий Респ. Беларусь: в 3 ч. / Белорус. агентство науч.-техн. и деловой информ.; под ред. Э.М. Энтина. Гомель, 1993. Ч. 2. С. 126–159.

[19] Маргунский С.П. Создание и упрочение белорусской государственности. 1917–1922. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1958. 259 с.; Куличенко М.И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 годах. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1963. 447 с.; Ломако И.П. Образование Литовско-Белорусской ССР и борьба трудящихся за защиту Советской власти // Великий Октябрь в судьбах белорусского и литовского народов: материалы межресп. науч. конф., посвящ. 60-летию образования Литов.-Белорус. ССР / редкол.: Б. Вайткявичюс и др. Минск, 1981. С. 56–75;

[20] Вайткявичус Б.Ю. Борьба трудящихся Литвы за победу социалистической революции (1918–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М., 1958. 18 с.

[21] Ігнатоўскі У. Камуністычная партыя Беларусі і беларускае пытанне // Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюц. руху. С. 229–242.

[22] Сержпутовский А.К. Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году / Ін-т беларус. культуры. Менск, 1926. 16 с.; Расторгуев П.А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии / Ін-т беларус. культуры. Менск, 1926. 24 с.; Материалы по вопросу районирования Западной области Союза. Минск: Госплан БССР, 1926. Вып. 1: Гомельская губерния. 87 с.; Архангельский Б.Д. Южные уезды Псковской губернии и БССР. Минск, 1926. 28 с.; Бузук П. Да характарыстыкі паўночнабеларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяніскага паветаў / Ін-т беларус. культуры. Мінск, 1926. 15 с.

[23] Северин П.Я. Укрупнение БССР в 1924 г. // Ист. зап. 1954. № 46. С. 289–304.; Горбунов Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском

социалистическом государстве. М.: Госполитиздат, 1948. 232 с.; Каменская Н.В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мінск: Дзярж. выд БССР, 1946. 170 с.; Каменская Н.В. Вялікая Кастрычніцкая Сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР. Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1954. 184 с.; Якубовская С.И. Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922–1925 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 400 с.; Круталевич В.А. Административно-территориальное устройство БССР. Минск: Наука и техника, 1966. 133 с.; Союз Советских Социалистических Республик // Белорусская ССР: крат. энцикл.: в 5 т. / редкол.: П.У. Бровка и др. Минск, 1979–1982. Т. 1. 1979. С. 674–682.; Молочко А.Д., Барановский Е.И. Белорусская Советская Социалистическая Республика // Многонациональное Советское государство / редкол.: М.И. Куличенко и др. М. 1972. С. 154–167 и др.

24 Павлов Я.С. «Болевые точки» истории Беларуси: из науч. наследия. Минск: Арти-Фекс, 1997. С. 50–81; Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 г. // Вопр. истории. 1997. № 7. С. 18–24.; Назаўсёды разам: да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: зборнік / уклад. У.І. Навіцкі; пад агул. рэд. М.П. Касцюка, І.Я. Навуменкі. Мінск: Беларус. энцыкл., 1999. 252 с.; Новый взгляд на историю Литвы: сб. ст. / сост.: А. Эйдинтас, Г. Рудис. Каунас: Швиеса, 1991. 206 с. и др.

25 Жюгжда Р.Ю., Смирнов А.С. Литовская ССР: крат. ист.-экон. очерк. М.: Госполитиздат, 1957. 183 с.; Круталевич В.А. Административно-территориальное устройство БССР. Минск, 1966; История Литовской ССР (с древнейших времен до наших дней) / редкол.: Б. Вайткявичюс (отв. ред.) и др. Вильнюс: Мокслас, 1978. 676 с.

26 Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / АН БССР, Ин-т истории: Минск: Наука и техника, 1992. Игнатенко И.М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: Асаблівасці і вынікі / Беларус. навук.-дослед. цэнтр. дак., археагр. і арх. справы. – Мн.: БелНДІЦДААС, 1995. 270 с.; Игнатенко И.М. Революция в историческом процессе: Очерки / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Отд. науч. информ. по гуманитар. наукам. – Мн.: Междунар. фонд «Бел. кнігазбор», 1997. 199 с.; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск: БДУ, 1999. 128 с.; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск: БДУ, 2003. 308 с.; Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. Мінск: Тэхналогія, 2001. 200 с.; Мікніс Р. Літва і Беларусь: першыя дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / Нац. навук.-асвет. цэнтр; рэд.: У. Конан, А. Мальдзіс, Г. Цыхун. Мінск, 1997. Ч. 2: Беларусіка, 6. С. 249–256.; Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. 2-е выд., дапрац. СПб.: Неўс. прасцяг, 2004. 404 с.; Сідарэвіч А. З думаў аб незалежнасці // Полымя. 1991. № 4. С. 205–214; Щавлинский Н.Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.). Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2001. 136 с.; Сідарэвіч А. Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежніцтва (1916–1918). Агляд крыніцаў // ARCHE. 2006. № 1/2. С. 80–91; Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2006. 878 с.; Цу-

ба М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск. 1996. 128 л.; Щавлинский Н. Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 2000. 108 л. Кулевіч І.Р. Беларускі нацыянальны рух (1902–1925 гг.): гістарыяграфія праблемы: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09. Гродна, 2004. 133 л.

27 Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск: БДУ, 1999. 128 с.; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск: БДУ, 2003. 308 с.; Ігнаценка І.М. Нацыянальны рух // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк і інш.; гал. рэд. М.П. Касцюк. Мінск, 1995. Ч. 2. С. 51–65; Ігнаценка І. Абвяшчэнне БНР // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2000–2007. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч і інш. 2006. С. 96–105; Павлова Т.Я. К вопросу о границах БНР // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1999. № 1. С. 77–83; Мазец В. Грамадзянства і межы БНР // Białorus. Zeszyty Hist. 2001. № 15. С. 86–96; Лебедзева В. БНР – УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) // ARCHE. 2001. № 5. С. 394–404; Ціхаміраў А. «Віленскае пытанне» ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 3. С. 37–45; Волацiч М. Лінія Кэрзона на фоне падзеяў і тэрытарыяльных зьменаў у Усходняй Эўропе // Спадчына. 1993. № 6. С. 16–33; Тихомиров А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920 – начале 1921 г. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 2. С. 49–61 и др.

28 Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 113 с.; Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. Мінск: Беларусь, 1993. 71 с.; Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк і інш.; гал. рэд. М.П. Касцюк. Мінск: Беларусь, 1995. Ч. 2. 560 с.; Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск: Журн. «Право и экономика», 1999. 385 с.; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск: БДУ, 1999. 128 с.; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск: БДУ, 2003. 308 с.; Ігнаценка І.М. Самавызначэнне беларускага народа // Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. С. 65–76; Ігнаценка І., Хоміч С. Утварэнне БССР // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. С. 105–112 и др.

29 Ладысеў У.Ф. Пазіцыя кіраўніцтва Савецкай Расіі ў беларускім пытанні. Утварэнне ССРБ // Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П. Касцюк і інш.; рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. Мінск: Беларус. навука, 2008. С. 138–165.

30 Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск: Журн. «Право и экономика», 1999. 385 с.; Тернистый путь к свободе... Образование БССР // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 129.

31 Вайткявичюс В. Первая власть рабочих и крестьян в Литве. Вильнюс, 1988. С. 179; Новый взгляд на историю Литвы: сб. ст. / сост.: А. Эйдинтас,

Г. Рудис. Каунас: Швиеса, 1991. С. 30–41; Новый взгляд на историю Литвы. Каунас, 1991. С. 30–41.

32 Юхо Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў // Спадчына. 1991. № 6. С. 9.; Лойка Л., Лойка Т. Сучасны погляд на гісторыю Беларусі // Крыжовы шлях: дапам. для вывучаючых гісторыю Беларусі / Л. Лойка і інш. Мінск, 1993. С. 34; Талкачоў В. Цяжкі студзень 1919-га...: да пытання аб стварэнні Літоўска-Беларускай ССР // Беларус. думка. 1994. № 1. С. 69; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск: БДУ, 1999.

33 Малыхіна Л. Праблемы гістарыяграфіі Літоўска-Беларускай ССР // Bialorus. Zeszyty Hist. 2003. № 20. С. 119–151; Малыхіна Л. Прычыны абвяшчэння Літоўска-Беларускай ССР у лютым 1919 г. (гістарыяграфія праблемы) // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 1. С. 64–68.

34 СССР и Литва в годы Второй мировой войны: в 2 т. / Ин-т истории Литвы; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. Вильнюс, 2006. Т. 1: СССР и Литовская республика (март 1939 – август 1940 гг.): сб. док. / сост.: А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. С. 234.

35 Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 113 с.; Цітоў А.К. Пахабны мір // Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. С. 24–67; Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышынскі і інш. Мінск, 1995. Ч. 2. 560 с.; Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) Минск, 1999; Пичуков В.П., Старовойтов М.И. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века) / Гомел. гос. ун-т. Гомель, 1999. Вып. 1. 233 с.; Елізарава Г., Елізараў С. «Пашыраная Беларусь»: з гісторыі аб'яднання Ўсход. Беларусі ў 20-ыя гг. // Беларус. мінуўшчына. 1996. № 5. С. 7–10; Гесь А. Як адстойвалі ўсходнія землі: рух за нацыянальнае самавызначэнне Віцебскай губерні пад кіраўніцтвам У. Ігнатоўскага: 20-ыя гг. // Спадчына. 1995. № 6. С. 37–40; Тернистый путь к свободе ... // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 126–159; Ракашэвіч У. Пашырэнне тэрыторыі Беларусі: да пытання аб далучэнні Гомел. губерні да БССР // Палессе. 1996. № 1. С. 126–130; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) Мінск, 2003; Касцюк М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: Экаперспектыва, 2000. 307 с.; Хоміч С.М. Асноўныя этапы фармавання тэрыторыі БССР (1918–1926) // Беларус. гіст. агляд. 2000. Т. 7, сш. 2. С. 351–363; Хоміч С.М. Праблема вызначэння беларускай этнічнай тэрыторыі ў працэсе ўсталявання граніц БССР у 1920-я гады // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. 2000. № 4. С. 91–93; Хоміч С.М. Да пытання аб вяртанні ў склад БССР яе ўсходніх тэрыторый (пазіцыя губернскіх улад) // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. 2000. № 3. С. 85–87; Хоміч С.М. Далучэнне Гомельскага і Рэчыцкага паветаў да БССР у 1926 г. // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 1999. № 4. С. 28–31 и др.

36 Скалабан В.В., Старовойтов М.И. Укрупнение БССР: попытка 1928 года // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы міжнар. навук. канф., 28–29 верас. 2006 г. / Гомел. дзярж. ун-т; рэдкал.: Р.Р. Лазько (гал. рэд.), В.А. Міхедзька, М.М. Мязга. Гомель, 2007. С. 185.

37 Снапкоўскі У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944–1953 гг. Мінск: Беларус. навука. 1997. 207 с.; Снапкоўскі У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: у 2 ч. Мінск: БДУ, 2004. Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. 302 с.; Снапкоўскі У.Е. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы ў 1943–1945 гг. // Беларус. гіст. часоп. 1994. № 3. С. 9–14.

38 Вялікі А.Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.). Мінск: БДПУ, 2005. 319 с.; Бодак А.Ю. Об изменениях западной границы Беларуси в 1944–1955 гг. // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац / Брэсц. дзярж. ун-т; пад рэд. В.Ф. Кушнера, П.А. Лойкі. Брэст, 1997. Вып. 1. С. 66–72; Ракашевич В.К. Послевоенная демаркация советско-польской границы и «великое» переселение белорусского и польского населения // Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941–ліпень 1944 гг.): тэз. IV навук. канф. беларус. і пол. гісторыкаў, г. Гродна, 6–7 кастр. 1994 г. / Беларус. н.-д. цэнтр дакументазнаўства, археаграфіі і арх. справы і інш. Гродна, 1994. С. 109–117.

39 Ширяев Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991; Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. Мінск., 1993; Нарысы гісторыі Беларусі Ч. 2. Мінск, 1995; Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003.

40 Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. Мінск, 1993.

41 Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. 387 с.; Eidintas A., Zalys V., Sehn A.E. Lithuania in European politics. The years of the first republic, 1918–1940. Vilnius: Vaga, 1998. 248 p.; Genzelis B. The restitution of Lithuania's statehood. Vilnius: Lithuanian National Museum, 2007. 110 p.

42 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. С. 234.; Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний. 1939–1940. Вильнюс: Минтис, 1989. 123 с.; Полпреды сообщают ...: сб. док. об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, авг. 1939 – авг. 1940 гг. М.: Междунар. отношения, 1990. 540 с.; Іваноў М. Праблема прыналежнасці Вільні і беларускае нацыянальнае пытанне ў 1939 г. // Беларус. гіст. часоп. 1994. № 1. С. 32–38.

43 Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95; История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост.: И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. Минск: Амалфея, 2000. 672 с.; СССР – Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях. 1939–1941: в 2 т. / сост. Ю. Фельштинский. Вильнюс: Мокслас, 1989. Т. 1. 127 с.; Документы внешней политики. М.: Междунар. отношения, 1992. Т. 22, кн. 2: 1 сентября – 31 декабря 1939 г. / редкол.: В.Г. Комплектов и др. 688 с.; Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дак. і матэрыялаў / аўт.-склад. У.Ф. Ладысеў. Мінск: БДУ, 2004. 197 с. и др.

44 Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1975. № 33. С. 521–523; О Государственной границе СССР: Закон СССР, 24 нояб. 1982 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1982. № 48. Ст. 891.

45 Как белорусские депутаты ездили Смоленск забирать // Комсом. правда. 2006. 12 окт.; Козловський М. Ще раз спитаймо себе: хто ж ми такі насправді? // Голос Берестейщини. 1994. Січень (№ 1); Не надо навязывать насильно / К. Сирисько и др. // Маяк коммунизма. 1990. 10 июля.

Глава 1

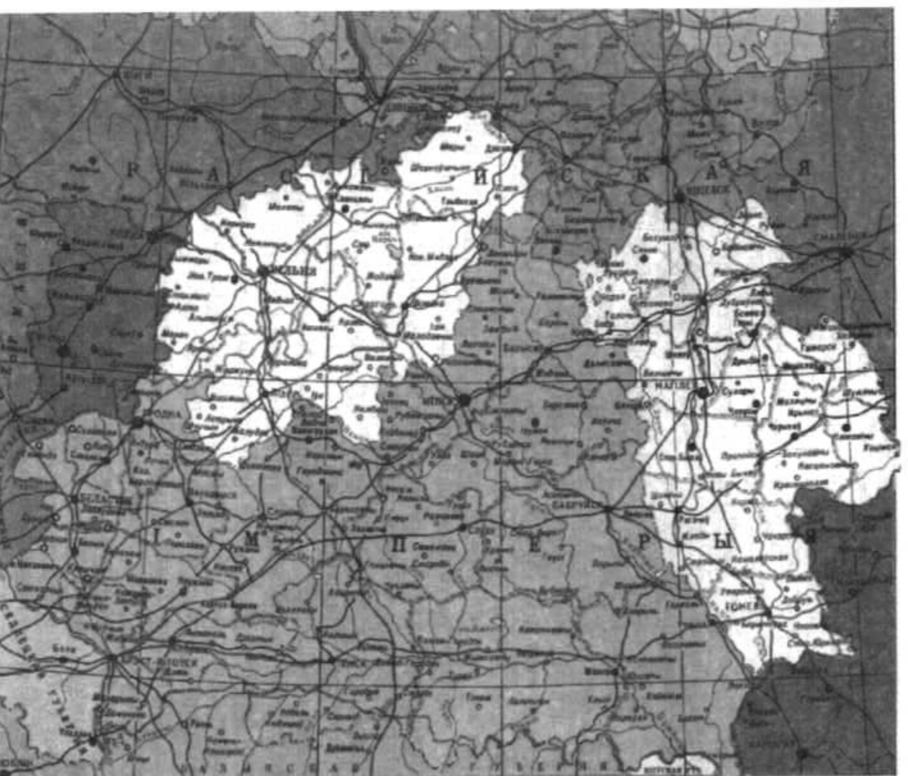
Идея белорусской государственности в начале XX в. и проблема определения государственной территории

1.1. Белорусский территориальный вопрос в начале XX века (1900–1914 гг.)

Государственная территория как исторически сформировавшееся политическое, экономическое, культурное пространство находится в тесной связи с такими категориями, как государство и нация. Поэтому вполне закономерно, что белорусский территориальный вопрос впервые был сформулирован национальными деятелями на рубеже XIX–XX вв. Потребность в установлении точных границ Беларуси стала свидетельством того, что развитие белорусского этноса достигло определенного этапа, когда процесс национального строительства завершает стадию созревания и накапливания сил и приобретает конкретные организационные формы.

В начале XX в. перед белорусским национальным движением в области территориального строительства будущего белорусского государства стояли две важные задачи: определение белорусской этнической территории и установление границ Беларуси как государственного образования. Обе эти категории – территория этническая и государственная, – как отмечалось выше, имеют между собой много общего, поэтому часто их отождествляют. Тем не менее между ними существуют значительные принципиальные различия. В то время как территория компактного проживания того или иного этноса является категорией этнографической, научной, государственная территория – категория политическая. Крайне редко случается, что они совпадают. Безусловно, научные данные о территории компактного проживания этноса имеют большое значение при установлении границ национального государства. Этнографические сведения – это основа, на которую опираются территориальные претензии, выдвигаемые национальными политическими лидерами. Однако будут ли подобные претензии восприняты соседними государствами, сумеет ли нация путем переговоров, военных действий либо любыми иными способами отстоять желаемые границы, зависит от множества факторов.

Ставя задачу определения государственных границ того или иного этноса, ее политическая элита одновременно выступает заказчи-



Административно-территориальное деление Беларуси и приграничных земель в конце XIX – начале XX вв.

ком и вдохновителем научных исследований этнической территории. Как отмечалось выше, эти данные необходимы для того, чтобы иметь теоретические основания для отстаивания собственного видения государственных границ. Однако процесс становления белорусской государственности являет собой исключение из данного правила. В связи с тем, что белорусское национальное движение существенно отставало от соседей, а национальная интеллигенция отличалась малочисленностью, изучение белорусской этнической территории долгое время велось российскими либо зарубежными учеными. И именно исследованиями этих ученых белорусская политическая элита была вынуждена пользоваться для выработки собственного видения границ Беларуси как государственного образования. К сожалению, во многих случаях имевшиеся и издававшиеся в начале XX в. исследования отличались большим количеством неточностей, их написанию редко предшествовало глубокое изучение этнической ситуации на местности, часто работы отражали субъективную точку зрения автора на проблему существования белорусского этноса.

Одним из главных элементов установления национальной идентичности является язык. Поэтому не случайно, что именно языковой критерий был взят за основу многими учеными при определении этнических границ расселения белорусов. Первым предпринял попытку сделать это еще в середине XIX в. чешский славист, историк и этнограф П. Шафарик. Используя материалы предшествующих исследователей, а также собственные данные, он составил в 1842 г. карту расселения славянских народов. По его мнению, территория компактного проживания белорусов включала: Минскую и Могилевскую губернии целиком, большую часть Витебской, Гродненской и частично Виленскую губернии. На севере белорусская этническая территория доходила до Люцина, включая Невельский, Велижский и Себежский уезды Витебской губернии, на западе – за Белосток, до Бельска. Из-за недостатка сведений границы расселения белорусского этноса на востоке, юге и северо-западе были определены не точно – П. Шафарик провел их по ранее существовавшим границам Великого Княжества Литовского[1].

Спустя двадцать лет, в 1863 г., Р. Эркертом был издан первый этнографический атлас, содержавший сведения об этническом составе и размещении населения Беларуси. Белорусскую этническую территорию он очерчивал от Белостока на западе до Велижа на востоке. С Россией этническая граница проходила на севере от Великих Лук немного на юг от Апочки, а с Украиной – по линии Пружаны – Береза – Иваново и далее по современной белорусско-украинской границе. Статистические данные, которые использовал Р. Эркерт, были неполными и не всегда точными, а потому карты первого этнографического атласа Беларуси не всегда отражали реальную этнографическую ситуацию. Кроме того, руководствуясь

Границы расселения белорусов

конфессиональным критерием, автор карт посчитал многих белорусов-католиков поляками, и, наоборот, часть православных белорусов была причислена к русским[2].

Подобный принцип был сохранен и в атласе Ф. Ритиха – «Атласе народонаселения Западно-Русского края по вероисповеданию», увидевшем свет в 1964 г. В более поздней своей работе «Славянский мир» Ф. Ритих, правда, изменил подход к характеристике славян, диференцируя их также по этнографическим и лингвистическим приметам. Описывая этническую территорию белорусов, помимо Минской, Могилевской и Гродненской губерний он включал в нее Белосточчину, Виленщину, южную часть Латгалии (с городом Двинском) и большую часть Смоленщины. Вместе с тем район на юг от Нарева и Ясельды на картах Ф. Ритиха был показан как территория с преобладающим украинским населением[3].

В конце XIX – начале XX в. было проведено большое количество этнолингвистических, краеведческих, географических исследований, содержавших богатый материал, необходимый для более точного определения белорусской этнической территории. Большое значение имели сведения, собранные во время переписи 1897 г. Со-

Карский Евфимий (Ефим) Фёдорович (20 декабря 1860 (1 января 1861), с. Лаша Гродненского уезда Гродненской губернии – 29 апреля 1931, Ленинград) – выдающийся белорусский филолог-славист, палеограф и этнограф, академик. Исследователь языка, литературы и культуры белорусского народа, древнерусской палеографии и памятников древнерусской письменности. Придерживался взглядов, близких к идеологии «западнорусизма»

гласно ей, на конец XIX в. белорусская этническая территория включала: Минскую и Могилевскую губернии целиком; в Виленской губернии – Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский и южную половину Свентянского уезда; в Витебской губернии – Велижский, Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Невельский и Полоцкий уезды; в Гродненской губернии – Гродненский, Брестский, Волковысский, Кобринский, Пружанский, Сокольский и Слонимский уезды; Красненский уезд Смоленской губернии и Суражский уезд Черниговский губернии[4].

Следует отметить, что как только были опубликованы результаты переписи 1897 г., исследователи, занимавшиеся изучением белорусского этноса, начали обращать внимание на его существенные ошибки и неточности. Недостатки переписи были вызваны как политическими установками и взглядами организаторов, так и низким уровнем национального сознания белорусов (особенно в приграничных районах), их этнонимизацией (использованием в качестве самоназвания этноконфессионима: «православный» – «руский»).

Известные ученые Е. Карский, М. Довнар-Запольский и члены Московской диалектологической комиссии (М. Дурново, М. Соколов, Д. Ушаков), взявшие за основу исследования этнолингвистические реалии, считали, что белорусы компактно проживали в западных уездах Смоленской губернии: Смоленском, Дорогобужском, Духовщинском, Ельнинском, Красненском, Поречском, Рославльском и частично Бельском, Вяземском и Юхновском. Считалось, что белорусы преобладают в Красненском и Рославльском уездах[5]. Несмотря на то, что перепись 1897 г. не показала их значительного количества в Черниговской губернии, Е. Карский также считал се-

верную часть губернии белорусской (Новозыбковский, Стародубский и Мглинский уезды). Вместе с тем Е. Карский отмечал низкий уровень национального сознания населения и сильные русификационные процессы в данных уездах[6].

Таким образом, в начале XX в. имелось достаточно большое количество исследований относительно белорусской этнической территории, которые могли быть использованы лидерами белорусского национального движения для постановки вопроса о политических границах Беларуси. Однако до середины 1910-х гг. задача определения границ Беларуси носила в основном отвлеченно-научный характер. Общественно-политическая ситуация в Российской империи, национальная политика царизма делали невозможным постановку вопроса о белорусской государственности и ее территории в политической плоскости. Белорусские земли, или Северо-Западный край (официальное название, применявшееся в отношении белорусских земель в Российской империи), не представляли собой отдельной территориальной единицы, обладавшей особым административно-правовым статусом. Белорусская этническая территория входила в состав нескольких губерний – Минской, Витебской, Могилевской, Гродненской, а также Виленской, Ковенской, Черниговской и Сувалкской. Нахождение белорусских земель в составе разных губерний, отсутствие между ними тесных экономических, политических, культурных связей существенно тормозило процесс развития белорусской нации, мешало консолидации белорусского движения.

Первые попытки поставить на публичное обсуждение проблему территории Беларуси и ее границ с соседними народами были сделаны в самом начале XX в., чему в немалой степени способствовала общая интеллектуальная атмосфера в Европе. В XIX в. Западная Европа испытала бурное развитие национализма, что вначале нашло отражение в активной деятельности массовых общественно-политических революционных движений (например, «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Польша» и др.), а затем выразилось в масштабных революционных событиях 1848–1949 гг., получивших название «весна народов». Широкую популярность в это время приобрели идеи немецких философов-идеалистов, и в частности, Г. Гегеля. Как известно, немецкий философ главенствующее место в истории отводил государству, а все нации, в зависимости от того, смогли ли они сформировать свое собственное государство, делил на две категории: исторические и не исторические. Именно концепция Г. Гегеля о развитии наций, кульминацией которого является государственность, определяла в XIX – начале XX вв. мировоззрение и программные установки политических деятелей национальных окраин Российской империи. Главную цель они видели в том, чтобы народ реализовал свое историческое предназначение в форме национальной государственности[7].

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (14 июня 1867, город Речица, Минская губерния – 30 сентября 1934, Москва, РСФСР) – белорусский историк, этнограф, фольклорист, экономист, основоположник белорусской национальной историографии. Доктор исторических наук, профессор. Подвергался репрессиям в завуалированной форме: блокировались посты и должности, фундаментальный труд «История Белоруссии», написанный в 1925, был осуждён как идейно-вредный

Поражение России в войне с Японией, последовавший за ним глубокий политический кризис и, наконец, революция 1905–1907 гг. активизировали общественно-политическую и культурную деятельность национальных партий и организаций России. Вслед за польскими партиями, никогда не снимавшими с повестки дня вопрос о политической автономии Польши, о своих правах на свободное национальное развитие поспешили заявить национальные деятели других окраин Российской империи, и в частности, литовцы. Зимой 1904 г. они активно обсуждали этот вопрос с представителями российской либерально-демократической интеллигенции, результатом чего стало решение вынести проблему на более широкое обсуждение. С этой целью в апреле – мае 1905 г. в Вильно были проведены два съезда национальных представителей Литвы, в работе которых помимо литовцев принимали участие представители других национальностей края – поляки, белорусы, евреи.

Уже первый съезд обнаружил серьезные расхождения во взглядах на будущее государственно-территориальное устройство Литвы, выявив среди присутствующих две концепции государственности: Литвы исторической и Литвы этнографической. Участники съездов от белорусских, польских и еврейских организаций, следуя исторически сложившейся традиции, термин Литва понимали широко – как весь Северо-Западный край, который, по их мнению, должен был существовать как одно государственное образование, за всеми народностями которого закреплялось право на свободное развитие национальной культуры и языка. По сути, речь шла о возрождении Великого княжества Литовского.

Представители литовских национальных партий на термин «Литва» смотрели более прагматично, понимая под ним исключительно те земли, на которых проживало литовское население. При этом во многих случаях, когда население было смешанным либо четкое определение национального состава осложнялось незавершенностью процессов национальной консолидации, эти территории считались литовскими. Так, граница с Беларусью, по мнению идеологов литовского национального движения, совпадала с границей Виленского и Дисненского уездов. Кроме этого, литовцы претендовали на часть Гродненской губернии, начиная от ее среднего запада, и Новогрудский уезд Минской губернии[8]. Такая позиция литовских делегатов была довольно популярна в среде литовских национальных организаций. Крупнейшие литовские политические партии – Литовская демократическая партия и Литовская социал-демократическая партия – считали своими программными целями восстановление литовского государства на территории, населенной исключительно литовцами, без всяческих претензий на остальные земли ВКЛ[9].

Два проведенных в Вильно съезда национальных представителей Литвы не принесли каких-либо ощутимых практических результатов. Это был лишь обмен мнениями – хоть и первый такого уровня и масштаба. Однако даже первая широкая дискуссия между представителями различных наций выявила принципиальные расхождения в понимании термина «Литва» и во взглядах на будущее государственное устройство края. В то время как лидеры белорусского, польского, еврейского движений рассматривали край как некую цельную административно-политическую единицу, литовские деятели с самого начала заявили, что их цель – создание унитарного Литовского государства, в котором литовский этнос являлся бы основным и доминирующим. Такая позиция, в принципе, вполне объяснима. Выступая за возрождение Великого княжества Литовского, литовцы рисковали оказаться в нем в роли национального меньшинства. И если угроза со стороны белорусского движения, пребывавшего пока еще в пассивном, дремлющем состоянии, на первых порах не очень беспокоила литовских лидеров, то мощный польский фактор заставлял серьезно задуматься о том, какой этнос в планируемом государственном образовании станет доминирующим. Поэтому к белорусским и польским союзникам в борьбе за национальное освобождение литовские политики изначально относились с недоверием. С другой стороны, литовское движение уже в начале XX в. отличалось достаточным размахом, чтобы действовать без особой оглядки на соседей и рассчитывать на собственные силы.

Литовские общественные деятели уже в конце XIX в. активно обсуждали возможность национальной независимости: форму государственности, территорию, систему управления Литвы. При-

чем большую роль в данных дискуссиях играла литовская эмиграция, в основном американская. Самые острые вопросы поднимались на страницах таких газет как «Литовское единство», издававшейся в Плимуте, Пенсильвании и Нью-Йорке (1886–1920 гг.), и «Литва», выходившей в Чикаго (1892–1920 гг.). Литовские публицисты и писатели стремились поднять литовскую тему в западноевропейской прессе, публикуя информационные материалы и организовывая лекции в Париже и Лондоне. В 1896 г. известный литовский деятель, в будущем президент Литвы, Казис Гриниус, так формулировал цели литовского национального движения: «В твердой уверенности, что когда-нибудь Литва будет сама управлять собой, а иностранная власть будет свергнута, мы должны приложить все возможные усилия, чтобы Литва получила столько прав от российского правительства, сколько возможно»[10].

Идеи национального самоопределения были распространены не только среди интеллигенции, но и среди широких слоев литовского населения, что подтвердил съезд литовцев, состоявшийся в Вильно 21–23 ноября 1905 г. В его работе приняли участие более двух тысяч уполномоченных от крестьян волостей и гмин Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний. Вместе с социально-экономическими обсуждалась и проблема политического статуса Литвы. Делегаты съезда постановили «требовать автономии Литвы с сеймом в Вильно на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, национальности и вероисповедания». Что касается территориального состава, то участники съезда признали, что «автономная Литвы должна состоять из современной этнографической Литвы как ядра и тех окраин, которые по экономической, культурной, национальной и др. причинам тяготеют к этому ядру и сами пожелают присоединиться к нему»[11].

Претензии литовских национальных организаций на белорусские земли Виленщины и Гродненщины становились существенным препятствием к налаживанию сотрудничества между белорусским и литовским национальными движениями. Даже Белорусская социалистическая громада и литовские социал-демократы, чьи социально-экономические и политические программы практически совпадали, не смогли объединить свои силы по причине расхождений по территориальному вопросу. Белорусское движение интересовало литовцев постольку, поскольку оно было готово санкционировать включение земель, населенных белорусами, в состав будущего литовского государства. С остальной Беларусью они, по выражению известного белорусского национального деятеля А. Луцкевича, «никакого дела иметь не хотели»[12]. От сотрудничества с белорусскими, польскими, еврейскими организациями литовцы, безусловно, не отказывались, но при этом предпочитали сохранять определенную

дистанцию. В чьей помощи они действительно были заинтересованы и на чью поддержку серьезно рассчитывали, так это со стороны государств Западной Европы.

Белорусы проводить такую же политику, к сожалению, не могли. Развитие белорусского национального движения, безусловно, отставало от соседей. В начале XX в. оно проходило лишь стадию становления. Влияние единственной на то время белорусской политической партии было ограниченным. Представители белорусских народных кружков только в конце 1902 – начале 1903 гг. смогли организовать первую белорусскую политическую партию – Белорусскую революционную громаду (БРГ). Инициаторы ее – братья Антон и Иван Луцкевичи, В. Ластовский, В. Ивановский, Э. Пашкевич (Тетка), К. Кастровицкий (К. Каганец), А. Бурбис и др. задумывали БРГ как социально-политическую организацию трудового народа. Программа Белорусской революционной громады, переименованной позже в Белорусскую социалистическую громаду (БСГ), декларировала необходимость ликвидации самодержавия и утверждение в Беларуси социализма, требовала уничтожения национального гнета и признания прав всех народов на самоопределение. При этом лидеры БСГ выступали за максимальную национальную независимость и автономию не только для Беларуси, но для всего Западного края с сеймом в Вильно, в который должны были входить представители всех народностей[13].

Данная идея активно пропагандировалась в среде белорусского крестьянства, в котором белорусские деятели видели свою основную опору. «Требуем, – заявляла БСГ в листовке «Царская дума», – чтобы каждый народ имел собственный сейм в своем крае... Да здравствует народное представительство и Конституционный сход в Вильно»[14]. I крестьянский съезд, созванный в марте 1905 г. в Минске по инициативе БСГ, также высказался за территориальную автономию Беларуси с сеймом в Вильно[15].

В программных требованиях белорусских национальных сил прослеживалось сильное влияние «краевой» идеологии, сторонниками которой являлись многие участники белорусского движения. Белорусские организации уже в силу своей малочисленности остро нуждались в союзниках. И краевая идеология позволяла обрести таких союзников. Стремясь примирить белорусскую, польскую, литовскую, еврейскую общественность края, краевая идеология делала ставку не на этнический, а на региональный компонент – а именно на общность исторического пути белорусов, литовцев, евреев и поляков Северо-Западного края[16]. Население края краевцы воспринимали как нечто единое и нераздельное, которому чуждо деление на отдельные этносы.

Не последнюю роль в распространенности подобных взглядов среди деятелей белорусского движения сыграла их вовлеченность в масонское движение. Среди основателей ложи «Единство», возник-

шей в Вильно в 1910 г., а затем среди выделившейся из нее ложи «Литва» было немало белорусов: братья А. и И. Луцкевичи, В. Ластовский, И. Красковский. Члены масонских лож, действовавших на территории Беларуси и Литвы в начале XX в., как отмечал в своем дневнике лидер масонства М. Ромер, стремились к созданию «единого общественного здания, а не ряда этнических домиков». Северо-Западный край они рассматривали как конфедерацию всех этнических общностей, каждой из которых гарантировалось свободное национально-культурное развитие.

Однако даже при содействии массонов белорусские, польские и литовские политические организации до начала Первой мировой войны так и не смогли выработать единую точку зрения и программу действий по вопросу политической автономии края. Все попытки в этом направлении заканчивались безуспешно. Одна из последних была сделана зимой 1913–1914 гг. С декабря 1913 по февраль 1914 г. в Вильно проходили собрания демократических деятелей народов Литвы, в которых участвовали и белорусы. Как и в 1905 г., на этих встречах столкнулись две концепции государственности Литвы. Причем на этот раз белорусы заняли более активную и самостоятельную позицию, протестуя против планов литовцев раздробить Беларусь, включив в состав будущего литовского образования практически всю католическую Беларусь[17]. Но, как и в предыдущие годы, они не нашли поддержки у литовцев. Позиции различных национальных движений относительно будущего государственного устройства края все больше расходились, и события Первой мировой войны ускорили этот процесс.

Примечания

1 Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). С. 44.

2 Вероисповедальный признак был положен в основу определения этнических рубежей между восточнославянским и польским населением и П. Шафариком. Данные о языке и этнографических особенностях в данном случае имели для него второстепенное значение. См.: Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М.: Ин-т славяноведения и балканистики Рос. акад. наук. 1995. С. 4.

3 Цітоў В. Этнічная тэрыторыя // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6, кн. 2. 2003. С. 271–272; Цітоў В.С. Этнаграфічная спадчына. С. 48–51.

4 Біч М.В. Фарміраванне беларускай нацыі // Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. С. 329–333.

5 Численность и расселение белорусов в Республике Беларусь: общие сведения // Белорусы / Рос. акад. наук, НАН Беларуси; отв. ред.: В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. М., 1998. Гл. 1. С. 41.

6 Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 1. С. 40–41.

7 Eidintas A., Zalys Y. Lithuania in European politics. P. 3.

8 Мікніс Р. Літва і Беларусь: перыпетыі дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 2: Беларусіка, 6. С. 250–251.
9 Genzelis B. The restitution of Lithuania's statehood. P. 63–64.
10 Eidintas A., Zalys Y. Lithuania in European politics. The years of the first republic, 1918–1940. P. 17.
11 НАРБ. Ф. 60, оп. 3, д. 66, л. 10–11. Genzelis B. The restitution of Lithuania's statehood. P. 66–67.
12 Луцкевіч А. За дванцаць пяць гадоў (1903–1928): Успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацыяў. Беларуская рэвалюцыйная грамада. Беларуская сацыялістычная грамада. С. 35–36.
13 Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: Материалы и док. по истории обществ. движений и полит. партий Респ. Беларусь. Ч. 2. С. 8.
14 Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. С. 417.
15 Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. С. 19.
16 Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. С. 212–213.
17 Мікніс Р. Літва і Беларусь: Перыпетыі дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. Ч. 2. Беларусіка 6. С. 252.

1.2. Белорусское национальное движение и территориальная проблема в условиях Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны деятельность национальных партий и организаций Северо-Западного края претерпела существенные изменения. Уже 18 июля 1914 г. в западных губерниях Российской империи было введено военное положение, что означало запрещение собраний и манифестаций, введение военной цензуры в печати, начало деятельности военно-полевых судов. В крае существенно увеличилось количество полиции и жандармерии, расширилась сеть тайной агентуры. Все это создавало новые ограничения и препятствия для белорусских национальных организаций в их деятельности по развитию белорусского национального движения.

Важной задачей, которая встала перед белорусскими организациями с началом Первой мировой войны, было выявление своего отношения к войне, выработка тактики и стратегии деятельности в новых условиях. Анализ материалов свидетельствует, что по отношению к войне в белорусском национальном движении преобладали пацифистские настроения. Газета «Наша ніва», вокруг которой в первый год войны группировались многие известные белорусские деятели, избегая публикации официально-патриотических материалов, акцентировали внимание читателей на неисчислимых страданиях и потерях, которые несла народам война[1]. Одновременно национальных лидеров сильно беспокоило то, какое влияние результаты войны окажут на Беларусь. Распространены в белорусском на-

циональном движении были надежды на то, что война приведет к изменению политического режима в России, откроет новые возможности для реализации идеи политической самостоятельности белорусского края, активизирует процесс национальной самоидентификации белорусского народа. Газета «Наша ніва» в статье за 5 декабря 1914 г. высказывала надежду, что «страшная война, о которой еще внуки наши будут вспоминать, все-таки пробудит ото сна большую громаду сельских людей»[2]. Подводя итог первому году войны, А. Луцкевич в своей статье «Год войны» призывал сторонников белорусской идеи «думать не столько о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем – о том, что будет на второй день после примирения. А ради этого надо, несмотря на новые несчастья и удары, которые, может, сулит будущее, быть твердыми и не потерять спокойствия духа»[3].

Политическая ситуация, в которой приходилось действовать белорусским политическим силам, создавала значительные препятствия для белоруского национального движения. Массовые мобилизации наиболее активной части белорусского населения в армию ограничивали социальную базу национального движения. Нехватка средств и жесткое отношение цензуры приводили к закрытию белорусских печатных органов. Осенью 1914 г. прекратил выход рассчитанный на белорусскую молодежь журнал «Лучына». В январе 1915 г. закрылся агрономической направленности журнал «Саха». 30 июля 1915 г. вышел последний номер газеты «Белорус», ориентированной на католическую часть белорусской интеллигенции и занимавшей лояльную по отношению к властям позицию. Наконец, в августе 1915 г. в связи с мобилизацией главного редактора Я. Купалы и большей части сотрудников редакции закрылось издательство «Нашай нівы». Такая же незавидная судьба постигла и другие белорусские издательства. Еще в 1914 г. приостановило деятельность известное Петербургское издательское общество «Загляне сонца і ў наша аконца». В самом начале войны был мобилизован в армию и владелец частного товарищества «А. Гриневич» Антон Гриневич, успевший в довоенное время выдать 10 книжек на белорусском языке общим тиражом 28 тысяч 200 экземпляров[4].

Приспосабливаясь к военным условиям, белорусские лидеры искали новые организационные формы для проведения общественно-политической деятельности. Важным событием для белорусского национального движения в годы войны стало согласие российских властей на создание вслед за литовским и польским Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны (БТППВ).

Белорусское товарищество помощи пострадавшим от войны было создано в марте 1915 г. Правление размещалось в Вильно. Председателем правления был назначен В. Ивановский, заместителями – А. Луцкевич и В. Ластовский. Как следует из Статута БТППВ, деятельность товарищества распространялась на все белорусские губернии: Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Минскую и Могилевс-

кую. Своей главной целью организация ставила помощь пострадавшим от войны самыми разными средствами: через организацию пунктов питания, мест временного проживания и столовых для беженцев; предоставление теплой одежды и топлива; организацию медицинской помощи больным; выдачу денежной помощи; наконец, через поддержку отдельных хозяйств[5].

Белорусское товарищество было благотворительной организацией, финансирование которой производилось за счет пожертвований частных лиц или государственных субсидий, причем последний источник традиционно имел определяющее значение. Однако, несмотря на социальную значимость задач, которые ставило перед собой БТППВ, отношение к нему российских государственных органов было сдержанным и даже подозрительным. Организация постоянно испытывала недостаток средств, что, безусловно, сказывалось на ее работе. Попытка товарищества по примеру других благотворительных организаций получить субсидии от Татьянинского комитета и Главного комитета Всероссийского союза городов успеха не принесла. За более полугода своего существования – с марта по сентябрь 1915 г. – по свидетельству заместителя председателя товарищества А. Луцкевича, БТППВ получило от государственных органов всего 360 руб.[6]

Тем не менее, создание БТППВ имело большое значение для сохранения белорусского национального движения в условиях Первой мировой войны. Достаточно сказать, что Белорусское товарищество было единственной официальной белорусской организацией, которую разрешили и признавали власти. Используя свой статус, БТППВ развернуло активную деятельность и за короткое время достигло значительных успехов. Большое внимание придавалось созданию сети представительств товарищества на всей территории

Иван и Антон Луцкевичи, А. Власов (справа), 1910 г. Братья Луцкевичи были видными деятелями виленского масонства, основателями ложи «Лучнасць» («Единство») и издателями газеты «Наша Ніва». Представители Виленской Белорусской Рады, выдающиеся деятели белорусского возрождения
Луцкевич Иван Иванович (28 мая (9 июня) 1881, Шавли, Ковенская губерния, Российская империя – 20 августа 1919, Закопане, Польша) – известный белорусский деятель, археолог.
Луцкевич Антон Иванович (17 (29) января 1884, Шяуляй, Ковенская губерния, Российская империя – 23 марта 1942, Саратовская область (?)) – белорусский политик, общественный деятель, историк, публицист и литературовед, один из основателей белорусского национального движения в XX в.

Беларуси. На протяжении лета 1915 г. были открыты отделы БТППВ в Минске, Дисне, Вилейке, Прозороках, Друскениках, д. Гожа Гродненской губернии, Полоцке, каждый из которых имел право вести работу независимо от товарищества в Вильно[7]. Официальный статус БТППВ открывал перед его членами новые возможности для работы по развитию белорусского движения. Кроме выполнения своих непосредственных задач руководство товарищества придавало значительное внимание концентрации и координации белорусских сил. Известно, например, что Белорусское товарищество помощи пострадавшим от войны выделяло из своего бюджета средства на нужды виленских издательств[8]. На долгое время БТППВ стало центром белорусского национального движения.

В зоне непосредственных военных действий территория Беларуси оказалась летом 1915 г., когда в августе этого года германское командование начало стремительное и успешное наступление в направлении Ковно – Вильно – Минск. 31 августа российская армия была вынуждена оставить Свентяны и Вилейку, а в начале сентября – Вильно, Гродно, Лиду, Брест. Ценой огромных усилий российской армии удалось остановить немецкое наступление. Осенью активность военных действий снизилась, а в октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск, в результате чего под немецкой оккупацией оказалось около половины территории Беларуси – почти вся Виленская, Гродненская и западная часть Минской губерний.

Изменения на Западном фронте заставили руководство Белорусского товарищества внести коррективы в работу организации. Накануне оккупации Вильно кайзеровскими войсками часть руководителей Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны выехала на восток. В том числе председатель товарищества В. Ивановский. В Вильно остались два заместителя председателя – А. Луцкевич и В. Ластовский. Такое разделение сил имело определенный смысл, поскольку позволяло товариществу лучше приспособиться к существованию в новых условиях. Члены товарищества, оставшиеся в Вильно, рассчитывали добиться от немецких властей разрешения на деятельность БТППВ, что в будущем оправдалось. Эвакуация же председателя товарищества В. Ивановского в глубь России также имела свои причины и объяснялась тем что именно В. Ивановскому формально подчинялись Минский, Петроградский и др. отделы БТППВ. Выезжая на восток, В. Ивановский рассчитывал не только сохранить существующие представительства Белорусского товарищества, но и создать новые в местах концентрации эвакуированного белорусского населения. Учитывая размах, с которым российские власти проводили эвакуацию местного населения (к концу Первой мировой войны в России насчитывалось около двух миллионов беженцев из Беларуси), перед БТППВ открывалось огромное поле для работы – в изгнании у белорусов усиливалось чув-

ство собственной национальной принадлежности, происходило ускоренное формирование национального самосознания. Это создавало для белорусских деятелей новые возможности для расширения белорусского национального движения.

Председатель БТППВ В. Ивановский переехал в Орел осенью 1915 г. Вместе с ним туда из Вильно направились многие другие белорусские деятели – Я. Купала, Л. Дубейковский, др. В Орле В. Ивановский занимал пост директора завода пушечных снарядов. По воспоминаниям участницы белорусского национального движения П. Меделки, рабочие этого завода имели бронь, и многие белорусы, желавшие избежать отправки на фронт, ехали в Орел к В. Ивановскому, который принимал их рабочими и таким образом спасал от мобилизации[9].

Несмотря на всю важность такой помощи со стороны В. Ивановского, в масштабах всего белорусского движения она занимала все же очень скромное место. Безусловно, перед председателем товарищества стояли более важные задачи, чем освобождение от армии нескольких десятков или даже сотен белорусов. Тем не менее, по причине неблагоприятных объективных обстоятельств белорусские лидеры были вынуждены мириться с существенным сужением общественно-политической деятельности. В подобном положении находились национальные деятели и в других российских городах, куда было эвакуировано большое количество белорусов. Ослабление белорусского национального движения наблюдалось и в неоккупированной части Беларуси.

Отрезок осень 1915 – весна 1916 гг. стал временем организационного упадка белорусского национального движения на неоккупированной части Беларуси и на территории Российской империи. Разбросанные по разным российским городам белорусские деятели не имели связи, единой, согласованной программы действий, испытывали недостаток средств. В ситуации, когда один координационный центр белорусского национального движения отсутствовал, они были вынуждены действовать самостоятельно, исходя из конкретных обстоятельств и собственных возможностей.

Вместе с тем, говоря об ослаблении белорусского национального движения во второй половине 1915 г. – начале 1916 г., следует отметить, что одновременно с процессами дезинтеграции и снижения общественно-политической активности, в среде белорусских национальных организаций наблюдались и положительные тенденции. Одним из последствий такого драматического для белорусского народа явления, как беженство, стал рост национального самосознания тех белорусов, которым пришлось оставить родной край. Беспокойство о собственном будущем и о будущем Беларуси повышало политическую активность беженцев. Именно в это время к белорусскому национальному движению активно присоединялись новые члены, которые позже оказали значительное влияние на развитие

белорусского национального движения. Происходила большая и важная внутренняя работа: шла перегруппировка сил, завязывались новые связи, белорусские национальные организации росли количественно и расширяли географию своей деятельности. С конца 1915 г. белорусское национальное движение наблюдалось в таких городах Российской империи, как Петроград, Москва, Орел, Калуга, Тула, Ярославль, Тамбов, Казань, Самара, Киев, Одесса и др[10].

Организационное оформление белорусского национального движения среди эвакуированного белорусского населения в России и непосредственно в самой Беларуси чаще всего происходило в форме отделов Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны. Это объяснялось тем, что, как и в предыдущие годы, БТППВ по-прежнему оставалось единственной белорусской организацией, которую официально признавало царское правительство, – только через организацию отделов БТППВ белорусские деятели могли хоть как-то легализовать свою общественно-политическую работу и избежать репрессий со стороны властей.

Таким образом, в деятельности Белорусских товариществ помощи пострадавшим от войны можно выделить две стороны – внешнюю и внутреннюю. Первая, видимая властям, соответствовала статусу организации и заключалась в выполнении своих непосредственных функций – помощи пострадавшим от войны. Параллельно с этой работой шла невидимая для официальных органов деятельность по сохранению и развитию белорусского национального движения. Формы этой работы были разные. При первой же возможности на базе и при поддержке отделов БТППВ создавались культурно-просветительские товарищества, клубы, кружки, проводившие активную общественную работу среди белорусов. Показателен пример «белорусской хатки», созданной в Минске при городском отделе Белорусского товарищества. Вместе со сбором средств для помощи раненым, солдатским семьям члены «белорусской хатки» проводили просветительские мероприятия, организовывали спектакли, вечеринки с обсуждением политических проблем, налаживали связь и направляли деятельность национальных организаций в других белорусских городах. Благодаря такой активности к концу 1916 г. Минск стал центром белорусского национального движения, на который ориентировались белорусские организации в Витебске, Могилеве, Полоцке, Бобруйске, Слуцке и др. городах[11].

За пределами Беларуси таким организационным и политическим центром национального движения постепенно становилось Петроградское отделение Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны. Для этого имелись все основания. Помимо выгодного размещения в столице империи, свою роль сыграло и то, что Петроград традиционно являлся центром белорусского движения. В 1910 г. белорусская диаспора составляла 3,7% (около 70 тыс. чел.) населения города. Таким образом, белорусы в начале XX в. явля-

лись самой большой диаспорой в столице и второй по численности (после русских) нацией[12]. В период Первой мировой войны количество белорусов в Петрограде и Петроградской губернии увеличилось. Кроме отдела БТППВ здесь действовали еще несколько белорусских беженских организаций – например, Союз граждан Гродненской губернии, Гродненский центральный комитет объединенных общественных организаций и другие[13].

Петроградское отделение БТППВ оказывало материальную помощь белорусам, которые оказались в Петрограде, открыло швейную мастерскую, несколько интернатов для белорусских студентов, детский приют, позже белорусскую основную школу. Одновременно по инициативе товарищества проводились еженедельные собрания, на которых обсуждались общественно-политические проблемы. Руководство Петроградского товарищества стремилось также консолидировать разбросанные по разным городам империи белорусские организации. С этой целью в ноябре 1916 г. в Петрограде начали выходить еженедельники «Дзянніца» и «Swietac» (на латинице). Редакции газет (особенно «Дзянніцы») стремились привлечь белорусского читателя к обсуждению самых насущных проблем – в газетах поднимались вопросы характера, целей и последствий войны, послевоенного будущего Беларуси. Содержание статей, размещавшихся в газете «Дзянніца», показывает, что, как и в 1914–1915 гг., белорусские национальные деятели по-прежнему надеялись, что после войны у малых народов Российской империи появится возможность для свободного волеизъявления и реализации права на самостоятельное государственное строительство. В седьмом, прощальном, номере «Дзянніцы» автор одной из статей, не предвосхищая форму будущей националь-

Ластовский Вацлав Устинович (1883 – 23 января 1938) – белорусский писатель, общественный и политический деятель, академик (1928), историк, филолог, директор «Белорусского государственного музея», Премьер-Министр Белорусской Народной Республики. Обвинен по делу о «Союзе за освобождение Белоруссии», приговорен к высылке, расстрелян

но-государственной жизни белорусского народа, тем не менее отметил, что «не может господствовать на земле между всеми людьми согласие и счастье», пока все народы мира не получат свободу на самом широком фундаменте[14]. Оба издания – «Дзянніца» и «Swietac» – вызвали нервную реакцию среди провластных столичных изданий. Известный черносотенец Л. Солоневич обвинял белорусские издания в предательстве, называя их «мазепианством». Газеты постоянно ощущали пристальное внимание со стороны цензуры. Большинство номеров (1, 2, 5, 6) вышли с большими белыми пятнами на месте статей, снятых цензором[15]. Из-за цензорских нападок и недостатка средств «Дзянніца» и «Swietac» выходили только два месяца. Всего за это время успело выйти по семь номеров каждой из газет. В конце декабря 1916 г. издание было прекращено[16].

Военные условия не позволили лидерам белорусского движения использовать и такую форму политической жизни, как деятельность политических организаций. До 1917 г. белорусских партий на неоккупированной территории Российской империи не существовало. Лишь в конце 1916 г. некоторые представители движения начали подготовительную работу по созданию партийной организации. В частности, инициативная группа, в которую входили Р. Скирмунт, П. Алексюк, В. Чавусов и др., делала попытки по созданию партии белорусских народных социалистов (ПБНС). В подготовленных программных документах задачами будущей партии провозглашались территориально-государственная автономия Беларуси, возрождение белорусской культуры, др. Однако, учитывая объективные обстоятельства, организационное оформление партии затянулось и было завершено только после Февральской революции[17].

Таким образом, к концу 1916 г. в развитии белорусского национального движения наблюдались определенные количественные и качественные изменения – прежде всего, можно говорить об усилении консолидационных тенденций в среде белорусских организаций, расширении национального сознания и росте политической активности белорусского населения. Свидетельством того, что белорусское движение в конце 1916 – начале 1917 г. начинало выходить из кризисного состояния на качественно новый уровень, служат планы по созыву в Киеве нелегального съезда представителей всех общественных и политических организаций[18].

Тем не менее белорусское движение объективно оставалось слабым. На его развитие отрицательно влияли такие факторы, как отсутствие руководящего центра, тесных связей между организациями, хроническая нехватка финансовых средств, мобилизация интеллигенции в армию, разрыв контактов с белорусскими политиками, оставшимися в зоне немецкой оккупации. Одним из результатов столь сложных условий, в которых пришлось работать белорусским политикам на неоккупированной территории, стало то, что с середины 1915 и до начала 1917 г., взгляды политических лидеров на

идею национальной государственности практически не изменились. Главной целью по-прежнему оставалась автономия Беларуси в составе России, а наиболее надежным средством достижения данной цели виделось поражение царизма в войне. Такая программа во многом объясняется социальной базой, на которую ориентировались лидеры. Поддержку своей деятельности белорусские организации находили, прежде всего, в среде белорусских беженцев. Этих людей очень волновала личная судьба и судьба покинутой Беларуси. Уже в силу собственного положения беженцы не поддержали бы призыв к полной политической и экономической независимости Беларуси – особенно Беларуси, разорванной фронтом. Поэтому наибольшей популярностью пользовалась идея автономии Беларуси в составе демократической России. Реализация этой программы не только повышала статус Беларуси, но и создавала дополнительные гарантии того, что при заключении мирного договора белорусские национальные интересы не будут проигнорированы.

По-другому и в другом направлении развивалось белорусское движение на территории, оккупированной германскими войсками. Вступив на территорию Российской империи, немецкие власти постарались максимально использовать национальные движения для укрепления оккупационного режима. Уже в августе 1915 г. канцлер Германии Бетман-Гольвиг публично заявил, что «освобожденные от России земли не вернутся назад под московское ярмо». В апреле 1916 г., выступая в рейхстаге, он еще раз подтвердил, что Германия никогда не возвратит России народы, проживающие на оккупированной территории, независимо от того будут это поляки, литовцы, немцы или латыши.

Однако, провозгласив себя защитниками угнетенных народностей, немецкие власти первое время слабо ориентировались в национальной ситуации в оккупированных районах Российской империи. Лучше всего Германия была осведомлена в польском вопросе, и потому стремилась максимально разыграть «польскую карту». Так, заняв Вильно, немецкие власти распространили воззвание, в котором назвали город «перлом короны польской», что вызвало горячие протесты со стороны литовских национальных организаций. В результате воззвание было изъято, а генерал Э. Людендорф, командующий немецкими войсками на востоке, по этому поводу писал: «Из-за недостатка публикаций на немецком языке мы знаем очень мало об этом крае и народах, его населяющих, ощущение такое, как будто мы в другом мире»[19].

Влияние оккупационного режима на национальное движение первоначально проявлялось слабо, и в отделенных от России западных губерниях идеология краевости по-прежнему сохраняла сильные позиции. Осенью 1915 г. представители Беларуси вошли в состав так называемого Виленско-Ковенского комитета, объединившего представителей различных национальностей края: белорусов,

литовцев, поляков, евреев. Члены комитета стремились выработать единую тактику и стратегию действий. Однако из-за разногласий комитет просуществовал недолго, и вскоре на его базе были организованы национальные народные комитеты. Так появился Белорусский народный комитет (БНК), ставивший задачу консолидации национальных сил на оккупированной территории Беларуси. В БНК, руководителем которого являлся А. Луцкевич, входили представители Белорусской социал-демократической рабочей группы (БСДРГ), Виленского комитета БСГ, Белорусского товарищества помощи потерпевшим от войны, др. организаций[20].

В конце 1915 – начале 1916 гг. БНК и его деятели сыграли большую роль в поиске формулы белорусско-литовской государственности и, в частности, в создании концепции Конфедерации Великого княжества Литовского. 19 декабря 1915 г. на белорусском, литовском, польском и еврейском языках был опубликован документ под названием «Универсал Конфедерации Великого Княжества Литовского», в котором сообщалось о создании литовско-белорусско-польско-еврейской Временной рады Конфедерации ВКЛ, видевшей своей целью независимость Литвы и Беларуси как единого государства. Гарантируя нациям, населявшим край, полную свободу развития, Универсал призывал всех граждан и все существующие организации поддержать Конфедерацию.

Идея Конфедерации получила дальнейшее развитие в обращении к населению Беларуси и Литвы «Граждане!», изданном в феврале 1916 г. Конкретизируя программу, Временная рада заявляла о необходимости разрыва с Россией и связывала надежды возрождения белорусско-литовской государственности с Германией и Австро-Венгрией. Создание на белорусско-литовских землях независимого государства с сеймом в Вильно провозглашалось главной задачей Конфедерации. Территория восстановленного ВКЛ должна была включить Ковенскую и Виленскую губернии целиком, белорусскую и литовскую части Гродненской и Сувалкской губерний, а также литовские части Курляндской и Минской губерний, связанные с Виленским центром[21]. Разграничение белорусской и литовской частей в составе восстановленного ВКЛ первоначально не планировалось. За нациями края резервировалось только право на свободное культурное развитие. В более широком, международном аспекте, белорусско-литовское государство рассматривалось в качестве составной части так называемой Средней Европы, с инициативой создания которой выступали верхи немецкого руководства[22].

В программных документах о создании Конфедерации ВКЛ, пропагандируемой белорусскими национальными деятелями, был упущен один важный момент, имевший принципиальное значение: неизвестно, как лидеры Белорусского Народного комитета смотрели на то обстоятельство, что за пределами Конфедерации оставались восточные белорусские земли, входившие в состав Смоленской, Моги-

левской и неоккупированной части Минской губерний. В случае, если бы Конфедерация под протекторатом Германии была бы создана, а значительная белорусская территория на востоке оставалась бы в составе России, такая ситуация вряд ли способствовала бы развитию белорусской нации и полноценной белорусской государственности.

О деятельности Конфедерации ВКЛ известно не много. По свидетельствам современников и участников событий, инициатива создания этой межнациональной организации принадлежала белорусским политикам. В конце 1920-х гг. XX в. А. Луцкевич вспоминал, что именно белорусы создали Конфедерацию ВКЛ, объединив «на почве идеи независимости края лучших представителей демократии всех четырех национальностей: белорусов, литовцев, евреев и поляков»[23]. Активную роль белорусы играли и во Временной раде Конфедерации, в которую входили сразу несколько представителей белорусского национального движения: А. и И. Луцкевичи, В. Ластовский. Помимо белорусских политиков членами Временной рады являлись Ю. Шавлис, Й. Вилейшис, А. Янулайтис, А. Заштаут, Д. Шабад, Розенбаум[24]. Однако общее число сторонников Конфедерации был невелико. Привлечение «лучших», как выразился А. Луцкевич, сил совсем не означало приобретение широкой поддержки со стороны наиболее влиятельных национальных организаций края. Наоборот, последние остались в стороне, занимая выжидательную позицию. Узкий круг сторонников во многом объясняется причастностью к проекту Конфедерации ВКЛ опять-таки масонских лож. В некотором смысле влияние этой тайной организации было определяющим. Как минимум семь из десяти членов Временной рады Конфедерации ВКЛ являлись масонами. С одной стороны, это, безусловно, способствовало взаимопониманию, облегчало поиск компромиса. Как отмечалось выше, масонские ложи, действовавшие в западных губерниях России, поддерживали идею самоопределения края как единого, цельного организма. Однако число масонов в крае было невелико, судя по сохранившимся данным, до пятидесяти человек[25], а пропагандировавшиеся ими идеи всеобщего равенства и братства, если и встречали сочувствие общественности, то все же считались далекими от действительности и неприменимыми в реальной политической ситуации.

Поначалу литовские, и даже немецкие политики проявили внимание к Конфедерации. Проектом интересовались такие консервативные литовские деятели, как А. Сметона и Й. Станкявичус, однако опять же сугубо практической стороной ее работы – они согласились войти в комиссию по определению границ Конфедерации. Главным в работе комиссии стал принцип «историко-этнографической» Литвы. Но выработать какую-либо согласованную позицию комиссия так и не смогла.

Помимо сторонников и нейтрально относившихся политиков, у Конфедерации были и многочисленные противники. Как видно из

приведенного выше списка Временной рады, за пределами Конфедерации остались польские демократы. В конце 1918 г. они создали в Вильно Польский комитет, в котором были представлены практически все направления польского движения. Комитет ориентировался на Варшаву и пропагандировал идею федерации Литвы и Польши.

Многие литовские политики также выступали против совместной белорусско-литовской государственности, добиваясь восстановления именно литовского государства. Параллельно идее создания Конфедерации среди литовских политиков обсуждались другие варианты. На совещании литовцев и латышей в Ковно 6 января 1916 г. был образован «Главный литовский комитет», объявивший независимость ВКЛ. В третьем пункте акта о независимости предусматривалась возможность присоединения белорусов к будущему государству в качестве третьей автономной составной части[26].

Интерес к Конфедерации снижался. 21 мая 1916 г. Рада Конфедерации ВКЛ превратилась в Постоянную литовско-белорусскую комиссию. Стороны договорились в дальнейшей деятельности придерживаться платформы Конфедерации. Однако соглашение не выполнялось. Литовские политики по-прежнему считали будущее унитарное литовское государство единственным правопреемником ВКЛ. Накануне конференции народов России в Лозанне (июнь 1916 г.) представители белорусской и литовской делегаций подписали документ, в котором отмечалось: «На основании того, что Литва когда-то была независимым государством и, требуя своих прав, она не имеет никакого намерения противодействовать тому, чтобы народы, живущие в ВКЛ, особенно белорусы, сами решали свою судьбу»[27]. Таким образом, признавая за белорусами право самостоятельно определять собственную судьбу, литовские политики в то же время отказывали им в том, что можно назвать политическим наследством ВКЛ, – в праве апеллировать к историческому прошлому. И это не было формальностью. При таком подходе получалось, Литва восстанавливала свою национальную государственность, утраченную с исчезновением ВКЛ. Белорусам же приходилось создавать собственную государственность с нуля, что было несравнимо сложнее, поскольку в глазах европейского политического бомонда лишало белорусскую нацию исторического фундамента.

Несмотря на то, что литовские политики достаточно прохладно отнеслись к идее совместного белорусско-литовского государства, белорусские деятели придерживались своей прежней позиции – государственность Беларуси рассматривалась исключительно в федеративной связи с соседними народами. На Лозаннской конференции народов России представители Беларуси выступили с проектом объединения народов от Балтийского до Черного моря – создания Соединенных Штатов Беларуси, Украины, Литвы и Латвии[28].

Одной из причин, по которой А. Луцкевич, автор реферата белорусской делегации на Лозаннской конференции, выступал за объе-

динение с соседями, являлось стремление обеспечить для Беларуси выход к морю. В доступе к морским путям А. Луцкевич и его единомышленники видели важнейшее условие развития национальной экономики. В одной из своих статей политик писал: «военный фронт совсем отрезал от моря большую часть Беларуси, и если бы мир утвердил этот раздел нашего Отечества, то семь миллионов белорусов с той стороны фронта, а также довольно многочисленный элемент еврейский и польский в Беларуси оказались бы осужденными на вечную экономическую неволю...»[29]. Будущее показало, что белорусские политики не только переоценивали значение моря, но и недооценивали стремление Литвы, Латвии, Украины к созданию собственной независимости. Федерация с Беларусью, где национальное самосознание народа находилось на низком уровне, была малопривлекательной перспективой для литовских, украинских, латвийских политиков. От белорусов они не могли ожидать широкой поддержки в борьбе за независимость. Такое объединение, наоборот, могло создать больше проблем, нежели принести пользы. Белорусские политики, несмотря на слабость сил, стоявших за ними, проявляли несговорчивость в принципиальных вопросах, в частности, отказывались идти на уступки в территориальных спорах. Литовские лидеры, прекрасно понимавшие, что, по сравнению с белорусским, литовское движение является гораздо более мощным и организованным, предпочитали, не разрывая с белорусами окончательно, дистанцироваться от предложений о будущем белорусско-литовском государстве. Такая тактика позволяла, с одной стороны, получать при необходимости поддержку белорусов, особенно на международном уровне, с другой же – предъявлять претензии на белорусские земли, объявляя их литовскими.

В начале 1917 г. лидеры литовского национального движения сформулировали более четкую и твердую позицию по вопросу о будущем литовском государстве. Они отказались от дальнейших переговоров с беларусами и представителями других национальностей края[30] и издали «Меморандум о восстановлении независимой Литвы». В документе, переданном 11 января 1917 г. от имени Совета литовского народа дипломатам западных стран в Берне, очерчивалась территория литовского государства. Литовские политики, ссылаясь на историческое право, включали в состав Литовского государства земли, находившиеся в то время в Виленской, Ковенской, Гродненской, Сувалкской, Курляндской губерниях, а также в Новогрудском уезде Минской губернии и в северной части Ломжинской губернии – до рек Лык и Наров[31].

Данный план создания литовского государства встретил поддержку со стороны германского руководства. Хотя по некоторым вопросам у него были свои представления, в том числе о том, какой должна быть литовская территория. Весной 1917 г. оккупационные власти предприняли определенные шаги для провозглашения литовского го-

сударства под протекторатом Германии. Для этого в марте 1917 г. два военно-административных округа – Ковенский и Виленский – были объединены в один с названием «Литва». В его составе оказались и земли Виленщины, населенные белорусами. Остальные оккупированные немцами белорусские территории – Гродненщина и Белостокщина – остались в округе «Белосток – Гродно». На них претендовала Польша. Вскоре было объявлено о созыве в сентябре 1917 г. Литовской конференции, которая должна была избрать представительский орган края[32]. Белорусским землям грозил очередной раздел и включение по частям в состав соседних государств.

Такое развитие событий привело к выделению двух групп в белорусском национальном движении, лидерами которых являлись А. Луцкевич и В. Ластовский. Группа А. Луцкевича, доминировавшая в Белорусском народном комитете, видимо, не замечала угрозу, которую несли в себе описанные выше действия литовских политиков. Или не желала замечать. На протяжении 1916 – почти всего 1917 гг. сторонники А. Луцкевича пытались наладить тесный контакт с Литовским комитетом, убедить литовских лидеров в необходимости создания общего белорусско-литовского государства[33]. В августе 1917 г. БНК принял платформу, предусматривавшую независимость и неделимость Беларуси и Литвы, а также внутреннее разграничение автономных Беларуси и Литвы по материнскому языку жителей[34]. Этот пункт практически дословно вошел в резолюцию конференции, которую в начале сентября 1917 г. в Вильно провели совместно Белорусский народный комитет, Белорусская социал-демократическая рабочая группа и Виленский комитет Белорусской социалистической громады. Главные лозунги конференции – независимость и неделимость Беларуси и Литвы, созыв учредительного сейма края в Вильно и разграничение в будущем государстве литовских и белорусских земель по языку населения. Отметим, что конференция при этом ссылалась на Белорусский национальный комитет, действовавший в восточных, неоккупированных губерниях Беларуси, как на организацию, разделявшую позицию виленских белорусов[35].

Все попытки виленских белорусских организаций повлиять на позицию литовских национальных организаций, убедить их в необходимости сотрудничества и учета интересов всех наций края оказались безуспешными. Голос белорусов не был услышан. Это еще раз доказала Литовская конференция, которая состоялась в Вильно 18–22 сентября 1917 г. Ее участники высказались за создание независимого Литовского государства в этнических границах, но «с необходимыми для нормальной хозяйственной жизни поправками этих границ». Белорусы в работе Литовской конференции участия не принимали. Единственную уступку, которую литовцы делали для белорусов и других народов края, это обещали включить их представителей в состав образованного на конференции временного совещательного органа – в Раду Литовской земли (Тарибу). На кон-

ференции в Тарибу было избрано 20 человек. Со временем планировалось включить в нее по два представителя от поляков и евреев и одного – от белорусов.

В ответ белорусские, польские и еврейские организации объявили Тарибе бойкот[36]. 30 сентября 1917 г. белорусские организации Вильно собрали митинг, на котором потребовали объединения всех белорусских земель, находившихся в зоне немецкой оккупации, в одной территориальной единице «Литва», а также пропорционального представительства белорусов в Тарибе[37]. 25–27 декабря 1917 г. представители белорусских общественно-политических организаций провели в Вильно конференцию под лозунгом независимости в этнографических границах. В противовес литовской Тарибе была создана Виленская Белорусская рада во главе с А. Луцкевичем[38]. Однако полного отхода виленских белорусских организаций от идеи краевости не произошло. А. Луцкевич и его сторонники продолжали выступать за белорусско-литовскую государственность. Кроме того, на конференции был выдвинут лозунг включения в состав этого государства восточных белорусских земель, «которые еще оставались под властью России».

Более радикальную позицию по вопросу строительства будущего белорусского государства и о сотрудничестве с литовскими организациями занимали сторонники В. Ластовского. В июне 1917 г. группа белорусских деятелей во главе с В. Ластовским создала новую организацию «Связь независимости и неделимости Беларуси», выступившую против федерации с Литвой, а также любой автономии, будь то в составе России или Польши. В своей программе «Связь...» особо подчеркивала, что она выступает за политическую независимость и неделимость белорусского народа[39]. Организация ставила своей целью провозглашение независимой демократической Беларуси в ее этнографических границах, а также объединение всех белорусских земель, разделенных фронтом, и допущение белорусских представителей к участию в мирной конференции. «Связь независимости и неделимости Беларуси» была первой белорусской организацией, поставившей вопрос о независимости Беларуси. Однако даже эта организация, признавая слабость белорусского национального движения, была вынуждена допустить возможность федеративных отношений с другими государствами, в частности с Украиной[40]. В конце 1917 г. программа, разработанная «Связью...» была принята Белорусским народным комитетом и другими национальными организациями, действовавшими в Вильно, и оказала влияние на провозглашение Белорусской Народной Республики.

Таким образом, на протяжении августа 1914–1917 г. Первая мировая война была самым важным фактором, который определял содержание, тактику и стратегию деятельности белорусских национальных организаций. Влияние войны на развитие белорусского национального движения было исключительно негативным: все до-

военные белорусские национально-культурные организации прекратили свое существование, многие белорусские деятели были мобилизованы в армию, значительная часть эвакуировалась в Россию.

Дезорганизационные процессы в белорусском национальном движении усилились после оккупации кайзеровскими войсками значительной части Беларуси. С этого момента белорусское движение начало развиваться в двух направлениях. Разрыв связей между белорусскими политиками в западной (оккупированной) и восточной частях Беларуси, принципиально отличные условия деятельности привели к тому, что на протяжении нескольких следующих лет по разные стороны фронта были выработаны самостоятельные и несовпадающие программы национально-государственного строительства Беларуси.

Оккупация немецкими войсками значительной части белорусских земель, расширение до огромных масштабов такого явления, как беженство, другие отрицательные проявления войны имели своим результатом продолжительный упадок (середина 1915 – середина 1916 г.) белорусского национального движения на неоккупированной территории Российской империи. Разбросанные по разным городам России белорусские политики до конца 1917 г. так и не смогли преодолеть раздробленности и создать единый руководящий центр. Их работа в основном проходила в форме товариществ помощи пострадавшим от войны и концентрировалась, главным образом, на решении будничных проблем. Результатом отмеченных обстоятельств стало то, что в период с лета 1915 г. и до начала 1917 г. в белорусском национальном движении на неоккупированной территории России не произошло существенной эволюции идеи национально-государственного строительства в Беларуси. Большинство белорусских деятелей разделяли пацифистские настроения, надеясь, что поражение Российской империи в войне создаст возможности для изменения политического статуса белорусских земель – Беларусь должна была стать самостоятельной административно-территориальной единицей в составе федеративной и демократической России.

В зоне немецкой оккупации белорусскими силами была выработана собственная, целиком самостоятельная программа реализации идеи белорусской государственности. Особенностью виленского варианта являлось категорическое отрицание возможности вхождения Беларуси в состав даже демократической России. Наиболее оптимальной формой национальной государственности белорусские деятели в Вильно считали общее с литовцами белорусско-литовское государство под протекторатом Германии. Однако к концу 1917 г. в связи с политикой литовских национальных партий большинство членов белорусских организаций Виленщины успели разочароваться в идее совместного белорусско-литовского государства и выступало за создание независимой Беларуси.

С такой организационной и политической платформой белорусские организации оккупированной западной части Беларуси

вошли в 1918 г. Но вскоре ситуация изменилась, вызвав необходимость очередной корректировки тактики и стратегии белорусского движения. Начавшееся в середине февраля 1918 г. наступление германской армии, оккупация большей части белорусских земель вновь кардинально изменили политическую ситуацию в крае. Новые условия позволили белорусским организациям Западной и Восточной Беларуси объединить свои усилия, выступив с программой создания независимой Белорусской республики.

Примечания

1 Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі. Мінск, 2005. С. 438.

2 Вайна – школа для вяскоўцаў // Наша ніва. 1914. 5 снеж. С. 2.

3 БДАМЛіМ. Ф. 3, воп. 1, спр. 97. а. 61.

4 Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1986. С. 38; Цуба М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.): матэрыялы да курса «Гісторыя Беларусі». Брэст: Лаўроў, 2003. С. 91–94.

5 Статут Беларускага таварыства па аказанню помачы пацярпелым ад вайны. Гл. БДАМЛіМ. Ф. 3, воп. 1, спр. 125.

6 Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. С. 195.

7 Цуба М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.). С. 93.

8 Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. С. 195.

9 БДАМЛіМ. Ф. 403, воп. 1, спр. 14.

10 Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюц. руху. С. 183–185.

11 Воронко Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. С. 4–6; Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. С. 7; Скалабан В. В это суровое и важное время: Максим Богданович в Минске // Нёман. 1981. № 12. С. 148–152.

12 Петербуржцы (этнонациональные аспекты массового сознания): социол. очерки / С.-Петерб. гос. ун-т; науч. ред. З.В. Сикевич. СПб., 1995. С. 9.

13 Михайленко В.В., Романова Н.М., Смирнова Т.М. Культура многонационального Петербурга: культурно-просветительская работа среди национальных меньшинств. СПб., 1992. Вып. 2. С. 13.

14 Цуба М. В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.). С. 160–163.

15 Александровіч С.Х. Кнігі і людзі ... С. 92–100. См. также: Жылуновіч З. Эпізод з жыцця беларускай часопісі // Полымя. 1923. № 7/8. С. 111–117.

16 Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. С. 196.

17 Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 77.

18 С инициативой созыва такого съезда в конце 1916 г. выступила белорусская организация в Киеве. См.: Мядзёлка П. Сцежкамі жыцця: успаміны. Мінск: Маст. літ., 1974. С. 90–91.

19 Eidintas A., Zalys Y. Lithuania in European politics. The years of the first republic, 1918–1940. P. 21.

[20] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мінск: Беларус. энцыкл., 1993–2003. Т. 1. 1993. С. 438.
[21] Смалянчук А. Адраджэнне вольнага мулярства на беларускіх і літоўскіх землях напачатку XX ст. // Вольныя муляры ў беларускай гісторыі. Канец XVIII – пачатак XX ст. / Беларус. гіст. т-ва; уклад. і навук. рэд. А.Ф. Смалянчук. Вільня, 2005. С. 172–173.
[22] Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. С. 113.
[23] Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928). С. 46.
[24] Мікніс Р. Літва і Беларусь: Перыпетыі дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. С. 252.
[25] Смалянчук А. Адраджэнне вольнага мулярства на беларускіх і літоўскіх землях напачатку XX ст. // Вольныя муляры ў беларускай гісторыі. Канец XVIII – пачатак XX ст. С. 184–185.
[26] Станкевіч А.В. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення. Вільня: Выд-ва «Шляху моладзі», 1934. С. 81.
[27] Мікніс Р. Літва і Беларусь: Перыпетыі дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. С. 254.
[28] Сідарэвіч А. З думай аб незалежнасці // Полымя. 1991. № 4. С. 207.
[29] Сідарэвіч А. Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежніцтва (1916–1918). Агляд крыніцаў // ARCHE С. 86, 90.
[30] Щавлинский Н.Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.). С. 23.
[31] Мікніс Р. Літва і Беларусь: Перыпетыі дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам. С. 255.
[32] Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. С. 115.
[33] Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С.44.
[34] Сидоревич А. Антон Луцкевич. Главы из книги. // Неман. 1990. № 7. С. 110.
[35] Сідарэвіч А. Беларускі шлях // ЛіМ. 1990. 23 лістап.
[36] Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. С. 117.
[37] Сідарэвіч А. Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежніцтва (1916–1918). Агляд крыніцаў // ARCHE. С. 88–89.
[38] Вяртання маўклівая споведзь: постаці творцаў беларускай гісторыі ў кантэксце часу / У. Казбярук і інш. Мінск: Выш. шк., 1994. С. 104.
[39] НА РБ. Ф. 60. оп. 3., д. 81, л .43.
[40] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6, кн. 1. 2001. С. 439.

1.3. Эволюция идеи белорусской государственности и ее территории под влиянием Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

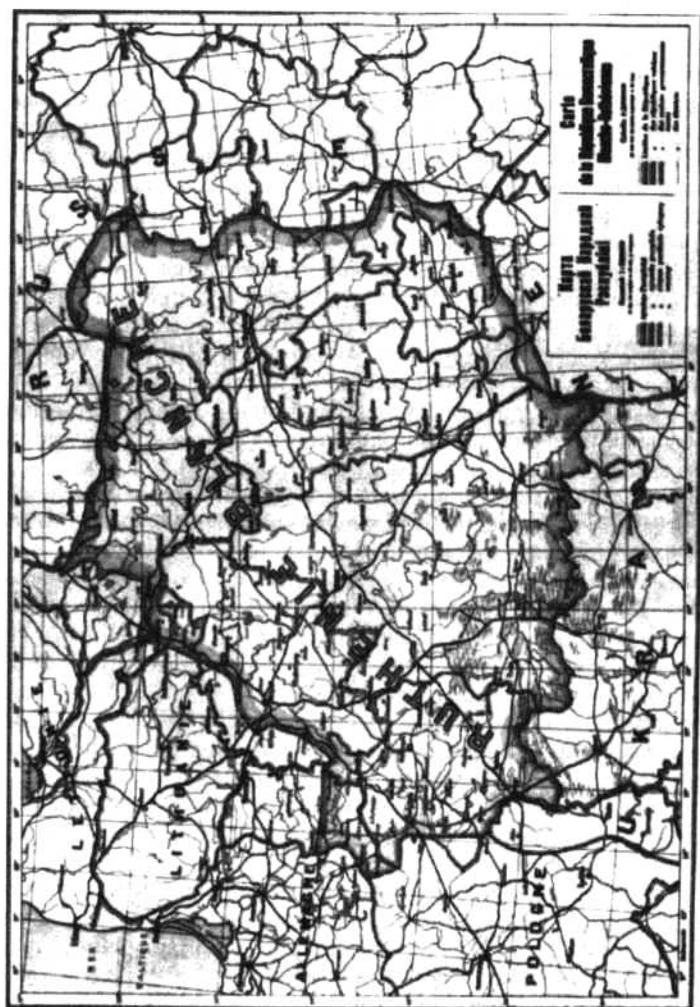
Февральская революция коренным образом изменила общественно-политическую ситуацию в Российской империи. С падением самодержавия национальный вопрос приобрел необычайную актуальность. Проблема белорусской государственности, так же как

и государственности других наций бывшей Российской империи, из планов отдаленного будущего в одночасье превратилась в важнейший фактор текущей политики. Временное правительство с первых дней своей деятельности вынуждено было уделять национальному вопросу большое внимание, обещая разрешить его в кратчайшие сроки. Уже в первой декларации Временного правительства, опубликованной 3 марта 1917 г., содержался пункт о равноправии всех граждан, независимо от их сословной, религиозной и национальной принадлежности[1]. Еще более широкие права давало гражданам правительственное постановление от 20 марта 1917 г., отменявшее конфессиональные и национальные ограничения, предусматривавшее использование родных языков в делопроизводстве и в учебных заведениях[2].

Однако уступки только в сфере культуры и образования не могли удовлетворить национальные меньшинства, требования которых существенно расширились. Многочисленные представительные форумы и влиятельные национальные партии Украины, Литвы, Беларуси, Латвии и других национальных регионов уже не желали довольствоваться полумерами, выдвинув требование национально-территориальной автономии. Хаос, охвативший преимущественно центр бывшей империи, вызвал у окраинных народов тягу к автаркии. Хотя следует отметить, что эта центробежная тенденция все-таки не означала стремления к полной независимости. Проявления сепаратизма имели место, но большинство национальных партий все же не желало разрушения общего государства.

Временное правительство на протяжении своего существования занимало в национальном вопросе непоследовательную позицию. Постоянно ссылаясь на отсутствие полномочий устанавливать автономию, оно, тем не менее, восстановило автономные права Финляндии, ограниченные царизмом в конце XIX – начале XX в. Временное правительство также высказалось за восстановление Польского государства, правда, соглашаясь признать независимость Польши только при выполнении определенных условий: границы возрожденного польского государства должно было одобрить Всероссийское учредительное собрание, а сама Польша вступала в военный союз с Россией[3].

Между тем давление национальных окраин усиливалось. Национальные партии и организации, почувствовав собственную силу и одновременно осознавая непрочность положения Временного правительства, демонстрировали готовность к неподчинению и установлению такого режима управления, который им представлялся наиболее справедливым. Так, не найдя поддержки в Петрограде, Украинская Центральная Рада 10 июня 1917 г. издала I Универсал, в котором обращалась к украинскому народу: «Отныне сами будем творить нашу жизнь». Хотя в документе прямо не говорилось об установлении в крае автономии, некоторые его пункты свидетель-



Территориальные претензии Рады БНР (март 1918 г.)

ствовали о расширении юрисдикции Центральной Рады до уровня краевого органа власти: в частности, с 1 июля 1917 г. часть налогов направлялась на национально-культурные нужды, вводилась должность комиссара по украинским делам при Временном правительстве, избирался исполнительный орган – Генеральный секретариат[4].

Решение Украинской Центральной рады создавало опасный прецедент, которым могли воспользоваться другие нацменьшинства России. Поэтому Временное правительство вынуждено было прибегнуть к переговорам, результатом которых стал компромисс: Центральная Рада во II Универсале обязывалась не предрешать вопрос об автономии Украины до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Взамен Временное правительство предоставляло Генеральному Секретариату полномочия высшего органа власти в крае, что фактически было очень близко к признанию автономного статуса Украины[5].

Идея автономии Беларуси в составе федеративной демократической России была весьма распространена среди белорусских деятелей. Однако прежде чем заявить о своих требованиях, белорусскому движению предстояло заново организоваться. До Февральской революции 1917 г. в Минске действовала всего лишь одна организация, стоявшая на национальной почве и пытавшаяся защищать интересы белорусов, – Минский отдел Белорусского товарищества помощи потерпевшим от войны[6]. Именно он сразу же после падения самодержавия стал центром белорусской работы. Отдел объявил себя национальным комитетом и развернул активную организационную и пропагандистскую деятельность.

Требование автономии Беларуси было выдвинуто комитетом с самого начала своей деятельности. Уже на первом самостоятельно проведенном митинге, организованном белорусским комитетом 12 марта 1917 г. в рамках «Дня белорусского значка», в текст резолюции был включен тезис о необходимости автономии: «Белорусы, стоя на почве краевой автономии, будут выбирать в Учредительное собрание граждан, разделяющих данный принцип»[7].

Белорусский комитет взял на себя и инициативу созыва съезда белорусских партий и организаций, подготовка которого началась еще до свержения царизма. Съезд планировался как смотр национальных сил, форум для выработки дальнейшей программы. Учитывая сложные военные условия, выборы не проводились: в Минск приглашались все, кто поддерживал белорусское движение и кого можно было найти. В результате на съезд, проходивший в Минске с 25 по 27 марта 1917 г. удалось собрать около 150 человек. Это были представители беженских комитетов, лидеры Белорусской социалистической громады, Белорусской христианской демократии (БХД), Белорусской партии народных социалистов (БПНС), Народной демократической партии, Петроградского и Минского советов рабочих и солдатских депутатов, а также национальные деятели, не представлявшие какой-либо конкретной организации.

Большинство среди делегатов съезда составляли сторонники старейшей белорусской партии – Белорусской социалистической громады, решение о восстановлении которой было принято в день открытия съезда. Еще до его начала делегаты съезда, бывшие члены БСГ, провели конференцию, определившую действия партии на ближайшее будущее. Конференция приняла резолюцию, многие положения которой затем нашли отражение в более широкой редакции в постановлениях съезда белорусских партий и организаций. В частности, конференция БСГ поддержала Временное правительство в его борьбе со старым порядком, высказалась за обращение всех земель в общенародное пользование, 8-часовой рабочий день, установление минимума заработной платы и т.д. В вопросе о войне партия выступила за мир без аннексий и контрибуций. Отдельный пункт резолюции был посвящен территориальному вопросу: «Высказываясь за автономную Белоруссию в Федеративной Российской Республике, Конференция постановила заняться тщательной разработкой этого вопроса, устанавливая границы автономной Белоруссии в согласии с соседями: литовцами, великоруссами, украинцами и др.» Окончательное решение всех важнейших вопросов оставлялось на рассмотрение Краевого Сейма автономной Беларуси[8].

Более пристальное внимание территориальному вопросу было уделено на съезде белорусских партий и организаций. В первый же день его работы было создано семь комиссий, среди которых этнографическая комиссия в составе: редактора «Могилевского вестника» М. Кохановича, историка белорусской литературы, краеведа Р. Земкевича и ученого-языковеда Б. Тарашкевича. Предварительные результаты работы комиссии ее секретарь М. Коханович доложил участникам съезда уже на следующий день. Рассмотрев вопрос об этнографических границах Беларуси, члены комиссии пришли к выводу, что такими границами должны стать границы расселения белорусского народа, а именно: губернии Минская, Гродненская, Могилевская, Витебская и Виленская, а также части Смоленской и Черниговской губерний. Съезд, согласившись с таким определением белорусской территории, постановил для более точного описания белорусских границ создать особую комиссию, куда должны были войти: ректор Московского университета М. Любавский, профессор Киевского университета М. Довнар-Запольский, петроградские академики Е. Карский и А. Шахматов[9].

По предложению этнографической комиссии участники съезда также выразили протест по поводу действий Литовского национального совета в Петербурге. 18 марта 1917 г. Литовский национальный совет, куда входили представители исключительно литовских организаций, издал постановление об образовании Временного комитета для управления Литвой, в состав которого планировалось включить 12 литовцев, 6 белорусов, 3 евреев, 2 поляков и 1 русского[10]. Документ предусматривал передачу в введение комитета всех уч-

реждений Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний. В соответствии с пунктом 8, на временный комитет возлагалось проведение «подготовительных работ по созыву Учредительного собрания Литвы, которое должно было установить форму правления Литвы, а также отношение Литвы к соседним народам»[11]. Одновременно Литовский национальный комитет обратился к Временному правительству с требованием введения в Ковенской, Сувалкской и Виленской губерниях литовской администрации. По предложению этнографической комиссии, съезд белорусских партий и организаций выразил перед Временным правительством протест против «включения литовцами в состав Литвы всей Виленской губернии, заселенной почти на три четверти белорусами, а в той части, которая не занята немцами, заселенной белорусами повсеместно»[12].

Главным результатом съезда стало создание Белорусского национального комитета (БНК) в составе 18 человек, на который возлагалась задача управления краем в контакте с Временным правительством, а также подготовка выборов в Белорусскую краевую раду и пропаганда выборов в Учредительное собрание России на принципах федеративной демократической республики. Длительные споры возникли при выборе председателя БНК. После продолжительных дискуссий руководителем Белорусского национального комитета был избран бывший депутат I Государственной Думы, крупный землевладелец Р. Скирмунт. Признавая его лидером белорусского национального движения, делегаты съезда прежде всего рассчитывали на политический опыт Р. Скирмунта и его известность в среде российских либералов[13]. Как позже вспоминал делегат съезда кс. В. Годлевский, в марте 1917 г. мало кто из присутствующих допус-

Скирмунт Роман Александрович (1868–1939) – белорусский и польский государственный и политический деятель. В 1915–1917 годах возглавлял Белорусский народный комитет.
В 1917 году возглавлял консервативный Белорусский национальный комитет в Минске, потом был членом Минского белорусского народного представительства. Член Рады Белорусской Народной Республики, глава правительства БНР в чине премьер-министра. Был сторонником поисков помощи для независимости Белоруссии в Германии. После войны поляков с большевиками и разгрома белорусской автономии – в Польше, помогал издателям белорусской прессы. В 1930–1935 годах был сенатором Польши

кал возможность углубления революции: казалось, что российские либеральные партии крепко держат власть в своих руках, и именно с этим правительством белорусские деятели должны вести переговоры об организации местной власти и о будущем государственно-политическом статусе Беларуси[14].

На последнем заседании съезда была принята декларация для вручения Временному правительству, а также выбрана делегация из семи человек под руководством Р. Скирмунта, которая должна была передать ее по назначению. Декларация приветствовала Февральскую революцию, которая, по мнению белорусских деятелей, дала свободу Беларуси и приблизила ее автономию, а также выражала надежду, что Временное правительство передаст исполнительную власть в руки Белорусского национального комитета. Таким образом, автономия Беларуси в границах этнографического расселения белорусов, представлялась участникам съезда близкой перспективой, не требующей приложения серьезных усилий[15].

По мнению участников съезда, автономия Беларуси должна была стать гарантией того, что интересы белорусского народа в рамках огромной Российской империи будут учтены и не забыты. «Нам нужна автономия,– писал И. Лесик, – чтобы убедить белорусского хлебороба, что это наибольшая прибыль, а белорусского пролетария, что это наивысший заработок, чтобы этим самым дать своим людям работу дома, на месте, на почве собственной белорусской промышленности...»[16].

В начале апреля 1917 г. делегация Белорусского национального комитета прибыла в Петроград. Встрече с представителями Временного правительства предшествовали длительные (несколько дней) переговоры с Литовским национальным комитетом. В ходе дискуссий подтвердилось кардинальное расхождение белорусских и литовских политиков во взглядах на будущее территориально-политическое устройство края. Литовские деятели в вопросе о границах заняли позицию, с соответствии с которой в состав Литвы должны были войти целиком Виленская, Ковенская и Сувалкская губернии, независимо от национального состава проживавшего на этих землях населения. Белорусы же настаивали на том, что при проведении границ необходимо руководствоваться этнографическим принципом как единственно правильным и устраняющим «всякое насилие одной национальности над другой». Белорусская делегация мотивировала свою позицию тем, что в Ковенской и Сувалкской губерниях, на которые претендовали литовцы, есть уезды, населенные по преимуществу белорусами. Что касается Виленской губернии, то здесь, считали белорусы, литовское население составляло большинство только в двух уездах, остальная же часть губернии являлась белорусской. Отдельно белорусские деятели коснулись национальной принадлежности Вильно. Интернациональный по своему населению, этот город находился «на белорус-

ской территории и окружен белорусским населением», а потому, по мнению делегации БНК, его следовало признать белорусским. Однако высказанные белорусскими политиками аргументы не повлияли на позицию литовцев. Переговоры зашли в тупик, и, не придя к согласию в вопросе о границах, делегация БНК отказалась вступить во Временный комитет по управлению Литвой и прекратила переговоры[17].

14 апреля 1917 г. представители Белорусского национального комитета встретились с министром-председателем Временного правительства кн. Г. Львовым. Делегаты передали ему декларацию, выработанную съездом белорусских партий и организаций, а также обратили внимание главы правительства на необоснованность посягательств Литовского национального совета на город Вильно и этнические белорусские земли, находившиеся в составе Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний[18]. Однако каких-либо практических результатов встреча делегации БНК с членами Временного правительства не имела. Кн. Г. Львов лишь заявил, что принимает белорусскую декларацию к сведению и пообещал наладить с Белорусским национальным комитетом постоянный контакт.

Следует отметить, что Временное правительство еще до встречи с представителями БНК предпринимало определенные шаги к решению белорусского вопроса. В начале апреля 1917 г. среди заинтересованных российских ведомств обсуждался проект образования особого района в местностях, прилегавших к Северо-Западному фронту. Планировалось, что новое административное образование в той или иной степени будет иметь белорусский характер, а к его созданию и функционированию предполагалось привлечь белорусских деятелей. Помимо Минской, Витебской, Гродненской и Могилевской губерний в состав этого национального района планировалось включить всю Виленскую губернию и по одному уезду из Курляндской и Ковенской губерний. Проект поддержали не все члены Временного правительства, прежде всего мотивируя свою позицию тем, что Виленская губерния и часть Гродненской должны быть включены в состав литовского района[19].

Временное правительство в целом более благосклонно относилось к литовскому национальному движению, нежели к белорусскому. Об этом свидетельствуют и результаты встречи представителей Литовского национального совета с кн. Львовым, имевшие место 18 марта 1918 г. В ответ на информацию делегации об образовании Временного комитета по управлению Литвой министр-председатель заявил, что он приветствует инициативу литовцев и попросил Временный комитет в кратчайший срок наметить кандидитов на административные должности по управлению Виленской, Ковенской и Сувалкской губерниями[20]. Таким образом, глава Временного правительства еще до окончательного разрешения вопроса соглашался рассматривать три перечисленные губернии как сугубо литовские.

За время своего существования (27.03–10.07.1917) Белорусский национальный комитет так и не смог выполнить свою главную задачу – добиться от Временного правительства признания и передачи части властных полномочий в руки местных политических сил. Одновременно среди белорусских национальных организаций росло недовольство политикой руководства БНК, в частности тем, что оно игнорировало социально-экономические вопросы. Нахождение крупного землевладельца Р. Скирмунта во главе БНК подрывало доверение крестьян к этой организации и национальному движению в целом[21]. В Белорусском национальном комитете обострились отношения между сторонниками Р. Скирмунта и представителями БСГ, которые придерживались более левых взглядов.

По инициативе БСГ летом 1917 г. был созван новый съезд белорусских национальных организаций. Территория Беларуси и ее будущий государственно-политический статус стал одним из вопросов форума, работавшего в Минске с 8 по 10 июля 1917 г. Существенной эволюции взглядов за прошедшие почти четыре месяца не произошло. Большинство участников съезда по-прежнему стояло на позициях национально-территориальной автономии Беларуси в составе демократического Российского государства. И хоть высказывались предложения ограничиться культурно-хозяйственной автономией (эту идею озвучил лидер Белорусской народной громады (БНГ) А. Цвикевич), наибольшую поддержку получил все же проект, предусматривавший политическую автономию края. Делегаты выразили также протест против «аннексионистских планов Польши», а конкретно против Временной Государственной рады в Варшаве, заявившей о своих претензиях на белорусские земли.

Главным результатом съезда стала ликвидация Белорусского национального комитета. Вместо БНК было принято решение создать новый координационый орган – Центральную раду белорусских организаций (ЦРБО). Делегаты постановили, что в работе первой сессии ЦРБО могли принять участие все организации, признававшие право Беларуси на автономию. Состав первой сессии рады, собравшей в начале августа 1917 г. представителей 23 белорусских организаций, насчитывавших в своем составе около 23 тыс. человек, свидетельствовал о том, что идея политической автономии Беларуси постепенно привлекала все больше сторонников среди всех слоев белорусского общества[22]. Причем смысл, который белорусские деятели вкладывали в понятие автономии, все больше углублялся и радикализировался. Осенью 1917 г. лидеры белорусского движения уже выступали за создание белорусского парламента и приоритет на территории края своего местного законодательства. В сфере компетенции центрального правительства оставались лишь внешнеполитические вопросы, таможня, финансовая система, управление вооруженными силами и стратегические пути сообщения.

Отдельные белорусские политики видели теперь Беларусь и другие национальные окраины не столько в статусе автономных провинций, сколько в виде отдельных государств, «объединенных между собой федеративными связями на почве общего интереса, совместных нужд и взаимопомощи»[23].

Будущий статус Беларуси в составе Российского государства и вопрос о границах Беларуси активно обсуждался на митингах, конференциях, съездах, в большом числе проходивших летом – осенью 1917 г. Помимо Минска, ставшего в 1917 г. руководящим центром белорусского движения на не оккупированной немцами территории, белорусские центры возникли в других крупных российских и украинских городах, где нашло временное пристанище большое число белорусов, бежавших от войны: в Петрограде, Москве, Калуге, Саратове, Казани, Тамбове, Киеве, Одессе и др. И если в Минске политику ЦРБО определяла Белорусская социалистическая громада, то за пределами Беларуси по влиянию на белорусских беженцев, находившихся в России, с ней успешно конкурировала Белорусская Народная Громада. Осенью 1917 г. БНГ предприняла активные попытки объединить все белорусские организации, находившиеся на чужбине, и выработать общую платформу деятельности. С этой целью в Москве в сентябре и в ноябре 1917 г. прошли два всероссийских съезда представителей белорусских организаций, учреждений, партий и белорусского беженского населения.

В работе первого съезда, работавшего с 24 по 27 сентября 1917 г., приняли участие 73 делегата, представлявших различные политические течения в белорусском национальном движении. Основная роль в организации и проведении съезда принадлежала Белорусской Народной Громаде – ее лидер А. Цвикевич был избран председателем съезда, член ЦК БНГ И. Василевич выступил с основным докладом «О политическом устройстве Беларуси и формах управления в России». Позиция членов БНГ в вопросе об автономии Беларуси отличалась меньшим радикализмом по сравнению с Белорусской социалистической громадой. Видимо, этим объясняется тот факт, что на съезде в большом числе оказались представители белорусских организаций либерально-демократического направления, выступавшие против автономии. Протестуя против подобных взглядов, члены БСГ покинули съезд[24]. Однако даже без их участия пункт об автономии получил большинство голосов и был включен в резолюцию: «Ввиду того, что белорусский край представляет резкие особенности по сравнению с остальной Россией по историческому укладу, своей политической жизни, хозяйству и быту, съезд признает необходимым предоставление белорусскому народу и краю автономии»[25].

Резолюция I московского съезда беженцев-белорусов еще раз показала, что идея автономного статуса Беларуси в составе России приобретала все больше сторонников и была способна стать пунк-

том программы, объединяющей большинство белорусских политических партий и организаций.

Еще одним таким пунктом могла стать борьба за целостность Беларуси и защита ее территории от посягательств со стороны соседних государств. С осени 1917 г. в выступлениях белорусских деятелей, в резолюциях различных съездов все чаще начинает проявляться обеспокоенность послевоенной судьбой белорусского края, а именно тем, как в мирном договоре будет обеспечена территориальная целостность Беларуси. Так, выступая 10 сентября 1917 г. на Съезде народов, представитель Беларуси С. Рак-Михайловский проинформировал присутствовавших о состоянии белорусского национального движения и выразил уверенность в его победе. По инициативе белорусских делегатов в окончательную резолюцию съезда было внесено постановление, касавшееся Беларуси. Отметив опасность того, что значительная часть белорусских земель может быть оторвана от страны, Съезд обратился к Временному правительству с предложением «неотложно выдать декрет об автономии Беларуси в границах Российской демократической федеративной республики с окончательным присоединением к автономной Беларуси всех занятых врагом земель в этнографических границах расселения белорусского народа»[26]. Делегаты I белорусского съезда в Москве также единогласно признали, что «при заключении мира ни одна пядь белорусской земли не должна отойти ни к одному из соседних, а тем более враждебных государств»[27].

По итогам I съезда территориальный вопрос планировалось вынести и на II съезд белорусских организаций, созывавшийся в Москве с 19 по 21 ноября. В повестку дня предусматривалось включить вопрос о разработке этнографических и административных границ Белорусского края[28]. В связи с этим БНГ, занимавшаяся подготовкой ноябрьского съезда, предлагала участникам съезда (в частности, в архиве имеется письмо, адресованное И. Дыло) привезти с собой в Москву все материалы (статьи, доклады, карты), которые могли бы помочь в определении белорусских границ[29].

Курс на автономию Беларуси и защиту ее территориальной целостности сохранил и новый координирующий центр белорусского движения, заменивший в октябре 1917 г. Центральную раду белорусских организаций. На II сессии ЦРБО (15–25 октября 1917 г.) был создан новый руководящий орган – Великая белорусская рада (ВБР), декларировавшая своей главной задачей защиту всего белорусского народа.

В это же время белорусские национальные силы сделали еще один важный шаг к укреплению своего положения: была предпринята попытка создания национальных воинских формирований. Практически одновременно со II сессией ЦРБО в Минске прошел съезд воинов-белорусов Западного фронта (18–24 октября 1917 г.), на котором также присутствовали представители белорусских орга-

низаций 12-й армии (Северный фронт), Балтийского флота и Румынского фронта. Делегаты признали «крайне необходимым» создание белорусского войска и сформировали временную Центральную белорусскую войсковую раду (ЦБВР), которой поручалось заняться практической реализацией решений съезда.

В резолюции съезда нашел отражение и территориальный вопрос. Прежде всего участников съезда волновала судьба белорусских земель, разделенных фронтом, условия будущего мирного договора и обеспечение территориальной целостности Беларуси в послевоенном мироустройстве. «Перед лицом ужасной угрозы разделения Беларуси на две части, из которых одна может достаться врагу», делегаты призвали белорусский народ объединиться вокруг Великой белорусской рады. Четкое описание белорусской территории в резолюции отсутствует. Однако в той ее части, где речь идет о необходимости возвращения в Беларусь ценностей, вывезенных из края во время военных действий, упоминается Виленский университет как университет, принадлежащий белорусскому народу. Концентрация внимания именно на Виленском университете показательна. Авторы резолюции не только подчеркивали статус университета как научного и культурного центра края, но и напоминали литовцам и Временному правительству, что Вильно – город, находящийся на белорусской территории, и белорусы не собираются отказываться от своих прав на него[30].

Более детально территория Беларуси очерчена в совместном обращении Исполнительных комитетов ВБР, ЦВБР и белорусского исполкома Западного фронта «Ко всему белорусскому народу». За полгода, прошедшие с момента образования БНК (март 1917 г.) и до создания ВБР, произошло немало событий, которые могли повлиять на позицию белорусских национальных сил относительно территории планируемой белорусской автономии: обнаружилось столкновение белорусских и литовских интересов в вопросе о границах между Литвой и Беларусью; прояснилась позиция Временного правительства, которое больше симпатизировало литовскому плану территориального разграничения. Однако белорусские национальные деятели не изменили своих взглядов в вопросе о территории Беларуси. По мнению авторов обращения, Беларусь включала «в свои пределы Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую губернии, западные уезды Смоленской губернии и северные уезды Черниговской губернии, являвшиеся единой и неделимой страной, спаянной братскими узами со всей остальной Федеративной Российской Республикой»[31].

Территориальный вопрос в этот период достаточно активно обсуждался на съездах солдат-белорусов. Причем, в резолюциях воинских съездов проблеме белорусских границ порой уделялось больше внимания, чем на съездах ВБР и ЦБВР. В качестве примера сошлемся на резолюцию съезда воинов-белорусов Северного

фронта, состоявшегося в Витебске 15–22 ноября 1917 г. Поддержав ВБР и временную ЦБВР, участники съезда выразили протест против «намерения Германии включить в состав будущей Литвы оккупированные немецкими войсками наши белорусские территории. Делегаты заявили, что не только Вильно являлся белорусским городом, но и «значительная часть Виленского уезда, а также часть территории Трокского уезда с городом Троки, как находящимся в полосе этнографического расселения белорусского народа». Съезд также указал, что из состава Литвы должны быть выделены Августовский и часть Сенненского уездов Сувалкской губернии как уезды, в значительной степени населенные белорусами.

Значительная часть резолюции посвящена анализу территориальных претензий поляков и латышей, которые съезд посчитал безосновательными: «Съезд заявляет, что и Польша ни в коем случае не может рассчитывать на захват хотя бы одного уезда Гродненской губернии, так как этнографически вся территория Гродненской губернии, за исключением южной, украинской, части ее, как и почти вся территория Виленской губернии, целиком принадлежат белорусскому народу (в Виленской губернии 891000 белорусов, поляков 130054 и литовцев 279877, а в Гродненской губернии 705045 белорусов, поляков 161662 и литовцев 3366 человек (труды Ком. по изуч. плем. сост. насел. России, изд. Ак. Наук, 1917 г.). Точно так же и в отношении Витебской губернии съезд белорусов-воинов Северного фронта заявляет, что части Люцинского, Режицкого и Двинского уездов вместе с городом Двинском должны, как местности с преобладающим белорусским населением, войти в состав автономной Белоруссии, а также и значительная часть территории Иллукстского уезда Курляндской губернии, как белорусская, должна отойти в состав целокупной и неделимой автономной Белоруссии». Справедливое разрешение спорных территориальных вопросов съезд воинов-белорусов Северного фронта связывал с будущей мирной конференцией, которая, по мнению делегатов, устанавливая границы новых государств Европы, должна была руководствоваться одним главным критерием – пределами этнографического расселения того или иного народа[32].

Территориальный вопрос рассматривался в качестве основного и на съезде белорусов-воинов 3-го Сибирского армейского корпуса. Собравшихся 20 ноября 1917 г. в местечке Мир белорусских солдат, также как и их товарищей в Витебске, больше всего волновали условия будущего мира и судьба белорусских земель, занятых на то время немецкими войсками. Делегаты заявили, что оккупированные Ковенская и Гродненская губернии целиком, а также части Виленской, Витебской и Минской губерний являются белорусскими и после заключения мирного договора должны быть объединены с остальной Беларусью в одно государственное образование. Выска-

зывался также протест против притязаний на белорусские земли со стороны Литвы и Польши[33].

Таким образом, к осени 1917 г. среди белорусских национальных партий и организаций выработалось определенное единство во взглядах на будущее государственное устройство Беларуси и ее территориальный состав. Большинство национальных сил, расходясь в социально-политических вопросах, наиболее приемлемой формой белорусской государственности считали автономию. Различия возникали лишь в выборе государства, составной частью которого Беларусь должна была стать. Можно было ожидать, что давление белорусского национального движения на Временное правительство с целью осуществления данной модели государственного устройства Беларуси будет усиливаться. Учитывая, что подобное решение национального вопроса было весьма популярным и среди национальных лидеров других национальных окраин бывшей Российской империи, имелись веские основания предполагать, что Временное правительство, в конце концов, удовлетворит требования белорусов. Однако в октябре 1917 г. в российской политической ситуации вновь произошли кардинальные изменения. Белорусским национальным организациям в очередной раз пришлось вырабатывать новую тактику действий, приспосабливаясь к новым политическим условиям.

Октябрьские события в Петрограде, переход власти от Временного правительства к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов еще больше усилили стремление белорусских партий и организаций к неотложному установлению автономии в крае. Более того, среди белорусских организаций, претендовавших в это время на роль центра белорусского движения, при всех их различиях в социально-экономических программах, сложилось редкое единодушие во взглядах на политическое будущее Беларуси. Осенью 1917 г. о своих амбициях как руководящего органа белорусского национального движения заявили сразу три организации – Великая белорусская рада, политику которой в значительной степени определяла Белорусская социалистическая громада; Белорусская народная громада, объединившая белорусских беженцев в России и сумевшая провести два крупных съезда в Москве; и Белорусский областной комитет (БОК), созданный в ноябре 1917 г. при Всероссийском Совете крестьянских депутатов и пользовавшийся поддержкой нового большевистского правительства. Есть смысл более детально рассмотреть политические программы этих трех организаций в области белорусского государственного строительства.

Что касается ВБР, БСГ и БНГ, то эти организации еще до Октябрьской революции определенно и недвусмысленно заявили о необходимости автономии Беларуси в составе Российской федеративной республики и предприняли конкретные шаги для реализации поставленной цели. То, что к власти пришли большевики, ничего по сути не меняло. Большевистское правительство, заменившее Времен-

ное правительство, в глазах белорусских национальных лидеров выглядело еще менее долговременным органом – просуществовать большевистскому Совету Народных Комиссаров (СНК) (с этим на первых порах соглашалось само руководство РКП(б)) предстояло лишь до созыва Всероссийского Учредительного собрания, который должен был сформировать постоянное правительство и конституировать новое политическое устройство послереволюционной России. Казалось, большевистскому правительству предуготована еще менее долговечная судьба, чем Временному правительству. Не случайно крупнейшие социалистические партии отказались разделить с большевиками бремя власти и ответственности в период до созыва Учредительного собрания, предпочтя сконцентрироваться на самом процессе выборов. Легитимность правительства В. Ленина, получившего свои полномочия от III Всероссийского съезда Советов – органа нового, имевшего весьма неглубокие корни в российской истории, была еще более сомнительной, чем Временного правительства кн. Г. Львова, а затем социалиста А. Керенского. Все это не добавляло большевистскому СНК авторитета. И если политические организации национальных российских окраин были готовы наперекор Временному правительству пойти на объявление автономного статуса своих национальных регионов, то с Советом Народных Комиссаров они намерены были считаться еще меньше. Так, 7 ноября 1917 г. Украинская Центральная рада, незадолго до этого осудив большевистский переворот, издала свой Третий Универсал, провозглашавший Украинскую народную республику в федеративной связи с Россией[34].

Белорусские организации были готовы действовать подобным образом. Комитет белорусов 12-й армии предлагал Центральной войсковой раде войти в большевистское правительство с ходатайством об организации национальных белорусских войск. В «национализации» войск комитет видел единственный способ спасти страну от развала и анархии. Собрание комитета белорусов 12-й армии также направило в Петроград телеграмму на имя Верховного главнокомандующего Н. Крыленко и в Комиссариат по национальным делам. В телеграмме выдвигалось требование «немедленного разрешения белорусизации, в противном случае начавшееся стихийное движение в армии белорусов грозит вылиться в самые нежелательные явления и начавшаяся революционным порядком белорусизация закончится уходом на свою территорию»[35].

Большевики сами способствовали росту сепаратистских настроений. Стремясь заручиться поддержкой национальных окраин бывшей Российской империи, ленинское правительство проявило определенный либерализм в отношении к национальным движениям. Первый документ, положивший начало советской национальной политике, – Декларация прав народов России (ноябрь 1917 г.) – получил большой резонанс. Декларация признавала за народами бывшей Российской империи право на свободное национально-го-

сударственное самоопределение, предусматривала меры по преодолению последствий социального и национального гнета. Политика царизма заменялась «политикой добровольного и честного союза народов России»[36]. Меньше всего национальные лидеры склонны были видеть в Декларации прав народов ничем не подкрепленные обещания. Наоборот, они воспринимали Декларацию как призыв к действию, как документ, дававший национальным движениям правовые и моральные основания для реализации вопроса об автономном статусе.

Смена власти, тем более насильственная, – это всегда период нестабильности. Еще и по этой причине большевистский переворот весьма неоднозначно был воспринят остальными демократическими партиями России. В национальных центрах российских окраин, в том числе и в Беларуси, новость о свержении Временного правительства, при всей его непопулярности, не вызвала всеобщего ликования. Вот как участник тех событий описывал реакцию жителей Минска на известие о большевистском перевороте: «Казалось, что город парализован. Не было никаких проявлений энтузиазма или хотя бы радости. Даже солдаты, поддерживающие новую власть, были угрюмы, неохотно разговаривали с прохожими. В Совете (Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – *С.Х.*) настроение было нервное, но тоже не приподнятое, не радостное. Я хорошо это помню, потому что кто-то обратил внимание Мясникова на «депрессию». Мясников сказал, что «радоваться нечему» и что «дело только начинается и еще не известно, как кончится»[37]. Население, устав от революций, войн и лишений, желало одного – спокойствия. При этом мало кто верил, что приход к власти большевиков будет способствовать примирению общества и установлению этого спокойствия. В преобразованиях, инициированных большевиками, лидеры национальных движений видели угрозу диктатуры и гражданской войны. Поэтому в «Грамоте к белорусскому народу», выпущенной в связи с октябрьскими событиями в Петрограде, белорусские национальные организации, объединившиеся вокруг ВБР, призывали всех жителей сохранить спокойствие в крае и не допустить, чтобы «вихрь беспорядка погубил наше святое национальное дело защиты свобод и прав белорусского народа»[38].

Белорусский областной комитет также достаточно пессимистично оценивал текущую ситуацию в России. В декларации БОК от 17 ноября 1917 г. высказывалась мысль о том, что мощь Российского государства пошатнулась, защита государственных границ ослабела, а внутри самого государства разразилась гражданская война. Доказательство этого авторы декларации видели в образовании мелких национальных республик: Финляндской, Украинской, Литовской, Латышской и др. Со стороны некоторых из них, отмечали лидеры БОК, существовала угроза для Беларуси: «Мы стоим перед фактом возможного присоединения Белоруссии к Польше... Точно так же

вновь нарождающиеся соседние республики – Украина, Литва – уже заявили претензии на отдельные уезды и даже губернии Белоруссии и в этом направлении подготавливают общественное мнение и готовятся к борьбе на предстоящей мирной конференции воюющих держав. Обессиленная и раздавленная Россия, по-видимому, не в силах удержать в своих руках целостность государства». Исходя из этого, БОК делал вывод о том, что белорусы должны сами защитить свои национальные интересы, заявив о самоопределении[39].

Совпадение целей белорусских организаций позволило им на время объединить свои силы. Кульминацией такого объединения и политического компромисса стал Первый Всебелорусский съезд. С инициативой созыва такого представительного съезда выступила первой ВБР, получив поддержку БНГ. Главной задачей съезда должно было стать создание краевой власти, поскольку существовавшую на тот момент власть в лице Областного Исполнительного комитета Западной области и Западного фронта (Облискомзап) белорусские национальные деятели считали исключительно фронтовым органом. Для подобных заключений имелись веские основания: в составе Облискомзапа преобладали военные, в его руководстве не было ни одного представителя местного населения. Со своей стороны, и Облискомзап к планам проведения Всебелорусского съезда отнесся крайне негативно, усмотрев в нем покушение на собственную власть. Узнав о планах Великой белорусской рады созвать в Минске 5 декабря 1917 г. I Всебелорусский съезд, один из руководителей Облискомзапа А. Мясников сразу же выехал в Москву, намереваясь получить от народного комиссара по делам национальностей И. Сталина согласие на запрет съезда. Однако Наркомнац разрешения на это не дал. Причин для этого было несколько. Во-первых, большевистское правительство еще слабо ориентировалось в белорусском вопросе и в обстановке в крае в целом. Запретив съезд, оно рисковало получить в Беларуси ситуацию, подобную украинской, когда Центральная рада начала действовать без оглядки на Совет Народных Комиссаров. Кроме того, запрет на проведение съезда мог ослабить положение большевиков на переговорах с немцами в Брест-Литовске, которые в скором времени должны были начаться и где советская делегация собиралась выступить в роли защитников национальных меньшинств. Во всяком случае, именно по этой причине, судя по воспоминаниям Е. Канчера, Облискомзап не предпринял шагов по роспуску Великой белорусской рады, а наоборот, разрешил ей провести в Минске съезд[40]. Вместо радикальных действий И. Сталин посоветовал А. Мясникову найти какую-нибудь другую белорусскую организацию, которая согласилась бы выступить против ВБР и провести свой съезд также в декабре, но в другом городе[41].

Такая организация нашлась в лице Белорусского Областного комитета. Ее лидер Е. Канчер в своих мемуарах вспоминал, что в

начале ноября, а затем 5 декабря 1917 г. у него на квартире при участии И. Сталина и М. Фрунзе обсуждались программа съезда и вопросы создания Белорусской автономной республики[42]. Далее с 8 по 10 декабря 1917 г. в Петрограде прошли переговоры между делегацией БОК и представителями Облискомзапа. Их результаты были следующие: Облискомзап получал право направить на съезд 10 делегатов с правом решающего голоса. Планировалось также, что руководство Облискомзапа выступит на съезде с докладом о деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, экономическом положении Белорусского края, революционном движении на фронте и в Минском гарнизоне. В свою очередь, на областные власти возлагалась задача обеспечения делегатов съезда помещением, питанием и транспортом. В начале декабря 1917 г., как следует из воспоминаний Е. Канчера, условия соглашения между БОК и Облискомзапом были доложены В. Ленину. В кабинете главы СНК в Смольном присутствовали Е. Канчер, И. Сталин, Я. Свердлов. Глава большевистского правительства соглашение одобрил и дал указание о выделении БОК 50 000 рублей на проведение съезда[43].

В своих мемуарах Е. Канчер также упоминает, что, по соглашению с большевистским руководством, он разработал положение о Белорусской автономной республике, один из пунктов которого был посвящен территориальному вопросу. В своих воспоминаниях Е. Канчер включил в состав белорусской автономии те уезды «Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Виленской и Волынской губерний», где преобладало белорусское население[44]. В перечне, как видим, отсутствовало упоминание о белорусских уездах Смоленской, Черниговской и других губерний. Было ли это официальной позицией главы БОК либо ошибкой, допущенной Е. Канчером в мемуарах, судить сложно. Во всяком случае, в одном из объявлений, распространявшихся Белорусским областным комитетом в конце ноября 1917 г., на собрание для обсуждения текущего положения Беларуси приглашались белорусы Минской, Витебской, Гродненской, Черниговской, Смоленской и Ковенской губерний[45].

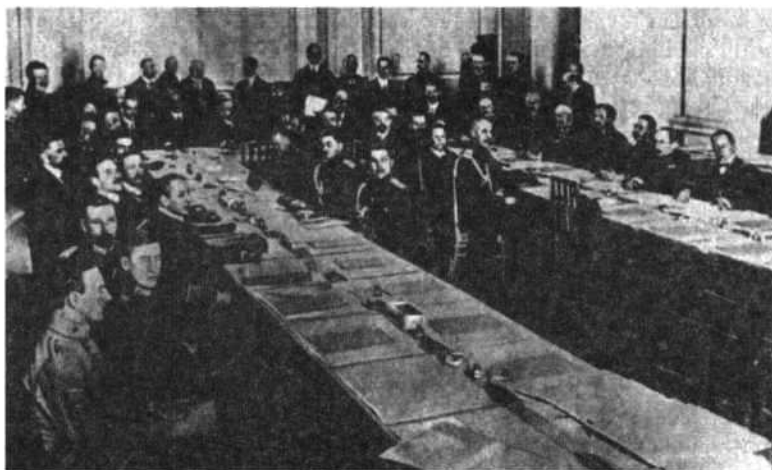
О том, какую территорию деятели БОК считали белорусской, можно судить также по «Инструкции по вопросу об организации Белорусского съезда», подготовленной Белорусским областным комитетом. Документ предлагал принять участие в съезде и направить своих делегатов организациям, учреждениям, действовавшим в губерниях Минской, Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской, а также в белорусских уездах Черниговской, Смоленской, Ковенской, Сувалкской и Холмской губерний[46].

Великая белорусская рада в своем обращении «Ко всему народу белорусскому» также не обошла стороной территориальный вопрос. Объявляя о созыве съезда «представителей всего белорусского народа», исполнительные комитеты ВБР, ЦВБР и Белорусский Исполком Западного фронта подчеркнули, что «Белоруссия, включа-

ющая в свои пределы Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую губ., западные уезды Смоленской губ. и северные уезды Черниговской губернии, является единой и неделимой страной, спаянной братскими узами со всей остальной Федеративной Российской республикой»[17].

Территориальный вопрос поднимался и на собраниях белорусских организаций, направлявших делегатов на съезд в Минске. Так, в наказе белорусов 404-й пехотной Могилевской дружины делегатам съезда отдельным пунктом стоял вопрос о территории Беларуси. В состав автономной Белорусской республики дружина считала необходимым включить губернии: «Могилевскую, Минскую, Витебскую, Гродненскую и два уезда от Днепра и по реке Сож Смоленской губернии. В губерниях Черниговской, Волынской и Виленской предоставить право самоопределения путем плебисцита»[48].

Участники подобных митингов и собраний делали акцент на еще одном важном обстоятельстве. Они отмечали, что целостность Беларуси должна стать главным условием будущего мирного договора. Так, конференция воинов-белорусов Петроградского гарнизона, заслушав доклад Д. Жилуновича о национально-политическом возрождении Беларуси и ее международном положении, постановила добиваться от Совета Народных Комиссаров белорусского представительства на мирных переговорах. Конференция, выразив поддержку Великой белорусской раде и Центральной белорусской войсковой раде, потребовала от СНК издания декрета о том, что объединение разделенных фронтом частей Беларуси станет одним из условий мирного договора[49].



Мирные переговоры в Бресте. Март 1918 г.

Таким образом, при подготовке I Всебелорусского съезда территориальный вопрос рассматривался в двух плоскостях. Во-первых, национальные партии и организации, созывавшие съезд и направлявшие на него своих делегатов, предполагали более детально обсудить территорию белорусской автономии. Во-вторых, будущих участников съезда волновало, как будет обеспечена целостность Беларуси на мирных переговорах. Обе стороны вопроса были одинаково важны. Съезд не мог провозгласить автономную республику, не определив с той или иной степенью точности территориальный состав новой административной единицы. С другой стороны, созидательная деятельность в сфере белорусской государственности теряла всякий смысл в случае, если бы мирный договор закрепил разделение белорусских земель между воюющими сторонами.

Из-за разногласий между ВБР и БОК у делегатов I Всебелорусского съезда была противоречивая информация о начале работы съезда. Сторонники ВБР начали съезжаться в Минск 5 декабря 1917 г. В этот день прибыло 300 человек. А по состоянию на 7 декабря 1917 г. мандатная комиссия зарегистрировала 383 делегата с правом решающего голоса. Кворум был. И делегаты приняли решение работу начать. Вечером 7 декабря в 8 часов 45 минут в городском театре председатель С. Рак-Михайловский объявил съезд открытым.

На протяжении последующей недели делегаты продолжали прибывать. Все это время велась работа в секциях и фракциях съезда. Был избран президиум съезда. Но полноценная работа съезда началась 14 декабря, когда в Минске собралось большинство делегатов. Всего мандатная комиссия выдала 1167 мандатов с правом решающего голоса и 705 с правом совещательного голоса[50].

Проблема белорусских границ не стала главенствующей на I Всебелорусском съезде. Доминировали другие вопросы: о краевом органе власти, будущем государственном статусе Беларуси, взаимоотношениях с Россией, по которым и велись горячие дискуссии. Хотя нельзя сказать, что территориальный вопрос был вообще обойден вниманием. Прежде всего участников съезда волновал ход мирных переговоров между Россией и Германией. 14 декабря 1917 г. на съезде были оглашены результаты разговора делегатов по прямому проводу с И. Сталиным. В связи с появлением в печати сведений о том, что в Бресте обсуждается план включения белорусских земель в состав Польши, президиум съезда обратился за информацией к наркому по делам национальностей. И. Сталин ответил расплывчато и в декларативной манере. Он заявил, что повода для беспокойства нет, и заверил, что СНК будет защищать белорусские интересы всеми доступными средствами[51]. Аналогичный ответ делегаты съезда получили и от председателя советской делегации на переговорах в Бресте Л. Троцкого. Отметив, что белорусский вопрос в Бресте еще не рассматривался, он заявил, что судьбу Беларуси имеет право ре-

шать только сам белорусский народ и на этой позиции стоит советская делегация[52].

Участников съезда такие ответы большевистского руководства удовлетворили частично. Белорусские партии и организации не верили, что большевики смогут полноценно представить и отстоять белорусские интересы на мирных переговорах. Логичным результатом переговоров с представителями большевистского правительства стало включение в резолюцию съезда пункта 8, предусматривавшего направление в Брест-Литовск белорусской делегации «для отстаивания цельности и неделимости Белоруссии». Однако проголосовать по этому пункту резолюции участники съезда не смогли. Делегаты успели одобрить только первый пункт постановления, утверждавший «республиканский демократический строй в пределах Белорусской земли» и предусматривавший образование из состава съезда краевого органа власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов[53]. Сразу же после голосования по первому пункту, которое происходило в ночь с 17 на 18 декабря 1917 г., съезд был разогнан. Облискомзап и СНК Западной области под угрозой применения оружия запретили работу съезда, усмотрев в действиях делегатов попытку узурпации власти. Президиум и некоторые делегаты были арестованы.

Как следует из архивных источников, принимая решение о разгоне съезда, руководство Облискомзапа действовало по собственной инициативе. Санкции центральной власти на подобные действия у него не было. Более того, большевистское руководство проявило сильное недовольство, узнав о таком развитии событий в Минске. Во всяком случае именно так описывает первую реакцию наркома по делам национальностей И. Сталина один из организаторов съезда Е. Канчер. Уже утром 19 декабря 1917 г. лидер БОК был в Смольном. Он

Подлинные вершители белорусской истории: **Адольф Иоффе** (крайний справа) – глава советской делегации на переговорах в Бресте в декабре 1917 г. С тростью – нарком по иностранным делам **Лев Троцкий**

проинформировал И. Сталина о разгоне съезда. Последний тут же позвонил А. Мясникову, потребовал объяснений и приказал освободить «всех левых, кто бы они ни были». Действительно, у наркома по делам национальностей были основания для тревоги. В это самое время все больше углублялся конфликт СНК с украинской Центральной радой, перерастая из дипломатического в военный. Возникновение подобной ситуации в Беларуси, в непосредственной близости от места мирных переговоров, могло поставить советскую власть в Беларуси, имей белорусское национальное движение более массовый характер, в тяжелое положение. Поэтому большевистское руководство постаралось сгладить конфликт. В воспоминаниях Е. Канчера есть еще один интересный момент о встрече с В. Лениным, на которой обсуждался разгон Всебелорусского съезда. По словам Е. Канчера, глава большевистского правительства посоветовал БОК продолжить работу по созыву съезда подальше от фронта, пообещав сделать К. Ландеру и А. Мясникову «необходимое внушение»[54].

В то время как одна часть участников съезда пыталась добиться справедливости и исправления ошибки у большевистского руководства в Петрограде, другая часть, большинство которой составляли делегаты, поддерживавшие программу ВБР, решили не подчиниться разгону и предприняли шаги по созданию в Беларуси местной власти, альтернативной Облискомзапу. 18 декабря 1917 г. на заседании в депо Либаво-Роменской железной дороги Совет I Всебелорусского съезда постановил считать съезд разогнанным. В связи с этим Совет брал на себя обязанность провести в жизнь все решения и постановления съезда[55]. Поскольку делегаты успели проголосовать только за создание в крае местной власти, то именно Совет съезда в первую очередь становился органом, претендующим на всю полноту власти в Беларуси. Реализовать на практике это право возможности у Совета на тот момент не было. Поэтому Исполком съезда вынужден был действовать подпольно. Тем не менее даже в этих условиях он сумел направить на мирные переговоры в Брест-Литовске свою делегацию, в состав которой вошли С. Рак-Михайловский, И. Середа и А. Цвикевич. Перед делегацией ставилась задача защиты прав белорусского народа, обороны единства и неделимости Беларуси как равноправной, автономной части Российской Демократической Федеративной Республики[56].

Насильственный разгон I Всебелорусского съезда в Минске не остался незамеченным на мирной конференции в Брест-Литовске. На заседании 12 января 1918 г. член немецкой делегации начальник штаба немецких войск на восточном фронте генерал Гофман указал на непоследовательность большевиков в проводимой ими национальной политике: требуя самоопределения для народов занятых немецкой армией земель, сами большевики «штыками и пулеметами разогнали Первый Белорусский Конгресс в Минске, стремившийся осуществить права белорусского народа на самоуправление».

Российская делегация сразу даже не нашла, что ответить на это обвинение. Через два дня глава российской делегации Л. Троцкий дал свое объяснение факту разгона съезда. Он заявил, что Белорусский конгресс якобы состоял исключительно из представителей белорусских землевладельцев, пытавшихся завладеть тем, что принадлежит белорусскому народу[57].

Белорусская делегация добралась до Брест-Литовска через десять дней после этого заявления Л. Троцкого. В работе конгресса она смогла принять участие только в качестве советников украинской делегации, поскольку Л. Троцкий отказался признать полномочия белорусов, заявив, что белорусское правительство не признано Советским правительством РСФСР. Немецкая сторона позицию Л. Троцкого поддержала. На этот раз интересы немецкой и российской делегаций совпали. Исходя из того, что фронт проходил по территории Беларуси, было очевидно, что раздела белорусских земель не избежать. Допустив участие белорусской делегации в переговорном процессе, осуществить подобный раздел было бы затруднительно. Наказ, данный белорусским делегатам Советом Всебелорусского съезда, ясно говорил о том, что белорусские представители своего согласия на раздел Беларуси не дадут. В этом случае не признанный белорусской делегацией мирный договор между воюющими сторонами выглядел бы насилием над белорусским народом и существенно снизил бы тот положительный эффект, на который рассчитывали власти как Германии, так и советской России.

Между тем на заседании 5(18) января 1918 г. германская делегация потребовала передачи под свою юрисдикцию бывшей российской территории площадью свыше 150 тыс. кв. км. Граница должна была пройти по линии: на восток от Моонзундского архипелага и Риги, на запад от Двинска, около местечка Видзы и далее до Брест-Литовска; далее на юг она должна была определяться соглашением между Германией, Австро-Венгрией и Украиной. Таким образом, по немецкому плану, под контроль Германии переходили Литва, Польша, половина территории Беларуси и часть Латвии.

Позиция, занятая Л. Троцким и выражавшаяся в лозунге «ни войны, ни мира», привела к тому, что 18 февраля 1918 г. австро-германские войска начали наступление по всему фронту. Уже на следующий день СНК РСФСР в телеграмме немецкому правительству дал согласие на мир. Тем не менее наступление продолжалось. Немцы оккупировали Двинск, Минск, практически всю территорию Беларуси. Большевистское правительство было вынуждено признать новые, еще менее выгодные условия мирного договора. От России отделялись Курляндия, Литва, Лифляндия, Эстляндия и часть Беларуси по линии Двинск – Свентяны[58].

После подписания Брестского мирного договора в Беларуси сложилась абсолютно новая политическая ситуация. Перед белорусскими национальными организациями встала задача налаживания

деятельности в условиях немецкой оккупации, продолжения работы по созданию белорусской государственности и отстаиванию перед соседями белорусских интересов. На оккупированные немцами белорусские земли претендовали Литва, Украина, Польша. Вместе с тем, с оккупацией немцами восточной Беларуси у белорусских организаций Вильно и Минска появилась возможность наладить более тесные связи и координировать свои усилия. Объединившись, белорусские деятели довольно быстро осознали, что наиболее эффективно бороться за белорусскую государственность и ее территорию, отстаивать интересы белорусского народа можно, только подняв вопрос о государственности на более высокий уровень, провозгласив независимую Белорусскую республику.

Примечания

1 Революционное движение в России после свержения самодержавия: док. и материалы / под ред. Л.С. Гапоненко (отв. ред.) и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 419.
2 Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. С. 24.
3 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 35–36.
4 Національні відносини в Україні у ХХ ст.: зб. док. і матеріалів. Київ, 1994. С. 43.
5 Революция и национальный вопрос: док. и материалы по истории нац. вопроса в России и СССР в ХХ в. Т. 3. С. 53.
6 Скалабан В. «...В это суровое и важное время» // Неман. С. 141–149.
7 Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. С. 79.
8 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 149, л. 45–46.
9 Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). С. 10.
10 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 149, л. 48.
11 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 175, л. 10–11.
12 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 3, л. 1.
13 З.Ж. (Жылуновіч З.). З'езд беларускіх нацыянальных арганізацый 25 сакавіка 1917 г. // Полымя. 1925. № 6. С. 206.
14 Гадлеўскі В. З беларускага палітычнага жыцця ў Менску ў 1917–1918 гг. // Спадчына. С. 21.
15 Рудовіч С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. С. 92.
16 Лёсік І.І. Творы. С. 210.
17 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 175, л. 11–12.
18 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 175, л. 12–13.
19 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 24.
20 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 149, л. 49.
21 Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. С. 7.
22 Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 34–36.
23 Лёсік Я. Аўтаномія Беларусі // Спадчына. 1990. № 3. С. 20–22.
24 Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 41.

25 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 35.
26 Матвієнко В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на території колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2003. С. 103.
27 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 35.
28 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 19, л. 2.
29 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 49
30 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 39.
31 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 58.
32 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 80.
33 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 5, л. 21.
34 Остафійчук В.Ф. Історія України: сучасне бачанне. Київ, 2002. С. 178.
35 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 338, л. 34, 65–66.
36 Образование СССР: сб. док., 1917–1924 / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. Э.Б. Генкиной. М.; Л., 1949. С. 19.
37 Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск: Тесей, 2004. С. 160.
38 Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. С. 95.
39 Там же. С. 103–104.
40 НА РБ. Ф. 311, оп. 4, д. 27, л. 36.
41 Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск: Навука і тэхніка, 1992. С. 45.
42 НА РБ. Ф. 311, оп. 4, д. 31, л. 1.
43 НА РБ. Ф. 311, оп. 4, д. 27, л. 39.
44 НА РБ. Ф. 311, оп. 4, д. 27, л. 33.
45 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 2, л. 88.
46 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 81, л. 18.
47 Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. С. 97.
48 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 6, л. 7.
49 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 5, л. 47.
50 Ладысеў У.Ф. Першы Усебеларускі з'езд 1917 г. і яго наступствы // Нарысы гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П. Касцюк і інш.; рэдкал. А.А. Каваленя і інш. Мінск: Беларус. Навука. С. 75–80.
51 Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / публ. В. Скалабана // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 1. С. 66.
52 Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Менск: 1-я дзярж. друк., 1927. С. 59.
53 Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. С. 106–107.
54 НА РБ. Ф. 311, оп. 4, д. 31, л. 13.
55 Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажытных часоў да нашых дзён: вучэб. дапам. / пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага. Мінск: Акад. МУС РБ, 1998. С. 210.
56 Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 65.
57 Калубовіч А. Крокі гісторыі: дaслед., арт., успаміны. Беласток; Вільня; Менск: ГаМакс, 1993. С. 79–80.
58 Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. 1994. С. 103.

Глава 2

Территориальный вопрос в политике правительственных органов БНР

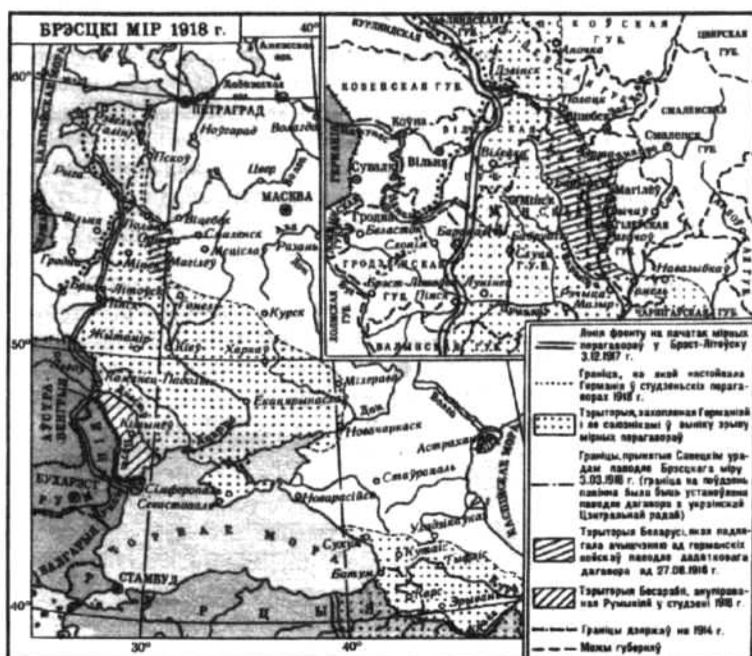
2.1. Определение государственных границ Беларуси на этапе провозглашения БНР

Начало XX в. – время национально-государственного самоопределения народов Российской империи, их борьбы против политического и экономического бесправия, угнетения национальной культуры и языка. В новой политической ситуации, которая сложилась после свержения самодержавия, национальные лидеры активно искали пути такого государственного обустройства страны, которое гарантировало бы учет интересов всех народов. Решения предлагались самые разные, не исключая полной политической самостоятельности национальных провинций. Тем не менее, как свидетельствует анализ программ национальных партий первой половины 1917 г., наиболее популярной среди политических деятелей была идея национально-территориальной автономии, конкретное содержание которой должно было определить Учредительное собрание.

Октябрьская революция в который раз за короткое время коренным образом изменила ситуацию в стране, стала одной из причин гражданской войны. При этом позиционирование политических сил в национальных регионах имело существенные особенности. В отличие от центральной России, где борьба за власть шла между большевиками и белым движением, в национальных регионах развитие событий определялось соперничеством между сторонниками коммунистической идеи и представителями национальных движений. Большевики и национальные партии достаточно быстро разглядели друг в друге противника. В конце 1917 г. лидер российской и мировой революции В. Ленин писал: «Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно и на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку сил, идущую в процессе борьбы между национализмом Украинской рады, Финляндского сейма и т.п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарско-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик, с другой»[1]. Деятельность национальных партий априори рассматривалась большевиками как реакционная и контрреволюционная. Со своей стороны, лидеры национальных движений в преобразованиях, инициированных большевиками, видели серьезную опасность однопартийной диктатуры и гражданской вой-

ны. Коммунистическую идею они считали утопией, противоречившей природе человека. Поэтому свою главную задачу они видели в том, чтобы противопоставить популистским лозунгам большевиков ценности демократического государства с его приоритетом прав человека и уважением частной собственности. Разгон Всебелорусского съезда в декабре 1917 г., заключенный в скором времени Брестский мир, разделивший белорусские земли между Германией и Россией, окончательно определили отношение белорусских национальных партий к политике большевиков и большевистской России. Был взят курс на создание независимого белорусского государства, попыткой осуществления которого стало провозглашение в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики.

Реализовывать программу по созданию независимого белорусского государства лидерам национального движения пришлось в сложной геополитической ситуации: сначала на фоне возобновленных военных действий между Германией и Россией, затем в условиях немецкой оккупации и польско-советской войны. Впрочем, на первом этапе провозглашения национальной государственности внешние факторы не столько препятствовали, сколько, наоборот, содействовали осуществлению белорусского проекта. Так, белорус-



Брестский мир

ские политические деятели довольно успешно воспользовались ситуацией безвластия, которая на несколько дней установилась в крае во второй половине февраля. 19 февраля 1918 г. германские войска вступили на неоккупированную территорию Беларуси и, не встречая сопротивления, начали стремительно продвигаться на восток. Не имея возможности оказать противнику сопротивление, власти Западной области в ночь с 19 на 20 февраля покинули Минск и переехали в Смоленск. Позже стало ясно, что с эвакуацией руководство Облискомзапа поспешило – немцы появились в городе только спустя два дня – 22 февраля 1918 г. Зато этими несколькими днями воспользовались лидеры белорусского движения. В ночь на 21 февраля 1918 г. Исполнительный комитет Рады I Всебелорусского съезда обратился к народу с I Уставной грамотой, в которой провозгласил себя временной, до созыва Учредительного съезда, властью в Беларуси. Законодательная власть, в соответствии с документом, принадлежала Раде Всебелорусского съезда, исполнительная – правительству или Народному секретариату, который назначался Радой и был ответствен перед ней. Возглавил первое правительство Я. Воронко. В Грамоте отмечалось, что главной задачей временной народной власти являлась защита завоеваний революции и, в частности, права белорусского народа на национальное самоопределение.

I Уставная грамота не провозглашала белорусскую независимость. Соответственно, в документе не затрагивался вопрос о территории Беларуси[2]. Да, и в целом следует отметить, что грамота была составлена весьма осторожно, дабы не вызвать негативной реакции ни со стороны Советской России, ни со стороны Германии. Политическая ситуация на момент издания документа оставалась неопределенной, а главное, мало кто мог предсказать ее дальнейшее развитие – где и когда остановятся германские войска, сможет ли большевистское руководство оказать сопротивление оккупантам и каков будет результат борьбы. Отсутствие ответов на эти вопросы заставляло авторов грамоты проявлять осмотрительность.

Выжидать, впрочем, пришлось недолго. Политическая ситуация в 1918 г. менялась едва ли не ежедневно. В конце февраля 1918 г. руководство РКП(б) было вынуждено согласиться на мирный договор с Германией, причем на условиях еще менее выгодных, чем это было в конце 1917 г. Мирный договор заставлял Россию отказаться от прав на значительную территорию, в том числе согласиться с потерей практически всей Беларуси. В соответствии с Брестским мирным договором, подписанным Россией с государствами Четверного союза 3 марта 1918 г., в сферу юрисдикции Германии переходила большая часть Беларуси.

Белорусские земли, оказавшиеся в зоне немецкой оккупации, не представляли собой единой административной единицы. Фактически они делились на три части. Западная Беларусь в составе Гродненской и части Виленской губерний с городом Вильно отхо-

дила к Германии под названием Новая Восточная Пруссия, а ее население получало гражданство Германской империи. Не исключалось, что эти территории будут переданы в состав Литовского государства, создание которого планировалось под немецким протекторатом. Существовал также еще один план, по которому белорусские земли Гродненщины и часть Минщины могли быть переданы Польскому государству в виде компенсации за Познаньский регион, который Германия собиралась оставить себе. Центральная Беларусь – Минская губерния и часть Могилевской и Витебской губерний – получала статус временно оккупированной территории, будущее которой Германия и Австро-Венгрия обязывались определить позже, учтя пожелания населения. И, наконец, южную часть Беларуси – территорию на юг от Полесской железной дороги – Германия передавала Украинской Народной Республике. Таким образом, в составе РСФСР оставались лишь самые восточные районы Беларуси – всего 14 уездов Витебской и Могилевской губерний[3].

Условия Брестского мирного договора были в крайней степени невыгодными, однако большевистское правительство было вынуждено его подписать. Собственная армия в России к началу 1918 г. отсутствовала, так что альтернативы миру с немцами у большевиков не было. Да и как показало дальнейшее развитие событий, это было далеко не худшее решение. В конце концов, ленинское предсказание о недолговечности Брестского мира достаточно быстро оправдалось. Произошло это уже осенью 1918 г. Но в начале весны ситуация виделась совершенно по-другому: в России разгоралась гражданская война, итог которой был непредсказуем. Исход Первой мировой войны также был не ясен – развязав себе руки на Востоке, Германия получала передышку и высвобождала силы для переброски частей на Западный фронт. Так что вполне логично, что белорусские политические деятели расценили Брестский мир не только как временное проявление слабости большевистской России, но и как неспособность ее в обозримом будущем играть заметную роль в восточноевропейской политике, как отказ большевистского правительства от прав на Беларусь. Брестский мир показал, что в сложившейся ситуации, когда на территорию Беларуси претендовали соседние государства, белорусский народ мог рассчитывать только на себя. Терять время, ожидая, пока Россия соберется с силами и выступит в защиту белорусской государственности и целостности белорусских земель, было нельзя. Тем более что после разгона I Всебелорусского съезда существовали большие сомнения относительно того, поддержит ли Россия вообще в каком-либо виде и когда-нибудь стремление белорусов к собственной государственности.

В этой ситуации Исполком Рады I Всебелорусского съезда 9 марта 1918 г. обнародовал II Уставную грамоту, провозглашавшую Беларусь Народной Республикой и гарантировавшую соблюдение в республике всех основных гражданских свобод: слова, печати, собра-

ний, забастовок, союзов, вероисповедания, неприкосновенности личности и жилья, право народов на национально-персональную автономию, равноправие всех языков народов Беларуси. Грамота также содержала важные социальные положения, такие как ликвидация частной собственности на землю и передачу ее тем, кто на ней работал. Территориальный вопрос в документе упоминался лишь вскользь. Отмечалось, что Белорусская Народная Республика провозглашается в границах расселения и количественного преобладания белорусского населения[4]. Точное описание территориального состава республики отсутствовало.

И I, и II Уставные грамоты имели существенный недостаток, поскольку не отвечали на главный вопрос – о статусе Белорусской республики. Что это было за образование: автономия в составе РСФСР, временно оккупированная Германией, или же административная единица, рассчитывавшая на поддержку Германии и создававшаяся под ее протекторатом? Либо вообще новое независимое государство? Видимо, представители белорусского национального движения сами не знали ответ на этот вопрос. Требовалось время, чтобы осмыслить ситуацию и принять решение. К тому же чисто психологически немногочисленной белорусской политической элите, лишенной широкой поддержки снизу, сложно было решиться на такой шаг, как провозглашение полной независимости. Не случайно окончательное решение было принято под влиянием группы виленских белорусских деятелей, прибывших в двадцатых числах марта 1918 г. в Минск. За время немецкой оккупации, которая для виленских белорусов началась еще в 1915 г., последние успели не только привыкнуть к мысли об отдельном от России существовании, но и сделали определенные шаги в этом направлении. 19 февраля 1918 г. Виленская белорусская рада приняла постановление, в соответствии с которым связь между Россией и Беларусью провозглашалась разорванной. Заняв прогерманскую позицию, Виленская рада рассчитывала с помощью Германии добиться создания Белорусского государства[5].

Приехав в Минск, виленская группа во главе с братьями А. и И. Луцкевичами провела ряд совещаний с Народным Секретариатом и видными представителями Рады БНР. Результатом переговоров стало соглашение из трех пунктов: 1) раздел Беларуси в соответствии с Брестским миром не может быть терпим белорусами; 2) если Советское правительство не может аннулировать свою подпись, против раздела должны протестовать сами белорусы; 3) с этой целью необходимо объявить независимость Белорусской Народной Республики[6].

Данные пункты нашли отражение в III Уставной грамоте, принятой в ночь с 24 на 25 марта 1918 г. на заседании Рады БНР. В результате жарких дискуссий в шесть часов утра 25 марта 1918 г. была принята резолюция, объявлявшая Белорусскую Народную Республику независимой, о чем предполагалось издать соответствующую Уставную грамоту. Текст грамоты был одобрен немного позже, в полдень этого

УСТАУНАЯ ГРАМАТА

РАДЫ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ.

Год назад народы Беларусі разам з народамі Расіі скінулі ярмо расійскаго царызму, які найцяжэй прыціснуу быу Беларусь; ні пытаючыся народу, ен укінуу наш край у пажар вайны, якая чыста зруйнавала гарады і вескі беларускіе.

Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, скідаем з роднаго краю апошняе ярмо дзяржаунай залежнасьці, якое гвалтам накінулі расійскіе цары на наш вольны і нізалежны край.

Ад гэтаго часу **Беларуская Народная Рэспубліка абвешчаецца Нізалежной і Вольной Дзяржавой.** Самі народы Беларусі, у асобі свайго **Устаноучаго Сойму**, пастановяць аб будучых дзяржауных зьвязях Беларусі.

На моцы гэтаго трацяць сілу усе старыя дзяржауныя зьвязі, якія далі магчымасьць чужому ураду падпісаць і за Беларусь трактат у Берасьці, што забівае на сьмерць беларускі народ, дзелючы зямлю яго на часткі.

На моцы гэтаго урад Беларускай Народнай Рэспублікі мае уваясьці у адносіны з зацікауленымі старанамі, прапануючы ім пераглядзіць тую часьціну **Берэсьцейскаго Трактату**, якая датычыць Беларусі, і падпісаць міравую умову з усімі ваеваунымі дзяржавамі.

Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе жыве і мае лічбенную перавагу беларускі народ, а ласьне: **Магілеушчыну, беларускія часьці Меншчыны, Гродзеншчыны (з Гродной, Белостокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смоленшчыны, Чарнігоушчыны і сумежныя часьці суседніх губерняу, заселеныя беларусамі.**

Беларуская Народная Рэспубліка падцьверджывае усе тыя правы і вольнасьці грамадзян і народау Беларусі, якія абвешчаны **Устауной Граматай ад 9 сакавіка 1918 году.**

Абвешчаючы аб нізалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі, Рада яе пакладае свае надзеі на тое, што **усе любячые волю народы** дапамогуць беларускаму народу у поунай меры здейсьніць яго палітычна-дзяржауные ідэалы.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі.

Дана у Менску-Беларускім
25 сакавіка 1918 году.

Уставная грамота БНР

же дня. III Уставной грамотой Белорусская Народная Республика провозглашалась независимым и свободным государством. Брестский мирный договор, разделивший Беларусь на несколько частей и подписанный без участия представителей белорусского народа правительствами других государств, объявлялся утратившим силу. Правительство БНР обращалось ко всем заинтересованным сторонам с предложением пересмотреть условия мирного договора.

Таким образом, главными целями, которые преследовали лидеры белорусского национального движения, провозглашая независимость БНР, являлись пересмотр условий Брестского мирного договора, а также противодействие попыткам осуществить раздел белорусских земель между соседними государствами. Большое внимание в III Уставной грамоте уделено территориальному составу Белорусской Народной Республики. Рада БНР декларировала, что Белорусское государство должно включить в свой состав все земли, где проживают и имеют численное превосходство белорусы, а именно Могилевщину, белорусские части Минщины, Гродненщины (включая Гродно, Белосток и др.), Виленщины, Витебщины, Смоленщины, Черниговщины, а также пограничные части соседних губерний, заселенные белорусами[7].

Более детальное описание территории БНР изложено в Мемориале Народного Секретариата БНР от 5 апреля 1918 г. Имперскому Канцлеру Германии. В документе отмечалось, что «белорусский народ живет компактной массой в бассейнах Верхнего и Среднего Днепра, Немана и Западной Двины, занимая территорию около 300.000 кв. км с общим числом населения до 15 миллионов. В общих чертах линия границы Белорусской Народной Республики выглядела следующим образом: «от Двинска на Север ломаной линией до железнодорожной станции Корсовка, оттуда на Восток до Ржева почти прямой линией, от Ржева граница идет в юго-западном направлении на Брянск, – оттуда на Запад изогнутой линией на Новгород-Северский, Городню, устье Припяти и дальше вдоль болот Припяти, Буга и Нарева до Белостока. Окружая с Запада Белосток и м. Хорощ (находящиеся на белорусской территории) граница подымается к Северу до Августова и далее идет ломаной линией через Друскенники, Новые-Троки, Мусники, Свентяны и до Двинска. Город Вильно находится на Белорусской территории, окружающей его со стороны Литвы полукругом радиуса 20–60 верст»[8].

Включение описания территории БНР в столь важные документы, как III Уставная грамота и Мемориал Имперскому Канцлеру Германии, имело огромное значение, поскольку создавало предпосылки для отстаивания белорусских территориальных интересов на будущих переговорах. Однако на данном этапе заявления Рады БНР о границах республики имели исключительно декларативный характер. Они являлись лишь озвучиванием территориальных претензий белорусского народа, которые еще предстояло отстоять перед соседними государствами, у каждого из которых имелось свое

видение границ с Белорусской республикой, если они вообще видели Беларусь в качестве самостоятельного государства.

Правительство БНР, понимая сложность задачи и важность вопроса, к проблеме определения границ республики отнеслось со всей серьезностью. Уже на четвертый день после провозглашения БНР, 29 марта 1918 г., на совещании Рады БНР была образована Комиссия международных дел, одной из задач которой являлась работа над описанием границ республики. В состав комиссии входили И. Воронко, В. Захарко, А. Цвикевич, И. Середа. Знакомство с подготовленным ими описанием границ БНР показывает, что деятели БНР в своей работе опирались на границы Беларуси, предложенные профессором Е. Карским[9]. Однако в некоторых случаях члены Рады БНР существенно расширили территорию республики по сравнению с тем, как определял размеры Беларуси Е. Карский. Более всего Комиссия международных дел разошлась с ученым по вопросу о белорусско-украинской границе. Профессор Е. Карский, проводя границу расселения белорусского этноса, в качестве основного критерия использовал данные лингвистических исследований. Поскольку в юго-западных районах (территория Полесья) преобладали украинские языковые особенности, то он исключил эти районы из белорусской этнической территории. Члены Рады БНР, полемизируя с Е. Карским, мотивировали свое решение историческими традициями и симпатиями «полешуков», которые, по мнению лидеров Белорусской Народной Республики, являлись «более белорусами, нежели украинцами», а потому считали, что белорусско-украинская граница должна пройти южнее, включив в БНР северное Полесье[10].

Параллельно с Комиссией международных дел при Раде БНР территориальным вопросом занималась еще одна, так называемая Стратегическая военная комиссия, которая действовала при Народном Секретариате иностранных дел и на которую возлагалась задача «военного исследования границ Беларуси» и создания карты БНР. Деятельности комиссии придавалось большое значение, поскольку именно от нее зависело, насколько убедительными будут материалы, с которыми белорусское правительство сядет за стол переговоров, разрешая с соседями пограничный вопрос. Члены комиссии должны были не только предложить свое видение границ БНР, но и указать, какие территории белорусские дипломаты должны были требовать, что могли просить, а чем позволительно было пожертвовать. Комиссия должна была представить «неопровержимые доказательства самобытности и культуры Беларуси, ее границ, выработанных на строго научной основе, исходными пунктами чего были этнография, статистика, стратегия, политика». Довольно остро перед комиссией стояла проблема источников. По причине военных действий рекогносцировка на местности была невозможна. Военные же карты и результаты обследований местности, проведенные офицерами Генштаба России, перед оккупацией были уничтожены

либо вывезены в тыл. Поэтому комиссия была вынуждена в основном пользоваться библиотечными материалами[11].

Правительство БНР ответственно подошло к подбору членов комиссии. С расчетом на перспективу в ее состав были включены представители немецких оккупационных войск: полковники немецкого Генштаба Д. Бетхер, А. Брандт, А. Гоерц и полковники инженерных войск И. Бениксон и Р. Янушковский[12]. Участие немецких специалистов в составлении карты Белорусской республики должно было повысить степень доверия к карте и укрепить позиции белорусской делегации на международных переговорах. В ходе совместной работы выявилось, что к началу 1918 г. немецкие власти уже неплохо ориентировались в белорусском вопросе. Об этом свидетельствует встреча представителей Народного секретариата БНР с начальником штаба германского корпуса. Как сообщало издание «Дело труда» в номере от 21 марта 1918 г., «представители оккупационной власти оказались весьма осведомленными в белорусском вопросе... Белорусов поразила глубокая эрудиция собеседника, основывавшаяся на имеющейся у него карте Белоруссии проф. Е. Карского»[13].

Стратегическая комиссия приступила к работе 5 июня 1918 г. А уже 14 июля 1918 г. газета «Вольная Беларусь» сообщала, что работы по созданию карты подходят к концу. Издать карту планировалось в сентябре 1918 г. в двух вариантах: в обычном формате и в виде почтовой марки. Архивные материалы свидетельствуют, что комиссия уложилась в срок, и в начале осени 1918 г. журнал «Варта» был готов к выпуску новой карты. Однако из-за сложной внешнеполитической обстановки удалось напечатать лишь карту в виде почтовой марки. В большом формате карта БНР была издана только в 1919 г. в оккупированном поляками Гродно[14].

Определение территории Белорусской Народной Республики и создание карты БНР было важным и актуальным направлением в деятельности правительства и Рады БНР. Однако эта работа была, вероятно, и самой легкой в деле отстаивания территориальной целостности республики, поскольку вслед за описанием границ следовал более сложный этап – необходимость добиться от соседних государств признания БНР и ее рубежей. Начиная с 1918 г. и на протяжении всего существования Белорусской Народной Республики, на защиту территориальной целостности Белорусского государства были направлены значительные дипломатические усилия правительства БНР. И хотя Белорусская Народная Республика в силу объективных и субъективных причин не смогла развиться в полноценное государство, деятельность лидеров БНР оказала огромное влияние на формирование границ белорусского государства.

Примечания

1 Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1978–1983. Т. 35. 1981. С. 164.

[2] История Беларуси в документах и материалах. С. 301.
[3] Павлова Т.Я. К вопросу о границах БНР // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1991. № 1.
[4] История Беларуси в документах и материалах. С. 302.
[5] Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 70.
[6] Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 73.
[7] История Беларуси в документах и материалах. С. 303–304.
[8] Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 79–80.
[9] Ширяев Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. С. 13.
[10] Павлова Т.Я. К вопросу о границах БНР // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1991. № 1.
[11] НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 10, л. 79,80.
[12] Мазец В. Грамадзянства і межы БНР // Bialorus. Zeszyty Hist. 2001. № 15. С. 86.
[13] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 157, л. 1.
[14] Павлова Т.Я. К вопросу о границах БНР // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1991. № 1; Мазец В. Грамадзянства і межы БНР // Bialorus. Zeszyty Hist. 2001. № 15.

2.2. Проблема разграничения территорий на белорусско-украинских переговорах 1918 г.

Одной из первых стран-соседей, куда правительство БНР обратило свой взгляд, рассчитывая получить помощь и легче уладить вопрос о границе, была Украинская Народная Республика. Такое решение было вполне оправданным. Из всех сопредельных государств именно граница с Украиной выглядела наименее проблематичной. Литва и Польша, как известно, к этому времени уже успели заявить о своих претензиях на значительную часть белорусских земель. Переговоры с ними по территориальному вопросу обещали быть сложными и продолжительными, а их исход во многом зависел от позиции официального Берлина, поскольку политическое будущее Польши и Литвы на тот момент зависело от Германии. Что касается границы с Россией, то, учитывая политику советского правительства, отказавшегося признавать любые сепаратистские образования на оккупированных немцами землях и требовавшего от Германии проведения подобной политики, возможность переговоров с властями РСФСР весной 1918 г. представлялась маловероятной. Украинская Народная Республика уже имела международное признание, в качестве самостоятельной стороны участвовала в подписании Брестского мирного договора. Поэтому заключение соглашения о границах с УНР могло существенно усилить международное положение БНР, явилось бы признанием Белорусской республики де-факто и де-юре.

Помимо этих, во многом субъективных соображений, определение белорусско-украинской границы на данном этапе объективно являлось наиболее актуальным вопросом. К концу марта Германия официально передала в состав УНР Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды. В соответствии с новым административно-территориальным делением, одобренным Центральной Радой УНР, эти уезды образовывали отдельную административную единицу – Дреговичскую землю с центром в Мозыре. Официальный Киев брал под свой контроль управление промышленностью и железными дорогами, назначал комендантов уездных центров, контролировал проведение украинизации присоединенных территорий[1]. В отличие от ситуации на белорусско-литовской или белорусско-польской границе, где претензии литовских и польских политиков имели пока лишь характер намерений, присоединение белорусских территорий к УНР было не только закреплено юридически, но активно реализовывалось на практике. Отсутствие ясно выраженной позиции правительства БНР к этому явлению могло быть истолковано как признание прав Украинской Народной Республики на белорусское Полесье.

У белорусских национальных демократов имелись веские основания для того, чтобы, поднимая вопрос о границах, рассчитывать на успех и понимание со стороны деятелей украинского национального движения. Известно, что между белорусскими и украинскими политиками существовали давние дружеские взаимоотношения. В дореволюционное время и на протяжении 1917 г. белорусы и украинцы часто выступали с совместными инициативами, поддерживая друг друга. Правда, в некоторых случаях действия белорусских лидеров по отношению к украинским организациям в Беларуси в силу, скорее всего, неопытности были недальновидными. Так, представители украинского национального движения в Минске жаловались Киеву на то, что Народный Секретариат БНР отказал им в займе, сославшись на отсутствие средств. На деле же, после ареста белорусской кассы немецкими властями, выяснилось, что деньги у правительства БНР были, но помочь украинцам оно почему-то не захотело[2]. Однако эти незначительные недоразумения не могли серьезным образом повлиять на общий характер взаимоотношений между белорусским и украинским национальными движениями. Так что при любом рассмотрении украинское направление во внешней политике БНР выглядело наиболее перспективным, а потому с него решено было начать.

К переговорам о разграничении государственных территорий белорусы и украинцы подошли в явственно разных весовых категориях. В деле создания собственной государственности украинские национальные силы шли впереди белорусских демократов. Провозглашение Украинской Народной Республики состоялось 7 ноября 1917 г. А 11 января 1918 г. Украинская Центральная Рада приняла IV Универсал о государственной независимости. Белорусская Народная Рес-

Административно-территориальное деление украинских земель накануне войны 1914 г.

публика была провозглашена 25 марта 1918 г. Разница всего лишь в несколько месяцев в тех условиях дала украинской стороне значительное преимущество. К весне 1918 г. УНР уже была субъектом международного права. И даже советская Россия, крайне негативно относившаяся к самоопределению Украины в форме УНР, по условиям Брестского мирного договора, должна была признать Украинское государство и начать с ним мирные переговоры, в том числе о границе.

Первые шаги к установлению дипломатических отношений с Украиной правительство БНР предприняло еще до обнародования III Уставной грамоты и провозглашения акта о независимости. 22 марта 1918 г. Рада БНР приняла решение о создании Специальной дипломатической миссии БНР в Киеве. Помимо ранее высказанных доводов, в пользу Украины сыграл и тот факт, что в Киеве находилась штаб-квартира германского Восточного фронта. Перед делегацией Рады БНР в составе А. Цвикевича (руководитель) и С. Рак-Михайловского была поставлена задача известить УНР «об объявлении Беларуси Народной Республикой», условиться об обмене представительствами, с помощью украинского радио-телеграфа «известить все народы о провозглашении Белорусской Народной Республики», выяснить вопрос о возможности получения займа и возобновления товарообмена. Одним из важнейших направлений в работе делегации была также проблема границ. Как отмечалось в специально составленном «Наказе...», делегация Рады БНР получала право участвовать в переговорах между представителями Украины и России о мире, добиваясь «установления границ Белорусско-Великорусской и Белорусско-Украинской по строго этнографическому принципу». Делегации поручалось также возбудить вопрос о содействии УНР, имелось в виду ходатайство перед немецкими властями, по исправлению западной и северной границ Беларуси по этнографическому принципу[3].

По прибытии в Киев белорусская делегация пополнила свои ряды. В качестве консультанта в ее состав были приглашены товарищ министра внутренних дел УНР И. Красковский и председатель Белорусской организации на территории Украины И. Курилович. Функции делопроизводителя были доверены И. Фарботко. В качестве консультантов в заседаниях миссии также участвовали Я. Ладнов, П. Тремпович, А. Мадзолевский, М. Довнар-Запольский. Последний еще до прибытия делегации БНР поднимал территориальный вопрос на собраниях Рады Белорусской организации на территории Украины, высказываясь против включения Речицкого и Мозырского уездов в состав УНР[4]. М. Довнар-Запольский играл настолько активную роль в работе белорусской делегации, что очень быстро, с 25 апреля 1918 г., стал полноправным ее членом.

Реакция правительства УНР на прибытие белорусской делегации и в целом на известие о провозглашении Белорусской Народной Республики была довольно сдержанной. Обсуждение вопроса

состоялось на заседании Рады Народных Министров 10 апреля 1918 г. Члены правительства ограничились формальным заявлением о готовности признать БНР, решив отложить этот вопрос до тех пор, пока не станет известным отношение к новообразованному белорусскому государству других стран. Из положительных для белорусов результатов заседания правительства УНР стало согласие Рады народных министров на передачу по киевскому радио телеграммы о провозглашении независимости БНР, а также обещание не допустить на белорусскую территорию 15-тысячный 2-й Польский корпус легионеров, который дислоцировался на территории Киевщины.

15 апреля 1918 г. министр иностранных дел УНР У. Голубович рассмотрел официальное обращение белорусской делегации, в котором ставился вопрос о необходимости определения точной границы между Белорусской и Украинской Народными Республиками. Руководитель делегации А. Цвикевич предлагал Министру иностранных дел УНР назначить комиссию, которая могла бы принять участие в белорусско-украинских переговорах. В тот же день руководитель такой комиссии от украинской стороны был назначен. Им стал член Центральной и Всеукраинской войсковой рад, член Украинской национал-демократической партии прапорщик А. Лихнякевич. Немного позже были определены два других члена комиссии – референт МИД Т. Петровский и член Всеукраинской войсковой рады прапорщик Н. Сведерский. Как видно из состава украинской делегации, правительство УНР не придавало большого значения белорусско-украинским переговорам. Уровень делегации говорит сам за себя: руководитель делегации – прапорщик, два других члена – референт МИДа и еще один прапорщик. Ни один из членов украинской делегации не занимал руководящих постов в правительстве УНР. Состав делегации со стороны Украины отражал большие сомнения украинских лидеров в жизнеспособности Белорусской Народной Республики. В Киеве достаточно хорошо были осведомлены о реальном положении дел в Беларуси, авторитете и возможностях правительства БНР. Так, в феврале 1918 г. украинская организация в Минске «Комитет защиты интересов и прав граждан УНР» сообщала в Киев: «У Белорусского «Секретариата» не имеется не только... ни сил, ни соответствующих людей, но не было совсем и средств, чтобы предоставить автомобиль или мотоциклет какой-нибудь в распоряжение секретариата. Стыдно и больно на все это смотреть». Знали в Киеве и о том, что немецкое командование отказалось сотрудничать с белорусским правительством[5].

Без средств и широкой поддержки народных масс, без признания со стороны немцев правительство БНР и ее делегация не могли рассчитывать на действенную поддержку со стороны официального Киева. Вместе с тем, даже учитывая слабость БНР и то обстоятельство, что заключенные с ее представителями соглашения вряд ли могли иметь юридическую силу и быть признанными ведущими

европейскими державами, украинское правительство не отказалось от переговоров. Факт этот объясняется, прежде всего, тем, что в момент прибытия белорусской делегации Рада Народных Министров УНР готовилась к переговорам с Россией, главной темой которых должен был стать вопрос границ. Поддержка БНР и признание белорусами всего Полесья украинской территорией могли стать веским доводом на переговорах с советским правительством РСФСР. Кроме того, к быстрейшему разрешению белорусско-украинского территориального вопроса правительство УНР подталкивали настойчивые действия миссии БНР в Киеве. Так, на заседании белорусской делегации от 14 апреля 1918 г. был заслушан доклад А. Цвикевича «о назначении белорусских комиссаров в Мозырский, Пинский и Гомельский уезды, как *временно оккупированные* (выделено автором) Украиной». Участники заседания признали необходимым обратиться к министру внутренних дел УНР с просьбой дать украинским комиссарам инструкцию проводить свою работу в контакте с белорусскими комиссарами[6].

Белорусско-украинские переговоры о границе начались 19 апреля 1918 г. Сохранилось достаточно большое количество документов, освещающих работу комиссий и ход переговоров по определению белорусско-украинской границы. На сегодняшний день опубликованы как протоколы заседаний представителей правительств БНР и УНР, так и протоколы заседаний делегации Народного Секретариата БНР по делам переговоров, на которых члены миссии БНР обсуждали результаты уже состоявшихся дискуссий с украинской стороной и планировали свои действия на будущее. Все это дает возможность проследить не только сам ход переговоров, но и восстановить скрытые от посторонних глаз соображения, которыми руководствовались белорусские политики, выстраивая отношения с правительством УНР.

На первом же заседании представителей правительств БНР и УНР по делам установления государственных границ стали очевидными серьезные противоречия, которые существовали во взглядах сторон на линию белорусско-украинской границы и методику ее определения. Расхождения возникли уже на этапе формулирования принципов, которых предполагалось придерживаться при установлении границ. По этому вопросу, как отмечено в протоколе, завязалась продолжительная дискуссия. Глава белорусской делегации А. Цвикевич предложил в качестве основного руководствоваться этнографическим принципом. Украинская же сторона с этим не согласилась, считая его недостаточным и предлагая в качестве дополнительных придерживаться принципов экономического и географического. С чем участники переговоров в конце концов и согласились.

Определенные сложности возникли также с выбором карт, которые белорусская и украинская делегации собирались использовать при обсуждении границ. Белорусская сторона предложила две карты: карту академика Е. Карского 1917 г. и карту украинского проф.

С. Рудницкого. Представители украинского правительства не смогли остановить свой выбор на какой-либо одной карте, отдельно выделив лишь карту проф. Д. Шефера 1917 г., которой пользовался немецкий генштаб.

Если по первым двум вопросам стороны, хоть и с большим трудом смогли прийти к согласию, то третий пункт в повестке дне, а именно определение конечных точек белорусско-украинской государственной границы на западе и востоке, вызвал непреодолимые сложности. По этому вопросу белорусская делегация сразу же заявила, что она не признает Брестского мирного договора, подписанного без участия представителей Беларуси, а следовательно, и тот его пункт, в котором речь шла о передаче Западного Полесья в состав УНР. Украинцы же, наоборот, строили свою позицию на том, что Брестский договор является международным, белорусского государства на момент его подписания не существовало, а потому его появление не может что-либо изменить. По этому пункту в первый день заседания стороны так и не смогли прийти к согласию, а потому решено было продолжить обсуждение вопроса на следующий день[7].

На заседании от 20 апреля 1918 г. обсуждение белорусско-украинской границы решено было начать с определения ее крайней точки на востоке. В качестве такого пункта украинская делегация предложила местечко Мглин. В общих чертах линия границы, предложенная украинской делегацией, выглядела следующим образом: от местечка Мглин по северной границе Черниговской губернии на юго-запад до Ветки, далее через Гормань на Днепре на Загорье, Комаровичи, Морочь и прямо на запад до Выгоновского озера. Идти дальше этой точки украинская делегация отказалась, сославшись на отсутствие полномочий, поскольку западнее Выгоновского озера граница определялась мирным договором между Украиной и Центральными державами, заключенным в Бресте. Таким образом, линия границы, предложенная украинской делегацией, оставляла за Украиной Припять, железную дорогу Пинск – Гомель и все северные уезды Черниговской губернии.

Представители правительства БНР категорически отказались признать такую границу. В белорусском варианте граница между двумя государствами проходила гораздо южнее: начинаясь от слияния речки Судости с Десной возле местечка Гремяч, далее шла по Десне до Чернигова, оттуда прямой линией на Дерновичи, далее на Злодин, Столин, Пинск, Дрогичин и на запад до границы Гродненской губернии. В итоге с точностью до наоборот белорусский проект оставлял за БНР Припять, железную дорогу и северные уезды Черниговщины. Дальнейший обмен мнениями между белорусской и украинской сторонами ничего не дал, и заседание пришлось закрыть, перенеся обсуждение вопроса на следующий день[8].

Сразу же после переговоров с украинцами белорусская делегация провела собственное заседание, на котором обсудила результа-

ты двухдневных дискуссий с украинцами. Помимо А. Цвикевича и С. Рак-Михайловского на заседание были приглашены консультанты белорусской миссии в Киеве И. Красковский, М. Курилович и М. Довнар-Запольский. Мнения участников разделились. А. Цвикевич и С. Рак-Михайловский составили одну группу, которая, как нам представляется, более реально смотрела на состояние дел и оценивала положение сторон. Руководители миссии считали, что линия границы, предложенная ими на переговорах, была правильной, научно обоснованной и выгодной для Беларуси. В то же время, чтобы ускорить заключение договора о границах и добиться от Украины признания Белорусской Народной Республики, они готовы были идти на незначительные уступки, например, предоставить Украине право пользоваться спорной железной дорогой. С. Рак-Михайловский отмечал, что «период романтических отношений украинцев к белорусам прошел; выступает на сцену безжалостная реальная политика, где право на самоопределение у слабо организованной Беларуси может пострадать, если не суметь отстоять его, затянуть переговоры, выждать время». В связи с этим, делал вывод А. Цвикевич, надо «пограничную линию, нами проведенную, отстаивать и переговоры продолжать». Представители правительства БНР считали, что необходимо приложить все усилия, чтобы завершить подписание договора до поездки украинской делегации в Курск – первоначально в этом городе планировалось проведение украинско-российских мирных переговоров относительно российско-украинской государственной границы. Это могло укрепить позицию БНР на переговорах с Россией и другими странами. Кроме того, А. Цвикевич и С. Рак-Михайловский смотрели на договор с украинцами как на временный акт, который все равно подлежал пересмотру и утверждению на международной мирной конференции после окончательного завершения войны.

Позиция А. Цвикевича и С. Рак-Михайловского вызвала острую критику со стороны консультантов. И. Красковский, И Курилович и М. Довнар-Запольский, приглашенные участвовать в работе делегации в качестве экспертов, заявили, что белорусская делегация поспешила с началом переговоров, а самое главное, предложила неправильную границу, уступавшую Украине значительную часть белорусских земель. По мнению экспертов, историческая граница между Украиной и Беларусью совпадала с южной границей Минской и Гродненской губерний, то есть проходила южнее той линии, что предложили на переговорах А. Цвикевич и С. Рак-Михайловский. Разница была не столь уж значительной, однако, как считал Довнар-Запольский, белорусских земель на юге ни в коем случае уступать было нельзя, поскольку «на востоке белорусы обрусели, на западе значительно ополячены, а наша южная часть самая ценная – и в национальном, и в экономическом отношении. С точки зрения и истории, и этнографии мы на юге ничего уступить не должны».

С других позиций консультанты смотрели и на будущие украинско-российские переговоры в Курске. Они считали, что переговоры с украинцами, наоборот, следует затянуть, в качестве формального повода сославшись на внезапную «болезнь» руководителя делегации А. Цвикевича. Довнар-Запольский предложил потребовать от Украины признания БНР и поддержки белорусских интересов на переговорах с Советской Россией. И только в этом случае начинать переговоры о белорусско-украинской границе. В русле такой тактической линии уже проведенные переговоры предлагалось считать всего лишь неофициальным обменом мнениями. На следующем заседании 21 апреля 1918 г. белорусская делегация должна была отказаться от ранее сделанных заявлений, озвучить свое новое видение белорусско-украинской границы (по южным границам Минской и Гродненской губерний), а также потребовать увеличения состава делегаций с обеих сторон. И только после выполнения перечисленных условий начинать официальные переговоры[9].

Критика со стороны консультантов заставила А. Цвикевича и С. Рак-Михайловского изменить прежнюю позицию и согласиться с тактикой действий, предложенной экспертами. Однако реализовать разработанный план у белорусской делегации на заседании от 21 апреля 1918 г. не получилось. Украинская сторона, судя по протоколу заседания, с самого начала заняла жесткую позицию, потребовав от белорусов согласиться с украинским вариантом границы: уступить Украине линию Пинск – Гомель и признать исходной точкой на западе Выгоновское озеро. Только в этом случае правительство УНР соглашалось признать Белорусскую Народную Республику. Для белорусской делегации такой поворот в переговорах стал абсолютно неожиданным. Она была не готова к ведению переговоров на языке ультиматумов. Принять предложение украинцев белорусы не могли в силу отсутствия полномочий соглашаться на такую границу. Дать же на ультиматум отрицательный ответ – вполне возможно, значило разорвать даже те хрупкие дипломатические отношения, которые существовали у БНР с Украиной. Единственным логичным выходом было оттягивание момента окончательного ответа. Этот вариант поведения и был избран. По предложению белорусской делегации, попросившей время для обсуждения нового предложения украинцев, заседание было отложено до следующего дня.

Тактику затягивания переговоров белорусская делегация продолжила и на следующий день. На заседании 22 апреля 1918 г. белорусскую делегацию представлял уже только С. Рак-Михайловский. Глава делегации А. Цвикевич, как и планировалось, «заболел». Сославшись на отсутствие руководителя делегации, С. Рак-Михайловский отметил, что белорусская делегация в ограниченном составе не правомочна вести переговоры, после чего зачитал заявление белорусской комиссии. В представленном документе делегация БНР отказывалась от своих прежних предложений относительно бело-

русско-украинской границы и предлагала провести южную границу Белорусской Народной Республики по границе Минской и Гродненской губерний. Этим заявлением, по сути, аннулировались все предыдущие переговоры, имевшие место 19, 20 и 21 апреля. Стороны возвращались к ситуации, которая существовала до начала работы белорусской и украинской делегаций. Одновременно белорусы обратились к Украине с просьбой оказать содействие участию делегации БНР на переговорах в Курске, обещая со своей стороны, в случае оказания такого содействия, ускорить определение границ с УНР[10]. На этом заседание по причине неполного состава белорусской делегации было закрыто.

Фактически это была последняя встреча белорусской и украинской делегаций, на которой обсуждался вопрос границ. И хотя следующее заседание было запланировано на 23 апреля 1918 г., переговоры представителей правительств БНР и УНР больше не возобновлялись. Есть сведения, что консультации между представителями правительств БНР и УНР планировалось продолжить 29 апреля 1918 г. Накануне, готовясь к встрече с украинцами, белорусская делегация провела заседание, на котором одобрила свой вариант Прелиминарного договора между УНР и БНР по вопросу о государственных границах, который собиралась предложить украинцам на завтрашней встрече. Каких-либо кардинально новых предложений, способных удовлетворить территориальные претензии украинцев, документ не содержал. Предлагая украинской стороне подписать Прелиминарный договор, белорусская делегация следовала ранее принятому курсу затягивания белорусско-украинских переговоров до начала российско-украинских переговоров в Курске. В договоре констатировался тот факт, что в деле определения межгосударственных границ стороны зашли в тупик, и содержалось довольно общее, ни к чему не обязывающее обещание «изыскать пути к удовлетворению насущных потребностей Украины в деле определения границ». В свою очередь, УНР должна была оказать «дружескую поддержку» правительству БНР в переговорах с Россией о признании Белорусской республики и в вопросе о проведении белорусско-российской границы[11]. Таким образом, суть предложений белорусской делегации сводилась к тому, чтобы на время снять с повестки дня вопрос о белорусско-украинской границе, а вместо этого заняться обсуждением границы между Украиной и Беларусью, с одной стороны, и Россией – с другой, что было гораздо проще, поскольку по этому вопросу БНР и УНР, безусловно, пришли бы к взаимопониманию.

Узнать реакцию украинского правительства на предложенные условия Прелиминарного договора белорусская делегация, однако, не смогла. В тот день, когда белорусы обсуждали текст договора, в Киеве произошли события, в корне изменившие политическую ситуацию в стране и надолго отодвинувшие вопрос о белорусско-украинской государственной границе даже не на второй, а на третий

или еще более дальний план. 28 апреля 1918 г. немецкое командование, недовольное социально-экономической политикой Рады УНР, прямо на заседании украинского правительства арестовало некоторых его министров. На следующий день съезд хлеборобов в Киеве избрал гетманом П. Скоропадского. А 30 апреля 1918 г. Центральная Рада была распущена[12].

Белорусская делегация предприняла ряд попыток решить вопрос о белорусско-украинской границе с новым правительством гетмана Скоропадского. Белорусы надеялись, что находившаяся в шатком положении администрация П. Скоропадского, с которой отказались сотрудничать крупнейшие украинские партии и общественные организации, окажется более сговорчивой в пограничном вопросе. Уже 6 мая 1918 г. временно исполняющему обязанности председателя Рады министров УНР, а также министра иностранных дел и вероисповедования, министру образования Н. Василенко было передано обращение, в котором делегация БНР выразила протест против организации украинских местных органов власти в спорных районах. К документу также прилагались протест Гомельского городского общественного самоуправления против присоединения города к Украинской республике и назначения украинского комиссара и заявление Союза землевладельцев Пинского, Мозырского, Речицкого и Гомельского уездов о тяготении их к Минску[13].

Спустя несколько дней на стол Н. Василенко легло еще несколько документов, подготовленных белорусской делегацией. Одно из обращений содержало просьбу содействовать признанию РСФСР независимости БНР, а также защитить ее интересы на мирных украинско-российских переговорах. Резолюция Н. Василенко на документе гласила: «1) Завести дело о договоре с Беларусь; 2) дать ответ, что Украинская мирная делегация будет поддерживать усилия Беларуси; 3) дать соответствующее поручение мирной делегации в Курске».

Важное, на наш взгляд, значение имела еще одна записка, переданная белорусской делегацией новому украинскому правительству, поскольку содержала новые предложения белорусской стороны относительно границы между УНР и БНР. Перечень спорных территориальных вопросов в данном документе расширился: помимо южных волостей Мозырского и Пинского уездов Минской губернии, частей Пружанского, Кобринского и Брест-Литовского уездов Гродненской губернии, белорусская делегация выдвинула претензии на части северных Новгород-Северского и Городнянского уездов Черниговской губернии. Белорусы также обвиняли прежнее украинское правительство в проведении аннексионистской политики в отношении белорусских земель, в качестве примера ссылаясь на факты назначения украинских комиссаров не только в спорные районы, но и в уезды чисто белорусские. Речь, очевидно, шла о Речицком уезде Минской губернии и Гомельском уезде Могилевской губернии[14].

Одновременно с белорусско-украинскими переговорами в Киеве активная научно-теоретическая и практическая работа по уточнению белорусско-украинской границы велась в Минске. К этому правительство БНР через курьеров подталкивала белорусская делегация в Киеве, желавшая быстрее получить конкретные указания, какую территорию отстаивать на переговорах с украинцами. К середине мая работа была завершена, и 13 мая 1918 г. «Минский информационный листок» разместил сообщение о том, что международная комиссия при Раде БНР при участии специалистов установила белорусско-украинскую границу, которую белорусское правительство обязуется отстаивать при ведении мирных переговоров[15].

Однако возможности для отстаивания своего видения границы у белорусской делегации были ограниченные. Не идя на открытый разрыв, правительство П. Скоропадского игнорировало заявления представителей Белорусской Народной Республики. В белорусском вопросе оно сохраняло линию прежнего украинского руководства на включение спорных и даже чисто белорусских территорий в состав УНР. 7 июня 1918 г. в составе Украинской республики была создана Полесская губерния, включившая в себя Речицкий, Пинский и Мозырский уезды. Гомельский уезд отходил к Черниговской губернии[16]. Этим территориальные аппетиты Украины не ограничились. Практически одновременно с образованием Полесской губернии правительство Скоропадского подготовило «Законопроект об административном делении присоединенных к Украине уездов между губерниями», в соответствии с которым, Пинский, Брест-Литовский и Кобринский уезды присоединялись к Волынской губернии; Мозырский и Речицкий – к Киевской; Гомельский – к Черниговской. Планировалось также включение в состав Украинского государства частей Пружанского, Слуцкого, Бобруйского, Сенненского и Рогачевского уездов[17].

Проводимую политику по вопросу о белорусско-украинской границе лидеры УНР объясняли объективными обстоятельствами, а именно слабостью белорусского национального движения и крайне неопределенными политическими перспективами БНР. Глава МИД Украины Д. Дорошенко по этому поводу писал: «упрекали тогда за «империализм», и мне лично пришлось выслушать упреки со стороны моих приятелей-белорусов. Но мы не преследовали никаких империалистических целей и не вели захватнической политики: в этом случае нами руководили интересы самозащиты; при той неопределенности в отношениях вопрос, в чьих руках будет стратегическая линия Брест – Кобрин – Гомель и сам Гомель, этот ключ от Чернигова и Киева, был для нас вопросом жизни и смерти... Мы могли быть спокойны только тогда, если бы линия принадлежала самостоятельному сильному Белорусскому государству. Но у нас не было уверенности, что такое государство (формально, может, и провозглашенное) в тех условиях могло укрепиться и консолидиро-

ваться; зато можно было с уверенностью ожидать, что эту линию захватит Советская Россия или Польша»[18].

Исходя из опасений, что БНР не сможет развиться в полноценное государство, украинская делегация на мирных переговорах с РСФСР выработала соответствующую тактику и стратегию поведения в Курске. Предложенный украинцами вариант украинско-российской границы оставлял на стороне УНР все спорные белорусские территории. О Беларуси украинская делегация вспоминала на переговорах редко и лишь в тех случаях, когда надо было укрепить положение украинской стороны. Так, уже на первом пленарном заседании 24 мая 1918 г. при обмене документами глава украинской мирной делегации С. Шелухин выразил сомнение относительно полномочий своего коллеги от РСФСР – Х. Раковского: «Что касается состава Федеративной Советской Республики, то следует иметь в данном случае определенное понимание, с каким составом республики ведется дело, по той причине, что украинскому правительству поступил ряд заявлений от Беларуси, Кавказа, Черноморщины, Донщины, Сибири, чтобы их на этих переговорах не считали членами Российского государства». А на 10-м заседании 24 августа 1918 г. председатель украинской делегации однозначно предупредил Х. Раковского, что «если будет Белорусское государство, мы с ним будем граничить, возможно, иначе, чем с Вами».

Для усиления своих позиций на мирных переговорах с РСФСР украинская делегация представила обращения населения южных уездов Минской и Могилевской губерний. Так, 15 июня 1918 г. в Киев прибыли делегаты союзов торгово-промышленников, фабрикантов и домовладельцев Гомеля, передавшие председателю украинской мирной делегации С. Шелухину просьбу о присоединении города к УНР. Помимо всего прочего данное обращение содержало опротестование ранее сделанного заявления Гомельского городского общественного самоуправления против включения Гомеля в состав Украинского государства (в середине мая 1918 г. делегация БНР передала такое заявление украинскому правительству). Дезавуируя обращение Гомельского самоуправления, Гомельская Дума отмечала, что не давала своим представителям полномочий делать заявления, которые противоречат мнению всего населения Гомеля. В этот же день С. Шелухин также получил записку главы Гомельской уездной земской управы М. Кириченко, в которой тот от имени сельских общин и кооперативных организаций просил о присоединении всего Гомельского уезда к Украинскому государству[19].

Бесперспективность дальнейшего пребывания делегации БНР в Киеве становилась все более очевидной. Представителям БНР вместо продолжения переговоров о границах со стороны украинского правительства стали поступать предложения о федерации. Сами члены белорусской делегации признавали, что «необходима смена настоящей делегации другой, более помпезной с конкретными пред-

ложениями хотя бы в отношении федерации с Украиной...»[20]. В Минске, похоже, к этому мнению прислушались, и в середине июня представители правительства БНР были отозваны в Минск.

Несмотря на то, что украинская миссия белорусской делегации провалилась, лидеры БНР все еще надеялись добиться содействия со стороны руководства УНР. С этой целью во второй половине июня 1918 г. был организован визит в Киев главы белорусского правительства Р. Скирмунта. Однако цель этого визита также не была достигнута. Наоборот, встреча Р. Скирмунта с украинскими политиками еще больше убедила последних в слабости БНР и в отсутствии у белорусской политической элиты консолидированной программы действий. Д. Дорошенко в своем отчете о встрече с Р. Скирмунтом отмечал: «Выяснилось, что белорусское правительство не имеет власти, что немцы его фактически не признают и что будущность и форма белорусского государства еще не определена во взглядах самого белорусского правительства». В частности, в правительстве БНР имелись сторонники федерации с Литвой и с Украиной[21].

После визита Р. Скирмунта в Киев в белорусско-украинских переговорах о границе на несколько месяцев наступил перерыв. Еще одна попытка поставить вопрос на обсуждение была сделана в сентябре 1918 г., когда правительство БНР направило в Киев теперь уже Чрезвычайную делегацию Рады БНР во главе с А. Луцкевичем. Однако и новая делегация не смогла продвинуть вопрос о белорусско-украинской границе. Понимая слабость собственного положения, белорусскую сторону больше интересовала возможность образования федерации Беларуси и Украины на принципах общей таможенной границы, совместной организации армии (но при этом разделенной на две территориальные армии) и единой внешней политики. Что касается белорусско-украинской границы, то, чтобы избежать острых углов, представители Украины и Беларуси договорились, что «спорные уезды могут быть возвращены только Беларуси, но никогда России». Впрочем, все эти договоренности носили достаточно условный характер, поскольку, как отмечал в своем отчете от 1 октября 1918 г. председатель белорусской Чрезвычайной делегации в Киеве А. Луцкевич, на проведение всех этих мероприятий в жизнь необходимо было разрешение немецких властей, которые его не давали. Чтобы убедить Германию в выгодности поддержки БНР, А. Луцкевич предлагал незамедлительно послать в Берлин специальную делегацию[22].

В начале ноября 1918 г. произошли события, которые в очередной раз привели к смене геополитической ситуации. Революция в Германии и последовавшее за ней поражение в Первой мировой войне изменили соотношение сил в Восточной Европе. Германия утратила свое влияние и была вынуждена согласиться на вывод своих войск из Беларуси и Украины. Угроза со стороны большевистской России заставила лидеров БНР и УНР активизировать переговоры о федерации. Белорусская сторона убедительно указывала на

то обстоятельство, что Брестский мир утратил силу, в связи с чем исчезли юридические препятствия для признания БНР. Одновременно и в правительстве УНР в новой геополитической ситуации обнаруживалось все больше сторонников союза с Беларусью. В докладе под названием «Соображения Министерства иностранных дел», подготовленном министром иностранных дел УНР Г. Афанасьевым для Рады министров и гетманов, предлагалось воспользоваться тяжелым положением БНР. Автор записки указывал на особенности политической ситуации в Беларуси: неорганизованность национальной государственности, слабость государственной элиты, финансово-экономический кризис, отсутствие боеспособной армии и т.д. Министр иностранных дел УНР считал, что официальное признание БНР правительством П. Скоропадского усилит позиции правых и центристских элементов в Раде БНР. Для укрепления белорусского государственного аппарата предлагалось добиться его пополнения за счет украинских представителей. Все это должно было воспрепятствовать активному участию Польши в политической жизни Беларуси. Федерация Беларуси и Украины, по мнению МИД УНР, имела и значительные экономические преимущества. Сильная Белорусская Народная Республика в союзе с УНР обеспечивала Украине доступ к портам Балтийского моря и одновременно могла служить барьером для проникновения большевистского влияния в Украину. Исходя из вышеперечисленных соображений, руковод-

Народный секретариат БНР. Слева направо: (сидят) А. Бурбис, И. Середа, И. Воронко, В. Захарко; (стоят) А. Смолич, П. Кречевский, К. Езавитов, А. Овсяник, Л. Заяц

ство МИД УНР пришло к выводу о необходимости признания БНР и оказания ей политической, финансовой и военной помощи[23].

Неизвестно, был ли доклад представлен на рассмотрение Рады УНР, и если был, то одобрила ли Рада содержавшуюся в документе программу действий. Однако даже если бы решение о федерации УНР и БНР было бы поддержано высшим государственным органом УНР, оно в любом случае не могло быть реализовано. Дни гетманата П. Скоропадского были сочтены. После произошедшего в скором времени падения гетманского правительства переговоры о белорусско-украинской границе окончательно потеряли актуальность. Тем более что и в правительстве БНР произошли кадровые изменения. 28 ноября 1918 г. А. Луцкевич, покинувший Киев в начале ноября и сменивший пост председателя Чрезвычайной делегации БНР в Киеве на портфель главы Рады Народных Министров БНР, направил Генеральному консулу БНР в Киеве информацию о переезде правительства в Вильно и ликвидации Чрезвычайной делегации[24].

Таким образом, длительные межгосударственные переговоры БНР с правительством УНР завершились безрезультатно. Одновременно они выявили многочисленные слабые места в подготовке белорусских политиков, которым со всей очевидностью не хватало опыта дипломатической деятельности. На результатах переговоров также сказалась низкая подготовленность белорусской делегации: ее состав был слишком малочисленным, квалифицированные эксперты по вопросу о границах расселения белорусского этноса были привлечены к работе уже после начала переговоров. Но самое главное, приступая к переговорам, белорусская делегация не имела четкого представления о том, какой должна быть белорусско-украинская граница. Вопрос этот прорабатывался и корректировался по ходу переговоров, что не лучшим образом сказывалось на авторитете представителей БНР. Так, только 23 апреля 1918 г., когда переговоры с украинцами фактически зашли в тупик, Народный секретариат БНР сформулировал, и то в общих выражениях, наказ для делегации в Киеве: «проводя границы.., стоять на почве исторической – на юге и этнографической – на востоке». Отдельно отмечалось, что на юге – это Минщина и Гродненщина[25].

Следует также признать, что решение правительства БНР обсуждать на переговорах с УНР одновременно два вопроса: признание Белорусской Народной Республики и установление белорусско-украинской границы, было недостаточно продуманным, поскольку с самого начала такая задача поставила белорусскую делегацию в заведомо невыгодное, зависимое положение. Более целесообразно было бы решать эти вопросы отдельно, причем проблему белорусско-украинской границы следовало ставить на обсуждение только после получения официального признания БНР со стороны Украинской республики. Тем не менее эти два вопроса были объединены,

причем свою роль в такой поспешности, вероятно, сыграла излишняя уверенность в быстром успехе дела государственного строительства, наблюдавшаяся среди белорусских политиков с начала 1917 г. В течение следующего года эйфория уменьшилась. Однако, отправляя делегацию в Киев, деятели БНР по-прежнему надеялись, что легко найдут общий язык со своими единомышленниками из демократического лагеря. Поэтому члены белорусской делегации болезненно и с большим разочарованием реагировали на территориальные претензии украинцев, нежелание последних без промедления признать БНР. В действиях своих вчерашних союзников по борьбе за национальное освобождение белорусская делегация неожиданно обнаружила «великодержавные империалистические тенденции»[26].

Украинская сторона действительно постаралась максимально использовать трудности Белорусской Народной Республики, чтобы добиться от нее уступок в вопросе о границах. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что, на словах приветствуя образование БНР, правительство УНР не только не спешило заявить об этом официально, но также оттягивало передачу по радио сообщения о провозглашении БНР. Наконец, на третьем заседании представителей правительств БНР и УНР от 21 апреля 1918 г. белорусской делегации дали ясно понять, что признание Украиной БНР напрямую зависит от позиции лидеров БНР по территориальному вопросу. Перед представителями правительства БНР, пусть и в мягкой форме, был поставлен ультиматум: либо она соглашается с вариантом границы, предложенным правительством УНР, и тогда получает признание, либо отказывается, и тогда... Что будет в противном случае, украинцы не уточнили, однако догадаться об этом было не сложно. Ситуация была такова, что для правительства УНР поддержка со стороны БНР являлась пусть и желательным, но не жизненно необходимым фактором. А для Белорусской Народной Республики помощь украинцев была на тот момент крайне важна. Единственным выходом было, не доводя дело до разрыва, попытаться затянуть переговоры, стараясь попасть на переговоры в Курске и выжидая, пока политическая ситуация изменится в пользу Беларуси. Тактика, возможно, была правильная, однако реальное развитие событий перечеркнуло эти расчеты.

Важно также отметить, что вышеперечисленные ошибки правительства БНР и белорусской делегации на переговорах о границе не были критическими. Более того, на наш взгляд, представители БНР заняли единственно возможную позицию на переговорах с украинцами: делегация БНР отказалась жертвовать белорусскими землями ради политического признания. Эта линия затем проводилась во всей внешнеполитической деятельности БНР: в каком бы стесненном положении ни находилось правительство республики, защита территориальной целостности Беларуси оставалась главным при-

оритетом властей БНР. Это еще раз подтвердила политика, которую правительство БНР проводило в межгосударственных контактах с Литвой, отношения с которой с конца 1918 г. приобрели чрезвычайную важность.

Примечания

1 Лебедзева В. БНР – УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) // ARCHE. 2001. № 5. С. 396.
2 НА РБ. Ф. 325, оп. 1. д. 19, а. 144.
3 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 60–61.
4 Там же. С. 68.
5 Матвієнко В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на териториї колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук. С. 105, 108–109.
6 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 94–95.
7 Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Київ, 2000. С. 388–391.
8 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 109. Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. С. 391–394.
9 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 108–113.
10 Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. С. 394–397.
11 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 133–134.
12 Лебедзева В. БНР – УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) // ARCHE. 2001. № 5. С. 401.
13 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, л. 10, а. 245.
14 Матвієнко В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на териториї колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук. С. 184.
15 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 7, а. 33.
16 Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994. С. 29.
17 Лебедзева В. БНР – УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) // ARCHE. 2001. № 5. С. 403.
18 Матвієнко В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на териториї колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук. С. 185.
19 Там же. С. 187.
20 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 175.
21 Матвієнко В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на териториї колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук. С. 188.
22 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 269–270.
23 Матвієнко В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на териториї колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук. С. 193.
24 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д.13, л. 24.
25 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 10, л. 208.
26 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 110.

2.3. Территориальный вопрос в белорусско-литовских и белорусско-латышских отношениях

В отношениях национальных организаций Беларуси и Литвы еще до 1917 г. возникло немало острых вопросов, позднее препятствовавших сближению двух новообразованных республик. Как отмечалось выше, наиболее сложной являлась проблема разграничения территорий. Литовские политики еще в конце XIX – начале XX в. заявили о своих претензиях на всю Виленскую губернию и часть Гродненской. Со своей стороны, правительство БНР считало белорусскими все земли Гродненской губернии и часть Виленской губернии с городом Вильно. В своем обращении к правительству Австро-Венгрии о признании БНР как самостоятельной республики Народный Секретариат отмечал: «На Западе мы стоим за оборону всей территории Беларуси, там, где слышится белорусская речь, с городом Вильно – нашей древней столицей, а оттуда до города Динобурга. При этом мы считаем необходимым напомнить, что Вильно был не только нашей столицей, но и военным центром и центром белорусского движения»[1].

Из-за расхождений во взглядах на территорию Литовского государства и место в нем белорусов (белорусские национальные организации в Вильно выступали за создание совместного Белорусско-Литовского государства), белорусы отказались в апреле 1918 г. войти в состав Литовской Тарибы в качестве представителей национального меньшинства. При этом они исходили из того, что в соответствии с III Уставной грамотой Виленщина и Гродненщина являлись частью Белорусской Народной Республики.

До осени 1918 г. отношения между литовским и белорусским национальными движениями развивались вяло. Однако угроза занятия территории республик Красной Армией и последующей советизации Беларуси и Литвы, с одной стороны, а также претензии на литовские и белорусские земли набиравшего силы Польского государства – с другой, заставили белорусских и литовских лидеров искать пути сближения. С этой целью во второй половине ноября 1918 г. между Виленской белорусской радой и Литовской Тарибой прошли переговоры, на которых обсуждались возможность и конкретные формы сотрудничества между литовским правительством и белорусскими национальными организациями. Результатом переговоров стало соглашение от 27 ноября 1918 г. между Виленской белорусской радой и Литовской Тарибой, состоявшее из шести пунктов:

– в составе Литовской Тарибы белорусам отводилось 25% мест;

– в Литовском правительстве создавалось Министерство белорусских дел, возглавляемое белорусским представителем;

– назначение правительственных чиновников в белорусских населенных пунктах должно было производиться с согласия Белорусского Секретариата (органа, образованного для представительства интересов белорусов при литовской Раде);

– в срочном порядке создавалась белорусская школьная инспекция.

Еще два пункта соглашения касались территориального вопроса. Виленская белорусская рада и Литовская Тариба согласились, что белорусские земли в Литовском государстве будут представлять из себя отдельную автономную единицу с белорусским языком в качестве государственного. Литовское правительство также брало на себя обязательство отстаивать «целостность белорусских западных границ с Белостоком и Бельском». По соглашению с литовским правительством в состав Литовской Государственной Рады вошли шесть членов Виленской Белорусской Рады: В. Ластовский, И. Луцкевич, Я. Станкевич, кс. В. Толочко, К. Фалькевич и Д. Семашко. Возглавил Министерство белорусских дел с 1 декабря 1918 г. И. Воронко[2].

До установления автономного управления белорусской части Литвы и определения точных административных и государственных границ Литовского государства территорией сплошного расселения белорусов считался «район вокруг Гродно, Августова, Соколки, Крынки, Лиды, Ошмян, Волковыска, Слонима, Дятлова, Белостока, Бельска, Беловежи, Берестья, Пружан, Кобрина, а также соседние волости округов, прилегающих к перечисленным округам на северо-западе и на севере»[3]. Таким образом, юрисдикция Министерства распространялась на территорию Гродненской губернии, южную часть Виленской губернии (Лидский, Ошмянский и Виленский уезды) и Августовский уезд Сувалкской губернии, общей площадью около 39 тыс. кв. км с населением более 1 млн. 900 тыс. человек[4]. Министерство белорусских дел грамотой, изданной в Гродно 20 января 1920 г., провозглашало эти земли частью Литовского государства, не подлежащей управлению польского правительства. Преобладающее здесь белорусское население должно было сноситься с литовским правительством через Министерство белорусских дел, размещавшееся в Гродно. Деятельность представителей правительств Польши, Украины или России на данной территории объявлялась незаконной[5].

Первое время функции нового Министерства белорусских дел в литовском правительстве сводились к представлению кандидатов-белорусов на должности городских и уездных комиссаров на Гродненщине, представителей Министерств народного образования, земледелия, государственного имущества и др. По предложению Министерства литовское правительство назначило белорусских комиссаров в Белосток, Соколку, Беловеж, Бельск, Гродно, Дятлово, Кринки, Щучин, Лиду[6]. И. Воронко направил в Белосток Терещенко, в Бельск – Маевского, в Щучин – К. Езовитова[7].

Помимо решения административных задач назначение белорусских комиссаров в эти населенные пункты должно было показать польским властям, что эти земли являются белорусскими и претензии на них Польши безосновательны. В целом надо отметить, что защита белорусских территорий от посягательств Польши являлась одним из важнейших направлений в работе Министерства белорусских дел. Однако эффективность этой деятельности была невысокой. На самом деле и Министерство, и правительство Литвы продвижению польских войск на территорию Гродненской и Виленской губерний могли противопоставить только такую слабую форму противодействия, как дипломатические ноты. Так, 11 апреля 1919 г. Министерство белорусских дел обратилось с нотой к генеральному уполномоченному правительства Германии в Литве, в котором протестовало против того, что освобождаемые германской армией районы занимают польские войска. Еще одно обращение, обосновывавшее право белорусского народа на территориальную целостность белорусских земель, было направлено 17 августа 1919 г. в адрес глав стран Антанты. Практических результатов эти дипломатические демарши не принесли. В первом случае немецкое руководство отделалось формальной отпиской. Результат от второй ноты был еще меньшим – главы западных государств на нее вообще не отреагировали[8].

Самым многообещающим в деятельности Министерства белорусских дел был первый месяц его существования. В декабре 1918 г. литовское правительство исправно выполняло взятые на себя обязательства, своевременно финансируя работу Министерства и прислушиваясь к его рекомендациям при назначении комиссаров на белорусские территории. Однако с изменением внешнеполитической ситуации, приближением Красной Армии к Вильно сначала Министерство белорусских дел 19 декабря 1918 г. покинуло литовскую столицу, переехав в Гродно, а затем, в конце декабря, и литовское правительство эвакуировалось в Ковно. Последовавшее за этим ослабление контактов Министерства с Литовской Тарибой не пошло на пользу взаимопониманию между литовскими и белорусскими политиками. Тем более что с середины декабря 1918 г. по апрель 1919 г., пока Министерство белорусских дел находилось в Гродно, сменилось три состава литовского правительства. В конце концов к власти пришли политические силы, которые настороженно относились к перспективе равноправного участия белорусов в политической жизни литовского государства, тем более что, будучи оторванным в Гродно от Литовской Тарибы, Министерство белорусских дел исполняло на белорусской территории роль полноправного правительства. И это не могло не беспокоить литовцев. В начале апреля 1919 г. в соответствии с новой Конституцией Литвы президентом государства был избран Антон Сметона, впоследствии не раз проявивший себя противником белорусского национального движения. С этого времени отношения между литовцами и белорусами приня-

ли, по оценкам самих белорусов, «невыразительный» характер – литовское правительство не препятствовало деятельности Министерства белорусских дел, однако открыто игнорировало его запросы и протесты[9]. Белорусские политики, представленные в Литовской Тарибе и литовском правительстве оказались в политическом вакууме, следствием чего стало наметившееся с лета 1919 г. сближение между Министерством белорусских дел и Радой Народных Министров БНР.

Следует сказать, что взаимоотношения между Министерством белорусских дел и правительством Белорусской Народной Республики требуют отдельного рассмотрения, поскольку были они не такими однозначными, как это представляется из существующих на сегодняшний день публикаций. Причем территориальный вопрос в этих отношениях занимал важнейшее место.

Прежде всего, говоря о деятельности Министерства белорусских дел, обратим внимание на одну неточность, которая встречается в белорусской историографии. Так, некоторые исследователи ошибочно утверждают, что вышеупомянутое соглашение о сотрудничестве от 27 ноября 1918 г. было заключено между Радой БНР и Литовской Тарибой[10]. Или же указывают, что литовское правительство брало на себя обязательство назначать служащих на белорусские территории только с согласия правительства БНР[11]. В общем получается, что Министерство белорусских дел подчинялось правительству БНР и действовало с его согласия и под его руководством. Однако подобные утверждения не соответствуют действительности, поскольку руководство БНР никакого соглашения с Литовской Тарибой не заключало. Осенью 1918 г. подписывалось соглашение исключительно между Виленской белорусской радой, отдельным и независимым от БНР политическим образованием, и правительством Литвы. Что касается правительства БНР, возглавляемого А. Луцкевичем, то оно подобный документ подписать не могло, так как это автоматически означало бы ликвидацию Белорусской Народной Республики.

Делая вывод о тесных взаимоотношениях Министерства белорусских дел и правительства БНР, исследователи ссылаются на очерк М. Засецкого, являющийся одним из главных источников о деятельности Министерства в декабре 1918 – сентябре 1919 гг. Однако в данной брошюре упоминаний о каких-либо совместных действиях Министерства и правительства БНР в этот период нет[12]. Поэтому работа М. Засецкого не может служить единственным источником по данному вопросу. Другие же источники, наоборот, свидетельствуют о том, что правительство БНР старалось дистанцироваться от Министерства белорусских дел. Контакты между двумя органами, безусловно, были. Их не могло не быть, хотя бы уже по той причине, что правительство БНР возглавлял А. Луцкевич, а его брат, И. Луцкевич, являлся в это же время членом Литовской Тарибы, представ-

ляя в ней вместе с другими пятью белорусами Виленскую белорусскую раду. Но при всем при этом Министерство белорусских дел работало автономно от правительства БНР. Так, судя по дневниковым записям А. Луцкевича, министр белорусских дел при литовском правительстве И. Воронко, находясь в Гродно одновременно с главой правительства БНР, действовал абсолютно самостоятельно, назначая комиссаров в белорусские города и уезды без согласования с А. Луцкевичем и не приглашая главу белорусского правительства на официальные совещания Министерства[13].

Натянутые отношения во многом объясняются тем неразрешимым противоречием, которое существовало в целях Министерства белорусских дел и литовского правительства, с одной стороны, и правительства Белорусской Народной Республикой – с другой. Белорусские политики, вошедшие в состав Литовской Тарибы и поддерживавшие Министерство белорусских дел, будущее белорусских земель видели в составе единого Литовско-Белорусского государства, в котором белорусы обладали бы широкой политической и культурной автономией. Они верили, что сумеют убедить литовских политиков в необходимости и выгодности такого плана. Тем более что в нем действительно было несколько привлекательных моментов, и прежде всего возможность избежать конфликта при разрешении вопроса о государственной принадлежности Вильно. При реализации белорусского плана город становился общей литовско-белорусской столицей.

Участники Белорусской конференции в Вильно 1918 г.

Подобная позиция вызывала критику со стороны тех белорусских деятелей, которые консолидировались вокруг Рады и правительства БНР и желали видеть Беларусь независимым государством. Осуществление проекта, за который выступало Министерство белорусских дел, не только ставило крест на независимом Белорусском государстве, но и делило белорусские территории на две части: в состав литовского государства должна была войти лишь Западная Беларусь – так видели свою восточную границу с Россией и Польшей литовские политики, и только такую границу литовское правительство обещало защищать в своей внешнеполитической деятельности. Произошла забавная метаморфоза. И. Воронко и его сторонники, многие из которых стояли у истоков национального движения в восточной Беларуси, неожиданно нашли привлекательным план совместного белорусско-литовского государства. И наоборот, А. Луцкевич, долгое время являвшийся сторонником белорусско-литовской государственности, возглавив правительство БНР, стал непримиримым противником этой идеи, возможно, разочаровавшись в ней за предыдущие годы. Соответственной была и позиция Рады Народных Министров БНР – она больше не рассматривала Литву в качестве ближайшего союзника в деле создания белорусской государственности. Весной 1919 г. на заседаниях правительства БНР несколько раз – в марте 1919 г. в Гродно и 25 апреля 1919 г. в Ковно – ставился вопрос о разрыве с Литвой. И хотя от радикальных демаршей решено было временно воздержаться, А. Луцкевич и возглавляемый им кабинет смотрели на Литву далеко не как на союзное государство. Подобным образом А. Луцкевич относился и к И. Воронко, видя в нем представителя правительства сопредельного государства и обвиняя в измене белорусским национальным интересам[14].

Не последнюю роль во взаимоотношениях между Министерством белорусских дел и Радой Народных Министров БНР сыграли личные неприязненные отношения между И. Воронко и А. Луцкевичем, установившиеся еще во время их совместной работы в составе Чрезвычайной делегации правительства БНР в Киеве. Этой же причиной объясняются и натянутые отношения между кабинетом А. Луцкевича и Белорусской партией социалистов-федералистов (БПСФ), одним из лидеров которой являлся И. Воронко. Первоначально руководство БПСФ даже запретило своим членам занимать в правительстве А. Луцкевича любые посты. И лишь в результате настоятельных просьб А. Луцкевича запрет был снят[15].

Потепление в отношениях между Радой Народных Министров БНР и Министерством белорусских дел, как отмечалось выше, наметилось летом 1919 г. и было вызвано позицией Литовской Тарибы по белорусскому вопросу. Ни одно из условий соглашения от 27 ноября 1918 г. не было проведено в жизнь. Литовское правительство больше не считалось с Министерством белорусских дел, а воз-

можность автономии для белорусских территорий даже не обсуждалась. Вскоре, в связи с разразившимся в конце июня 1919 г. скандалом, такой позиции литовцев нашлось логичное объяснение. Стало очевидным, что лидеры литовского государства уже давно решили отказаться от ноябрьского соглашения с Виленской белорусской радой. Но окончательно разрывать отношения с белорусами не спешили, расчитывая максимально разыграть белорусскую карту на мирной конференции.

Парижская мирная конференция, созванная державами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с государствами, побежденными в Первой мировой войне, открылась 18 марта 1919 г. и длилась с перерывами более года – до 21 января 1920. Краеугольным камнем, на котором победители собирались отстраивать послевоенную Европу, являлся «принцип национальности», в соответствии с которым за каждым народом признавалось право на самоопределение, а границы новообразуемых государств должны были совпадать с национально-этническими и языковыми ареалами населяющих их народов[16].

Литва, как и остальные страны, возникшие в результате распада крупных империй, ждала от Великобритании, Франции и США решения своей судьбы. Положение ее осложнялось тем, что конференция отказалась признать литовскую делегацию в качестве полноправного участника. Поэтому литовцам в Париже пришлось действовать полуофициально, поставив главной своей целью добиваться признания Литовского государства и проведения выгодных границ.

Вторая задача являлась, быть может, даже более сложной, так как в вопросе о границах интересы Литвы сталкивались с интересами Германии и Польши. В соперничестве с немцами литовское правительство надеялось заполучить хотя бы часть Восточной Пруссии. С поляками конфронтация существовала по вопросу о Виленской губернии с городом Вильно и части Гродненской губернии. В ноте, направленной 24 марта 1919 г. председателю мирной конференции Ж. Клемансо, главой литовской делегации в Париже А. Вальдемаросом высказывалось требование включить в состав литовского государства территории Виленской, Ковенской, Гродненской и Сувалкской губерний, а также часть Курляндской губернии и часть Восточной Пруссии. В таком составе территория Литвы должна была составить 125 тыс. кв. км с населением шесть миллионов человек[17].

Значительную часть населения территории, на которую претендовали литовцы, и участники конференции были об этом осведомлены, составляли белорусы и евреи. С этой точки зрения литовскому правительству было крайне важно получить и представить на конференции убедительные доказательства того, что белорусы Гродненской и Виленской губерний желают остаться в составе литовского государства. Выступить с подобным обращением, по плану литовского руководства, должно было Министерство белорусских дел,

являвшееся официальным представителем интересов белорусского населения в Литве. Заявление Министерства белорусских дел действительно имело определенный вес и при определении государственной принадлежности спорных территорий могло склонить чашу весов в пользу Литвы.

Однако на пути к реализации этого плана существовали серьезные проблемы. И прежде всего то, что Министерство белорусских дел соглашалось на включение белорусских земель в состав литовского государства только на условиях полного равноправия и активного участия белорусов в политической жизни и государственном строительстве. Понимая, что не получит от белорусских политиков нужного по тону обращения к Парижской мирной конференции, литовское правительство пошло на подлог. Неприглядную роль в этой истории сыграл белорусский представитель в Литовской Тарибе Д. Семашко.

Нарушив первоначальную договоренность с Министерством белорусских дел, литовское правительство направило в Париж в качестве представителя белорусского населения не двух делегатов-белорусов, а одного пролитовски настроенного Д. Семашко. И именно за его подписью в июне 1919 г. (точная дата неизвестна, но скорее всего, во второй половине месяца) в адрес Парижской мирной конференции был подан «Меморандум в деле белорусов в Литовском государстве». Документ этот явился полной неожиданностью для Министерства белорусских дел и остальных белорусов – членов Литовской Тарибы. Между тем в Меморандуме от имени всего белорусского народа высказывалась мысль, что только в составе литовского государства будут наилучшим образом обеспечены права белорусов на всестороннее развитие. В связи с чем в состав Литвы предлагалось включить целиком Виленскую и Гродненскую губернии[18].

Действия литовского правительства, литовской делегации в Париже и меморандум Д. Семашко вызвали протест со стороны белорусского представительства в Литовской Тарибе. Белорусы – члены Тарибы заявили о своем полном несогласии с содержанием меморандума. В документе отсутствовало всякое упоминание об автономном статусе белорусских земель в составе литовского государства, на основании чего белорусские политики делали вывод о том, что «литовское правительство стремится к аннексии белорусской территории, включенной им в свои границы, а не к совместному государственному строительству». Выражая свой протест против такой политики, белорусское представительство в Литовской Тарибе постановило воздержаться от работы в комиссии по выработке закона о выборах в Сейм, а также потребовало немедленно направить в Париж еще одного белорусского представителя[19].

Ряд шагов в ответ на меморандум Д. Семашко предприняло и правительство Белорусской Народной Республики, глава которого

А. Луцкевич находился в это время в Париже в качестве председателя делегации БНР на мирной конференции. Судя по письмам А. Луцкевича, в июне 1919 г. между белорусской и литовской делегациями в Париже шли переговоры относительно Виленской и Гродненской губерний. Однако не дождавшись их окончания, литовская делегация прервала переговоры и заявила на мирной конференции о своих претензиях на белорусские земли[20].

Одновременно такие же переговоры с литовским правительством вел в Вильно полномочный представитель правительства БНР П. Кречевский. 1, 7, 14 июня 1919 г. он встречался с министром иностранных дел М. Слежевичем, но безуспешно. По словам П. Кречевского, литовцы «с охотой» соглашались защищать независимость Беларуси, но лишь до тех пор, пока речь не заходила о границах. Тогда становилось ясно, что литовское правительство интересовали лишь Виленщина и Гродненщина. Что касается города Вильно, то литовцы категорически отказывались признавать его белорусским или рассматривать в качестве общей столицы. Таким образом, литовские политики готовы были признать и поддержать БНР только при том условии, что белорусы «откажутся от Гродненщины и Витебщины и согласятся на границы первой немецкой оккупации 1915–1918 гг.» Из всего этого П. Кречевский делал вывод, что совместной заграничной деятельности с литовцами у белорусов быть не может[21].

Действия литовского правительства были рассмотрены на заседании 2 июля 1919 г. Чрезвычайной дипломатической миссии БНР в Берлине, на то время являвшейся своеобразным координационным центром руководящих органов БНР. Участники заседания оценили политику литовских властей как «вероломство и полное игнорирование белорусских интересов при тенденции к захвату чисто белорусских земель». Было принято решение обратиться к литовскому правительству с категорическим вопросом: собирается ли и в дальнейшем литовское правительство проводить «такую же предательскую политику в отношении Беларуси, не соглашаясь на установление твердых добрососедских отношений на основе строительства совместного Белорусско-Литовского государства». В случае отрицательного ответа правительство БНР оставляло за собой право на любые политические шаги относительно Литвы, которые будут соответствовать интересам белорусского народа[22].

Проводя данное решение, представитель правительства БНР в Литве П. Кречевский на протяжении июля 1919 г. дважды обращался с нотами к Раде Министров Литовской республики – 12 и 23 июля. Однако ответа по существу от литовского правительства так и не поступило[23]. В связи с этим Чрезвычайная дипломатическая миссия БНР в Берлине на своем заседании от 4 августа 1919 г. постановила разорвать отношения с литовским правительством из-за аннексионистских стремлений Литвы. Однако летом 1919 г. руководство БНР не решилось осуществить столь радикальное

постановление. Процесс разрыва затянулся. Спустя почти месяц, на заседании от 29 августа 1919 г. Рада Народных Министров БНР, собравшись в Берлине, повторно рассмотрела этот вопрос. Не изменив свою позицию по существу, Рада все же скорректировала ее – провести разрыв с Литвой решено было при помощи белорусских организаций Гродненщины и Виленщины. Дипломатическая же миссия БНР в Литве должна была остаться в стороне от этих демаршей. Таким образом, правительство БНР стремилось сохранить формальные отношения между БНР и Литовской республикой, ликвидируя лишь последствия соглашения от 27 ноября 1918 г. Одновременно подлежало ликвидации и Министерство белорусских дел, на что выделялись финансовые средства [24].

Впрочем, и последнее решение правительства БНР не было реализовано. Министерство белорусских дел просуществовало до 1924 г., хотя со стороны литовского правительства создавались серьезные трудности его работе. В белорусско-литовских отношениях периодически возникали серьезные конфликты. В конце декабря 1919 г. литовскими властями были арестованы два дипломатических курьера правительства БНР, следовавшие транзитом через Литву из Германии в Латвию. Офис самого Министерства подвергся обыску. Тем не менее даже эти действия литовских властей не привели к разрыву в отношениях между руководящими органами БНР и Литвы. Маловлиятельное правительство БНР не могло себе позволить такую роскошь, как прекращение дипломатических отношений.

Не поспособствовало налаживанию отношений между правительствами Литвы и БНР и начало советско-литовских мирных переговоров, предметом которых являлись не только литовские, но и белорусские территории. Реакция правительства БНР, главой которого с декабря 1919 г. стал В. Ластовский, была крайне негативной. Как альтернативу договору с советской Россией, белорусские политики предложили литовцам выработать совместную международную тактику противодействия «российскому и польскому империализму». За признание БНР Рада Народных Министров взамен соглашалась уступить Литве наиболее спорные пограничные территории[25]. Конечно, литовское правительство, которое готовилось заключить мирный договор с советской Россией, соглашение с виртуально существующей белорусской Радой не заинтересовало. Все, что литовцы смогли предложить белорусам в ответ, так это поддержать литовскую делегацию на переговорах в Москве. Представители Беларуси должны были выступить за включение Гродненской губернии в состав литовского государства. Со своей стороны, литовцы обещали создание отдельной белорусской административно-территориальной единицы со своим Сеймом, Радой Министров и другими белорусскими государственными учреждениями. Предусматривалось, что через несколько лет население само на всенародном голосовании определит «свою государственную принадлежность

к Литве либо Белорусской Народной Республике, но ни в коем случае не к Польше».

На таких условиях правительство БНР на сотрудничество с литовцами не пошло. Наученные негативным прежним опытом, когда литовское правительство отказалось выполнять декабрьское 1918 г. соглашение с Виленской белорусской радой, лидеры БНР к литовскому плану отнеслись подозрительно и потребовали гарантий. По мнению Рады Народных Министров, принципиальным условием, при котором становились возможными дальнейшие совместные действия правительств Литвы и БНР, являлось заключение соглашения о разграничении белорусской и литовской территорий[26].

Литовцы не пожелали связывать себя какими-либо соглашениями с белорусами и предпочли решать территориальный вопрос с большевиками. Хотя при этом максимально разыграли белорусскую карту на переговорах в Москве, включив в состав литовской делегации члена Министерства белорусских дел Д. Семашко. Участвуя в советско-литовских переговорах, Д. Семашко, не имея на то никаких полномочий, заявил о желании всего белорусского населения Гродненской губернии быть оставленными в составе литовского государства. Протест Центральной Белорусской Рады Виленщины и Гродненщины на имя Наркома иностранных дел РСФСР Г. Чичерина против участия Д. Семашко в советско-литовских переговорах в качестве представителя белорусов не был услышан. Как не имел последствий и меморандум делегации БНР в Париже к гражданам и послам Антанты от 14 сентября 1920 г. по поводу заключения советско-литовского договора. В своем обращении представители БНР заявили, что данный договор делит территорию Беларуси, а потому «белорусский народ никогда не примет своего раздела, откажется покориться несправедливому решению, принятому против его воли, и с оружием в руках будет добиваться справедливости»[27].

Следует отметить, что литовцы не были единственными соседями белорусов, которые попытались заручиться поддержкой правительства БНР, прежде чем сесть за стол переговоров с советской Россией. В начале 1920 г. определенные шаги в этом направлении были предприняты также правительством Латвии. К сожалению, сохранилось очень мало документов, касающихся проблемы установления белорусско-латышской границы. Но даже эти материалы позволяют выявить основные подходы сторон по территориальному вопросу.

Первые контакты латышских властей с представителями БНР, во время которых обсуждался вопрос о границе, состоялись еще в первой половине 1919 г. Во время работы Парижской мирной конференции глава правительства БНР А. Луцкевич провел ряд переговоров с латышской делегацией, результатом которых явилось соглашение об условиях разграничения Беларуси и Латвии[28]. После это-

го, практически в течение года, территориальный вопрос в белорусско-латышских отношениях не поднимался. В условиях польско-советской войны эта темы была неактуальна. Но в начале 1920 г. латышское правительство вновь вспомнило о белорусах и БНР. Как передавал шеф Дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии К. Езовитов, «интерес к белорусскому делу и Беларуси с каждым днем расширяется». В марте 1920 г. этот интерес обрел конкретные формы. 17 марта 1920 г. латышские власти предложили Дипломатической миссии БНР возобновить переговоры о границе. И уже 20 марта белорусско-латышская комиссия по определению границ приступила к работе[29].

Первое же заседание комиссии выявило истинные цели латышей – добиться от белорусов согласия на включение части белорусских земель в состав латышского государства. В частности, латышская делегация озвучила свои претензии относительно Двинска. Как признавались сами латыши, у них не было веских аргументов для присоединения этого города к Латвии. Поэтому во время переговоров они оперировали исключительно доводами политическими и стратегическими[30]. Латышское правительство осознавало шаткость собственного положения и опасалось оказаться в таком же неловком положении и на переговорах с РСФСР, что, в принципе, и произошло. Во время работы мирной конференции между РСФСР и Латвией, которая проходила в апреле 1920 г., латыши выдвинули претензии на часть Витебской и Псковской губерний. Советская делегация признала большинство доводов латышей необоснованными и, лишь исходя из внешнеполитических интересов, пошла на некоторые уступки. Помимо Латгалии Латвия удержала за собой только несколько уездов Витебской и Псковской губерний[31]. Безусловно, имея на руках согласие представителей БНР на включение белорусских земель в состав Латвии, латышская делегация чувствовала бы себя более уверенно на переговорах с большевиками и, возможно, добилась бы больших успехов. Но делегация БНР на первом же заседании дала латышам понять, что собирается до конца отстаивать целостность и неприкосновенность территории Белорусской Народной Республики, чем, скорее всего, и объясняется быстрое и безрезультатное завершение белорусско-латышских переговоров.

Неуступчивость деятелей БНР в территориальном вопросе стала причиной охлаждения отношений между БНР и прибалтийскими республиками. После заключения советско-литовского мирного договора отношения между правительствами Литвы и БНР, казалось бы, были испорчены окончательно. Однако очередные изменения в геополитической ситуации в Восточной Европе осенью 1920 г. заставили литовских и белорусских политиков вновь искать пути к сближению. Причем перемены произошли в тот момент, когда и белорусы, и сами литовцы их менее всего ожидали. По всем приметам в начале октября 1920 г. литовское правительство могло себя чув-

ствовать достаточно уверенно. К этому времени у литовцев уже был мирный договор с Россией. А 7 октября 1920 г. Польша и Литва подписали в Сувалках соглашение о временной демаркационной линии и прекращении с 10 октября 1920 г. военных действий. Все указывало на то, что в Восточной Европе установится долгожданное спокойствие. Главным источником напряжения в регионе оставалась Польша, но и ее, по мнению наблюдателей, должно было удовлетворить выгодное Сувалкское соглашение. Тем не менее авторы подобных заключений не учли тот факт, что при всех плюсах соглашения от 7 октября 1920 г. оно в глазах поляков имело один существенный недостаток – а именно тот, что оставляло Вильно в составе Литвы[32].

Глава Польского государства Ю. Пилсудский, питавший к этому городу особые чувства, не мог смириться с утратой Вильно, в связи с чем решился на рискованный план, реализация которого была доверена генералу польской армии Л. Желиговскому. На следующий же день после подписания Сувалковского соглашения, 8 октября 1920 г., оперативная группа «Бенякони», находившаяся под командованием Л. Желиговского, заявила о своем неподчинении верховному польскому командованию и, нарушив демаркационную линию, двинулась на территорию Литвы. Уже 9 октября 1920 г. отряды Л. Желиговского заняли Вильно, где «мятежный» генерал провозгласил создание независимого государства под названием «Средняя Литва» в составе Виленского, Трокского, Свентянского, Лидского, Ошмянского и Браславского уездов. Площадь нового государственного образования составила более 13,5 тыс. кв. км. с населением около полумиллиона человек[33].

Сразу же после занятия Вильно генерал Л. Желиговский начал подготовку к проведению выборов в Сейм, который должен был определить судьбу края. Расчет польских властей состоял в том, чтобы при соответствующей подготовке выборов, добиться такого состава Сейма, который проголосовал бы за включение Средней Литвы в состав Польского государства. Дата выборов была назначена на 9 января 1921 г.

Учитывая невысокий процент литовцев в Виленском районе, в то время как на долю белорусов приходилось около 40% населения, литовские политики для противодействия планам генерала Л. Желиговского были вынуждены искать поддержку у белорусов. 11 ноября 1920 г. между литовским правительством в Ковно и правительством БНР в изгнании было подписано соглашение, в соответствии с которым белорусские политики в случае проведения плебисцита в Виленской области брали на себя обязательство добиваться того, чтобы белорусское население Виленщины голосовало в пользу Литвы. Литовское же правительство обещало белорусам необходимую политическую и моральную помощь. Болезненный территориальный вопрос стороны согласились на время отложить, что-

бы в будущем решить его посредством переговоров. Пока же, до созыва Белорусского Учредительного собрания, правительство БНР признавало границу, установившуюся в соответствии с советско-литовским договором от 12 июля 1920 г.[34]

Подписав соглашение с Радой Народных Министров БНР, литовцы фактически признали правительство БНР и саму Белорусскую Народную Республику. Подобный шаг литовских властей не мог не обеспокоить большевиков. Ведь в это же время на мирных переговорах в Риге советская делегация добивалась от Польши признания БССР. Параллельное существование двух белорусских правительств – БНР и БССР – нарушало хрупкое геополитическое равновесие, осложняло процесс выработки текста договора. А в будущем могло послужить основанием для ревизии не только готовившегося к подписанию советско-польского мирного договора, но и ранее заключенного советско-литовского.

Народный комиссариат иностранных дел РСФСР предпринял энергичные шаги для того, чтобы снять негативный эффект от подписания ноябрьского литовско-белорусского соглашения. Свою помощь литовцам в борьбе с авантюрой Л. Желиговского советское правительство поставило в зависимость от позиции литовцев по отношению к Раде Народных Министров БНР. В депеше Г. Чичерина полномочному представителю НКИД в Ковно А. Аксельроду об этом говорилось однозначно: «мы согласимся отправить Литве ноту относительно Вильно, если одновременно будет разрешен вопрос о Ластовском. Литва по договору не может терпеть его, только под условием, что он не претендует на Советскую Белоруссию и если он борется только против польских оккупантов. Обязательства Литвы распространяются и на Советскую Белоруссию, которая в то время еще не выделилась из Советской России»[35].

С течением времени, поскольку литовское правительство и поддерживаемый им В. Ластовский не спешили с ответом на обращения НКИД, тон депеш Г. Чичерина представителю в Ковно становился все более нетерпеливым и требовательным. Вопрос о необходимости заявления В. Ластовского поднимался практически еженедельно – в депешах от 6 января, 17 января, 18 января, 22 января, 1 февраля, 7 февраля 1921 г. В письме от 18 января 1921 г. Г. Чичерин писал А. Аксельроду: «Удивляюсь, почему до сих пор не удалось получить от Литвы формальные заверения относительно линии Ластовского. Ведь если притязания Ластовского распространяются на Советскую Белоруссию, то Литва резко нарушает договор, давая ему убежище, и заверение о дезинтересации Ластовского в Советской Белоруссии необходимо для того, чтобы поведение Литвы не противоречило договору с нами»[36].

Литовские власти, заинтересованные в поддержке советской России в споре с Польшей, пусть и не сразу, но вынудили В. Ластовского подписать соответствующий документ. Правда, нужный текст

согласовывался достаточно долго. Первые варианты абсолютно не устроили представителей советской России. В обращении к Министру иностранных дел Литвы от 20 января 1919 г. председатель Рады Народных Министров В. Ластовский назвал БНР носителем чистой идеи независимости и неделимости Беларуси, которая желает завязать с советской Белоруссией дружественные отношения и видит главной задачей своей деятельности воссоединение западной и восточной частей Беларуси. Таким образом, из слов В. Ластовского складывалось представление о БНР и БССР как о равноправных государственных образованиях, что не могло удовлетворить внешнеполитическое ведомство советской России. В связи с этим полномочный представитель НКИД РСФСР в Литве А. Аксельрод потребовал более ясно изложенного заверения В. Ластовского в отсутствии претензий на территорию Советской Белоруссии. Новый вариант был получен 25 января 1921 г., однако и он оказался неприемлемым для советской стороны, поскольку в заявлении вновь был сделан акцент на территориальной целостности белорусских земель. В частности, в документе говорилось: «Считая, что провозглашение и установление Белорусской Советской Республики является одной из ступеней к полному осуществлению независимости и неделимости Беларуси, правительство БНР не только не имеет целью вести вооруженную или какую-нибудь иную борьбу с ней, но, наоборот, будет помогать Советской Белорусской Республике, как в деле возрождения белорусского народа, так и в деле полного осуществления независимости и неделимости Беларуси»[37].

Литовское правительство не слишком давило на В. Ластовского, не желая обострять отношения с белорусами накануне выборов в Виленский сейм. Однако выборы в назначенное время не состоялись. Сначала они были перенесены с 9 января на 6 февраля 1921 г., а 1 февраля 1921 г. Л. Желиговский своим декретом вообще отложил проведение выборов на неопределенный срок. Все это привело к тому, что интерес литовцев к сотрудничеству с белорусами снизился. Тем более что появилась надежда решить судьбу Вильно на литовско-польских переговорах в Брюсселе, начавшихся в апреле 1921 г. Открыто рвать с белорусскими организациями и правительством БНР литовские власти не решались, поскольку белорусский фактор мог еще сыграть свою роль в дискуссии с поляками. Однако и расширять отношения с белорусами литовцы не желали. Записки, проекты, конференции, инициатором которых в 1921–1922 гг. являлось правительство БНР, оставались без внимания литовских политиков[38].

Провал переговоров в Брюсселе заставил поляков вернуться к первоначальному плану, а именно к включению Вильно в состав Польши посредством выборов в Виленский сейм. После того, как Виленский сейм, избранный без участия бойкотировавших его белорусских организаций, на своем заседании от 20 февраля 1922 г.

принял решение о присоединении Средней Литвы к Польше, интерес литовцев к сотрудничеству с белорусами окончательно пропал. В Литве существенно снизилось число белорусских организаций, Министерство белорусских дел превратилось в формальную структуру, а в новом проекте Конституции Литвы 1922 г. вообще отсутствовало положение о министерствах национальных меньшинств[39].

Литовское правительство сделало также небезуспешную попытку расколоть белорусское движение. Под влиянием министра иностранных дел Литвы Галвановского председатель белорусской делегации на конференции в Генуе в 1922 г. В. Ластовский подписал заявление о присоединении Вильно и Виленщины к Литве[40]. Этот шаг В. Ластовского вызвал очередной политический кризис в правительстве БНР. Многие белорусские организации объявили ему бойкот, результатом которого в апреле 1923 г. явилось прошение В. Ластовского об отставке с поста председателя Рады Народных Министров БНР[41]. После этого белорусско-литовские отношения значительно ухудшились. Летом 1923 г. по инициативе литовского правительства белорусско-литовское соглашение 1920 г. было денонсировано. В ноябре 1923 г. Рада и новое правительство БНР под руководством А. Цвикевича переехали в Прагу, которая стала новым центром белорусского движения в эмиграции.

Примечания

1 Грыцкевіч А. Беларуска-літоўскія дачыненні: 1918–1922 гг. // Спадчына 1994. № 5. С. 58–63.

2 Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання: карот. нарыс // Часоп. М-ва беларус. спраў. 1919. № 1. С. 1, 2.

3 Часопіс Міністэрства беларускіх спраў. 1919. Верасень. С. 8.

4 Ладысеў У. Міністэрства беларускіх спраў у Літве // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. 1999. С. 145.

5 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 319–320.

6 Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання: карот. нарыс // Часоп. М-ва беларус. спраў. 1919. № 1. С. 5.

7 Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 222.

8 Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 87.

9 Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання: карот. нарыс // Часоп. М-ва беларус. спраў. 1919. № 1. С. 14.

10 Багалейша С. Дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў у 1918–1924 гг. // Беларус. гіст. часоп. 2005. № 9. С. 23.

11 Ціхаміраў А. «Віленскае пытанне» ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 3. С. 37.

12 Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання: карот. нарыс // Часоп. М-ва беларус. спраў. 1919. № 1.

13 Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 221–222.

14 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 53, л. 60–65.

[15] НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 53, л. 51.
[16] Сыч А.И. Национальный аспект Версальской системы // Вопр. истории. 2004. № 1. С. 126–127.
[17] Eidintas A., Zalys Y. Lithuania in European politics. The years of the first republic, 1918–1940. P. 65.
[18] Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 352–353.
[19] Там же. С. 366–367, 373–374.
[20] Там же. С. 363.
[21] Там же. С. 377, 380–381.
[22] Там же. С. 372.
[23] Там же. С. 380–381, 383–384.
[24] Там же. С. 391, 415.
[25] Там же. С. 720.
[26] Там же. С. 740, 741.
[27] Там же. С. 841–843.
[28] Там же. С. 635.
[29] Там же. С. 704–705.
[30] НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 114, л. 3
[31] РГАСПИ. Ф. 325, оп. 2, д. 26, л. 11–45. ГА РФ. Ф. 130, оп. 29, д. 51, л. 11.
[32] Ціхаміраў А. «Віленскае пытанне» ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2002. № 3.
[33] Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Совет. энцикл., 1983. С. 566.
[34] НА РБ. Ф. 325, оп. 1. д. 211, л. 113.
[35] РГАСПИ. Ф. 5, оп. 1., д. 2111, л. 10.
[36] Там же. Ф. 5, оп. 1., д. 2111, л. 10–15, 17.
[37] НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 46а, л. 15, 28, 29.
[38] НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 211, л. 113.
[39] Багалейша С. Дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў у 1918–1924 гг. // Беларус. гіст. часоп. 2005. № 9. С. 25, 26.
[40] Глушакова Н. Знешнепалітычныя арыентацыі Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (1918–1924 гг.) // Беларус. гіст. часоп. 1998. № 3. С. 31.
[41] НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 8, л. 48; Ф. 325, оп. 1, д. 53, л. 24.

2.4. Белорусский территориальный вопрос в контексте польско-советской войны

На протяжении нескольких столетий Польша рассматривала белорусские земли как сферу своих интересов. Потеря государственности в конце XVIII в., нахождение в составе Российской империи, казалось бы, должны были изменить менталитет польской политической элиты в сторону большего уважения национальных прав соседних народов. Но этого не произошло. Восстанавливая польское государство, его лидеры взяли на вооружение политические и территориальные концепции, в основе которых лежала идея восстанов-

ления «исторических» границ, существовавших до 1772 г. (до первого раздела Речи Посполитой). Польский национальный комитет в Париже следующим образом формулировал свою позицию в вопросе о границах: «Национальная территория Польши значительно больше этнографической...», и польское государство «своими границами обязано простираться в разных направлениях значительно дальше собственных земель»[1].

При восстановлении государства столкнулись две концепции включения в состав Польши непольских территорий. Ю. Пилсудский и его сторонники выступали за «федералистскую» концепцию, которая предусматривала выделение белорусских, литовских и украинских земель в отдельные административные единицы с правом местного самоуправления. При реализации данного плана Ю. Пилсудский делал ставку на местную буржуазию и военную силу. Близкой к взглядам Ю. Пилсудского, хотя и отличавшейся от него методами достижения цели, была территориальная концепция Партии польских социалистов (ППС) и Партии польских социал-демократов (ППСД), предусматривавшая создание федерации Польши с литовско-белорусским политическим объединением и независимым украинским государством на основе «добровольного союза». Отказываясь от силовых мер, ППС и ППСД надеялись, что им удастся привлечь на свою сторону часть членов национальных политических партий.

Идеологом другой концепции являлся Р. Дмовский, один из руководителей партии национал-демократов. В отличие от федералистов он выступал за полное слияние национальных территорий с польским государством. План Р. Дмовского предусматривал присоединение к этнической Польше прежде всего тех непольских районов на востоке, где поляки были относительно многочисленны, а население исповедовало католицизм. Лидер эндеков предлагал достигнуть на востоке границы, где бы поляки составляли не менее 60%, чтобы за 20 лет довести их до 75–80%, обеспечив Польше полную гарантию от национальных потрясений[2].

При всех расхождениях общим для данных концепций было то, что ни одна из них не предусматривала для белорусов права на создание собственного независимого государства. Это обстоятельство явилось определяющим при выработке ответной политики правительства БНР, хотя следует отметить, что отношение лидеров белорусского национального движения к польским планам не было однозначным и неоднократно менялось в зависимости от общей политической ситуации.

В 1918 г., когда положение органов БНР было еще относительно стабильным, Рада и правительство БНР последовательно защищали неприкосновенность белорусских земель от посягательств на них Польши. Как только появились первые сведения о том, что германское руководство рассматривает возможность присоединения час-

ти белорусских земель к Польше, Рада БНР 28 августа 1918 г. направила рейхсканцлеру Германии протест против планов «отторжения части края исконной Беларуси, дабы округлить и увеличить область Царства Польского»[3].

7 октября 1918 г. Рада БНР выразила протест против акта Регентского Совета в Варшаве, в соответствии с которым польскими признавались западные белорусские территории, в частности регион, включавший такие города, как Гродно, Белосток, Брест[4]. Серия дипломатических заявлений была сделана правительством БНР в конце 1918 – начале 1919 гг. по поводу объявления поляками всеобщей мобилизации в городе Вильно, а также включения польским правительством населения Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии и Августовского уезда Сувалкской губернии в списки избирателей Польского Учредительного Собрания, что фактически означало признание жителей данных уездов гражданами Польши, а сами уезды – входящими в состав польского государства. В ноте протеста Рады Министров БНР от 8 января 1919 г. дипломатическим представителям США, Англии и Италии выражалась просьба принять «под свою защиту от растерзания соседями территорию Белорусской Народной Республики»[5].

Дипломатические ноты в большом количестве рассылались правительством БНР и в будущем, но оказались крайне неэффективной формой протеста. В большинстве случаев обращения руководства БНР оставались без ответа. Поэтому параллельно с дипломатическими заявлениями, лидеры Белорусской Народной Республики предпринимали попытки договориться с поляками, найти в польском обществе силы, которые бы поддержали белорусов в их стремлении к созданию собственной государственности. Известно, что осенью 1918 г. в Варшаве находилась Чрезвычайная делегация Рады БНР, в состав которой вошли члены Рады И. Воронко, К. Петрусевич, П. Андреев, А. Крепский. Как сообщали в ноябре 1918 г. минские газеты, делегация провела переговоры с польским правительством и представителями различных польских партий. Одной из главных тем дискуссий являлся вопрос о белорусско-польской границе[6]. Представители БНР добивались признания Белорусской Народной Республики в границах расселения белорусского народа. Однако, учитывая господствовавшие в польском обществе настроения, эти требования не находили поддержки влиятельных политических сил. Из относительно массовых организаций белорусов поддержала только Польская партия социалистов. В одной из своих резолюций 1919 г. ППС заявила о поддержке борьбы белорусского народа за создание собственного независимого государства и призвала польские власти признать независимость Белорусской республики. Чтобы избежать территориальных споров, польские социалисты предлагали проведение плебисцита в спорных районах[7]. Но позиция, которую занимала ППС, была не характерна для основной части польской

политической элиты. Польское общество, находившееся в состоянии эйфории от вновь обретенной свободы, желало возрождения прежнего величия Польши в границах XVIII в. Ограниченное в своих возможностях правительство БНР не могло изменить эту тенденцию.

Более сложным, нежели белорусское национальное движение, препятствием на пути к включению белорусских земель в состав польского государства являлась политика советской России. В вопросе о территориях Беларуси, Прибалтики и Украины претензии поляков столкнулись с геополитическими амбициями большевиков. Издав декрет, в котором РСФСР отказывалась от договоров, касавшихся разделов Польши, советское правительство, тем не менее, не соглашалось признать сомнительные аргументы об исторических правах польского государства на белорусские, литовские, украинские земли и, соответственно, не желало уступать Польше значительные территории на западе. В то же время руководство РСФСР пыталось избежать обострения отношений с поляками. Когда на основании принятого 13 ноября 1918 г. постановления ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского мирного договора Красная Армия начала постепенно продвигаться на Запад, занимая вслед за отступавшими германскими войсками белорусские земли, командующий Западной армией А. Снесарев издал приказы от 9 и 13 декабря 1918 г., в которых Красной Армии ставилась задача выйти на линию Вильно – Гродно – Мосты – Слоним – Лунинец – Пинск, не вторгаясь в этнографические границы Польши[8].

Руководство РСФСР считало, что, остановившись на этой линии, оно не нарушит этническую границу польского государства. Польские же власти видели ситуацию в другом свете. Установление советской власти в Беларуси и размещение на ее территории частей Красной Армии уже были расценены поляками как оккупация польских территорий. В ноте МИД Польши от 30 декабря 1918 г. польское правительство обвинило большевиков в проведении «агрессивной и империалистической политики». Министр иностранных дел Польши Л. Василевский заявил о том, что нахождение Красной Армии на белорусских землях затрагивает жизненные интересы поляков, и в связи с этим предупредил о готовности польского правительства «защищать вооруженной силой неприкосновенность территорий, заселенных польской нацией, против вторжения войск русского Советского правительства»[9]. Польские власти отказались установить дипломатические отношения с РСФСР и признать национальные советские республики, образованные в конце 1918 – начале 1919 гг. в Беларуси, Украине и Прибалтике.

Весной 1919 г. у польского правительства появились реальные возможности для проведения желаемой восточной политики. В апреле 1919 г. польские войска, получив военную и политическую поддержку стран Антанты, начали быстрое продвижение по территории

Беларуси. Плохо вооруженные и малочисленные части Красной Армии на Западном фронте не смогли оказать им сопротивление. 16 апреля 1919 г. польские войска заняли Лиду, 19 апреля – Новогрудок и Барановичи, 21 апреля после упорных боев – Вильно. 9 августа большевики были вынуждены оставить Минск. К осени 1919 г. поляки оккупировали большую часть белорусских земель, выйдя на линию Двинск – р. Западная Двина – Лепель – р. Березина – р. Припять.

22 апреля 1919 г. начальник польского государства Ю. Пилсудский, посетивший захваченный поляками город Вильно, обратился с воззванием «Ко всем жителям бывшего Великого Княжества Литовского», в котором заверил народы ВКЛ в том, что они получат возможность самостоятельно решать собственные внутренние национальные и религиозные вопросы[10]. Обещание строить отношения с белорусами на равных содержалось и в воззвании Ю. Пилсудского по случаю занятия польскими войсками Минска. В документе говорилось об освобождении белорусов, новой эпохе свободы и совместной жизни белорусского народа с польским, о свободе волеизъявления. Эту же мысль глава польского государства высказал и при посещении Минска 18–19 сентября 1919 г. Обращаясь 19 сентября 1919 г. к Временному Белорусскому Национальному комитету, образованному в Минске после того, как город покинули большевики, Ю. Пилсудский пообещал, что недалек тот момент, когда белорусский народ сможет высказаться относительно желаемого государственного устройства[11].

Часть белорусских политических деятелей под влиянием выступлений Ю. Пилсудского заняла пропольские позиции, надеясь при содействии Польши добиться осуществления идеи белорусской государственности. Симпатии к Польше выказывали многие члены правительства БНР, в том числе и председатель кабинета министров А. Луцкевич. В некоторой степени усиление польского вектора в начале 1919 г. являлось шагом вынужденным. К весне 1919 г. лидеры Белорусской Народной Республики успели разочароваться во многих своих вчерашних союзниках. Опыт общения с украинцами и литовцами показал, что равноправные отношения с ними невозможны. Контакты с БНР украинские и литовские политики рассматривали лишь как способ достижения собственных целей, главной из которых являлось включение соседних белорусских территорий в состав украинского или литовского государств. Оставалась советская Россия. Однако, как показали переговоры с представителями РСФСР, союз с большевиками был еще менее возможен, поскольку требовал от правительства БНР признания советской власти, диктатуры пролетариата и приоритета интересов мировой революции над интересами национальными. То есть деятели БНР должны были сами стать большевиками[12].

Решая, на кого опереться – советскую Россию или Польшу, лидеры Белорусской Народной Республики сделали выбор в пользу

Польши. В июне 1919 г. глава правительства БНР А. Луцкевич, находившийся в то время в Париже, получил от польского премьер-министра И. Падеревского приглашение посетить Варшаву. Приглашение было принято, и в начале сентября 1919 г. А. Луцкевич прибыл в столицу Польши, надеясь добиться от польских властей признания Беларуси как независимого государства. Дипломатический визит, на который возлагалось столько ожиданий, совершенно неожиданно обернулся дипломатическим пленом. Почти два месяца главу правительства БНР никто не принимал. И. Падеревский к моменту приезда А. Луцкевича в Варшаву успел вновь уехать в Париж, а Ю. Пилсудский, ссылаясь на занятость, отказывался встретиться с председателем кабинета министров БНР. Покинуть Варшаву А. Луцкевич также не мог, поскольку польские власти конфисковали у него паспорт. Переговоры с Ю. Пилсудским состоялись лишь в конце октября 1919 г. Начальник польского государства предложил, чтобы Беларусь вошла в состав Польши в качестве автономной единицы, оставляя в сфере юрисдикции белорусских органов лишь культурно-образовательные вопросы. А. Луцкевич такие условия сотрудничества принять отказался. Таким образом, двухмесячная миссия главы правительства БНР в Варшаву завершилась безрезультатно.

И в 1919 г., и позже многие белорусские деятели считали поездку А. Луцкевича в Варшаву ошибкой, которая нанесла большой урон белорусскому национальному движению и делу белорусской государственности. В принципе, соглашаясь с такой оценкой, следует признать, что А. Луцкевичу в сложившихся условиях было крайне сложно предугадать, что польские власти станут действовать столь грубо. В конце концов, председатель правительства БНР ехал в Варшаву по приглашению польского премьер-министра и имел все основания рассчитывать если не на теплый, то, по крайней мере, уважительный прием и соблюдение всех норм дипломатического этикета.

С другой стороны, нельзя признать верной и позицию самого А. Луцкевича, утверждавшего, что его визит в Варшаву был полезным и успешным. В отчете Министерства иностранных дел БНР о работе за 1919 г. он отмечал, что главной целью его пребывания в Варшаве была защита белорусской государственности и ее территории. Этим принципом он руководствовался и на переговорах с Ю. Пилсудским. По словам А. Луцкевича, результатом переговоров было «систематическое откладывание начальником Польского государства проведения плебисцита на западно-белорусских землях», а также предложение Ю. Пилсудского о том, чтобы «в плебисците приняло участие население занятых большевиками Витебщины и Могилевщины»[13]. На наш взгляд, польза от поездки в Варшаву в отчете А. Луцкевича сильно преувеличена. При этом глава правительства БНР ничего не упомянул о негативных последствиях свое-

го столь длительного нахождения в польской столице, которых было немало. Прежде всего они заключались в том, что на продолжительное время правительство БНР осталось без руководителя. Во многих письмах, которые А. Луцкевич, находясь в Варшаве, получал от членов правительства и Рады БНР, можно найти упреки в адрес главы Рады Народных министров в связи с его исчезновением из активной политической жизни. 9 октября 1919 г. секретарь Рады БНР П. Кречевский писал: «В самый важный момент для нашего дела Падеревский Вас спровоцировал и вызвал в Варшаву, может, только для того, чтобы Вы не поехали на Балтику[14], где по приказу той самой Польши образовался союз всех новообразовавшихся государств. Мало того, Ваш отъезд в Варшаву ликвидировал даже тот маленький центр, который был в Берлине. Руководства нашей общей политикой не было и нет. Сейчас на Балтике идут споры из-за Вильно, 25 октября этот вопрос должен разрешиться, от нас требуют документов и Вашего присутствия там. А мы даже не знаем, сможем ли вызвать вас из Варшавы». До А. Луцкевича это письмо дошло лишь 23 октября 1919 г. Пожелания о скорейшем приезде А. Луцкевича содержатся также в письмах дипломатического представителя БНР в Германии Л. Зайца (11.10.1919), Е. Ладнова (15.11.1919) и других[15].

У многих белорусских национальных деятелей, особенно представителей партии социалистов-революционеров, длительное пребывание А. Луцкевича в Варшаве вызвало подозрения в том, что глава правительства БНР собирается поступиться интересами Белорусской Народной Республики. Раскол по партийной линии в белорусском национальном движении существовал давно. Но осенью 1919 г. он обнаружился и внутри кабинета министров БНР, чему в немалой степени способствовал сам А. Луцкевич, обвинив некоторых членов правительства в предательстве.

С наибольшей остротой противоречия в белорусском движении проявились на заседании Рады БНР, созванном 12 декабря 1919 г. После того как небольшая группа во главе с А. Луцкевичем предложила принять польские условия, видя в этом единственную возможность дальнейшего существования Рады БНР, Рада БНР раскололась[16]. Сторонники А. Луцкевича покинули зал заседания и провели собственный съезд, на котором образовали Наивысшую Раду, подтвердившую полномочия А. Луцкевича в качестве главы правительства[17].

Что касается остальной части Рады БНР, выступившей против прежнего правительства и представленной в основном членами эсеровской партии, то она пополнила состав Рады представителями виленских белорусских организаций и избрала новое правительство. Главой кабинета министров был назначен В. Ластовский, председателем Рады БНР стал П. Кречевский. Новое правительство БНР подтвердило приверженность Третьей уставной грамоте БНР от

25 марта 1918 г. и выразило свой протест против политики, проводимой поляками в Беларуси.

Таким образом, никем юридически не признанная, не контролировавшая ни километра национальной территории, не имевшая собственной регулярной армии, испытывавшая большие финансовые трудности Белорусская Народная Республика в конце 1919 г. получила два парламента и два правительства, проводившие независимую внешнюю политику. И хотя буквально через несколько месяцев А. Луцкевич сложил с себя полномочия главы правительства БНР, ликвидировав двоевластие, это не укрепило положение правительства В. Ластовского.

С уходом из правительства группы А. Луцкевича в руководящих органах БНР существенно уменьшилось число сторонников пропольской ориентации. Большинство представителей белорусского национального движения утратило иллюзии относительно восточной политики Польши. Было ясно, что польские власти не поддержат стремление белорусов к собственной государственности. Впрочем, как признавался Ю. Пилсудский, идея федерации в политике Польши с самого начала была лишь тактическим ходом, который преследовал исключительно пропагандистские цели. Фактически же польские власти проводили план эндеков, предусматривавший инкорпорацию белорусских земель в состав польского государства[18].

Разочаровавшись в Польше и Литве как политических союзниках, понимая, что более близкая по духу украинская национальная элита также не в силах оказать существенную помощь, лидеры БНР были вынуждены обратить свой взгляд на восток. Это был вынужденный шаг, на который правительство Белорусской Народной Республики пошло лишь в силу отсутствия альтернатив. Только окончательно исчерпав любые возможности найти взаимопонимание с соседями на западе и на юге, руководство предприняло попытку договориться с советской Россией. Осенью 1918 г. председатель Чрезвычайной делегации Рады БНР А. Луцкевич провел в Киеве ряд встреч с представителем правительства РСФСР Х. Раковским. Темой обсуждения было признание большевиками независимости Беларуси[19]. Долгое время в белорусской историографии бытовало мнение о том, что переговоры между А. Луцкевичем и Х. Раковским прошли успешно, в результате чего А. Луцкевич по приглашению советской стороны осенью 1918 г. посетил Москву, где на встрече с председателем СНК РСФСР В. Лениным обсуждал создание белорусского советского «народного» правительства. Однако, как показал детальный анализ источников данной версии, проведенный белорусским историком Р. Лазько, визит А. Луцкевича в Москву – не более чем миф[20]. Переговоры между правительствами РСФСР и БНР осенью 1918 г. не проводились. После ноябрьской революции в Германии положение советского правительства РСФСР значитель-

ное укрепилось, и переговоры с лидерами БНР потеряли для большевиков всякую привлекательность.

Очередную попытку договориться с большевиками правительство БНР предприняло весной 1920 г., надеясь использовать тяжелое положение Красной Армии на западном фронте. 25 апреля 1920 г. Рада Народных министров БНР обратилась с нотой к Народному комиссару иностранных дел РСФСР с предложением признать независимость Белорусской Народной Республики в ее этнографических границах и приступить к мирным переговорам. Для ведения переговоров была создана делегация, в состав которой вошли: министр иностранных дел БНР Е. Ладнов (председатель), госсекретарь БНР К. Душевский, член Рады БНР Я. Черепук (члены)[21].

Первые впечатления от переговоров в Москве у представителей БНР были самые оптимистические. Как следует из письма В. Ластовского от 15 мая 1920 г. коллегам по партии эсеров, председатель Рады Народных Министров со дня на день ожидал признания большевиками БНР[22]. Однако если вначале руководство РСФСР и демонстрировало какую-то заинтересованность в белорусском вопросе, то с улучшением ситуации на польском фронте этот интерес значительно снизился.

Не помогло и повышение уровня белорусской делегации. Для активизации переговоров в июне 1920 г. правительством БНР была назначена Чрезвычайная Дипломатическая Миссия БНР в РСФСР во главе с В. Захарко. В наказе, которым должна была руководствоваться миссия, значительное место занимал территориальный вопрос. Делегация должна была уведомить РСФСР о провозглашении БНР в этнографических границах, начать переговоры о признании Советской Россией независимости и суверенитета БНР. Но в новой политической ситуации руководитель делегации был вынужден отказаться от ранее утвержденной линии переговоров. Вот как сам В. Захарко описывал новую тактику, которой обновленная делегация БНР придерживалась в Москве: «В момент приезда делегации БНР в Москву большевики на польском фронте пошли вперед, в связи с чем, официальных бесед о признании независимости БНР вести невозможно было. Чтобы разделить Лит-Бел, так как литовцы в Москве сильно вредили белорусскому делу, пришлось добиваться объявления Белорусской Советской Республики без литовцев. Белорусов большевики считают контрреволюционерами, потому что даже белорусские коммунисты – националисты»[23].

Первоначально по вопросу о границах миссии предписывалось строго руководствоваться этнографическим принципом, добиваясь очистки белорусских территорий и передачи власти на них правительству БНР. Однако после того, как позиции большевиков на советско-польском фронте значительно укрепились, лидеры БНР были готовы довольствоваться значительно меньшей территорией, соглашаясь принять под свою юрисдикцию любые земли, которые «удас-

тся выторговать». В инструкции делегации БНР для переговоров с правительством Эстонии, от которой белорусские деятели ожидали посредничества в переговорах с РСФСР, премьер-министр БНР В. Ластовский отмечал, что «хорошо было бы достать город Витебск, а в наихудшем случае Полоцк».

16 августа 1920 г. правительство БНР приняло решение в очередной раз поднять уровень Чрезвычайной Дипломатической Миссии в Москве, включив в ее состав зам. председателя Президиума Рады БНР П. Бодунову и члена Рады БНР Е. Биллевича. Но новые члены миссии, скорее всего, не успели принять участие в переговорах. 18 августа 1920 г. В. Ластовский получил письмо от руководителя делегации БНР В. Захарко с уведомлением о провале московских переговоров[24].

Как и в предыдущие годы, причиной неудачи дипломатических замыслов правительства БНР стало изменение геополитической обстановки. В 1920 г. судьба белорусских земель зависела от развития событий на польско-советском фронте. До лета 1920 г. военно-стратегическая ситуация складывалась в пользу польской армии. Польское правительство было настолько уверено в своих силах, что отказывалось от любых предложений РСФСР. Польша дважды отвергла обращения Совнаркома РСФСР – 22 декабря 1919 г. и 28 января 1920 г. – о возобновлении советско-польских переговоров на весьма выгодных для поляков условиях: «они получали Белоруссию и порядочный кусок Украины». В последней ноте СНК РСФСР за подписями В. Ленина, Л. Троцкого и Г. Чичерина содержалось обещание, что Красная Армия не будет переступать линии советско-польского фронта. 2 февраля 1920 г. обращение правительства РСФСР поддержал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет[25].

Отвергнув предложения советского правительства, польское руководство в свою очередь разработало собственный проект предварительных условий мирных переговоров, которые были априори неприемлемы для Москвы. В частности, оно потребовало от советской России признания независимости всех государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи[26]. Даже Англия, в целом поддерживавшая Польшу в войне с большевиками, назвала польские условия «безумием, а в случае их принятия Советами – угрозой войны в будущем»[27]. Не удивительно, что обмен нотами между Польшей и советской Россией в марте – апреле 1920 гг. о возобновлении мирных переговоров результатов не принес.

25 апреля 1920 г. польские войска начали масштабное наступление на Украине. В Беларуси военные действия носили локальный характер, хотя и здесь польская армия добилась некоторых успехов, захватив Гомель. Однако к этому времени руководство Красной Армии успело сконцентрировать на Западном фронте значительные силы, что позволило ей в мае – июне 1920 г. начать контрнаступле-

ние. К началу августа 1920 г. территория Беларуси была освобождена от поляков.

Новоизбранное польское правительство эндека В. Грабского, заменившее кабинет В. Скульского, было вынуждено умерить свои территориальные претензии. В начале июля 1920 г. польские власти обратились с просьбой о посредничестве для заключения мирного договора с РСФСР к участникам конференции в СПА (заседание Верховного Совета Антанты 5–16 июля 1920 г.) Страны Антанты согласить помочь, выдвинув при этом жесткие условия, касавшиеся границ польского государства. 10 июля 1920 г. правительство Польши было вынуждено согласиться на установление восточной границы, которые Верховный Совет Антанты рекомендовал ей еще в декабре 1919 г. Тогда за основу были приняты предложения специальной комиссии Парижской мирной конференции, исходившей из того, что восточная граница должна совпадать с пределами расселения этнических поляков. В связи с чем была предложена следующая линия границы Польши с советской Россией: Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы Русской, восточнее Перемышля до Карпат[28].

11 июля 1920 г. в Москву от имени Антанты была направлена нота, подписанная британским министром иностранных дел Дж. Керзоном. Верховный Совет Антанты предлагал правительству РСФСР заключить перемирие с Варшавой и остановить наступление Красной Армии на этнической линии, которая с тех пор получила название линии Керзона. Таким образом, в случае принятия лидерами большевиков условий Антанты РСФСР не только получала мир с Польшей, но и выгодную границу на западе. Объективно выгодным предложение Керзона являлось и для белорусского народа. Предложенная Антантой советско-польская граница хоть и оставляла белорусские земли в сфере интересов советской России, все же позволяла избежать раздела ее территории между несколькими государствами.

Однако руководство советской России от условий, предложенных Верховным Советом Антанты, отказалось. Лидеры большевиков расценили ноту Керзона как попытку Антанты спасти поляков от окончательного разгрома. В ответ на телеграмму Ленина о «бешеном усилении наступления» на советско-польском фронте И. Сталин сообщал: «поляки переживают развал», и Керзон пытается их спасти «своим предложением о перемирии... чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции»[29].

Действительно, принимая решение о наступлении на Варшаву, руководство РСФСР руководствовалось прежде всего интересами международной революции. Планы большевиков в данном случае уже не ограничивались исключительно советизацией Польши. Победа в советско-польской войне, по мнению В. Ленина, создавала условия для советизации Венгрии и Чехии, а главное, давала возможность непосредственно влиять на события в Германии, где боль-

шевики не теряли надежды вновь раздуть пламя революции[30]. Вдохновленные открывавшимися перспективами, лидеры советской России на время забыли о том, что в результате многолетней войны войска Красной Армии испытывали огромную усталость, а экономика страны пришла в полный упадок. Необходим был срочный мир, тем более что предлагавшиеся Антантой и Польшей условия были совсем не плохи. Вместо этого большевистское руководство решило в очередной раз пожертвовать национальными интересами народов, на территории которых велись военные действия, ради целей мировой революции.

Битва за Варшаву показала, что большевики переоценили собственные силы и недооценили национальный патриотизм поляков, которые отвлеченным революционным лозунгам о мировом братстве предпочли защиту своего отечества. Продвижение советских войск не встретило сочувствия со стороны польского населения. В поддержку польского правительства выступили не только польские крестьяне, но и значительная часть рабочих. Польша также получила большую помощь от Франции, Великобритании, Италии, США. Все это позволило польским войска 15 августа 1920 г. перейти в наступление. Части Красной Армии не смогли оказать сопротивления и стремительно отступали. В сентябре боевые действия были снова перенесены за этническую границу расселения поляков – за Буг и Неман. 3 октября 1920 г. командование Западного фронта отдало приказ советским войскам отойти на линию оз. Нарочь – Сморгонь – Молодечно – Красное – Заславль – Самохваловичи – Старобин – р. Случь[31]. На этой линии фронт стабилизировался. Произошло это не потому, что руководство РСФСР смогло подтянуть подкрепление и создать сильную оборону. Советские войска по-прежнему были слабы и не имели резервов. Но и поляки, совершив последний рывок, не имели сил для продолжения военных действий. Многолетняя война обессилела всех ее участников. Неудовлетворенные итогами войны советская Россия и Польша все же были вынуждены сесть за стол переговоров.

После неудачи в переговорах с большевиками правительство БНР вновь попыталось наладить отношения с поляками. В сентябре 1920 г. премьер-министр БНР В. Ластовский, встретившись с представителями польского правительства в Ковно, предложил им дипломатическую помощь польской делегации со стороны БНР на переговорах с советской Россией в обмен на культурно-национальную автономию для белорусов в составе польского государства[32]. Одновременно Рада Народных министров БНР обратилась с официальной нотой к польскому правительству, в которой оценила повторное провозглашение БССР как «московскую оккупацию» и предложила польским властям свою помощь в борьбе с большевиками. За это белорусские лидеры ожидали от Польши признания Белорусской Народной Республики[33]. Данная попытка правительства БНР добиться признания

со стороны других государств завершилась безуспешно. Осенью 1920 г. польское правительство больше не нуждалось в поддержке белорусского национального движения – советская делегация и без этого шла на любые уступки, так что полякам самим приходилось ограничивать собственные территориальные аппетиты. Для скорейшего заключения мира большевики были готовы на любые территориальные жертвы в пользу Польши и даже соглашались отдать полякам Минск. По условиям Рижского мирного договора Минск имел все шансы стать польским городом, и еще не ясно, как сложилась бы после этого судьба БССР и в целом белорусской государственности, если бы поляки сами не отказались от такого «подарка». Члены польской делегации не решились на включение Минска в состав польского государства, опасаясь, что этот город станет центром сепаратистского движения и, таким образом, создаст препятствия для осуществления планов эндеков по ассимиляции белорусов[34].

Советско-польские мирные переговоры проходили в два этапа: первый – с 17 августа по 2 сентября 1920 г. в Минске и второй – с 21 сентября 1920 г. по 18 марта 1921 г. в Риге. 25 сентября 1920 г. Польша признала полномочия делегации УССР. Делегация БССР, также находившаяся в столице Латвии с 18 сентября, такого признания не получила, в связи с чем БССР была вынуждена передать полномочия на ведение переговоров и подписание мирного договора от ее имени правительству РСФСР[35].

Если руководство БССР достаточно легко смирилось с тем, что представители советской Беларуси не были допущены к переговорам в Риге, то Рада и правительство БНР активно добивались участия в переговорах, одним из важнейших вопросов которых являлась судьба белорусских земель. В обращении правительства БНР от 2 октября 1920 г. к полномочным делегациям на мирных переговорах в Риге указывалось, что «Польша о восточных, а Россия о западных своих границах должны говорить с Белорусской Народной Республикой»[36].

Не получив ответа, Президиум Рады БНР в первой половине октября 1920 г. обратился к Совещанию послов в Париже и руководителям внешнеполитических ведомств РСФСР и Польши с нотой, в которой содержалось требование допустить представителей правительства БНР к участию в мирных переговорах между Советской Россией и Польшей. Председатель Рады БНР П. Кречевский в довольно жесткой форме предупредил лидеров стран Антанты о том, что «Белорусский Народ не потерпит анексий своих, потом облитых земель ни с чьей стороны, а Антанта, допустив присоединение Беларуси к Польше, сделает историческую ошибку и еще не раз осветит пламенем войны небосвод Европы и накличет на себя проклятие всех малых народов, если не побеспокоится о том, чтобы были допущены представители заинтересованных народов на мирные переговоры»[37].

Протестом ответила Рада БНР и на подписание в октябре 1920 г. договора о прелиминарных условиях мира между советской Россией и Польшей. В резолюции Рады БНР от 20 октября 1920 г. говорилось, что договор не может иметь правовой силы в отношении Беларуси, поскольку ее представители отсутствовали на переговорах в Риге. Лидеры БНР обвинили советскую Россию и Польшу в проведении империалистической политики, в результате которой Беларусь была разделена на две части: «самые культурные земли Виленской, Гродненской и Минской губерний с польским элементом от 0,2% до 8% (согласно польской статистике)» были отданы в «бесконтрольное владение Польше», а вторая часть, в принципе объявленная независимой, передана «фактически в распоряжение РСФСР» и поставлена в «полную от нее зависимость»[38]. Однако ни ноты протесты, ни любые другие политические и дипломатические демарши белорусских политиков, уже не могли изменить судьбу Беларуси. В соответствии с подписанным в марте 1921 г. Рижским мирным договором Западная Беларусь становилась частью Польского государства.

Анализ событий 1918–1921 гг. позволяет сделать вывод о том, что территориальный вопрос являлся приоритетным во внешнеполитической деятельности правительства Белорусской Народной Республики в данный период. Лидеры БНР главную свою цель видели в том, чтобы добиться признания республики, обеспечить территориальную целостность белорусского государства и защитить белорусские земли от притязаний соседних государств.

Решать поставленные задачи белорусским деятелям приходилось в сложных геополитических условиях. При этом внешнеполитический фактор не только оказывал сильное влияние на процесс становления белорусской государственности и, соответственно, на определение границ Белорусской республики, но во многих случаях имел решающее значение. Беларусь не была среди инициаторов ни I Мировой войны, ни российских революций 1917 г., ни последовавших за ними гражданской и польско-советской войн. Однако, в силу своего географического положения, каждый раз она оказывалась в эпицентре трагических событий. По своему потенциалу внешние силы значительно превосходили все то, что могло им противопоставить белорусское национальное движение. Поэтому правительству БНР приходилось постоянно корректировать собственную политику в зависимости от интересов и целей соседних государств. Возможности для маневра и стратегической инициативы у белорусских национальных лидеров были крайне ограниченными и начиная с 1917 г. постоянно сужались. В начале 1919 г. способность Рады Народных Министров БНР проводить самостоятельную политику свелась к минимуму – все ее действия с этого времени представляли лишь реакцию на события, которые происходили помимо ее воли и инициатором которых являлись другие политические силы. Предпринимать самостоятельные шаги руководство БНР возможности не имело.

Слабость национального движения, низкий уровень самосознания большинства белорусского населения вынуждали лидеров БНР искать поддержки за пределами Беларуси. Исходя из внешнеполитической ситуации, правительство БНР последовательно пыталось реализовать идею белорусской государственности через создание федерации сначала с Украиной, затем Литвой и, наконец, с Польшей. Единственно, с кем деятели БНР неохотно шли на контакт при любых условиях, это руководство советской России – идеологические разногласия априори делали такое сотрудничество невозможным. Впрочем, многочисленные попытки лидеров белорусского движения наладить сотрудничество с украинскими, литовскими, польскими национальными силами на платформе создания общего белорусско-украинского, белорусско-литовского либо белорусско-польского буржуазного государства также не принесли результата. Однако потенциальные союзники не видели в белорусах равноправных партнеров и не желали их активного участия в политической жизни общего государства. В лучшем случае за белорусскими общественными организациями признавалось право на культурно-просветительскую деятельность. Зато, пользуясь слабостью БНР, все без исключения правительства соседних республик постарались включить часть белорусских земель в состав собственных государств. Белорусская Народная Республика и ее правительство представляли интерес для украинских, литовских и польских политиков лишь в той степени, в какой Рада Народных Министров БНР была готова согласиться с их притязаниями на белорусские земли. Поддержка белорусского движения увязывалась с позицией белорусов по вопросу о границах. Поскольку белорусы категорически отказывались уступить этнические белорусские территории более сильным соседям, а наоборот, всячески протестовали против территориальных претензий Украины, Литвы и Польши, то и отношение к белорусскому движению правительств этих республик было прохладным, а нередко и открыто враждебным.

При всей слабости и неоформленности Белорусской Народной Республики, ее зависимости от внешних факторов деятельность правительства БНР дала важные положительные результаты. Конечно, на международной арене политические институты БНР пользовались невысоким авторитетом. Тем не менее к концу 1918 г. лидерам БНР удалось оттеснить другие политические организации, претендовавшие на роль центра белорусского национального движения, и утвердить себя в качестве главного выразителя интересов белорусского народа. И в качестве такового с мнением правительства БНР соседние государства были вынуждены считаться. Власти БНР не имели достаточных сил, чтобы помешать Украине, Литве, Польше или РСФСР захватить белорусские территории и включить их в состав своих государств. Однако правительство Белорусской Народной Республики обладало достаточным авторитетом на

международной арене, чтобы, выступив с протестом, поставить под сомнение легитимность этих захватов. Среди правительств соседних республик это создавало излишнюю нервозность, поскольку отсутствие санкции руководства БНР на включение белорусских земель в состав другого государства вполне могло послужить формальным поводом если не для самих белорусов, то для других, более мощных сил для очередного перекраивания границ в Восточной Европе. В конце концов, сам факт провозглашения Белорусской Народной Республики являлся доказательством существования белорусского народа, интересы которого невозможно было открыто игнорировать. Соседние государства могли отодвигать в свою пользу границы расселения белорусского этноса, ставить под сомнение легитимность политических институтов БНР, однако они не могли отрицать права белорусов на национальную государственность в той или иной форме. В этом смысле создание БНР и внешнеполитическая деятельность ее правительства оказали большое влияние на процесс провозглашения Социалистической Советской Республики Беларусь и формирование границ БССР.

Примечания

1 Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И.М. Игнатенко и др.; отв. ред. И.И. Минц. Минск: Навука і тэхніка, 1990. С. 149.
2 Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг.: этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание / отв. ред. И.И. Костюшко; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Ин-т рос. истории. М., 1995. С. 104–105.
3 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 242–243.
4 Там же. С. 273–274.
5 За дзяржаўную незалежнасць Беларусі: сб. дак. і матэрыялаў. Лондан, 1960. С. 34–35.
6 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 294.
7 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 100, л. 1.
8 Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920. С. 173.
9 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 49.
10 Беларуская справа падчас польскай акупацыі. 1919–1920 гг. // Спадчына. 1994. № 6. С. 50–51.
11 Волаціч М. Лінія Кэрзона ... // Спадчына. 1993. № 6. С. 21.
12 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 120, л. 57.
13 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 635.
14 В письме П. Кречевского речь идет о Конференции Балтийских государств, состоявшейся осенью 1919 г. В работе конференции приняли участие представители Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и Польши. Белорусской делегации на I организационной Конференции Балтийских государств не было. Это стало серьезным препятствием для правительства БНР, когда летом 1920 г. оно решило послать белорусскую делегацию на II Конферен-

цию Балтийских государств. Для этого по уставу Конференции требовалось согласие всех ее участников. По неофициальным данным во время голосования против участия делегации БНР выступили представители Литвы. См. НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 108, л. 37.

15 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 450–453. 495–496.

16 Мацюш П.А. Беларускі нацыянальны рух у час савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі: матэрыялы міжнар. беларус.-пол. навук. семінара., Мінск. 5–6 крас. 2002 г. / Беларус. дзярж. ун-т: рэдкал.: К.І. Козак, У.Ф. Ладысеў (адк. рэд.) і інш. Мінск, 2002. С. 20.

17 Оказавшись в политической изоляции, А. Луцкевич недолго оставался на посту правительства БНР. В феврале 1920 г. он ушел в отставку.

18 Ладысеў У.Ф. Праблема тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі ў святле палітыкі бельведэрскага лагера ў 1920-я гады: рамантызм і рэаліі // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. С. 27.

19 Игнатенко И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. С. 139. 141.

20 Лазько Р. «Перагаворы» Антона Луцкевіча ў Маскве як міф беларускай гістарыяграфіі // Беларус. гіст. часоп. 2007. № 4. С. 9–14.

21 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 724–725.

22 Там же. С. 755–756.

23 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 107, л. 4.

24 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. С. 796. 798, 832, 848.

25 Ленин В.И. Неизвестные документы, 1891–1922 гг. М.: Росспэн, 1999. С. 371; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 570.

26 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 602.

27 Зубачевский В.А. Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 г. // Вопр. истории. 2004. № 7. С. 42.

28 Тихомиров А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920–начале 1921 г. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 2. С. 49–61.

29 Зубачевский В.А. Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 г. // Вопр. истории. 2004. № 7. С. 45–46.

30 Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 382–383. 357.

31 Тихомиров А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920–начале 1921 г. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 2. С. 49–61.

32 Іваноў М. Рыжскі мір і эміграцыйны ўрад БНР // Беларусь паміж Усходам і Захадам. С. 279.

33 НА РБ. Ф. 325,оп. 1, д. 46а, л. 23.

34 Мязга М.М. Перамовы ў Рызе: пахаванне палітыкі федэралізму // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. С. 25.

35 Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6, кн. 1. С. 152.

36 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 14, л. 73.

37 Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Кн. 1. С. 450–453, 495–496.

38 Тихомиров А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920–начале 1921 г. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 2.

Глава 3

Реализация идеи белорусской государственности на советской основе. Формирование территории БССР в конце 1918–1921 гг.

3.1. Провозглашение Социалистической Советской Республики Беларусь. Изменение территории ССРБ в январе – феврале 1919 г.

Становление белорусской государственности в XX в. происходило на фоне сложной международной ситуации, в условиях глубокого идейного раскола общества, непримиримой борьбы различных политических течений и группировок, каждая из которых по-своему видела будущее Беларуси и путь к нему. В силу многих причин вариант, предложенный большевиками, победил, и 1 января 1919 г. была образована Социалистическая Советская Республика Беларусь. Одним из главных и наиболее острых факторов в формировании и развитии БССР стал территориальный вопрос, на котором отразились все те испытания, через которые довелось пройти республике и ее народу.

Административное деление, которое существовало в царской России, большевики называли бюрократическим и устарелым. Однако в 1917–1918 гг. губернии, уезды и волости в стране сохранились. Вместе с тем возникли новые территориальные единицы – области, представлявшие собой объединения Советов. Области стали образовываться сразу же после Февральской революции и охватывали крупные регионы, которые исторически сложились вокруг таких экономических и политических центров, как Москва, Петроград, Минск и др. К началу 1919 г. белорусские земли входили в состав Западной области, которая вначале включала губернии Минскую, Могилевскую, Витебскую и не оккупированные немцами уезды Виленской губернии. В феврале 1918 г. в связи с наступлением кайзеровских войск большая часть территории Западной области была занята противником, а руководство Облискомзапа было вынуждено эвакуироваться из Минска в Смоленск. Чтобы избегнуть ликвидации оккупированной области, в ее состав было решено срочно ввести Смоленскую губернию, что и было проведено решением ЦИК РСФСР в апреле 1918 г.[1] В таком составе Западная область просуществовала до конца 1918 г.

Территория Западной области в значительной степени совпадала с границами компактного проживания белорусского народа, од-

нако область ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве прообраза будущей национальной республики. Как известно, при создании областей национальный фактор не учитывался. Приоритет имели другие критерии. Прежде всего большевики стремились сгруппировать Советы таким образом, чтобы их объединения совпадали с границами областных партийных организаций, которые сложились еще до революции в обстоятельствах нелегальной деятельности РКП(б). К тому же области выполняли свои специфические задачи и имели ограниченный срок существования.

Несмотря на то, что руководство компартии довольно высоко оценивало эффективность областных объединений Советов, созданных по территориальному принципу, оно постоянно подчеркивало их временный характер. С самого начала правительство советской России считало области несамостоятельными образованиями, необходимыми лишь «для проведения в жизнь всех постановлений центра». Зарождение более тесных связей между губернскими и центральными органами власти должно было привести к ликвидации областей[2]. На заседании ВЦИК от 1 апреля 1918 г. Я. Свердлов в докладе о разработке конституции РСФСР, признавая положительную роль областей, отмечал, что в основу будущей государственной федерации надо положить не территориальную, а национальную единицу[3].

Между тем почти до самого конца 1918 г. необходимость существования Западной области не вызывала сомнений. 23 декабря 1918 г. состоялось юридическое оформление областных объединений. Постановлением ВЦИК Западная область вместе с другими наконец-то получила официальный статус административной единицы РСФСР. А в будущем, как докладывал на заседании Облискомзапа А. Мясников, планировалось включить в нее Гродненскую, Виленскую и Ковенскую губернии. В таких границах территория Западной области должна была составить более 300.000 кв. км с населением около 15 млн человек[4]. Однако этим планам не суждено было сбыться. Изменение геополитической ситуации заставило руководство компартии скорректировать свою политику относительно Западной области и ликвидировать эту административно-территориальную единицу всего лишь через неделю после того, как ее существование было юридически оформлено.

В конце 1918 г. международная ситуация складывалась не в пользу большевиков. Надежды на пролетарскую революцию в Германии не оправдались. А в Польше в результате государственного переворота к власти пришли силы, которые при поддержке Антанты и США взяли курс на подготовку военной интервенции в советскую Россию. В этих обстоятельствах ЦК РКП(б) пришлось в срочном порядке вырабатывать новую политику: политику обороны. Было признано необходимым создание вдоль западной границы РСФСР барьера из формально независимых советских республик.

Еще в ноябре 1918 г. были созданы Эстонская, Латвийская и Литовская советские республики. Беларусь должны была стать последним звеном в цепи, которая бы отделила советскую Россию от капиталистических государств. На одном из заседаний ЦБ КП(б)Б в январе 1919 г. представитель ЦК РКП(б) А. Иоффе открыто изложил соображения, которыми руководствовался ЦК РКП(б), идя на создание Белорусской республики: «Чтобы не повторить прежних ошибок, когда нам непосредственно приходилось вести борьбу с германским империализмом, мы в ЦК решили Советскую Россию отделить буферами от Европы. Но это чтобы не был барьер, отделяющий нас. Он должен выдержать империалистический натиск, который будет, чтобы этот натиск находил преграду и ослабил бы свою силу»[5]. Аналогичную причину повторил на Витебской губернской партийной конференции в январе 1919 г. и член ЦБ КП(б)Б Р. Пикель, заявивший, что создание БССР облегчает классовую борьбу пролетариата с буржуазией и обусловлено только конъюнктурой момента[6]. Официальный печатный орган советской власти в Беларуси газета «Звезда» в номере от 5 февраля 1919 г. также писала, что Беларусь пока что должна оставаться самостоятельной, потому что так она принесет больше пользы делу социалистической революции.

Вместе с решением создать Белорусскую советскую республику возникла необходимость, хотя бы приблизительно, определить ее границы. Впервые в исторических документах вопрос о территории БССР упоминается в известном разговоре И. Сталина с А. Мясниковым. 25 декабря 1918 г. нарком по делам национальностей РСФСР сообщил руководству Западной области о решении ЦК РКП(б) «согласиться на создание Белорусского Советского правительства». В ходе разговора И. Сталин предупредил А. Мясникова, что «в связи с решением ЦК форму партийной и советской работы... придется переделать на новый лад. Виленская и Ковенская губернии отойдут к Литовскому правительству и соответствующей партийной организации; Минская, Смоленская и Гродненская губернии отойдут к Белорусскому правительству и соответствующей партийной организации». На вопрос А. Мясникова, куда денутся остальные белорусские губернии – Могилевская и Витебская, – И. Сталин ответа не дал, предложив обсудить их судьбу во время личной встречи[7].

Продолжение разговора произошло в Москве. В результате переговоров были выработаны шесть условий, на основе которых создавалась Белорусская советская республика. Истинный юридический статус республики раскрывался в шестом пункте соглашения. В нем объяснялось, что «права и обязанности ЦБ партии и отделов правительства остаются такими же, как и предыдущего областного комитета и отделов Облискомзапа»[8]. Это означало полное подчинение и ответственность перед ЦК РКП(б). Таким образом, провозглашение республики не многое меняло в реальном положении белорусских земель. А подчиненность белорусского правительства ЦБ

КП(б)Б и через него ЦК РКП(б) совсем не соответствовала статусу независимой республики. О том, что данная модель взаимоотношений была целиком и полностью реализована на практике, свидетельствуют слова В. Кнорина. В марте 1919 г., на объединительном съезде компартии Литвы и Беларуси, он признавался: «После того, как мы объявили Белорусскую Республику и создали КПБ, формально целиком независимые, мы на самом деле оставались зависимыми от ЦК РКП(б) и подчинялись его указам и решениям»[9].

Территория Белорусской советской республики очерчивалась в третьем пункте соглашения. Было решено, что в ее состав войдут губернии: Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская. Последняя являлась спорной, и ее судьбу должны были решить местные власти[10].

Создание БССР явилось одним из главных вопросов на I съезде КП(б)Б. Несмотря на то, что съезд имел дело уже с готовым решением высшего партийного органа и относительно состава республики существовала определенная договоренность, в Смоленске территориальным вопросом занималась специальная комиссия. Утром 31 декабря 1918 г. один из членов комиссии, председатель Совета Народного Хозяйства Западной области Р. Найденков, выступил перед делегатами с докладом о границах Белорусской республики. Комиссия предложила считать основным ядром советской Белоруссии Минскую, Смоленскую, Могилевскую, Витебскую и Гродненскую губернии, а также часть Ново-Александровского уезда Ковенской губернии, Вилейский и часть Свентянского и Ошмянского уездов Виленской губернии, Августовский уезд Сувалковской губернии и четыре уезда Черниговской губернии: Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский. Отмечалось также, что из состава Смоленской губернии могут быть исключены четыре восточных уезда: Гжатский, Сычевский, Вяземский и Юхновский, а из Витебской губернии – части Двинского, Режицкого и Люцинского уездов. В тех районах Витебской и Виленской губерний, где граница носила спорный характер, она устанавливалась правительственными комиссиями заинтересованных государств.

Комиссия наметила также новое административно-территориальное деление Белорусской республики. Вместо губерний создавались семь районов (Минский, Смоленский, Витебский, Могилевский, Гомельский, Гродненский и Барановичский), а 54 волости переименовывались в подрайоны. Как свидетельствует протокол съезда, предложения комиссии относительно границ республики и ее административно-хозяйственной структуры были одобрены делегатами единогласно[11].

Как видно из сохранившихся резолюций I съезда КП(б)Б, территориальная комиссия пошла значительно дальше договоренностей, достигнутых в Москве, и существенно уточнила территорию Белорусской республики. Фамилии ее членов, помимо ранее упо-

минавшегося Р. Найденкова, к сожалению, не сохранились. Однако характер предложений (включение в состав БССР практически всех белорусских этнографических территорий) свидетельствует о том, что исходным материалом для заключения комиссии, скорее всего, послужили исследования Е. Карского, между выводами которого и итогами работы комиссии прослеживается тесная взаимосвязь[12]. Социалистическая Советская Республика Беларусь охватывала почти всю белорусскую этническую территорию, а ее территориальный состав был очерчен достаточно точно. Территория БССР в размерах, определенных I съездом КП(б)Б, по приблизительным подсчетам составляла свыше 300.000 кв. км с населением около 10 млн человек[13].

Территориальный вопрос на I съезде КП(б)Б был разрешен самым благоприятным для белорусов образом. С такими размерами белорусского государства соглашались даже лидеры национально-демократического движения Беларуси. Некоторые из них были готовы признать советскую Беларусь и сотрудничать с большевиками, если те, как писал в своем письме к А. Луцкевичу А. Смолич, доведут ее до «естественных рубежей» – создадут «Беларусь объединенную, которая хоть несколько месяцев проживет... общей жизнью.., так мы должны ухватиться за эту идею, признать национальной задачей момента и просто стать в ряды защитников этого порядка: воевать в этих рядах хоть бы со всем миром»[14]. Вместе с тем сторонники независимой Беларуси, в том числе сам А. Смолич, не доверяли большевикам и подозревали, что таким образом руководство большевиков стремится усились «господство большевистской идеи»[15]. Как показало время, основания так думать у них были.

Для понимания событий, описанных выше, а также тех значительных изменений, которые произошли в территориальном составе ССРБ, а затем и в политическом статусе республики в январе – феврале 1919 г., следует обратить особое внимание на тот факт, что территория республики, определенная I съездом КП(б)Б, была лишь результатом временного компромисса между политическими силами, имевшими отношение к провозглашению Белорусской республики. Это обстоятельство предопределило недолговечность как границ ССРБ, так и самой республики.

В образовании БССР, как известно, принимали участие три стороны: ЦК РКП(б), руководство Западного областного комитета компартии и представители белсекций РКП(б) и Белнацкома. Как свидетельствуют архивные документы, у каждой стороны были свои представления о задачах республики, ее статусе и, соответственно, границах.

ЦК РКП(б) согласился на создание БССР, исходя исключительно из внешнеполитических соображений. Самостоятельность республики была формальной, и это не могло не повлиять на определение ее границ. Некоторые историки высказывают мнение, что уже в конце

декабря 1918 г. у руководства РКП(б) были свои планы относительно границ БССР, которые не совпадали с резолюцией по территориальному вопросу I съезда КП(б)Б[16]. Автором и носителем этих идей почему-то называют только И. Сталина, а основанием для подобных выводов служит запись уже упоминавшегося разговора И. Сталина с А. Мясниковым. Однако следует отметить, что запись беседы дает возможность интерпретировать слова наркома не только как его личные взгляды, но и, прежде всего, как позицию ЦК РКП(б), тем более что И. Сталин, сообщив о будущих изменениях в организации работы Облискомзапа, предупредил, что говорил «по поручению ЦИК и партии»[17]. Вполне вероятно, что еще до провозглашения советской Беларуси в ЦК РКП(б) имелись планы относительно сокращения территории республики. Однако по определенным причинам реализация этих идей задержалась на несколько недель. Именно столько времени понадобилось ЦК РКП(б), чтобы окончательно разобраться во внешне- и внутриполитической ситуации и преодолеть сопротивление ЦБ КП(б)Б и белорусского правительства.

Существенное влияние на определение границ БССР оказал и тот факт, что Белорусская советская республика образовывалась на территории Западной области и являлась ее правопреемницей. Руководство Облискомзапа целиком разделяло позицию ЦК РКП(б) о формальном существовании БССР. С провозглашением республики, считало оно, Западная область не исчезла, произошла лишь смена вывески. Как отмечал в своем докладе на I съезде КП(б)Б А. Мясников, Западная область должна была «объявить себя самостоятельной Советской Социалистической Белорусской Республикой». В связи с этим руководство области стремилось сохранить в своем подчинении прежнюю областную территорию, оставляя в составе БССР даже спорные в этнографическом отношении земли.

Абсолютно по другим причинам за создание Белорусской республики в составе всех этнографических белорусских земель выступали коммунисты белсекций РКП(б) и Белнацкома. «Для них, – писала «Звезда» 24 сентября 1919 г., – самостоятельность была не только пустым звуком. Они... были проникнуты идеей даже не территориальной, белорусской национальной государственности». Белорусские коммунисты имели непосредственное отношение к выработке «шести условий» создания республики, и, как свидетельствуют документы, их взгляды на территорию БССР не совпадали с позицией ЦК РКП(б). Накануне образования БССР И. Сталин сообщал представителю СНК РСФСР в Западной области А. Гетнеру, что в ходе переговоров были спорные моменты относительно размежевания Литовской и Белорусской республик. Белорусы претендовали на город Вильно[18].

Так что, можно с уверенностью заключить, что коммунисты из белсекций РКП(б) и Белнацкома не согласились бы принять участие в провозглашении Белорусской советской республики в уре-

занном территориальном составе. И тут их позиция совпадала с позицией Облисполкома. Настаивание ЦК РКП(б) на каком-либо другом варианте могло вызвать сопротивление (что и произошло позже) и затормозить процесс образования БССР. Между тем внешнеполитическая ситуация требовала скорейшего провозглашения Белорусской советской республики, и ЦК РКП(б) пришлось временно уступить.

В границах, утвержденных I съездом КП(б)Б, «независимая» Белорусская советская республика просуществовала недолго. 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) на своем заседании принял следующие рекомендации: «1) для общеполитического руководства командировать в Белоруссию т. Иоффе, 2) поручить ему провести через местные Советы, а затем через съезд Советов Белоруссии выделение из Белорусской Республики губерний Витебской, Смоленской, а в дальнейшем, в случае возможности, и Могилевской»[19]. Протокол заседания не объяснял причины такого решения, однако дальнейшие высказывания членов ЦК РКП(б), их выступления на заседаниях ЦБ КП(б)Б, беседы, письменные указания и телеграммы свидетельствуют о том, что таких причин было две.

Главным основанием для сокращения территории Белорусской республики являлись неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства. Зимой 1918–1919 гг. Польша все громче заявляла о своих претензиях на белорусские земли. Она отказалась признать БССР и активно готовилась к военной интервенции. Между тем уставшей от войны и опустошенной России был необходим мир. Правительство РСФСР стремилось избежать конфликта любыми средствами, даже за счет потери территорий. Польше предлагались мирные переговоры и решение всех спорных территориальных вопросов в ее пользу. Член ЦБ КПЛиБ И. Уншлихт на одном из заседаний бюро отмечал, что «интересы международного пролетариата выше национальных вопросов, за мир с Антантой можно отдать Литву и Беларусь»[20]. Руководство РКП(б) в общих чертах предполагало, какими могут быть польские территориальные претензии: польская делегация на мирной конференции намеревалась добиваться присоединения к Польше Гродненской, Виленской и Минской губерний[21]. Понятно, что, допуская возможность жертвы белорусскими землями, большевики не хотели рисковать всеми территориями, заблаговременно включив большую их часть в состав РСФСР.

Другой причиной исключения белорусских губерний из состава БССР стало желание ЦК РКП(б) ослабить в республике тенденции развития национального движения. Из Москвы внимательно следили за возможным ростом сепаратистских настроений, и внутриполитическая ситуация, конфликт между группами А. Мясникова и Д. Жилуновича не могли не беспокоить ЦК РКП(б).

В современной белорусской историографии высказывается также мысль о влиянии экономического фактора на сокращение

территории БССР. Основываясь на материалах российских архивов, профессор В. Ладысев обратил внимание на то, что еще одним важным аргументом для передачи белорусских губерний в состав РСФСР в январе 1919 г., явились соображения экономического характера: Витебская, Гомельская и Смоленская губернии были выделены из БССР и включены в РСФСР, поскольку играли важную роль в обеспечении продовольствием центральных районов России[22].

О решении ЦК РКП(б) относительно трех белорусских губерний и его причинах членам ЦБ КП(б)Б было сообщено 22 января 1919 г. Отметив внешнеполитический аспект вопроса, представитель ЦК РКП(б) А. Иоффе сконцентрировал основное внимание на опасных моментах существования национальных республик – оно давало возможность «развития в значительной степени националистически-шовинистических устремлений». Чтобы избегнуть данной угрозы, представитель ЦК РКП(б) предложил: «1) ограничить размеры Белорусской республики географически необходимыми границами, это значит Минской и Гродненской губерниями; 2) обратиться к РСФСР с предложением о федерации; 3) предложить Литве и Латвии вступить в переговоры с Россией о федерации». Что касается второго и третьего пунктов, то А. Иоффе объяснил присутствующим, что неотложное включение Белорусской республики в советскую Россию на правах федерации уничтожит все преимущества существования буферов-республик.

Финигштейн-Долецкий Якуб, член ЦК компартии Литвы и Белоруссии, зампредседателя СНК и народного комиссариата по внутренним делам Литвы, 1918 г.

Идея ограничения территории республики не была воспринята ни группой А. Мясникова, ни сторонниками Д. Жилуновича. Доводы бывших сотрудников Облискомзапа свидетельствуют, что они по-прежнему защищали не территориальную целостность Белорусской республики, а Западную область. А. Мясников, высказывая свои замечания по докладу А. Иоффе, отмечал, что «в предложении ЦК видно продолжение политики об областях. Сначала республика, несмотря на протесты, была образована, теперь она делится на части, это, значит, разрушается область». Секретарь ЦБ КП(б)Б также обратил внимание на тот факт, что губернии связаны между собой экономически и в военном отношении.

Об опасности развития националистических устремлений высказался другой член ЦБ – С. Иванов. Он считал, что «именно отделение трех губерний, где менее всего есть белорусского, от чисто белорусских губерний Минской и Гродненской будет содействовать развитию национализма в республике». Судя по протоколу заседания, остальные члены ЦБ КП(б)Б данные соображения полностью поддержали. Поэтому формально признав приказ ЦК РКП(б), ЦБ оставило за собой право обратиться в Москву с просьбой о пересмотре этого решения[23].

По результатам обсуждения вопроса председателю ЦИК РСФСР Я. Свердлову была направлена от имени ЦБ КП(б)Б телеграмма, в которой говорилось: «...ЦБ считает, что это отрывание, против ожиданий ЦК, еще больше усилит национальные тенденции на Белоруссии... Кроме того, принимая во внимание, что по существу постановление ЦК уничтожает Западную область, жизнедеятельность и необходимость которой в настоящее время считается несомненной, ЦБ решает постановление ЦК признать нецелесообразным и потому просит о его пересмотре»[24].

Одновременно, однако исходя уже из совсем других соображений, в ЦК РКП(б) с протестом против ограничения территории республики обратились члены белорусского правительства, прибывшие в Минск вместе с Д. Жилуновичем. Обращение с просьбой об отмене решения ЦК РКП(б) подписали Д. Жилунович, А. Кваченюк, Д. Чернушевич, И. Дыло, Ф. Шантырь, В. Фальский, А. Червяков и И. Пузырев. В своем письме в ЦК РКП(б) они отмечали, что выделение Витебской, Могилевской и Смоленской губерний «коренным образом меняет всю политическую ситуацию, опираясь на которую только и мог быть положительно разрешен белорусский вопрос». Белорусские коммунисты обращали внимание руководства компартии на то, что постановление ЦК РКП(б) нарушает провозглашенный ранее принцип свободного самоопределения народов и будет иметь отрицательное влияние на жизнь белорусского пролетариата и крестьянства[25].

Решение ЦК РКП(б) достаточно активно обсуждалось на заседаниях ЦБ КП(б)Б. 27 января ЦБ КП(б)Б в очередной раз рассмот-

рело территориальный вопрос и приняло следующее решение: «Делегировать тт. Пикеля и Рейнгольда в ЦК для переговоров о границах Белоруссии. ЦБ считает возможным исключить из состава Белоруссии только одну Витебскую губернию»[26].

Согласие ЦБ КП(б)Б на передачу Витебской губернии в состав РСФСР объяснялась тем, что именно Витебская партийная организация заняла в 1919 г. наиболее непримиримую позицию относительно присоединения к Белорусской советской республике. Следует отметить, что еще до создания ССРБ между руководством Западной области и губернскими властями возникли достаточно натянутые отношения. В областном центре считали, что надо ликвидировать Могилевскую и Витебскую губернии как лишние, промежуточные административные звенья. Губернии, в свою очередь, высказывали такие же обвинения в адрес области и требовали права непосредственного выхода на российские наркоматы, СНК и ЦИК РСФСР. В сентябре 1918 г. вопрос даже специально рассматривался на V Северо-Западной областной конференции, делегаты которой признали возможным ликвидацию губернских центров в Витебске и Могилеве. Решение о ликвидации губерний не было проведено в жизнь только потому, что в дело вмешались СНК и ЦИК РСФСР, и конфликт был улажен[27].

Сложные взаимоотношения и расхождения во взглядах на государственное строительство проявились с новой силой в начале 1919 г. Несмотря на то, что I съезд КП(б)Б принял решение по образованию ССРБ и ее территории единогласно, как только делегаты разъехались на места, из губерний в ЦК РКП(б) пошли обращения с протестами против образования Белорусской республики и включения в ее состав. Причину противоречивого поведения губернских властей помогает понять протокол общего собрания Витебской партийной организации, который прошел 16 января 1919 г. Присутствующие обсуждали результаты I съезда КП(б)Б. Один из докладчиков по данному вопросу сообщил, что накануне съезда, вернувшись из Москвы, А. Мясников провел совещание со всеми делегатами VI Северо-Западной конференции, которые прибыли в Смоленск еще 26 декабря 1918 г., но по причине переноса даты открытия конференции были вынуждены остаться в городе и ждать приезда руководства. На собрании, состоявшемся 29 декабря 1918 г., А. Мясников сообщил присутствующим о решении ЦК РКП(б) создать самостоятельную Белорусскую советскую республику. В качестве главных причин он назвал сложное внешнеполитическое положение советской России и необходимость продемонстрировать стремление широких масс белорусского народа к самоопределению на советской основе. Долгого обсуждения вопроса не было. Делегаты подчинились решению центрального партийного органа и постановили прений на конференции не поднимать, что и обеспечило единодушие съезда[28].

Тактика действий губернских властей было обычной для того времени. Решение ЦК РКП(б) либо других вышестоящих партийных органов, даже в случае несогласия с ним местных партийных организаций, начинало проводиться в жизнь, и лишь потом местное руководство могло обратиться с предложением о его пересмотре. 9 января 1919 г. Витебский губернский партийный комитет делегировал в Москву своего представителя для постановки вопроса об исключении губернии из состава БССР и присоединении к РСФСР[29]. А 20 января Витебский губком первым получил разрешение на «выделение Витебской губернии из Белорусской республики...»[30]. В тот же день соответствующее постановление было проведено на губернской партийной конференции[31].

Представитель правительства ССРБ Р. Пикель, посетивший Витебскую губернию для проведения там линии ЦБ КП(б)Б и присутствовавший на конференции Витебской партийной организации (это можно предположить на основании его выступления на заседании ЦБ КП(б)Б от 26 января 1919 г.), так описывал свои впечатления: «Вопрос о выделении Витебской губернии ставится ребром. Меницкий в ЦК создал почву. Сергиевский яро выступал против республики. Иоффе сказал, что выделение возможно в случае желания конференции. К ЦБ сильная оппозиция, и кто-то даже предлагал меня удалить, и приняли резолюцию о настаивании на выходе»[32].

В советском порядке выход губернии из состава ССРБ был закреплен IV съездом Советов Витебской губернии. Причины такого решения нашли отражение в резолюции съезда: губерния экономически не связана с Белоруссией; население не знает белорусского языка; тут вообще «нет белорусской культуры»[33].

События в Могилевской и Смоленской губерниях развивались немного по другому сценарию. Тут позиция губернских властей была менее самостоятельной и в большей степени зависела от распоряжений высших партийных органов. В соответствии с постановлением I съезда КП(б)Б руководство губерний начало работу по созданию белорусской республики.

15 января 1919 г. ЦБ КП(б)Б поддержало ходатайство Смоленского губернского комитета партии о включении в БССР вместе с белорусской частью губернии еще четырех уездов (Сычевского, Вяземского, Юхновского и Гжатского), признанных территориальной комиссией I съезда КП(б)Б спорными. Протокол заседания не зафиксировал достаточно широкого обсуждения данного вопроса. Самым обстоятельным, судя по сохранившимся записям, было выступление Р. Пикеля, отметившего, что присоединение данных уездов к Белоруссии «целесообразно с точки зрения концентрирования производства продуктов, которые имеются в этих уездах». В результате решение вопроса было отдано на рассмотрение партийной конференции Смоленской губернии[34]. Таким образом, первона-

чально руководство Смоленской губернии поддерживало свое вхождение в Белорусскую советскую республику и даже выступало за включение в БССР тех уездов, которые, в соответствии с решением I съезда КП(б)Б, могли быть оставлены в составе РСФСР.

Однако после вмешательства А. Иоффе смоленская партийная организация разделилась в подходах к данному вопросу. Часть руководства парторганизации по-прежнему поддерживала ЦБ КП(б)Б, часть – выступила против включения Смоленщины в Белорусскую республику. Для ЦБ КП(б)Б нахождение Смоленской губернии в составе БССР являлось крайне важным, поскольку Смоленской губернии в планах ЦБ КП(б)Б отводилась роль тыла. В связи с этим А. Мясников и его сторонники пытались максимально повлиять на ситуацию. Многие члены ЦБ КП(б)Б побывали в Смоленске, даже провели там заседание Центрального бюро[35]. Однако директива из Москвы и указания А. Иоффе возымели больший эффект, и в Смоленске повторилась та же ситуация, что и в Витебске.

Что касается Могилевской губернии, то Могилевская партийная организация поначалу, как и витебские большевики, высказалась против вхождения в БССР. Однако после разговора с секретарем ЦБ КП(б)Б В. Кнориным губернский комитет в порядке партийной дисциплины единогласно признал, что «невозможно существование Белоруссии без вхождения в ее состав Могилевской губернии»[36]. Позднее, когда из Москвы поступила противоположная по смыслу директива ЦК РКП(б), уверенность в необходимости присоединения губернии к БССР сменилась растерянностью и непониманием, чьи приказы исполнять – Минска или Москвы[37]. За разъяснением обратились к Я. Свердлову, чья телеграмма от 29 января 1919 г. положила конец колебаниям. Она еще раз подтвердила линию ЦК РКП(б) на исключение Могилевской губернии из состава БССР. После этого губернский съезд Советов, который в ожидании ответа из Москвы временно приостановил работу, закрепил отрыв Могилевщины от Беларуси.

Надо отметить, что руководство БССР до последнего отстаивало свою позицию. Учитывая тот факт, что исключение Могилевской губернии со стороны ЦК РКП(б) было поначалу всего лишь необязательным пожеланием центра, белорусские власти пытались оставить в составе БССР хотя бы эту губернию. В ситуации, когда Могилевская партийная организация не имела собственной позиции и, приостановив работу губернского съезда Советов, находилась в ожидании указаний из Москвы, В. Кнорин настойчиво требовал от Могилевского губкома проведения съезда в русле указаний ЦБ КП(б)Б[38]. Даже 31 января 1919 г., когда вопрос, казалось, был уже решен окончательно и ЦБ КП(б)Б смирилось с потерей территорий, партийный орган «Звезда» поместил резолюцию заседания Могилевского губкома недельной давности, которая поддер-

живала образование ССРБ и высказывалась за вхождение Могилевщины в состав республики.

Между тем к этому времени уже существовало противоположное постановление Могилевского губернского съезда Советов по данному вопросу, о котором партийное руководство ССРБ хорошо знало. Еще 30 января 1919 г. белорусские власти получили телефонограмму от Я. Свердлова, в которой говорилось: «Делегатам ЦБ самым решительным образом было отказано в отмене решения ЦК. Подтверждаю: Витебская, Смоленская, Могилевская отходят, остаются Белоруссии губернии Минская и Гродненская. Добавляю решение ЦК: провести на съезде Белоруссии объединение с Литвою... Сегодня по прямому проводу у меня спрашивали из Могилева со съезда о решении ЦК по их губернии. Сообщили телеграммы Ваши и ЦБ. Линия ЦК и там пройдет беспрекословно. В Витебске тоже. Смоленск под сомнением, но подчинение будет безусловным, как и на съезде в Минске»[39].

Телефонограмма Я. Свердлова, помимо новостей относительно судьбы Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, содержала информацию о грядущем объединении Беларуси и Литвы. Для руководства компартии вопрос о слиянии этих советских республик был делом принципиальным и пересмотру не подлежащим. Доказательством чему служит тот факт, что ссылка на планируемое объединение была даже включена в текст постановления Президиу-

Мицкявичус-Капсукас В.С., председатель Литовско-Белорусского советского правительства. Вильнюс, 1919–1920 гг.

ма ВЦИК от 31 января 1919 г. о признании независимости ССРБ. В частности, в документе говорилось: «Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета приветствует намечающееся объединение трудящихся масс Белоруссии с трудовым народом Литвы, тесно связанным с ним своим прошлым и экономическими условиями своего существования»[40].

Из сообщения Я. Свердлова руководство ССРБ узнало еще одну неприятную новость – о провале миссии Р. Пикеля и И Рейнгольда. Делегаты ЦБ КП(б)Б приехали в Минск 31 января 1919 г. и на заседании ЦБ КП(б)Б представили отчет о результатах своей поездки в Москву. Попытка добиться пересмотра решения ЦК завершилась полным провалом. В Москве представители ЦБ КП(б)Б встречались с В. Лениным и, как следует из протокола заседания, «защищали область, а не нацию». На это В. Ленин ответил, что со временем все остальные области будут также ликвидированы. А раз так, то доводы делегатов о сохранении Западной области автоматически теряли силу – просто необходимость в существовании Западной области отпала немного раньше. Одновременно В. Ленин еще раз напомнил представителям ЦБ КП(б)Б, что республика необходима только потому, что она граничит с другими странами. А поскольку Смоленская, Витебская и Могилевская губернии не имеют общих границ с соседними государствами, то их из состава БССР можно исключить[41].

Доводы ЦБ КП(б)Б были отклонены на самом высоком уровне. И руководство ССРБ было вынуждено согласиться с усечением территории республики и ее последующим слиянием с Литовской ССР. Однако проявленное белорусскими властями стремление к независимости и самостоятельности имело для многих представителей правительства ССРБ плачевные последствия. ЦК РКП(б) не простил белорусским коммунистам непослушание. За то время, пока шло обсуждение территориального вопроса, между членами ЦБ КП(б)Б и представителем ЦК РКП(б) сложились крайне натянутые отношения. А. Иоффе обвинял белорусское руководство в сепаратизме и саботаже при проведении решения ЦК РКП(б). В ответ ЦБ КП(б)Б высказало свое недоверие представителю ЦК и назвало этот «частный случай» результатом «господствующего в партийных верхах духа бюрократизма и оторванности от партийных масс»[42]. I Минская губконференция КП(б)Б в своей специальной резолюции также отметила, что «посылка агентов ЦК, которые пользуются авторитетом ЦК и партийной дисциплиной для механического подавления голоса местных организаций, не искореняет отмеченной оторванности, а содействует снижению самодеятельности партийных низов, воспитывает дух слепого подчинения приказам сверху»[43].

Отказ ЦБ КП(б)Б беспрекословно выполнить приказ центрального органа об ограничении территории республики дорого стоил

правительству ССРБ. Москва в этом конфликте полностью поддержала действия А. Иоффе и даже высказала сожаление, что тот «проводит мягкую политику в отношении ЦБ»[44]. А. Мясников под угрозой партийного суда был отозван из Беларуси, а остальные члены ЦБ КП(б)Б получили лишь второстепенные посты в правительстве Литовско-Белорусской республики.

В вопросе о территории ССРБ руководство компартии не было настроено идти даже на малейшие уступки белорусскому правительству и настаивало, как выразился Я. Свердлов, на «безусловном» подчинении. Председатель ВЦИК лично прибыл в Минск для участия в I Всебелорусском съезде Советов – чтобы убедиться, что линия ЦК РКП(б) будет проведена в решениях съезда целиком и полностью.

I Всебелорусский съезд Советов состоялся в Минске 2–3 февраля 1919 г. Вопросы, вынесенные на рассмотрение его участников, в силу изменчивости политической ситуации и поспешности, с которой ЦК РКП(б) пересматривал свои прежние решения, были недостаточно проработаны и отличались противоречивостью. Так, первым делом делегаты съезда приняли Конституцию Белорусской республики. В свете предстоявшего объединения Литвы и Беларуси практическая ценность данного документа была сомнительной. То же самое можно сказать и о сформированном на съезде правительстве Белорусской республики. Возглавил правительство А. Мясников, несмотря на то, что ЦК РКП(б) к этому времени уже принял однозначное решение о необходимости его отзыва из Беларуси.

Наибольшую практическую значимость на съезде, несомненно, имел территориальный вопрос. Он был ключевым. Руководству РКП(б) было принципиально важно легитимизировать процесс сокращения территории Белорусской республики с тем, чтобы на будущих мирных переговорах с поляками иметь более твердую позицию для защиты данных земель от притязаний Польши.

Рассмотрение территориального вопроса прошло целиком по сценарию центра. I Всебелорусский съезд Советов согласился с желанием Витебской, Могилевской и Смоленской губерний остаться в составе РСФСР. При этом власти Витебской и Смоленской губерний считали вопрос настолько предрешенным, а сам съезд чистой формальностью, что отказались посылать свои делегации в Минск. Такое поведение губернского руководства вызвало недовольство со стороны председателя ВЦИК Я. Свердлова. Однако, несмотря на все принятые им меры с целью повлиять на губернские партийные организации, на съезд приехали только представители Смоленской губернии (49 человек)[45]. В целом же, большая часть делегатов представляла Минскую губернию (121 человек). Из Виленской губернии в Минск прибыли 25 делегатов, из Гродненской – 11, из Могилевской – 10. Семь человек представляли организации беженцев[46].

Еще один важный документ, который принял съезд, – это декларация о необходимости немедленного слияния в одно государственное целое советских республик Беларуси и Литвы. Слияние республик обосновывалось «исторической общностью экономических интересов» и потребностью объединения усилий для скорейшей победы над контрреволюционными силами в лице Литовской Тарибы и Белорусской рады[17].

Таким образом, I Всебелорусский съезд Советов, которому предстояло закрепить создание Социалистической Советской Республики Беларуси, по иронии судьбы заложил юридическую основу для сокращения территории республики и ее последующей ликвидации.

Социалистическая Советская Республика Беларуси просуществовала недолго. Менее двух месяцев. И следует отметить, что территориальный вопрос оказал важнейшее влияние на процесс создания белорусской государственности на советской основе в конце 1918 – начале 1919 гг.

В соответствии с планом ЦК РКП(б), ССРБ должна была стать последним звеном в цепи независимых советских республик, которые отделили бы советскую Россию от капиталистического мира. Белорусская республика создавалась исключительно по внешнеполитическим соображениям. Этнические, экономические, культурные аспекты являлись второстепенными. При формировании тер-

Делегаты 1-го Всебелорусского съезда Советов. Минск 2-3 февраля 1919 г.

ритории республики это обстоятельство сыграло определяющую роль.

На этапе провозглашения республики (I съезд КП(б)Б) ее территория достаточно точно соответствовала границам расселения белорусского этноса. Объясняется это тем, что руководству компартии было очень важно создать ССРБ в крайне сжатые сроки, между тем бывшее руководство Западного областного комитета компартии, так же как представители белсекций РКП(б) и Белнацкома, без которых невозможно было образовать Белорусскую республику, не согласилось бы с иными границами, чем те, что были определены I съездом КП(б)Б.

Однако уже спустя две недели, как ССРБ была образована, ЦК РКП(б) пересмотрел свою позицию относительно границ Белорусской республики и принял решение сократить ее территорию. Несмотря на протесты правительства БССР и ЦБ КП(б)Б, директивным приказом сверху, в порядке партийной дисциплины, территория республики была ограничена «географически необходимыми размерами» (Минская и Гродненская губернии), а потом и сама республика вошла в состав нового государственного образования – Литовско-Белорусской ССР. Данное постановление было проведено в жизнь последовательно и жестко.

К концу января 1919 г. руководство ССРБ исчерпало все возможности для отстаивания территориальной целостности Белорусской республики. Безусловно, главной причиной неудачи была полная зависимость правительства ССРБ от ЦК РКП(б), строгая военная дисциплина, царившая в рядах компартии. Свою роль в том, что позиция белорусских властей была проигнорирована, сыграл также раскол в ЦБ КП(б)Б и правительстве ССРБ. Имея общую цель, группы А. Мясникова и Д. Жилуновича, составлявшие правительство, действовали разрозненно. Все то время, пока длилась дискуссия между белорусскими властями и руководством РКП(б) относительно территории республики, в самом правительстве Советской Беларуси шла острая борьба между белорусскими коммунистами и бывшими членами Облискомзапа. Не будь этого внутреннего раскола и выступи обе группы с консолидированной позицией, вполне возможно, что ЦК РКП(б) пришлось бы уступить. Однако вместо этого сторонники А. Мясникова приложили все усилия к тому, чтобы в составе нового правительства ССРБ, которое предстояло избрать на I Всебелорусском съезде Советов, не оказалось никого из белорусских коммунистов. Впрочем «победителей» этой борьбы ждала та же участь, что и побежденных.

Все сказанное выше дает возможность по-новому посмотреть на роль и место провозглашенной 1 января 1919 г. Социалистической Советской Республики Беларуси. Особенно если сравнить ССРБ с ее антиподом – Белорусской Народной Республикой.

Как известно, в образовании БНР широкое участие принимали белорусские партии и организации, членами которых являлись на-

ционально-сознательные белорусы. В составе же руководства Западной области и областной организации РСДРП, которые по приказу Москвы были вынуждены заниматься провозглашением ССРБ в декабре 1918 г., белорусов практически не было. Группа Д. Жилуновича, которая была привлечена к организации республики, в значительной мере выполняла декоративную функцию. Реальный статус коммунистов-белорусов, включенных вновь-таки по требованию Москвы в правительство ССРБ, проявился во время конфликта в Центральном Бюро ЦК КП(б)Б при распределении портфелей и полномочий. Дальнейшие события, связанные с ограничением территории республики и объединением ее с Литовской ССР, также продемонстрировали степень влияния белорусов в правительстве Белорусской республики.

Часто создателей БНР обвиняют в том, что они, провозглашая республику, не имели широкой поддержки снизу. При этом априори подразумевается, что ССРБ такую поддержку имела, что, на самом деле, далеко от действительности. Организация ССРБ в спешном порядке, в крайне сжатые сроки не давала никакой возможности для того, чтобы выявить реальные настроения населения.

Еще один принципиально важный вопрос – легитимность провозглашения БНР и ССРБ. Белорусскую Народную Республику фактически провозгласил Исполнительный комитет Рады I Всебелорусского съезда - орган, состоявший из узкого круга людей. С формальной точки зрения полномочия Исполкома в принятии столь важного решения были весьма сомнительными. Однако не меньше юридических нестыковок было и с провозглашением советской Белорусской республики. Чтобы избежать подобных противоречий в случае с ССРБ, советские историки традиционно рассматривали резолюцию I съезда КП(б)Б о необходимости создания Белорусской республики как декларацию о намерениях. Законодательное же оформление ССРБ относили к юрисдикции I Всебелорусского съезда Советов. Однако учитывая сложную военно-политическую ситуацию в крае, особенности формирования местных Советов на территории Беларуси, отбор депутатов на съезд, I Всебелорусский съезд Советов лишь весьма условно можно считать настоящим представительным органом всего белорусского народа. К тому же, формально одобрив создание ССРБ, участники съезда тут же приняли решение о фактической ликвидации республики, сначала согласившись с ограничением ее территории, а затем с включением оставшейся части Беларуси в состав нового государственного образования – Литовско-Белорусской советской республики.

Еще одно справедливое обвинение в адрес правительства БНР – большая зависимость от окупационных режимов. Однако и в случае с ССРБ сложно говорить о самостоятельности в решении вопросов государственной жизни. Все принципиальные решения относительно судьбы ССРБ принимались руководством компартии в Москве.

Несмотря на сопротивление ЦБ КП(б)Б и правительства Д. Жилуновича, все постановления ЦК РКП(б) относительно усечения размеров республики и ее слияния с Литовской ССР жесткими методами были проведены в жизнь.

Наконец, следует сравнить цели, которые ставили перед собой создатели ССРБ и БНР. При всех недостатках, которые имелись в деятельности государственных органов БНР, изначально республика и ее государственные институты образовывались для защиты национальных интересов белорусского народа, создания оптимальных условий для его развития. В противовес БНР Советская Белорусская республика образца 1919 г. создавалась как республика-буфер для решения конкретных внешнеполитических задач. Белорусские интересы признавались, однако они ставились в зависимость и подчинялись интересам российской и мировой социалистической революции. В тех случаях, когда белорусские интересы входили в противоречие с задачами революционного движения, ценности белорусской государственности приносились в жертву ради торжества коммунистических идей в мировом масштабе.

Сравнение ССРБ и БНР позволяет говорить о том, что оба эти политические образования не являлись полноценными государствами. Это были всего лишь прообразы возможного белорусского государства, альтернативные варианты развития белорусской государственности. Каждый из них имел определенный политический потенциал и право на существование. К сожалению, геополитические условия, в которых закладывались основы белорусской государственности, не позволили белорусскому народу сделать самостоятельный осознанный выбор желаемой модели государственного устройства. В значительной степени процесс государственного строительства в Беларуси определялся внешнеполитическими факторами.

Примечания

1 Серебрякова З.Л. Областные объединения Советов России: март 1917 г. – декабрь 1918 г. М.: Наука, 1977. С. 111.

2 Свердлов Я.М. Выступления на заседании административной комиссии при ВЦИК, 1 декабря 1918 года // Избр. произведения: в 3 т. М., 1960. Т. 3. С. 73.

3 Серебрякова З.Л. Областные объединения Советов России: март 1917 г. – декабрь 1918 г. С. 172.

4 Круталевіч В. Абвяшчэнне рэспублікі // Полымя. 1968. № 9. С. 173.

5 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) и др. Минск: Лимариус, 2005. С. 81.

6 Круталевіч В. Абвяшчэнне рэспублікі // Полымя. 1968. № 9. С. 205.

7 Запись разговора по прямому проводу И.В. Сталина с председателем Северо-Западного областного комитета РКП(б) А.Ф. Мясниковым о государственном строительстве Белоруссии // Борьба за Советскую власть в

Белоруссии, 1918–1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. / ред.: А.И. Азаров, С. З. Почанин. Минск, 1968. Т. 1: Февраль 1918 г. – февраль 1919 г. С. 414.

[8] Маргунский С.П. Создание и упрочение белорусской государственности. 1917–1922. С. 148.

[9] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 434., л. 35.

[10] Маргунский С.П. Создание и упрочение белорусской государственности. 1917–1922. С. 148.

[11] Пратакол I з'езда Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі / пад рэд. С. Агурскага, М. Леўкова. Мінск: Парт. выд-ва, 1934. С. 33.

[12] Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. 32 с.; Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 1. 652 с.

[13] Тэрыторыя і насельніцтва Беларусі // Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюц. руху. С. 2.

[14] Луцкевіч А. Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 213.

[15] Там же. С. 179.

[16] Тернистый путь к свободе... // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 192; Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). С. 77.

[17] Запись разговора по прямому проводу И.В. Сталина с председателем Северо-Западного областного комитета РКП (б) А.Ф. Мясниковым о государственном строительстве Белоруссии // Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. С. 414.

[18] Круталевіч В.А. На імя Леніна // Полымя. 1965. № 4. С. 103.

[19] Тернистый путь к свободе... // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 132.

[20] НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 53.

[21] Из обзора печати белорусского стола информационного отдела Народного комиссариата по делам национальностей по политическим, экономическим и культурно-просветительским вопросам // Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. С. 504–505.

[22] Ладысеў У.Ф. Пазіцыя кіраўніцтва Савецкай Расіі ў беларускім пытанні. Утварэнне ССРБ // Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе. С. 138–165.

[23] 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 77.

[24] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 433, л. 42.

[25] Тернистый путь к свободе... // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 134.

[26] 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 87.

[27] Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской Республики: на пути к провозглашению Республики, октябрь. 1917 – декабрь 1918 г. Минск: Наука и техника, 1975. С. 281.

[28] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 443, л. 8.

[29] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 387, л. 5.

[30] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 388, л. 17.

[31] НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 19, л. 6.

[32] 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 88.

33 Круталевіч В.А. Пасля абвяшчэння рэспублікі // Полымя. 1966. № 9. С. 132.

34 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 62.

35 Там же. С. 88.

36 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 443, л. 16.

37 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 445, л. 16.

38 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 22, л. 49.

39 Свердлов Я.М. Телеграмма Советскому Правительству Белоруссии, 30 января 1919 г. // Избр. произведения. С. 142.

40 Вишневский А.Ф. Очерки истории государства и права Республики Беларусь (1917–1995 гг.): учеб. пособие. Минск: Форум, 1995. С. 229–230.

41 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 92.

42 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 431, л. 24.

43 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 377, л. 125.

44 НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 431, л. 24.

45 Круталевич В. А. История Беларуси. Становление национальной державности. С. 150.

46 Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики. С. 192.

47 Вишневский А.Ф. Очерки истории государства и права Республики Беларусь (1917–1995 гг.). С. 228–229.

3.2. Литовско-Белорусская ССР как государственное образование и ее территория

Литовско-Белорусская советская республика – всего лишь небольшой фрагмент в истории белорусской государственности. Тем не менее события, связанные с созданием ЛитБел, отличались не только большим драматизмом, но и оказали значительное влияние на процесс формирования белорусских государственных границ, а потому вопросы, касающиеся статуса Литовско-Белорусской республики, ее территориального состава и административного деления, функционирования политических институтов требуют отдельного рассмотрения.

Как известно, идея создания Литовско-Белорусской ССР возникла в Москве, в ЦК РКП(б) и затем в порядке партийной дисциплины была проведена в жизнь. Партийные организации КП(б)Л и КП(б)Б, не говоря уже о широких народных массах Беларуси и Литвы, никакого отношения к принятию решения о создании ЛитБел не имели. Так что можно согласиться с теми учеными, которые называют Литовско-Белорусскую республику искусственным образованием – аморфным, надуманным и нежизнеспособным[1].

Называя причины создания Литовско-Белорусской ССР, современные историки в первую очередь указывают на факторы внешне-

политического характера: ЦК РКП(б), идя на подобный шаг, полагал, что, объединившись, две небольшие социалистические республики ЛССР и ССРБ (после январского решения ЦК РКП(б) о сокращении территории ССРБ на самом деле не отличалась большими размерами) смогут более эффективно противостоять захватническим устремлениям Польши. Именно на это обстоятельство, как на главное, ссылались представители ЦК РКП(б), сообщая руководству ССРБ о необходимости создания белорусско-литовского государства[2].

Причина эта, учитывая сложное военно-политическое положение Советской России, действительно, выглядит весьма логичной. Однако при более пристальном анализе событий, связанных с созданием Литовско-Белорусской ССР, концентрация ресурсов для повышения обороноспособности республик не выглядит столь уж убедительным основанием для слияния Беларуси и Литвы.

Дело в том, что изначально, еще до образования ССРБ, сложилась система взаимоотношений, при которой все военные вопросы находились в ведении центра. С провозглашением советской Беларуси ничего не изменилось, и если, как признавался В. Кнорин, «в январе при составлении временного советского правительства Белоруссии был назначен военным комиссаром республики тов. А. Мясников, то, однако, это было только фикцией, и за все время существования Белоруссии военный комиссар не имел никакого технического аппарата для проведения в жизнь каких бы то ни было заданий». Роль правительства ССРБ в области военного строительства ограничивалась исключительно оказанием помощи военным властям и налаживанием их связи с местной администрацией. После объединения Беларуси и Литвы статус военного комиссара ЛитБел существенных изменений не претерпел – его военная работа по-прежнему «оставалась лишь работою содействия и не ставила никогда перед собою собственных заданий»[3]. Так что в военном отношении Литовско-Белорусская ССР целиком зависела от советской России, и именно Москва определяла, какое вооружение, какое пополнение, когда и в каком количестве поступит в ЛитБел.

То же самое можно сказать и о деятельности в Литовско-Белорусской республике большинства наркоматов. Центральные учреждения и ведомства советской России, работа которых имела стратегическое значение, действовали автономно от правительства ЛитБел. Так было в период существования ССРБ. Ничего не изменилось и после слияния Литовской и Белорусской советских республик. Несмотря на то, что к властям Литовско-Белорусской республики поступали многочисленные сообщения о серьезных злоупотреблениях в организациях, подчинявшихся непосредственно Москве, у руководства ЛитБел не было абсолютно никаких полномочий для наведения порядка. Убедительным примером может служить ситуация на железной дороге. Председатель Минского губернского РВК

И. Саватиев сообщал в Москву о крупных хищениях средств: «Конторы наводнены темными личностями. Комиссия от РВК ничего не могла добиться, так как нити идут дальше этих контор... Мы бессильны что-либо сделать, так как нам указывают на диктаторские полномочия, никаких комиссий или ревизий не допускают»[4].

И это не единичный пример того, что во многих отношениях власть правительства ЛитБел на территории республики была сугубо номинальной. В условиях военных действий, когда требовалось принимать быстрые решения и оперативно проводить их в жизнь, многие постановления, касавшиеся Литвы и Беларуси, ЦК РКП(б) утверждал, не посоветовавшись с коммунистами Литовско-Белорусской ССР и даже не поставив последних в известность. Все, чего смогло добиться руководство Литовско-Белорусской ССР от ЦК РКП(б), это обещания, что его будут информировать о принимаемых решениях[5].

В свете вышеизложенного возникают большие сомнения в том, что создание Литовско-Белорусской ССР было вызвано необходимостью концентрации ресурсов и повышения обороноспособности республик. Правительство ЛитБел, как видим, не имело полномочий для решения военных вопросов, а потому не могло воспользоваться преимуществами существования единой республики, а российские учреждения и ведомства, отвечавшие за ситуацию на Западном фронте, и до слияния республик обладали всей полнотой власти на территории Литвы и Беларуси, так что возникновение объединенной Литовско-Белорусской республики на их деятельность никак не повлияло.

Таким образом, можно предположить, что задачи повышения обороноспособности Литвы и Беларуси, если и были среди причин создания Литовско-Белорусской ССР, то ни в коем случае не являлись определяющими.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б), переписка большевистских лидеров, директивы и указания, поступавшие из Москвы руководству ССРБ и ЛССР, свидетельствуют о том, что в ЦК РКП(б) имелись другие (помимо внешнеполитических) веские основания для объединения Литовской и Белорусской советских республик. В свете документов, которые стали известны совсем недавно, можно сделать вывод о том, что едва ли не важнейшую роль в создании Литовско-Белорусской ССР сыграл территориальный вопрос.

Известно, сколь негативной была реакция белорусских властей на январское решение ЦК РКП(б) о сокращении территории республики, сколь сильным было сопротивление правительства ССРБ попыткам провести это решение в жизнь. Еще не было окончательно сломлено противодействие белорусского руководства по вопросу о белорусско-российской границе, а на повестке дня уже встал вопрос о разграничении Беларуси и Литвы. И это грозило новыми конфликтами, теперь уже между правительствами Литовской и Белорусской советских республик.

То, что между белорусами и литовцами существуют серьезные территориальные разногласия, не было секретом для членов ЦК РКП(б). Прежде всего споры велись о государственной принадлежности города Вильно и Виленской области. Первый раз эта проблема была поднята в конце 1918 г. В исторической литературе встречаются сведения о том, что Д. Жилунович отказывался подписывать манифест об образовании ССРБ, настаивая во время переговоров с комиссаром по делам национальностей И. Сталиным на включении Вильно в состав советской Беларуси[6]. Подробности того, как был улажен конфликт, неизвестны. Скорее всего, вопрос просто отложили до более спокойных времен.

Позже, в январе 1931 г., глава первого белорусского правительства Д. Жилунович, давая показания на заседании президиума и партколлегии ЦКК КП(б)Б, признавал, что в конце 1918 – начале 1919 г. территориальный вопрос отличался большой остротой: «Благодаря тому, что у меня не было еще изжито влияние этих националистических настроений, в то время не соглашался с тем, что от Белорусской Республики отходила Виленская губерния к Литве. Я приехал к Свердлову и просил объяснить мне, почему так сделано. Он сказал, что это по политическим соображениям и т.д. ...Такие разногласия по национальному вопросу были в самом составе правительства и выражались в том, что я, не уяснив значения организации Литовской республики и переход туда Виленщины, считал, что это неправильно делается, что нужно, чтобы Виленщина принадлежала Белорусской Советской Соц. Республике...»[7]

Виленскую губернию считали своей и руководители Западной коммуны, стремившиеся сразу же после отступления немцев включить ее в состав коммуны, распространив на нее свою власть. С другой стороны, временное правительство Литовской ССР считало, что граница Литовской республики с ССРБ должна проходить приблизительно по линии первой немецкой оккупации, то есть включать в состав Литвы значительную белорусскую часть Гродненской губернии[8]. На этой почве даже возникли определенные недоразумения между литовскими коммунистами и лидерами Облискомзапа. Конфликт удалось разрешить только после вмешательства И. Сталина. В декабре 1918 г. в телеграмме В. Мицкевичу-Капсукасу он сообщал, что все разногласия с областниками улажены и последние больше не будут вмешиваться в управление литовской территорией[9]. Но, по всей видимости, конфликт не был исчерпан, и территориальная проблема по-прежнему сохраняла актуальность, накладывая отпечаток на отношения между правительствами ССРБ, ЛССР и РСФСР.

Понятно, что реакцию деятелей Облискомзапа или белорусских коммунистов можно было проигнорировать; в конце концов, низовые партийные органы и рядовые коммунисты должны были подчиняться партийной дисциплине. Однако руководство советской Рос-

сии не могло не понимать, какой негативный эффект произвела передача большей части белорусских земель на белорусские национальные силы и на национально сознательную часть белорусского народа. Передача Литве города Вильно и Виленской области могла еще больше усилить негативное отношение белорусов к советской национальной политике, в том числе лишить большевиков поддержки даже тех белорусов, которые добивались реализации идеи белорусской национальной государственности на советской основе. Кроме того, столь откровенное решение территориального вопроса в ущерб белорусских интересов существенно ухудшало международный имидж правительства РСФСР, позиционировавшего себя в качестве защитника угнетаемых наций.

Вместе с тем ЦК РКП(б) не мог разрешить виленскую проблему и в пользу белорусов. Забрав Вильно у литовцев и передав его ССРБ, руководство большевистской партии рисковало испортить отношения не только с советским правительством Литвы, но и настроить против советской власти самые широкие слои литовского народа, национальное самосознание которого находилось на более высоком уровне, чем у белорусов. Единственным логичным решением в данной ситуации было не делить спорные территории, сделав их частью единой Литовско-Белорусской советской республики.

Характерно, что на территориальный вопрос, как на одну из главных причин создания ЛитБел, ссылаются практически все непосредственные участники рассматриваемых событий. В. Кнорин, описывая в 1922 г. события трехлетней давности, признавался, что объединение Литвы и Беларуси «было тем более важно, что целый ряд территорий являются в национальном отношении спорными» и что на эти спорные земли в одинаковой мере претендовали советские правительства и Литвы, и Беларуси[10].

Наконец, тот факт, что именно территориальными соображениями руководствовались в январе 1919 г. большевистские лидеры, позже подтвердил И. Сталин. В октябре 1939 г., во время переговоров с литовским правительством о судьбе Вильно и Виленской области, И. Сталин заявил, что «он помнит, что в то время, когда СССР имел возможность создать в Вильнюсе Литовскую Советскую Республику, белорусы приехали с большими протестами и поэтому Мицкевичюсу-Капсукасу пришлось создать не Литовскую, а Белорусско-Литовскую республику». Конечно, можно сомневаться, насколько искренним был И. Сталин, сообщая эту информацию литовской делегации. Однако, на наш взгляд, в данном конкретном случае лидер СССР не грешил против истины. Тем более что тему создания ЛитБел И. Сталин затронул уже практически в частной беседе, когда переговоры фактически завершились и литовцы согласились на все требования советской стороны[11]. Так что, веских оснований не доверять словам И. Сталина нет. Наоборот, вместе с другими фактами они дают возможность с большой долей вероят-

ности утверждать, что именно территориальная проблема стала одной из главных причин провозглашения в начале 1919 г. Литовско-Белорусской советской республики.

Создавая ЛитБел, ЦК РКП(б) наряду с территориальным вопросом решал и ряд других, по сути, очень близких проблем. Председатель ЦИК РСФСР Я. Свердлов, раскрывая белорусским коммунистам в ночь перед I Всебелорусским съездом Советов мотивы объединения республик, отмечал, что важным «мотивом создания единой Белорусско-Литовской республики является стремление ЦК уберечь эти республики от проявления в них националистически-шовинистических устремлений»[12]. Создавая ЛитБел, большевистское руководство рассчитывало в корне покончить с региональным сепаратизмом – будь то в форме Западной области или в виде ССРБ, поскольку ни руководство области в лице Облискомзапа, ни белорусские коммунисты, входившие в состав правительства ССРБ, не пользовались полным доверием ЦК РКП(б). И те и другие демонстрировали раздражающую центр независимость и стремление проводить самостоятельную политику. В итоге в новом литовско-белорусском правительстве не нашлось места никому. ЦК РКП(б) специально позаботился о том, чтобы ни один из видных деятелей Облискомзапа и ССРБ не получил сколько-нибудь значимых постов в правительстве ЛитБел – А. Мясников был отозван из Беларуси, а его сторонники довольствовались второстепенными ролями в государственных органах новообразованной Литовско-Белорусской республики. Таким образом, с образованием ЛитБел бывшие областные лидеры были отодвинуты от политического руководства.

Еще раньше, на I Всебелорусском съезде (2–3 февраля 1919 г.), от деятельности по созданию белорусской государственности, как это ни парадоксально, были отстранены белорусские коммунисты, выступавшие за образование Белорусского государства на советской основе. Они были обвинены в национализме и исключены из нового состава правительства ССРБ. По свидетельству В. Кнорина, «этим самым во временном правительстве Социалистической Советской Белоруссии были устранены всякие возможности националистической политики, был устранен национально-белорусский элемент и всякие сепаратные тенденции»[13]. Позже вопрос о привлечении непосредственно белорусов к управлению объединенной республикой уже не ставился. В результате о представительстве белорусской политической элиты в руководстве ЛитБел говорить не приходится.

Формирование государственных органов Литовско-Белорусской ССР находилось под пристальным контролем ЦК РКП(б). Назначение на все ключевые посты в правительстве ЛитБел в обязательном порядке проводилось после утверждения кандидатуры в ЦК РКП(б) либо с санкции представителя ЦК. Подробные отчеты об организационных мероприятиях в связи с формированием госу-

дарственных органов ЛитБел содержались в сообщениях представителя ЦК РКП(б) А. Иоффе, регулярно передаваемых в Москву. Основываясь на них, ЦК РКП(б) утвердил кандидатуру К. Циховского в качестве председателя ЦИК ЛитБел и В. Мицкевича-Капсукаса - председателя Совнаркома республики. Ключевые комиссариаты также возглавили литовцы и поляки: наркомат по иностранным делам – В. Мицкевич-Капсукас, внутренних дел – З. Алекса-Ангаретис, госконтроля – С. Берсон, просвещения – Ю. Лещинский, военных дел – И. Уншлихт.

В совместном государстве белорусов и литовцев искусственно преобладал литовский элемент, что было не случайно. Такая ситуация возникла в результате целенаправленной политики ЦК РКП(б), стремившегося усилить литовскую составляющую в единой Литовско-Белорусской республике. Уже название республики – Литовско-Белорусская ССР – говорит само за себя, хотя, учитывая расположение названий объединяющихся республик по алфавиту, новое государственное образование должно было бы называться Белорусско-Литовская ССР. Интересно, что первое время в официальных документах довольно часто встречался именно такой вариант[14]. Но затем все же утвердилась форма «Литовско-Белорусская ССР».

Отметим также, что выбор в пользу Вильно в качестве столицы на первых порах также не выглядел однозначным. С точки зрения военно-стратегической, на роль столицы больше подходил Минск: и по расположению, и по внутриполитической обстановке - в Беларуси советская власть пользовалась большей поддержкой, чем в Литве. Член Минского губернского ВРК А. Славинский объяснял этот факт тем, что литовские рабочие «не пережили революцию... и для них советская власть является как бы оккупацией. Другое дело здесь (в Беларуси. – *С.Х.*), где рабочий и крестьянин пережили революцию, а затем немецкую оккупацию и знают ее прелести»[15]. За размещение правительства в Минске выступали практически все лидеры ССРБ. Но в очередной раз были вынуждены подчиниться партийному руководству в Москве, отдавшему предпочтение Вильно. Представитель ЦК РКП(б) в Беларуси Гопнер в своей телеграмме от 3 февраля 1919 г. наркому иностранных дел Г. Чичерину и наркому по делам национальностей И. Сталину сообщал: «ЦБ согласилось, несмотря на практическое неудобство и некоторые жертвы, уступить по политическим соображениям и перенести безотлагательно правительственные учреждения в Вильно»[16].

Завершая анализ причин создания Литовско-Белорусской ССР, следует упомянуть еще один довод в пользу слияния республик. Дело в том, что идея такого политического объединения буквально витала в воздухе. В 1915–1917 гг. за нее выступала Виленская белорусская рада во главе с братьями А. и И. Луцкевичами. В декабре 1918 г. создавалось впечатление, что белорусские национальные деятели близки к осуществлению этого плана. 27 ноября 1918 г. между Ви-

ленской белорусской радой и Литовской Тарибой было подписано соглашение, которое в некоторой степени можно было рассматривать как прообраз будущего белорусско-литовского государства. Созданное по этому соглашению Министерство белорусских дел развернуло бурную деятельность[17]. В Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, чьи сотрудники внимательно следили за событиями в национальных регионах бывшей Российской империи, обо всем этом, безусловно, знали. Так что информация о попытках белорусских и литовских демократов создать общее государство также вполне могла натолкнуть большевистских лидеров на идею осуществить нечто подобное, но только уже на советской основе. Тем более что в истории деятельности большевистской партии также были моменты, когда Литва и Беларусь рассматривались как нечто целое: в марте 1904 г. в Вильно был создан Северо-Западный комитет РСДРП, позже переименованный в Областной союз РСДРП Литвы и Белоруссии. А с лета 1918 г. в крае действовал Краевой комитет коммунистических организаций Литвы и Белоруссии.

Решение о создании Литовско-Белорусской ССР осуществлялось в несколько этапов. I Всебелорусский съезд Советов, заседавший в Минске 2–3 февраля 1919 г., принял Декларацию об объединении советских социалистических республик Литвы и Белоруссии. Аналогичное постановление вынесла конференция Компартии Литвы и Белоруссии, состоявшаяся в Вильно в начале февраля 1919 г., и прошедший во второй половине этого же месяца I съезд Советов Литвы. Съезд законодательно оформил образование Литовской ССР и одновременно принял постановление о создании Литовско-Белорусской ССР. В состав Литовско-Белорусской ССР вошли Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и части Сувалкской губерний. Население республики превышало 4 млн человек[18].

Завершающим моментом стало объединенное заседание ЦИК Литовской и Белорусской ССР от 27 февраля 1919 г., на котором был создан единый Центральный Исполнительный Комитет Литовско-Белорусской ССР и избрано правительство республики. С образованием Литовско-Белорусской ССР возникла необходимость слияния компартий Литвы и Белоруссии. Объединение партийных организаций было проведено на Объединительном съезде КП(б)Б и КП(б)Л, который проходил в Вильно с 4 по 6 марта.

Литовско-Белорусская ССР была создана искусственно, по приказу извне, и эта искусственность постоянно проявлялась во всех сферах общественно-политической жизни республики, в том числе при решении вопросов, касавшихся территории ЛитБел или ее административного деления. Территория ССРБ в новообразованной Литовско-Белорусской республике была представлена одной административной единицей – Минской губернией, для руководства

которой 25 февраля 1919 г. был создан Минский губернский революционный комитет. Власть Минского губревкома распространялась на все уезды Минской губернии, а также на Вилейский уезд Виленской губернии. Остальная часть ЛитБел находилась в прямом административном подчинении правительства Литовско-Белорусской ССР[19].

Такое административно-территориальное деление ЛитБел выглядит достаточно странным. Складывается впечатление, что литовское правительство стремилось выделить, а точнее, отделить Минскую губернию от остальной территории республики. Данное наблюдение подтверждается свидетельствами современников, отмечавших значительную независимость и самостоятельность минских губернских властей. По словам В. Кнорина, лучше других знавшего реальную обстановку в ЛитБел, Минский губревком «слабо связывался с руководящими органами республики в Вильно.., то и дело озирался на Москву, иногда предпринимая сепаратные от своего центра шаги»[20]. При этом литовские политики в правительстве ЛитБел достаточно либерально, можно сказать, сквозь пальцы смотрели на эти проявления сепаратизма. Подобная снисходительность руководства республики, на наш взгляд, объясняется тем, что в глазах литовских коммунистов белорусская часть ЛитБел локализовалась только в границах Минской губернии – далее на запад белорусская территория заканчивалась, и начинались национальные литовские земли. Таким образом, признавая отличие Минщины от

Члены правительства Литовско-Белорусской республики (среди них А.В. Мясников, В. С. Мицкявичус-Капсукас, 1918 г.)

остальных регионов республики и мирясь с ее «независимостью», литовские деятели в правительстве ЛитБел по сути ставили точку в территориальной дискуссии о принадлежности территорий, лежащих на запад от границ Минской губернии. Эти земли они считали исключительно литовскими.

Подобный подход оказал существенное влияние на территориальную политику правительства ЛитБел. Когда встал вопрос о разграничении Литовско-Белорусской ССР и РСФСР, руководство Литовско-Белорусской республики согласилось со всеми пожеланиями российской стороны.

Проведенное в конце января – начале февраля 1919 г. включение значительной части белорусских земель в состав РСФСР не было последним. В скором времени ситуация повторилась, правда, в меньшем масштабе. Еще в январе 1919 г. наркомат иностранных дел РСФСР выступил с инициативой созыва представителей советских республик для решения спорных территориальных вопросов[21]. При этом окончательное решение, как отмечал нарком иностранных дел Г. Чичерин, принадлежало ЦК партии[22]. Результатом заседания 25 февраля 1919 г., в котором приняли участие уполномоченные РСФСР, Украинской и Литовско-Белорусской республик, стало единогласное решение о передаче части украинских и белорусских территорий в состав новообразованной Гомельской губернии РСФСР. Литовско-Белорусская ССР передавала Речицкий уезд Минской губернии и Дисненский уезд Виленской губернии[23]. Руководство ЛитБел также согласилось с временным (до выяснения позиции советской Украины) подчинением органам власти РСФСР Мозырского уезда Минской губернии и Пинского уезда Гродненской губернии[24].

Несмотря на то, что все планы большевиков относительно Беларуси и Литвы были претворены в жизнь в полной мере, избежать войны с Польшей не удалось. С середины апреля 1919 г. деятельность польских войск активизировалась. 17 апреля 1919 г. началось наступление на столицу Литовско-Белорусской республики город Вильно. Через четыре дня город был взят. Сложные обстоятельства, в которых находилась Литовско-Белорусская ССР, потребовали реорганизации центральных органов республики. 19 апреля 1919 г. СНК ЛитБел постановил передать всю полноту гражданской и военной власти Совету обороны ЛитБел. Первоначально новый орган состоял из трех человек: В. Мицкевича-Капсукаса, И. Уншлихта и М. Калмановича. Позже, с мая 1919 г., состав Совета обороны расширился за счет включения в него В. Кнорина и Е. Бош.

По инициативе Совета обороны Литвы и Беларуси ВЦИК РСФСР 1 июня 1919 г. принял постановление о военном союзе советских республик России, Украины, Литвы и Беларуси, в соответствии с которым в данных республиках объединялись военные организации и военное командование, советы народного хозяйства, фи-

нансы, железнодорожное управление, комиссариаты труда. Управление всеми этими организациями переходило к органам РСФСР. Однако предпринятая реорганизация не привела к изменению ситуации на Западном фронте. Наоборот, положение Красной армии ухудшилось. В июле 1919 г. противник подошел к Минску.

Серьезные изменения в работе центральных органов ЛитБел последовали после прибытия в Минск в июле 1919 г. члена Реввоенсовета Западного фронта И. Сталина. Нарком по делам национальностей потребовал роспуска центральных органов ЛитБел, что, по сути, означало ликвидацию республики. Следует отметить, что с формальной точки зрения в подобном решении имелась своя логика. К середине лета 1919 г. поляки заняли большую часть территории Литовско-Белорусской республики. Минск еще держался, но судьба его была предрешена – военное командование считало, что город не представляет ценности в стратегическом отношении, а потому планировало оставить Минск, «как только будут исчерпаны все средства...» для его обороны[25]. Совет обороны ЛитБел собирался защищать город силами добровольцев, однако всем было понятно, что это Минск не спасет. И действительно, 8 августа 1919 г. польские войска захватили Минск. Забегая вперед, скажем, что 27 августа противник занял последний город республики – Заресай[26]. Тем не менее уже в середине июля 1919 г. было очевидно, что Литовско-Белорусская ССР не выполнила ту внешнеполитическую задачу, которую первоначально возлагало на нее большевистское руководство: Польша достаточно легко сломала барьер в виде ЛитБел и теперь вела военные действия непосредственно против РСФСР. Дальнейшее существование Литовско-Белорусской ССР и ее центральных органов не имело смысла. Тем не менее ЦК КП ЛитБел с мнением И. Сталина не согласился. Ссылаясь на негативный внешнеполитический резонанс, который будет иметь ликвидация республики, лидеры ЛитБел считали, что пусть и формально, но Литовско-Белорусская ССР должна существовать.

Точку в дискуссии поставило решение оргбюро ЦК РКП(б), признавшее необходимым упразднить Совет обороны и правительственный аппарат ЛитБел. Само же ее правительство сохранялось, но реальной власти не имело и существовало лишь на бумаге. Высшим органом власти на не занятой поляками территории становился Минский губревком. С конца июля 1919 г. ни ЦИК Литовско-Белорусской ССР, ни СНК республики фактически не руководили государственной жизнью и не исполняли своих функций. И хотя юридических документов о ликвидации ЛитБел издано не было (как, впрочем, не появились они и позже), республика как государственное образование фактически перестала существовать. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что в августе 1919 г. начала свою деятельность Ликвидационная комиссия эвакуированных учреждений Литвы и Беларуси. В этом же месяце прекратил существова-

ние и Мингубревком. Неоккупированная территория ЛитБел была присоединена к соседним губерниям РСФСР[27].

Таким образом, Литовско-Белорусская ССР просуществовала весьма непродолжительное время – менее полугода. Столь незавидная, на первый взгляд, судьба при более внимательном анализе внутренних и внешних факторов, оказавших влияние на создание ЛитБел, представляется вполне закономерной. При провозглашении Литовско-Белорусской Республики определяющую роль играли внешние силы. Принимая решение о создании ЛитБел и проводя данное решение в жизнь, большевистское руководство в Москве действовало, исходя из интересов российской и мировой революции. Тем не менее наряду с внешнеполитическими факторами огромное влияние на создание ЛитБел оказали внутренние причины и прежде всего стремление руководства компартии ликвидировать конфликт, связанный с разграничением территорий советских Литвы и Беларуси. Образование Литовско-Белорусской ССР также позволяло ЦК РКП(б) преодолеть сепаратистские тенденции и усилить контроль над партийными организациями в Беларуси и Литве.

Литовско-Белорусская ССР не являлась полноценным государством. Правительство ЛитБел, его государственные учреждения и ведомства подчинялись в своей деятельности соответствующим органам РСФСР. Самостоятельность была фиктивной. Власть правительства ЛитБел был ограниченной, все принципиальные решения в обязательном порядке первоначально утверждались ЦК РКП(б) в Москве. Литовско-Белорусская ССР всецело зависела от советской России в экономическом и военном отношениях.

Многие государственные институты в Литовско-Белорусской ССР находились в стадии формирования либо отсутствовали вообще. Полноценный государственный аппарат в Литовско-Белорусской ССР не был создан. Процесс этот находился в самой начальной стадии. Не хватало квалифицированных кадров, имевших необходимую подготовку и в то же время лояльных советской власти. Главным же препятствием к созданию системы органов власти ЛитБел стал недостаток времени и военные действия, которые велись польскими войсками против Литовско-Белорусской республики и РСФСР.

Примечания

1 Юхо Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў // Спадчына. 1991. № 6. С. 9; Лойка Л., Лойка Т. Сучасны погляд на гісторыю Беларусі // Крыжовы шлях. С. 34; Талкачоў В. Цяжкі студзень 1919-га... // Беларус. думка. 1994. № 1. С. 69; Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920).

2 Круталевич В. А. История Беларуси. Становление национальной державности. С. 146.

3 Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. Минск: Беларусь, 1990. С. 56–57.
4 ГА РФ. Ф. 130, оп. 3, д. 129б, л. 208.
5 Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 25 марта – 24 июня 1919 г. // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 145.
6 Круталевіч В.А. На імя Леніна // Полымя. 1965. № 4. С. 103.
7 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. С. 235, 238.
8 Следует отметить, что к концу 1918 г. по сравнению с 1917 г. взгляды литовских коммунистов на территорию национального литовского государства претерпели существенные изменения: в 1917 г. они считали, что большинство населения Виленской и Гродненской губерний составляют белорусы. См. НА РБ. Ф. 60-п, оп. 3, д. 244, л. 71.
9 Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг. С. 419. НА РБ. Ф. 60-п, оп. 3, д. 217, л. 150 оборот.
10 Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. С. 89.
11 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 234.
12 Из протокола заседания ЦБ КП(б)Б о создании Белорусско-Литовской республики, 2 февраля 1919 г. // Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. С. 502–503.
13 Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. С. 53.
14 Название республики как «Белорусско-Литовской» можно встретить в обзоре печати белорусского стола информотдела Наркомнаца за февраль 1919 г. (См. Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. С. 531.); в советской периодической печати того времени (См. «Жизнь национальностей» № 15(23), 29 мая 1919 г. и № 16(24), 1919 г.). Название «Белорусско-Литовская Республика» встречается также в работе В. Кнорина «Восемь месяцев советской власти», написанной буквально «по горячим следам» в сентябре – октябре 1918 г. (См.: Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. С. 53.)
15 НА РБ. Ф. 60-п, оп. 3, д. 425, л. 49.
16 ГА РФ. Ф. 130, оп. 3, д. 600б, л. 14а.
17 Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання: карот. нарыс // Часоп. М-ва беларус. спраў. 1919. № 1. С. 1, 2.
18 Образование Литовской, Белорусской и Литовско-Белорусской ССР // История национально-государственного строительства в СССР (1917–1966): в 2 т. / отв. ред. Д.А. Чугаев. М., 1968. Т. 1: Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). С. 176. См. также: Шкляр Е.Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919–1920 гг.). С. 24, 33.
19 Одновременно с образованием Минского губревкома был ликвидирован Гродненский губревком в связи с тем, что к этому моменту значительная часть Гродненской губернии была оккупирована поляками. См. Круталевич В. А. История Беларуси. Становление национальной державности. С. 158.
20 Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. С. 54.
21 Куличенко М.И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 годах. С. 242.
22 Толстой В.С. Усилия Советского правительства по решению мирным путем спорных вопросов между Польшей и Советской Белоруссией // Ино-

странная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 гг. / отв. ред. И.И. Минц. Минск, 1990. С. 185.

23 Куличенко М.И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 годах. С. 242.

24 Маргунский С.П. Государственное строительство Белорусской ССР на первом этапе ее развития. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1953. С. 35.

25 Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. Т. 2. С. 174–176.

26 Малыхіна Л. Праблемы гістарыяграфіі Літоўска-Беларускай ССР // Bialorus. Zeszyty Hist. 2003. № 20. С. 150.

27 Круталевич В. А. История Беларуси. Становление национальной державности. С. 221–231.

3.3. Повторное провозглашение Белорусской советской республики. Рижский мир. Демаркация советско-польской границы

Весной 1920 г. Западный фронт стал приоритетным для советского правительства. Причем обе воюющие стороны – и Польша, и РСФСР – предполагали с установлением более теплой погоды активизировать боевые действия.

Помимо стягивания сил руководство Красной Армии придавало исключительно большое значение поиску союзников в борьбе с Польшей. Успех весенне-летней кампании 1920 г. во многом зависел от того, на чьей стороне выступят прибалтийские республики. Стремясь обеспечить безопасность Красной Армии на флангах, ленинское правительство еще в сентябре 1919 г. предложило Литве, Латвии и Эстонии начать переговоры о мире. С точки зрения прибалтийских государств предложение было весьма заманчивым. Особенно для Литвы.

Как известно, положение Литвы осенью 1919 г. не отличалось стабильностью. Версальский договор не оправдал ожидания правительства и Тарибы: Литовское государство в договоре упоминалось лишь в статье 433, как уже «существующее», но еще не окончательно оформившееся, что не давало литовцам практически никаких гарантий. Осложнившаяся геополитическая обстановка в Восточной Европе и, прежде всего, угроза, исходившая от Польши, претендовавшей на литовские земли, заставили литовцев обратить свой взгляд на советскую Россию. Мирный договор с РСФСР не только давал Литве шанс избежать нападения со стороны Польши, но и одновременно являлся фактическим признанием литовского государства как субъекта международной политики, что было значительным шагом вперед на пути к признанию со стороны других государств мира[1].

Переговоры между Литвой и советской Россией открылись в начале 1920 г. Наиболее острым и сложным из обсуждавшихся воп-

росов стал территориальный. По проекту, предложенному литовской стороной, в состав Литвы должны были войти четыре губернии – Ковенская, Виленская, Сувалкская и Гродненская. Свою позицию литовская делегация подкрепляла не только аргументами историческими и этнографическими (в Гродненской и Виленской губерниях статистический материал об этническом составе населения был не в пользу литовцев), но и оперировала таким фактором, как экономическая целесообразность, заявляя, что все эти земли составляют одно экономическое целое.

Не вполне приглядную роль в обосновании необходимости включения белорусских территорий в состав Литвы сыграл член Министерства белорусских дел Д. Семашко, выступивший в Москве в качестве представителя белорусов Виленщины и Гродненщины, желавших, по его словам, присоединения к литовскому государству. Свою позицию Д. Семашко мотивировал тем, что Польша и Россия, претендуя на земли Гродненской и Виленской губерний, ставят целью их инкорпорацию и препятствуют развитию белорусского национального движения. В частности, он ссылался на разгон Всебелорусского съезда в декабре 1917 г., а также на тот факт, что советская делегация во время переговоров категорически избегала упоминания слова «Беларусь». На заседании от 12 мая 1920 г. Д. Семашко заявил: «Гродненская земля, как уже было мною заявлено, является в настоящий момент белорусской территорией. Белорусы, составляющие там громадное большинство, говорят на белорусском языке, называемом в отличие от панского-польского, «простым» или «мужицким». Решающее значение с точки зрения самоопределения народов в настоящий момент может иметь только воля одного белорусского народа, который уже самоопределился: не к Советской России и не к Польше, а решил, как и все народы, добиваться своей независимости. Но, видя себя, будучи постоянно то в одной, то в другой, то в третьей оккупации слабыми, дабы дать надлежащий отпор империалистическим стремлениям Польши и посягательству на свою независимость Советской России, определился идти совместно с Литвой»[2].

Претензии литовской делегации на белорусские земли имели очень слабое обоснование, что, в принципе, литовцы сами прекрасно осознавали. Так, литовский политик П. Климас, принимавший участие в переговорах с РСФСР в мае 1920 г. сообщал министру иностранных дел Литвы: «Прочность советской позиции состоит в том, что в отношении Лидского, Гродненского и Ошмянского уездов у нас, действительно, нет почти никаких этнографических доводов, за исключением нескольких очень старых или очень неубедительных упоминаний о том, что в некоторых местах жители пользуются литовской речью, или же об их историческом литовском происхождении. Наши экономические доводы их также не убедили, ибо, правду говоря, у нас серьезных доводов и не было»[3].

Рижский мирный договор 1921 г.

В то же время на руках у советской стороны имелись весьма убедительные данные переписи 1897 г., которая свидетельствовала о том, что большинство населения Виленской и Гродненской губерний составляли белорусы. Так, в начале XX в. в Виленской губернии на долю белорусов приходилось 56% населения. Вторыми по количеству были литовцы (17,6%), на третьем месте – евреи (12,7%). Если рассмотреть результаты переписи по уездам, то белорусы, бесспорно, превалировали в Виленском, Дисненском, Ошмянском и Лидском уездах (от 86,9% до 73,1%) и имели относительное большинство в Свентянском (47,5%) и Виленском (26%) уездах. Литовское население доминировало только в одном, Трокском уезде. В Гродненской губернии перепись 1897 г. зафиксировала следующее соотношение: в Гродненском уезде – 65% белорусов, 1,4% литовцев; в Лидском – 73% белорусов, 8% литовцев; в Ошмянском – 80% белорусов, 7,6% литовцев[4].

Основываясь на данных переписи 1897 г., исследованиях известных российских этнографов, делегация РСФСР считала требования литовской стороны сильно завышенными. А притязания литовцев на Гродно глава советской делегации А. Иоффе и вовсе оценил, как «империалистические» и ничем не подкрепленные[5]. Тем не менее советское руководство соглашалось выполнить все претензии литовской стороны, рассчитывая компенсировать территориальные потери стратегическими дивидендами на фронте[6]. Наркоминдел Г. Чичерин, комментируя ход переговоров с правительством буржуазной Литвы, отмечал: «С Литвой как будто отношения налаживаются, мы пошли на радикальные уступки и от нее ждем эквивалента». Идеальным развитием событий большевики считали вступление Литвы в войну против Польши. Во время советско-литовских переговоров летом 1920 г. обсуждались совместные военные действия против Польши. А. Иоффе даже разработал проект военного соглашения с Литвой.[7] Существовал также план прохода Красной Армии к германской границе кратчайшим путем – через территорию Литвы[8].

В начале июля 1920 г. Красная Армия начала стремительное наступление на Западном фронте. Войска противника беспорядочно отступали. Военное положение Польши было катастрофическим. Перед советским руководством вновь замаячила надежда на близкую всемирную революцию. Социализация Польши открывала дорогу для распространения большевизма дальше в Западную Европу. И Литва, и советская Россия понимали, что данная ситуация – наиболее благоприятная для заключения договора. Промедли литовское правительство еще месяц-другой, и большевики, одержав окончательную победу над Польшей, возможно, уже не будут столь сговорчивыми. Руководство же РСФСР по-прежнему рассчитывало использовать преимущества литовского геополитического положения.

12 июля 1920 г. советско-литовский мирный договор был подписан. Советское правительство удовлетворило большинство требований литовцев. В соответствии с пунктом 2 соглашения, государственная граница между Россией и Литвой была определена следующим образом: от Двины по линии на запад от Друи – на восток от Браслава – Козьяны – Поставы – озера Мядзел и Мястра – на запад от Вилейки – по западным окраинам Молодечно и Воложина – по рекам Воложинка, Ислочь, Березина до впадения ее в Неман возле местечка Делятичи – далее по Неману и за 30 км на юг от Гродно – на юг от Августово. Таким образом, РСФСР передавала литовскому государству значительные белорусские территории на юге и востоке, включая Сувалки, Августов, Гродно, Лиду и Вильно[9]. Учитывались также литовские интересы по сплавным рекам, планировалось подписать торговый и транзитный договоры[10].

Советско-литовский договор, безусловно, не был актом благотворительности со стороны большевиков. Взамен большевики обеспечивали для Красной Армией право находиться на литовской территории до тех пор, пока этого требовала стратегическая необходимость.

Кроме того, передача освобожденного Красной Армией Вильно литовскому буржуазному правительству открывало большие возможности для ведения большевистской пропаганды. Передача Литве значительных территорий склоняла европейское общественное мнение в пользу советской России. Франция и Англия, во многом определявшие в то время европейскую политику, расценивали широкий жест большевиков и их отказ от оккупации Литвы не иначе, как некий хорошо продуманный тайный план[11]. Что, впрочем, было близко к истине. На самом деле заключение советско-литовского договора никоим образом не было отказом большевиков от советизации Литвы. По словам В. Ленина, руководство компартии лишь откладывало этот шаг и искало другие формы установления советской власти в Литве[12].

Через месяц договор, аналогичный советско-литовскому, был заключен между РСФСР и Латвией. Россия передавала в состав Латвийской буржуазной республики три уезда Витебской губернии: Двинский, Режицкий и Люцинский[13].

Подписание советско-литовского мирного договора поставило окончательную точку в истории Литовско-Белорусской республики, последний год больше напоминавшей собой политический призрак, нежели реальное государственное образование, и, по крайней мере, на некоторое время сняло с повестки дня вопрос о советской Литве. Вопрос же о политическом будущем Беларуси, наоборот, с каждым днем становился все более актуальным. К сожалению, как и в 1919 г., единодушия среди всех заинтересованных сторон во взглядах на данную проблему не было.

Многие члены бывшего правительства Литовско-Белорусской ССР считали, что, поскольку внешнеполитическая ситуация изменилась, то нет никаких причин для повторного провозглашения Белорусской республики. Выразителями данной точки зрения были Р. Пикель и И. Рейнгольд, изложившие свои доводы в тезисах «К вопросу о создании Белорусской Советской Республики»[14]. Авторы документа утверждали, что белорусы не являются отдельной нацией или народностью. «Их язык, религия, культура, – писали они, – ничем не отличаются от великорусской. Белорусский национализм – чисто интеллигентское мещанское движение... которое не имеет никакой опоры в среде трудящихся масс. Экономическое благосостояние исключительно зависит от Советской России и экономическое обособление последней было бы для нее гибельным». Р. Пикель и И. Рейнгольд выступали за создание отдельной губернии под руководством белорусского ревкома, главной задачей которого должна была стать подготовка трудовых масс Белоруссии «к полному слиянию во всех отношениях с Советской Россией»[15].

Категорически против взглядов Р. Пикеля и И. Рейнгольда выступили коммунисты-белорусы. Еще в мае 1920 г. они начали ставить перед ЦК РКП(б) вопрос о восстановлении Белорусской Советской Республики. А. Червяков, возглавлявший советский отдел Реввоенсовета Западного фронта, а также другие коммунисты-белорусы Д. Жилунович, И. Клишевский, А. Гурло отказались войти в состав Минского ревкома и потребовали создать ревком Белоруссии в качестве «автономного организма Советской России»[16]. В это же время в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР были поданы аналитические записки от А. Бурбиса, И. Дыло, Ф. Турука.

Глубокий анализ белорусского вопроса содержится в докладной записке «Советская власть в Белоруссии», которая хранится в Национальном архиве Республики Беларусь и датирована июнем 1920 г. Автор или авторы документа неизвестны, так же как неизвестен и точный адресат ее. Однако характер поднимаемых в докладной записке вопросов свидетельствует о том, что предназначалась она для высшего партийного руководства с целью привлечь внимание к белорусской проблематике. Создатели документа подчеркивали, что «вся прошлая советская политика в Белоруссии, оккупированной и неоккупированной, и анемичность ее в последнее время в интересах социальной революции должны быть в корне изменены, иначе мы рискуем: во-первых, оттолкнуть надолго от себя белорусскую революционную демократию, что было бы в интересах польских империалистов, а, во-вторых, повредить делу социальной революции в Белоруссии и мировой»[17].

Последнее слово в споре о будущем Беларуси было за ЦК РКП(б). Как и в 1918 г. белорусский вопрос тесно увязывался с задачами всемирной революции. Восстановление Белорусской рес-

публики имело большое пропагандистское значение: Красная Армия, готовившаяся вступить на территорию Польши, приобретала в глазах польского народа образ освободительницы угнетаемых наций, что, по мнению руководства большевиков, должно было обеспечить дополнительную поддержку советским войскам со стороны поляков. Внешнеполитический фактор вместе с настойчивыми усилиями коммунистов-белорусов обусловили согласие ЦК РКП(б) на повторное провозглашение Белорусской советской республики. 16 июля 1920 г. пленум ЦК РКП(б) одобрил создание белорусского ревкома.

Первоначально функции руководящего центра Беларуси выполняла партийно-организационная тройка Минской губернии. 30 июля 1920 г. она приняла решение о создании Военно-революционного комитета Белорусской республики, в состав которого вошли А. Червяков (председатель), В. Кнорин (заместитель председателя), И. Адамович, И. Клишевский, В. Игнатовский и А. Вайнштейн. На этом же заседании было принято решение провозгласить 31 июля 1920 г. Белорусскую Советскую Республику.

Большевики крайне требовательно подходили к подбору политических организаций, которые вместе с компартией приняли бы участие в акте восстановления БССР. Поддержка политики большевиков, политический вес организации в крае и гибкая позиция по территориальному вопросу – вот критерии, по которому отбирались партии для участия в подписании декларации о повторном провозглашении БССР. Проводя переговоры с другими партиями, боль-

Бурбис Александр Лавренович (1885–1922). Деятель белорусского национально-освободительного движения. Один из создателей Белорусской социалистической громады (БСГ), член ее ЦК. В 1917 г. возглавлял московскую организацию БСГ. С 1921 г. член ЦИК, заместитель министра иностранных дел БССР. Выступал в защиту самостоятельности Советской Белоруссии, ее территориальной целостности, культурно-национальной самостоятельности. Известен также как актер, режиссер, один из создателей белорусского профессионального театра

шевики прежде всего стремились удостовериться в том, не настаивает ли руководство этих партий на установлении границ Беларуси в соответствии с «картой Е. Карского»[18].

31 июля 1920 г. Военревком Белорусской республики, в состав которого вошли представители компартии, БКА, Бунда и Центрального Бюро профсоюзов Минска, издал «Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Беларуси». Декларация касалась территориального вопроса только в самых общих чертах. Отмечалось, что Белорусская советская республика определяет свою западную границу по этнографической границе между Беларусью и соседними буржуазными государствами, а ее граница с Советской Россией и Украиной устанавливается свободным волеизъявлением белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с правительствами РСФСР и УССР[19].

Точно представить по такому описанию размеры республики крайне сложно. Однако ссылка Декларации на I съезд Советов Беларуси, закрепивший в феврале 1919 г. выделение восточных губерний из состава ССРБ, как на правовую основу повторного провозглашения республики, а также тот факт, что до середины 1920-х гг. БССР существовала в ограниченных размерах, дают возможность утверждать, что в 1920 г. Белорусская республика создавалась только в составе двух неполных губерний – Гродненской и Минской. Белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний по-прежнему оставались в РСФСР.

Такой подход к разрешению территориального вопроса вызвал серьезный конфликт между большевиками и белорусской партией социалистов-революционеров. В соответствии со своей программой, принятой на чрезвычайной конференции в Минске в начале марта 1920 г., белорусские эсеры выступали за «восстановление Белорусской независимой социалистической республики в этнографических границах»[20]. Они отказались подписать Декларацию и потребовали, чтобы в состав БССР были возвращены все восточнобелорусские земли. В ответ большевики лишили своих оппонентов постов в правительстве БССР и начали преследование партии.

Неточно определенный политический статус и территориальный состав Белорусской советской республики стал причиной сдержанного отношения к БССР не только со стороны политических партий, но и со стороны национально-сознательного населения Беларуси. Так, в докладе инструкторско-информационного отдела о положении в Минском уезде говорилось, что «население некоторых волостей, узнав о самоопределении Белоруссии, не хочет признавать никакой власти кроме несуществующего правительства независимой Белоруссии». Жители волостей достаточно часто задавали инструкторам вопрос о том, где проходит граница БССР с Польшей, почему польские войска не отходят за Буг, а Красная Ар-

мия – за Днепр, и почему они не видят реального самоопределения Белоруссии[21].

Развернувшееся в скором времени контрнаступление польской армии вновь изменило геополитическое положение Беларуси. До конца сентября 1920 г. советские войска оставили Лиду и Барановичи, а 15 октября – Минск. Контрнаступление Красной Армии в конце осени стало последним напряжением сил, после чего окончательно ослабевшие Советская Россия и Польша были вынуждены заключить перемирие.

Путь РСФСР и Польши к столу переговоров был длинным и драматичным. В первой половине 1920 г. руководство РКП(б) соглашалось заключить с Польшей мирный договор практически на любых условиях, не останавливаясь перед значительными территориальными потерями. В конце января 1920 г. СНК РСФСР в ноте польскому правительству обещал не развивать наступления западнее линии Дрисса – Дисна – Полоцк – Борисов – Паричи – Птичь – Белокоровичи. Фактически эта линия предлагалась Польше в виде будущей советско-польской границы. Серьезные территориальные уступки В. Ленин объяснял следующим образом: «Линия проходила так, что Минск оставался у поляков, вся Белоруссия была у них... Но мы, тем не менее, заявили самым официальным, самым торжественным образом, что мы предлагаем мир на тогдашней линии, ибо мы ценили рабочих, которые должны были погибнуть в этой войне, так высоко, что никакие уступки мы не считали более важными. Разрешение вопроса о Белоруссии мы предполагали не силой оружия, а исключительно только путем развития борьбы внутри Польши. Мы знали, что помощь освобождению трудящихся Польши мы можем оказать не столько и даже главным образом не столько силой военной, сколько силой нашей пропаганды»[22]. Польша предложенные условия не приняла и осенью 1920 г., когда, спустя полгода, стороны сели за стол переговоров, положение на фронте было уже другим. Тем не менее главным предметом дискуссии по-прежнему оставались белорусские земли.

Несмотря на то, что на переговорах сначала в Минске, а затем в Риге решалась судьба белорусских земель, представители БССР в подписании договора участия не принимали. Председатель ВРК А. Червяков и секретарь ВРК И. Клишевский, приехавшие по телеграмме Г. Чичерина в сентябре 1920 г. в Ригу, так и не были допущены на заседания делегаций Польши, РСФСР и Украины. Польская сторона не признала их полномочий как представителей белорусского народа, назвав А. Червякова и И. Клишевского «московскими чиновниками»[23]. Польские дипломаты ссылались также на тот факт, что Белорусская республика не имеет строго определенной восточной границы, полноценных представительных органов, сформированных на основе свободных выборов, и достаточного признания на международной арене[24].

Устранение представителей БССР от участия в переговорах, как это ни парадоксально, было выгодно обеим сторонам – и Польше, и советской России. С самого начала польская делегация стала на путь исключения советской Беларуси из переговорного процесса[25]. Правительство Польши было неудовлетворено результатами войны, поскольку считало, что только включение в состав польского государства всех белорусских территорий до Двины и Днепра может гарантировать ей безопасность от восточного соседа. Отсутствие подписи белорусской делегации под мирным договором давало польским лидерам надежду на пересмотр в будущем при благоприятных политических обстоятельствах, условий договора и реализации своих аннексионистских планов. Польша соглашалась на самоопределение Беларуси только при условии проведения плебисцита. Для свободного волеизъявления населения она предлагала вывести советские и польские войска за пределы белорусской этнографической территории (включая Витебскую, Могилевскую и Смоленскую губернии). «Вопрос поставлен ультимативно – либо плебисцит на всей Беларуси, или никаких разговоров о самоопределении народов – раздел Беларуси» – сообщал в своем письме из Риги А. Червяков[26]. Пойти на такой шаг руководство РКП(б) не решилось, поскольку не доверяло ни своему оппоненту за столом переговоров, ни возможным результатам плебисцита.

По определенным причинам российскую сторону также удовлетворяло неучастие Беларуси в переговорах. РСФСР, хоть и отстаивала статус БССР как независимого и самостоятельного государства, все же считала целесообразным, чтобы Беларусь осталась за дверями зала заседаний.

Причин такой позиции несколько. Во время разговора с В. Кнориным накануне II съезда Советов БССР нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин озвучил соображение, исходя из которого БССР не могла наравне, например, с Украинской советской республикой участвовать в переговорах, – а именно, недостаточную оформленность ее государственной жизни[27]. На это же обстоятельство Г. Чичерин указывал А. Иоффе 12 сентября 1920 г.: «В Минске открывается белорусский съезд советов и возможно будет вопрос об отправке своих делегатов в Ригу. Я телеграфировал, что сначала белорусское советское правительство должно оформиться, только тогда можно будет разработать вопрос о его международных отношениях»[28].

Высказывания большевистских лидеров также свидетельствуют, что вместе с перечисленными причинами у ЦК РКП(б) имелось еще одно, с прицелом на перспективу, соображение, чтобы оставить Беларусь за переговорным процессом. Оно было озвучено руководителем российской делегации на переговорах А. Иоффе во время неофициального разговора с А. Червяковым. В ответ на обеспокоенность председателя ВРК БССР, что Беларусь будет разделена, А. Иоффе отве-

тил, что «мир заключает Россия с Польшей, а не Белоруссия, и у белорусского правительства руки будут развязаны». В этом же разговоре А. Иоффе отметил, что условия мирного договора целиком зависели от развития событий на фронте и что при неблагоприятном положении у него был приказ заключать мир на любых условиях[29]. Таким образом, и Россия, и Польша рассматривали неопределенный с юридической точки зрения статус Беларуси на переговорах в качестве предпосылки для пересмотра в будущем результатов Рижского мирного договора. В будущем мирном договоре специально оставлялось место для ревизий и разночтений, которые каждая из сторон рассчитывала использовать в удобный момент.

Еще одна из причин нежелательности участия представителей Беларуси в составе советской делегации заключалась в том, что пример Беларуси существенно ослаблял позицию советской стороны: призывая Польшу и другие страны мира руководствоваться принципом национального самоопределения, советская Россия не могла похвастать соблюдением данного принципа в отношении Беларуси. Исторические белорусские территории Витебщины, Могилевщины, Гомельщины на тот момент находились в составе РСФСР. Кроме того, польские дипломаты напомнили делегации РСФСР и о советско-литовском мирном договоре от 12 июля 1920 г., также ущемлявшем белорусские интересы. По мнению польской стороны, советская Россия абсолютно безосновательно передала Литве значительную часть территории Западной Беларуси, без учета этнографической ситуации и пожеланий местного населения[30].

Кроме того, руководство РСФСР не было уверено, что, появившись в качестве полноправного участника в зале переговоров, белорусская делегация будет проводить необходимую политику. В письме в ЦК РКП(б) от 30 декабря 1920 г. Г. Чичерин писал: «В Беларуси на уездных съездах уже поднимались разговоры о том, что она разрезана новой границей и что надо заявлять о необходимости возврата Польской Беларуси и Литовской Беларуси. Так что, в случае появления непосредственно белорусской делегации в Риге она там перевернет все наши дипломатические комбинации»[31]. Вполне возможно, что ЦК РКП(б) не доверял в полной мере и членам белорусского правительства. В политической характеристике А. Червякова, составленной польской дипломатической службой в 1927 г., говорилось, что будто бы он не взял на себя подписание договора, не обеспечивавшего территориальной целостности Беларуси[32].

В связи с вышеперечисленными причинами белорусские интересы на переговорах в Риге представляла российская делегация. Юридическим основанием для этого служил мандат, который 10 сентября 1920 г. Военно-революционный комитет БССР выдал российскому правительству. Документ давал право российской стороне вести от лица Беларуси мирные переговоры с Польшей, в том числе и по вопросу, который касался определения границ Беларуси.

Полномочия делегации РСФСР подтвердил II Всебелорусский съезд Советов, прошедший в Минске 13–17 декабря 1920 г. Делегаты съезда ратифицировали Рижский прелиминарный договор и поручили российской делегации вести переговоры об установлении границ БССР, заключении мира и связанных с заключением мира договоров. Соглашаясь с разделом Беларуси, участники съезда исходили из того, что отказ от предложенных условий мира приведет к дальнейшему продолжению войны. В то же время они верили, что мирный договор с Польшей окажется недолговечным и в ближайшее время там победит коммунистическая революция.

Архивные документы и публикации последних лет показывают, что правительство РСФСР внимательно следило за подготовкой и ходом II Всебелорусского съезда Советов. Постановления съезда, касавшиеся мирных переговоров, были согласованы с руководством компартии. Центральное Бюро КП(б)Б предприняло все возможные шаги, чтобы съезд прошел по заранее одобренному сценарию. Так, накануне съезда ЦБ КП(б)Б приняло следующее решение: «вопрос о самостоятельности Белоруссии в партийных кругах не поднимать и никаких дискуссий не допускать». Одновременно руководство компартии запретило членам своей фракции выступать по этому вопросу на съезде[33]. Секретать ЦБ КП(б)Б В. Кнорин накануне съезда докладывал Г. Чичерину: «Съезд будет иметь своей главной задачей замолчать все вопросы, которые могли бы быть неудобными для вас». И далее: «Во всех своих шагах и выступлениях будем связываться с вами и спрашивать ваших указаний»[34].

Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, в соответствии с которым утверждалась линия государственной границы между Польшей и советскими республиками Украины и Беларуси, был подписан 12 октября 1920 г. С одной стороны, участники соглашения обязались признать самостоятельность и независимость Беларуси. С другой же – прелиминарный договор предусматривал прохождение белорусско-польской границы по линии «немецких окопов 1916–1917», то есть передачу в состав Польши значительной части Беларуси.

Несмотря на то, что до конца декабря 1920 г. все стороны, упоминавшиеся в документе, ратифицировали прелиминарный договор, понадобилось еще несколько месяцев, чтобы дипломаты согласовали все спорные вопросы. На заключительном этапе переговоров делегация РСФСР в ответ на сокращение польских финансовых требований согласилась передать в состав Польши территорию в районе Полесья площадью в 12 тыс. кв. км. В пользу Польши была также изменена граница в районе Радошковичей. И вновь предложения большевиков были более щедрыми, чем желания самих поляков. Член польской делегации, лидер эндеков С. Грабский признавался: «Это правда, что мы могли бы выторговать у большевиков еще больше земель, которые они с удовольствием уступили бы нам

взамен за отказ от выплаты денег. На эту тему мы даже несколько раз вели секретные переговоры, но, учитывая раздел и ссоры в польском обществе, мы боялись, что Польша утратит свой характер, если большинство ее жителей будут составлять другие нации, поэтому сверх меры на большевиков не давили»[35].

18 марта 1921 г. правительства РСФСР и УССР подписали с правительством Польши мирный договор. В преамбуле документа отмечалось, что делегация РСФСР подписывает его и от имени БССР, а в ст. 23 указывалось, что все права и обязательства, зафиксированные в договоре, распространяются на Беларусь и ее граждан.

Что касается разграничения Польской республики и БССР, то в соответствии с мирным договором граница между Польшей и БССР проходила всего в нескольких десятках километров на запад от Минска. Белорусские районы Виленской, Гродненской и Минской губерний площадью 113.000 кв. км с населением свыше 4 млн человек включались в состав польского государства[36].

Из Виленской губернии польскими признавались уезды Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский, часть Свентянского и Виленского. Из Гродненской губернии – уезды Брестский, Белостокский, Пружанский, Слонимский и Сокольский. Из Минской губернии к Польше отошли Новогрудский и Пинский уезды, 43% территории Слуцкого, 28% Мозырского, 32% Минского и 7% Борисовского[37].

К Польше отходили исконно белорусские этнические территории, которыми правительство советской России сознательно жертвовало ради интересов российской и мировой революций. Нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин так объяснял в 1920 г. раздел белорусских земель: «... мы отдали чисто белорусские местности Польше. Это все связано с тем, что верховным принципом является самосохранение Советской республики как цитадели революции»[38]. В. Кнорин в одной из своих статей в «Звезде» от 21 октября 1920 г. также отмечал: «Мы должны идти на этот мир, который необходим для победы революции, для всей большой Советской Российской Федерации. Для интересов всей большой всемирной революции мы готовы пожертвовать своими местными маленькими интересами».

Впрочем, в ЦК РКП(б) были уверены, что такая ситуация изменится очень скоро. Тот же Г. Чичерин заявлял что Рижский мир «принимается в полном ожидании, что когда польские рабочие освободят себя – этого ждать недолго, то они освободят крестьян Белоруссии»[39]. Более того, руководство компартии считало, что «чем больше белорусских крестьян будет в Польше, тем сильнейшими будут силы революции»[40]. Однако ожидания большевиков на быструю всемирную революцию не оправдались, и до 1939 г. Западная Беларусь оставалась в составе Польши.

Несправедливый характер мирного договора был очевиден для всего мирового сообщества. Не случайно Совет Антанты в течение

двух лет отказывался официально признать восточную границу Польши. Как показало дальнейшее развитие событий, по крайней мере одно из предсказаний лидеров БНР сбылось в полной мере: Рижский мирный договор, разделивший территорию Беларуси, стал фактором нестабильности в Восточной Европе[41]. И спустя почти двадцать лет он дал о себе знать. Тем не менее договор достаточно легко получил одобрение законодательных органов заинтересованных стран. 14 апреля 1921 г. Президиум Всероссийского ЦИК единогласно ратифицировал Рижский мирный договор. 17 апреля его примеру последовал ЦИК Украинской ССР. 16 апреля на основе данных сеймом Польской республики полномочий договор подписал Ю. Пилсудский. 30 апреля 1921 г. стороны обменялись в Минске ратификационными грамотами.

Сразу же после подписания Рижского мирного договора встал вопрос о демаркации новой советско-польской границы. Еще в конце февраля 1921 г. делегации РСФСР, УССР и Польши подписали протокол о создании смешанной Пограничной комиссии для проведения границы на местности и установки пограничных знаков[42].

Следует отметить, что, несмотря на большую важность, которую традиционно имеет проблема демаркации границы для стабильного развития любого государства, деятельность советско-польской Пограничной комиссии растянулась на неоправданно длительный срок – почти на два года. Работа комиссии проходила с большими затяжками, возникавшими в основном по вине польской стороны. Российско-украинская делегация была готова приступить к проведению демаркации уже в апреле 1921 г. Однако, прибыв в Минск, советские специалисты вынуждены были около полумесяца «бездельничать», ожидая приезда поляков. Наконец, 2 мая 1921 г. смешанная комиссия приступила к работе. Но опять-таки без особого успеха. До конца июля польская сторона фактически саботировала деятельность комиссии. Уже 15 мая поляки потребовали перерыва. Пообещав вернуться в первых числах июня, представители польской стороны появились в Минске только в конце месяца.

Столь же медленно проходила совместная работа советской и польской подкомиссий на местах. Например, на Полоцко-Вилейском участке пограничные работы сравнительно гладко прошли лишь вдоль Западной Двины, всего на протяжении около 100 верст. Подойдя же к местечку Ореховно, польская делегация вновь потребовала отодвинуть границу к востоку, примерно на 5–6 верст, мотивируя это необходимостью расширить клин у деревни Ореховно в сторону России.

На Минско-Несвижском участке сложилась еще более сложная ситуация. Обсуждение линии границы на Минско-Несвижском участке заняло более двух месяцев, при этом польская делегация потребовала отодвинуть границу на восток в некоторых местах на 1–2, а то и 30 км. Несмотря на то, что в некоторых местах (возле деревни

Лепени, а также от Ракова до Волмы) советская и польская подкомиссии смогли прийти к согласию и подписали протоколы, польская комиссия на заседании 1 сентября 1921 г. аннулировала всю работу своей подкомиссии и приказала ей пересмотреть линию советско-польской границы. Польская делегация потребовала: отодвинуть границу у местечка Раков на одну версту, передать Польше белорусские деревни Поликшты и Жуки, которые по Рижскому мирному договору находились в спорной полосе, и далее, на участке Раков – Волма, отодвинуть границу к востоку на полкилометра, хотя по мирному договору эта граница должна была пройти вдоль самой дороги и проведение ее на полкилометра на восток отрезало от белорусских деревень ряд угодий.

На Полесском участке польская делегация предложила провести границу не по реке Случь, а по системе каналов реки Утваха, примерно в 20 верстах к востоку от закрепленной в Рижском мирном договоре границы[43].

Еще одной формой затягивания процесса демаркации границы, избранной польской стороной, являлась поддержка акций протеста местного населения, выступавшего против новой советско-польской границы. Обычно использовалось недовольство жителей приграничных населенных пунктов, чьи сельскохозяйственные угодья в соответствии с Рижским мирным договором оставались на советской стороне. Имели место случаи, когда польские подкомиссии отказывались устанавливать на местности границу, уже утвержденную советско-польской Пограничной комиссией. Заявляя о своем несогласии, члены подкомиссий подталкивали местных крестьян к противодействию пограничным работам. Затем все это объяснялось, как свободное волеизъявление местного населения[44].

С другой стороны, польские власти жестко пресекали попытки населения ряда приграничных пунктов поставить вопрос о присоединении их к Советской России. Так, в июне – июле 1921 г. жители трех деревень Несвижского уезда (Солтаковщизна, Грибовщизна и Лисуны) обратились к советскому правительству с просьбой включить эти деревни в состав России. Польская сторона объяснила это ходатайство недовольством населения приговорами польских судов по делам о самовольной порубке леса и увозу сена с помещицких лугов, а также агитацией, ведущейся советскими агентами. Один из агитаторов, как это следует из рапорта начальника штаба 2-й армии, был арестован и передан представительству дефензивы в Барановичах. Поиск остальных инициаторов присоединения к советской России продолжался[45].

Все эти инциденты оказывали негативное влияние на ход работы советско-польской смешанной Пограничной комисии, существенно тормозили демаркацию границы. По состоянию на 15 декабря 1921 г. работы в пограничной полосе находились в следующем состоянии: пограничные столбы установлены лишь на протяжении 250

верст; юридически обоснована, но не застолблена линия в 102 версты; собраны материалы, но юридически не утверждена линия в 186 верст и не разведано еще 50 верст сухопутной границы и 132 версты по реке Збруч (бывшей государственной границы России с Австрией). Таким образом, почти половина всей линии советско-польской государственной границы, несмотря на наличие всех необходимых материалов, не получила даже юридического разрешения[46].

Польская сторона игнорировала ноты и обвинения Народного комиссариата иностранных дел РСФСР. Затягивание же демаркационных работ польская делегация смешанной Пограничной комиссии объясняла сложной обстановкой в приграничных районах – концентрацией антибольшевистских повстанческих отрядов, стычками между этими отрядами и частями Красной Армии. Положение было настолько опасным, что председатель польской делегации Л. Василевский в письме в Восточный отдел МИД Польши просил разрешения временно прекратить установку столбов на полесском участке, а также требовал от центральных правительственных инстанций вмешательства и исправления ситуации[47].

Частично соглашаясь с подобными доводами польской делегации, следует все же сказать, что даже в тех случаях, когда результативность работы целиком зависела от польской стороны, в деятельности Пограничной комиссии возникали ничем не оправданные сложности и препятствия. В этом смысле весьма показателен следующий пример. 10 января 1922 г. советская делегация должна была переехать для продолжения работы на польскую территорию в Ровно. Между тем по донесению уполномоченного делегации, находившегося в этом городе, по состоянию на 6 января помещение для советских специалистов не только не было приготовлено, но польские власти не получили даже никаких указаний по приведению в порядок совершенно необорудованного и для жилья непригодного помещения. Это опять должно было привести к оттяжке работ, хотя переезд в Ровно был предварительно в деталях согласован с польской делегацией.

В ноте НКИД РСФСР от 6 января 1922 г. Поверенному в Делах Польши в РСФСР Стефанскому советское правительство указывало на тот факт, что проволочка в работе смешанной Пограничной комиссии приводила к излишним материальным затратам, болезненным образом отражалась на хозяйственной жизни местного населения, являлась серьезным препятствием к установлению нормальных экономических и торговых отношений между советскими республиками и Польшей[48]. Еще раньше, в ноте от 31 октября 1921 г., НКИД предупреждал польское руководство о том, что возникающие из-за перерывов в работе Пограничной комиссии «громадные материальные убытки» будут отнесены на счет Польского правительства[49].

Следует отметить, что представители Беларуси в решении принципиальных вопросов, связанных с демаркацией белорусско-

польской границы, участия не принимали. Белорусские органы и организации, если и привлекались к данным работам, то лишь для выполнения задач по материально-техническому обеспечению деятельности смешанной Пограничной комиссии. Причем белорусская сторона стремилась создать максимально благоприятные условия для быстрейшего завершения демаркации. Так, Совнарком БССР отдал распоряжения наркомату труда и управлению топлива республики оказывать комиссии всевозможную помощь. Такие же указания получили волостные исполкомы Борисовского, Минского и Слуцкого уездов[50].

В 1922 г. советско-польские отношения несколько нормализовались, в связи с чем активизировалась и деятельность смешанной советско-польской Пограничной комиссии. Тем не менее только в конце ноября 1922 г. было завершено проведение границы на местности. Как сообщала польская печать, переданная на 13 заседаниях линия границы между Польшей и советскими республиками – Россией, Беларусью и Украиной – равнялась 1412,2 км и была снабжена 2281 столбом с государственными гербами. Оставалось выработать пограничный аппарат, который необходимо было представить польскому правительству и представителям правительств советских республик, и завершить технико-измерительные работы на остолбленной уже границе[51]. Данная работа в пограничных комиссиях продолжалась до августа 1924 г.[52]

Подводя итог событиям, связанным с повторным провозглашением Белорусской советской республики, а также завершением польско-советской войны и заключением Рижского мирного договора, следует отметить, что в 1920–1921 гг. внешнеполитический фактор оказывал определяющее влияние на процесс государственного и территориального строительства Беларуси.

В рассматриваемый период Беларусь в значительной степени являлась субъектом исторических процессов, ареной столкновения интересов более сильных соседних государств – РСФСР и Польши, каждая из которых стремилась включить Беларусь в сферу своего влияния. Возможности Беларуси для оказания противодействия данным стремлениям были весьма и весьма ограниченными.

Объективно, с точки зрения ценностей белорусской государственности, победа советской России и, следовательно, вовлечение в сферу интересов РСФСР были для Беларуси более благоприятным вариантом развития событий, нежели включение ее в состав Польши. В рассматриваемых обстоятельствах шанс на создание собственной государственности у белорусского народа был только при условии формирования этой государственности на советской основе. И повторное провозглашение Белорусской советской республики летом 1920 г. это подтвердило.

Тем не менее, учитывая соображения, из которых исходило руководство РКП(б), принимая решение о восстановлении БССР, пер-

спективы белорусской государственности в 1920–1921 гг. выглядели довольно туманными и неопределенными. При повторном провозглашении Белорусской республики для правительства РСФСР был особенно важен внешнеполитический эффект данного акта – накануне вступления Красной Армии на территорию Польши было необходимо продемонстрировать польскому населению гуманизм советской национальной политики. Несмотря на то, что за создание Белорусской республики летом 1920 г. выступала лишь небольшая группа коммунистов – белорусов по национальности, БССР была повторно провозглашена, поскольку это отвечало интересам мировой революции. Однако в такой зависимости белорусского вопроса от целей и задач мировой революции таилась и большая опасность – при изменении внешнеполитической конъюнктуры позиция большевистского руководства могла измениться, а белорусские национальные интересы отойти на другой план, особенно если они вступали в противоречие с интересами мировой революции.

О том, что все вышеизложенное имело место, лучше всего свидетельствует разрешение самого главного вопроса, возникающего при формировании любой национальной государственности – вопроса о территории Белорусской республики. БССР, хоть и была восстановлена летом 1920 г., однако в ограниченных размерах. Принимая во внимание, сколь долго Белорусской республике пришлось потом существовать в таком территориально усеченном состоянии, можно заключить, что ограниченная в размерах советская Белоруссия – это не только результат неразберихи и поспешности, характерных для военного времени, но и отражение более глубокой, скрытой линии в советской национальной политике, о чем более подробно пойдет речь в отдельной главе.

Отмеченное выше отношение большевиков к белорусским национальным интересам еще раньше, до повторного провозглашения БССР, проявилось при подписании советско-литовского мирного договора, когда, исходя из военно-стратегических и пропагандистских соображений, в состав буржуазной Литвы были переданы город Вильно и значительные белорусские территории. Руководство РКП(б) знало, что Литве отходят белорусские территории, на которое литовское государство не имеет абсолютно никаких прав, тем не менее практически все литовские территориальные претензии были удовлетворены.

Влияние внешнеполитического фактора проявилось и во время заключения в марте 1921 г. Рижского мирного договора, ставшего своеобразным компромиссом между Польшей и Советской Россией, не сумевших реализовать свои амбициозные планы. Кроме заинтересованности в скорейшем установлении мира свою роль в решении ЦК РКП(б) пожертвовать белорусскими землями сыграли популярные среди советского руководства идеи всемирной революции. Именно с ее осуществлением связывалось окончательное разреше-

ние всех национальных вопросов, а оставленные в составе Польши белорусские земли рассматривались в качестве революционизирующего фактора, который должен был ускорить назревание революционной ситуации. В соответствии с известным марксистским принципом белорусский территориальный вопрос в рассматриваемый период подчинялся другому, более важному с точки зрения большевиков, вопросу сохранения советской власти и завоеваний социалистической революции. Основанный на данных исходных установках Рижский мирный договор на долгие годы стал фактором нестабильности в системе международных отношений Восточной Европы.

Примечания

1 Eidintas A., Zalys Y. Lithuania in European politics. The years of the first republic, 1918–1940. P. 67.

2 НА РБ. Ф. 325, оп 1, д. 97, лл. 8–11.

3 Навицкас К. Литва и Антанта (1918–1920 гг.). Вильнюс: Минтис, 1970. С. 124.

4 Біч М.В. Фарміраванне беларускай нацыі // Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. С. 329–332.

5 Зубачевский В. А. Советская политика на северо-востоке Центральной Европы в начале 1920-х годов // Отечеств. история. 2004. № 3. С. 117.

6 Грыцкевіч А. Беларуска-літоўскія дачыненні: 1918–1922 гг. // Спадчына 1994. № 5. С. 61; Ласоўскі П. Беларуская карта ў якасці літоўскага козыра 1918–1924 гг. // Беларус. мінуўшчына. 1994. № 4. С. 3–6.

7 Зубачевский В. А. Советская политика на северо-востоке Центральной Европы в начале 1920-х годов // Отечеств. история. 2004. № 3. С. 117.

8 Польско-советская война. 1919–1920: ранее не опубл. док. и материалы: в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики и др.; подгот.: И.И. Костюшко и др. М., 1994. Ч. 1. С. 141.

9 Грыцкевіч А. Беларуска-літоўскія дачыненні: 1918–1922 гг. // Спадчына 1994. № 5. С. 61.

10 Добавления к мирному договору между Россией и Литвой // Документы внешней политики СССР: в 22 т. М., 1959–1992. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. 1959. С. 41–42.

11 Зубачевский В. А. Советская политика на северо-востоке Центральной Европы в начале 1920-х годов // Отечеств. история. 2004. № 3. С. 117.

12 Коминтерн и идея мировой революции: документы / сост. и авт. коммент.: Я.С. Драбкин и др. М.: Наука, 1998. С. 187.

13 Мирный договор между Россией и Латвией, 11 августа 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 101–116.

14 Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. С. 203.

15 Тернистый путь к свободе... // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. С. 183.

16 Там же. С. 180.

17 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы. Мн., 2005. С. 204–231.

18 НА РБ. Фонд 4, оп. 1, д. 112, л. 51.

[19] Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии // Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг. С. 416–418.

[20] Бюлетэнь Загранічнай групы Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў. 1926. № 3/4. С. 24.

[21] НА РБ. Ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 81а.

[22] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 319–320.

[23] Ціхаміраў А. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёс Беларусі // Назаўсёды разам. С. 19–33.

[24] Зуев Ф. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. С. 218.

[25] Ладысеў У., Брыгадзін П. Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці Канец нацыянальнага рамантызму // Беларус. гіст. часоп. 1997. № 1. С. 49.

[26] Шумейко М. В Риге 70 лет тому назад: письма А.Г. Червякова о советско-польских переговорах // Коммунист Белоруссии. 1991. № 9. С. 18.

[27] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 452, л. 125.

[28] Тихомиров А. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 3. С. 46–55.

[29] Шумейко М. В Риге 70 лет тому назад: письма А.Г. Червякова о советско-польских переговорах // Коммунист Белоруссии. 1991. № 9. С. 18.

[30] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 328.

[31] Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. С. 119.

[32] Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1994. С. 228.

[33] НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 110, л. 15.

[34] НА РБ. Ф. 60, оп. 3, д. 452, л. 127–130.

[35] Тихомиров А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920 – начале 1921 г. // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 2. С. 49–61.

[36] Сільчынка М.У., Басюк І.А. Беларусь у складзе СССР // Сільчынка М.У., Басюк І.А. Асноўныя этапы беларускай дзяржаўнасці: навуч. дапам. / Гродзен. дзярж. ун-т. Гродна, 1995. С. 78.

[37] Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 43.

[38] Ліпецкі Э.А. Адносіны палітычнай эміграцыі ў 20–30-я гады да беларускай дзяржаўнасці // Беларусь: гістарычны лёс народа і культуры: тэмат зб.: Беларусістыка: матэрыялы навук. сес., 16–17 лістап. 1994 г. / Акад. навук Беларусі, Аддз. навук. інфармацыі па гуманітар. навуках; адк. за вып.: Л.М. Марчанка, Г.М. Зенава. Мінск, 1995. С. 172.

[39] Стенограмма заседания 2-й Чрезвычайной Сессии ВЦИК Советов по вопросу ратификации договора о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей // Польско-советская война. Ч. 2. С. 106–107.

[40] Лазько Р.Р. Заходняя Беларусь як поле барацьбы паміж СССР і Польшчай у міжваенныя гады // Беларусь: гістарычны лёс народа і культуры. С. 179.

[41] Ладысеў У.Ф. Праблема тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі ў святле палітыкі бельведэрскага лагера ў 1920-я гады: рамантызм і рэаліі // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. С. 32.

[42] Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918–март 1921 г.). М.: Наука, 1969. С. 196.

[43] Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 336–337.

[44] Там же. С. 463–464.

[45] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 42.

[46] Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 44–45.

[47] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 101–102.

[48] Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 46–47.

[49] Там же. Т. 4. С. 463–464.

[50] НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 49–53, 56–57.

[51] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. С. 192.

[52] Мельтюхов М. И. Положение на границах с Польшей и Румынией и планы Красной Армии (1921–1922 гг.) // Отечеств. история. 2005. № 1. С. 134.

3.4. Деятельность правительства Белорусской ССР по разрешению территориального вопроса на этапе перехода от войны к миру (1920–1921 гг.)

Объявленная во второй раз 31 июля 1920 г. Социалистическая Советская Республика Белоруссия сразу же оказалась в сложном положении. Главные проблемы были связаны со страшной экономической разрухой – за годы империалистической и гражданской войн, продолжительных иностранных интервенций хозяйство страны пришло в полный упадок. Как констатировал в одном из своих выступлений председатель ЦИК БССР А. Червяков, «разрушение сельского хозяйства и промышленности дошло до крайности»[1]. Из 715 промышленных предприятий, которые были на территории Беларуси до Первой мировой войны, осталось только 235, а валовая продукция крупной промышленности БССР в 1921 г. составляла всего 21% от довоенного уровня[2]. Восстановление экономики приходилось начинать в обстоятельствах острого топливного и транспортного кризиса, тяжелого материального положения населения, сложных проблем в области образования и культуры. Не хватало квалифицированных специалистов. Работники советских и партийных органов, которые в своем большинстве присылались из центра, не знали специфики работы в Беларуси.

Положение осложнялось также тем, что значительная часть белорусских земель находилась за пределами БССР. В 1920 г. территория Белорусской советской республики охватывала только 6 неполных уездов бывшей Минской губернии (Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский, часть Минского и Слуцкого) и составляла 52,4 тыс. кв. км с населением 1540868 человек[3]. Отрыв

центральной Беларуси от восточных и западных районов, с которыми традиционно сложились тесные экономические и культурные связи, отрицательно влиял на все стороны общественной жизни. Нарушалось взаимодействие между различными ветвями производства, затормаживался процесс восстановления хозяйства, возникали многочисленные препятствия на пути возрождения национальной культуры и языка.

Для руководства БССР было очевидным, что полноценное развитие белорусской нации в таких условиях невозможно. Более того, ограниченный территориальный состав, миниатюрные (по другому не скажешь) размеры республики ставили под сомнение ее статус как полноценного государственного образования. Не случайно некоторые члены ЦБ КП(б)Б не рассматривали БССР в качестве самостоятельного государственного образования. В. Кнорин в этой связи в октябре 1920 г. выражал надежду: «Белоруссия определилась как Советская республика, входящая в Российскую Федерацию, и таковой она будет»[4]. Действительно, трудно было поверить, что при таком территориальном составе БССР сможет долго сохранять статус самостоятельной республики. Сохранить республику можно было только в том случае, если бы она включила в свой состав хотя бы те белорусские этнические территории, которые находились на советской стороне.

Первая попытка поставить белорусский территориальный вопрос на повестку дня была сделана Центральным Бюро компартии БССР в довольно сложных политических и экономических условиях, почти сразу же после провозглашения республики. В начале ноября 1920 г. для согласования политической линии в сфере партийного и советского строительства в Москву приезжал секретарь ЦБ КП(б)Б В. Кнорин. Среди вопросов, которые он должен был обсудить в ЦК РКП(б), был и вопрос о границах Белорусской республики. Руководство БССР считало, что в связи с подписанием в октябре 1920 г. между Советской Россией и Польшей договора о перемирии и прелиминарных условиях мира и сокращением размеров республики до шести неполных уездов Минской губернии существовала насущная необходимость в возвращении восточнобелорусских территорий, которые с февраля 1919 г. входили в состав РСФСР. Однако в Москве на проблему белорусских территорий смотрели по-другому. Член ЦК РКП(б) и руководитель одного из его отделов Н. Крестинский в разговоре с секретарем ЦБ КП(б)Б отметил, что у России с Польшей пока существует только перемирие, и именно из этого следует исходить при решении всех вопросов государственного строительства. Что касается непосредственно возвращения восточных белорусских губерний, то собеседник В. Кнорина открыто заявил, что «нет смысла и не может быть никакого разговора о присоединении к Белоруссии территорий, которые срослись с РСФСР». В ответ на такую позицию В. Кнорин потребовал

рассмотрения вопроса на заседани ЦК и Политбюро ЦК РКП(б)[5]. В результате ЦБ КП(б)Б было предложено обсудить вопрос о желаемой восточной границе БССР и сообщить ЦК РКП(б) как принятое решение, так и все существующие мнения по этой проблеме.

Таким образом, у руководства БССР появилась возможность высказать свою позицию и попробовать добиться возвращения восточнобелорусских губерний. Реализация предложений ЦБ КП(б)Б содействовала бы консолидации белорусского общества, позволила бы повысить международный авторитет советской Беларуси и, возможно, повлиять на ход переговоров в Риге. Однако во время обсуждения вопроса, которое имело место на заседании ЦБ КП(б)Б 8 ноября 1920 г., партийные власти республики коренным образом пересмотрели свои прежние взгляды, признав расширение БССР преждевременным в данных внешнеполитических условиях.

Протокол заседания позволяет нам только в общих чертах восстановить соображения, которыми руководствовались члены Центрального Бюро, принимая такое решение. Начал беседу секретарь ЦБ КП(б)Б В. Кнорин, отметивший, что территориальная проблема имеет две стороны: границы республики вообще, независимо от времени, и вопрос о территориях в связи с конкретным политическим моментом. Далее эту мысль уточнил и развил А. Червяков. Председатель ЦИК БССР предложил по причине неблагоприятных обстоятельств временно воздержаться от разрешения данного вопроса. Свою позицию он мотивировал тем, что акт присоединения восточных белорусских губерний к БССР встретит сопротивление со стороны местных партийных организаций и населения, которое привыкло к жизни в РСФСР, что прежде всего надо лучше изучить

Алибегов И.Я., председатель Минского комитета РСДРП(б). 1917 г.

экономические и другие особенности края, а уже только потом ставить вопрос об укрупнении БССР. Но главным его доводом была мысль о том, что «расширенная самостоятельная Белорусская республика увеличит аппетит у балаховичей» и буржуазной Польши. Как свидетельствует запись беседы, остальные члены ЦБ КП(б)Б предложение А. Червякова поддержали. При этом нарком по военным делам И. Адамович отметил, что вопрос о расширении Беларуси следует ставить только в плане присоединения к БССР областей, оккупированных Польшей, не затрагивая восточнобелорусских территорий[6].

Таким образом, в связи именно с неблагоприятной политической ситуацией партийное руководство БССР в конце 1920 г. посчитало вопрос о территории республики несвоевременным. Решение ЦБ КП(б)Б совпало с позицией центральных российских органов. Против возвращения в состав БССР белорусских территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний выступили руководство Западного фронта и наркомат иностранных дел РСФСР. Высказывая свои суждения по вопросу о границах, член Реввоенсовета Западного фронта И. Уншлихт объяснял нецелесообразность расширения БССР неблагоприятной военно-политической ситуацией[7]. Даже саму постановку вопроса И. Уншлихт считал свидетельством политической ненадежности руководства республики. Предупреждая об этом ЦК РКП(б), он сообщал, что «после возвращения председателя Белорусского ревкома т. Червякова из Риги в нем замечается некоторый уклон в сторону национализма, что проявляется как в его общеполитической, так и в повседневной работе»[8]. Таким образом, даже для ответственных партийных и советских работников республики постановка территориального вопроса в то время была делом небезопасным, поскольку существовала реальная угроза быть обвиненным в буржуазном национализме или контрреволюционной деятельности.

Мнение И. Уншлихта о преждевременности пересмотра границ Белорусской республики разделял и нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин. В своем докладе в ЦК РКП(б) он писал: «Коллегия Народного Комиссариата иностранных дел считает нежелательным присоединение к БССР каких-либо частей Витебской или Могилевской губерний. Мы еще не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Белоруссии и увеличить заранее ту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы весьма неосторожно»[9].

Действительно, заключение в октябре 1920 г. советско-польского прелиминарного мирного договора лишь частично уменьшило напряженность в отношениях между двумя странами. Руководство Польши по-прежнему не покидало надежды расширить свое влияние на белорусские земли и в связи с этим проводило соответствующую политику. Даже во время переговоров в Риге оно активно

помогало генералу Балаховичу в подготовке новой армии, главной задачей которой было установление в Беларуси пропольского режима. Позже, в 1921 г., на территорию республики засылались партизанские отряды, действия которых представляли серьезную угрозу для БССР. Только за зимний период, когда активность военных действий традиционно становилась меньшей, они совершили около 40 нападений, а к началу июня 1921 г. в отрядах, которые действовали на территории Беларуси, насчитывалось до 3500 человек. Как отмечалось штабом войск Минского района, борьба с антисоветским движением не приносила заметных результатов. Только в конце 1921 г., с наступлением зимних холодов, количество отрядов уменьшилось до 14 – остальные отошли в Польшу. При этом общее количество солдат в отрядах, сгруппированных вдоль советско-польской границы, определялось в 2612 человек[10].

Позже, в середине 1920-х гг. правительство БССР, объясняя причины задержки с возвращением восточных территорий, нередко ссылалось на факторы экономического характера. Выступая в 1923 г. на II сессии ЦИК БССР IV созыва, председатель ЦИК БССР А. Червяков говорил об отсутствии необходимой экономической базы, при которой руководство БССР могло бы проводить все необходимые мероприятия, связанные с расширением территории республики. В своем заключительном слове он отмечал: «Мы сознательно в 1920 г. сняли с повестки дня... обсуждение вопроса об объединении с соседними с нами территориями. Это произошло потому, что мы, чрезвычайно опустошенные, обедневшие, не могли бы реализовать те решения, которые могли бы быть приняты в результате постановки этого вопроса»[11]. Еще в одном своем выступлении А.Червяков отмечал, что «до 1924 г. Советская Белоруссия, несмотря на предложения со стороны правительства РСФСР», не могла включить в свой состав соседние белорусские районы, так как надо было раньше хоть немного встать на ноги после войны»[12].

Безусловно, тяжелое экономическое положение создавало серьезные препятствия для государственного строительства республики, осложняло проведение решений, которые принимались ЦБ КП(б)Б. С другой же стороны, именно по причине того, что территория БССР была меньше средней российской губернии, белорусский народ не имел необходимых условий для дальнейшего хозяйственного, культурного и национального развития. Руководство БССР это видело и не раз в своих обращениях в ЦК РКП(б) подчеркивало экономическую целесообразность объединения всех белорусских земель. Но в официальных выступлениях оно по разным причинам, прежде всего политическим, было вынуждено ссылаться только на экономические препятствия, которые стояли на пути расширения БССР. Высказывания же партийных лидеров на закрытых совещаниях и протоколы заседаний ЦБ КП(б)Б убедительно свидетельствуют о том, что в 1920 г. именно внешнеполитический фак-

тор был доминирующим при разрешении вопроса о территории БССР.

Решение ЦБ КП(б)Б по территориальному вопросу, принятое на заседании 8 ноября 1920 г., позже было рассмотрено на заседании политбюро ЦК РКП(б). С докладом о положении в Беларуси и ее границах на заседание вызывались А. Червяков и В. Кнорин. Резолюция ЦБ КП(б)Б «была признана правильной, и вопрос о расширении территории было решено считать преждевременным». Существовало также мнение, «что при изменении ситуации вопрос должен быть пересмотрен»[13]. Так что впереди у руководства БССР были еще несколько лет настойчивой и напряженной работы по территориальному вопросу. Однако уже в 1920 г. проявились все характерные особенности процесса возвращения восточнобелорусских территорий. Во-первых, надо отметить, что решение относительно территории БССР принималось в партийном порядке и в атмосфере секретности. Даже рядовые члены КП(б)Б, не говоря уже о представителях иных политических партий и общественных организаций, были лишены возможности участвовать в обсуждении вопроса. В это же время руководство БССР увидело, с какой реакцией губернских властей оно может столкнуться в будущем, ставя вопрос о возвращении восточнобелорусских территорий. В конце 1920 г. делегаты Бобрского волостного съезда Витебской губернии по собственной инициативе выступили с ходатайством перед государственными органами РСФСР и БССР о включении волости в состав Борисовского уезда Минской губернии. С таким же ходатайством летом 1921 г. обратилось к правительству БССР население Крупской волости Витебской губернии. Главным аргументом присоединения данных волостей к Белорусской республике называлось их неудобное административное положение – отдаленность от уездного центра.

Реакция губернских властей на инициативу населения весьма показательна. Категорически против присоединения Бобрской волости к БССР выступили власти Сенненского уезда, в состав которого входила область. Свою позицию они мотивировали тем, что волость является крупным промышленным центром и присоединение ее к БССР ухудшит экономические положение уезда. Административная комиссия Витебского губисполкома в принципе соглашалась с передачей волости в состав БССР, однако в качестве компромиссного решения предлагала некоторые промышленные предприятия Бобрской волости перенести в другие районы Витебской губернии. На то обстоятельство, что население волости является белорусским и материальные богатства созданы его руками, внимания не обращалось[14].

В целом следует отметить, что власти Гомельской, Витебской и Смоленской губерний игнорировали национально-культурные нужды белорусского населения, часто отрицая его белорусский харак-

тер. Так, председатель Гомельского губернского исполнительного комитета Пестун считал, что национальные секции в губернии не нужны, поскольку «белорусов у нас нет – их выдумали интеллигенты». Соответственно и губернский отдел по делам национальностей существовал лишь на бумаге: в нем функционировала лишь одна еврейская секция, работа с белорусским населением не проводилась. В Витебске ситуация была примерно такой же. Здесь губернский отдел по делам национальностей не функционировал весь 1920 г. В 1921 г. были созданы два подотдела – еврейский и латвийский. Проведение культурно-просветительской работы среди белорусского населения руководство Витебской губернии считало делом ненужным[15].

В начале 1920-х гг. существование Белорусской республики в ограниченном территориальном составе вызывало не только серьезное беспокойство среди деятелей национально-освободительного движения, но и служило источником недоразумений внутри самой партии. Не все члены КП(б)Б разделяли мысль партийного руководства о преждевременности расширения территории БССР. Наиболее очевидно это проявилось в факте написания группой ответственных партийных и советских работников БССР «Докладной записки» в ЦК РКП(б).

В конце 1920 – начале 1921 гг. в Наркомате просвещения БССР регулярно проводились сходы коммунистов-белорусов, на которых они активно обсуждали экономические и политические проблемы республики, пробовали выработать программу государственного строительства. Однако руководство БССР, по мнению участников сходов, игнорировало вопросы национально-культурного развития, а попытки реализовать принятые решения или хотя бы поставить их на широкое обсуждение встречали запрет со стороны высших партийных органов. Поэтому на одном из своих заседаний белорусские коммунисты решили направить в ЦК РКП(б) доклад с критикой ошибочной национальной политики, которая проводилась партийным руководством республики.

Автором «Докладной записки в ЦК РКП(б)» стал известный белорусский деятель А. Бурбис, который в то время работал в Комиссариате земледелия. У А. Бурбиса имелся богатый революционный опыт, и несмотря на то, что он не был членом компартии, но пользовался большим авторитетом как у национальной интеллигенции, так и среди белорусских партийцев. Не случайно именно к нему обратилась группа коммунистов с предложением подготовить доклад к руководству РКП(б). В середине января 1921 г. «Докладная записка» была готова и отвезена А. Бурбисом в Москву в секретариат В. Ленина. Одновременно еще один доклад, который подписали 32 «белоруса-коммуниста», был направлен в центральное бюро КП(б)Б[16].

Авторы обращения, не выступая против общих программных положений национальной политики компартии, высказали ряд пре-

тензий к руководству Белорусской республики и изложили свои взгляды на дальнейшее развитие БССР. Инициаторы доклада стремились тесно связать национальный вопрос с интересами всемирной революции. Подчеркивая пограничный характер белорусского государства, они предлагали создать «образцовую» советскую республику, которая могла бы стать примером и революционизирующим фактором для трудящихся Западной Белоруссии и вообще Европы. И здесь они подходили к самому важному в документе моменту – к вопросу о территории Белорусской советской республики. По тому, сколько места занимает данная проблема в докладе, можно понять, что именно территориальный вопрос коммунисты-белорусы считали наиболее насущным. С его разрешением связывали они перспективы дальнейшего развития белорусской государственности. Организацию «образцовой» республики белорусские коммунисты считали невозможной без присоединения к БССР Витебской и Гомельской губерний целиком, Мстиславского и Горецкого уездов бывшей Могилевской губернии, которые с 1919 г. входили в состав Смоленской губернии, и двух уездов собственно Смоленской губернии – Красненского и Поречского. По мнению авторов обращения, эти территории составляли «единый производственно-хозяйственный и этнографический белорусский организм», а их объединение создавало благоприятные возможности для восстановления хозяйства. Территория республики в таких размерах должна была составить более 160 тыс. кв. км.

В докладе также отмечалась необходимость ясного и открытого определения взаимоотношений Белорусской советской республики с РСФСР, мобилизации для работы в БССР белорусов-коммунистов, искусственно разбросанных по всей России, назначения на ответственные должности людей, знакомых с местной жизнью и потребностями белорусского народа. Инициаторы обращения отмечали, что только полная реализация всех перечисленных предложений может привести к созданию сильной советской республики, которая станет притягательным магнитом для трудящихся Западной Беларуси в их национально-освободительной борьбе[17].

15 февраля 1921 г. «Доклад группы коммунистов-белорусов» был рассмотрен на специальном заседании центрального бюро КП(б)Б. Помимо членов ЦБ в полном составе на нем присутствовали члены контрольной и ревизионной комиссий, а также почти все из тех, кто подписал этот документ.

Мнение членов ЦБ КП(б)Б в том, как реагировать на обращение коммунистов-белорусов разделились. У некоторых из них поступок группы белорусских коммунистов вызвал резко отрицательную реакцию. В частности, секретарь бюро В. Кнорин оценил обращение как «провокацию» и потребовал строго разобраться с теми, кто его подписал. Только заступничество А. Червякова и А. Славинского, которые квалифицировали доклад как случайную, необдуманную

ошибку, позволило авторам записки избежать серьезного наказания. ЦБ КП(б)Б, обдумав доклад, признало его не выдержанным в коммунистическом духе[18].

ЦК РКП(б) вообще оставил обращение без ответа. Основные положения доклада не нашли и не могли найти положительный отклик в Москве, поскольку кардинально расходились с тем политическим и экономическим курсом, который в то время начинал проводиться в России и других советских республиках. С завершением гражданской войны и установлением на международной арене относительной стабильности главной для руководства советской страны становится задача восстановления разрушенного за годы лихолетий хозяйства. Теперь во внутренней политике на первое место выходили соображения экономического характера, которые начинали оказывать значительное влияние на разрешение всех остальных вопросов, в том числе на процесс государственного строительства в советских республиках.

В начале 1920-х гг. одно из главных условий преодоления экономического кризиса связывалось с проведением в стране нового административно-территориального деления, определяющим принципом которого должен был стать экономический критерий. Схема районирования, предложенная Госпланом РСФСР, предусматривала создание 12 экономических областей. Руководство экономикой каждой из них планировалось передать Высшему Совету Народного Хозяйства и Совету Труда и Обороны РСФСР. Несмотря на то, что включение национальных республик в состав областей «планировалось проводить на основе специальных соглашений, не нарушая их границ, политических прав и компетенции», на практике национальный фактор нередко игнорировался[19]. Сильный протест украинских властей вызвало, например, решение Госплана разделить УССР на две экономические области с центрами в Киеве и Харькове. Вопрос был урегулирован только после вмешательства ЦК РКП(б)[20].

Что касается небольших государственных единиц, таких как Беларусь, то они должны были войти в состав областей в качестве самоуправляющихся национальных округов. В соответствии с планом Госплана РСФСР, в результате объединения советской Беларуси, Смоленской, Витебской, Гомельской, отдельных уездов Брянской, Псковской и Калужской губерний планировалось создание Западной области с административным центром в Смоленске[21]. Очевидно, что реализация этого проекта приводила к включению Белорусской республики в состав РСФСР на правах национально-культурной автономии.

Узнав о проекте районирования Госплана РСФСР, руководство БССР достаточно реально и серьезно оценило возникшую опасность[22]. В ответ на эту инициативу белорусское правительство предложило свой проект организации Западной области, реализация

которого позволяла не только сохранить республику, но и добиться объединения белорусских земель. По плану ЦБ КП(б)Б, в состав области с центром в Минске должны были войти губернии Витебская, Гомельская, Смоленская и шесть уездов Минской губернии[23]. О том, что для белорусского правительства главными были не столько экономические задачи, сколько цели сохранения республики и возвращения восточнобелорусских территорий, свидетельствует высказывание В. Игнатовского, непосредственного участника описываемых событий, который характеризовал действия ЦБ КП(б)Б по организации Западной области как «первые шаги на пути к созданию расширенной Белоруссии»[24].

Летом 1921 г. проект формирования Западной области довольно часто рассматривался на совместных заседаниях Экономических советов БССР и соседних губерний РСФСР. Однако уже первое совещание, которое прошло в начале августа, выявило многочисленные расхождения между ее участниками относительно состава будущей Западной области и, самое главное, относительно ее политического и административного центра. Представители Смоленской губернии заявили, что их губерния тесно связана с Москвой, и потому она желала бы войти в Московское областное объединение. Если же это не получится, то они соглашались на объединение с Витебской, Гомельской и Минской губерниями только при условии, что центр области будет в Смоленске. Руководство Витебской губернии вообще высказалось против областного объединения в подобном составе и рассчитывало войти в Петроградскую промышленную область[25]. Делегация от Гомельской губернии на заседании не присутствовала. Однако и гомельские власти по отношению к предложениям белорусской стороны заняли сдержанную позицию, называя белорусский план «потугами расширить Белоруссию»[26]. Интересной является позиция Совета Труда и Обороны РСФСР, представитель которого приехал в Минск с уже готовым решением об организации области в составе Витебской, Гомельской, Брянской и Смоленской губерний. Что же касается Белорусской республики, то ей, проявляя «заботу» о потребностях национальных республик, Совет Труда и Обороны РСФСР предоставлял возможность самой выбирать: присоединяться к этой экономической единице либо существовать самостоятельно, в качестве отдельной области[27].

В ответ на стремление центральных хозяйственных органов РСФСР и губернских властей проигнорировать в процессе районирования национальный фактор руководство КП(б)Б решило послать в Москву свою делегацию, которой поручалось поставить в Совете Труда и Обороны вопрос о создании областного объединения с центром в Минске. Уточненный белорусский проект предусматривал организацию Западной области в составе БССР, Гомельской, Витебской и четырех уездов (Мстиславского, Горецкого, Красненско-

го и Поречского) Смоленской губерний[28]. Хотя территория предложенного экономического объединения почти полностью совпадала с этнографическими границами белорусских земель, национальный фактор делегация БССР не упоминала. Создание области обосновывалось общностью и сходством сельского хозяйства и промышленности губерний. Одновременно представители белорусского правительства подчеркивали важность организации области с центром в Минске с политической точки зрения[29].

В Госплане РСФСР соображения белорусской стороны были признаны важными и нашли поддержку, что, однако, никак не повлияло на позицию губернских властей. 28 октября 1921 г. в Минске прошло еще одно совещание с участием представителей от БССР, Гомельской и Витебской губерний[30]. При обсуждении вопроса о создании Западной области мнения присутствующих вновь разделились. Представители от Витебской губернии, как и раньше, считали такое объединение нецелесообразным, а делегация Гомельской губернии и белорусская сторона высказывались за организацию области по плану БССР. Поскольку участники совещания так и не смогли найти приемлемое для всех решение, было решено передать вопрос для вынесения окончательного постановления на рассмотрение Совета Труда и Обороны РСФСР[31].

На этом этапе процесс создания Западной области приостановился. Ни в 1921, ни в 1922 гг. она так и не была создана. Разрешение вопроса затягивалось, и это касалось не только Западной области, но и вообще районирования всей советской страны, поскольку правительства многих национальных республик высказывали свое несогласие с подходами Госплана РСФСР[32]. Кроме того, с середины 1922 г. началось активное обсуждение принципов и условий создания союзного государства, и проблема районирования на какое-то время потеряла актуальность.

Таким образом, давая оценку деятельности руководства БССР в 1920–1921 гг. по возвращению восточнобелорусских территорий в состав республики, следует отметить, что они не принесли каких-либо результатов. Проблема объединения белорусских земель впервые была поставлена ЦБ КП(б)Б осенью 1920 г., однако по причине сложных внешнеполитических обстоятельств республиканские власти сами признали расширение территории республики преждевременным. Уже в то время сформировались основные подходы к разрешению белорусского территориального вопроса – оно ставилось и рассматривалось в партийном порядке, без широкого обсуждения в обществе и учета позиции других политических сил страны.

Замалчивание проблемы и отсутствие информации о мерах по ее разрешению вызывали несогласие даже среди членов КП(б)Б. В начале 1921 г. группа коммунистов обратилась в ЦК РКП(б) с докладом, который включал критику национальной политики, прово-

димой в БССР. Значительное место в нем занимал территориальный вопрос. Инициаторы обращения предлагали не откладывая расширить территорию БССР за счет белорусских земель, которые находились в составе РСФСР. Доклад вызвал резко отрицательную реакцию руководства КП(б)Б. Его авторы оказались под угрозой серьезного наказания. После этого вопрос о возвращении восточнобелорусских территорий ставился только партийными властями БССР.

Со стабилизацией ситуации на международной арене все большее воздействие на разрешение белорусского территориального вопроса начинали оказывать внутриполитические и экономические факторы. В 1921 г. деятельность руководства БССР по возвращению восточнобелорусских территорий была связана с проектом районирования советского государства и создания на базе белорусских земель Западной области. Однако между руководством БССР и властями Витебской, Гомельской и Смоленской губерний существовали значительные расхождения относительно размеров области, форм объединения и ее административного центра. Экономический Совет Смоленской губернии стремился создать область в виде административной единицы РСФСР с центром в Смоленске. Витебская губерния допускала только хозяйственное объединение. А власти Гомельской губернии неоднократно меняли свою позицию, временами отрицая необходимость существования области, а временами настаивая на полном объединении с созданием общих областных советских, партийных и хозяйственных органов.

Несовершенство договорной федерации и несогласие руководства национальных республик с принципами районирования, предложенными Госпланом РСФСР, вынудили ЦК РКП(б) искать новые подходы к созданию единого советского государства. В этих обстоятельствах будущее БССР и возможность объединения белорусских земель зависели от того, на каких условиях республики войдут в планируемый Союз и каким будет их статус в новом государственном образовании.

Примечания

1 Червяков А. От 2-го к 3-му съезду Советов Белоруссии // Советская Белоруссия: сборник. Минск, 1921. С. 20.

2 Итоги развития и современное состояние цензовой промышленности // Промышленность БССР: итоги и перспективы: сборник / под ред. В.К. Строковского, А.Б. Шульмана. Минск, 1928. С. 14.

3 Союз Советских Социалистических Республик // Белорусская ССР: крат. энцикл.: в 5 т. / редкол.: П.У. Бровка и др. Т. 1. С. 679.

4 Кнорин В. Мир и Белоруссия // Звезда. 1920. 21 окт.

5 З пратакола пасяджэння ЦБ КП(б)Б, на якім абмяркоўваўся даклад В.Г. Кнорына аб паездцы ў ЦК РКП(б) па справах Беларусі, 8 лістапада

1920 г. // Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у 2 т. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы; склад.: У.М. Міхнюк і інш. Мінск. 1997. Т. 1: 1917–1922 гг. С. 214.

6 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 110, л. 38–39.

7 Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. С. 207.

8 Сташкевич Н. На грани возможного // Нёман. 1989. № 10. С. 150.

9 Платонаў Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі ў 20–30-х гг. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. Мінск, 1996. С. 13.

10 НА РБ. Ф. 4. оп. 1, д. 283, л. 146.

11 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 166, т. 2, л. 29.

12 Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. С. 59.

13 НА РБ. Ф. 4683, оп. 3, д. 477, л. 39.

14 НА РБ. Ф. 34, оп. 1, д. 285, л. 19, 25.

15 НА РБ. Ф. 4683, оп. 3, д. 209, л. 20, 21.

16 Платонаў Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы. С. 16.

17 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 251, л. 2–15.

18 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 243, л. 19.

19 Тезисы, выработанные комиссией по вопросу об экономическом районировании России // Вопросы экономического районирования СССР: сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.) / под общ. ред. Г.М. Кржижановского. М., 1957. С. 102–108.

20 История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 12 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; гл. ред. совет Б.Н. Платонов (пред.) и др. М.: Наука. 1967–1980. Т. 8: Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921–1932 гг. 1967. С. 96.

21 Тезисы, выработанные комиссией по вопросу об экономическом районировании России // Вопросы экономического районирования СССР: сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.). С. 104–105.

22 Государственное устройство БССР: важнейшие этапы в развитии государственного строя БССР // Белорусская Советская Социалистическая Республика / под ред. И.А. Петровича, Г.Ф. Горина, М.И. Мороза. Минск, 1927. С. 50.

23 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 166, т. 1, л. 115.

24 Ігнатоўскі У. Камуністычная партыя Беларусі і беларускае пытанне // Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюц. руху. С. 235.

25 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 243, л. 97.

26 Чудзін-Васілеўскі Ю. Да гісторыі барацьбы за беларускую школу ў Гомельскай губерніі РСФСР (1919–1926) // Гомельшчына: старонкі мінулага: нарысы: у 2 вып. / Гомел. абл. аддз-не беларус. краязн. т-ва; пад рэд. У.М. Канавалава і інш. Гомель, 1994. Вып. 1. С. 32.

27 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 243, л. 97.

28 НА РБ. Ф. 31, оп. 1, д. 23, л. 15–22.

29 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 243, л. 114.

30 НА РБ. Ф. 15, оп.1, д. 13, л.28.

31 О деятельности Экономического Совета Белоруссии за 1921 г. // Нар. хоз-во Белоруссии. 1992. № 1. С. 62.

32 Заседание двенадцатое, 23 апреля, дневное // Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: стеногр. отчет. М., 1968. С. 468.

Глава 4

Формирование территории БССР в межвоенный период

4.1. Белорусский территориальный вопрос в русле советской национальной политики

1920–1930-е гг. являются наиболее важным периодом в процессе формирования территории Белорусской ССР. На момент подписания Рижского мира площадь Белорусской республики немного превышала 50.000 кв. км. При таком территориальном составе статус советской Беларуси был столь же неопределенным, как и перспективы белорусской государственности. Будет ли сохранена Белорусская ССР и в каком качестве, останется ли она отдельной советской республикой, как РСФСР или УССР, либо войдет в виде автономии в состав Российской Федерации, сможет ли БССР со временем включить в свои границы все белорусские этнические земли либо название «Белорусская» так и останется условным. Ответы на все эти вопросы в значительной степени зависели от того, какую модель взаимоотношений между советскими национальными республиками возьмут за основу большевики. В связи с этим прежде чем обратиться к событиям, имеющим непосредственное отношение к процессу формирования территории БССР в 1920–1930-е гг., будет целесообразно уделить внимание советской национальной политике в межвоенный период и особенно ее территориальному аспекту.

Истоки советской национальной политики 1920–1930-х гг. следует искать еще в дореволюционных взглядах большевистских лидеров на место и роль национального вопроса в историческом процессе. Следует отметить, что партия В. Ленина первой в сравнении с другими российскими социалистическими партиями включила в свою программу тезис о праве наций на самоопределение вплоть до отделения (1913), что на то время было несвойственным для социалистов шагом. Большинство российских и европейских социал-демократов ленинский лозунг не приняли и резко его критиковали. Признавая равенство всех наций и их право на свободное развитие, оппоненты В. Ленина, как только речь заходила о государственном устройстве, становились горячими последователями федерации – в большом государстве, по их мнению, у пролетариата было гораздо больше возможностей для консолидации и, следовательно, больше шансов на победу в борьбе с капитализмом. Следуя данной логике,

лозунг большевиков о праве наций на отделение ослаблял революционное движение и являлся антимарксистским.

Однако позиция В. Ленина, который лично настоял на включении данного пункта в программу партии, лишь на первый взгляд выглядела противоречиво. На самом же деле принципиальных расхождений в подходах к национальной проблеме между большевиками и другими социалистическими партиями не было. При внимательном рассмотрении можно заметить, что различия заключались лишь в тактике использования национального вопроса в борьбе с царизмом.

Призыв большевиков к сепаратизму вовсе не означал, что они желали претворения этого принципа в жизнь. Наоборот, и сам В. Ленин, и его сторонники, как и другие российские социалисты, отдавали предпочтение большому государству. Выдвигая лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, теоретики большевистской партии были уверены, что этот лозунг не будет осуществлен на практике. Лидер большевиков полагал, что уровень развития капитализма в России, общий рынок и тесные экономические связи между регионами делали невозможным отделение национальных окраин и лучше любых политических мер удерживали окраины в границах империи. В. Ленин, как прагматик и марксист, всегда считавший экономические факторы превалирующими, не допускал мысли, что угнетаемые нации и народности Российской империи смогут пожертвовать своим благосостоянием ради национальной свободы[1]. Отделение наций, если и допускалось идеологами большевиков, то лишь как временное явление. С победой пролетариата всякие основания для национальной розни и территориального обособления исчезали сами собой. «Превратив капитализм в социализм, – писал в 1916 г. В. Ленин, – пролетариат создаст возможность для полного исчезновения национального угнетения, эта возможность станет реальностью только после полной демократизации всех сфер, включая установление государственных границ в соответствии с симпатиями населения, и включая полное право на полную свободу на отделение. Это в свою очередь, приведет *на практике* (курсив наш. – *Х.С.*) к полному исчезновению национальных претензий и национального недоверия, к ускоренному движению навстречу друг другу и слиянию наций, результатом чего станет исчезновение государства[2]».

Таким образом, провозглашенный большевиками лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения по своей сути был лишь декларацией, имевшей целью морально-психологическое воздействие на пролетариат и элиту национальных регионов. В программных документах партии, рассчитанных на широкую публику, национальный вопрос, действительно, занимал важное и самостоятельное место. В переписке же со своими соратниками В. Ленин, не скрываясь, высказывал свое истинное отношение к национальной

проблеме, целиком подчиняя ее интересам классовой борьбы. «Интересам именно этой борьбы, – писал Ленин, – должны мы подчинить вопрос национального самоопределения. Именно в этом условии и находится отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его»[3].

Окончательное разрешение национального вопроса большевики связывали с изменением общественно-политического строя и преодолением классовых антагонизмов. В этом смысле большевикам, как, впрочем, и социалистам всех остальных течений был свойствен упрощенческий подход к пониманию исторических процессов. В. Ленин и его сторонники идеализировали пролетариат, наделяя его всевозможными добродетелями и одновременно столь же необоснованно «демонизируя» представителей других, более обеспеченных классов. Крайне туманными были представления большевиков о будущем общественном устройстве социалистического государства. Единственным теоретическим трудом на эту тему на момент прихода большевиков к власти была ленинская работа «Государство и революция», написанная в спешке, когда ее автор скрывался от Временного правительства. В этой книге невозможно найти что-либо конкретное об организации жизни в государстве победившего пролетариата, помимо утверждения о неизбежности отмирания государства как общественного института[4]. По сути, у большевиков, стремившихся захватить власть и в конце концов осуществивших свой план, не было четкого представления о том, какое государство и как они собираются строить. Прекрасно зная, что с точки зрения марксистского учения возможности капиталистического развития в России далеко не исчерпаны, а для социалистического строя в стране отсутствуют всякие предпосылки, В. Ленин, тем не менее, поддался искушению построить социализм ускоренными темпами «велениями пролетарского государства». Уже весной 1918 г. большевики сделали попытку перехода к коммунистической модели в экономике: «Мы решили, – признавался В. Ленин, – что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение». Но такой курс натолкнулся на решительное сопротивление и крестьян, и служащих, и даже рабочих. В результате лидер большевиков вынужден был признать, что избранная стратегия строительства социализма была «глупостью и самоубийством» и вернуться к мысли о необходимости постепенного перехода России к социализму[5]. Была объявлена новая экономическая политика (НЭП). Но и здесь, как и в годы гражданской войны, большевистское руководство двигалось на ощупь, заранее не представляя, к каким последствиям приведет тот или иной шаг. НЭП, конечно, нормализовала экономическую жизнь в стране, но одновременно она самым непредсказуемым для партийных лидеров образом создала, быть может, самую сильную угрозу для советской

власти. Новая экономическая политика таила в себе опасность перерождения партии, ее слияния с новой буржуазией и со временем превращения самих большевистских бюрократов в новый класс эксплуататоров. Теперь уже И. Сталин был вынужден принимать принципиальное решение: соглашаться с такой перспективой либо отказываться от НЭПа и начинать очищение партии от ростков капитализма, пустивших достаточно глубокие корни в партийных рядах за годы экономического либерализма. Выбор был сделан в пользу революционных идеалов.

Столь же слабо продуманными и подготовленными были все дальнейшие преобразования, проводимые компартией в 1920–1930-е гг., будь то индустриализация, коллективизация либо любые другие масштабные реформы или «революции сверху». Руководство страны приступало к ним без достаточной подготовки, результатом чего были многочисленные ошибки, остановки, отступления, потери и жертвы. Складывается впечатление, что правильный путь нащупывался исключительно методом проб и ошибок. Причем традиция именно такого подхода к любым социально-экономическим и политическим преобразованиям была заложена еще в 1917 г., когда большевистская партия взяла власть, не имея ясного представления о том, как ею распорядиться, какое общество и каким образом она собирается строить.

Еще меньше определенности было во взглядах большевиков на национальный вопрос. К 1917 г. никаких новых подходов к национальной проблеме, помимо тех, которые были сделаны до начала I мировой войны, у большевиков не появилось. Поэтому, придя к власти, большевистское правительство стало проводить национальную политику, которую партия выработала в середине 1910-х гг. В. Ленин и его сторонники еще более громогласно провозгласили лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, будучи по-прежнему уверенными, что до полной реализации лозунга на практике дело не дойдет. Проявив максимальный либерализм в области национальной политики, ленинское правительство рассчитывало также получить реальную поддержку населения национальных окраин бывшей империи. И первоначально такая тактика себя оправдала.

Первые документы, заложившие основу советской национальной политики, – Декларация прав народов России (ноябрь 1917 г.) и Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) имели большой резонанс. Признавая за ранее угнетенными народами право на свободное национально-государственное самоопределение, они поднимали в качестве важнейшего приоритета государственной политики задачу преодоления последствий многовекового национального угнетения. Многие деятели национально-освободительных движений увидели в этих документах реальную возможность для возрождения угнетенных наций и присоеди-

нились к большевикам. Можно говорить, что именно в это время среди белорусских национальных лидеров произошел первый принципиальный раскол, и национальная идея в ее чистом виде потерпела серьезное поражение в той неравной борьбе за поддержку белорусов, которую ей приходилось вести с идеей социалистической революции и ассимиляционными тенденциями[6].

В сближении, которое наметилось между лидерами национально-освободительных движений и борцами за всемирную революцию, не было ничего неожиданного. К этому времени значительная часть белорусской интеллигенции уже убедилась на личном опыте, что национальные лозунги находят больший отклик среди населения, если они сопровождаются программой социальных преобразований. Более того, при внимательном рассмотрении можно увидеть, что марксизм и национализм как общественные движения имеют много общего. Во-первых, оба придерживаются линейной концепции истории и стремятся к построению общества всеобщего благоденствия. Во-вторых, и для марксизма, и для национализма характерно видеть причину несчастий в конкретных лицах либо социальных группах[7]. Поскольку для национально-сознательной части населения экономически слаборазвитых национальных окраин Российской империи образ угнетателя ассоциировался с царским аппаратом и российским или иностранным капиталом (собственный был слаб и маловлиятелен), национальным деятелям было несложно найти компромисс с большевиками, чей образ врага был чрезвычайно похож.

Однако союз большевиков и национальных движений бывшей Российской империи длился недолго – до той поры, пока национальные силы не решили воспользоваться декларированным большевиками правом на самоопределение. Парад суверенитетов, прошедший в конце 1917 – начале 1918 г., показал ошибочность ленинских теоретических выкладок. Одна за другой национальные окраины бывшей империи провозглашали политическую независимость от России, образовывая буржуазно-демократические республики. Приспосабливаясь к реалиям жизни, большевики быстро скорректировали свою национальную политику, заменив право наций на самоопределение правом пролетариата. В противовес буржуазным республикам стали образовываться советские национальные республики, правительства которых находились под контролем большевистского руководства.

В условиях гражданской войны и иностранной интервенции главной задачей всей, в той числе и национальной политики большевиков было сохранение советской России, которая считалась первым шагом на пути к победе всемирной революции. Нередко в жертву этим планам приносились национальные интересы народов. Целесообразность политического момента вынуждала большевиков отходить от декларированных принципов касательно свободного разви-

тия наций, что еще больше обостряло национальный вопрос, приводило к постоянным конфликтам советской власти с национальными движениями. Однако даже такая национальная политика, подчиненная интересам российской и мировой революций, вызывала сильное противодействие со стороны большого числа членов большевистской партии. На протяжении всей гражданской войны в партии шла горячая дискуссия по национальному вопросу. Противостояние не всегда принимало открытые формы, однако от этого не становилось менее острым.

Исходя из подходов к национальной проблеме, в большевистской партии можно выделить два идейных направления. Главным представителем и идеологом одного из них являлся, безусловно, В. Ленин. Суть его подхода к национальному вопросу немного изменилась по сравнению с дореволюционными временами. Нации существуют объективно, подчеркивал В. Ленин, и отрицать их существование невозможно. Поэтому, выстраивая отношения с населением регионов, большевики должны учитывать тот факт, что на протяжении столетий малые нации были угнетаемы в Российской империи и требовалось значительное время и серьезные усилия со стороны большевистской партии и российского пролетариата для преодоления экономических и психологических последствий колониализма. Достичь это предполагалось посредством развития экономики национальных регионов и «насаждения» национальной культуры. В отличие от дореволюционных взглядов теперь в представлении В. Ленина путь к социалистическому единству наций существенно удлинялся и лежал через разнообразие национальных форм. Следует отметить, что число сторонников ленинского подхода к национальному вопросу было сравнительно невелико. В собственной партии В. Ленин оказался в меньшинстве. Лишь немногие из руководителей организации поддерживали его точку зрения. На низовом уровне опору В. Ленина составляли коммунисты – представители угнетаемых наций, но, учитывая в большинстве своем их короткий партийный стаж, политический вес этих коммунистов был небольшим.

Куда более значительную силу представляли собой представители второго лагеря, считавшего национальный вопрос неактуальным и выступавшие против заигрывания с малыми нациями. Являясь сторонниками единого социалистического государства, не разделенного национальными границами, они, когда это было возможно, отказывались признавать существование наций. Весной 1918 г. видный чекист М. Лацис критиковал «абсурдность федерализма» и предупреждал об опасности создания национальных республик, особенно в тех случаях, когда речь шла о «недоразвившихся этнических группах», таких как татары либо белорусы[8]. Лидеры большевистской организации, действовавшей в Беларуси, были полностью солидарны с вышеприведенной точкой зрения. Представитель ру-

ководства Облискомзапа В. Кнорин, полемизируя с членами Белнацкома и белорусских коммунистических секций, в октябре 1918 г. писал: «Мы считали, что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых национальных рогаток. Белорусское же движение является таким воздвижением новых национальных рогаток, не существовавших до сих пор, а потому коммунисты не могут в каком бы то ни было виде принимать участие в этом движении»[9].

Расхождения в теоретических подходах к национальному вопросу приводили к тому, что реализуемая большевиками в это время национальная политика была крайне противоречивой. С одной стороны, на самом высоком уровне за нациями признавались самые широкие права, с другой – на низовом уровне коммунисты всячески препятствовали национальным организациям в осуществлении своей деятельности, в том числе и организациям демократической направленности, заявившим о своей поддержке советской власти. Нередко такая политика проводилась наперекор прямым указаниям центра. Разгон I Всебелорусского съезда – наглядный тому пример. В то время как центральная власть в Москве санкционировала проведение съезда и обязала Облискомзап принять участие в его организации и проведении, большевики Западной области распоряжение высших партийных органов проигнорировали, а когда съезд был все же созван - разогнали его. Причем сделали это без согласования с Москвой.

Подобные явления наблюдались повсеместно, так что, игнорировать размежевание внутри партии по национальному вопросу было невозможно. Учитывая чрезвычайную важность и актуальность проблемы, она активно обсуждалась на партийных совещаниях и съездах. Начиная с 1918 г. понадобилось несколько лет, чтобы ленинская национальная программа была признана единственно правильной и обязательной для исполнения всеми членами партии. Задачи советской национальной политики были выработаны на X, а затем подтверждены на XII съездах партии и формулировались следующим образом: ликвидировать экономическую, политическую, культурную отсталость народов и народностей бывшей Российской империи и поднять их на уровень более развитой русской нации. Для достижения данной цели партии предстояло: 1) создать и укрепить национальную государственность ранее угнетаемых народов в форме, которая более всего соответствовала их потенциальным возможностям; 2) создать национальные органы управления, которые состояли бы из представителей данной нации и пользовались бы национальным языком; 3) создать собственные СМИ, школы, клубы, театры, другие культурные и образовательные учреждения на родном языке[10].

В данной редакции задачи национальной политики были объявлены руководством к действию, и от членов организации требовалось безусловное их выполнение. Однако, несмотря на обязательность постановлений съездов по национальному вопросу, на протяжении всех 1920-х гг. (когда национальная политика проводилась с наибольшим размахом) значительное число членов партии, и рядовых, и руководящих работников, являлись противниками такой национальной политики. Большинство из них, по сути, разделяли позицию видного большевистского деятеля М. Томского, сформулированную еще в марте 1918 г. Во время дискуссии по вопросу о праве наций на самоопределение на VIII съезде партии он заявил, что ни один человек в зале заседаний не согласится, что национальное самоопределение и национальные движения нормальны и желаемы, но большинство считает, что они – неизбежное зло, с которым приходится считаться[11].

В 1919 г. С. Петровский, заместитель И. Сталина по наркомнацу, также признавал, что среди большинства старых большевиков существует убеждение: марксисты не должны поддерживать развитие национальных культур. Являясь интернационалистами, они были уверены, что национальные движения мешают союзу пролетариата разных стран[12].

После X съезда партии подобные высказывания стали звучать реже. Съезд, как известно, не только принял ряд постановлений по национальному вопросу, на долгие годы определивших советскую национальную политику, но и одновременно запретил всякую фракционную деятельность внутри партии. Теперь у членов РКП(б) всех рангов не было другого выхода, как подчиниться – нравилась им национальная политика или нет, желали они расцвета национальных культур либо, наоборот, являлись сторонниками слияния всех наций в одну, социалистическую. На практике, хотя бы формально, они должны были содействовать политическому, экономическому возрождению всех народов и народностей[13].

Сегодня существует огромное количество публикаций, посвященных анализу советской национальной политики в межвоенный период. Это работы и советских, современных белорусских, и зарубежных историков. Большинство авторов, расходясь в оценках целей и задач, тактики, стратегии и результатов национального строительства, все же отмечают огромное значение, которое имела проводимая в 1920-е гг. политика для развития многочисленных наций, народов и народностей, проживавших в СССР. По мнению американского ученого Мартина Терри, Советский Союз стал первым в Старой Европе многоэтническим государством, которое решало проблему национализма посредством систематического и последовательного развития национального сознания национальных меньшинств, создания для них важнейших институциональных форм национальной государственности. Проводимая в СССР в 1920-е гг.

национальная политика состояла в поддержке четырех основных форм национальной жизни: национальных территорий, национальных языков, национальных элит и национальных культур[14].

Несмотря на кажущуюся разобщенность, которую несла с собой такая национальная политика, цели у нее были совершенно противоположные – единство наций, народов и народностей СССР. В. Ленин был уверен и сумел убедить своих соратников по партии, что кратчайший путь к единству в содержании лежал через разнообразие в формах. Посредством «насаждения» национальных культур, через поддержку национальной государственности, создание национальных автономий, национальных школ и национальных элит большевики рассчитывали быстрее приобщить народы к общечеловеческой культуре и наивысшему ее достижению – к марксистскому учению[15]. Вслед за этим «цветением» национальных культур в советской стране должно было установиться подлинное единство. По мнению американского исследователя, этот несколько парадоксальный путь И. Сталин объяснил следующим образом: максимальное развитие национальных культур было необходимо для того, чтобы они исчерпали сами себя и тем самым создали базу для создания интернациональной социалистической культуры[16]. Таким образом, для большевиков в национальном вопросе была характерна та же предопределенность, что и во взглядах на историческое развитие человечества. В конце концов, нации, как классы или институт государства, должны были исчезнуть. Национальное развитие и самоопределение должны были рано или поздно привести к социалистической солидарности, к созданию однородного социалистического общества. Само собой разумеется, что границы между советскими национальными республиками также должны были исчезнуть, однако до наступления такого будущего руководству страны, республиканским властям предстояло уделить немало внимания территориальному вопросу.

В белорусской историографии сложилась традиция рассматривать процесс формирования границ БССР в 1920-е гг. в тесной связи с проведением новой экономической политики и внешнеполитическими амбициями руководства СССР. В таком подходе есть своя логика. Действительно НЭП, характеризовавшаяся терпимостью власти к различным, в том числе чисто капиталистическим элементам в экономике страны, содействовала общей либерализации политической жизни в СССР. Немаловажным в определении национальной политики большевиков являлся также внешнеполитический фактор. Быстрое национально-культурное развитие советских наций рассматривалось как важный пропагандистский момент. Руководство компартии не отказалось от своей сверхзадачи – всемирной революции, лишь на время отложив воплощение данной идеи. Для реализации своих амбициозных планов важно было создать в глазах народов Запада и Востока привлекательный образ Красной

Армии, которой предстояло в будущем освободить угнетенные народы и принести на своих штыках социализм. Однако и новая экономическая политика, и внешнеполитические цели советской власти были всего лишь сопутствующими, но никак не определяющими факторами при разрешении белорусского территориального вопроса в 1920-е гг. На наш взгляд, разграничение национальных республик, складывание их границ следует рассматривать, прежде всего, в контексте советской национальной политики, как часть масштабного процесса территоризации национальных общностей внутри СССР.

В 1920-е гг. советское руководство в рамках проводимой национальной политики развернуло бурную деятельность, суть которой заключалась в том, чтобы распространить практику создания национально-территориальных единиц от уровня национальных республик максимально вниз, на самые незначительные по размерам национальные территории – так, что наиболее мелким национальным административно-территориальным образованием могла быть одна-единственная деревня. Необходимость проведения подобного дробления большевистские теоретики аргументировали тем, что любая национальная республика являлась неоднородной по своему национальному составу и включала в большей или меньшей степени представителей других национальностей, которые также имели право на свободное национальное развитие. Единственным способом обеспечить им это право и, более того, стимулировать развитие национальных культур, было создание для таких национальных сообществ отдельных административно-территориальных единиц. Реализация данной теоретической модели привела к тому, что к 1928 г. советские республики имели в своем составе национальные округа, национальные районы, национальные Советы, местные (туземные) революционные исполнительные комитеты (тузрики), туземные Советы, аульные Советы, кочевые Советы. В своих границах все эти национальные образования должны были развивать, а если необходимо, то создавать собственную национальную по форме, но социалистическую по содержанию культуру. В этом смысле Советский Союз, по наблюдению зарубежных историков, очень напоминал коммунальную квартиру, в которой каждая из наций имела отдельную комнату[17].

Национально-территориальное строительство шло быстрыми темпами. К июню 1923 г. в СССР существовали 2 федеративные республики, 5 союзных республик, 12 автономных республик и 11 автономных областей[18]. А в 1924 г., после разграничения наций в Центральной Азии, Советский Союз состоял уже из 2 федеративных республик, 8 союзных республик, 17 автономных республик и 13 автономных областей[19]. Формирование крупных национальных единиц внутри Советского Союза практически завершилось.

Однако это было лишь начало процесса территоризации нацменьшинств. Крайне сложной и важной задачей являлось разграничение

созданных национальных республик. За сравнительно короткий срок был проделан огромный объем работы. Только за межвоенный период границы советских республик пересматривались более 70 раз: 45 раз – в 1921–1930 гг. и еще 26 – в 1931–1940 гг.[20] Процесс становления границ любой национальной республики был сложным и драматичным. Практически в каждом случае партийному руководству приходилось иметь дело с огромным количеством территориальных претензий, ходатайств, конфликтов. Очень часто границы, утвержденные высшими партийными и советскими органами страны, не удовлетворяли национальные элиты и республиканские власти. К вопросам приходилось возвращаться по нескольку раз.

В контексте данного процесса территоризации национальных общностей в СССР, создания для их развития наиболее оптимальных условий следует рассматривать и формирование границ Белорусской ССР в 1920-е гг. С 1923 по 1939 гг. границы БССР пересматривались пять раз. В двух случаях (1924, 1926) речь шла о возврате БССР восточнобелорусских территорий, включенных в 1919 г. по военно-стратегическим соображениям в состав РСФСР. Отметим, что, несмотря на тот факт, что оба раза изучение вопроса завершалось значительным расширением площади республики, белорусские власти не были целиком удовлетворены разрешением территориального вопроса. В остальных трех случаях (1927 и 1929) имела место незначительная корректировка границ БССР с УССР и РСФСР.

Наибольший размах национально-территориального строительства в СССР пришелся на 1923–1928 гг. и совпал с периодом относительной либерализации общественной и экономической жизни страны. Последовавшие затем I пятилетний план, кампании индустриализации и коллективизации, масштабные репрессии потребовали усиления централизации и привели к ревизии содержания советской национальной политики. Пересмотр взглядов руководства компартии на национальную проблему проявился в свертывании политики коренизации и белорусизации, в репрессиях против национальной интеллигенции, организации показательных судов против национал-демократов, позже в ликвидации национальных районов и национальных Советов, в репрессиях против национальных меньшинств. Изменение национальной политики руководство страны объясняло тем, что главные цели ее к началу 1930-х гг. были достигнуты. Обращаясь в 1934 г. к XVII съезду партии, «съезду победителей», И. Сталин заявил, что Советский Союз наконец-то избавился от всего отсталого и средневекового, стал индустриальной державой, стоящей на прочном социалистическом фундаменте. В ситуации, когда отсталость, как декларировала советская пропаганда, исчезла из всех сфер общественной жизни, больше не было необходимости в проведении прежней национальной политики, цель которой как раз и состояла в подъеме экономического и культурного уровня народов СССР[21].

Еще одной важной тенденцией в измененной советской национальной политике стало новое отношение к русским как этнической группе. До начала 1930-х гг. национализм национальных окраин тесно увязывался большевистскими теоретиками и лично И. Сталиным (а еще раньше В. Лениным) с великорусским шовинизмом. Национализм, по сути, рассматривался как результат великорусского шовинизма. Поэтому в 1920-е гг. советская национальная политика призывала и даже обязывала русских жертвовать своими правами и интересами: именно русские должны были приложить максимум усилий для развития национальных культур, изучения национальных языков, отдать спорные территории соседним народам. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. ситуация коренным образом изменилась. Великорусский шовинизм перестал быть главной опасностью. Не меньшее зло теперь таил в себе местный национализм[22].

Долгое время автора данной работы смущала противоречивость советской национальной политики. С одной стороны, и в конце 1920-х и на протяжении 1930-х гг. никто из первых лиц советского руководства никогда на официальном уровне не заявлял о ревизии целей и задач советской национальной политики – главным приоритетом по-прежнему оставалось развитие и укрепление национальных институтов. С другой стороны, в это же самое время велась активная борьба с «национал-демократизмом», сепаратизмом, проводились массовые репрессии против нацменьшинств. Изучая данный вопрос, автор был вынужден согласиться с трактовкой американского советолога Терри Мартина, занимающегося исследованием советской национальной политики в межвоенный период. Для понимания процессов, происходивших в национальном строительстве СССР, он предложил выделять в советской национальной политике «твердую» и «мягкую» линии, соответственно разделяя и функции партийных, советских и силовых органов власти, участвовавших в проведении советской национальной политики. Так, за проведение «мягкой» линии отвечали ЦИК СССР и его Совет национальностей, ЦИК БССР и его специальная комиссия по проведению белорусизации, Народный комиссариат образования и подчинявшиеся им учреждения на местах. Задачи органов, проводивших «мягкую» линию в советской национальной политике, были исключительно положительными: обслуживать нужды всех национальных групп, содействовать развитию национальных культур, стимулировать создание возможно большего числа национальных территориальных образований, открывать новые школы, театры, газеты, создавать фольклорные ансамбли, музеи и т.д.

Одновременно с ведомствами, проводившими «мягкую» линию в национальной политике, действовали органы, отвечавшие за «твердую» линию – контролировавшие деятельность первых, исправлявшие ошибки и отклонения в национальном строительстве. За эту работу отвечали ОГПУ – НКВД, Центральная контрольная комис-

сия (ЦКК), ЦК РКП(б), орграспредотдел, оргбюро и политбюро ЦК РКП(б).

Две политические линии сосуществововали на протяжении всей советской истории, несмотря на то, что содержание деятельности органов, проводивших «мягкую» и «твердую» линии, кардинально отличалось. Например, когда в 1935–1937 гг. НКВД под руководством партийных органов проводил репрессии против национальных меньшинств, Совет национальностей продолжал работу по совершенствованию национальных институтов тех же самых национальных меньшинств. При этом со стороны партийного руководства СССР никогда не поступало указаний в Совет национальностей о пересмотре целей и задач этого органа.

Возникает вопрос, как же партийные и советские функционеры, рядовые исполнители и проводники национальной политики на местах разбирались в хитросплетениях национального строительства на том или ином этапе и выбирали для себя правильную линию поведения. Выживание советского бюрократа в условиях 1920-х, а тем более 1930-х гг. напрямую зависело от его способности правильно воспринимать сигналы, поступавшие от вышестоящих органов и в соответствии с ними корректировать собственную деятельность. Ежедневно на стол партийного или советского чиновника среднего уровня в 1920–1930-е гг. поступало огромное количество документов – постановлений, директив, информационных сводок, инструкций и т.д. Данные документы исходили как от ведомств, проводивших «мягкую» линию в советской национальной политике и предписывавших стимулировать национально-культурную работу, так и от органов, отвечавших за «твердую» линию и требовавших бороться с контрреволюционными искривлениями в национальной политике. Личный опыт убедил советских и партийных бюрократов, что при получении взаимоисключающих указаний из различных учреждений гораздо важнее и, главное, безопаснее было выполнить распоряжение органов, проводивших «твердую» линию. Поэтому, несмотря на то, что риторика советской национальной политики в конце 1920 – начале 1930-х гг. по сравнению с первой половиной 1920-х гг. практически не изменилась, советские чиновники скорректировали свою деятельность по реализации национальной политики в соответствии с сигналами, поступавшими из органов, проводивших «твердую» политику[23].

С пересмотром основных принципов советской национальной политики руководство компартии стало по-новому подходить к разрешению территориальных проблем. Уже в конце 1920-х гг. любые попытки поставить вопрос о более-менее значительном пересмотре границ были обречены на провал. Речь могла идти лишь о незначительной корректировке межреспубликанских границ, вызванной административно-хозяйственными соображениями. В феврале 1929 г. во время встречи с делегацией украинских писателей И. Сталин, отвечая на вопрос о возможности очередного пересмотра украинско-

российской границы в пользу УССР, заявил следующее: «Мы обсуждали этот вопрос несколько раз (в ЦК), мы часто меняем наши границы, слишком часто (смех) – мы меняем наши границы слишком часто. Это производит плохое впечатление внутри страны и за пределами. Мы должны быть особенно осторожны, потому что такие изменения вызывают сильное сопротивление со стороны некоторых русских. Надо учитывать этот фактор... Каждый раз, когда мы обсуждаем этот вопрос, люди начинают говорить, что миллионы русских в Украине испытывают давление, что они не могут пользоваться своим родным языком, насильно подвергаются украинизации и т.д. (смех). Это чисто практический вопрос. Мы обсуждали его дважды и откладывали оба раза – мы меняем наши границы очень часто»[24].

Данное высказывание И. Сталина весьма показательно. С одной стороны, оно раскрывает позицию высшего партийного руководства страны, считавшего, что к концу 1920-х гг. формирование границы внутри СССР было завершено. Это заявление также свидетельствует о том, что высшие партийные органы начинали обращать все более пристальное внимание на интересы русской нации, как в РСФСР, так и в других советских республиках. Поскольку стремление украинских властей, добивавшихся расширения территории УССР за счет РСФСР, так же как и попытки руководства БССР в это же время поставить вопрос о третьем укрупнении Белорусской республики, не соответствовали менявшемуся содержанию советской национальной политики, решения по обеим инициативам – украинской и белорусской – были приняты отрицательные. До 1939 г. границы БССР сохранились практически неизменными, как они были установлены в 1926 г. Позже имела место только корректировка границы с УССР и РСФСР, однако она касалась незначительных по площади территорий.

Таким образом, процесс формирования территории Белорусской ССР в 1920–1930-е гг. был тесно связан и являлся частью советской национальной политики. Определение границ БССР происходило в контексте общей политики компартии по территоризации национальных общностей в СССР. Поставив целью объединить в составе БССР все белорусское население, руководство СССР рассчитывало быстрее преодолеть экономическую отсталость Беларуси, стимулировать развитие белорусского языка, культуры, формирование национальной элиты. Это виделось непременным условием приобщения белорусского народа к коммунистической идеологии, построения в стране социализма. С конца 1920-х гг. наметилась тенденция к пересмотру содержания советской национальной политики. Процесс становления межреспубликанских границ внутри СССР был признан завершенным, вследствие чего новые попытки правительства и компартии БССР добиться третьего укрупнения территории республики более не соответствовали генеральной линии компартии и были обречены на неудачу.

Примечания

[1] Недасек Н. Большевизм в революционном движении Белоруссии / Ин-т по изучению СССР. Мюнхен, 1956. С. 139.
[2] Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении // Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма. М., 1965. С. 129.
[3] Ленин В.И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 241.
[4] Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Политиздат, 1967. С. 54–57.
[5] Игнатенко И.М. Революция в историческом процессе. Минск: Междунар. фонд «Беларус. кнігазбор», 1977. С. 168–170.
[6] Guthier S.L. The Belorussians: national identification and assimilation 1897–1970 // Soviet Studies. 1977. Vol. 29, № 1. P. 37, 39.
[7] Сміт Э.Д.С. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Мінск: Беларус. фонд Сораса, 1995. С. 124–157.
[8] Ненароков А.Р. К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924. М., 1991. С. 91–92.
[9] Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. С. 33.
[10] Десятый съезд Российской Коммунистической партии: стеногр. отчет. М.: Гос. изд-во, 1921. С. 101.
[11] Восьмой съезд РКП(б): протоколы. М., 1959. С. 82.
[12] Terry M. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London, 1999. P. 10.
[13] О том, насколько сильной была оппозиция советской национальной политике внутри партии можно судить хотя бы по следующим фактам. 18 сентября 1925 г. первый секретарь ЦБ КП(б)Б А. Криницкий в своем выступлении на собрании членов бюро ячеек Минской городской партийной организации открыто заявил, что БССР не является самостоятельным государством, как РСФСР, и ее самостоятельность может быть только условной. (См.: Платонаў Р. Палітыкі. Ідэі. Лёсы. С. 82.) А в конце 1928 г. во время доклада председателя СНК БССР Н. Голодеда на бобруйском активе группа военных не самого высокого ранга отказалась слушать доклад на белорусском языке и в знак протеста, несмотря на угрозы руководителя белорусского правительства, покинула зал. (См.: Зельцер А. Белорусизация 1920-х гг.: достижения и неудачи // Евреи Беларуси. История и культура. Сб. статей III–IV. Мн., 1998. С.77.).
[14] Terry Martin. The Affirmative action Empire. P. 10.
[15] Slezkine Y. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // Slavic Rev. 1994. № 53. P. 420.
[16] Terry Martin. The Affirmative action Empire. P. 5.
[17] Slezkine Y. The USSR as a communal apartment ... // Ibid. P. 430, 434.
[18] Smith J. The Bolsheviks and the national question, 1917–1923. London: Macmillan, 1999. P. 29–107.
[19] Terry Martin. The Affirmative action Empire. P. 31.
[20] Бароўка А. Гістарычны і сучасны палітычныя аспекты беларуска-літоўскага пытання // «Студэнцкая вясна»: усебел. фестываль: матэрыялы навук.-гуманітар. студэнц. канф., Віцебск, 6–7 мая 1993 г. / Віцеб. дзярж. пед. ін-т; рэдкал.: А. Даражэвецкі і інш. Віцебск, 1993. С. 88.
[21] Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. М.: Политиздат, 1946–1951. Т. 13. 1951. С. 306–309.
[22] Terry Martin. The Affirmative action Empire. P. 7–8.
[23] Ibid. P. 21–23.
[24] Ibid. P. 280–281.

4.2. Изучение белорусского территориального вопроса в 1922–1923 гг. Деятельность правительства БССР по возвращению восточнобелорусских территорий

Главным событием в политической жизни советской страны в 1922 г. стало образование СССР. Подготовительная работа и обсуждение принципов, на которых должны базироваться взаимоотношения между республиками, шли на протяжении года и оказали значительное влияние на разрешение всех вопросов внутренней жизни советского государства. Замедлился процесс районирования и организации Западной области. Руководство БССР также было вынуждено на некоторое время отложить проблему белорусских территорий и находилось в ожидании, какая модель государственного объединения республик будет избрана в ЦК РКП(б). О том, что белорусские власти тесно связывали статус республик в союзном государстве с белорусским территориальным вопросом, свидетельствует позиция, которую заняло ЦБ КП(б)Б относительно проектов автономизации. Во время его обсуждения на одном из заседаний бюро ЦБ КП(б)Б осенью 1922 г. партийные власти республики выступили против принципов объединения, предложенных И. Сталиным. ЦБ КП(б)Б высказалось за сохранение договорных отношений, чтобы взаимоотношения наркоматов БССР и РСФСР были такими же, как наркоматов России и Украины. Одновременно, на этом же заседании, ЦБ КП(б)Б вновь решило поставить перед ЦК РКП(б) вопрос о расширении территории республики[1]. Совмещение этих двух вопросов не было случайным. Оно еще раз подчеркнуло стремление руководства БССР к большей самостоятельности в разрешении вопросов внутренней жизни. А территориальная целостность была лучшей гарантией суверенитета республики и учета ее интересов.

В сентябре 1922 г. позиция ЦБ КП(б)Б была изложена на заседании специальной комиссии ЦК РКП(б), которая занималась разработкой положений Союзного договора[2]. Одновременно по линии Наркомата иностранных дел БССР в Москву была направлена записка «О необходимости урегулирования вопроса о восточных границах Белорусской республики». Высказывая обеспокоенность тем, что разрешение этого вопроса не предусмотрено ни одним соглашением между РСФСР и БССР, внешнеполитическое ведомство советской Беларуси предложило поставить данную проблему на обсуждение, а решение закрепить в форме международного договора. По мнению руководства БССР, возвращение Витебской, Гомельской и части Смоленской губерний диктовалось хозяйственными (экономическое единство губерний с БССР), культурно-просветительскими (тяга значительной части населения к белорусской культуре), внутриполитическими (учет особенностей национального и

социального состава населения Беларуси) и внешнеполитическими (укрепление международного положения БССР) факторами[3].

Однако никаких реальных результатов данные обращения республиканских властей в 1922 г. не принесли. Такой результат объясняется в первую очередь недостаточно высоким уровнем, на котором руководство БССР пыталось ставить проблему белорусских границ. Так, например, комиссия Наркомата иностранных дел РСФСР, не вдаваясь в подробности, сразу заявила, что данный вопрос выходит за пределы ее компетенции, и предложила белорусской стороне передать его непосредственно в ЦК РКП(б).

С образованием СССР деятельность руководства БССР по разрешению территориального вопроса заметно активизировалась. Проблема границ была вынесена на рассмотрение VII съезда КП(б)Б и II сессии ЦИК БССР (IV созыва), которые прошли в марте 1923 г. В резолюции VII съезда компартии Беларуси отмечалось, что «быстро возродить Советскую Белоруссию можно, только включив в территорию Белоруссии родственные ей соседние районы». Съезд предложил пересмотреть «существующее административно-хозяйственное деление, перегруппировать их (районы. – *С.Х.*) в большем соответствии с природно-историческими, экономическими, производственными и национально-культурными особенностями»[4].

В том же духе высказались и делегаты II сессии ЦИК БССР. Они признали административное деление Советской Белоруссии «полностью несоответствующим интересам населения», что в полной мере отражало реальное положение дел. Уезды делились на 116 волостей, а те, в свою очередь, – на 1711 сельских Совета. Городских Советов было только шесть. Количество волостных Советов было слишком большим, а их размеры – маленькими. Все это создавало трудности в руководстве и вызывало чрезмерные расходы на содержание аппарата. Между тем власти БССР не могли провести новое, более рациональное деление на территории одной Минской губернии. Указав на случайный характер восточной границы БССР, сессия ЦИК БССР также подчеркнула общность Гомельской и Витебской губерний с территорией Советской Белоруссии как в природных, исторических, экономических, так и в этнографическом отношениях. Было отмечено, что «объединение этих территорий даст мощный толчок развитию всех производительных сил края». Президиуму ЦИК БССР поручалось войти в ЦИК СССР с ходатайством об объединении данных территорий[5].

Резолюции высших партийных и советских органов республики дали правительству БССР официальное основание для того, чтобы напомнить ЦК РКП(б) о проблеме восточнобелорусских территорий. В мае 1923 г. ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о границах БССР и дал согласие на его дальнейшую разработку. Именно с этого времени началась активная работа по изучению вопроса, которая однако по-прежнему проходила в партийном порядке[6]. Правда, теперь в

обращениях и докладах руководства БССР в ЦК РКП(б) появилась новая деталь: вместе с политическими и экономическими факторами стали выделяться и подчеркиваться причины этнографического характера – необходимость включения в состав БССР территорий с преобладающим белорусским населением.

На протяжении 1923 г. деятельность руководства БССР по возвращению восточнобелорусских земель проходила по нескольким направлениям: обращения в ЦК РКП(б); поиск единомышленников в российских и союзных хозяйственных и советских органах; преодоление сопротивления со стороны местных властей; работа по мере возможности с населением восточнобелорусских губерний. При этом задача доказать в ЦК РКП(б) необходимость и неотложность белорусского вопроса, безусловно, была главной, чем и объясняется большое количество записок, докладов и обращений ЦБ КП(б)Б в ЦК РКП(б).

В начале июня 1923 г. в Москве прошло совещание по национальному вопросу, на котором присутствовали делегаты от всех национальных компартий. Основное внимание в выступлении представителя КП(б)Б В. Богуцкого было посвящено территории БССР. Он подчеркивал, что окончательное разрешение белорусского вопроса невозможно до той поры, пока БССР включает в свой состав только незначительную часть белорусских земель и белорусского населения[7]. Одновременно ЦБ КП(б)Б передало в ЦК РКП(б) «Докладную записку о территории БССР», в которой известные белорусские деятели – А. Червяков, В. Богуцкий, В. Игнатовский, В. Ходель, А. Гетнер изложили мотивы укрупнения республики и приблизительно очертили территорию, которая должна была войти в ее состав. Авторы записки отмечали, что в Витебской губернии белорусы составляли 65–68%, в Гомельской – 80%, а в Смоленской – 40% от всего населения.

Необходимость срочного расширения БССР объяснялась, прежде всего, соображениями внешнеполитического характера. С заключением Рижского мирного договора внешнеполитический фактор для БССР не утратил своей актуальности. Значительная часть белорусских земель оказалась в Польше – государстве с враждебным Советскому Союзу режимом. Между двумя политическими системами шла напряженная идеологическая борьба. Руководство БССР прилагало значительные усилия, чтобы создать и поддержать среди населения Западной Беларуси просоветские настроения. Многие политические, экономические и культурные мероприятия в Белорусской ССР проводились с учетом резонанса, который они будут иметь за границей, и прежде всего в Польше. Однако, как отмечалось в записке ЦБ КП(б)Б, до последнего времени вся положительная работа в области революционной пропаганды «парализовалась» тем, что «только незначительная часть белорусского населения, которое находилось на советской территории, входило в Белорусскую республику». Таким образом, авторы «Докладной за-

писки» стремились связать белорусский территориальный вопрос с перспективой всемирной революции и убедить ЦК РКП(б) в том, что правильное его разрешение может существенно повысить международный авторитет БССР и влияние на национально-освободительную и революционную борьбу в Западной Беларуси.

Соображения внешнеполитического характера подкреплялись внутриполитическими и экономическими моментами. Руководство БССР ссылалось на плохое состояние, в котором находилась национальная работа в белорусских губерниях, включенных в состав РСФСР. В записке отмечалось, что, несмотря на преобладание белорусского населения в Витебской и Гомельской губерниях, местные власти не допускают организации белорусских школ, создают искусственные препятствия для культурной работы на белорусском языке. В свою очередь, по мнению белорусской стороны, это приводило к «глухому недовольству населения и создавало почву для разных... и часто справедливых обвинений в великорусском шовинизме и национализме». Авторы записки утверждали, что такое положение заставляет белорусское крестьянство и интеллигенцию этих губерний искать защиту своих «справедливых требований» у правительства БССР, что ставит государственные учреждения республики в сложное положение[8].

Внешнеполический фактор в обращениях ЦБ КП(б)Б занимал главное место, и расчет на него оправдался. Предложения белорусского руководства поддержал Народный комиссариат иностранных дел СССР, который выступил инициатором рассмотрения на политбюро ЦК РКП(б) вопроса «О работе среди белорусов Польши». Специальная комиссия в составе В. Молотова, Г. Чичерина и И. Уншлиха разработала ряд рекомендаций, которые предусматривали в том числе и расширение границ БССР[9]. 12 июля 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело доклад ЦБ КП(б)Б и признало расширение территории Белорусской республики «принципиально необходимым». Для всестороннего изучения вопроса организационному бюро ЦК РКП(б) поручалось создать специальную комиссию, главной задачей которой было определение территории расширенной Белорусской республики. Одновременно правительству БССР в двухнедельный срок поручалось представить еще один, более содержательный, доклад с обоснованием своих предложений. Позже свои соображения должны были прислать партийные организации Витебской, Смоленской и Гомельской губерний[10].

При создании нового доклада ЦБ КП(б)Б посчитало необходимым руководствоваться исключительно национальным моментом, экономические соображения использовать только в качестве вспомогательных. В состав комиссии по подготовке доклада вошли В. Нодель, А. Червяков и В. Богуцкий[11]. Новый «Доклад ЦБ КП(б)Б в ЦК РКП(б) по вопросу о размерах БССР» был значительно большим по объему и лучше разработанным в деталях. В начале доклада

авторы делали небольшой экскурс в историю создания БССР. Как отмечалось в докладе, «в момент провозглашения Советской Белоруссии было принято к вниманию только политическое значение этого провозглашения, но не были учтены (да это и не требовалось) все те особенности, что выделяют Белоруссию в особый район в экономических, национально-бытовых и иных отношениях и этим определяют территорию БССР». Однако теперь, по мнению руководства БССР, ситуация коренным образом изменилась: процесс мирного строительства, который шел уже три года, требовал более полного учета всех особенностей территорий, на которых проживало белорусское население

Авторы доклада видели своей главной задачей очертить настоящие границы Белорусской республики. Для этого они предлагали учитывать следующие факторы: 1) однородность природно-исторических условий района; 2) его экономические и производственные особенности; 3) особенности национально-культурных и бытовых условий жизни населения и 4) соображения политического характера. Следует отметить, что поставленная задача, несмотря на кажущуюся простоту (в распоряжении авторов имелись данные дореволюционных научных исследований, результаты переписей населения и постановление I съезда КП(б)Б), на самом деле была весьма сложной. Основным критерием определения белорусских территорий выступал национальный состав населения, а источником информации – переписи. Однако это был не лучший способ, поскольку переписи 1897 и 1920 гг., которые на то время имелись на руках, содержали неточные и часто противоречивые сведения.

В рассматриваемом докладе ЦК КП(б)Б также отмечалось, что в соответствии с переписью 1920 г. белорусы преобладали во всех уездах Витебской губернии, кроме Велижского (34%), Невельского (31%) и Себежского (31%). Однако при анализе национального состава этих трех уездов руководство БССР предлагало придерживаться не только переписи 1920 г., но и переписи 1897 г., которая давала совсем другую картину. Так, в соответствии с нею в Велижском уезде насчитывалось 85% белорусского населения, в Невельском и Себежском – 81% и 47% соответственно. В целом же по губернии белорусы составляли 57% по переписи 1920 г. и 75,6% по переписи 1897 г. Таким образом, делался вывод о необходимости включения всей Витебской губернии в состав БССР.

Характеризуя положение в Гомельской губернии, руководство республики отдавало преимущество белорусам, согласно переписи 1920 г., в Быховском (80%), Климовичском (73%), Могилевском (60%), Чаусском (60%) и Чериковском (70%) уездах. Спорными в соответствии с этой переписью являлись только Гомельский (16%), Речицкий (45%) и Рогачевский (15%) уезды. Однако и тут наблюдалось существенное несовпадение с переписью 1897 г., которая зафиксировала 74% белорусов в Гомельском уезде, 82,5% – в Речиц-

ком и 86,9% – в Рогачевском. Исходя из этого, авторы доклада предлагали включить в состав БССР все отмеченные уезды Гомельской губернии как бесспорные[12].

Проблема значительного сокращения белорусского населения по переписи 1920 г. объяснялась создателями доклада «неточностью и искусственностью подхода к учету населения». Белорусская сторона предлагала обратить внимание на внешнеполитические обстоятельства, на фоне которых происходила последняя перепись. В конце августа 1920 г., когда она проводилась, советско-польские переговоры о мире только начинались. Будущее белорусских земель было неясным, а среди населения ходили упорные слухи о возможном включении всей Беларуси в состав Польши. Поэтому, отвечая на вопросы переписчиков, белорусское население восточных губерний сознательно скрывало свою настоящую национальность и записывалось русским.

Сомнительность переписи 1920 г. подтверждалась также сопоставлением ее с переписью 1917 г. Руководство БССР имело материалы переписи 1917 г. только относительно Минской губернии, однако и они позволяли проследить важную закономерность. Если перепись 1920 г. зафиксировала в Речицком уезде только 45% белорусов, то во время переписи, которая проводилась на три года раньше, в 1917 г., белорусами записалось почти 89% населения уезда. Снижение количества белорусов более чем в два раза за такой короткий срок нельзя объяснить никакими ассимиляционными процессами. Тем более что при сравнении данных цифр с показателями переписи 1897 г. можно заметить, что количество белорусов не только не сократилось, а, наоборот, увеличилось более чем на 6%[13]. В связи с этим белорусская сторона отмечала, что использовать перепись 1920 г. надо очень осторожно, дополняя ее данными переписи 1897 г.

Несколько иную картину представляли собой четыре уезда бывшей Черниговской губернии. Мглинский, Новозыбковский, Суражский и Стародубский уезды ни одной переписью не относились к белорусским. Авторы доклада считали их спорными, однако предлагали присоединить к БССР по соображениям экономического и политического характера.

Что касается Смоленской губернии, то здесь руководство БССР предлагало уделить внимание двум уездам: Горецкому и Мстиславскому, которые до февраля 1919 г. входили в состав Могилевской губернии. В соответствии с переписью 1920 г. белорусы составляли 70% в Горецком уезде и 84% – в Мстиславском.

Таким образом, исходя из этнического состава населения, ЦБ КП(б)Б считало, что расширенная Белорусская советская республика должна была включить следующие территории: шесть уездов бывшей Минской губернии; Витебскую и Гомельскую губернии целиком; а также Горецкий и Мстиславский уезды Смоленской губернии. В таком составе территория БССР составила бы около 155 тыс. кв. км с населением свыше 5 млн человек[14].

Значительную часть доклада заняла сравнительная характеристика сельского хозяйства и промышленности БССР и восточнобелорусских земель, что должно было засвидетельствовать их сходство и экономическую целесообразность объединения. Руководством БССР был намечен целый ряд мероприятий, направленных на повышение эффективности сельского хозяйства и развитие национальных языка и культуры.

Надо отметить, что до 1923 г., как свидетельствуют многочисленные архивные документы, многие хозяйственные учреждения и предприятия Гомельской, Витебской и Смоленской губерний уже сами осознали необходимость объединения с соответствующими организациями БССР. Тесная связь хозяйств Витебской и Гомельской губерний с Белорусской ССР заставляла местные власти объединять усилия с белорусским правительством для разрешения насущных проблем. В 1922–1923 гг. ставились вопросы о создании единого для этих территорий почтово-телеграфного округа[15], центра внешней торговли[16], высказывались пожелания концентрации лесной промышленности Западного района[17]. В марте 1922 г. VIII Гомельская губернская конференция РКП(б), «учитывая чрезвычайно тяжелое положение железнодорожного транспорта», обратилась к руководству БССР с предложением разработать общие мероприятия для рационального использования местных ресурсов[18].

Структура и характер хозяйства БССР имели много общего с экономикой Витебской и Гомельской губерний. Как и в БССР, в Гомельской губернии большую роль играли лесная, деревоперерабатывающая и спичечная отрасли промышленности, которые получали большую часть необходимого сырья из БССР. Включение Витебской губернии в состав республики могло быть особенно полезным для сельского хозяйства, поскольку давало возможность углубить его специализацию на выращивании определенных сельскохозяйственных культур.

Одновременно с докладом, который предназначался для довольно широкого круга руководителей, ЦБ КП(б)Б подготовил специально для ЦК РКП(б) дополнение, в котором особое внимание обращало на политические мотивы укрупнения. В первую очередь, его авторы подчеркивали, что «положительное разрешение вопроса вытекает из необходимости реализации решений XII конференции КП(б)Б, без чего решения партийного съезда для рядовых членов партийной организации БССР, ее широких рабоче-крестьянских масс, а также для внешнего мира превращаются в формальную декларацию»[19].

Конфиденциальный характер документа позволял руководству КП(б)Б более открыто высказывать свои соображения по территориальному вопросу. Авторы дополнения отмечали, что замедление процесса возвращения восточнобелорусских территорий компрометирует советскую власть и создает удобную почву для антисоветской агитации. Обращалось внимание на настроения и ожидания

той части белорусской национальной интеллигенции, которая приняла Октябрьскую революцию и с установлением советской власти связывала надежды на восстановление белорусской государственности и культуры.

Как известно, часть белорусской интеллигенции положительно восприняла повторное провозглашение БССР. Однако дальнейшая национальная политика большевиков очень быстро охладила просоветские симпатии. Первым разочарованием стали условия Рижского мирного договора, который оставлял за Польшей значительные бело-

Группа железнодорожников и пограничников на пограничной станции Колосово, слева второй – начальник станции Смирнов. 1923 г.

русские территории. К этому добавлялось то непонятное положение, в котором находилась советская Беларусь. Формально независимая, она не имела собственной внешней и внутренней политики, а государственные органы БССР в своей деятельности полностью подчинялись российским наркоматам. В обществе отсутствовало ясное представление о направлении дальнейшего развития, о том, что ожидает молодую Белорусскую республику в будущем. Если потерю Западной Беларуси еще можно было рассматривать как жертву на алтарь всемирной революции, объяснить тяжелым внутренним положением и неблагоприятными внешнеполитическими обстоятельствами, в которых находилась советская страна, то нежелание правительства РСФСР возвращать восточнобелорусские губернии, отсутствие широкого обсуждения данного вопроса в обществе, его замалчивание вызывали недоверие и оценивались национальной интеллигенцией как отказ большевиков от декларированных ими принципов. Постепенно в среде белорусской национальной интеллигенции усиливался «трагический разлад между недавними ожиданиями и новой реальностью»[20]. Белорусские деятели культуры убеждались, что политика большевиков остается далекой от интересов белорусского народа и превращает его из высшей ценности исторического развития в средство достижения личных целей[21].

В начале 1920-х гг. тема разделенной на три части Беларуси становится одной из наиболее важных в творчестве белорусских писателей. К ней обращаются Я. Купала, Я. Колас, В. Дубовка, А. Дударь и другие[22]. Следует вспомнить хотя бы полное разочарования стихотворение Я. Коласа «Белорусскому люду», помещенное в 1922 г. в сборнике «Водгулле»[23], или стихотворение Я. Купалы «Перад будучыняй», написанное в том же году[24]. Вынужденный оправдываться Я. Купала объяснял в 1930 г. «националистическую окраску» стихотворения тем, что «в то время территория БССР состояла только из шести уездов бывшей Минской губернии, а часть населения враждебно относилась к белорусскому языку и белоруссизации»[25]. Нетрудно догадаться, что, говоря про враждебность, поэт имел в виду и руководство компартии, которое полностью контролировало политическую жизнь края и при этом не считало белорусский вопрос достойным внимания.

Отмеченные настроения среди белорусской интеллигенции не были секретом для руководства КП(б)Б. Более того, партийные власти республики сами соглашались, что такая ситуация противоречит принципам национального строительства, декларированным большевиками. В «Дополнении к докладу ЦБ КП(б)Б в ЦК РКП(б) по вопросу о территории Белоруссии» отмечалось, что «при нынешнем состоянии дел, когда Советская Белоруссия существует в границах шести неполных уездов Минской губернии, создается двойственность, непонятная и вредная. Подрастающая молодежь узнает в школах, что существует три Беларуси: первая – оккупированная Польшей, вторая – Советская, которая своим существованием как

бы ставит под подозрение политику партии по национальному вопросу, и третья – присоединенная по непонятным причинам к России». Чтобы снять подобную неопределенность и избежать обвинений в непоследовательности, белорусские власти считали целесообразным в срочном порядке включить в состав БССР Витебскую, Гомельскую и часть Смоленской губерний. Стремясь ускорить разрешение вопроса, белорусские власти предлагали создать специальную комиссию, которая должна была в двухнедельный срок установить точные границы БССР и подготовить политическую сторону объединения[26]. Возможно, таким образом, ускоряя принятие окончательного решения, белорусское правительство стремилось избежать организованного сопротивления со стороны губернских властей, ожидать которое имелись все основания.

На протяжении недолгой советской истории партийные работники Витебской, Гомельской и Смоленской губерний никогда не считали белорусский вопрос достойным внимания. Наоборот, попытки сторонников белорусской культуры наладить в губерниях белорусскую работу встречали непонимание и даже активное противодействие местных властей. Правительство БССР неоднократно обращалось в ЦК РКП(б), предлагая положить конец давлению на белорусскую работу в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях. Так, в 1921 г. председатель ЦИК БССР А. Червяков в телеграмме полномочному представителю БССР при РСФСР Н. Морозу писал, что в восточнобелорусских губерниях идет настоящее «гонение на белорусскую культуру, причем работников белорусской культуры отождествляют с контрреволюционерами, мешают работать»[27]. Примеров хватало. Как раз в это время в Наркомат просвещения БССР пришло письмо из Лепельского уездного Союза рабочего просвещения. В нем правление Союза просило разъяснить, является ли преступлением этнографическое исследование края и постановка пьес на белорусском языке. Авторы обращения отмечали, что работа в области белорусской культуры парализуется тем, что считается властями контрреволюционной, а за людьми, которые ею занимаются, ведется внимательное наблюдение[28].

В 1922 г., желая ознакомиться с постановкой белорусской культурно-просветительской работы в Витебской губернии, Витебск посетил нарком просвещения БССР В. Игнатовский. Он был вынужден констатировать полное отсутствие белорусской работы в губернии, большинство населения которой составляли белорусы[29]. Докладная записка В. Игнатовского о посещении Витебщины, которую президиум ЦК КП(б)Б решил даже направить в ЦК РКП(б) для искоренения отмеченных недостатков, была передана Н. Морозом лично И. Сталину[30]. И вновь без особых результатов.

До 1924 г. ситуация в восточных губерниях принципиально не изменилась. К примеру, еще в одном из белорусских докладов 1923 г. в ЦК РКП(б) отмечалось, что руководство Витебской губернии

«считает националистом каждого, кто говорит о необходимости свободного развития белорусской культуры и присоединения к БССР». Приводилась выдержка из отчета витебских коммунистов, которые изучали белорусский вопрос на местах: «Часть школьных работников-белорусов настроена националистически, выявляя стремление к Минску и белорусской культуре и языку». Таким образом, стремление ко всему белорусскому рассматривалось губернскими властями как проявление национализма и в результате как контрреволюционная деятельность. Примерно такая же ситуация наблюдалась и в Гомельской губернии, где, по данным правительства БССР, наблюдались большие ошибки относительно белорусского вопроса. ЦБ КП(б)Б располагало многочисленными примерами, когда в Гомельской губернии под давлением администрации закрывались белорусские школы, а учителей, которые хотели преподавать на белорусском языке, заставляли сменить место работы[31].

Как можно было предвидеть, перспектива возвращения восточнобелорусских территорий в состав БССР вызвала резко отрицательную реакцию со стороны партийных организаций Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. В своих докладах, подготовленных в ответ на доклад ЦБ КП(б)Б, губернские власти критиковали белорусский план и стремились доказать его несостоятельность. Прежде всего ставился под сомнение тот факт, что население названных губерний действительно является белорусским. Так, в докладе Витебского губернского комитета партии говорилось, что «быстрый рост ассимиляции привел к тому, что белорусов с национальным самосознанием, которые говорят на белорусском языке, – меньшинство...». А в конце доклада руководство губернии делало вывод, что для присоединения Витебской губернии к БССР нет никаких предпосылок и что «этот факт большинством населения не будет рассматриваться как национальное освобождение», а, наоборот, «вызовет среди них определенное недовольство»[32].

Чтобы предотвратить расформирование своих территориальных единиц или частичную потерю территорий, власти Гомельской и Смоленской губерний вновь вернулись к проекту создания Западной области. С этой целью 10 августа 1923 г. они основали организационное бюро Западной области РСФСР. Мотивы своего решения руководство губерний объясняло отсутствием среди населения тяги к белорусской культуре и языку, а также экономическими соображениями[33]. Так, гомельские власти в своем ответе на доклад ЦБ КП(б)Б предлагали отделить моменты национальные и экономические, как несовпадающие, и рассматривать вопрос о территории БССР в тесной связи с проектом создания Западной области. Возможность расширения БССР они допускали только после того, как республика войдет в состав области[34].

Для обоснования своей позиции руководство губерний часто ссылалось на враждебное отношение населения к включению в

БССР. Чтобы получить основание для подобных утверждений, Витебский губком создал специальную комиссию и провел обследование губернии, направив в уезды ответственных работников для постановки данного вопроса на волостных собраниях и конференциях[35]. В выводах, которые были сделаны по итогам обследования, говорилось: «Преобладающая масса крестьянства губернии относится отрицательно к введению белорусского языка в школах и учреждениях и к присоединению к Белоруссии». Для иллюстрации этого категорического вывода приводились резолюции сходов, на которых обсуждался территориальный вопрос. Так, в резолюции Лепельского общегородского схода отмечалось, что белорусский вопрос является несвоевременным и неактуальным, а введение белорусского языка было бы своего рода национальным гнетом, так как население белорусского языка не знает»[36].

Выводы обследования были неутешительными для белорусской стороны. Однако более тщательное и глубокое знакомство с методами его проведения показывает, что в ходе обсуждения белорусского вопроса членами комиссии Витебского губкома были сознательно допущены серьезные нарушения. Во-впервых, как видно из доклада комиссии, вопрос о присоединении к БССР при опросе населения очень часто подменялся вопросом о введении белорусского языка. Малосознательного белорусского крестьянина пугали родным языком. При этом члены комиссии «забывали» тот факт, что в БССР на то время четыре языка (белорусский, русский, польский и еврейский) являлись абсолютно равноправными, а специально для Витебщины правительство БССР собиралось добавить еще один язык – латышский. В связи с такой политикой правительства БССР по языковому вопросу становится понятным, почему, например, польское население Витебской и Гомельской губерний, наоборот, безусловно поддержало план расширения территории Белорусской республики.

Во-вторых, немаловажное значение для правильной оценки выводов комиссии имело знакомство со взглядами людей, которые непосредственно встречались с населением и проводили обсуждение белорусского вопроса на волостных сходах. В большинстве случаев это были коммунисты-белорусы, о которых в докладе сказано, что «они являются непримиримыми противниками белорусизации губернии». Понятно, что при таком враждебном отношении ко всему белорусскому ожидать от членов комиссии объективных выводов не приходилось. Наоборот, от своих собеседников они стремились получить ответы, которые бы совпадали с их собственными взглядами. Ответственный работник БССР, который во время опроса находился в отпуске в Лепельском уезде, был весьма удивлен методами, которыми пользовались витебские коммунисты: на участников собраний оказывалось сильное давление[37].

Такая же обработка населения против расширения БССР проводилась и в других губерниях. В 1926 г. правительство БССР

обратилось к бывшим сотрудникам Мстиславского уезда с просьбой подготовить воспоминания о том, как в 1923 г. происходило обсуждение белорусского вопроса в Смоленской губернии. Как свидетельствуют воспоминания, «руководство партийных, советских и профессиональных учреждений сразу же заняло враждебную позицию... Особенно те работники, которые были переброшены из других мест». Председатель исполкома Мстиславского уезда, например, приказал руководителям отделов и председателям волостных исполкомов создать среди населения отрицательное отношение к присоединению к БССР. Подобное задание, только уже по партийной линии, получили секретари сельских ячеек. Постановлением уездного комитета РКП(б) в каждую волость направлялись ответственные работники, которым было поручено обязательно добиться на собраниях населения единогласных резолюций против включения в состав БССР. Для агитации, как отмечал бывший заведующий уездного отдела политпросвещения Я. Гурченко, использовались следующие аргументы: присоединение к БССР приведет к ликвидации уезда и отрыву населения от советского и хозяйственного аппарата; слабость и ненадежность этого аппарата в БССР, экономическая слабость БССР; угроза белорусизации[38].

Отрицательное отношение властей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний к возвращению восточнобелорусских территорий в состав БССР обуславливалось несколькими причинами. Во-первых, значительная часть руководства губерний состояла из людей, которые рассматривали белорусские земли как неотъемлемую часть РСФСР. В основном это были приезжие, направленные в белорусские губернии на партийную, советскую, хозяйственную работу. Они не знали белорусской культуры, не желали замечать национальных особенностей белорусского народа, а белорусский вопрос считали искусственным. Во-вторых, поскольку присоединение к БССР было связано с пересмотром существовавшего административного деления и ликвидацией некоторых государственных учреждений, партийные и советские работники опасались потерять свои должности, ухудшить служебное положение. В-третьих, на взгляды руководства губерний влияла национальная политика, которую стремилось проводить правительство БССР. Необходимость изучения белорусского языка сильно беспокоила и раздражала многих ответственных работников.

Не желая мириться с отмеченными перспективами, губернские власти оказали активное сопротивление попыткам руководства БССР расширить территорию республики. Обращения в ЦК РКП(б) с протестами против присоединения сопровождались соответствующей агитационной работой среди населения. В результате такой политики белорусские власти оказались почти целиком лишенными поддержки снизу. Сочувственно к объединению с БССР относились только белорусские преподаватели и наиболее сознательные

крестьяне и рабочие. Преобладающее же большинство населения белорусских земель находилось в состоянии растерянности и раздвоенности. Лишенные правдивой информации, привыкшие подчиняться приказам сверху, жители Витебской, Гомельской и Смоленской губерний соглашались со всеми резолюциями, которые были необходимы губернским властям.

В обстоятельствах, когда взгляды руководства БССР и местных властей Восточной Беларуси на разрешение белорусского вопроса оказались абсолютно противоположными, а возвращение восточнобелорусских земель в состав БССР не имело очевидной поддержки снизу, большое значение приобретали факторы политического характера. Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что руководство компартии СССР в своей политике было вынуждено идти навстречу национальным движениям в советских республиках. Так, расширенный пленум ЦБ КП(б)Б, который прошел в октябре 1923 г., ставил перед партийной организацией республики задачу перетянуть на сторону советской власти белорусскую интеллигенцию. Для этого рекомендовалось «идти на уступки тем местным национальным элементам, которые хотят и могут лояльно работать в рамках советской власти»[39]. В случае с БССР приходилось также учитывать пограничное положение Беларуси – тот факт, что ее западная часть находилась в составе Польши.

Как свидетельствуют результаты работы специальной комиссии оргбюро ЦК РКП(б), которой поручалось установить границы БССР и куда поступали доклады из БССР и губерний, перечисленные внутри- и внешнеполитические соображения были приняты во внимание. Члены комиссии согласились с тем, что перепись 1920 г. должна быть откорректирована данными переписи 1897 г., и предложили включить в состав БССР Витебскую губернию целиком, Мстиславский и Горецкий уезды Смоленской губернии, а также Гомельскую губернию за исключением пяти уездов: Клинцевского, Гомельского, Суражского, Почепского и Стародубского, в которых белорусы, по мнению комиссии, составляли меньшинство. По экономическим соображениям из Гомельского уезда в состав БССР планировалось передать только город Гомель. В данном случае учитывалось его важное значение как центра, в котором замыкались в один узел многие железные дороги БССР. В выводах комиссии также предлагалось по стратегическим соображениям перенести столицу Белорусской республики из Минска в Могилев[40].

29 ноября 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело предложения оргбюро и постановило присоединить к БССР «родственные ей в бытовых, этнографических и хозяйственно-экономических отношениях» территории: Горецкий и Мстиславский уезды Смоленской губернии, Витебскую губернию целиком и Гомельскую губернию за исключением теперь уже только четырех уездов бывшей Черниговской губернии. Таким образом, и Гомельский уезд, в отличие от пред-

ложений комиссии оргбюро, передавался в состав БССР. Президиуму ЦИК СССР поручалось в месячный срок оформить это постановление в советском порядке, а созданная при ЦИК СССР комиссия с участием в ней представителей БССР, УССР и РСФСР должна была окончательно уточнить границы между республиками[41].

Узнав о результатах разрешения вопроса в Москве, правительство БССР сразу же начало активную работу по его осуществлению. В соответствии с постановлением политбюро ЦК РКП(б) руководство БССР рассчитывало провести объединительный съезд уже до середины января 1924 г., чтобы успеть до следующего съезда Советов СССР[42]. Властям заинтересованных губерний была разослана информация о норме представительства делегатов на объединительном съезде[43]. На заседаниях ЦБ КП(б)Б рассматривался вопрос о создании единого партийного центра для всех территорий, которые должны были войти в состав расширенной Белорусской ССР[44].

Одновременно в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях началась подготовительная работа по законодательному оформлению передачи БССР восточнобелорусских территорий. С этой целью в декабре 1923 г. тут прошли губернские съезды Советов. VII съезд Советов Гомельской губернии полностью поддержал решение о присоединении к Белорусской республике уездов, определенных постановлением политбюро ЦК РКП(б)[45]. В принятом по этому вопросу постановлении подчеркивалось, что «большая часть губернии в экономическом, этнографическом и национально-бытовом отношениях органично связана с Белоруссией»[46]. Для участия в объединительном Всебелорусском съезде от Гомельской губернии были избраны 103 делегата[47].

Решение Витебского губернского съезда Советов было почти тождественным по своей аргументации. Съезд констатировал, что большинство населения Витебской губернии составляют белорусы, и по своему экономическому и географическому положению губерния притягивается к Беларуси. Делегаты согласились на присоединение Витебской губернии к БССР и выразили уверенность, что данное решение будет положительно воспринято населением. В резолюции съезда отмечалось, что «дальнейшее экономическое развитие губернии, с одной стороны, и культурный подъем народных масс, которые ее населяют, с другой, могут быть обеспечены тесной экономической и политической связью белорусского населения Витебской губернии с БССР...»[48].

Уже при первом знакомстве с постановлениями губернских съездов Советов бросается в глаза огромная разница между их содержанием и той позицией, которую занимали губернские власти ранее, во время обсуждения белорусского территориального вопроса. Во-первых, в резолюции съездов признается, что население Витебской и Гомельской губерний является белорусским. Во-вторых, высказывается безусловная поддержка присоединения этих губерний к

БССР. Однако отмеченные изменения в оценках местными властями расширения территории БССР не были результатом пересмотра ими собственных взглядов. Партийные работники по-прежнему оставались противниками объединения с БССР и проводили постановление политбюро ЦК РКП(б) только в порядке партийной дисциплины. Одновременно они, как показало дальнейшее развитие событий, не отказались от попыток переубедить ЦК РКП(б) в безосновательности расширения БССР и добиться пересмотра ноябрьского постановления.

Решение политбюро ЦК РКП(б), принятое 23 ноября 1923 г., было благоприятным для Белорусской ССР. Оно предусматривало создание БССР в размерах, которых на самом деле не удалось достигнуть ни во время первого (в 1924 г.), ни даже второго (в 1926 г.) укрупнения. История, как известно, не терпит сослагательных наклонений, однако, если бы ноябрьское постановление политбюро ЦК РКП(б) было реализовано в полной мере, то в состав расширенной Белорусской республики вошло бы большинство этнических белорусских территорий, которые находились на советской стороне.

Тем не менее в момент, когда казалось, что вопрос решен окончательно, на пути к его практической реализации возникли непредвиденные препятствия. Связаны они были с деятельностью комиссии ЦИК Союза ССР. В ее состав вошли представители от РСФСР – А. Смирнов и Т. Сапронов, от БССР – В. Богуцкий и Н. Мороз, и от УССР – Ф. Кон. Председателем комиссии был назначен секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе[49].

Несмотря на протест представителей БССР, комиссия не только пересмотрела решение политбюро ЦК РКП(б), но и приняла ряд новых постановлений, которые существенно меняли состав расширенной Белорусской ССР. За пределами БССР оставались Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии, Гомельский уезд Гомельской губернии и большая часть Мстиславского уезда Смоленской губернии. Воспользовавшись переписью 1920 г. в качестве единственного критерия определения национального состава населения, комиссия ЦИК СССР посчитала, что в этих районах белорусы составляют меньшинство (не более 35%). Данные переписи 1897 г., на использовании которых настаивала белорусская сторона, вообще не были приняты во внимание. Неразрешенным остался вопрос о Речицком уезде Гомельской губернии. По нему набралось равное количество голосов. Одновременно и оформление объединения затягивалось на неопределенный срок[50].

Такое решение комиссии ЦИК СССР не может не вызвать удивления, поскольку уже в 1920-е гг. пересмотр советскими органами решений политбюро ЦК РКП(б) считалось явлением необычным и весьма сложным. Что же заставило членов комиссии не согласиться с решением высшего партийного руководства? Ответ на вопрос следует искать в той напряженной дискуссии, в которую в это время

оказались вовлечены высшие партийные и советские органы. Суть ее сводилась к определению роли и влияния партийных органов на деятельность советских учреждений. Дело в том, что состав комиссии ЦИК СССР, которая должна была установить окончательные границы БССР, входил один из лидеров оппозиции к ЦК РКП(б) – секретарь ЦИК РСФСР и председатель комиссии по районированию РСФСР Т. Сапронов. Руководство РКП(б) обвиняло его в том, что он стремился отделить советские органы от партийного влияния[51]. Со своей стороны, Т. Сапронов доказывал, что партия подавляет «инициативу и самостоятельность советских органов», и в качестве примера приводил белорусский вопрос, про который он, секретарь ЦИК РСФСР и председатель комиссии по районированию, до решения политбюро ЦК РКП(б) ничего не знал, «а если и слышал случайные разговоры по этому вопросу, то считал, что это только шутки о "Большой Белоруссии"».

На решение комиссии ЦИК СССР также повлиял протест Витебского губкома, который высказал возмущение тем, что при разрешении белорусского вопроса позиция партийной организации целой губернии была проигнорирована. Как отмечалось в письме А. Червякова и В. Богуцкого к представителям белорусского правительства, которые в декабре 1923 г. находились в Витебске, протест Витебской губернской партийной организации оказался как нельзя кстати для Т. Сапронова. Теперь ЦК РКП(б) был вынужден снова вернуться к проблеме границ БССР. Альтернативы было две: пересмотреть свое предыдущее решение или подтвердить его во второй раз. В личном разговоре с А. Червяковым секретарь ЦК РКП(б) А. Енукидзе заверил руководство БССР, что в любом случае будет принято решение, положительное для белорусской стороны. Однако он настаивал, чтобы правительство БССР не форсировало оформления вопроса, и брал на себе задачу оградить ЦК РКП(б) от новых нападок[52].

В связи со сложной политической ситуацией, вызванной внутрипартийной дискуссией, чтобы избежать обвинений в монополизации власти, центральные партийные органы были вынуждены пойти на частичный пересмотр своего решения. 29 декабря 1923 г. политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев результаты работы комиссии ЦИК СССР и жалобу ЦБ КП(б)Б, согласилось с позицией большинства членов комиссии. Три уезда Витебской губернии, Гомельский уезд Гомельской губернии и большая часть Мстиславского уезда Смоленской губернии оставались в составе РСФСР. Одновременно политбюро ЦК РКП(б) решило не препятствовать присоединению к Беларуси отдельных волостей Речицкого уезда[53]. Несмотря на то, что представители руководства БССР, присутствовавшие на заседании политбюро, подтвердили свою прежнюю позицию и заявили о несогласии с принятым постановлением, на практике ЦБ КП(б)Б и правительство БССР были вынуждены подчиниться решению политбюро ЦК РКП(б) и начать работу по его проведению в жизнь[54].

В соответствии с последним постановлением высшего партийного органа для определения, где конкретно, на уровне отдельных деревень, должна пройти граница Белорусской ССР, из представителей БССР и заинтересованных губерний создавались местные согласительные комиссии. В этой ситуации руководство губерний в очередной раз сделало попытку использовать свое присутствие в данных комиссиях, чтобы пересмотреть решение политбюро ЦК РКП(б) в свою пользу. Так, представители Гомельской губернии соглашались передать станцию Калинковичи только в обмен на Буда-Кошелевскую волость Рогачевского уезда. Власти Смоленской губернии вообще настаивали на том, чтобы оставить в составе губернии весь Мстиславский уезд[55]. Только благодаря твердой позиции представителей БССР эти территории были оставлены за белорусской стороной. С окончанием работы местных согласительных комиссий завершился этап изучения белорусского территориального вопроса, который тянулся более года, и началось законодательное оформление вопроса вхождения восточнобелорусских земель в состав БССР.

Следует отметить, что только с образованием СССР создались благоприятные условия для воссоединения белорусских территорий, которые находились на советской стороне. Связано это было с тем, что национальные республики хоть и сохранились в Союзе в качестве отдельных государственных единиц, однако в реальности их самостоятельность была существенно урезана, границы стали выполнять функцию скорее административной сетки, нежели разграничения суверенных республик. Таким образом, давая согласие на расширение БССР, ЦК РКП(б) мог быть уверен, что укрупнение территории Белорусской ССР не будет иметь каких-либо отрицательных последствий, связанных со стремлением к большей самостоятельности.

Инициатором воссоединения белорусских территорий в 1923 г. выступало руководство БССР. Значительная часть партийных и советских деятелей республики поддерживала идею национального возрождения и рассматривала территориальную целостность БССР как необходимое условие успешного социально-экономического и культурного развития республики.

Против включения белорусских территорий в состав БССР выступили власти Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. В своих докладах и обращениях в ЦК РКП(б) они отрицали тот факт, что население губерний по национальности является белорусским. Одновременно среди рабочих и крестьян проводилась соответствующая агитация против белорусизации и присоединения к БССР. Незнание культуры и истории белорусского народа, опасения потерять должность и нежелание изучать белорусский язык – таковы основные причины негативного отношения губернских властей к расширению БССР.

На фоне активного сопротивления ответственных губернских работников и отсутствия массовой поддержки со стороны местного

населения большое значение при установлении границ БССР придавалось внешнеполитическому фактору: учитывалась ситуация в Западной Белоруссии. Превалирование политических и экономических факторов над этнографическими и историческими стали причиной того, что в 1923 г. белорусский территориальный вопрос так и не был окончательно разрешен. Руководство БССР хоть и подчинилось постановлению политбюро ЦК РКП(б), однако высказало свое несогласие с ним и таким образом оставило за собой право вернуться к проблеме белорусских границ в будущем.

Примечания

1 Куличенко М.И. Образование и развитие Союза ССР. Ереван: Айастан, 1982. С. 239.
2 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 474, л. 56.
3 Запіска Наркамата Замежных спраў БССР аб неабходнасці ўрэгулявання пытання аб усходніх граніцах Беларускай Рэспублікі, 15 верасня 1922 г. // Знешняя палітыка Беларусі. Т. 1. С. 322–325.
4 Решения партии: резолюция XII Всебелорус. партконф., март 1923 г. // Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике: в 2 ч. Минск, 1927. Ч. 1: Белорусизация. С. 88.
5 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 167, л. 76.
6 Отчет временного Белорусского бюро Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков): за время февр. – май 1924 г. Минск: Изд. Белбюро ЦК РКП, 1924. С. 3.
7 Тайны национальной политики ЦК РКП: IV совещ. ЦК РКП с отв. работниками нац. респ. и обл. в г. Москве 9–12 июня 1923 г.: стеногр. отчет. М.: ИНСАН, 1992. С. 211.
8 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 1, л. 3–5.
9 Пичуков В.П., Старовойтов М.И. Гомельщина многонациональная (20-30-е годы XX века). С. 30.
10 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 116.
11 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 639, л. 38.
12 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 1, л. 9–15.
13 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 157, 158.
14 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 1, л. 15–16.
15 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 476, л. 78.
16 НА РБ. Ф. 34, оп. 1, д. 159, л. 46.
17 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 198, л. 35.
18 Прохоров В.В. К вопросу о включении уездов Гомельской губернии в составе БССР (1924, 1926 гг.) // Науч.-информ. бюл. архив. упр. при Совете Министров БССР. 1961. № 10. С. 21.
19 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 1, л. 42.
20 Тычка Г. Я. Купала і савецкая ўлада // Полымя. 1999. № 1. С. 187–190.
21 Гіламёдаў У. «Цяпер беларускай я песні ўладар»: Я. Купала і адраджэнне нашай дзяржаўнасці // Беларус. думка. 1993. № 3. С. 34–41.
22 Лазько Р., Мурашка М. На скрыжаванні вялікай палітыкі: аб вяртанні Гомельшчыны ў склад БССР // Беларус. гіст. часоп. 1996. № 1. С. 24.

23 Колас Я. Беларускаму люду // Колас Я. Водгульле: вершы. Менск. 1922. С. 106–107.
24 Купала Я. Перад будучыняй // Купала Я. Жыве Беларусь: вершы, арт. Мінск. 1993. С. 364–365.
25 Рассакрэчана Камітэтам бяспекі: ліст Я. Купалы да старшыні ЦВК СССР і БССР А. Чарвякова // ЛіМ. 1990. 7 верас. С.6.
26 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 1, л. 49.
27 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 15, л. 11.
28 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 152.
29 Гесь А. Як адстойвалі ўсходнія землі: публ. дак. з гісторыі Віцебшчыны ў 20-я гады нашага ст. // Спадчына. 1995. № 6. С. 42.
30 НА РБ. Ф. 15, оп. 1, д. 13, л. 353.
31 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 152, 162, 185, 191.
32 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 185, 191.
33 Чудзін-Васілеўскі Ю. Да гісторыі барацьбы за беларускую школу ў Гомельскай губерні РСФСР (1919–1926) // Гомельшчына: старонкі мінулага. С. 36.
34 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 193.
35 Акуневіч В.У. Да пытання аб ўваходжанні Віцебскай губерні ў склад БССР // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 10–11 крас. 1997 г. / Беларус. дзярж. ун-т; гал. рэд. М.П. Касцюк. Мінск, 1999. С. 168.
36 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 188, 191.
37 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 151, 186.
38 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 101, л. 94–135.
39 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 639, л. 69.
40 Якубовская С.И. Строительство Союзного Советского социалистического государства. С. 321.
41 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 656, л. 51–52.
42 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 639, л. 83.
43 НА РБ. Ф 6, оп. 1, д. 268, т. 1, л. 100.
44 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 639, л. 89.
45 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 46.
46 НА РБ. Ф. 48, оп. 1, д. 1671, л. 30.
47 Елізараў С.А., Елізарава Г.У. Праблема ўзбуйнення тэрыторыі БССР у 20-я гады // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў. С. 164.
48 НА РБ. Ф. 48, оп. 1, д. 1671, л. 30.
49 Союз Советских Социалистических Республик // Белорусская ССР: крат. энцикл. С. 680.
50 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 113–115.
51 Сталин И.В. О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого // Сочинения. Т. 5. С. 371.
52 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2549, л. 105, 111, 112.
53 Ракашэвіч У. Пашырэнне тэрыторыі Беларусі: да пытання аб далучэнні Гомельскай губерніі да БССР // Палессе. 1996. № 1. С. 128.
54 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 54.
55 НА РБ. Ф. 31, оп. 1, д. 11, л. 5, 16.

4.3. Законодательное оформление расширения территории БССР в 1924 г.

Законодательное оформление возвращения восточнобелорусских территорий в состав БССР началось с постановления президиума ЦИК РСФСР от 4 февраля 1924 г. «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением». В соответствии с ним к БССР отходили следующие территории:

– из состава Витебской губернии по границам старого административного деления уезды: Витебский, Городокский, Дрисcенский, Лепельский, Оршанский, Полоцкий, Сенненский и Суражский;

– из состава Гомельской губернии уезды: Могилевский, Рогачевский, Быховский, Климовичский, Чериковский и Чаусский и волости Речицкого уезда: Дерновичская, Мухоедовская, Наровлянская, Дудичская со станцией Калинковичи, Круковичская (на момент передачи Савичская), Домановичская, Карповичская целиком и части волостей: Автютевичской, Юревичской и Якимово-Слободской по границам деревень Боровики, Шепейки, Кокуевичи, Александровка, Малые Автютевичи и деревня Домарка;

– из состава Смоленской губернии: Горецкий уезд целиком и волости Шамовская, Старосельская, Казимирово-Слободская и части Бохоцкой, Ослянской и Соинской Мстиславского уезда с городом Мстиславлем.

В постановлении отмечалось, что передача этих районов должна произойти в месячный срок на основе инструкций Всероссийского ЦИК (ВЦИК) и СНК от 8 октября 1923 г. о порядке передачи территорий из одной административной единицы в другую. Для этого из представителей губерний и СНК БССР создавались согласительные комиссии, которые должны были установить точные волостные границы между БССР и РСФСР[1].

Инструкция ВЦИК и СНК, которой предлагалось пользоваться, предусматривала передачу территорий в новую административную единицу только с 15 августа по 1 октября каждого года. Однако в 1924 г., в виде исключения, разрешалось провести передачу территорий на протяжении января и февраля[2]. Делалось это, безусловно, специально для БССР. Некоторые историки высказывают мысль, что таким образом руководство компартии стремилось отвлечь внимание белорусского народа от воспоминаний об очередной годовщине провозглашения БНР[3]. Однако, на наш взгляд, прямой связи между этими двумя событиями не существует. Действительно, возвращение восточнобелорусских территорий имело своей целью укрепление просоветских настроений как в БССР, так и в Западной Белоруссии, однако в данном случае такая задача не ставилась. На то время, когда подготавливалась упомя-

нутая инструкция, уже было известно о будущем расширении БССР, и ВЦИК решил заранее снять возможные вопросы. Тем более что участие в разработке инструкции принимали ответственные работники, которые имели непосредственное отношение к разрешению белорусского территориального вопроса: председатель ВЦИК М. Калинин, заместитель председателя СНК А. Рыков и секретарь ВЦИК Т. Сапронов.

В белорусской республиканской печати постановление президиума ВЦИК о расширении территории БССР появилось уже 6 февраля 1924 г. В Москве же с опубликованием документа в центральных периодических изданиях не спешили. 16 февраля 1924 г. А. Червяков был даже вынужден послать на имя секретаря ВЦИК М. Киселева телеграмму, в которой просил его разместить постановление президиума ВЦИК в печати, поскольку отсутствие информации по данному вопросу тормозило работу по приемке территорий[4]. Скорее всего задержка была вызвана тем, что на тот момент судьба трех уездов бывшей Витебской губернии – Велижского, Невельского и Себежского не была определена окончательно. Еще раз рассмотрев этот вопрос, политбюро ЦК РКП(б) решило передать его в комиссию ЦИК СССР.

4 февраля 1924 г. было принято еще одно решение, которое касалось БССР. Политбюро ЦК РКП(б) постановило создать временное белорусское бюро ЦК РКП(б), временный руководящий орган компартии Беларуси, который должен был исполнять функции Центрального Бюро КП(б)Б и создавался для проведения организационных и политических мероприятий, связанных с возвратом восточнобелорусских территорий[5].

В состав временного белорусского бюро вошли: представитель ЦК РКП(б) и секретарь бюро – А. Осаткин-Владимирский; пять представителей от ЦБ КП(б)Б – И. Адамович, В. Богуцкий, В. Нодель, Ш. Ходош, А. Червяков; четыре представителя от Витебской губернии – В. Дьяков, Э. Медне, Д. Прищепов и В. Трунтаев; два представителя от Гомельской губернии – Ф. Бровкович и А. Рискин; и один от Смоленской губернии – Г. Брандсбург (до 4.05.1924), потом Н. Голодед (с 4.05.1924). Для оперативного руководства делами был создан и действовал президиум временного белорусского бюро в составе А. Осаткина-Владимирского (секретарь), И. Адамовича, А. Червякова (члены правительства), В. Богуцкого (заведующий организационно-инструкторского отдела) и В. Дьяков (заведующий агитационно-пропагандистским отделом)[6]. Структурно временное белорусское бюро ЦК РКП(б) включало следующие отделы: организационно-инструкторский, агитационно-пропагандистский, польское бюро, главное Бюро еврейских секций и отдел работниц и крестьянок. Действовало оно с 9 февраля по 12 мая 1924 г.[7]

8 февраля 1924 г. на заседании пленума ЦБ КП(б)Б было принято решение о ликвидации ЦБ КП(б)Б. Весь аппарат Бюро, денеж-

Расширение территории БССР в 1924 и 1926 гг.

ные средства и имущество передавались в распоряжение временного белорусского бюро ЦК РКП(б)[8]. В компетенцию нового руководящего органа КП(б)Б, чьи полномочия распространялись на всю территорию расширенной республики, входили вопросы как партийного, так и советского строительства[9].

Задачами временного бюро ЦК РКП(б) являлись популяризация среди населения возвращения восточнобелорусских территорий и предупреждение возможных конфликтов между БССР и партийными организациями губерний. В области советской работы временное бюро отвечало за надлежащую подготовку и проведение Чрезвычайного Всебелорусского съезда Советов и конструирование руководящих органов БССР[10]. Что касается последней задачи, то секретарь бюро А. Осаткин-Владимирский поддерживал тесный контакт с руководством ЦК РКП(б), собирая информацию о партийных деятелях БССР и губерний[11]. Так, в одном из своих писем секретарь временного бюро давал следующую характеристику будущему наркому земледелия БССР: «Прищепов – подает большие надежды. Твердый, способный, временами может не подчиниться, имеет агрономические знания. Много работает над собой»[12]. Подобные характеристики были подготовлены на А. Червякова, И. Адамовича, других партийных и советских работников республики.

Главным направлением деятельности временного бюро являлось создание условий для своевременного завершения работы по присоединению восточных территорий к БССР. 11 февраля 1924 г. постановлением СНК БССР была создана комиссия по приемке упомянутых в постановлении президиума ЦИК территорий. В состав комиссии, которая имела право выносить решения непосредственно от имени СНК БССР, вошли нарком финансов БССР Талунтис, председатель ВСНХ Карпешин, председатель Мингорисполкома С. Карп, председатель Центробелсоюза Н. Кац, член Мингорисполкома А. Славинский, а также Петрович. Возглавил ее нарком по военным делам И. Адамович[13].

Свою работу комиссия СНК БССР начала с приемки Гомельской губернии, где и прошло 16 февраля 1924 г. первое заседание согласительной комиссии в составе представителей от БССР и Гомельского губернского исполнительного комитета[14]. Такой график приемки территорий был избран не случайно. Помимо того, что присоединение Гомельщины само по себе имело большое значение, руководство республики сильно беспокоила экономическая ситуация, которая сложилась в белорусских районах губернии. Поскольку БССР передавалась только часть уездов, то главные противоречия, сразу же возникшие между белорусской и губернской сторонами комиссии, были связаны с проблемой раздела материального имущества и той экономической политикой, которую проводили губернские власти накануне расширения БССР.

От общей площади губернии в 55111 кв. верст в состав Белорусской республики переходило 26169 кв. верст, или 53% ее территории, на которой проживало 41% всего населения. В среднем, если посчитать по территории и населению, в состав БССР включалось около 45% Гомельской губернии[15]. В уездах, которые присоединялись к БССР, находились 10 работавших промышленных предприя-

тий: лесопильный и древомассный завод в Рогачеве; бумажная фабрика в Шклове; четыре винокуренных завода и комбинированное предприятие (лесопилка, маслобойня, мельница) в Могилеве и еще два завода[16]. Несомненно, они повышали промышленный потенциал республики, создавали благоприятные условия для более эффективного и быстрого развития белорусской экономики.

Вместе с тем целиком подтвердилась информация о том, что долгое время накануне расширения БССР руководство Гомельской губернии вывозило из белорусских районов материальные ценности и денежные средства. И это были не единичные случаи. Речь шла о политике, которая проводилась сознательно и целенаправленно. Прежде всего губернские власти забирали из белорусских уездов зерно и семена, необходимые для проведения посевной кампании. Как сообщал заведующий земельным отделом Могилевского уезда, руководство губернии потребовало передать в центр гидротехническое оборудование и вывезти из хозяйств племенной скот, продать семена, которые ранее были выделены на проведение посевной, а деньги переслать в Гомель. В результате констатировалось, что ни один совхоз не мог дотянуть до нового урожая.

Отмеченное положение наблюдалось и в промышленности. С предприятий вывозились сырье и полуфабрикаты, топливо и техника. Исполнительный комитет Могилевского уезда на совместном заседании с комиссией СНК БССР и представителями губернского исполкома отмечал неудовлетворительное состояние промышленности уезда и катастрофическое положение в области коммунального хозяйства, которые считал результатом непродуманной политики губернского центра. Заведующий общим отделом уездного комитета Н. Эстрин припомнил, что за последнее время из Могилева в Гомель были бесплатно вывезены оборудование психиатрической больницы, машина из типографии, станки и лом с завода «Возрождение». По его подсчетам, стоимости утраченного было бы достаточно для финансирования всех ремонтных и кровельных работ в муниципальном секторе Могилева[17].

Руководство губернии не только вывозило средства из белорусских уездов и оставляло местные государственные культурные, медицинские и научные учреждения без необходимого финансирования. Одновременно оно пробовало перевести в эти районы убыточные бюджетные организации, которые, по всем расчетам, должны были остаться в Гомельской губернии. Так, в Могилеве были собраны все детские дома Гомельщины, а средства на их содержание не выделялись[18]. В целом же уезды и волости, передаваемые БССР, не получали положенные им по закону средства из губернского центра на протяжении пяти месяцев и переходили к БССР со значительным бюджетным дефицитом[19].

Не удивительно, что в этой ситуации большая часть тех 25000 руб., которые имела в своем распоряжении комиссия СНК

БССР, были использованы именно для финансовой поддержки учреждений и предприятий Гомельской губернии. Председатель комиссии И. Адамович информировал А. Червякова: «Деньги пока что расходовали так: 4000 руб. дали Карпешину для завода, потому что рабочие не получали три месяца зарплату; 12000 руб. дали Могилевскому уездному исполкому, потому что он в этот переходный момент (грабительский со стороны Гомельского губернского исполкома) остался в очень сложном положении».

История предприятия, которое упоминается в письме, заслуживает отдельного внимания. Речь идет о Наспенском стекольном заводе, на котором работало около 600 рабочих. На то время это было крупное предприятие, однако на протяжении долгого времени его преследовали неудачи. Сначала завод был уничтожен пожаром. Отстроенный рабочими, в скором времени он во второй раз был поврежден бурей. Несмотря на то, что Гомельский губернский Совет Народного Хозяйства не собирался восстанавливать завод, рабочие собственными силами сделали это. На протяжении вынужденного «безделья», пока шли восстановительные работы, они получали мизерную плату. Однако и эти деньги им выплачивались несвоевременно, с трехмесячным опозданием. В самый тяжелый момент гомельские власти не сделали ничего, чтобы поддержать рабочих, облегчить положение их семей. Наоборот, как только руководство Гомельской губернии узнало, что этот район переходит к БССР, оно стало равнодушным к потребностям людей, которые там жили.

Экономическая ситуация в губернии осложнялась еще и тем, что тут финансовые отчисления в бюджет были значительно большими, чем в БССР. При этом некоторым губернским учреждениям из государственного бюджета отпускалось в два-три раза меньше средств, чем таким же белорусским организациям. Несмотря на сложное экономическое положение самой Белорусской ССР, комиссия СНК БССР постановила, что невозможны никакие сокращения в сетке уездных учреждений, которые находились на губернском финансировании. Белорусская комиссия также решила, что если власти Гомельской губернии откажутся от участия в финансировании учреждений губернского значения в тех уездах, которые отходят к БССР, то с 1 марта 1924 г. эти учреждения переводятся на бюджет БССР[20].

Похожая ситуация с вывозом материальных ценностей повторилась и в Смоленской губернии. Из совхозов, которые отходили к БССР, забирались лучшие сортовые семена и скот. Некоторые совхозы были ликвидированы, а вся их продукция и имущество перевезены в другие хозяйства Смоленской губернии. Прежде всего от таких действий губернских властей страдали простые люди. Руководство БССР стремилось к тому, чтобы население присоединенных районов не связывало ухудшение своего положения с расширением БССР. Предприятиям и сельским хозяйствам восточных тер-

риторий за счет соответствующих организаций Минской губернии оказывалась всесторонняя, в том числе и финансовая помощь. Как сообщало управление совхозами Наркомзема БССР, на территории Горецкого уезда существовало семь совхозов. Три из них накануне передачи уезда в состав БССР Смоленский губсельтрест ликвидировал, а всю продукцию и наиболее ценное имущество передал в хозяйства Смоленской губернии. Получив совхозы в свое распоряжение, Наркозем БССР смог два из них восстановить и провести, взяв семена из других районов Беларуси, полноценную посевную кампанию[21].

По многим вопросам раздела общегосударственного и губернского имущества соглашение так и не было достигнуто. Чтобы не затягивать процесс, спорные вопросы передавались на рассмотрение согласительной комиссии в Москве[22]. Уже 19 февраля 1924 г. представители СНК БССР подписали акт о приемке в состав БССР всех уездов Гомельской губернии, отмеченных в постановлении президиума ВЦИК от 4 февраля 1924 г.[23] Акт приемки Горецкого и части Мстиславского уездов был подписан комиссией СНК БССР 24 февраля 1924 г.

На этом, однако, вопросы, связанные с приемкой Смоленской губернии, не закончились. Но теперь они были не экономического характера. От Смоленской губернии к БССР отходил Горецкий уезд целиком, из Мстиславского уезда – волости Шамовская, Старосельская, Козимирово-Слободская и части волостей Бохоцкой, Ослянской и Соинской. В связи с тем, что три последние волости передавались не целиком, а частично, крестьяне Бохоцкой, Ослянской и Соинской волостей на своих собраниях принимали заявления, в которых протестовали против оставления их в Смоленской губернии и ходатайствовали о присоединении к БССР[24]. Так, крестьяне деревень Свиридовка, Большой Рай и Малый Рай Бохоцкой волости на своем собрании 30 марта 1924 г. приняли следующее постановление: «В связи с тем, что мы с давних времен принадлежим к нации белорусов.., узнав, что наши деревни отходят к Смоленской губернии, а значит к России, у нас проснулось национальное чувство – желание присоединиться к родному краю, в котором мы родились...». Такое же решение приняли и жители Шишковского района этой же волости на общем собрании 7 апреля 1924 г. В резолюции собрания говорилось: «Мы, граждане Шишковского района, расположенного возле намеченной границы БССР, являемся с точки зрения национальности коренными белорусами... и высказываем искреннее желание присоединиться к БССР»[25].

При этом отметим, что данные ходатайства о присоединении к БССР начали появляться только с середины марта 1924 г., уже после того, как вопрос о территории БССР был окончательно разрешен в высших республиканских и союзных органах. Кроме того, рядом со словами о национальном единстве и желании быть присоединенны-

ми к БССР соседствовали более прагматические мотивы – неудобное географического положение относительно новых уездных и волостных центров. Если раньше расстояние от деревень до уездного города Мстиславля не превышало 20 верст, то теперь новый административный центр этих деревень находился на расстоянии более 90 верст.

О том, что в преобладающем большинстве случаев это обстоятельство было решающим при формировании отношения населения к расширению БССР, свидетельствует протокол внеочередного съезда райсовета и уполномоченных деревень Найденковичской волости Мстиславского уезда. Съезд собрался 12 марта 1924 г. – через 9 дней после постановления президиума ВЦИК и через 5 дней после постановления президиума ЦИК СССР, когда вопрос о расширении территории БССР считался уже окончательно разрешенным на всех уровнях. В этой ситуации по результатам голосования большинство участников съезда (64) высказались за присоединение к БССР. За то, чтобы остаться в Смоленской губернии, голосовали 50 человек, и еще 46 человек посчитали, что необходимо дождаться, пока будет окончательно разрешен вопрос о будущем уездном центре[26].

Этими же мотивами руководствовались и жители деревень Бохоцкой волости. Население Шишковского района (резолюция собрания цитировалась выше), чтобы доказать необходимость присоединения района к БССР, ссылалось на то обстоятельство, что на пути к Смоленску им надо преодолевать несколько рек. Весной и осенью такое путешествие становилось довольно проблематичным и трудновыполнимым. В качестве дополнительных причин объединения с БССР назывались также отсутствие поблизости больниц, лесов, подходящих для хозяйственного пользования, и др. В резолюциях некоторых собраний национальный момент вообще не упоминался. Так, жители деревни Пересиденье Ослянской волости постановили: «Принимая во внимание, что Рославльский уезд, к которому мы причислены, находится от нас на расстоянии 90 верст и путь до центра пересекается двумя реками.., ходатайствовать перед соответствующими учреждениями о присоединении к Мстиславскому уезду и Казимирово-Слободской волости»[27].

Что могло сделать в данной ситуации правительство БССР? Вновь ставить в высших кругах вопрос о территории республики, обсуждение которого проходило с такими трудностями и только-только завершилось? 11 апреля 1924 г. ЦИК БССР принял логичное в данных условиях решение: все ходатайства о присоединении к БССР не рассматривать и сразу пересылать в ЦИК СССР[28]. В Москве изложенные доводы были признаны недостаточно вескими.

Витебская губерния не случайно оказалась последней в плане работы комиссии СНК БССР. Все время, пока шла приемка территорий Гомельской, Смоленской, а потом и Витебской губерний, в

ЦИК РСФСР и ЦИК СССР решался вопрос о судьбе трех северных уездов Витебской губернии: Велижского, Невельского и Себежского. Поскольку в состав БССР переходила большая часть Витебской губернии и ее руководство оставлялось для работы в Беларуси, то тут вопросы экономического характера практически не возникали. Наоборот, губернские власти выступали на стороне БССР. Во время работы II съезда Советов СССР пленум Витебского губисполкома постановил настаивать перед ЦИК РСФСР о вхождении Витебской губернии целиком в состав Белорусской республики и мотивировал это культурным, экономическим и административным единством всего района. 13 февраля 1924 г. ВЦИК в очередной раз рассмотрел вопрос о трех северных уездах Витебской губернии и постановил не передавать их в состав БССР. 22 февраля Президиум ЦИК СССР предложил ВЦИК еще раз вернуться к этому вопросу, пригласив все заинтересованные стороны[29]. Однако и повторное обсуждение проблемы не принесло белорусской стороне положительных результатов. 3 марта 1924 г. президиум ВЦИК подтвердил свое прежнее решение[30].

Комиссия СНК БССР, как только стало известно о том, что эти уезды остаются в составе РСФСР, подписала 4 марта 1924 г. акт о приемке Витебской губернии. К территории Белорусской советской республики присоединялись 8 уездов площадью 24836 кв. верст[31], что составляло 62% от всей территории Витебской губернии и где проживало около миллиона человек[32].

3 марта 1924 г. президиум ВЦИК поместил в печати постановление «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением»[33]. 7 марта 1924 г. президиум ЦИК СССР издал постановление «Об объединении в составе Белорусской Социалистической Советской Республики всех территорий Советского Союза с большинством белорусского населения». В документе отмечалось, что «соглашение, которое произошло между Центральными Исполнительными Комитетами РСФСР и БССР, в результате чего в составе Белорусской республики объединяются все территории Советского Союза с большинством белорусского населения, является новым и ярким доказательством фактического осуществления все более тесных, дружелюбных и братских отношений народов, населяющих Союз». Расширение территории БССР называлось «наивысшим актом взаимного доверия народов» Советского Союза, который послужит призывом для всех трудящихся Белоруссии «трудиться над своим экономическим и культурным возрождением и развитием»[34].

Законодательное оформление расширения территории БССР было завершено на VI Чрезвычайном съезде Советов БССР, проходившем в Минске с 13 по 16 марта 1924 г. В резолюции по докладу председателя ЦИК БССР А. Червякова «Расширение территории Белорусской республики и задачи советского правительства» съезд

отметил, что «Советская Белоруссия в ее настоящих границах с достаточной полнотой охватывает собой все особенности, которые выделяют Беларусь в особый район в экономических, культурно-бытовых и национальных отношениях»[35]. Утверждалось, что расширенная БССР объединяла 97% всех белорусов, которые проживали в границах СССР[36].

Последним этапом формирования территории БССР в 1924 г. стала передача Велижского, Невельского, Себежского уездов Витебской губернии в состав РСФСР. 24 марта 1924 г. президиум ВЦИК в дополнение к своему постановлению «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением» издал постановление о присоединении данных уездов к Псковской губернии. Передача уездов должна была завершиться до 7 апреля 1924 г. Точные границы между БССР и Псковской губернией устанавливались согласительной комиссией, составленной на паритетных началах из представителей Белорусской ССР и губернии[37].

Уже первое заседание согласительной комиссии выявило серьезные расхождения между ее членами. В нарушение постановления президиума ВЦИК от 3 марта 1924 г., которое предусматривало передачу БССР белорусских территорий по границам старого (дореволюционного) административного деления, представители Псковской губернии потребовали, чтобы Невельский и Себежский уезды были переданы им в расширенных границах, установленных в результате районирования 1923 г. Таким образом, губернские власти высказывали претензии на волости, которые в соответствии с решением президиума ВЦИК отходили к БССР. Доводы, которыми они объясняли свою позицию, не были новыми. Отрицался тот факт, что население спорных районов является белорусским, утверждалось, что выделение волостей не лучшим образом скажется на экономическом состоянии уездов, нарушит работу советского аппарата, отрицательно повлияет на организацию пограничной службы.

В ответ на инициативу псковских властей белорусская сторона согласительной комиссии предложила присоединить к БССР те районы Велижского, Невельского и Себежского уездов, в которых преобладало белорусское население. Таких районов было немало. Хоть демографическая перепись 1920 г. и зафиксировала в Велижском уезде менее 40% белорусского населения, данные сельскохозяйственной переписи, проведенной в том же году, показали здесь 92% белорусов. Если же обратиться к поволостным переписям населения 1920 г., то в границах районирования 1923 г. белорусы преобладали в Суражской волости (97%), Велижской (61%) и во всех северных уездах (от 74% до 97%). Таким образом, этнографические признаки требовали присоединения к БССР почти всего Велижского уезда. В Невельском уезде руководство БССР настаивало на возвращении Новохованской, Холомерской и Ленинской волостей, в которых по переписи 1920 г. проживало соответственно 68%, 62%

и 74% белорусов. По Себежскому уезду данные переписи 1920 г. имелись только относительно Клястицкой волости, где перепись зафиксировала 72% белорусов[38].

Попытки обеих сторон согласительной комиссии найти взаимоприемлемое решение результатов не принесли. Руководство БССР было вынуждено снять свои предложения с обсуждения, посчитав необходимым точно придерживаться содержания постановления ЦИК РСФСР и предложив Псковской губернии для выравнивания границ присоединить Стайковскую и частично Дубокрайскую волости Невельского уезда[39]. Частично такая практика себя оправдала. 5 апреля 1924 г. согласительная комиссия приняла решение установить границы Велижского уезда по карте административного деления Витебской губернии 1920 г. По Невельскому уезду также было поддержано постановление правительства БССР. И только относительно двух волостей – Освейской и Нищанской (по административному делению 1923 г.) Себежского уезда соглашение не было достигнуто и вопрос передавался в Москву на рассмотрение арбитра ЦИК РСФСР, который в данном случае поддержал белорусскую часть комиссии[40]. На этом передача-приемка восточнобелорусских территорий и законодательное оформление расширения БССР завершились.

Возвращение в состав БССР восточнобелорусских территорий встретило неоднозначную реакцию как в присоединенных районах, так и за пределами республики. С наибольшим энтузиазмом к расширению БССР отнеслась белорусская интеллигенция. Учителя, работники образовательных и культурных учреждений Гомельской, Витебской и Смоленской губерний приветствовали присоединение к БССР и активно брались за работу. Секретарь Оршанского уездного комитета КП(б)Б в своем докладе в ЦК КП(б)Б отмечал, что «отмечается быстрое повышение спроса на белорусскую культуру. Кружки и др. возникают так быстро, что едва успеваем их организовывать и подчинять своему влиянию»[41].

Что касается рабочих и крестьян, то большинство из них, как это следует из отчетов секретарей уездных комитетов КП(б)Б, информацию о присоединении к БССР восприняло как произошедший факт. Главная вина за такое отношение к важнейшему событию в политической жизни лежит на местных властях. Как сообщала «Советская Белоруссия», в Витебской губернии «постановление о присоединении появилось неожиданно... Витебская газета считает этот вопрос для себя неинтересным и, вероятно, по этой причине неохотно информировала и теперь информирует своих читателей обо всем том, что делается и делалось в направлении присоединения Витебщины к Белоруссии»[42]. Основное, что беспокоило рабочих и крестьян, – это то, как объединение с БССР отзовется на их материальном положении.

Свое недовольство включением в состав Белорусской советской республики высказывали служащие тех учреждений, которые

попали под сокращение. Значительная часть небелорусской интеллигенции, партийных и советских работников, служащих проявляла озабоченность в связи с необходимостью изучения белорусского языка[43]. Чтобы переубедить население присоединенных районов в необходимости воссоединения белорусских земель и изучения белорусского языка, руководству БССР приходилось проводить активную разъяснительную работу. Как указывал председатель СНК БССР И. Адамович в своем выступлении в Могилеве: «Изучать материнский язык может и должен каждый работник нашей страны. Если мы это не сделаем, мы не решим национального вопроса...»[44].

С целью популяризации укрупнения Белорусской советской республики уездным организациям КП(б)Б накануне VI съезда Советов поручалось провести в городах и деревнях массовые собрания и митинги на тему «Укрупнение Белоруссии и Чрезвычайный съезд Советов». Территориальный вопрос стоял первым пунктом в работе всех городских и волостных конференций, которые проходили во второй половине марта – начале апреля 1924 г. Расширению БССР были посвящены две брошюры: «Национальный вопрос и РКП(б)» и «Беларусь», подготовленные членом ЦБ КП(б)Б В. Игнатовским[45]. Однако эти мероприятия лишь частично могли повлиять на отношение людей к расширению БССР. Без конкретных примеров того, что новое руководство в центре и на местах действительно заботится о белорусской культуре и языке, трудно было ожидать изменений в настроениях населения. А это требовало определенного времени.

Для руководства компартии также очень важной была реакция на расширение БССР за границей. Следует отметить, что возврат восточнобелорусских территорий вызвал большой резонанс в политических кругах и среди населения Западной Беларуси. Все политические партии и группировки, газеты и журналы сразу же отреагировали на факт расширения Белорусской советской республики. Некоторые из них стремились принизить значимость события, однако общее настроение было в пользу советской власти. Журнал «Криница» в номере от 29 марта 1924 г. писал: «И вот идеал независимости Белоруссии, хоть и не во всей полноте, но уже реализуется в жизни. За последние месяцы... большинство белорусских земель на восток от границ современной Польши уже объединены в Белорусскую Советскую Республику в федерации с Россией. Беларусь – уже Государство. Это факт, который оспаривать нельзя и который уже никакая сила со страниц истории не вычеркнет»[46].

Даже противники советской власти за границей признавали большое пропагандистское значение расширения территории БССР. Виленская газета «Слово», которая всегда находилась в оппозиции к большевикам, отмечала: «Это «укрупнение» было умелым ходом Советов в их белорусской политике, который значительно укрепил большевистскую ориентацию в Западной Белоруссии, лучшей ил-

люстрацией чего может служить тот трагикомический факт, что даже наши ксендзы-белорусы (особенно молодого поколения) в последнее время все больше посматривают на Восток»[17].

Политические органы БНР, находившиеся в эмиграции, на возврат восточнобелорусских территорий отреагировали сдержанно. Белорусское пресс-бюро в Ковно в бюллетене № 4 от 8 марта 1924 г., сообщая о расширении Советской Беларуси, отмечало, что «объединение этнографической Белоруссии на восток от линии Рижского договора этим не закончено: характерно, что Гомельский уезд с г. Гомелем не вошли в состав Белоруссии и тем самым большая часть новых областей лишена своего экономического центра»[18].

Критичное отношение политических лидеров БНР к результатам укрупнения БССР, подчеркивавшееся в официальных заявлениях и статьях в эмигрантской прессе, не выражало всего спектра настроений, которые существовали в среде белорусской политической эмиграции в начале 1924 г. В действительности, расчет большевистских идеологов оправдался: под влиянием возврата восточнобелорусских территорий отношение к БССР части деятелей белорусской эмиграции существенно изменилось. Тем более, что в 1924 г. белорусское национальное движение за границей переживало не лучшие, а, быть может, худшие свои времена. Число белорусских политических деятелей, которые группировались вокруг правительства БНР в эмиграции, было крайне невелико, а их влияние на политические события на белорусских землях будь то в БССР, Литве или Западной Беларуси практически свелось к нулю. С августа 1923 г. все правительство БНР состояло лишь из пяти человек: председателя Рады министров А. Цвикевича, трех министров – В. Захарки, Л. Зайца, И. Воронки и государственного писаря В. Прокулевича. Рада министров могла собираться лишь совместно с Радой республики, председателем которой являлся П. Кречевский[19].

С ноября 1923 г. после того, как большинство членов Рады и правительства переехало в Прагу, а председатель правительства БНР А. Цвикевич остался в Ковно, деятельность политических органов БНР стала еще менее скоординированной. Достаточно сказать, что для передачи письменного сообщения от главы правительства БНР из Ковно его коллегам в Прагу требовалось более двух недель. Между тем положение органов БНР было крайне сложным. Литовское правительство практически полностью прекратило всякие контакты с правительством БНР. Произошло это после скандала вокруг заявления В. Ластовского на международной конференции в Генуе в 1922 г. о согласии белорусов на присоединение Вильно к Литве. Правительство БНР выступило категорически против заявления В. Ластовского и сделало все, чтобы точка зрения правительства БНР стала известна всем участникам конференции. После этого демарша отношение литовских властей к белорусским организациям стало не просто холодным, но и враждебным. Серьезный конфликт суще-

ствовал также между председателем Рады министров БНР А. Цвикевичем и белорусской организацией в Латвии. Что касается Западной Беларуси, то связь с ней политических органов БНР была крайне ограниченной. Помощь белорусам, находившимся под властью Польши, в основном сводилась в подаче жалоб в международные организации об ущемлении национальных прав белорусского населения, что давало весьма незначительные результаты[50].

На этом фоне размах национально-культурного строительства в БССР из-за границы виделся особенно впечатляющим. Не удивительно, что у многих белорусских лидеров, связанных с БНР, возникло желание отказаться от дальнейшей неравной борьбы с большевистским режимом и вернуться на Родину, чтобы принять участие в возрождении белорусской нации. Архивные документы показывают, что инициатива в постановке данного вопроса принадлежала Белорусскому Краевому центру в Вильно. Именно его деятели в апреле 1924 г. обратились к председателю Рады министров БНР А. Цвикевичу с предложением, чтобы правительство БНР прекратило свое существование и сдало свои мандаты правительству БССР[51]. Первоначально А. Цвикевич отреагировал на предложение виленских белорусов отрицательно. Глава правительства БНР с недоверием относился к тому, что происходило в БССР. Еще в августе 1923 г. в одном из своих выступлений он заявлял, что «марксистский подход к национальному вопросу, по сущности метафизическому, ничего в нем не объясняет, а только затемняет его. Попытки белорусского Менска в этом направлении есть результат моды и, в худшем случае, – официализма»[52].

Однако возврат в состав БССР восточнобелорусских территорий, политика белорусизации заставила А. Цвикевича и многих других лидеров БНР изменить собственные взгляды, проявлением чего стала организованная некоторыми членами правительства БНР конференция белорусских национальных организаций, состоявшаяся в Берлине в октябре 1925 г. Участники конференции от правительства БНР, декларировав свою ориентацию на БССР, сообщили о сложении своих полномочий и поддержали Минск в качестве руководящего центра белорусского национального движения: «конференция признает, что на восточной территории Белоруссии создано белорусское государство в форме Белорусской Советской республики. Совещание признает всю чрезвычайную важность стремлений советской республики в осуществлении национально-государственного идеала белорусского народа и, признав Минск центром белорусского возрождения, считает всякие попытки активной борьбы против него изменой делу белорусского освободительного движения»[53].

Часть деятелей БНР во главе с председателем Рады БНР П. Кречевским не признала ликвидацию правительства БНР. В частности, П. Кречевский заявил о том, что А. Цвикевич, В. Захарко, Л. Заяц и

В. Прокулевич, подписавшие постановление о прекращении существования правительства БНР[54], не имели полномочий для подобного демарша, поскольку накануне конференции, 4 октября 1925 г., все они подали заявления об отставке председателю Рады БНР П. Кречевскому и, таким образом, во время работы конференции уже не являлись членами правительства БНР. Кроме того, в соответствии с решением Объединительного собрания членов президиума Рады и Правительства БНР от 23 августа 1923 г., президиум Рады и правительство БНР не имели права заседать отдельно друг от друга, а значит, и принимать постановления в отсутствие одной из сторон, что произошло во время работы берлинской конференции[55]. С формальной точки зрения позиция П. Кречевского и его сторонников, возможно, была и правильной, однако, безусловно, можно утверждать, что постановление Берлинской конференции стало значительной победой большевиков и очередным поражением белорусских эмигрантских организаций, группировавшихся вокруг идеи Белорусской Народной Республики. Оно существенно ослабило позиции белорусских антисоветских организаций за границей, в том числе в Польше, на что особенно рассчитывали власти БССР, защищая в свое время в высших органах СССР идею расширения территории Белорусской советской республики[56].

Возврат в состав БССР восточнобелорусских земель имел большое влияние на политическую, социально-экономическую и культурную жизнь белорусского народа. В результате расширения территория республики увеличилась более чем в два раза и составила 110223 кв. км, а количество населения возросло до 4,2 млн человек[57]. Среди них, даже по переписи 1920 г., белорусы составляли 70,4%; русские – 16,9%; евреи – 9,7%; поляки – 2,2%; другие национальности – менее 1%[58]. Присоединение белорусских территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний дало белорусскому правительству возможность провести новое административное деление, которое лучше учитывало потребности народного хозяйства. В соответствии с ним территория республики делилась на 10 округов (Оршанский, Бобруйский, Борисовский, Витебский, Калининский, Могилевский, Мозырский, Минский, Полоцкий и Слуцкий), 100 районов и 1202 сельских Совета[59].

Включение в состав БССР достаточно развитых в экономическом отношении территорий содействовало повышению экономического потенциала республики. В присоединенных к БССР районах находилось значительное количество промышленных предприятий: 29 предприятий (4309 рабочих) в Витебской губернии и 10 (1508 рабочих) – в Гомельской губернии. Для сравнения отметим, что в шести уездах бывшей Минской губернии действовало 39 предприятий, на которых работало 3192 человек[60].

Вместе с тем расширение территории республики поставило перед правительством БССР ряд серьезных задач. Власти Гомельс-

кой, Смоленской, а затем и Псковской губерний вопреки постановлению президиума ВЦИК сделали попытку сократить территории, которые должны были отойти к БССР. Одновременно за счет белорусских районов они старались улучшить экономическое положение своих губерний. На протяжении пяти месяцев уезды, переходившие к БССР, не пользовались финансовой поддержкой губернского бюджета. По приказу губернского руководства из совхозов вывозились семена и скот, с предприятий забирались сырье и техника, а местные власти были вынуждены продавать наиболее ценное имущество и пересылать полученные средства в губернский центр. В результате такой политики присоединенные к БССР районы оказались в сложном положении. Предприятия не имели оборотных средств, рабочим на протяжении нескольких месяцев не выплачивалась зарплата.

Сложная ситуация наблюдалась и в сельском хозяйстве. Прежде всего тут был иной, в сравнении с БССР, характер землепользования. В Смоленской и Гомельской губерниях все мелиорационные мероприятия проводились исключительно за счет местного населения. Это же касалось и ветеринарии, услуги которой стоили очень дорого. Комиссия СНК БССР отметила высокую плотность сельского населения и недостаток земли для обеспечения его потребностей. Предлагалось создать специальный фонд и организовать переселение желающих в другие районы Советского Союза. Многие совхозы в 1924 г. из-за недостатка семян не могли провести полноценную посевную кампанию. Правительство БССР прилагало большие усилия, чтобы изменить ситуацию. Предприятиям и хозяйствам, которые находились в наиболее критическом положении, оказывалась материальная помощь.

Для решения многих проблем требовалось длительное время. Так, зарплата в Гомельской и Смоленской губерниях была значительно ниже, чем в БССР. В то время как в Белорусской республике ставка первого разряда равнялась 7 руб., в Гомельской губернии она составляла всего 3 руб. 50 коп. и 4 руб. – в Смоленской[61]. В БССР учитель получал около 20–25 руб., а в Гомельской и Витебской губерниях – 9–15 руб.[62] Комиссия СНК БССР по приемке территорий считала необходимым стремиться к тому, чтобы уровень зарплаты в присоединенных районах сравнялся с тем, который существовал в БССР. Однако возможности руководства БССР были ограниченные. Несмотря на сложности, которые стояли перед правительством БССР, Наркомфин СССР сразу же после укрупнения БССР увеличил в два раза, с 1,7% до 3,4%, долю участия республики в бюджете Союза[63].

Возвращение восточнобелорусских территорий имело особенно большое значение для возрождения и развития белорусской культуры и языка. Только с расширением БССР в полной степени сложились необходимые условия для проведения белорусизации. Сна-

чала пленум ЦК КП(б)Б, а затем и II сессия ЦИК БССР VI созыва приняли план практических мероприятий в области национальной политики и установили сроки перехода советских и партийных учреждений на белорусский язык[64].

Таким образом, возврат в 1924 г. восточнобелорусских территорий позволил БССР разрешить многие вопросы в области как внутренней, так и внешней политики, ориентированной на Западную Беларусь. Включение в состав БССР белорусских районов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний повышало экономический потенциал республики, содействовало консолидации белорусской нации, создавало условия для развития белорусской культуры и языка. Расширение БССР укрепляло международное положение советской Беларуси и имело большое влияние на настроения белорусского населения за границей. Вместе с тем следует отметить, что положительное влияние укрупнения было существенно ослаблено незавершенностью этого процесса. В составе РСФСР оставались бесспорно белорусские территории, возможность возврата которых по-прежнему зависела от внутренней политики РКП(б) и ситуации на международной арене.

Примечания

1 Аб перадачы Беларусі раёнаў з пераважна беларускім насельніцтвам: пастанова Прэзідыума УЦВК РСФСР, 4 лют. 1924 г. // Сав. Беларусь. 1924. 6 лют.
2 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2542, л. 44.
3 Цітоў А.К. Пахабны мір // Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. С. 49.
4 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 65.
5 НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 1, л. 2.
6 НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 2, л. 1.
7 Отчет временного Белорусского бюро Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 175 с.
8 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 846, л. 27.
9 НА РБ. Ф. 4, оп. 2, д. 27, л. 21.
10 НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 13.
11 НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 6, л. 4–7.
12 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 11, л. 13.
13 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 8.
14 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2542, л. 78.
15 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2542, л. 56.
16 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 10.
17 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2542, л. 53–55.
18 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 34.
19 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 2542, л. 79.
20 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 11–13, 16, 35, 86.
21 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 83.
22 НА РБ. Ф. 31, оп. 1, д. 23/5, л. 15.

23 НА РБ. Ф. 6. оп. 1, д. 944. л. 40.
24 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346. т. 1. л. 250, 274, 275, 278, 282; Ф. 4, оп. 21, д. 101. л. 86–91.
25 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346. т. 1. л. 234, 239.
26 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 362. л. 23.
27 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 234, 238.
28 НА РБ. Ф. 6. оп. 1. д. 351, л. 57.
29 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 346, т. 1, л. 31, 32, 63, 73.
30 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 58.
31 НА РБ. Ф. 48, оп. 1, д. 2490, л. 4.
32 Кабаков О.И. Витебщина // Нар. хоз-во ССР Белоруссии. 1924. № 4/5. С. 57.
33 О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением: Декрет Всерос. Центр. Исполн. Ком., 3 марта 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительства РСФСР. 1924. № 24. С. 237.
34 Об объединении в составе Белорусской Социалистической Советской Республики всех территорий Советского Союза с большинством белорусского населения: постановление Президиума ЦИК СССР, 7 марта 1924 г., № 27 // Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / редкол.: В.А. Круталевич, В.В. Лашкевич, В.Н. Жигалов. Минск, 1985. Т. 1. С. 39–40.
35 Заседание первое (вечернее – 13-го марта 1924 г.): открытие VI-го Всебелорус. съезда Советов // VI Всебелорусский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: стеногр. отчет. Минск, 1924. С. 13.
36 Северин П.Я. Укрупнение БССР в 1924 г. // Ист. зап. 1954. № 46. С. 294.
37 О дополнении к постановлению о передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением: Декрет Всерос. Центр. Исполн. Ком., 24 марта 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьян. правительства РСФСР. 1924. № 39. Ст. 357.
38 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 40–41.
39 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 362, л. 1.
40 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 32.
41 НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 3, л. 111.
42 Паведамленне з Віцебскай губерніі // Сав. Беларусь. 1924. 30 студз. С.3.
43 НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 3, л. 105–111.
44 Каданчык А.І. Пашырэнне тэрыторыі БССР у 20-я гг.: хроніка падзей // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. С. 166.
45 НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 3, л. 302.
46 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 105, л. 13.
47 НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 7, л. 514.
48 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 226, л. 9.
49 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 15, л. 13.
50 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 211, л. 11, 15.
51 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 211, л. 7–13.
52 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 221, л. 1.
53 Белорусская конференция в Берлине // Звезда. 1925. 19 нояб.
54 Вынікі партфэльнай палітыкі // Сав. Беларусь. 1925. 15 лістап.
55 НА РБ. Ф. 325, оп. 1, д. 15, л. 8–13.

[56] Ліпецкі Э., Міхнюк У. Аляксандр Цвікевіч: «Ліквідацыя БНР не была манеўрам». «Візіт да Пілсудскага» // Маладосць. 1993. № 1. С. 240.
[57] Агульные даные пра БССР // Справаздача ўраду Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі VII Усебеларускаму з'езду Саветаў. Мінск, 1925. С. 10.
[58] НА РБ. Ф. 4, оп. 4, д. 3, л. 65.
[59] Кузнецов И.Н., Шелкопляс В.А. История государства и права Беларуси. Минск: Дикта, 1999. С. 172.
[60] Отчет временного Белорусского бюро Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). С. 173.
[61] НА РБ. Ф. 48, оп. 1, д. 2490, л. 61.
[62] Заседание первое (вечернее – 13-го марта 1924 г.): открытие VI Всебелорус. съезда Советов // VI Всебелорусский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: стеногр. отчет. Минск, 1924. С. 20.
[63] НА РБ. Ф. 31, оп. 1, д. 22, л. 15.
[64] НА РБ. Ф. 701, оп. 1, д. 16, л. 10.

4.4. Включение в состав БССР Гомельского и Речицкого уездов в 1926 г.

При всех положительных сторонах, которое имело первое расширение БССР, белорусский территориальный вопрос в 1924 г. был разрешен лишь частично. Несмотря на заявления представителей союзных и республиканских властей, в составе РСФСР по-прежнему оставались белорусские земли, исторически, экономически и этнографически тесно связанные с Белорусской республикой. Правительство БССР прекрасно осознавало данное обстоятельство, и еще в конце 1923 г. представители БССР на заседании политбюро ЦК ВКП(б) высказали свое несогласие с тем, что Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии, а также Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии остаются за РСФСР. Позиция белорусской делегации была изложена в виде особого мнения и зафиксирована в протоколе заседания. Таким образом, у руководства БССР оставался формальный повод для того, чтобы поставить вопрос о повторном рассмотрении проблемы белорусских границ. С другой стороны, белорусским властям нужны были очень веские мотивы, чтобы уже в скором времени после расширения республики 1924 г., названного в документах того времени окончательным, снова поднять вопрос о границах республики.

Анализ архивных материалов дает возможность утверждать, что в середине 1920-х гг. имелся целый ряд факторов, которые не позволяли снять территориальный вопрос с повестки дня. Прежде всего, как наиболее важные, следует отметить причины внешнеполитического характера. Возвращение в 1924 г. в состав БССР восточнобелорусских территорий, как отмечалось выше, произвело большой ре-

зонанс в Польше и Западной Беларуси. Наглядным свидетельством этого стали результаты II Белорусской конференции национальных организаций. Однако даже ее лояльно настроенные по отношению к СССР участники не были целиком удовлетворены результатом расширения территории БССР в 1924 г. В резолюции по общему политическому положению в Беларуси отмечалось, что «совещание признает справедливым, чтобы к республике были присоединены Гомельщина и другие восточные уезды»[1].

Первая реакция заграничной белорусской печати на расширение БССР была также положительной. Однако довольно быстро незавершенность территориального строительства БССР вызвала резкую критику[2]. Журнал «Кривич», издаваемый в Ковно В. Ластовским, обвинял большевиков в том, что они оставили значительные по площади белорусские земли в составе РСФСР для окончательной русификации[3]. Еще одно периодическое издание – белорусская газета в Латвии «Голос белоруса» – в номере от 10 мая 1926 г. писала: «и даже самый последний, казалось бы, крайне благоприятный для белорусов акт присоединения к Советской Беларуси Витебщины, Полотчины и Могилевщины, хорошо присмотревшись и рассудив, можно рассматривать как акт пятого раздела Беларуси»[4]. Крайне негативно белорусская заграничная печать восприняла то, что за пределами БССР осталась Гомельщина. Орган Белорусского крестьянского союза – газета «Сялянская ніва» отмечала: «не все земли были присоединены к советской Беларуси. Несмотря на то, что Гомельщина является неразрывной частью живого организма Беларуси, до сих пор это не сделано»[5].

Польская пресса на факт расширения БССР отреагировала слабо. Однако в научной литературе данное событие анализировалось, и мотивы увеличения республики польскими учеными были определены достаточно точно. С. Старжинский в книге «Национальный вопрос в Советской России», вышедшей в 1924 г., давал следующую оценку укрупнения БССР: «Только политические причины повлияли на то, что в 1924 г. было решено часть земель с большинством белорусов отделить от РСФСР и присоединить к БССР... Прежде всего, большевикам требовалось поднять значение Минска как средства пропаганды в Польше. И с этой целью надо было дать этому городу возможность большего развития»[6].

Таким образом, оставив часть белорусских земель в составе РСФСР, руководство компартии во многом ослабило пропагандистский эффект от укрупнения БССР. Тот факт, что белорусские территории все еще оставались в РСФСР, был расценен за границей как доказательство неискренности и непоследовательности большевиков в их национальной политике, проявление декларативности в подходе к осуществлению национально-государственного строительства в советских республиках. Даже те политические силы, которые ориентировались на СССР, ожидали от советской власти дальнейших шагов

по пути территориального строительства советской Беларуси. Виленская газета «Народная справа» в сентябре 1926 г. писала: «Да, мы верим, что в республике, где власть принадлежит трудящимся, воля этих трудящихся будет исполнена. А воля крестьян и рабочих на восточных окраинах Беларуси, которые сейчас находятся под властью Москвы, ясно требует присоединения их к своей Белорусской республике, с которой они связаны неразрывно и экономически, и национально... И большевики, которые воспротивились бы этой воле, не были бы уже большевиками»[7]. Внимательно отслеживая политическую ситуацию в Польше и рассматривая Западную Беларусь как сферу своих государственных интересов, руководство компартии знало об этих настроениях и было вынуждено их учитывать.

В самой Белорусской ССР, как и за границей, результаты возврата восточных территорий 1924 г. были восприняты достаточно неоднозначно. Как отмечалось в одном из докладов А. Криницкого в политбюро ЦК ВКП(б), часть белорусской интеллигенции высказывала антисоветские настроения. «Одним из основных аргументов против нас, – указывал секретарь ЦК КП(б)Б, – является не только экономическая и социальная политика советской власти, но и непоследовательность компартии в проведении национальной политики»[8]. Свидетельством распространенности таких настроений стало стихотворение В. Дубовки «На ўшанаванне новага падзелу беларускай зямлі». Оно появилось в Минске в начале октября 1926 г. и распространялось среди творческой интеллигенции в машинописном варианте. Сам автор в это время жил в Москве и работал в представительстве БССР. Поскольку основная переписка относительно расширения территории БССР велась через этот орган, В. Дубовка несомненно знал многие подробности того, как на самом деле происходило разрешение белорусского территориального вопроса. Стихотворение было реакцией на затормаживание процесса и нежелание руководства ВКП(б) возвращать белорусские земли. Политика большевиков оценивалась поэтом как оккупационная и враждебная белорусскому народу:

На нашым карку торг спраўляе смела
Масква з Варшавай, Рыгай і Літвой,
І наша змучанае катам цела
Штогодна новай кроіцца мяжой.

Масква сусвету вушы прашумела
Пра самавызначэнне аж да зор.
Смаленск дзе? Невель? Гомель дзе падзела?
Стварыла Гомельскі ганебны калідор[9].

Кроме политических, большой блок составляли причины экономического характера. Госплан БССР в своем «Докладе по райо-

нированию БССР» в Госплан СССР утверждал, что «доведение БССР до ее естественных границ требует присоединения Гомельской губернии, западных частей Смоленской губернии и соседних частей Псковской» (Велижского, Себежского и Невельского уездов, которые раньше входили в состав Витебской губернии). Авторы доклада отмечали общность хозяйств этих земель, что позволяло выделить их в один производственный район, между частями которого существовали тесные экономические связи. Характеризуя экономику Гомельской губернии, белорусские власти обращали внимание на то, что она базируется на тех же принципах, что и экономика БССР. Сельское хозяйство Гомельщины с большим удельным значением в ней технических культур, преобладанием картофелеводства на западе и волокнистых культур на востоке являлось продолжением хозяйства Могилевской и Минской губерний[10]. Основываясь на этих данных, ученый-экономист Г. Горецкий относил вместе с остальными белорусскими землями Речицкий и Гомельский уезды к западнополесскому типу ведения сельского хозяйства, после чего начиналась полоса восточнополесского типа[11].

Промышленность БССР и Гомельщины также была однотипной, основанной на переработке местной сельскохозяйственной продукции и леса. После того как значительная часть Гомельщины была возвращена в состав Белорусской ССР, экономическая зависимость Гомельской губернии от БССР еще больше возросла. Многие деревоперерабатывающие предприятия губернии оказались отрезанными от своей сырьевой базы. Гомельская спичечная промышленность, например, 70% необходимого сырья получала из Белорусской республики[12]. Отсутствие единого руководящего и координирующего центра, экономического плана развития, перебои в обеспечении предприятий сырьем отрицательно влияли на состояние лесоперерабатывающей промышленности Гомельщины, которая составляла основную часть всей промышленности губернии. Так, на предприятиях по производству бумаги работало более 70% рабочих Гомельщины, и еще 21% – на спичечных фабриках[13]. Поэтому совсем не случайно Гомельский губернский Совет народного хозяйства на одном из своих заседаний посчитал принципиально необходимым объединение трестов Гомлеса и Лесбела[14]. Некоторые же из участников совещания вообще отмечали, что объединение предприятий дело не улучшит и «наиболее разумным было бы Гомельскую губернию передать Белоруссии»[15].

Гомельская губерния и БССР были тесно связаны в одно целое водными (Днепро-Двинская система) и железнодорожными путями: участки магистралей Мозырь – Гомель, Минск – Бобруйск, Жлобин – Гомель, Орша – Гомель, Витебск – Орша – Калининск и Унеча – Новозыбков – Гомель.

Довольно остро перед Белорусской ССР и Гомельской губернией стояла проблема мелиорации, проведение которой обещало зна-

чительный экономический эффект. Однако специалисты пришли к выводу, что работы по осушению мозырско-речицких болот БССР невозможны без согласования их с планом осушения речицко-гомельских болот.

И в БССР, и в Гомельской губернии имелись богатые залежи торфа. Наиболее подходящие из них для разработки находились как раз на границе Белорусской ССР и Гомельщины. Правильная и рациональная разработка торфяных запасов, замена торфом других видов топлива и использование его в качестве удобрения требовали объединения всей торфодобывающей промышленности.

Три южные уезда Псковщины также экономически тяготели к БССР и непосредственно к Витебску. Сбыт льна, важного товарного продукта для этих уездов, проходил через Витебск. Здесь, на Витебской бирже, регистрировалась большая часть торговых сделок организаций Велижского, Невельского и Себежского уездов. Прочным торговым связям содействовала удобная транспортная сеть. А расстояние от этих районных центров до Витебска было значительно меньшим, чем до Пскова[16]. Таким образом, необходимость присоединения всей Гомельщины и трех южных уездов Псковщины к БССР имело под собой серьезную экономическую почву.

Определенное влияние на разрешение вопроса о границах БССР оказывало белорусское национальное движение. Наиболее широким оно было в Гомельской губернии. В первой половине 1920-х гг. белорусские кружки действовали в Гомельском педтехникуме, Новозыбковском сельскохозяйственном техникуме, среди красноармейцев-белорусов. С 1925 г. к белорусской работе начинают активно присоединяться пионерские отряды и комсомольские ячейки[17]. Можно предположить, что белорусское движение было бы гораздо шире, если бы не те искусственные преграды, которые создавались на его пути местными властями. «Учителя затерроризированы... и боятся вообще проводить белорусскую работу», – писал в начале 1926 г. секретарь белсекции губернского комитета ВКП(б) Щербинский в своем письме председателю агитационно-пропагандистского отдела Гомельской губернии, требуя от него послать в волости и уезды твердые приказы о необходимости проведения белорусской работы[18]. Даже само партийное руководство Гомельской губернии в лице секретаря губернского комитета ВКП(б) А. Заславского признавало, что «есть целый ряд фактов, которые характеризуют неправильные и недопустимые отношения» к белорусскому вопросу «со стороны тех или иных органов или особых работников»[19].

Еще в более сложных условиях находилось белорусское дело в Псковской, куда отошли три уезда Витебской губернии, и Смоленской губерниях. Местные власти считали, что после расширения БССР в 1924 г. белорусского населения в этих губерниях не осталось и белорусское дело не имеет смысла. В Смоленской губернии, например, работник белсекции при отделе образования был вынуж-

ден работать на общественных началах и полулегально[20]. Однако несмотря на отмеченные трудности, национальное движение в белорусских уездах РСФСР играло большую роль. Оно не только заставляло местные власти обращать внимание на белорусский вопрос и проводить соответствующую работу, но и опровергало утверждения о том, что население этих районов является исключительно русским.

Таким образом, целый комплекс национальных, политических и экономических причин свидетельствовал о необходимости дальнейшего пересмотра границ БССР. Все эти доводы неоднократно излагало ЦК КП(б)Б в многочисленных обращениях и докладах в ЦК и политбюро ВКП(б)[21]. Однако несмотря на всю важность внешнеполитического фактора, убедительность экономических причин и оправданность национальных интересов, непосредственным толчком к активизации усилий руководства БССР по возвращению оставшихся в составе РСФСР восточнобелорусских земель стали попытки организационного бюро Западной области в Смоленске вновь вернуться к проекту по созданию Западной области, включив в ее состав вместе со Смоленской, Гомельской и некоторыми уездами Псковской губернии Белорусскую ССР.

Первая попытка пересмотреть результаты расширения БССР 1924 г. была сделана организационным бюро Западной области уже в скором времени после завершения процесса приемки-передачи восточнобелорусских уездов. Поводом послужила конфликтная ситуация, сложившаяся вокруг Горе-Горецкого земледельческого института. В БССР до укрупнения уже существовал собственный сельскохозяйственный институт в Минске и для того, чтобы избежать параллельности в работе научных учреждений, правительством БССР была разработана программа реорганизации института[22]. Однако против запланированной реорганизации и за сохранение Горе-Горецкого института «в том виде и значении, которое он имел» до включения в состав БССР, выступили некоторые преподаватели и сотрудники. В докладной записке в ЦИК РСФСР, исполнительные комитеты Смоленской и Брянской губерний они обвиняли правительство БССР в недостаточно серьезном отношении к этому «высококультурному учреждению». Горе-Горецкий сельскохозяйственный институт, по мнению авторов обращения, «должен рассматриваться как учреждение союзного значения, а потому не может быть подвергнут... коренным преобразованиям без согласия белорусского правительства с союзными органами и заинтересованными губерниями Западной области»[23].

Работники института не ставили вопрос о возвращении учреждения в состав РСФСР, однако их неудовлетворенность планами реорганизации была использована организационным бюро Западной области в Смоленске. 12 августа 1924 г. областное оргбюро совместно с руководством Гомельской области обратилось в ЦИК

РСФСР с предложением о включении в состав области Горе-Горецкого сельхозинститута вместе с частью прилегающей к нему территории БССР. Докладная записка в ЦИК РСФСР рисовала ближайшее будущее научного центра в самых мрачных тонах. Подчеркивалось, что ему «угрожает гибель и полная ликвидация в кратчайший срок»[24]. Поэтому, чтобы избежать потери крайне важного для области института, по проекту оргбюро, назад к Смоленской губернии должны были отойти шесть белорусских волостей площадью 906,9 кв. км с населением 45600 человек[25].

Руководство БССР, узнав о действиях властей Гомельской и Смоленской губерний, заняло по этому вопросу твердую позицию – правительство отказалось вести с оргбюро Западной области любые переговоры. Претензии властей Западной области были признаны необоснованными, а методы работы – не соответствующими существующему порядку постановки таких вопросов, поскольку ни Гомельский губернский исполнительный комитет, ни Смоленское оргбюро не сделали никаких попыток связаться с соответствующими органами БССР и высказать свои предложения. В связи с этим бюро ЦК КП(б)Б обратилось в ЦК РКП(б) с просьбой остановить обсуждение данного проекта. Тем не менее попытки пересмотреть границы БССР были продолжены и в 1925 г.[26]

Именно в противовес действиям организационного бюро Западной области и властей Гомельской и Смоленской губерний правительство БССР решило обратиться в центральные союзные органы с контрпредложением – еще раз рассмотреть вопрос о границах Белорусской ССР с целью более точного их определения. Первые упоминания территориальной проблемы и обсуждение ее на заседаниях правительства и ЦК КП(б)Б можно обнаружить в протоколах заседаний, датированных концом 1925 – началом 1926 г. И каждый раз в непосредственной связи или как реакция на планы организационного бюро в Смоленске.

26 февраля 1926 г. президиум Госплана БССР заслушал доклад председателя Госплана С. Карпа по проекту создания Западной области и переговорах по данному вопросу с председателем Госплана СССР. Члены президиума постановили: «признать... создание Западной области несоответствующим установленным принципам районирования и нецелесообразным как с точки зрения общесоюзного хозяйства, так и с точки зрения экономического и культурно-национального развития БССР. Учитывая общность экономических и культурно-национальных задач, которые стоят перед БССР и Гомельской губернией, а также тесную зависимость развития отдельных отраслей хозяйств БССР и Гомельской губернии... считать необходимым возбудить перед Госпланом СССР вопрос о включении Гомельской губернии в состав БССР».

Как и в 1923 г., обсуждение территориального вопроса находилось под непосредственным контролем партийного руководства

БССР. 4 марта 1926 г. ЦК КП(б)Б одобрил решение Госплана БССР и санкционировал постановку вопроса о границах БССР в союзных органах. Повторно вопрос был рассмотрен 17 марта 1926 г., когда бюро ЦК КП(б)Б постановило «категорически протестовать против создания Западной области, настаивать на присоединении Гомеля и Велижа, воздержаться от обсуждения вопроса о Смоленске»[27].

Инициатива партийного руководства республики с целью придания ей большего веса, была вынесена на рассмотрение апрельского пленума ЦК КП(б)Б и получила полную поддержку его участников. В резолюции по вопросу «О хозяйственном строительстве» отмечалось, что «осуществление задач по плановому направлению и руководству хозяйственным развитием БССР и желание избегнуть составления параллельных планов по промышленному строительству, лесному хозяйству, электрификации, мелиорации Полесья и так далее требуют скорейшего завершения экономического районирования западной части Советского Союза и дальнейшего укрепления БССР за счет соседних однородных с ней по экономическим, национальным и бытовым приметам районов (Гомельская и часть Псковской губернии)», пленум ЦК полностью одобряет постановление бюро ЦК по вопросам районирования и считает необходимым дальнейшее продвижение данного вопроса в союзных органах[28]. Для проведения постановления пленума в жизнь и координации всей работы была выделена тройка в составе А. Криницкого, И. Адамовича, С. Карпа[29].

В мае 1926 г. вопрос о территории БССР был поставлен в ЦК ВКП(б). Однако теперь, в отличие от 1923 г., руководство БССР, прежде чем поднимать вопрос в партийном порядке, предварительно позаботилось о том, чтобы заручиться поддержкой советских и хозяйственных органов СССР. В апреле 1926 г. с проблемой белорусских границ был ознакомлен председатель СНК СССР А. Рыков. Еще раньше вопрос рассматривался в союзном Госплане и получил там полную поддержку. При обсуждении расширения территории БССР в этих организациях акцент был сделан на экономических моментах, изложенных выше[30].

Значительную поддержку идея расширения территории БССР встретила в Народном комиссариате иностранных дел РСФСР – в данном случае учитывалась ситуация в Западной Беларуси. О том, что вопрос о границах БССР рассматривался именно в этом ракурсе, с учетом международного аспекта, свидетельствует докладная записка в коллегию НКИД заведующего отделом Прибалтики и Польши Логиновского и советника Полномочного представительства СССР в Польше А. Ульянова. В своей записке они отмечали, что присоединение к БССР Гомельщины и трех уездов Витебщины станет сильным ударом по польскому правительству и антисоветским белорусским группировкам, притянет на советскую сторону

симпатии широких народных масс Западной Беларуси. Сотрудник посольства СССР в Польше А. Ульянов сообщал, что первые же сведения о намерениях большевиков расширить территорию БССР вызвали большой интерес и активно обсуждались в польской печати. Начальник восточного отдела правительства Польши Янковский специально приглашал его на встречу, чтобы получить сведения о планах руководства СССР относительно территории Белорусской ССР[31].

Таким образом, уже в начале своих действий по возвращению восточнобелорусских территорий правительство БССР имело поддержку со стороны наиболее влиятельных органов СССР и хорошие шансы на положительное разрешение вопроса в ЦК ВКП(б).

5 августа 1926 г. вопрос о границах Белорусской ССР был рассмотрен на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Докладывал председатель СНК СССР А. Рыков, выступление которого вызвало положительное отношение к расширению БССР у большинства присутствующих. Л. Каменев, Л. Троцкий, И. Сталин поддержали предложения правительства БССР. Одновременно с категорическим протестом против передачи Гомельской губернии выступил М. Калинин. Свою позицию он мотивировал тем, что при пересмотре границ БССР не учитываются настроения трудящихся, что большую часть населения Гомельщины составляют русские и частые изменения границ мешают нормальной работе людей.

В сущности, М. Калинин озвучил позицию руководства Гомельской губернии, которое, как и в 1923 г., выступило категорически против возможного включения Гомельщины в состав БССР. Опираясь на результаты переписи 1920 г., оно утверждало, что большинство населения всех пяти уездов составляют русские: например, 68% – в Гомельском уезде или 51% – в Речицком против 18% и 38% белорусов соответственно. В связи с этим руководство губернии предупреждало, что присоединение Гомельщины к БССР будет иметь своим результатом «включение инонационального элемента в значительных размерах в состав национальной республики. Не только значительная часть крестьян и не только районов, населенных исключительно русским населением, но и значительная часть рабочих отнеслась бы отрицательно к данному факту». Для более точного определения национального состава населения губернские власти предлагали дождаться результатов всесоюзной демографической переписи, проведение которой намечалось на конец 1926 г.[32]

Понятно, что при соответствующей подготовке результаты переписи были бы такими, какими желали их видеть противники расширения Белорусской ССР. Архивные данные свидетельствуют, что руководство БССР предвидело подобную возможность. А. Криницкий даже направил А. Рыкову письмо, в котором предупреждал, что гомельские власти постараются сделать все возможное, чтобы результаты планируемой переписи не отражали действительный на-

циональный состав населения. Секретарь ЦК КП(б)Б считал, что, как и во время переписей 1897, 1917, 1920 гг., многое будет зависеть от того, как переписчик сформулирует вопрос. Обычно на вопрос о своей национальной принадлежности белорус отвечал «русский», и переписчик в данном случае записывал его в графу «великорус». С другой стороны, на более детальный вопрос – «великорус, белорус или украинец», когда подчеркивались национальные отличия, он безошибочно отвечал: «белорус»[33]. Опасения секретаря ЦК КП(б)Б, как показало время, имели под собой основания. Даже получив директиву СНК РСФСР, которая стала результатом письма А. Крыницкого А. Рыкову, Ветковский волостной исполком на заседании, посвященном переписи, приказал секретарям сельсоветов записывать всех русскими, поскольку белорусов в области нет и быть не может[34].

В связи с тем, что члены политбюро разошлись во взглядах на границы БССР и против расширения республики выступила сильная оппозиция в губерниях, политбюро ЦК ВКП(б) по предложению А. Рыкова решило для дополнительного изучения этого вопроса создать специальную комиссию в составе В. Молотова, А. Енукидзе, С. Косиора и М. Киселева[35]. В ее работе также должны были принимать участие представители от Беларуси: А. Криницкий и И. Адамович[36].

Приступив к обсуждению белорусского вопроса, комиссия политбюро ЦК ВКП(б) сразу же столкнулась с проблемой недостатка данных. Существовавших на то время статистических сведений явно не хватало. Всеобщая перепись населения 1897 г., на которую чаще всего ссылалась белорусская сторона, проводилась давно и не пользовалась доверием губернских и центральных властей, а переписи 1917 г. и 1920 г., помимо того, что они проходили в условиях военных действий, носили ограниченный характер и вследствие этого также не могли претендовать на объективность. Нужны были новые, научно аргументированные данные, которые, в свою очередь, могли быть получены в результате новых исследований. Чтобы доказать, что население спорных районов действительно является белорусским, в Гомельскую губернию и южные уезды Псковской губернии летом 1926 г. правительством БССР было организовано несколько этнографических и лингвистических экспедиций.

По поручению Института белорусской культуры для исследования языка, творчества и быта населения Гомельской губернии в Клинцевском, Новозыбковском и Гомельском уездах работал сотрудник Государственного русского музея в Ленинграде А. Сержпутовский. В результате наблюдений он пришел к выводу, что на территории всей Гомельской губернии проживало исключительно белорусское население. Об этом свидетельствовали язык, характер поселений и строений, особенности хозяйственного и домашнего быта[37]. Еще раньше к такому же выводу пришел и профессор 2-го

Московского государственного университета П. Расторгуев. Характеризуя говор населения бывших уездов Черниговской губернии, он отмечал, что восточные говоры Гомельской губернии являются в своей основе такими же белорусскими, как и другие, и представляют собой «особое диалектологическое явление в белорусском языке»[38].

Анализу связей, главным образом экономических, между БССР и Гомельской губернией был посвящен сборник «Материалы по вопросу районирования Западной области Союза. Выпуск I. Гомельская губерния». Автор первой ее части «Население Гомельской губернии» Г. Горецкий на основе многочисленных этнографических и статистических данных сделал вывод о том, что большинство населения Гомельской губернии составляют белорусы[39].

Достаточно глубокую характеристику трех южных уездов Псковской губернии – Велижского, Невежского и Себежского – можно найти в работе Б. Архангельского. Проанализировав данные разных переписей, уровень развития сельского хозяйства и промышленности в этих бывших уездах Витебской губернии, автор книги сделал вывод о преобладании белорусского населения и тесных связях между хозяйствами данных районов и БССР[40]. В 1926 г. говорами Невельского и Велижского уездов занимался также профессор П. Бузук, который отнес их к северным диалектам белорусского языка[41].

Таким образом, на руках у белорусской стороны появились многочисленные этнографические, исторические, статистические данные, которые убедительно свидетельствовали о белорусском характере названных территорий. Однако большинство из рассмотренных исследований вышли из печати только осенью 1926 г., и комисия Политбюро ЦК ВКП(б) не могла использовать данный материал. За лето 1926 г. она так и не смогла выработать приемлемое для всех сторон решение. Только ее председатель С. Косиор поддержал в отчете комиссии, и то особым мнением, необходимость присоединения Гомельского и Речицкого уездов к БССР. Остальные члены комиссии считали позицию правительства БССР недостаточно аргументированной или ссылались на недостаток информации[42].

Однако отказаться от дальнейшего рассмотрения вопроса политбюро ЦК ВКП(б) не могло. К этому времени белорусский территориальный вопрос приобрел широкую известность за границей, где с большим вниманием следили, каким же будет окончательное решение. Данное обстоятельство заставляло руководство компартии подходить к проблеме взвешенно и осторожно. 16 сентября 1926 г. политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев отчет комиссии, посчитало данные, которые имелись в ее распоряжении, недостаточными и постановило направить в Гомельскую губернию для изучения вопроса непосредственно на месте специальную комиссию. В ее состав вошли Я. Петерс (председатель), А. Белобородов (от РСФСР) и А. Павлюкевич (от БССР)[43]. В самый последний момент в составе

комиссии произошли изменения и вместо заболевшего А. Белобородова поехал член бюджетной комиссии ЦИК СССР Похомов[44].

Для большей объективности комиссия политбюро ЦК ВКП(б) решила обследовать национальный состав тех волостей Гомельского и Речицкого уездов, по которым данные переписей 1917 и 1920 гг. расходились наиболее сильно, а также волости, где попытки перевести школы на белорусский язык закончились неудачей. По Гомельскому уезду это были волости Уваровичская, Чечерская, Краснобудская и Ветковская, а по Речицкому уезду – Холмечская, Лоевская и Василевичская.

Действительно, по данным волостям результаты переписей 1917 и 1920 гг. имели существенное расхождение. Так, в Краснобудской и Лоевской волостях в 1917 г. белорусами записались 94% и 97% населения, а в 1920 г. – 0%. В Ветковской волости белорусы в 1917 г. составляли 94% и всего 9% – в 1920 г. Подобное расхождение наблюдалось и по другим выбранным комиссией волостям. Было также решено, что члены комиссии будут избегать собраний и постараются определять национальность и настроения населения во время бесед и при ознакомлении с культурно-хозяйственной жизнью волостей[45].

Комиссия работала на Гомельщине с 6 по 15 октября 1926 г. Во время обследования губернии члены ее встречались с низовым партийным аппаратом и советским активом, проводили беседы с крестьянами и рабочими, посетили русские и белорусские школы. По результатам обследования для политбюро ЦК ВКП(б) был подготовлен обстоятельный доклад, который представляет существенный интерес не только как источник для изучения важного момента в процессе белорусского национально-государственного строительства, но и как документ, отражающий настроения и взгляды населения Гомельщины, их отношение к белорусскому вопросу.

Структурно доклад комиссии состоит из трех частей:

1) национальный состав;
2) настроения населения;
3) экономические связи Гомельской губернии и БССР.

В первой части доклада значительное внимание уделено имевшейся на то время статистической информации. В документе приведены данные переписей 1917 и 1920 гг., национальный состав партийных и советских губернских органов. Однако привлечение статистического материала даже в таком максимально полном объеме кардинально суть дела не прояснило, а скорее, наоборот, запутало. Если, например, Гомельская партийная организация насчитывала в своих рядах только 16%, а губернская организация ВЛКСМ и того меньше – 5% белорусов, то среди депутатов волостных съездов Советов белорусы составляли: в Речицком уезде – 87% и 46% – в Гомельском[46].

Главным направлением в деятельности комиссии стала работа на местах. Во время обследования Гомельской губернии комиссия

политбюро ЦК ВКП(б) констатировала полное отсутствие национальной сознательности среди белорусского населения. В докладе отмечалось, что определение национального состава оказалось чрезвычайно сложным делом. Население весьма неохотно говорило о своей национальной принадлежности. И хотя члены комиссии начинали беседу осторожно, к вопросу о национальности подходили постепенно, все же первый ответ на него был следующий: «Мы русские, местные». И только после долгих расспросов люди признавали: «да, мы по происхождению белорусы».

Комиссия также не ставила перед крестьянами и рабочими прямо вопрос о присоединении к Беларуси, а пыталась определить настроение по тому, как собеседники относились к белорусизации. Как особенно подчеркивалось в записке, нигде люди не жаловались на хозяйственные либо экономические трудности, однако просили «освободить от белорусского языка». Особенно в этом отношении комиссия отметила Василевичскую волость, которая непосредственно примыкала к БССР. Именно в этой волости члены комиссии встретили наиболее резко выраженное негативное отношение к белорусизации. Обычно на вопрос о белорусском языке крестьяне давали следующие ответы: «Что пользы, если я детей выучу белорусскому языку?», «Белорусский язык калечит детей, создает мешанину, это язык старины, а мы хотим идти вперед», «привыкли к русскому языку, свой язык считаем неправильным, белорусский язык – никудышный язык», «с белорусским языком что мне скажут..., в Воронежской губернии меня называли «гомельскай бульбай». О полном игнорировании со стороны местного населения белорусского языка говорит и тот факт, что белорусские газеты в крестьянской среде были редким явлением, что, впрочем, во многом было результатом национальной политики, которую проводили в губернии местные власти. В ситуации, когда во всех государственных, партийных, советских, образовательных учреждениях использовался только русский язык, крестьянин не видел в белорусском языке ни смысла, ни пользы для себя и своих детей.

С такой же ситуацией комиссия столкнулась, посетив три фабрики Гомельской губернии. Всюду партийный актив предприятий заявлял, что если партия, исходя из известных причин, посчитает необходимым присоединить Гомельщину к БССР, то они, хоть и не без трудностей, проведут данное решение среди рабочих, но сами рабочие, кроме отрицательных, других эмоций по отношению к белорусизации не испытывали. Они также беспокоились, что присоединение губернии к Белорусской ССР ухудшит их экономическое положение[47].

Выводы, которые комиссия собиралась представить в политбюро ЦК ВКП(б) имели исключительно важное значение для определения дальнейшей судьбы белорусских земель. В связи с этим руководство БССР стремилось самыми разными способами повлиять

на позицию членов комиссии. Чтобы ограничить контакты комиссии с властями Гомельской губернии, правительство БССР предоставило в пользование комиссии железнодорожный вагон, предлагало организовать выступление белорусской театральной труппы «Голубка» в тех уездах, где работала комиссия, с тем, чтобы дать ей возможность непосредственно наблюдать отношение населения к белорусской культуре[48]. В некоторой степени это удалось. Как только комиссия покинула Гомельщину, секретарь губернского комитета партии А. Заславский заявил, что председатель комиссии Я. Петерс на протяжении всего времени находился под влиянием представителя БССР А. Павлюкевича[49]. С другой стороны, гомельские власти также провели большую подготовительную работу. После первой же поездки в волость А. Павлюкевич докладывал А. Криницкому: «Нельзя не заподозрить, что «случайные» крестьяне были отобраны известным методом. Трудно поверить, что в местечке «случайно» оказались почти все коммунисты волости и так далее. Окружение полное, и выйти из него почти невозможно»[50].

Для того чтобы сравнить, как проходил процесс белорусизации в тех районах Гомельской области, которые были переданы в состав БССР в 1924 г., с тем, что наблюдалось в Гомельском и Речицком уездах, комиссия по приглашению белорусского правительства выезжала из Речицкого уезда на территорию Белорусской ССР. Тут она посетила Калинковичский район Мозырского округа и нашла во многом противоположную ситуацию. В протоколе, составленном по результатам поездки, было отмечено, что «при переводе школ и государственных учреждений на белорусский язык рабочие и служащие частично были против. Однако к моменту обследования, поскольку все школы и органы советской власти работали на белорусском языке, население привыкло к нему и относилось сочувственно»[51].

В конце доклада комиссия кратко изложила свои основные выводы:

1) большинство населения в обследованных двух уездах по происхождению белорусское;

2) разговорный язык смешанный: белорусские, русские слова;

3) целиком отсутствует белорусское национальное самосознание и тяга к белорусскому языку;

4) отношение населения к белоруссизации отрицательное, учителя сельских школ, которые побывали на курсах в Беларуси, и единицы из крестьянства относятся положительно;

5) промышленность Гомельской губернии и БССР в основных отраслях... однородная. Значительную часть древесных материалов и топлива Гомельская промышленность получает из БССР[52].

Свое собственное мнение по вопросу о языке высказал представитель БССР А. Павлюкевич. Он отметил, что «в докладе и во 2-м пункте выводов языком населения записан смешанный. Между тем,

во всех актах, которые касались волостей и были составлены комиссией на местах, языком населения назывался белорусский». Поэтому А. Павлюкевич предлагал второй пункт выводов сформулировать таким образом: «язык ежедневного пользования большинства населения белорусский с большой примесью русских слов, на юге встречаются украинские слова»[53].

Выводы комиссии были не очень благоприятными для белорусской стороны. Поэтому, чтобы как-то сгладить их отрицательный эффект, секретарь ЦК КП(б)Б А. Криницкий направил в политбюро ЦК РКП(б) свои суждения по докладу. В письме он отметил, что в докладе Я. Петерса есть «ряд ошибочных пунктов по существу и неточных по формулировке». А. Криницкий, как и А. Павлюкевич (что не удивительно, поскольку позиция и возможные предложения А. Павлюкевича относительно выводов комиссии неоднократно обсуждались между А. Криницким и представителем от БССР в переписке и лично), выразил удивление, почему после единогласно подписанных на месте актов комиссия заменила термин «белорусский язык» на «смешанный язык». Отсутствие национального самосознания у белорусского населения Гомельщины он объяснял неправильным представлением крестьянства о том, что такое белорусизация и какие последствия будет иметь присоединение к БССР, а также тем состоянием, в котором находились белорусский язык и культура в дореволюционной России. Далее, доказывая в своей записке необходимость срочного присоединения Гомельщины к БССР, А. Криницкий акцентировал внимание на том, что и в БССР, и в Западной Белоруссии незавершенность процесса возвращения восточнобелорусских территорий в 1924 г. считалась бесспорной. Новое решение руководства компартии относительно территории БССР, в зависимости от его характера, могло стать или значительной победой большевиков в борьбе за влияние на народные массы, или же, наоборот, доказательством непоследовательности в области национальной политики, что, несомненно, в полной мере было бы использовано противниками советской власти[54].

Процесс затягивался, что весьма волновало руководство БССР, по мнению которого вопрос надо было решать срочно. 12 ноября 1926 г. бюро ЦК КП(б)Б постановило: «Просить ЦК КП(б)Б поставить в Политбюро 18 ноября вопрос о границе БССР. Дальше откладывать... невозможно. Просить тов. Сталина принять делегацию ЦК КП(б)Б в составе товарищей Криницкого, Голодеда, Червякова, Адамовича, Бейлина и Карпа в Политбюро, желательно 17 ноября»[55].

Настойчивость руководства БССР, усиленная внутри- и внешнеполитическими аргументами, дали определенные результаты. 18 ноября 1926 г. политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев выводы комиссии, работавшей в Гомельской губернии, и доводы ЦК КП(б)Б, постановило «считать доказанным белорусский характер населения

Гомельского и Речицкого уездов и признать необходимым присоединение отмеченных уездов к БССР». Одновременно политбюро ЦК ВКП(б) обязало белорусское руководство принять все меры, чтобы гарантировать права национальных меньшинств в БССР и ликвидировать элементы принудительной белорусизации[56]. Что касается трех уездов бывшей Витебской губернии, то они оставались в составе РСФСР. Партийные и советские органы БССР и Гомельской губернии были вынуждены подчиниться решению политбюро ЦК ВКП(б) и приступить к его осуществлению.

Характеризуя результаты изучения и обсуждения белорусского территориального вопроса во время второго расширения БССР, следует отметить, что не все территории, которые ЦК КП(б)Б и правительство БССР считали белорусскими, были присоединены к БССР. Велижский, Невельский и Себежский уезды бывшей Витебской губернии и северные уезды Черниговской губернии оставались в составе РСФСР. Внешнеполитический фактор являлся одним из главных, определявших принятие решения относительно укрупнения Белорусской ССР. При этом вряд ли можно говорить о достаточно полном обследовании спорных районов. Комиссия политбюро ЦК ВКП(б) выезжала только в Гомельский и Речицкий уезды, поскольку нахождение именно этих уездов за пределами БССР вызывало наиболее острую критику со стороны противников и даже сторонников советской власти как внутри Белорусской ССР, так и за границей. Анализируя деятельность комиссии, в составе которой, отметим, не было ни одного историка или этнографа, можно предположить, что она ставила своей целью не столько изучение национального состава Гомельской губернии, сколько должна была засвидетельствовать демократизм принятия решения и проверить, как присоединение уездов к БССР будет воспринято на местах.

Законодательно оформление присоединения Гомельского и Речикого уездов к БССР началось с обсуждения постановления политбюро ЦК ВКП(б) партийными органами Гомельской губернии и БССР. 1–2 декабря 1926 г. в Гомеле прошел объединенный пленум Гомельского губернского комитета ВКП(б) и губернской контрольной комиссии. Пленум заслушал сообщение секретаря ЦК ВКП(б) Н. Шверника о присоединении Гомельского и Речицкого уездов к БССР и, как можно было предугадать заранее, единогласно при двух воздержавшихся поддержал решение политбюро ЦК ВКП(б)[57].

Результат голосования на пленуме никоим образом не отражал реальной ситуации – отношения различных слоев населения губернии к расширению БССР. Если рядовые жители Гомельского и Речицкого уездов восприняли присоединение к Белорусской ССР как событие неизбежное, с которым надо смириться, то партийные и советские работники еще долго высказывали неудовлетворение этим фактом и отказывались воспринимать укрупнение БССР ина-

че чем акт, преследовавший внешнеполитические цели. В связи с этим в одном из пунктов резолюции пленума отмечалась необходимость проведения разъяснительной работы в первую очередь среди коммунистов и комсомольцев, а потом и среди рабочих и крестьян, «добиваясь перелома в настроениях широких кругов населения по этому вопросу»[58].

Наилучшее представление о настроениях партийных работников Гомельской губернии можно получить, проанализировав вопросы, которые они задавали секретарю ЦК КП(б)Б А. Криницкому после его выступления на активе КП(б)Б с докладом о задачах Гомельской и Речицкой партийных организаций. Большинство вопросов касались белорусизации (47), затем проблеме будущего трудоустройства ответственных работников (35) и возможности свободного выезда из БССР (26). Также секретаря ЦК КП(б)Б спрашивали о причинах расширения БССР, отношении населения, о новой столице республики и т.д. Для лучшего понимания, как складывалась беседа, приведем наиболее характерные вопросы из каждой группы: «Какие меры будут приниматься в отношении тех, кто категорически откажется изучать белорусский язык?», «не лучше ли было прямо сказать, что основное в БССР – это не нацполитика, а чистая политика (за границей)? Вы же никого не убедите в том, что есть белорусский язык, его нет уже в природе, он умер много столетий назад. Зачем воскрешать мертвеца, если и крестьянин, и рабочий этого языка не знают и знать не хотят?», «Почему не приняли в расчет мнение населения?»[59]

Приблизительно в это же время прошел пленум ЦК КП(б)Б. Несмотря на то, что предложения руководства республики были учтены только частично, участники пленума признали, что «подготовка и обсуждение вопроса о расширении границ БССР прошли в ЦК ВКП(б) с полным использованием материалов и с необходимым вниманием к этому вопросу». Одновременно отмечалось, что присоединение Гомельского и Речицкого уездов «расширяет хозяйственную и культурную базу БССР, расширяет возможности рационального и планового ведения хозяйства, укрепляет пролетарскую базу БССР, имеет революционизирующее значение, как акт последовательной национальной политики советского государства; в целом, содействует дальнейшему укреплению БССР»[60].

Таким образом, партийные органы и Гомельской губернии, и Белорусской ССР были вынуждены смириться с решением политбюро ЦК ВКП(б), хотя оно в целом не удовлетворяло в полной мере ни одну из сторон. Коммунисты Гомельского и Речицкого уездов в подавляющем большинстве присоединение к БССР считали неоправданным и к перспективе работы в БССР относились крайне негативно, во многих случаясь готовясь покинуть республику. Что же касается руководства БССР, то оно также не было целиком удовлетворено результатами второго расширения. Однако, учитывая сла-

бую поддержку второго укрупнения БССР снизу, со стороны населения районов, которые предполагалось присоединить к Белорусской ССР, и резко отрицательную позицию местных партийных и советских органов, белорусские власти не могли настаивать на том, чтобы их мнение было учтено в полной мере и были вынуждены проводить вышеназванное решение политбюро ЦК ВКП(б).

6 декабря 1926 г. президиум ВЦИК издал официальное постановление «О присоединении к БССР Гомельского и Речицкого уездов». В тексте документа отмечалось, что постановление принимается в соответствии с решением I сессии ВЦИК 2-го созыва о включении в состав БССР районов с преобладающим белорусским населением и в дополнение к постановлению от 3 марта 1924 г. Ссылка на данные документы должна была засвидетельствовать, что второе расширение БССР является продолжением первого, следующим этапом единого процесса национально-территориального строительства Белорусской ССР. Для определения точных границ между БССР и Брянской губернией, а также для разрешения всех текущих вопросов, связанных с расширением территории республики создавалась паритетная комиссия, которая состояла из представителей БССР и РСФСР под председательством члена ЦИК СССР. Для передачи-приемки белорусских уездов отводился месячный срок[61].

8 декабря 1926 г. в связи с присоединением к территории республики Гомельского и Речицкого уездов президиум ЦИК и СНК БССР распространил обращение «Ко всем трудящимся Советской Белоруссии». Возвращение в состав БССР двух восточных уездов рассматривалось в нем, как «новое доказательство последовательности советской власти в проведении национальной политики»[62]. В этот же день были изданы еще два постановления: президиума ЦИК БССР и совместное ЦИК и СНК БССР. В качестве представителей БССР Президиум ЦИК БССР направлял в паритетную комиссию пять человек: А. Хацкевича (председатель), И. Василевича, П. Малаковича, А. Калнина, И. Володько и кандидатами П. Новлянского, Р. Аксючица и А. Сташевского. В постановлении ЦИК и СНК БССР главное внимание обращалось на организацию управления на принимаемых территориях. Гомельский и Речицкий уезды превращались в отдельные округа БССР[63].

От РСФСР в состав паритетной комиссии вошли представители ВЦИК РСФСР, Наркомзема, ВСНХ, Наркомфина и Брянского губисполкома. Председателем комиссии по изменению границ между РСФСР и БССР был назначен Похомов[64]. Для проведения работ на месте, непосредственно в Гомельской губернии, из состава паритетной комиссии была выделена подкомиссия, которая в основном занималась определением точных границ и разделом имущества Гомельской губернии между БССР и Брянской губернией, куда отходили уезды, не вошедшие в состав Белорусской республики.

20 декабря паритетная подкомиссия начала свою работу. Уже на первых заседаниях между белорусской и российской ее частями выявились значительные расхождения во взглядах на разрешение финансовых вопросов. Представители от РСФСР настаивали на неизменности экономических планов, принятых Гомельским губернским исполкомом еще до раздела губернии, и пытались навязать их БССР. Более того, российская сторона хотела, чтобы БССР за счет прибылей Гомельского и Речицкого бюджетов покрыла бюджетный дефицит убыточных уездов, которые отходили к РСФСР.

Члены белорусской делегации неоднократно заявляли, что представители РСФСР «ставят вопрос так, будто считают нашу делегацию неравноправной частью паритетной подкомиссии». Со своей стороны представители БССР настаивали на том, чтобы в основу распределения средств губернского бюджета между РСФСР и БССР был положен «принцип территориального распределения прибылей между отходящими к обеим республикам территориями»[65]. Многие финансовые проблемы так и остались неразрешенными. В Москву для рассмотрения в высших хозяйственных органах передавались вопросы относительно треста Полесторг, Фабричного банка, конезавода, товарной биржи и др. Их разрешение продолжалось еще всю первую половину 1927 г.[66]

Однако финансовая проблема, несмотря на всю ее важность, оказалась не самой сложной в работе подкомиссии. Российской стороной вновь был поднят территориальный вопрос. На пятом заседании подкомиссии 26 декабря 1926 г. от имени Брянского губернского исполкома было заявлено ходатайство о пересмотре границы БССР. При разделе Гомельской губернии в состав БССР включались 13815 кв. верст с 650 тыс. населения, а к Брянской губернии отходило 11084 кв. верст территории, на которой проживало 720 тыс. человек. При этом большинство крупных промышленных предприятий Гомельской губернии оставались в тех уездах, что отходили к БССР. Поскольку Брянская губерния получала убыточные территории, бюджетные расходы которых превышали прибыль, ее власти попробовали исправить ситуацию за счет белорусских территорий. Руководство Брянской губернии предложило передать им Добрушский район – часть Гомельского уезда, прилегающую к границе Новозыбковского уезда вдоль реки Сож. Именно здесь находились наиболее важные промышленные предприятия губернии: Добрушская бумажная фабрика, спичечный и два фанерных завода, лесопильное и химическое предприятие в Новобелице[67].

Ходатайство российской стороны вызвало сильное возмущение у представителей БССР. Белорусская делегация отказалась обсуждать предложение Брянского губисполкома, мотивируя тем, что на тот момент уже имелось постановление высших партийных органов. Более того, А. Калнин заявил, что «если делегация от РСФСР будет ставить так вопрос, то мы со своей стороны поставим ряд воп-

росов по изменению границ относительно присоединения к БССР районов с белорусским населением, которые в настоящее время находятся в составе РСФСР»[68]. Твердая позиция белорусской делегации дала свои результаты: российская сторона подкомиссии была вынуждена снять свое ходатайство с обсуждения. 28 декабря 1926 г. был составлен и подписан акт приемки-передачи Гомельского и Речицкого уездов. От РСФСР его подписали Э. Райхман, Л. Витхин и Р. Годяев. От БССР – А. Хацкевич, А. Калнин и И. Володько[69]. С этого момента два восточных уезда стали окончательно белорусскими.

Включение Гомельского и Речицкого уездов в состав БССР, в результате которого территория республики увеличилась еще на 15727 кв. км., а население – на 649 тыс. человек, стало значительным событием в политической, экономической и культурной жизни Белорусской ССР. Поднимая вопрос о возврате восточнобелорусских территорий, руководство БССР смогло найти сторонников расширения республики в союзных и российских советских, партийных, хозяйственных органах. Наиболее отрицательно к перспективе включения в состав БССР отнеслись ответственные работники Гомельской губернии. Обращаясь за поддержкой к населению, губернские власти использовали низкий уровень его национального самосознания и недостаточную информированность. Под влиянием антибелорусской агитации у рабочих и крестьян складывалось отрицательное отношение к белорусскому языку и культуре, преодоление которого потребовало в будущем немало времени и сил. В целом же население Гомельского и Речицкого уездов на присоединение к БССР отреагировало достаточно равнодушно, понимая, что симпатии или антипатии ничего уже изменить не могут.

Необходимость расширения территории республики правительство БССР мотивировало экономическими, этнографическими и политическими факторами. Основной акцент делался на внешнеполитический фактор, обращалось внимание и на разочарование белорусской интеллигенции, а также представителей других слоев общества результатами расширения БССР в 1924 г. Подчеркивалась также однородность хозяйств восточнобелорусских земель, находившихся в составе РСФСР, и экономики Белорусской ССР. Чтобы доказать белорусский характер территорий, на которые претендовала БССР, по указанию правительства организовывались и проводились специальные научные исследования. Все вместе отмеченные усилия обусловили согласие руководства ВКП(б) на присоединение Гомельского и Речицкого уездов к БССР. На начало 1927 г. территория Белорусской ССР насчитывала 126311 кв. км с населением около 5 млн человек, 80% которого составляли белорусы[70]. Возвращение восточных территорий значительно укрепило экономическую базу советской Беларуси, создало новые возможности для дальнейшего хозяйственного и социально-культурного развития, подняло авторитет БССР, содействовало консолидации белорусской нации и народа.

Примечания

1 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 36.
2 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 21.
3 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 105, л. 2, 31
4 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 106, л. 22.
5 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 105, л. 31.
6 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 105, л. 24.
7 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 105, л. 38.
8 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 20.
9 Міхнюк У. Вязень сумлення // Полымя. 1996. № 2. С. 219.
10 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 944, л. 104.
11 Горецкий Г. Население Гомельской губернии // Материалы по вопросу районирования Западной области Союза. Минск, 1926. Вып. 1: Гомельская губерния. С. 20.
12 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 944, л. 106.
13 Население // Экономический очерк Гомельской губернии. Гомель, 1925. С. 18.
14 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 34.
15 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 944, л. 108.
16 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 944, л. 106–107.
17 Васілеўскі Ю. Беларускі рух моладзі на Гомельшчыне (1920–1926 гг.) // Спадчына. 1996. № 4. С. 70–85.
18 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 101, л. 176–177.
19 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 99, л. 85.
20 НА РБ. Ф. 42, оп. 1, д. 535, л. 52.
21 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 19–21, 23–30.
22 НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 3, л. 176.
23 НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 4, л. 87.
24 НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 4, л. 82.
25 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 11, л. 137.
26 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 11, л. 138.
27 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 99, л. 127–129.
28 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 107, л. 8.
29 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 99, л. 130.
30 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 100, л. 107.
31 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 50–51.
32 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, л. 137.
33 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 100, л. 18.
34 Пичуков В.П., Старовойтов М.И. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века). С. 66.
35 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 100, л. 58.
36 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 137.
37 Сержпутовский А.К. Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году. С. 16.
38 Расторгуев П.А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии. 24 с.
39 Горецкий Г. Население Гомельской губернии // Материалы по вопросу районирования Западной области Союза. С. 1–26.
40 Архангельский Б.Д. Южные уезды Псковской губернии и БССР. Минск, 1926. С. 25.

41 Бузук П. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. С. 13.
42 Елізарава Г., Елізараў С. «Пашыраная Беларусь»: з гісторыі аб'яднання Ўсходняй Беларусі ў 20-я гг. // Беларус. мінуўшчына. 1996. № 5. С. 7–10.
43 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 60.
44 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 231.
45 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 55.
46 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 99, л. 156.
47 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 57.
48 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 103, л. 6.
49 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 100, л. 90.
50 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 102, л. 234.
51 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 60.
52 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 99, л. 150.
53 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 107, л. 86.
54 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 12–16.
55 НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 19, л. 76.
56 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 98, л. 10.
57 Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. С. 187.
58 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 100, л. 7.
59 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 99, л. 88–107.
60 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 100, л. 4.
61 Административно-территориальное устройство БССР. С. 64–65.
62 Там же. С. 51.
63 Там же. С. 67.
64 НА РБ. Ф. 6, оп. 1, д. 945, л. 22, 28.
65 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 946, л. 25, 51.
66 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 69, л. 51.
67 НА РБ. Ф. 4, оп. 1, д. 945, л. 41, 45.
68 НА РБ. Ф. 48, оп. 1, д. 1802, л. 89.
69 НА РБ. Ф. 4, оп. 21, д. 69, л. 104–108.
70 Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. Т. 3. С. 64.

4.5. Корректировка границ БССР с УССР и РСФСР в конце 1920-х гг.

Установление белорусско-российской границы в результате возврата в состав БССР восточнобелорусских территорий стало важным событием в истории белорусской государственности. Этим, безусловно, объясняется то повышенное внимание, которое проявили советские и белорусские историки к вопросам, связанным с расширением территории БССР в 1924 и 1926 гг.

На этом фоне другие события, касавшиеся менее значительных изменений границ Белорусской ССР, до последнего времени оставались вне поля зрения ученых. В частности, не изучен процесс корректировки границы БССР с УССР во второй половине 1920-х гг. Мы не могли обойти вниманием этот вопрос, что объясняется не только спецификой данного исследования. На наш взгляд, помимо

чисто научного интереса, изучение процесса становления любого, даже самого маленького, участка государственной границы имеет большое практическое значение. Ведь, как свидетельствует исторический опыт, в тех случаях, когда речь идет о территории государства, мелких и незначительных вопросов не бывает. И современная история это подтверждает. Также следует отметить, что изучение корректировки границы БССР с другими советскими республиками способно расширить наши представления о взаимоотношениях властей союзных республик и об участии союзных органов в разрешении вопросов, затрагивавших интересы нескольких республик.

После возвращения восточнобелорусских территорий корректировка белорусско-украинской границы стала наиболее важным событием в процессе территориального строительства БССР во второй половине 1920-х гг. Инициатором территориальных изменений в этом случае выступили власти УССР. Летом 1924 г. руководство Украинской ССР обратилось к белорусскому правительству с предложением об урегулировании границы между БССР и УССР. Суть предложения заключалась в ликвидации выступов, которые вклинивались в территорию как Беларуси, так и Украины. В соответствии с планом украинской стороны в состав Волынской губернии УССР должна была отойти небольшая часть Минской губернии, которая находилась на правом берегу реки Словечно (природная граница между Украиной и Беларусью) и длинным узким выступом вклинивалась в территорию Волыни. Со своей стороны, УССР передавала Минской губернии территорию, находившуюся на левом берегу реки Словечно, а именно части волостей Гладковичской, Словечанской и Юровской Коростеньского округа Волынской губернии[1].

Довольно логичное и удобное для обеих республик предложение нашло поддержку ЦК КП(б)Б, рассмотревшего вопрос на заседании 31 июля 1924 г.[2] Законопроект прошел обсуждение и получил одобрение на всех уровнях: 10 октября 1924 г. этот вопрос рассмотрел президиум ЦИК БССР, 21 октября 1924 г. – комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР. Спустя год изменение границы между БССР и УССР было утверждено постановлением президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г.[3]

Казалось бы, вопрос был разрешен окончательно и к удовлетворению всех сторон. Оставалось лишь провести решение в жизнь, что было поручено двусторонней комиссии. Межреспубликанская комиссия, состоявшая из представителей БССР и УССР, действовала достаточно оперативно. Уже 19 марта 1926 г. она завершила работу на местах. Был подписан акт, в соответствии с которым БССР передавала УССР 20 населенных пунктов с населением 2171 чел. (южная часть Каролинского района Мозырского округа). В свою очередь, от Украинской ССР в состав БССР отходила территория площадью 22191 дес., на которой проживало 6848 чел. (северная часть Олевс-

кого района с деревнями Копище и Майдан, а также северные части Словеченского и Окручского районов УССР). Предусматривалось, что изменение границ будет проведено в месячный срок – не позже 15 апреля 1926 г.[4]

С формальной точки зрения обмен был не в пользу Украины. Пусть и в незначительной степени, но территория УССР сокращалась. Именно это обстоятельство, скорее всего, и стало главной причиной того, что украинское руководство решило отказаться от уже утвержденной на союзном уровне и практически проведенной в жизнь корректировки белорусско-украинской границы. На самом последнем этапе, 12 апреля 1926 г., то есть за три дня до окончательной передачи территорий, правительство УССР постановило приостановить работу по установлению белорусско-украинской границы и выступило перед ЦИК СССР с ходатайством об отмене постановления президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г.[5] Свою просьбу украинская сторона объясняла тем, что в результате территориальных изменений часть украинского населения потеряет свои сенокосы в размере 4 тысяч десятин. В этом случае, как прогнозировала административно-территориальная комиссия при Всеукраинском ЦИК, «будет сильное недовольство населения, а весной – драки»[6].

Позиция украинских властей имела под собой довольно шаткое основание, поскольку решение спорной ситуации выглядело очевидным: потерю сенокосов правительству УССР и местным органам следовало компенсировать за счет других земель. Это как раз та ситуация, когда недовольство небольшой части населения никоим образом не должно было помешать более важному делу, коим являлось спрямление белорусско-украинской границы. Именно на такую точку зрения стало белорусское руководство, которое настаивало на безусловной реализации уже утвержденного решения ЦИК СССР[7].

Трехсторонняя переписка между высшими советскими органами СССР, республиканскими учреждениями БССР и УССР по вопросу о белорусско-украинской границе растянулась более чем на год. При этом, несмотря на жесткую позицию белорусских властей и ЦИК СССР, правительство УССР отказывалось проводить в жизнь ранее утвержденное решение президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. относительно белорусско-украинской границы. Наконец, 25 ноября 1927 г. президиум ЦИК СССР, в очередной раз рассмотрев доводы сторон, подтвердил свое прежнее решение двухлетней давности: ЦИК БССР и УССР поручалось провести его в жизнь, предварительно решив вопрос о наделении землей населения приграничных районов[8]. Лишь после этого повторного постановления президиума ЦИК СССР процесс корректировки небольшого участка белорусско-украинской границы завершился. На проведение незначительной корректировки границы между союзными республиками потребовалось более трех лет.

Завершая анализ процесса корректировки белорусско-украинской границы в период с 1925 по 1939 гг., следует отметить, что в 1929 г. произошло еще одно незначительное изменение границы между республиками. В первой половине 1929 г. жители деревни Новая Рудня Мозырского округа БССР выступили с ходатайством о передаче им 154,9 га лесной площади из гослесфонда Выступовичской дачи Овручского лесничества Коростеньского округа УССР. Как и в первом случае корректировки белорусско-украинской границы, ходатайство об изменении границы между БССР и УССР в 1929 г. было вызвано административно-хозяйственными причинами. Жителям деревни требовался лес. Одновременно данная корректировка границы была выгодна и украинской стороне. Как отмечалось в постановлении ЦИК УССР, не представляя «достаточной ценности», урочище, между тем, создавало украинским властям большие сложности: оно вклинивалось в территорию БССР, что затрудняло его охрану со стороны УССР, особенно во время половодья реки Словечно. Руководство БССР проект корректировки границы поддержало (постановление ЦИК БССР от 17 октября 1929 г.). То же самое сделала и украинская сторона (постановление ЦИК УССР от 13 сентября 1929 г.)[9].

26 ноября 1929 г. секретариат ЦИК СССР согласился с постановлениями ЦИК УССР и БССР и постановил передать в состав Белорусской ССР урочище «Рубеж» площадью 154,9 га гослесфонда Овручского лесничества Коростеньского округа УССР[10]. Больше, до начала II мировой войны в сентябре 1939 г., пограничный вопрос в отношениях между БССР и УССР не поднимался.

Несмотря на то, что корректировка белорусско-украинской границы проходила со столь большими сложностями, в центре внимания ЦК КП(б)Б и правительства БССР во второй половине 1920-х гг. все же оставалась другая граница – белорусско-российская. Руководство Белорусской ССР, комментируя результаты второго расширения территории республики, неоднократно заявляло, что с проведением второго этапа возвращения восточнобелорусских земель белорусский территориальный вопрос разрешен окончательно, то есть в состав БССР входили все земли с преобладающим белорусским населением. Данную точку зрения партийные и советские лидеры БССР высказывали везде, где это только было возможно: на митингах и официальных заседаниях, в газетных интервью и статьях. Однако эти заявления не отражали реальную позицию белорусских властей. В предыдущих параграфах данной главы мы уже говорили о взглядах белорусской политической элиты на то, какой должна быть территория БССР – и эти представления не совпадали с границами Белорусской республики, установившимися после 1926 г. Возврат восточных земель в 1924 и 1926 гг. не удовлетворили целиком территориальные претензии белорусской стороны.

Сравнительно недавно известный белорусский архивист и историк В. Скалабан обнаружил в Национальном архиве Республики Беларусь материалы, которые свидетельствуют о том, что и после 1926 г. руководство БССР не считало белорусский территориальный вопрос окончательно разрешенным и искало возможности для проведения еще одного, третьего, укрупнения территории Белорусской республики. Такой вывод можно сделать на основе найденной В. Скалабаном докладной записки ЦК КП(б)Б от 22 ноября 1928 г. в политбюро ЦК ВКП(б).

Как следует из архивных документов, одним из главных инициаторов постановки территориального вопроса был Н. Голодед. Именно он на закрытом заседании бюро ЦК КП(б)Б 26 октября 1928 г. выступил в качестве основного докладчика. И именно ему по итогам обсуждения было поручено составить обосновательную записку в ЦК ВКП(б) о присоединении к БССР двух уездов Гомельской губернии и трех уездов Псковской губернии[11].

Примерно через месяц докладная записка в политбюро ЦК ВКП(б) была готова. В Национальном архиве РБ хранится рукописный ее вариант, подписанный Н. Голодедом и датированный 22 ноября 1928 г., а также два печатных варианта. Один из печатных вариантов (вероятно, идентичный варианту, отправленному в Москву) подписан вторым секретарем ЦК КП(б)Б И. Василевичем и председателем СНК БССР Н. Голодедом. Документ занимает всего лишь две страницы, на которых изложены доводы республиканских властей о необходимости третьего расширения территории БССР.

Как и в предыдущие годы, постановка белорусским правительством территориального вопроса была связана с созданием Западной области РСФСР, а именно с планируемым включением в состав области Брянской и Смоленской губерний. Правда, в отличие от 1923 и 1926 гг., когда деятельность белорусского правительства по возвращению восточнобелорусских земель была одновременно и способом противодействия планам руководства РСФСР по включению в состав Западной области белорусских территорий, в 1928 г. такой угрозы не существовало. Поэтому можно допустить, что белорусские власти, скорее всего, решили воспользоваться проводимой в РСФСР административно-территориальной реформой в своих целях. Проведение новых административных границ в приграничном к БССР регионе РСФСР было наиболее удобным моментом для того, чтобы в очередной раз напомнить ЦК ВКП(б): белорусская территориальная проблема разрешена не окончательно. Политическая элита БССР надеялась, что вместе с изменением административно-территориального деления в западной части РСФСР появится возможность пересмотреть в пользу БССР линию белорусско-российской границы.

В частности, бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР выступили осенью 1928 г. с ходатайством в адрес политбюро ЦК ВКП(б) о присоеди-

нении к БССР двух уездов бывшей Гомельской губернии – Новозыбковского и Клинцовского и трех уездов бывшей Псковской губернии – Велижского, Невельского и Себежского, «как районов экономически однородных и тяготеющих к БССР и население которых является преимущественно белорусским населением»[12].

Составители записки в сжатом виде изложили свои доводы, исходя из которых указанные территории следовало включить в состав БССР. По мнению белорусских властей, Новозыбковский и Клинцовский уезды бывшей Гомельской губернии не были присоединены к БССР еще в 1926 г. совершенно случайно и без достаточных на то оснований. Эти уезды, несмотря на присоединение их в 1926 г. к Брянской губернии, по-прежнему экономически тяготели к Гомелю, как к естественному экономическому центру. Кроме того, они были однородны с БССР по национальному составу, что подтверждалось результатами школьной переписи, проведенной Гомельским губернским отделом народного образования в 1923 г.

Стремясь придать вес своим аргументам, авторы докладной записки в политбюро ЦК ВКП(б) также ссылались на мнение жителей Новозыбковского и Клинцовского уездов. В документе подчеркивалось, что «население этих уездов, в особенности рабочие организации, в ряде случаев проявляют желание, по собственной инициативе, присоединиться к Белоруссии, о чем свидетельствует целый ряд фактов»[13]. Конкретные примеры таких заявлений не приводились, что, вероятно, объясняется ограниченным форматом докладной записки. Между тем в советские органы РСФСР и БССР в 1928 г. действительно поступали ходатайства от населения ряда населенных пунктов Брянской губернии о присоединении их к БССР. Например, 19 марта 1928 г. президиум ВЦИК XIII созыва рассмотрел заявление жителей ряда селений Брянской губернии о «перечислении» их в БССР. Свое стремление к включению в состав Беларуси подписавшие обращение обосновывали как хозяйственными интересами, так и неспособностью властей Брянской области создать необходимые условия для сохранения и развития белорусской культуры среди жителей данных населенных пунктов.

Президиум ВЦИК не поддержал ходатайство белорусов Брянской области, признав нецелесообразным изменение государственной границы РСФСР. Одновременно он обязал Брянский губернский исполком усилить обслуживание население в приграничных районах, «особенно в части удовлетворения культурных нужд национальных меньшинств»[14].

Тесная экономическая связь с Беларусью и однородность национального состава – вот основные аргументы белорусской стороны за включение в состав республики бывших уездов Гомельской губернии. Этими же доводами оперировали власти БССР, доказывая необходимость присоединения к Белорусской республике и трех уездов бывшей Псковской губернии – Велижского, Невельского,

Себежского. В дополнение авторы записки напомнили, что еще в 1926 г. с включением данных уездов в БССР соглашались как местные уездные власти, так и ленинградские областные организации.

Составители документа отметили, что «положительное решение данного вопроса со стороны политбюро ЦК ВКП(б) разрешило бы полностью и национальный вопрос, т. е. в составе Белорусской БССР было бы объединено абсолютное большинство белорусского населения Союза ССР».

В завершение бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР обратили внимание руководства компартии на внешнеполитический аспект данного решения, подчеркнув, что оно будет иметь «крупнейшее международное значение, в особенности с усилившимся национальным гнетом и производимым разгромом нацменьшинств (белорусского и украинского) в Польше со стороны польского фашистского правительства».

На основании вышеизложенного власти БССР просили политбюро ЦК ВКП(б) дать директиву соответствующим советским органам о присоединении указанной территории к Белорусской ССР, оформив этот вопрос в ближайшие месяцы[15].

Докладная записка бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР в политбюро ЦК ВКП(б) датирована 22 ноября 1928 г. Неизвестно, когда документ был отправлен в Москву, но на принятие решения относительно формирования и территориального состава Западной области он влияния не оказал, потому как уже 24 ноября 1928 г. оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление относительно районирования РСФСР. Постановление предусматривало образование Западной области с центром в Смоленске, куда предполагалось включить Брянскую, Смоленскую, Калужскую губернии, а также Ржевский уезд и южную часть соседних уездов Тверской губернии и часть Великолукского округа Ленинградской области. На советском уровне создание Западной области было закреплено постановлением ВЦИК от 14 января 1929 г.[16]

Что касается реакции центральных партийных и советских органов на докладную записку бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР относительно третьего расширения Белорусской республики, то пока, к сожалению, документальных материалов, способных пролить свет на процесс обсуждения и принятия решения по данному вопросу, не обнаружено. Судя по тому, что третьего этапа возвращения БССР восточнобелорусских территорий не произошло, со всей определенностью можно сказать лишь одно: руководство СССР посчитало обращение белорусских властей неактуальным и недостаточно обоснованным. А это значит, что все те доводы, которые помогали белорусским властям добиваться поддержки союзных органов и, соответственно, расширения границ БССР в первой половине и середине 1920-х гг., в 1928 г. больше уже не действовали. И дело здесь не в том, что белорусские предложения были слабо аргументированы или

не имели под собой реальной основы. Все это в докладной записке имелось, и при необходимости могло быть представлено в расширенном виде (авторы записки предлагали представить подробные материалы дополнительно). Причина того, что третье укрупнение Белорусской ССР не состоялось, заключается (и мы это уже отмечали в первом параграфе данной главы) прежде всего в том, что в конце 1920-х гг. в СССР произошла ревизия целей и задач ранее проводимой советской национальной политики. И все те соображения, которыми оперировали белорусские власти, перестали быть приоритетными с точки зрения высшего руководства СССР.

Поэтому письменный ответ из Москвы на докладную записку бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР принципиального значения в данном случае не имеет. И без этого документа несложно представить отношение высшего партийного руководства к инициативе белорусских властей – оно было отрицательным. Это подтверждает сохранившееся документированное высказывание И. Сталина, отражавшее изменение позиции партийных органов относительно территориального строительства в СССР. Встречаясь в феврале 1929 г. с украинскими писателями и отвечая на вопросы о границах УССР, И. Сталин высказал, в том числе, свое отношение и к проекту третьего расширения БССР. Он буквально заявил следующее:

«Мы обсуждали этот вопрос несколько раз (в ЦК), мы часто меняем наши границы, слишком часто (смех) – мы меняем наши границы слишком часто. Это производит плохое впечатление в стране и за ее пределами... Мы должны быть особенно осторожны, потому что такие изменения провоцируют сильное сопротивление со стороны некоторых русских. Мы должны помнить об этом факторе... Каждый раз, когда мы обсуждаем этот вопрос, люди начинают шуметь, что миллионы русских в Украине испытывают угнетение, что они не могут пользоваться своим родным языком, подвергаются насильственно украинизации и так далее (смех). Это чисто практический вопрос. Мы обсуждали его дважды и откладывали оба раза – мы меняем наши границы слишком часто. Белоруссия сейчас хочет часть Смоленской губернии. Это вызывает сопротивление со стороны русских. Я думаю такой вопрос надо решать осторожно, не забегая вперед, чтобы не вызвать негативную реакцию с одной или другой стороны населения»[17].

В вышеприведенном высказывании И. Сталина интерес представляют два принципиальных момента. Во-первых, судя по словам И. Сталина, к концу 1920-х гг. руководство СССР пришло к мнению, что территориальный вопрос в стране разрешен окончательно. Высшие партийные органы на предложения об изменении границ теперь смотрели недоброжелательно и даже подозрительно. Во-вторых, политические лидеры страны стали уделять больше внимания интересам самой крупной союзной республики – РСФСР. Если посмотреть на процесс территориального строительства с чисто фор-

мальной точки зрения, то до середины 1920-х гг. расширение границ многих республик, особенно это касается БССР и УССР, происходило за счет РСФСР. Долгое время политбюро ЦК ВКП(б) не замечало или не придавало большого значения протестам и жалобам, которые поступали со стороны РСФСР. Однако к концу 1920-х гг. отношение к русскому населению изменилось – те или иные решения теперь принимались с учетом того, как они будут восприняты русскими. Изменения во взглядах руководства СССР на территориальный вопрос, в отношении к русским национальным интересам свидетельствовали о серьезной корректировке целей и задач советской национальной политики. Поэтому позицию И. Сталина, высказанную им на встрече с украинскими писателями, есть смысл рассматривать шире, не только в применении к конкретным вопросам о границах БССР и УССР. Его слова – это еще и сигнал властям союзных республик о новом содержании национальной политики в стране. Подобные сигналы в конце 1920-хх гг. передавались низовым партийным и советским органам многократно самыми разными способами – на данном примере мы остановились лишь по той причине, что он имел непосредственное отношение к белорусской территориальной проблеме. В большинстве случаев искушенная в колебаниях политической линии местная номенклатура расшифровывала знаки, поступавшие свыше, и корректировала проводимую на практике политику. Не успевшие же или не желавшие понимать суть изменений пополняли ряды «врагов народа».

Ревизия советской национальной политики, проведенная в конце 1920-х гг., сделала невозможным положительное для белорусской стороны разрешение вопроса о третьем расширении Белорусской республики. Больше руководство БССР территориальную проблему не поднимало. В связи с этим принципиально важных изменений границы БССР, начиная с 1926 г. и до 1939 г., не происходило. В это время имел место лишь один факт корректировки белорусско-российской границы в 1929 г., еще менее значительный по своим масштабам, чем уточнение белорусско-украинской границы 1927 г.

Корректировка границы между БССР и РСФСР в 1929 г. была вызвана причинами административно-хозяйственного характера. 6 апреля 1929 г. жители деревни Васильевки 2-й Хотимского района Мозырского округа БССР обратились к руководству БССР с просьбой о передаче деревни в состав РСФСР. Ходатайство объяснялось тем, что данный населенный пункт вклинивался в территорию РСФСР и от своего сельсовета, расположенного в БССР, находился на расстоянии 13 км. Таким образом, как отмечали в ходатайстве жители деревни, «платя налоги БССР, они оставались необслуженными ни БССР, ни в РСФСР».

Президиум ЦИК БССР, рассмотрев вопрос на заседании 30 сентября 1929 г., признал целесообразным присоединение 16 хозяйств селения Васильевка 2-я к РСФСР и обратился с просьбой к прези-

диуму Всероссийского ЦИК согласиться с указанным предложением. 20 октября 1929 г. президиум ВЦИК постановил согласиться с постановлением президиума ЦИК БССР[18]. Точку в данном вопросе поставил секретариат ЦИК СССР, утвердивший на своем заседании от 26 ноября 1929 г. постановления президиумов ЦИК БССР и УССР[19].

Насколько нам известно на сегодняшний день, корректировка белорусско-российской границы в 1929 г. была последним изменением границы БССР в рассматриваемый период. Далее, на протяжении десяти лет, с ноября 1929 г. и до осени 1939 г., то есть до воссоединения Западной Беларуси с БССР, территория Белорусской ССР не менялась.

Давая оценку процессам, которые происходили в территориальном строительстве БССР после 1926 г. и до 1939 г., следует отметить, что в рассматриваемый отрезок времени изменения границ БССР были незначительными. Попытка правительственных и советских органов БССР поставить в конце 1928 г. вопрос о третьем возвращении в состав республики остававшихся в РСФСР восточнобелорусских территорий завершился безрезультатно. К тому времени руководство СССР пришло к убеждению о необходимости пересмотра советской национальной политики. Оно скорректировало свои взгляды на роль и место РСФСР – самой большой республики в Союзе ССР, стало больше учитывать национальные интересы русского населения и, соответственно, изменило свое отношение к расширению границ других союзных республик за счет РСФСР. В целом, политические лидеры СССР все больше склонялись к мысли о том, что главные цели национальной политики, сформулированные в начале 1920 г., достигнуты: экономическая и культурная отсталость окраин от центра практически преодолена, в национальных республиках созданы необходимые условия для развития национальной культуры, территориальное строительство республик завершено. При таком подходе значительные изменения территории союзных республик в конце 1920-х гг. становились невозможными. Речь могла идти только о незначительных корректировках границ между республиками. Что касается БССР, то такая корректировка границ во второй половине 1920 г. происходила трижды – два раза с УССР (1927 и 1929 гг.) и в 1929 г. с РСФСР. Во всех случаях пересмотр межреспубликанских границ был вызван причинами административно-хозяйственного характера, такими как создание лучших условий для местного населения, повышение эффективности охраны границ, спрямление линии границы. Изменения были незначительными и принципиального влияния на территорию Белорусской ССР не оказали. В следующий раз масштабное изменение границ БССР, сыгравшее огромную роль в истории белорусской государственности в XX в., произошло в 1939 г. и было связано с воссоединением Западной и Восточной Беларуси.

Примечания

[1] НА РБ. Ф. 4. оп. 1, д. 349, л. 59.
[2] НА РБ. Ф. 6, оп. 3, д. 5, л. 43.
[3] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 17, д. 718, л. 12, 66.
[4] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 17, д. 718, л. 11.
[5] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 17, д. 721, л. 115.
[6] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 17, д. 718, л. 4.
[7] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 17, д. 721, л. 113, 117.
[8] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 17, д. 721, л. 99.
[9] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 22, д. 79, л. 2, 7.
[10] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 13, д. 10, л. 227.
[11] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 1, д. 3124, л. 185.
[12] Скалабан В.В., Старовойтов М.И. Укрупнение БССР: попытка 1928 года // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы міжнар. навук. канф., 28–29 верас. 2006 г. С. 185.
[13] Там же. С. 185–186.
[14] ГА РФ. Ф. 1235, оп. 43, д. 62, л. 98об.
[15] Скалабан В. В., Старовойтов М. И. Укрупнение БССР: попытка 1928 года // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. С. 186.
[16] Там же. С. 186–187.
[17] Terry Martin. The affirmative action empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. P. 280–281.
[18] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 22, д. 333, л. 3, 4.
[19] ГА РФ. Ф. 3316, оп. 13, д. 10, л. 227.

Глава 5

Установление западной границы БССР в годы Второй мировой войны

5.1. Воссоединение Западной Беларуси с БССР (территориальный аспект)

В конце 1930-х гг. внешнеполитические интересы Советского Союза и Германии совпали. Оба государства стесненно чувствовали себя в границах, установленных Версальской системой после окончания Первой мировой войны. Фашистская Германия мечтала о реванше за поражение в Первой мировой войне и стремилась к расширению «жизненного пространства». Руководство СССР, рассчитывая использовать планы агрессора для ослабления капиталистической системы, предприняло определенные шаги для сближения с Германией.

23 августа 1939 г. Советский Союз и Германия заключили договор о взаимном ненападении, известный как пакт Молотова – Риббентропа. В соответствии с договором стороны брали на себя обязательство на протяжении десяти лет «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими государствами»[1].

Одновременно министры иностранных дел подписали секретный дополнительный протокол к договору, который разделял сферы интересов СССР и Германии в Европе. Германия получала Францию, Британию и их африканские колонии. СССР – Финляндию, Эстонию, Латвию, Бессарабию и право расширять свое влияние на юг в сторону Персидского залива через Иран, Афганистан и Турцию. Вместе с другими территориями под контроль Советского Союза попадала и Западная Беларусь. В случае территориальных и политических изменений в прибалтийских республиках граница, разделявшая сферы влияния СССР и Германии, должна была пройти по северной границе Литвы. Что касается польского государства, то в соответствии со вторым пунктом протокола граница сфер интересов Германии и СССР проходила по линии рек Нарев, Висла и Сан[2].

Пакт Молотова – Риббентропа и дополнительный секретный протокол к нему предрешили судьбу польского государства. 1 сентября 1939 г. немецкие войска перешли границу Польши, положив начало Второй мировой войне – войне, втянувшей в свою орбиту более миллиарда человек – 4/5 населения планеты.

Правительство Польши оказалось не готовым к этой войне и не смогло организовать эффективную оборону страны. Немецкие войска быстро приближались к территории Западной Беларуси и Запад-

ной Украины, которые в соответствии с секретным протоколом входили в советскую зону интересов. Несмотря на это, а также на сильное дипломатическое давление Германии, руководство СССР не спешило отдавать приказ частям Красной Армии о переходе советско-польской границы. И. Сталин тянул время, выжидая, как отреагирует остальной мир на германское вторжение и когда вступление советских солдат в Польшу будет менее всего напоминать агрессию.

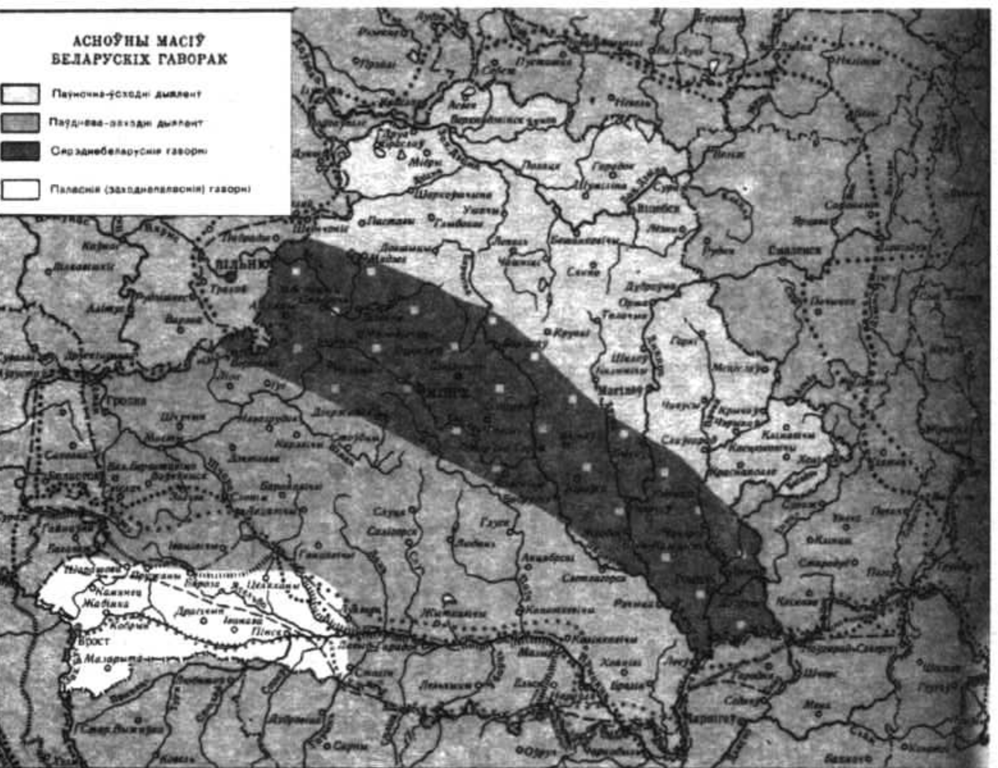
По мнению советского руководства, такой момент наступил 17 сентября 1939 г., когда немецкие войска вышли на линию: Радин – Любортов – Люблин – Красностов – Замостье – Томашев – Городок – Дрогобыч. К этому моменту польская оборона была окончательно сломлена, государственная система дезорганизована, руководство войсками и государственными органами потеряно. Переход Красной Армией западной границы СССР объяснялся катастрофической ситуацией, сложившейся в Польше, и неспособностью польского правительства защитить интересы белорусского и украинского населения[3].

Такое развитие событий явилось полной неожиданностью для польского правительства. Однако правительство Польши признало, что оно не находится в состоянии войны с Советским Союзом, тем более что СССР войну Польше также не объявлял. Приказ, изданный командующим польской армией маршалом Э. Рыдз-Смиглой, предписывал польским войскам оказывать сопротивление Красной Армии только в случае нападения либо попыток разоружения польских частей. Поскольку первые эшелоны Красной Армии действовали рейдовым порядком – двигались по магистралям, нигде не задерживаясь на длительное время, – то в непосредственное столкновение с польскими частями советские войска практически не входили. По-настоящему упорных сражений было немного.

Темп продвижения Красной Армии был высоким. Тем не менее советские части все же не смогли до прихода немцев занять всю территорию, которая в соответствии с советско-германским соглашением включалась в сферу интересов СССР. В подобных случаях немецкие войска при подходе советских частей покидали занятые ранее населенные пункты. Иногда этому предшествовали совместные военные парады. Известно, что такие парады прошли в Пинске, Бресте, некоторых городах Западной Украины.

Общественно-политические и социально-экономические преобразования, имевшие место в Западной Беларуси осенью 1939 г., требовали законодательного закрепления. По плану советского руководства, сделать это должен был всенародно избранный представительный орган Западной Беларуси. 1 октября 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, которое обязывало руководство БССР созвать Белорусское Народное собрание.

С формальной точки зрения инициатива созыва такого органа должна было исходить снизу, в связи с чем озвучить идею народно-



- - - Мяжа беларускіх гаворак паводле этнаграфічнай карты беларускага племені, складзенай Я.Ф. Карскім (1903 г.)

. . . . . . Мяжа беларускай мовы паводле дыялекталагічнай карты рускай мовы ў Еўропе, складзенай МДК (1914 г.)

. . . . Усходняя мяжа заходняй групы гаворак у складзе рускай мовы паводле дыялекталагічнай карты рускай мовы, складзенай К.Ф. Захаравай і В.Г. Арловай (1967 г.)

. . . . . . Паўночная мяжа ўкраінскай мовы паводле карты паўднёварускіх дыялектаў і гаворак, складзенай К.П. Міхальчуком (1877 г.)

——— Паўночная мяжа ўкраінскіх гаворак паводле карты ўкраінскіх гаворак, складзенай Г. Зілінскім (1933 г.)

— — — Паўночная мяжа ўкраінскіх гаворак паводле карты гаворак украінскай мовы, складзенай Ф.Т. Жылко (1966 г.)

. . . . . Паўночная мяжа палескіх (паўночных) украінскіх дыялектаў паводле карты, складзенай С.П. Бяўзенкам (1980 г.)

Основной массив белорусских говоров

го представительства было поручено временному управлению города Белостока. 5 октября 1939 г. оно предложило временным органам власти других белорусских городов объединить усилия и провести выборы в Народное собрание Западной Беларуси. Народным избранникам предстояло решить вопрос о характере власти в Западной Беларуси, о вхождении ее в состав СССР посредством БССР, а также утвердить преобразования, которые фактически уже произошли: в частности, ликвидацию помещичьего землевладения в деревне, национализацию банков и крупной промышленности[4].

28 октября 1939 г. Народное собрание Западной Беларуси приступило к работе. Деятельность представительного органа Западной Беларуси проходила по ранее разработанному и утвержденному в Москве сценарию. Порядок выступления делегатов и их содержание были определены представителями партийных и советских органов. Тексты выступлений депутатов Народного собрания, даже тех, кто выступал в дискуссиях, по заказу пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б готовили профессиональные писатели и пропагандисты[5]. Неудивительно, что Народное собрание продемонстрировало завидное единодушие. Все 926 депутатов единогласно высказались за установление советской власти и вхождение Западной Беларуси в состав БССР.

2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу Народного собрания о включении Западной Беларуси в состав СССР и воссоединении с Белорусской ССР. Точку в законодательном оформлении этого процесса поставил Верховный Совет БССР. 12 ноября 1939 г. он принял закон, в соответствии с которым Западная Беларусь становилась частью Белорусской ССР. В результате территория БССР увеличилась со 125,6 тыс. кв. км до 225,6 тыс. кв. км; население республики – с 5 млн 562 тыс. чел. до 10 млн 239 тыс.

Важным следствием воссоединения Западной Беларуси с БССР стало сохранение Минска в качестве столицы БССР. Между тем в конце 1930-х гг. предпринимались целенаправленные практические действия по переносу политического центра республики из Минска в Могилев. Смена столицы обуславливалась неблагоприятным расположением Минска, как по причинам военно-стратегического характера, так и с точки зрения оптимального административно-территориального деления БССР и эффективной организации экономики Советской Беларуси. Уже тот факт, что на расстоянии буквально тридцати километров от Минска проходила граница СССР с враждебным капиталистическим государством, заставлял серьезно задуматься о целесообразности и оправданности сохранения за Минском статуса столичного города[6].

Исходя из перечисленных соображений, в декабре 1937 г. власти БССР обратились к руководству СССР с просьбой санкционировать перенос столицы из Минска в Могилев. Причиной такого решения назывались близость Минска к польской границе, а также его «слабая

связь с железнодорожными и шоссейными магистралями, как с центрами Союза, так и, особенно, с районами республики». Масштабные работы по подготовке Могилева к изменению его политического статуса белорусские власти рассчитывали завершить уже к первому кварталу 1939 г. В новой столице планировалось создать необходимую инфраструктуру, построить правительственные учреждения, жилые дома, помещения для хозяйственных и культурных организаций. Для реализации данных планов белорусское руководство просило союзные органы выделить более 350 миллионов рублей. 19 апреля 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, санкционировавшее перенос белорусской столицы из Минска в Могилев. Размер финансирования, правда, был значительно (в три раза) сокращен в сравнении с запрашиваемой суммой[7].

В соответствии с апрельским постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) руководство БССР развернуло активную работу по превращению Могилева в современный административно-политический центр. Однако, несмотря на пристальное внимание СНК БССР и ЦК КП(б)Б, темпы работ существенно отставали от запланированных. Так, к февралю 1939 г. программа городского строительства была выполнена всего на 52%. В первой половине 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б предпринимало самые разные шаги по активизации и форсированию строительных работ в Могилеве. Нарком внутренних дел БССР Л. Цанава обещал обеспечить строительные объекты любыми специалистами и в любом количестве. Бюро ЦК комсомола приняло решение послать 1200 комсомольцев для работы в Могилеве. Наркомфину и Госплану БССР было поручено перераспределить средства на благоустройство Могилева за счет Минска, Витебска и других городов[8]. Одновременно была скорректирована дата переезда правительственных органов в Могилев. Перенос столицы был назначен на ноябрь 1939 г.

Изменение геополитической ситуации осенью 1939 г., связанное с воссоединением Западной Беларуси и Восточной Беларуси в составе БССР, привело к тому, что западная граница СССР значительно отодвинулась на запад от Минска. Обстоятельства, которыми ранее обусловливалась необходимость переноса столицы из Минска в Могилев, исчезли. В связи с чем партийное руководство БССР пересмотрело свою позицию относительно столицы республики. 14 октября 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б постановило «просить ЦК ВКП(б) пересмотреть решение от 19.04.1938 г. о переносе столицы из г. Минска в Могилев, оставив столицей БССР г. Минск»[9]. Руководство СССР, посчитав доводы белорусских властей обоснованными, согласилось на сохранение за городом Минском статуса столицы БССР.

С включением Западной Беларуси в состав БССР возникла необходимость в унификации административно-территориального деления в Западной Беларуси с тем, которое существовало в восточной части республики. 20 ноября 1939 г. ЦК КП(б)Б принял поста-

новление об образовании в БССР пяти новых областей: Вилейской, Барановичской, Белостокской, Брестской и Пинской[10]. 4 декабря 1939 г. Верховный Совет СССР утвердил постановление Президиума Верховного Совета Белорусской ССР об образовании в составе республики новых областей[11].

Важнейшим геополитическим результатом исчезновения польского государства с политической карты для СССР стало то, что Советский Союз получил общую границу с Германией. Одним из важнейших вопросов в отношениях между новыми соседями стал вопрос о демаркации и делимитации границы. О том, насколько актуальным был данный вопрос, свидетельствует тот факт, что уже 22 сентября 1939 г. было подписано советско-германское коммюнике, содержавшее описание демаркационной линии между советской и германской армиями. Граница проходила по реке Писа до ее впадения в Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков[12].

Описанная выше граница просуществовала совсем недолго – лишь неделю. Всего через три дня после подписания коммюнике советская сторона выступила с инициативой пересмотра линии, разделявшей сферы интересов Германии и СССР. Изменения, предложенные руководством СССР, касались Литвы. Как известно, в соответствии с п. 1 секретного протокола от 23 августа 1939 г., Литва входила в сферу интересов Германии. Гитлер планировал включить литовское государство в границы рейха и уже во второй половине сентября предпринял определенные шаги для реализации данного решения. 20 сентября 1939 г. он утвердил план аннексии, а 25 сентября отдал приказ о приведении войск в состояние боевой готовности для нанесения удара по Литве. Однако в этот же день через немецкого посла в Москве графа Ф.-В. фон дер Шуленбурга руководству Германии поступило новое предложение от И. Сталина. Суть его сводилась к следующему: в обмен на отказ Гитлера от претензий на Литву Германия получала все Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства до реки Буг[13].

Данный вопрос обсуждался на переговорах в Москве 27–28 сентября. Германскую сторону представляли министр иностранных дел И. фон Риббентроп и посол Германии в СССР Ф.-В. фон дер Шуленбург. От СССР в переговорах участвовали И. Сталин, В. Молотов и полномочный представитель СССР в Германии А. Шкварцев. После двухдневного обсуждения германская делегация согласилась пойти на уступки СССР в вопросе о Литве. Руководство Советского Союза было довольно исходом переговоров, поскольку такое разрешение литовской проблемы имело для СССР большое геополитическое значение. Еще одним важным результатом советско-германских переговоров стал Договор о дружбе и границе, подписанный

28 сентября 1939 г. В документе указывалось, что обе стороны признают установленную в ст. 1 границу обоюдных государственных интересов и считают, что проведенное разграничение послужит надежным фундаментом для дальнейшего развития дружественных отношений между народами СССР и Германии[14].

Подробное описание границы между СССР и Германией содержалось в дополнительном протоколе, подписанном 4 октября 1939 г. В. Молотовым и послом Ф.-В. фон дер Шуленбургом[15]. Новая советско-германская граница в значительной степени совпадала с «линией Керзона», предложенной в качестве советско-польской границы странами Антанты еще в 1919 г. Северная часть границы СССР проходила по рекам Писе, Нарев и Бугу, покидая на советской стороне все довоенное Белостокское воеводство и Ломжинский уезд, ранее входивший в Варшавское воеводство[16].

Дополнительный протокол вместе с Договором о дружбе и границе был ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР и рейхстагом Германии 19 октября 1939 г., а 14 декабря 1939 г. стороны обменялись в Берлине ратификационными грамотами.

30 сентября 1939 г. командармам армий, действовавших на Белорусском фронте, а также в штаб Белорусского фронта и начальнику снабжения фронта поступила директива за подписью командующего войсками Белорусского фронта командарма 2-го ранга М. Ковалева, содержавшая точное описание советско-германской границы. Документ предписывал частям, находящимся к западу от установленной границы, отойти к востоку от этой линии. Начало отвода войск было запланировано на утро 5 октября[17].

Руководство СССР постаралось максимально ускорить демаркацию советско-германской границы. К сожалению, данные о проведении демаркационных работ практически отсутствуют. Документы, раскрывающие деятельность совместной советско-германской демаркационной комиссии, протоколы заседаний и т.д., находятся в МИД РФ. Однако для исследователей эти материалы закрыты. Поэтому приходится довольствоваться самыми общими сведениями.

Известно, что первые действия по уточнению советско-германской границы предприняли сами военные еще до создания межгосударственной двусторонней комиссии. Как сообщал в докладе вышестоящему руководству начальник штаба 16-го стрелкового корпуса полковник Семенов, 6 октября 1939 г. с 24 часов 45 минут до 15 часов 23 минут по московскому времени в г. Сувалках состоялись переговоры по вопросу уточнения пунктов временной государственной границы. Обменявшись мнениями, участники переговоров пришли к согласию в том, что граница, намеченная директивой, очень сложна с точки зрения ее охраны. Было признано более целесообразным иметь границу «по водному рубежу, а именно: Литовская граница, Жондовы, по реке Черна Гальча до озера Микашево, по озерам до Августовского канала, сам Августовский канал, озеро Студзеничне, озеро Ка-

лейты, мост через железную дорогу южнее деревни Близна и далее, как она намечена». В результате советская делегация договорилась с немецким командованием установить до 9 октября новую демаркационную линию, с тем чтобы в полдень 9 октября встретиться еще раз для окончательного определения границы. Отправляя данный доклад, начальник штаба 16-го стрелкового корпуса просил вышестоящие органы о присылке указаний по ведению переговоров. Однако инструкции из центра не последовали. Дальнейшую работу по демаркации советско-германской границы было решено проводить уже на совершенно другом, более высоком, уровне[18].

Начало официальному процессу демаркации советско-германской границы было положено постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 8 октября 1939 г., в соответствии с которым общее руководство демаркацией поручалось советско-германской комиссии в составе четырех представителей от каждой из сторон. В состав советской части комиссии вошли: представитель НКИД А. Александров (председатель комиссии), два представителя Генерального штаба РККА комбриг В. Иванов и майор В. Александров и представитель НКВД полковник А. Леонтьев.

Постоянным местом пребывания Центральной комиссии являлась Москва. В случае необходимости комиссия или отдельные ее члены выезжали на места. Проведение границы на местах возлагалось на 6 советско-германских подкомиссий, каждая из которых работала на своем участке, назначенном ей Центральной комиссией. В состав каждой подкомиссии от советской стороны входили три человека: по одному представителю от НКИД, Генштаба РККА и пограничных войск НКВД.

Политбюро ЦК ВКП(б) обязало представителей СССР в советско-германской комиссии завершить полевые работы до 1 января 1940 г. Оформление материалов демаркации должно было быть закончено «в кратчайший срок и во всяком случае не позднее 31 марта 1940 г.»[19]. Быстрейшая демаркация советско-германской границы помимо формально-юридического имела большое морально-психологическое значение. Особенно для жителей тех районов Западной Беларуси, по которым проходила линия раздела сфер влияния СССР и Германии. Архивные данные свидетельствуют, что осенью 1939 г. симпатии населения были на стороне Советского Союза. Поскольку первое время точной границы, охраняемой войсками, между Германией и СССР не было, то, как следует из оперативных сводок НКВД, население районов Западной Белоруссии, граничащих с Германией, проявляло беспокойство и боязнь, опасаясь, что некоторые пункты могут отойти к Германии. Характерен случай, имевший место на территории бывшего Августовского уезда 9 октября 1939 г., когда отход из города стрелковой дивизии вызвал среди местного населения состояние, близкое к панике. Жители, увидев покидающих город советских солдат, в массовом порядке стали обращаться во Вре-

менное управление, к коменданту города «с вопросами относительно того, не отходит ли Красная Армия и не собираться ли населению эвакуироваться, так как в случае передачи города Августово немцам, большинство населения желает уйти с Красной Армией»[20].

Интересы руководства СССР и Германии в том, чтобы в максимально короткие сроки завершить демаркацию границы, совпадали, поэтому советско-германская комиссия работала оперативно. Особенно стремилась уложиться в сроки, указанные в постановлении политбюро ЦК ВКП(б), советская делегация. Однако по вине германской стороны полевые работы затянулись. Как следует из докладов председателя советской делегации в смешанной пограничной комиссии А. Александрова главе советского правительства В. Молотову, подкомиссии начали работу на местности 1 ноября 1939 г. и завершили только 27 февраля 1940 г. (то есть с опозданием на два месяца). Всего на протяжении советско-германской границы (1500 км) было установлено 2820 пограничных знаков[21].

После завершения полевых работ еще более полугода потребовалось на оформление документации. 17 августа 1940 г. в Берлине состоялось последнее заседание Центральной смешанной советско-германской пограничной комиссии, на котором был подписан основной документ по демаркации советско-германской границы. Наконец, 5 декабря 1940 г. высший законодательный орган Германии – рейхстаг, а 6 декабря Верховный Совет СССР ратифицировали договор между СССР и Германией и Договор о пограничных правовых отношениях.

Примечания

1 Павлов Я.С. «Болевые точки» истории Беларуси. С. 50–81.
2 Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89.
3 Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 г. // Вопр. истории. 1997. № 7. С. 18–24.
4 Назаўсёды разам. С. 92–93.
5 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 27, д. 69, л. 3.
6 Гісторыя Мінска – История Минска / У.А. Бабкоў і інш.; пад рэд. У.А. Бабкова. Мінск: Беларус. энцыкл., 2006. С. 298.
7 Селицкая Л. Столицей БССР перед войной должен был стать Могилев // Веч. Минск. 2008. 28 авг.
8 Гісторыя Мінска – История Минска. С. 298; НА РБ. Ф. 4, оп. 3, д. 1121, л. 188–189.
9 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 3, д. 809, л. 5.
10 История Беларуси в документах и материалах. С. 518.
11 Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 38.
12 Германо-советское коммюнике от 22 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 23 сент.
13 СССР – Германия. Документы и материалы... С. 105–106.
14 Договор о дружбе и границе // Правда. 1939. 29 сент.
15 Документы внешней политики. 1939. М., 1992. Т. 22, кн. 2. С. 154–157.

[16] Волаціч М. Лінія Кэрзона ... // Спадчына. 1993. № 5. С. 28–29.
[17] Беларуская нацыя: уз'яднанне: верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дак. і матэрыялаў / аўт.-уклад. У.Ф. Ладысеў. Мінск: БДУ, 2004. С. 71–73.
[18] Там же. С. 76–77.
[19] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 25, л. 70–71.
[20] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1683, л. 85.
[21] АВП РФ. Ф. Секретариат В. Молотова, оп. 2, пор. 192, д. 17, л. 6, 10–14.

5.2. Передача Вильно и Виленской области Литве

Практически сразу же после того, как части Красной Армии перешли границу Польши, в советско-литовских отношениях возникла проблема государственной принадлежности Вильно. На протяжении предшествовавших двадцати лет, до 19 сентября 1939 г., когда советские войска заняли Вильно, город находился в составе Польши. Все это время Советский Союз не признавал его незаконный захват Польшей в октябре 1920 г. и оказывал Литве дипломатическую поддержку в попытках добиться возврата столицы. Теперь, руководствуясь советско-литовским договором от 12 июля 1920 г., Красная Армия с точки зрения международного права должна была передать занятые литовские земли Литве. В Каунасе с нетерпением следили – выполнит ли восточный сосед то, о чем ранее неоднократно заявлял в своих декларациях.

При всей остроте и болезненности виленской проблемы литовское правительство заняло крайне осторожную позицию в этом вопросе. Несмотря на то, что Берлин настойчиво подбивал литовцев к самостоятельному захвату Вильно, литовское руководство не поддалось соблазну. Безусловно, литовских политиков очень беспокоила судьба города и у них были большие сомнения, что Советский Союз отдаст им столицу. Однако еще больше руководство Литвы боялось оказаться втянутым в вооруженный конфликт. А потому Каунас занял выжидательную позицию, одновременно активизировав контакты с Москвой на дипломатическом уровне и демонстрируя по отношению к СССР полное дружелюбие и симпатию.

20 сентября 1939 г. в связи с приближением Красной Армии к границам Литвы командующий литовской армией С. Раштикис отдал приказ встречать советские войска в дружественном духе и помогать им в установлении новой литовской границы[1]. Данное распоряжение неукоснительно выполнялось. В тех случаях, когда отдельные подразделения Красной Армии по ошибке нарушали границу Литвы, литовские пограничники давали разъяснения и в большинстве случаев этим конфликт исчерпывался.

Правительство СССР также готовилось к решению виленской проблемы. Сразу же после вступления советских войск на территорию Польши НКИД СССР занялся изучением вопроса. 19 сентября, в день занятия Вильно Красной Армией, заведующий правовым

отделом НКИД Л. Куроптев подготовил для заместителя наркома иностранных дел СССР В. Потемкина подробную докладную записку по данной теме. Прежде чем принять окончательное решение относительно государственной принадлежности Вильно, руководство СССР желало всесторонне изучить вопрос. Несмотря на то, что советско-литовский договор от 12 июля 1920 г. не содержал прямых положений об уступке Литве территорий, РСФСР все же признала в 1920 г., как указывалось в записке, суверенитет Литвы над большей частью Виленской и над северной частью Гродненской губерний, оставляя в пределах Литвы Вильно и Гродно[2].

Литовские власти с нетерпением ждали прояснения позиции СССР по виленской проблеме. Руководители диппредставительств Литвы в Москве, Лондоне, Париже получили указание прозондировать почву в беседах с советскими дипломатами. Однако ничего конкретного литовские посланники узнать не смогли. В. Молотов, встретившись с посланником Литвы в СССР Л. Наткевичюсом, порекомендовал литовцам набраться терпения и заявил буквально следующее: «...Советское правительство помнит о всех своих обещаниях Литве. Оно не забыло о Вильно, который вчера заняла Красная Армия. Однако это лишь ход военных действий, который не определяет судьбы города. Проблема Вильно может быть решена благоприятно для Литвы, однако в настоящей сумятице следует подождать, а позже будем говорить и сговоримся»[3].

Ничего более определенного В. Молотов литовскому дипломату не сообщил. Хотя на самом деле судьба Литвы на тот момент была уже предопределена. В соответствии с секретным советско-германским протоколом от 23 августа 1939 г. СССР соглашался с включением Литвы в зону интересов Германии, признавая при этом интересы Литвы по отношению к Виленской области. Таким образом, дальнейшие события должны были развиваться следующим образом: Советский Союз должен был передать Литве Вильно и Виленскую область, а Германия, в свою очередь, готовилась оккупировать литовское государство. 25 сентября Гитлер отдал приказ о концентрации в Восточной Пруссии военных сил, достаточных для оккупации Литвы даже в случае ее вооруженного сопротивления[4].

Однако, как мы упоминали выше, в этот же день И. Сталин предложил Гитлеру пересмотреть условия секретного протокола, выразив готовность передать Германии в обмен на Литву правобережную часть Варшавского и Люблинское воеводства. Гитлер согласился, и уже 28 сентября 1939 г. был подписан «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией» и дополнительный секретный протокол к нему, предрешившие будущее литовского государства. Теперь оно полностью зависело от СССР.

На следующий же день после подписания договора и секретного протокола к нему В. Молотов пригласил литовского посланника Л. Наткевичюса в Кремль. Вместе с В. Молотовым в беседе прини-

мал участие заместитель наркома иностранных дел В. Потемкин. Уже в самом начале В. Молотов расставил все точки над «i», сообщив литовскому дипломату, что «Литва политически почти на 100 процентов зависит от Советского Союза и что Германия не будет возражать против того, о чем Советский Союз договорится с Литвой».

Одновременно Л. Наткевичюсу дали понять, что Москва ставит положительное для литовцев разрешение вопроса о Вильно в зависимость от того, как будут складываться дальнейшие взаимоотношения между двумя государствами. В. Молотов и В. Потемкин напомнили литовскому дипломату, в каких условиях подписывался советско-литовский договор 1920 г. – советская страна была «залита кровью» и нуждалась в мире, а потому уступила Литве некоторые белорусские земли. В качестве примера таких территорий В. Молотов и В. Потемкин особо отметили области вокруг Гродно и Вильно. Новая внешнеполитическая ситуация, по мнению советского руководства, изменила статью Московского договора относительно границ. И теперь только от дальнейших действий литовского правительства зависело, станет ли Советский Союз соблюдать положения договора 20-летней давности и какие именно территории он передаст Литве. Для обсуждения условий литовскому правительству было предложено направить в Москву представительную делегацию во главе с премьер-министром или министром иностранных дел[5].

Какие конкретно шаги руководители СССР ожидали от литовского правительства, стало ясно во время советско-литовских переговоров, которые начались в Москве 3 октября 1939 г. Литовскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис. Открывая встречу, В. Молотов сразу же сообщил представителям литовского правительства, что по договоренности с Германией Литва вошла в зону влияния СССР, а также заявил, что существующий нейтралитет Литвы более не устраивает руководство Советского Союза, поскольку в том состоянии войны, в котором находилась Европа, возможны «вылазки, провокации, диверсии», адекватно ответить на которые литовская армия будет не способна. В связи с этим правительство СССР предложило литовцам заключить договор о взаимопомощи, предусматривавший размещение на территории Литвы советских войск. Только при условии заключения такого договора Москва соглашалась передать Литве Вильно и Виленскую область[6].

Перспектива создания на территории литовского государства советских военных баз, чей гарнизон (20.000 человек) лишь не намного уступал по численности литовской армии, вызвал у литовцев замешательство. Переговоры затормозились. В данной ситуации, как свидетельствуют воспоминания непосредственного участника переговоров министра иностранных дел Ю. Урбшиса, советская сторона использовала виленский вопрос как мощное средство давления на литовское правительство. 8 октября 1939 г., когда в переговорах возникла заминка, В. Молотов обратил внимание литовской делегации

на сообщения газет о митингах и демонстрациях в Вильно, на которых жители города требовали присоединить город к БССР. Председатель Совнаркома СССР отметил, что «правительство Советского Союза не сможет долго успокаивать трудящихся Вильно и не обращать внимание на их требования»[7]. В качестве еще одного убедительного аргумента на границе с Литвой была развернута 3-я армия.

Оказавшись перед ультиматумом, литовские политики были вынуждены уступить. Слишком велико было искушение и слишком долгим было ожидание литовцев, чтобы отказаться от реального двухсоттысячного города перед казавшейся тогда достаточно абстрактной угрозой суверенитету. Тем более что на самом деле выбора у литовского правительства не было, поскольку выбирать приходилось между подписанием договора и получением Вильно, с одной стороны, и вступлением в вооруженный конфликт с заведомо более сильным военным противником и, как следствие, потерей суверенитета – с другой. Так что решение литовского руководства было вполне предсказуемо. После того, как оно окончательно убедилось, что поддержки в противостоянии с Москвой ждать неоткуда, оно было вынуждено принять советский ультиматум.

10 октября 1939 г. СССР и Литва подписали договор о передаче Вильно и Виленской области Литве и советско-литовский пакт о взаимопомощи. В дополнение к договору стороны подписали секретный протокол, предусматривавший нейтралитет Литвы в случае войны между СССР и третьими государствами. Протокол также фиксировал численность советских войск в Литве и включал карту, изображавшую территорию, которую СССР передавал Литве, – 6739 кв. км с почти 430.000 населения[8]. В состав Литвы переходили город Вильно и Виленская область (Виленско-Трокский уезд, часть территории Свентянского и Браславского уездов).

Белорусская сторона, имевшая непосредственное отношение к предмету договора, ни в обсуждении его условий, ни в переговорах с литовцами, ни, в конце концов, в подписании договора участия не принимала. Как свидетельствуют документы, белорусская тема если и возникала в процессе переговоров, то исключительно лишь как средство давления на литовское правительство. В. Молотов и другие участники переговоров неоднократно в разговоре с литовской делегацией отмечали, что в Виленской области проживает значительное число нелитовского населения. Логичным в данной ситуации было бы проведение этнографического изучения спорных территорий либо опрос населения. Однако руководство СССР в действительности мало интересовала реальная этническая ситуация в регионе – территория Виленщины являлась всего лишь разменной картой, с помощью которой Кремль рассчитывал решить более важные геополитические вопросы.

Союзное руководство действовало таким образом, словно бы БССР не существовала и подписываемый советско-литовский дого-

вор никоим образом не имел отношения к Беларуси. Единственным свидетельством того, что руководство СССР все же помнило о существовании общей границы между Литвой и Беларусью, было предупреждение В. Молотова литовской делегации о том, что окончательная граница в Виленском крае должна быть согласована с Беларусью[9].

Руководство СССР, впрочем, не особо и скрывало тот факт, что изменение белорусско-литовской границы в октябре 1939 г. проводилось без учета этнических данных. В. Молотов, выступая с докладом о внешней политике СССР на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г., признался: «Советский Союз пошел на передачу Вильно Литовской Республике не потому, что в ней преобладает литовское население. Нет, в Вильно большинство составляет нелитовское население. Но советское правительство считалось с тем, что город Вильно, который Польшей был насильно «отлучен», должен принадлежать Литве, как такой город, с которым связано, с одной стороны, историческое прошлое Литовского государства, а с другой, ожидания литовского народа»[10].

Для руководства БССР советско-литовский договор от 10 октября 1939 г. стал неожиданностью. Один из руководителей советской администрации в Вильно И. Климов позже вспоминал, что еще в начале октября он был абсолютно уверен в том, что Вильно станет столицей Западной Беларуси. По этому поводу он даже получил соответствующие указания от П. Пономаренко. В Вильно была развернута широкая пропагандистская кампания, целью которой было показать тесную связь города с Беларусью. Вильно же первоначально рассматривался и в качестве места проведения Народного собрания Западной Беларуси[11]. Выборы делегатов в Народное собрание в Виленской области, как и в других регионах Западной Беларуси, проходили под лозунгом присоединения к БССР и вступления в состав Советского Союза. 7 октября 1939 г. на Лукишской площади Вильно прошел грандиозный митинг, в котором приняли участие более 75 тысяч человек. В принятой резолюции говорилось: «Трудящиеся города Вильно, как и все трудящиеся Западной Белоруссии, голосуют за Советскую власть, за присоединение Западной Белоруссии к Советскому Союзу...»[12].

Все эти мероприятия, безусловно, проводились с ведома руководства СССР, которое было прекрасно осведомлено об особенностях пропагандистских кампаний в Виленской области. Тем не менее даже на заключительном этапе подготовки договора союзные власти не сообщили правительству БССР о своих планах относительно Вильно, хотя бы в порядке информирования и согласования действий. Поскольку сделано этого не было, не обошлось без казусов. В день, когда в Кремле подписывался договор между СССР и Литвой, ведущий белорусский печатный орган газета «Звязда» поместила статью о проведении в Вильно подготовки к выборам депутатов в Народное Собрание Западной Белоруссии[13].

Передача Вильно и Виленской области Литве была настолько неожиданной для работников буквально всех партийных, советских, военных, хозяйственных органов БССР, что сообщение о советско-литовском договоре вызвало у них растерянность. Даже политические работники первое время не знали, как трактовать это событие. Как сообщалось в спецдонесении на имя наркома внутренних дел республики Цанавы, «Политический аппарат, в том числе и местные работники на инструкторских совещаниях и в беседах заявляют: «пока, товарищи, никаких установок не даем, пользуйтесь тем фактом, что напечатано в договоре»[14].

Новость о передаче Вильно и Виленской области в состав литовского государства была достаточно сдержанно, а во многих случаях и резко отрицательно воспринята населением БССР и Западной Беларуси, солдатами Красной Армии. Многие свидетели описываемых событий не могли понять причины такого решения руководства СССР. Вот несколько характерных высказываний советских граждан, собранных агентами спецорганов. Домохозяйка Е. Космович в разговоре с источником сказала: «Это только подумать, сколько наших красноармейцев погибло за завоевание Вильно, а правительство отдало его Литве без боя. И чем только думает наше правительство?». Сотрудник редакции газеты политотдела УРКМ Леванд заявил: «Вильно мы отдали зря, разве можно было отдавать такой хороший город, за него велись большие бои и с нашей стороны были жертвы. Раз мы воевали, так нужно было уже оставить себе». Не видела логики советской внешней политике и медсестра железнодорожной больницы Климович: «Завоевали, а теперь отдаем. Наверное, советское правительство хотело показать свою силу, что мы крепки, но не надо забывать, что у нас много было убитых и раненых».

Впрочем, многие граждане Советского Союза достаточно легко определили истинные мотивы, которым руководствовалось правительство СССР, принимая решение о передаче Вильно Литве. Преподаватель Белорусского государственного университета М. Старжинский неосторожно в беседе с тайным осведомителем НКВД сказал: «Как это могло случиться, что правительство СССР согласилось отдать Вильно и Виленскую область Литве. У нас теперь такие аппетиты разыгрались, что мы хотим подчинить себе, как можно больше городов и стран, а тут, на тебе, отдаем Вильно. Конечно, у меня нет сомнения, что такое мероприятие сделано СССР только с таким расчетом, чтобы от этого акта получить большой агитационный эффект, с одной стороны. И огромную выгоду, с другой. За Вильно покупают себе возможность держать в Литве определенное количество войск, а самое главное, очевидно, здесь рассчитано на удобный путь распространения идей коммунизма»[15].

В самом Вильно и Виленской области известие о передаче этих территорий в состав Литвы также вызвало противоречивую реакцию. В оперативной сводке, подготовленной НКВД для первого сек-

ретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко, сообщалось о настроениях в городе в связи с сообщением по радио о заключении советско-литовского договора. «...По городу Вильно распространяются слухи, что Советский Союз отдал Вильно Литве лишь потому, чтобы сделать Литву Красной. Это будет сделано и с Латвией, и Финляндией. Эти слухи распространяются поляками. Еврейское население огорчено тем, что Вильно отдали литовцам. Многие говорят, что с приходом литовских войск начнутся погромы, ибо с литовцами придут поляки, которые бежали в Литву. Беднейшие евреи сейчас стараются узнать, когда будет уходить Красная Армия, чтобы с ней уйти в СССР». Еще один осведомитель сообщал следующее: «Настроение рабочих, проживающих в Вильно, в связи с передачей Вильно Литве крайне упадническое. Рабочие группами собираются уходить в Советский Союз и заявляют, что с приходом литовцев вернутся польские офицеры и полиция и тогда рабочим жизнь станет невыносимой, еще хуже, чем было раньше при поляках». В оперативной сводке от 14 октября 1939 г. отмечалось, что «большие массы рабочих, служащих и части интеллигенции ежедневно обращаются во Временное управление города Вильно с просьбой разрешить им выезд на территорию, которая остается занятой Красной Армией. К примеру, за 12 октября 1939 г. Временное управление разобрало 257 заявлений, по которым выезд в Западную Белоруссию разрешен[16].

Что касается литовцев, то их радость от обретения столицы также была омрачена. Литовское правительство не было удовлетворено не только размещением в стране иностранных военных баз, но и той частью советско-литовского договора, которая касалась состава передаваемых Литве территорий. Оно считало, что за пределами Литвы остаются около 9 волостей с преимущественно литовским населением, а именно: Довгелишки, Свентяны, Мелагены, Твереч, Годутишки, Гервяты, Родунь, Дзевонишки, Марцинканцы до Друскеник. На заседании Сейма Литвы от 14 октября 1939 г., посвященном ратификации советско-литовского договора от 10 октября, депутаты выразили сожаление по поводу того, что в СССР остались литовские земли: «Сожалеть приходится по поводу литовцев,... которым не суждено было испытать общую радость, не суждено было воссоединиться со своей родиной». Члены Сейма считали, что оставление этих волостей в пределах СССР «по крайней мере недоразумение или недостаточное знание этих мест», и высказывали веру в «добрую волю Советской России и в понимание ею наших национальных устремлений»[17].

Действительно, первоначально И. Сталин лично обещал литовцам вернуть те области, где будет доказано преобладание литовского населения, в том числе соглашался передать и Свентяны. Произошло это 3 октября, в первый день переговоров. Однако спустя неделю, 11 октября, позиция советского руководства стала более жесткой, площадь передаваемых Литве земель уменьшилась, в том числе Свентяны теперь оставались на советской стороне. Произош-

ло это не по причине более глубокого изучения национального состава спорных территорий и без учета белорусских интересов. Определяющим стал военно-стратегический фактор: как сообщил литовской делегации В. Молотов, руководство армии потребовало себе Свентяны как важный стратегический пункт[18].

В силу изложенных выше обстоятельств, литовское правительство не считало, что подписание советско-литовского договора окончательно решило территориальную проблему. Тем не менее оно было вынуждено подписать 27 октября 1939 г. Дополнительный протокол к договору от 10 октября, содержавший детальное описание советско-литовской границы в том виде, как ее видело руководство СССР.

Впрочем, даже подписав Дополнительный протокол, литовцы не отказались от попыток переубедить Москву в необходимости пересмотра линии границы. Первая попытка была сделана еще до подписания протокола, на этапе его подготовки. Встречаясь 17 октября с заместителем наркома иностранных дел В. Потемкиным, литовский посланник Л. Наткевичюс поднял вопрос о возможности корректировки границы, чтобы присоединить к Литве все земли, заселенные литовцами. Однако в ответ на свое предложение он получил категорический отказ[19]. Следующую попытку изменения линии границы в пользу Литвы литовская сторона сделала уже на этапе демаркации границы.

В соответствии с Дополнительным протоколом к договору от 10 октября 1939 г. демаркацию на местности советско-литовской границы должна была провести Советско-Литовской смешанная комиссия, которой надлежало приступить к работе уже через четыре дня после подписания протокола – 1 ноября 1939 г.[20]

Как и в случае с демаркацией советско-германской границы, руководство СССР постаралось максимально ускорить демаркацию советско-литовской границы. Однако сроки, заложенные в Дополнительном протоколе, были нереальными, что показало дальнейшее развитие событий. Причем намеченных сроков не придерживалась как литовская, так и советская стороны. Только 3 ноября 1939 г. (в соответствии с протоколом комиссия по демаркации должна была уже два дня как усиленно работать) политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект СНК СССР, касавшийся процедуры демаркации. Общее руководство работами поручалось советско-литовской Центральной комиссии в составе четырех представителей от каждой из сторон. В состав советской части комиссии вошли: по одному представителю от НКИД – Л. Куроптев (председатель) и пограничных войск НКВД – майор П. Теплов и два представителя от Генерального штаба РККА: комбриг А. Василевский и полковник А. Смирнов. Постоянным местом пребывания комиссии была избрана Москва[21].

Литовская делегация также состояла из четырех человек: директор политического департамента МИД Литвы Э. Тураускас являлся руководителем делегации, помогали ему представители штаба армии и МВД полковник А. Крикшчунас, г-н Левицкас и капитан Лесис.

Позже, в начале 1940 г., судя по сообщениям печати, состав литовской делегации изменился[22]. Газета «Советская Белоруссия» в номере от 5 февраля 1940 г. сообщала о прибытии в Москву литовской делегации по демаркации в следующем составе: Сакалаускас (председатель) и члены делегации – Крикшунас, Новицкис и Лесис[23].

Для проведения работ на местах предусматривалось создание двух советско-литовских подкомиссий, участки работы для которых определяла Центральная комиссия. Советская часть подкомиссии состояла из трех человек – по одному представителю от НКИД, НКВД и Генштаба РККА.

Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед Центральной комиссией задачу провести полевые работы максимально быстро, с тем, чтобы закончить их к 1 февраля 1940 г. Оформление материалов демаркации также предписывалось завершить «в кратчайший срок, и во всяком случае не позднее 15 апреля 1940 г.»[24].

К практической работе подкомиссии советско-литовской пограничной комиссии приступили в начале декабря 1939 г и сразу столкнулись со значительными трудностями: карты, которые имелись у советско-литовской демаркационной комиссии, сильно устарели и не соответствовали реальной ситуации на местности[25]. Кроме того, представители литовской части Центральной комиссии попытались пересмотреть линию границы. В отличие от делегации СССР, которая стремилась максимально следовать положениям советско-литовского договора, литовцы предпринимали неоднократные попытки добиться от советской делегации территориальных уступок. В некоторых случаях это давало положительный результат. В частности, руководство СССР согласилось передать Литве из состава БССР дер. Тростники, дер. Конюхи, фольварк Мельвиды. Свои претензии на эти населенные пункты литовская сторона мотивировала тем, что оттуда был родом литовский политический деятель Раполас Мицкевичюс[26].

К сожалению, имеется крайне мало информации о том, как проходила работа советско-литовской Центральной комиссии. Впрочем, в свете дальнейших событий результаты работы демаркационной комиссии не столь уж важны – уже осенью 1940 г. статус белорусско-литовской границы изменился, как изменилась и сама линия, разграничивавшая с конца 1940 г. теперь уже советские Беларусь и Литву. Тем не менее опыт установления белорусско-литовской границы в 1939 г. весьма важен с точки зрения его экстраполяции на дальнейшие события 1940 г. (когда определялась граница между БССР и ЛССР) и даже 1946–1948 гг. (когда речь шла уже о советско-польской границе, являвшейся важнейшим фактором международной политики). В этом смысле, говоря о передаче Литве Вильно и Виленской области, следует обратить внимание на следующий момент. Решение по важнейшему вопросу, касавшемуся Беларуси, принималось в Москве без участия представителей БССР, хотя ру-

ководство СССР прекрасно знало и о настроениях населения Виленщины и о том, что у белорусского народа имелись веские этнографические, исторические, культурные, экономические основания, чтобы претендовать на эти территории. Однако в глазах лидеров СССР белорусский территориальный вопрос был всего лишь средством достижения более глобальных внешнеполитических целей. Вместо глубокого изучения вопроса советские лидеры предпочли использовать «белорусскую карту» для давления на несговорчивых литовцев. Данная тактика принесла успех: передав Литве Вильно и Виленскую область, руководство СССР получило широкие возможности для включения Литвы в орбиту своего влияния и последующей ее советизации.

Примечания

1 Полпреды сообщают... С. 49.

2 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. С. 177.

3 Там же. С. 184.

4 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: в 2 т. М.: Наука. 1973. Т. 1. С. 389.

5 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. С. 224–227.

6 Там же. С. 227–228.

7 Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний. 1939 - 1940. Вильнюс: Минтис, 1989. С. 38.

8 Alfonsas Eidintas. Vytautas Zalys Lithuania in European politics. The years of the first republic. 1918–1940. P. 172–173. См. также: Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). С. 200–201.

9 Жянкайте Р. Какой ценой был возвращен Вильнюс // Новый взгляд на историю Литвы. С. 110–111.

10 Молатаў В.М. Знешняя палітыка Савецкага Саюза // Бальшавік Беларусі. 1940. № 7/8. С. 20.

11 Іваноў М. Праблема прыналежнасці Вільні і беларускае нацыянальнае пытанне ў 1939 г. // Беларус. гіст. часоп. 1994. № 1. С. 33, 34.

12 Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. С. 49.

13 Таран Г. Народ – гаспадар свайго лёсу // Звязда. 1939. 10 кастр.

14 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1739, л. 150.

15 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1681, л. 205–208.

16 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1683, л. 69–70, 82–83. В целом надо отметить, что осенью 1939 г. в Западной Беларуси находилось большое число беженцев. По приблизительным оценкам, как сообщалось в аналитической записке на имя П. Пономаренко, основное население Западной Беларуси составляло 4650 тыс. чел. Еще более 120 тыс. чел. составляли беженцы из тех областей, которые были заняты немцами или отошли к Литве. См. НА РБ. Ф. 4-п. оп. 21, д. 1512, л. 91.

17 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. С. 282–283.

18 Там же. С. 231, 263.

19 Там же. С. 292–293.

20 Там же. С. 311–315.

[21] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 82.
[22] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. С. 315.
[23] Пономаренко П. Воссоединение белорусского народа // Совет. Белоруссия. 1940. 9 февр.
[24] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 82.
[25] АВП РФ. Ф. Советско-литовской пограничной комиссии, оп. 3, папка 8, д. 13, л. 2.
[26] АВП РФ Ф. Советско-литовской пограничной комиссии, оп. 3. папка 8, д. 14, л. 3–5.

5.3. Разграничение территорий БССР и УССР в 1939 г.

С вхождением Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР возникла необходимость разграничения территорий, ранее находившихся в польском государстве, между двумя советскими республиками: БССР и УССР. Для разрешения вопроса о новой белорусско-украинской границе Верховный Совет СССР своим постановлением от 1 ноября 1939 г. обязал Верховные Советы БССР и УССР подготовить проекты разграничения западных районов и областей между Украинской ССР и Белорусской ССР.

Интересные данные о том, как определялась граница с Украиной, можно найти в мемуарах первого секретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко. Исследователи уже давно отметили, что далеко не всему в воспоминаниях П. Пономаренко можно верить. Но в данном случае, как нам представляется, руководитель партийной организации БССР достаточно правдоподобно описал всю закулисную борьбу, которая развернулась вокруг белорусско-украинской границы. Тем более, что многие факты, сообщенные П. Пономаренко в своих мемуарах, подтверждаются архивными данными.

Как следует из воспоминаний П. Пономаренко, первоначально руководство БССР посчитало задачу установления границы с Украиной несложной: «этнографическая граница была довольно ясной, она шла с востока на запад, несколько южнее Пинска, Кобрина и Бреста». Поэтому белорусские власти с выполнением постановления Верховного Совета СССР, то есть с представлением собственного варианта границы между республиками не спешили. Украинцы же, наоборот, поторопились и первыми переслали в ЦК ВКП(б) свои предложения. Документ шел за подписью Н. Хрущева, в то время являвшегося первым секретарем ЦК компартии Украины. Когда белорусское руководство получило украинский проект, то было сильно озадачено. По украинскому варианту, «граница между западными областями должна была пройти значительно севернее естественной этнографической, как ее принято было считать, настолько севернее, что Брест и Пружаны, Пинск и Столин, Кобрин и Лунинец, так же, как и большая часть Беловежской пущи, должны были отойти к Украине... Проект Хрущева о границах был настолько неожиданным, что в этот же вечер было созва-

но заседание бюро ЦК, чтобы обсудить его и выработать к нему свое отношение и подготовить контрпредложения»[1].

Белорусское руководство нуждалось в научных материалах, которые бы обосновали белорусский вариант границы с УССР. П. Пономаренко не указывает, кто готовил такой материал. Однако в Национальном архиве Республики Беларусь в 2001 г. была обнаружена докладная записка «К вопросу о южной границе БССР», датированная 18 ноября 1939 г., автором которой является известный историк, член-корреспондент Академии наук СССР В. Пичета.

В докладной записке дается краткий обзор истории земель Западной Беларуси с момента их освоения восточнославянскими племенами и до конца 1930-х гг. Основываясь на материалах археологических раскопок, сведениях, почерпнутых из летописных источников, новейших на то время исторических исследованиях, В. Пичета в представленной записке обосновывал тезис о том, что граница между БССР и УССР должна пройти по Припяти. Значительная части документа посвящена дискуссии автора с другим исследователем белорусского этноса – Е. Карским, который, как известно, считал Полесье практически полностью украинским. По отношению к российскому лингвисту В. Пичета высказывается в крайне резком тоне. Карту расселения белорусского этноса, созданную Е. Карским, он считает «документом сомнительной научной ценности, тем более, что в его основу положен материал диалектологический, даже не им собранный, а взятый из вторых рук». В. Пичета утверждает, что «в карте Карского нашло яркое отражение его полонофильское и украинофильское лицо... Карский, сокращая районы поселения белорусов будто бы на основе научных данных, в действительности лил воду на мельницу польских националистов, которых, в свою очередь, поддерживали украинские националисты».

Если оставить в стороне политические оценки, которые автор докладной записки дает Е. Карскому, М. Грушевскому и другим ученым, считавшим Принеманский и Прибужский районы украинскими, то выводы В. Пичеты, сделанные на основе использованных им материалов, выглядят достаточно убедительно и сводятся к следующему: район верхнего Немана и его притоков Щары, Усы, Лешни, Сервеча и Зап. Буга с Мухавцем, Наревом и верхней Припяти составляет единый географический и экономический район, исторически тесно связанный с Беларусью. В связи с этим, доказывал В. Пичета, в основу разграничения УССР и БССР должны быть положены старые административные границы, устанавливающие правильную этнографическую белорусско-украинскую границу.[2]

В дополнение к записке В. Пичеты, и во многом основываясь на ней, была подготовлена еще одна докладная записка на имя И. Сталина «К вопросу о разграничении районов и областей между БССР и УССР», подписанная секретарем ЦК КП(б)Б П. Пономаренко и выражавшая позицию бюро ЦК КП(б)Б. Данный документ также хра-

нится в Национальном архиве Республики Беларусь и датирован 16 ноября 1939 г. Представляя собственный вариант белорусско-украинской границы, авторы записки, как отмечается в документе, опирались на научные работы этнографов и историков, данные русской и польской статистики о национальном составе в приграничных регионах, непосредственное ознакомление с национальным составом на местах. В то же время составители записки сразу же оговорились, что «работы украинских и белорусских националистов дают, безусловно, извращенное понимание действительных границ».

Записка бюро ЦК КП(б)Б практически полностью повторяет доводы В. Пичеты, при этом, как и в докладной записке В. Пичеты, значительная часть (треть) документа, подготовленного бюро ЦК КП(б)Б, посвящена опровержению выводов Е. Карского относительно национальной принадлежности населения южной части бывших Минской и Гродненской губерний. Как известно, Е. Карский, составляя «Этнографическую карту белорусского племени», в сферу расселения украинской нации включил уезды: «Бельский, Брестский, Дрогичинский, Кобринский, Пружанский, Пинский, Столинский», то есть практически всю Полесскую область[3].

Поскольку руководство БССР отказалось признать южную границу Беларуси по карте Е. Карского, как построенную на «совершенно неправильной методологической основе», бюро ЦК КП(б)Б при установлении белорусско-украинской границы предложило учитывать такие обстоятельства, как:

– исторически сложившуюся общность территории (она в докладной записке прослеживалась со времен ВКЛ. Даже «в составе бывшего Польского государства, – отмечалось в документе, – указанная территория входила в состав Белостокского и Полесского воеводств, южные границы которых почти полностью совпадали с южными границами бывших Гродненской и Минской губерний»);

– исторически сложившуюся общность языка (говоры населения бывших Брестского, Бельского, Кобринского и Пинского уездов, по мнению белорусских ученых, составляли одну диалектологическую группу с говорами населения Полесской области БССР);

– исторически сложившееся единство бытовых особенностей («Западно-Белорусское Полесье являлось» – в соответствии с докладом – органической частью Полесской области БССР, ничем не отличалось от последней ни по рельефу, ни по почвам. Жилище, обряды, обычаи, одежда, народное творчество и весь жизненный уклад были совершенно аналогичны условиям дореволюционной Белоруссии»).

Все эти доводы в докладной записке подкреплялись данными дореволюционной российской и польской статистики. Ссылаясь на перепись 1897 г., бюро ЦК КП(б)Б отмечало, что в конце XIX в. в Пружанском уезде бывшей Гродненской губернии насчитывалось 104.988 белорусов и 9.278 украинцев; в Пинском уезде бывшей Минской гу-

берний – 171.516 белорусов (украинцев в уезде перепись не зафиксировала). По отдельным уездам, прилегающим к этой границе, перепись 1897 г. свидетельствовала о некотором преобладании украинцев над белорусами. Однако и сам Е. Карский, как указывалось в записке, в свое время признавал, что «перепись 1897 г. очень несовершенна, так как во многих местах белорусы-православные смешивали народность с религией, назвавшие себя при опросе просто русскими, счетчиками присоединены к великорусам, а кое-где и малорусам, если счетчик плохо отличал белорусов от малорусов».

Согласно школьной переписи 1911 г. («Однодневная перепись начальных школ в империи, проведенная 18 января 1911 г.»), в населенных пунктах негородского типа учащиеся белорусской национальности составили абсолютное большинство в Белостокском и Брестском уездах и относительное большинство во всех остальных уездах Западной Беларуси: Бельский (58,69%), Брестский (42,82%), Кобринский (56,44%), Пружанский (84,14%), Пинский (66,24%). Даже польская перепись 1921 г. и то, отмечалось в записке бюро ЦК КП(б)Б, свидетельствовала о белорусском характере спорных уездов.

В завершение записки руководство БССР ссылалось на непосредственное ознакомление с национальным составом на местах работниками ЦК КП(б)Б и Временных управлений, которые также показали, что преобладающее большинство Полесской области относит себя к белорусам. Исключение делалось лишь для Камень-Каширского уезда, ранее входившего в состав Волынской губернии, где, по мнению белорусских властей, преобладало украинское население.

Исходя из вышеперечисленного, авторы записки делали вывод о том, что «исторически сложившиеся более чем за столетие южные границы Гродненской и Минской губерний должны быть признаны границей между БССР и УССР. Такая граница будет соответствовать действительному расселению белорусского народа»[4].

19 ноября 1939 г. вопрос о разграничении областей и районов между БССР и УССР был рассмотрен на заседании бюро ЦК КП(б)Б. Результатом обсуждения стала следующая резолюция за подписью П. Пономаренко: «1. Разграничение областей и районов между Белорусской ССР и Украинской ССР осуществить по линии границы бывших Минской и Гродненской губерний с Волынской губернией, так как анализ всех материалов (работы этнографов и историков, установленные этнографические границы белорусского и украинского народов, данные русской и польской статистики о национальном составе населения Западной Беларуси, непосредственное ознакомление с национальным составом на месте в настоящее время, данные, послужившие основанием к установлению в свое время границы между Украинской и Белорусской ССР) свидетельствует о том, что эта граница соответствует действительному расселению белорусского и украинского народов, исторически сложилась, что подтвержда-

ется общностью культуры, языка, территории, экономической жизни, единством бытовых особенностей.

2. Считать необходимым Камень-Каширский уезд, ранее входивший в состав Волынской губернии, имеющий в составе населения преобладающее количество украинцев, – отнести к Украинской ССР»[5].

Утвержденная на бюро ЦК КП(б)Б докладная записка В. Пичеты вместе с сопроводительной запиской первого секретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко была отправлена в ЦК ВКП(б) на имя Г. Маленкова 20 ноября 1939 г.[6] А уже 22 ноября 1939 г. П. Пономаренко, как следует из его воспоминаний, был вызван к И. Сталину. В этот же день первый секретарь ЦК КП(б)Б был в приемной И. Сталина, где у него состоялся острый разговор с Н. Хрущевым. П. Пономаренко вспоминает, что руководитель компартии Украины говорил с ним на повышенных тонах и назвал белорусской проект «чепухой». В разгар спора партийных секретарей пригласили в кабинет И. Сталина, где произошел весьма любопытный в описании П. Пономаренко разговор. Проверить подлинность мемуаров не представляется никакой возможности, однако, на наш взгляд, общая процедура выработки решения относительно белорусско-украинской границы вполне могла быть такой, как она описана в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б)Б.

«Первым докладывал Н.С. Хрущев. Он развернул на столе схемы, но, рассказывая, ни разу на них не сослался. Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на схеме, где пройдет граница. Затем доложил я. Задав ряд вопросов, Сталин заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема, ничем не обоснована. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская пуща являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезнут. Это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, наверное, вы, выдвигая эти предложения, имели в виду другое, вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много». На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало». «Это другое дело, – заметил Сталин, – это можно учесть. Белоруссия,– сказал он далее, – предлагает правильную, обоснованную границу. Объективность их предложения подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширска отнести к Украине. Мы утвердим границу, в основном совпадающую с предложением товарища Пономаренко, с поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса». Он взял карту и прочертил линию границы, но в одном месте сделал на зеленом массиве карты выгиб к северу и сказал: «Пусть этот район отойдет к Украине». Н.С. Хрущев согласился, и я тоже был доволен таким решением вопроса»[7].

Решение, принятое в кабинете И. Сталина, было довольно оперативно оформлено в советском порядке. Уже 29 ноября 1939 г. Президиум Верховного Совета Белорусской ССР принял постановление «О разграничении областей между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой». На утверждение Президиума Верховного Совета СССР предлагался проект разграничения областей между БССР и УССР в соответствии с договоренностями, достигнутыми во время встречи П. Пономаренко и Н. Хрущева с И. Сталиным[8].

4 декабря 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о разграничении областей между УССР и БССР[9], в котором за основу был взят белорусский вариант границы.

В этот же день Указ вступил в силу. Верховный Совет СССР утвердил совместное представление Президиумов Верховного Совета УССР и БССР о границе между Волынской и Ровенской областями УССР и Брестской и Пинской областями БССР[10].

Знакомство с процессом разграничения БССР и УССР в 1939 г. показывает, что определение белорусско-украинской границы в 1939 г. в значительной степени напоминало процедуру установления белорусско-российской границы в 1924–1926 гг. Решение важнейшей проблемы, касавшейся разграничения территории двух народов, принималось без широкого обсуждения вопроса. Помимо факторов исторических и этнографических большое значение имели соображения политического характера, личные предпочтения высшего партийного руководства страны. Подобный подход во многом объяснялся тем, что речь шла о внутрисоюзной границе – границе между советскими республиками, в связи с чем линия прохождения границы между БССР и УССР не имела для союзных властей принципиального значения.

В то же время деятельность союзных и республиканских органов власти по определению белорусско-украинской границы в 1939 г. имела существенные отличия по сравнению с 1920-ми годами, когда устанавливалась белорусско-российская граница и уточнялась граница между Белорусской и Украинской советскими республиками. Прежде всего следует отметить, что в 1939 г. решение о границе между БССР и УССР было принято в кратчайшие сроки – понадобилось всего лишь одно совещание у И. Сталина. Кроме того, хоть в 1920-е гг. и не было широкой общественной дискуссии пограничной проблемы, однако в обсуждении территориального вопроса все же участвовал достаточно широкий круг представителей партийных и советских органов. Сохранялась, по крайней мере, видимость коллегиальности в принятии решений. У руководства БССР в 1920-е гг. был, пусть и ограниченный, простор для инициативы. Оно могло отстаивать свою позицию по нескольким направлениям, в том числе приобретая сторонников своего плана в различных союзных

наркоматах, чье мнение учитывалось. В 1939 г. решение вырабатывалось кулуарно, в его обсуждении участвовало ограниченное число людей, а окончательное решение вообще принималось одним-единственным человеком.

Примечания

1 Пономаренко П.К. События моей жизни. Страницы воспоминаний // Неман. 1992. № 3. С. 156–157.

2 «Нельга кіравацца адным этнаграфічным матэрыялам...» / дак. да друку падрыхт. А. Гесь // ARCHE. 2001. № 5. С. 419–426.

3 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1519, л. 115.

4 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1519, л. 114–123.

5 НА РБ. Ф. 4-п, оп. 3, д. 842, л. 1.

6 «Нельга кіравацца адным этнаграфічным матэрыялам...» // ARCHE. 2001. № 5. С. 419–426.

7 Пономаренко П.К. События моей жизни. Страницы воспоминаний // Неман. 1992. № 3. С. 156–157.

8 Сборник законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР: в 3 т. Минск, 1974. Т. 1: 1938–1973. С. 27.

9 РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 1016, л. 63.

10 Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – 1961 г. М., 1961. С. 43–44.

5.4. Изменение белорусско-литовской границы в 1940 г.

Восточная граница, установленная на основе договора от 10 октября 1939 г., не удовлетворила литовское правительство. Переданные литовцам город Вильно и небольшая пограничная полоса вдоль старой железной дороги Петербург – Варшава составляли примерно лишь четверть территории, занятой генералом Желиговским в 1920 г. Литовское руководство считало, что после передачи им Вильно за пределами литовского государства находилось еще 20 561 кв. км этнических литовских земель, незаконно оставленных И. Сталиным в составе БССР. В частности, литовцы претендовали на Свентянскую, Друскенинкскую и Марцинконскую волости, а также некоторые местечки на границе с Беларусью, большинство в которых составляло литовское население[1].

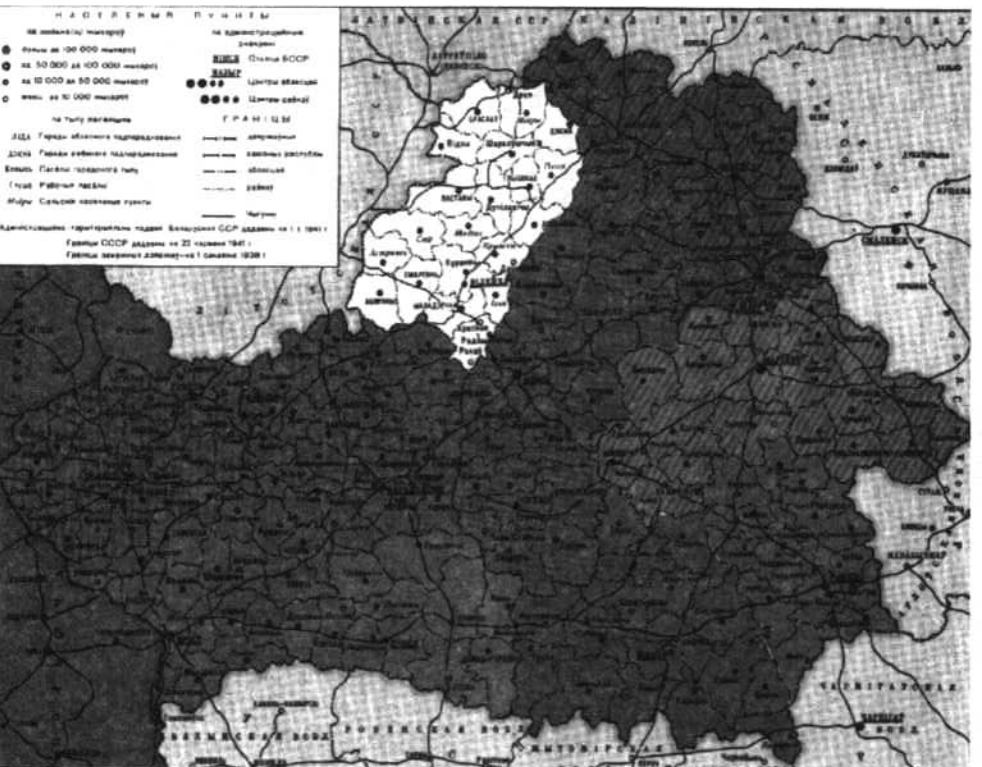
В 1939–1940 гг. литовцы предпринимали определенные шаги для пересмотра советско-литовской границы. В Литовском государственном архиве хранится стенограмма беседы от 24 февраля 1940 г. помощника премьер-министра Литвы К. Безаускаса с представителем польского эмиграционного правительства. Выражая позицию литовского руководства, К. Безаускас отметил, что Литва не отказывается от претензий на Гродно, Новогрудок и еще шесть белорусских городов, в связи с чем правительство ожидает от литовского населения этих территорий соответствующих действий[2].

О том, что подобные заявления имели под собой практическую основу, свидетельствует тот факт, что в мае 1940 г. литовское Министерство иностранных дел переслало в СССР обращения жителей 65 деревень Свентянского округа о присоединении к Литве[3]. Первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко в докладе от 21 февраля 1940 г., направленном в Москву, утверждал, что подготовка подобных обращений была организована литовскими учителями. По его сведениям, «литовские власти дали устную директиву литовским учителям, проживающим на территории Свенцянского района, оставаться на местах, лояльно относиться к советской власти, чтобы иметь возможность подпольно вести националистическую работу среди литовского населения в пользу Литвы»[4].

До тех пор пока Литва оставалась пусть и дружеским, но суверенным капиталистическим государством, вероятность того, что белорусско-литовская граница будет пересмотрена в пользу Литвы, была крайне мала. Руководство СССР рассчитывало частично разрешить проблему и уменьшить удельный вес литовцев среди населения приграничных с Литвой областей, проведя переселение литовцев из пограничных с Литвой районов БССР. Соответствующее решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято 23 мая 1940 г.[5] Постановление разрешало эвакуацию в Литву лиц литовской национальности из пограничных с Литвой районов БССР (преимущественно из бывших волостей Давгилишки, Свентяны, Мелегяны, Твереч, Годутишки, Радунь, Девенишки, Мартинканце, Друскеники). Все работы предписывалось завершить до 1 июля 1940 г.[6] Литовское население приграничных с Литвой районов БССР проявило большую активность в своем стремлении покинуть СССР. На конец июля о своем желании переселиться в Литву заявили 36.013 человек[7].

Однако в конце весны – начале лета 1940 г. планы советского руководства относительно Литвы и других прибалтийских государств изменились – был взят курс на их советизацию и включение в состав СССР. Столь радикальный поворот во внешней политике Советского Союза оказался совершенно неожиданным для литовского правительства. Еще в начале 1940 г. у руководства Литвы не было особых оснований для волнений по поводу присутствия советских военных баз. Советские войска вели себя дисциплинированно, а В. Молотов, выступая перед Верховным Советом 29 марта 1940 г., заявил, что правительство СССР полностью удовлетворено тем, как Литва выполняет пакт о взаимопомощи.

Ситуация кардинально изменилась в мае 1940 г., после того как Германия начала войну против Франции. Руководство СССР публично обвинило литовское правительство в провокационных действиях и похищениях советских солдат. Все попытки литовцев уладить конфликт закончились неудачей. 14 июня 1940 г. Кремль в ультимативном порядке потребовал от литовских властей гарантировать свободное прохождение советских войск на территорию Литвы и



Белорусская СССР,
1940 г.

их размещение в ключевых центрах в таком количестве, которое обеспечило бы выполнение пакта о взаимопомощи[8]. В разговоре с литовской делегацией советская сторона высказала также пожелание, чтобы в Литве было сформировано новое правительство, которое могло бы честно выполнять все советско-литовские договоренности. 15 июня 1940 г. литовское правительство заявило о принятии выдвинутых СССР условий. Президент А. Сметона бежал в Германию[9]. А уже 17 июня 1940 г. под руководством компартии Литвы было сформировано Народное представительство, приступившее к проведению в стране социалистических преобразований[10]. Возглавил новое «народное» правительство Литвы симпатизировавший СССР журналист Ю. Палецкис, новым министром иностранных дел стал литовский писатель, профессор Каунасского и Виленского университетов В. Креве-Мицкевичюс.

Деятельность литовского правительства проходила под постоянным контролем представителей Москвы, которые санкционировали важнейшие решения и с самого начала дали понять, что присоединение Литвы к СССР – дело решенное и обсуждению не подлежит. Одной из важнейших политических кампаний стала организация выборов в сейм. Информируя И. Сталина о ходе подготовки к выборам, заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов и бывший Временный поверенный в делах СССР в Литве Н. Поздняков сообщали, что по национальному признаку состав будущего сейма будет следующим: 65 – литовцев, 5 – евреев, 2 – русских, 5 – поляков, 2 – латышей. Как видим, о белорусах, которых было значительное количество в Виленской области и о чем руководство СССР неоднократно напоминало литовцам во время переговоров в октябре 1939 г., представители Москвы «забыли».

Выборы в сейм прошли 14 июля 1940 г. По официальным данным, в них приняло участие 1 375 349 избирателей, то есть 99,19% всех имевших право избирать граждан. 99% от участвовавших в выборах проголосовали за просоветский «Союз трудового народа»[11].

Уже на первом заседании 21 июля новоизбранный парламент Литвы огласил декларацию о государственной власти, отныне принадлежавшей Советам депутатов трудящихся, и о вступлении в СССР.

Долгое время считалось, что инициатором пересмотра белорусско-литовской границы являлось руководство БССР. В частности, в законе о принятии Литовской Советской Социалистической Республики в СССР об этом говорилось однозначно – предложение о передаче Литовской ССР территорий с преобладающим литовским населением исходило якобы от Верховного Совета БССР.

Однако недавно опубликованные документы позволили по-новому взглянуть на процесс изменения белорусско-литовской границы в 1940 г. Как следует из архивных материалов, идея о присоединении к Литве литовских районов, находившихся в составе БССР, родилась теперь уже у советского руководства Литвы. Произошло

это во второй половине июля. В это время делегация Сейма Литвы как раз готовилась к поездке в Москву для участия в сессии Верховного Совета СССР, главным событием в работе которой должно было стать принятие трех прибалтийских республик в состав СССР. Планировалось, что литовская делегация поднимет на сессии вопрос о включении в состав ЛССР Свентянского и Ошмянского районов. Советское руководство, знавшее от своих полномочных представителей о планах литовцев, решило сделать «широкий жест». Не дожидаясь, пока литовская делегация сама заговорит о корректировке границы, Москва преподнесла литовцам подарок и согласилась пересмотреть белорусско-литовскую границу в пользу Литвы[12].

Несмотря на чрезвычайную важность территориального вопроса, Москва форсировала его решение. Постановление об изменении белорусско-литовской границы в пользу Литвы было принято и законодательно оформлено в кратчайшие сроки. Еще 26 июля первоначальный проект закона о принятии Литвы в состав СССР содержал стандартный текст, как две капли воды похожий на проекты законов для Латвии и Эстонии. А уже 3 августа в одобренном Верховным Советом Союза ССР законе «О принятии в СССР Литовской Советской Социалистической Республики» появились два новых пункта. Верховный Совет СССР соглашался принять предложение Верховного Совета Белорусской ССР о передаче в состав союзной Литовской Советской Социалистической Республики Свентянского района и части территории с преобладанием литовского населения Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского, Радунского районов Белорусской ССР. Верховному Совету БССР поручалось представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект установления точной границы между БССР и ЛССР[13].

По плану союзного руководства, инициатива пересмотра белорусско-литовской границы должна была исходить от самих белорусов, что должно было подчеркнуть преимущество советской национальной политики и одновременно сгладить негативный внешнеполитический эффект от стремительной советизации прибалтийских республик. В Национальном архиве Республики Беларусь находится проект речи Ю. Палецкиса, которую руководитель литовской делегации должен был произнести на сессии Верховного Совета СССР. Данный материал был послан из Наркомата иностранных дел СССР первому секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко для ознакомления.

В этой же папке хранится и проект речи самого П. Пономаренко для выступления на этой же сессии Верховного Совета СССР: «Правительство и Президиум Верховного Совета Белорусской ССР, а также ЦК КП(б)Б вносят предложение о присоединении к Литовской ССР Свентянского района и части территории с преобладающим литовским населением Островецкого, Видзовского, Вороновского, Радунского, Годутишковского районов, находящихся сейчас в составе Вилейской и Барановичской областей БССР. Это предло-

жение целиком вытекает из принципов национальной политики Советского государства. Наши великие вожди Ленин и Сталин положили в основу национальной политики Советского государства братство, дружбу, равноправие народов, населяющих территорию нашей страны... В связи с образованием Литовской ССР и вступлением ее в состав СССР, дальнейшее политическое, хозяйственное и культурное развитие этих районов с преобладающим литовским населением будет наиболее плодотворным в составе Литовской Советской Социалистической Республики»[14]. 1 августа 1940 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко зачитал данное предложение на VII сессии Верховного Совета СССР, рассматривавшей вопрос о вступлении прибалтийских республик в состав СССР.

Расширение территории Литовской республики действительно имело важное пропагандистское значение, поскольку позволяло привлечь симпатии широких народных масс на сторону советской власти. Даже просоветски настроенные литовцы, занявшие руководящие посты в ЛССР, придавали большое значение территориальному вопросу. Доказательством этому может служить беседа от 29 августа 1940 г. П. Пономаренко с литовской делегацией, прибывшей в Минск для приобретения опыта социалистического строительства. Находясь в БССР, литовцы смогли посетить многие предприятия, познакомиться с жизнью советских людей. Членов делегации сильно поразила неухоженность белорусских городов и бытовые неудобства, в чем они чистосердечно признались. Всплыла во время беседы и территориальная тема.

«Представитель литовской делегации: Мы слышали ваше предложение на сессии Верховного Совета СССР о передаче нам районов.

Пономаренко: У нас в ЦК составлен проект. Надо будет встретиться с вашими товарищами и рассмотреть данные о населении, договориться о границе, обо всем, проведем линию на карте.

Представитель литовской делегации: Там литовская область – Свентянская.

Пономаренко: Свентянский район целиком... есть там два сельсовета белорусских, их можно отвести, остальные районы все ближе к границе.

Представитель литовской делегации: Очень много бежали оттуда в Литву – из Свентянского района. Белорусы бежали из Вильно сюда, а литовцы – из Свентянского района в Литву»[15].

Окончательный вариант границы между республиками обсуждался руководством ЛССР и БССР осенью 1940 г. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились стенограммы некоторых заседаний бюро ЦК КП(б)Б, посвященных пограничной проблеме. Данные документы позволяют лучше понять процесс выработки белорусско-литовской границы, а также мотивы, которыми руководствовались власти БССР, принимая то или иное решение.

В частности, сохранилась стенограмма заседания бюро ЦК КП(б)Б от 26 сентября 1940 г., на котором обсуждался проект установления точной границы между БССР и ЛССР, подготовленный Президиумом Верховного Совета БССР и оргинструкторским отделом ЦК КП(б)Б. Докладчиком по вопросу о белорусско-литовской границе выступал Г. Эйдинов. П. Пономаренко задавал уточняющие вопросы. Участникам заседания предстояло одобрить белорусский проект границы с Литвой накануне переговоров с литовской делегацией.

Судя по сохранившимся репликам членов бюро ЦК КП(б)Б, белорусские власти достаточно хорошо изучили вопрос и чувствовали себя уверенно перед встречей с литовской стороной. П. Пономаренко подчеркивал: «У них вариантов нет. Они не изучают положение... У них материалов мало, а наши материалы документированы».

Подготавливая собственный вариант границы, белорусские власти стремились быть максимально объективными: руководство БССР было настроено передать литовцам все земли, на которых преобладало литовское население. Не в последнюю очередь столь редкая «бескомпромиссность» объяснялась строгим предостережением И. Сталина, озвученным П. Пономаренко во время заседания: «Когда товарищ Сталин спросил, что вы собираетесь передать, он говорил так: если мы узнаем, что там много литовцев, а вы не передадите, мы вас тогда накажем».

Главные сомнения у участников заседания бюро ЦК КП(б)Б возникли по вопросу о принадлежности курорта Друскеники. По белорусскому варианту, курорт оставался в БССР, для чего у белорусского руководства имелись веские документальные основания. В то же время присутствующих смущало глубокое вклинивание белорусской территории в Литву, что также не нравилось и литовцам, которые настаивали на передаче курорта Литовской ССР.

Известно, что белорусское руководство и лично П. Пономаренко очень дорожили Друскениками. Первый секретарь ЦК КП(б)Б неоднократно в своих публичных выступлениях рисовал идеалистическую картину, как на новом республиканском курорте вместо капиталистов-эксплуататоров будут отдыхать белорусские трудящиеся[16].

Было сделано все необходимое, чтобы претворить мечту первого секретаря ЦК КП(б)Б в жизнь в кратчайшие сроки. В феврале 1940 г. газета «Советская Белоруссия» сообщала, что курорт Друскеники, переданный в ведение Наркомздрава БССР, готовится к открытию первого советского весеннее-летнего курортного сезона. Планировалось, что в 1940 г. в Друскениках отдохнут около трех тысяч белорусов[17]. После того как в курорт было вложено много сил и республиканских средств, после того как там отдохнули первые группы белорусов, отдавать Друскеники литовцам особенно не хотелось. Поэтому на заседании бюро ЦК КП(б)Б, посвященном об-

суждению будущей белорусско-литовской границы, П. Пономаренко предложил курорт литовцам не отдавать. Остальные участники заседания его поддержали[18].

По итогам обсуждения вопроса о белорусско-литовской границе бюро ЦК КП(б)Б приняло решение: «поручить председателю Президиума Верховного Совета БССР т. Наталевичу связаться с правительством Литовской СССР и разработать совместно проект установления точной границы для представления в Президиум Верховного Совета Союза ССР»[19].

К сожалению, пока не обнаружены материалы, с которыми белорусская делегация собиралась сесть за стол переговоров с литовцами для обсуждения территориального вопроса, так же как отсутствуют и протоколы белорусско-литовских переговоров по пограничной проблеме. Однако имеющиеся документы показывают, что после обмена мнениями с литовцами белорусская сторона согласилась пойти на уступки в вопросе о линии границы между БССР и ЛССР. Причем именно в таком принципиально важном для белорусского руководства вопросе, как принадлежность курорта Друскеники.

В Национальном архиве находится стенограмма еще одного заседания бюро ЦК КП(б)Б от 11 октября 1940 г. Вторым пунктом в записи значится вопрос о границе с Литовской ССР. Как можно понять из контекста, данное заседание проводилось уже после консультаций с литовцами. Бюро ЦК КП(б)Б предстояло окончательно определиться с собственным вариантом белорусско-литовской границы, который затем подлежал утверждению в ЦК ВКП(б). Присутствовали: М. Кулагин, Л. Цанава, Н. Наталевич, М. Матвеев, Г. Эйдинов, И. Крупеня, И. Захаров. Поскольку данное заседание имело большое значение, процитируем наиболее важную часть протокольной записи.

Пономаренко: Надо решить сейчас, как входить в ЦК ВКП(б).

Матвеев: В Друскениках нет литовского населения.

Пономаренко: Но там кругом литовское население, а Друскеники в середине.

Кулагин: Спорить нам не солидно.

Захаров: Все равно курорт будет межреспубликанский. Он к нам ближе значительно...

Пономаренко: Значит, принципиально так, соглашаемся с той границей, которую они уточненно предложили. Только нужно политическую и историческую формулировку найти для этого дела.

Кулагин: Согласиться.

Пономаренко: Отдадим, значит. Тогда, значит, эти материалы надо утвердить...[20]

Резолюция, принятая по итогам обсуждения, была более сухой и уже не отражала всего драматизма ситуации. Бюро ЦК КП(б)Б постановило: «1. Одобрить проект установления границы между Белорусской ССР и Литовской ССР, представленный Президиу-

мом Верховного Совета БССР. 2. Внести этот проект на рассмотрение ЦК ВКП(б)»[21].

Таким образом, в ходе непродолжительного обсуждения Беларусь потеряла знаменитый оздоровительный курорт со столетней историей. При этом важно отметить, что произошло это без наличия у литовской стороны веских оснований и не в результате давления либо приказа со стороны Москвы. Единственный довод, прозвучавший на заседании бюро ЦК КП(б)Б в пользу того, чтобы отдать курорт Литве, заключался в том, что отстаивание белорусских национальных интересов для руководства БССР казалось делом «несолидным». Что, в принципе, понятно: для людей, попавших в Беларусь по разнарядке центра и которых союзное руководство могло в любой момент перевести на другое место работы, национальная принадлежность Друскеник не имела принципиального значения.

В качестве компенсации за утрату курорта БССР получила несколько сельсоветов Свентянского района. Первоначально, как указывалось в законе о принятии ЛССР в состав СССР, к Литве должен был отойти весь Свентянский район. Однако белорусские власти настаивали, что некоторые сельсоветы в Свентянском районе по национальному составу населения – белорусские. И вот, дабы смягчить у белорусов горечь утраты Друскеник, литовцы согласились несколько умерить свои территориальные претензии в Свентянском районе. Позже, в 1978 г., в беседе с белорусским ученым А. Мальдисом председатель президиума Верховного Совета ЛССР Ю. Палецкис приоткрыл тайну того, как происходило согласование белорусско-литовской границы: «Признаюсь наконец, как в 1940 г. «оттяпал» у вас, белорусов, Друскининкай. Некоторое время это курорт принадлежал вам. Во время одной из встреч с руководителями вашей республики говорю им: «Там же окопалось столько бывших польских офицеров, наживете беды с этой контрой. Лучше отдайте Друскеники нам – мы как-нибудь справимся с ней. А взамен дадим вам кусок трудовой Свентянщины. Там проживают белорусы-крестьяне, деревенские пролетарии, ваши братья». И обмен состоялся»[22].

Безусловно, вызывает большие сомнения утверждение Ю. Палецкиса о том, что причиной отказа руководства БССР от курорта стал страх перед антисоветским движением в Друскениках. В конце концов, у белорусских властей по сравнению с литовским советским правительством имелся гораздо более богатый опыт ликвидации «неблагонадежного элемента», приобретенный в 1939 г. во время присоединения Западной Беларуси к БССР. Поэтому скорее всего свою роль здесь сыграла настойчивость литовцев сама по себе – белорусско-литовская дискуссия о границе могла затянуться и дойти до Москвы, а этого П. Пономаренко и другие члены бюро ЦК КП(б)Б не желали. Можно предположить, что не последнюю роль здесь сыграла и угроза И. Сталина о наказании, в связи с чем белорусские власти считали за лучшее передать Литве пусть даже спор-

ные территории, которые вполне могли остаться в БССР, чем вызвать жалобы со стороны литовцев и недовольство союзных органов.

Совместный белорусско-литовский проект границы получил одобрение партийного руководства СССР, после чего последовало формальное утверждение новой белорусско-литовской границы в советском порядке. 6 ноября 1940 г. Верховный Совет СССР принял указ «Об установлении границы между Белорусской ССР и Литовской ССР», содержавший детальное описание белорусско-литовской границы[23].

В результате проведенного национально-территориального размежевания БССР передала ЛССР в ноябре 1940 г. почти весь Свентянский район Вилейской области (за исключением трех сельсоветов – Лынтупского, Масляникского и Рынкянского, которые были включены в состав Поставского района Вилейского области) и большую часть Годутишковского района. Оставшиеся семь сельсоветов – Комайский, Магунский, Новоселковский, Оцковичский, Полесский, Радутский и Старчунский – также были включены в Поставский район[24].

Всего в 1940 из БССР в состав Литовской ССР было передано 2646 кв. км с населением 76 тыс. человек[25]. После передачи этих территорий Литве размеры Белорусской республики составили 223 тыс. кв. км с населением 10,2 млн человек[26].

Помимо изменений в административно-территориальном устройстве БССР включение Литвы в состав СССР потребовало изменений в структуре Управлений пограничных войск НКВД. Решением политбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1940 г. Управление пограничных войск НКВД Северо-Западного округа (Белосток) переименовывалось в Управление пограничных войск НКВД БССР с дислокацией в г. Белостоке. На Управление возлагалась задача по организации охраны границы и руководство пограничными частями на бывшей литовско-германской и советско-германской границе в пределах БССР до стыка с УССР[27].

Корректировка белорусско-литовской границы осенью 1940 г. стала последним изменением территориального состава Белорусской ССР, проведенным до начала Великой Отечественной войны.

В процессе формирования территории белорусского государства события 1939–1940 гг. занимают особенно важное место. За очень короткое время размеры республики претерпели существенные изменения, причем корректировка границ БССР проводилась как в сторону их расширения, так и в сторону сокращения территории Белорусской ССР. Ключевым моментом данного временного отрезка, безусловно, стало воссоединение Западной и Восточной Беларуси в составе БССР. Это событие без преувеличения можно рассматривать как акт исторической справедливости, имевший огромное значение для белорусской государственности. Включение Западной Беларуси в БССР стало мощным фактором национальной консолидации белорусского народа: в Западной Беларуси был оста-

новлен процесс полонизации, большое внимание руководство республики придавало преодолению социально-экономического, культурного отставания западных областей. Объединение белорусских земель в составе Белорусской ССР повысило авторитет, политический вес Беларуси среди других советских республик, не в последнюю очередь это было связано с тем, что осенью 1939 г. территория и население республики увеличились почти в два раза.

Вместе с тем следует отметить, что воссоединение Западной Беларуси с БССР происходило в сложной геополитической обстановке и явилось результатом соглашения между Советским Союзом и Германией о разделе сфер влияния в Европе. Именно это соглашение создало предпосылки для воссоединения белорусского народа. На время белорусские национальные интересы совпали с геополитическими устремлениями руководства СССР, и оно в полной мере использовало такой фактор, как необходимость ликвидации несправедливого Рижского мирного договора, почти на 20 лет разделившего белорусов, как и украинцев, для оправдания территориальной экспансии СССР и расширения советского влияния в Европе.

Однако очень скоро возникла ситуация прямо противоположная, когда белорусские национальные интересы были принесены в жертву глобальным амбициям Советского Союза. С целью советизации Литвы политбюро ЦК ВКП(б) постановило передать город Вильно и Виленскую область в состав литовского государства. Данное решение принималось без согласования с властями БССР, которые первоначально были уверены, что Вильно войдет в состав Белорусской республики и без предварительного изучения этнического состава передаваемых территорий. Высшее партийное руководство СССР к вопросу о границах БССР подходило волюнтаристски, директивно, исходя из внешнеполитических задач. Проводимые, исходя из подобных установок, новые границы БССР не имели достаточного исторического, этнографического, экономического обоснования.

Правительство БССР, высшие партийные органы республики не смогли в полной мере представить и отстоять белорусские национальные интересы. Под давлением центра, решая пропагандистские задачи, руководство БССР согласилось с передачей Литве некоторых спорных территорий. Объективное научное обследование этнического состава спорных районов не проводилось.

Партийные лидеры СССР, БССР, других советских республик смотрели на границы между советскими республиками как на явление достаточно условное, не имеющее принципиального значения. Такое упрощенное понимание приводило к тому, что границы между советскими республиками, как это видно на примере установления белорусско-украинской и белорусско-литовской границ в 1939–1940 гг., проводились без достаточного изучения вопроса, часто при доминирующем влиянии политического фактора в ущерб факторам этническим, культурным и историческим.

Примечания

[1] Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. С. 227–228.
[2] Литовский государственный архив (ЛГА) Ф. 391, оп.4, д. 1740, л. 141.
[3] ЛГА Ф. 383. оп. 7, д. 2014, л. 229–230.
[4] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 3, д. 2047, л. 1.
[5] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3. д. 1026, л. 30.
[6] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 27, л. 111.
[7] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. С. 703.
[8] Alfonsas Eidintas, Vytautas Zalys. Lithuania in European politics. The years of the first republic, 1918–1940. P. 174–176.
[9] История Литовской ССР. С. 404–405.
[10] Жюгжда Р., Смирнов А. Литовская ССР. С. 80.
[11] Полпреды сообщают... С. 473.
[12] СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 64–65, 716–717.
[13] О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик: Закон, 3 августа 1940 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1940. № 28.
[14] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 2036, л. 19-20.
[15] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 21, д. 1921, л. 11. Также в НА РБ находится документ, датированный 12 декабря 1939 г. Это справка о национальном составе населения Свентянского уезда, составленная председателем временного управления Климовым. В соответствии с докладом белорусы составляли более 50% жителей Свентянского уезда. См.: НА РБ. Ф. 4-п, оп. 5, д. 2125, л. 477.
[16] Кін М. Друскенікі // Звязда. 1940. 9 чэрв.
[17] Первый сезон в Друскениках // Совет. Белоруссия. 1940. 15 февр.
[18] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 3, д. 1069, л. 48.
[19] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 3, д. 1067, л. 18.
[20] НА РБ. Ф. 4-п, оп. 3, д. 1076, л. 1.
[21] НА РБ. Ф. 4-п, оп.3, д. 1075, л. 3.
[22] Мальдис А. Христианская твердыня Поозерного края // Совет. Белоруссия. 2007. 22 марта.
[23] Об установлении границы между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Литовской Советской Социалистической Республикой: Указ, 6 нояб. 1940 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1940. № 45.
[24] Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. Минск, 1985. Т. 1: (1917–1941 гг.). С. 17; Сборник законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР: в 3 т. Минск, 1974. Т. 1. 1938–1973. С. 27–28.
[25] Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. С. 245–246.
[26] Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. С. 258–259.
[27] РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 28, л. 69.

5.5. Белорусский территориальный вопрос в контексте советско-польских отношений в годы Великой Отечественной войны

Проблема советско-польской границы уже с осени 1939 г. оказывала существенное влияние на внешнеполитическое положение СССР.

США и Великобритания, приютившая польское эмигрантское правительство, не признали новой западной границы СССР. Правительства этих стран неоднократно подчеркивали в своих заявлениях, что Восточная Польша в 1939 г. была инкорпорирована в состав СССР, а потому после победы над Германией Польша должна быть восстановлена в границах, в которых она находилась до сентября 1939 г. Такую же позицию занимало и польское эмигрантское правительство в Лондоне. Оно не признавало за белорусами и украинцами право на существование в составе собственных национальных республик и категорически отказывалось от пересмотра советско-польской границы, установившейся в результате Рижского мирного договора 1921 г.[1]

Начавшаяся в июне 1941 г. война с Германией побудила руководство Советского Союза к поиску компромисса с США и Великобританией по спорным вопросам международной политики, в том числе и по вопросу восточной границы Польши. Активное обсуждение принципов восстановления советско-польских взаимоотношений и установления послевоенной советско-польской границы началось уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Несмотря на угрожающее положение на фронтах, правительство СССР с самого начала заняло твердую позицию по данному вопросу. В концентрированном виде она была изложена в телеграмме-инструкции послу СССР в Лондоне И. Майскому от 3 июля 1941 г.: «В вопросе о восстановлении национальной государственности Польши мы стоим за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые пункты и области, которые недавно отошли к СССР, при этом вопрос о характере государственного режима в Польше советское правительство считает внутренним делом самих поляков»[2].

Поляки подобный подход считали для себя неприемлемым. Советско-польские переговоры, начавшиеся 5 июля 1941 г., показали, что расхождения у сторон по вопросу о границе носят принципиальный характер. Представитель СССР настаивал на том, что польское правительство должно согласиться с границами, которые установились после 17 сентября 1939 г., польская же делегация признать изменения границ отказалась. Неудачей закончились и переговоры в конце 1941 г. с участием руководителей двух государств – И. Сталиным и премьер-министром польского правительства в эмиграции В. Сикорским[3].

Разрешение проблемы советско-польской границы в большой степени зависело от позиции по данному вопросу США и Великобритании. Понимая это, руководство СССР предприняло значительные внешнеполитические усилия, чтобы убедить англичан и американцев в необходимости признать новые границы СССР. Большую остроту территориальный вопрос приобрел на переговорах 16–21 декабря 1941 г. в Москве с главой британского внешнеполитического ведомства А. Иденом. От СССР в переговорах принимали участие И. Сталин и В. Молотов. Изначально предполагалось, что итогом

переговоров станет подписание широкомасштабного двустороннего договора о взаимопомощи в войне против Германии и о послевоенной организации мира. Однако договор подписан не был. При этом главной причиной провала переговоров стал вопрос о послевоенной советско-польской границе. Как следует из докладов А. Идена в Лондон и протоколов переговоров, в качестве главного условия подписания советско-британского договора И. Сталин выдвинул требование о признании западной границы СССР по линии 1941 г. Данная тема была поднята советской стороной 17 декабря 1941 г. Как позже вспоминал в своих мемуарах А. Иден, в этот день «характер беседы, до этого спокойный, неожиданно сменился, и Сталин показал свои когти. Он начал с того, что запросил немедленного признания советских границ 1939 г., которые будут указаны в послевоенном мирном договоре». Однако А. Иден отказался дать какие-либо гарантии со стороны Великобритании относительно советско-польской границы, ссылаясь на условия Атлантической хартии, не допускавшей изменения статуса государств без согласия на то их населения, а также на общественное мнение в Англии и необходимость согласовать данный вопрос с Соединенными Штатами[4].

Вопрос о западной границе СССР оставался одним из наиболее актуальных во внешнеполитической деятельности Советского Союза и в последующие годы войны. Он обсуждался во время пребывания В. Молотова в Лондоне (22–27 мая 1942 г.) и Вашингтоне (29 мая – 5 июня 1942 г.). Неразрешенность вопроса о советско-польской границе являлась сдерживающим фактором в сотрудничестве СССР с другими членами антигитлеровской коалиции. Одновременно она служила причиной постоянных обострений в отношениях между советским руководством и польским правительством в эмиграции. На протяжении 1942 г. советское и польское правительства обменялись серией дипломатических нот, предметом которых была государственная принадлежность тех или иных территорий. С выведением армии Андерса за пределы Советского Союза кризис еще больше углубился. Об этом свидетельствуют результаты переговоров между И. Сталиным и послом польского эмигрантского правительства в Москве Т. Ромером, прошедших 26–27 февраля 1943 г. В ответ на заявление Т. Ромера о неизменности советско-польской границы, установленной Рижским мирным договором, И. Сталин заявил: «Мы ни одного польского района не присоединили к Советскому Союзу. Все польские земли были заняты немцами». В завершение разговора состоялся следующий многозначительный диалог. И. Сталин указал, что советское правительство не откажется от тех положений Конституции СССР, которые говорят о принадлежности Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. На что Т. Ромер ответил, что с польской стороны не найдется ни одного поляка, который также отказался бы от этих территорий. Последнее слово в дискуссии все же осталось за И. Сталиным: «По-

нимаю вашу точку зрения, мы имеем свою точку зрения – мы квиты!»[5]. Взаимоотношения между сторонами зашли в тупик.

Улучшение положения на фронте позволило Советскому Союзу занять более независимую позицию в вопросе о послевоенной советско-польской границе. 25 апреля 1943 г. отношения между правительством СССР и польским правительством В. Сикорского были разорваны. Комментируя прекращение дипломатических отношений с польским правительством в Лондоне, руководство СССР среди прочих причин, объясняло свой шаг тем, что «лондонские» поляки пытаются «произвести нажим на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов советской Украины, советской Белоруссии и советской Литвы».

Прекращение дипломатических отношений между правительствами СССР и Польши повлияло на ситуацию в Западной Беларуси. 22 июня 1943 г. пленум ЦК КП(бБ, рассмотрев проблемы развития партизанского движения в Западной Беларуси, принял резолюцию, основные положения которой нашли отражение в письме подпольным партийным органам. В документе подчеркивалось, что территория Западной Беларуси – неотъемлемая часть Белорусской республики. В связи с этим в Западной Беларуси разрешалась «деятельность только тех групп, организаций и отрядов, которые руководствуются интересами СССР». Существование различных организаций, которыми руководят польские буржуазно-националистические центры, предписывалось рассматривать как незаконное вмешательство в интересы «нашего Отечества», а потому «всеми средствами вести борьбу против польских буржуазно-националистических отрядов и групп»[6].

Разрыв советско-польских отношений вызвал большую обеспокоенность у Англии и Соединенных Штатов Америки, опасавшихся, что этот кризис приведет к ослаблению антигитлеровской коалиции. Постепенно Великобритания и США меняли свой взгляд на советско-польскую границу, все более склоняясь к «линии Керзона» как к наиболее оптимальному варианту послевоенной границы между СССР и Польшей. Сходство в подходах СССР, Англии и США в вопросе о советско-польской границе было зафиксировано на Тегеранской конференции с участием руководителей всех трех государств (23 ноября – 1 декабря 1943 г.). По предложению У. Черчилля, участники конференции согласились с тем, что в будущем очаг польского государства должен располагаться между так называемой «линией Керзона» и линией реки Одер. Взамен утраченных территорий на востоке послевоенная Польша приобретала в качестве компенсации земли Германии – Восточную Пруссию и Оппельнскую провинцию[7].

3 января 1944 г. Красная Армия перешла бывшую советско-польскую границу, которая существовала до сентября 1939 г. По этому поводу 11 января 1944 г. правительство СССР выступило с заявлением. В документе отмечалось, что польское государство должно

возродиться не путем захвата белорусских и украинских земель, а посредством возврата в состав Польши исконных польских территорий, захваченных немцами. Считая, в принципе, «линию Керзона» наиболее приемлемой границей между СССР и Польшей, руководство Советского Союза вместе с тем выразило готовность внести изменения в пользу Польши в тех районах, где польское население составляло большинство[8].

Теперь, когда союзники по антигитлеровской коалиции пришли к принципиальному согласию относительно будущей советско-польской границы, оставалось убедить «лондонских» поляков в необходимости признать ялтинские соглашения. Однако здесь официальные Лондон и Вашингтон столкнулись с большими трудностями. Польское эмигрантское правительство С. Миколайчика, несмотря на оказанное на него давление, продемонстрировало независимость и отказалось признать «линию Керзона» в качестве восточной границы польского государства.

Пока союзники пытались повлиять на поляков и склонить их в пользу «линии Керзона», руководство СССР решило сделать ставку на левые просоветские силы польского национального движения, главным координирующим органом которых являлась находившаяся под советским контролем Крайовая Рада Народова (КРН). 23 января 1944 г. КРН выступила с поддержкой заявления СССР от 11 января, предложив решать пограничную проблему посредством дружеского соглашения между Польшей и СССР. Этнический принцип в урегулировании советско-польской границы был подтвержден и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО), созданным на базе КРН. В манифесте ПКНО от 22 июля 1944 г. говорилось: «Восточная граница должна стать линией добрососедской дружбы, а не преградой между нами и нашими соседями, она должна быть урегулирована в соответствии с принципом: польские земли – Польше, украинские, белорусские и литовские земли – Советской Украине, Беларуси и Литве»[9].

Отказавшись от претензий на Западную Беларусь и Западную Украину, руководство КРН все же постаралось максимально отодвинуть советско-польскую границу на восток. Еще 15 июля 1944 г., за два дня до начала форсирования советскими войсками Буга и вступления на польскую землю, уполномоченный КРН Э. Осубко-Моравский и председатель Главного управления Союза польских патриотов В. Василевская направили И. Сталину письмо, в котором поставили вопрос о передаче Польше Западной части Белостокской области[10].

Соображения лидеров польского левого движения, изложенные в обращении к И. Сталину, получили дальнейшее развитие и позже стали официальной позицией польской делегации на переговорах между правительством СССР и ПКНО, состоявшихся в Москве 24–26 июля 1944 г. Линия границы, предложенная польской делегацией, базировалась на этнографическом принципе. Советский вариант по-

мимо этнографического момента включал также стратегические соображения. Оставляя за СССР Кенигсберг, советский проект предусматривал передачу Польше Белостокской области и Сувалок.

Значительную сложность вызвал вопрос о принадлежности Беловежской пущи. Поскольку здесь не существовало этнических проблем, польская делегация настаивала на том, чтобы Беловежская пуща осталась на польской стороне. Дискуссия о принадлежности пущи приняла настолько острые формы, что для решения данного вопроса потребовалось участие И. Сталина. На встрече с руководителем СССР поляки обосновывали свое предложение тем, что леса Беловежской пущи станут источником древесины для польской промышленности, а также национальным польским парком. И. Сталин первоначально не хотел уступать, настаивая на стратегической границе, предварительно выработанной советской стороной. Но после настойчивых просьб всех членов польской делегации пообещал подумать и, посоветовавшись с белорусами, принять окончательное решение. Судя по всему, совещание с белорусскими властями И. Сталину не понадобилось. Важный территориальный вопрос был решен быстрее, чем поляки могли на то надеяться. Не успели они вернуться в гостиницу, как туда позвонил В. Молотов и сообщил руководителю польской делегации Э. Осубко-Моравскому о том, что И. Сталин согласился оставить за Польшей часть Беловежской пущи[11].

Результатом переговоров стало подписанное 27 июля 1944 г. советско-польское соглашение, определявшее границу между двумя государствами. Статья 1 документа закрепляла «линию Керзона» в качестве основы при проведении государственной границы между СССР и Польской Республикой. При этом правительство СССР согласилось на определенные исправления данной линии «в пользу Польши, уступив Польской Республике:

а) территорию, расположенную к востоку от «линии Керзона» до реки Западный Буг и реки Солокия, к югу от города Крылов;

б) часть территории Беловежской пущи на участке Немиров – Яловка, расположенную на восток от «линии Керзона», с оставлением Немировца, Гайновки, Беловежа и Яловки на стороне Польши».

Проведение в натуре государственной границы между СССР и Польшей возлагалось на смешанную советско-польскую пограничную комиссию[12].

С точки зрения международного права, соглашение между Советским Союзом и ПКНО от 27.07.1944 являлось весьма сомнительным и вряд ли могло рассчитывать на международное признание. Польский комитет национального освобождения, поскольку он не являлся полноправным представительным органом польского народа, не имел достаточных полномочий для подписания подобных документов. По этой причине документ с самого начала носил секретный характер и не выносился на обсуждение международной общественности[13].

Тем не менее соглашение между правительством СССР и ПКНО о советско-польской границе имело важное внешнеполитическое значение. Заключая его, Советский Союз прежде всего закреплял решение, принятое странами антигитлеровской коалиции на Тегеранской конференции, и, таким образом, создавал условия для перевода достигнутых с союзниками соглашений о советско-польской границе в плоскость практической международной политики. На случай, если польское эмигрантское правительство, а также США и Великобритания, которые поддерживали «лондонских» поляков, откажутся признать советско-польскую границу по «линии Керзона», руководство СССР подготавливало почву, чтобы разрешить территориальный вопрос без польского эмигрантского правительства, одновременно сведя к минимуму участие последнего в восстановлении послевоенного польского государства.

Вместе с тем на пути к проведению в жизнь июльского польско-советского соглашения имелись, как отмечалось выше, значительные препятствия, связанные с признанием документа со стороны США и Великобритании. Как известно, союзники СССР по войне с Германией выступали за то, чтобы в послевоенной Польше было создано коалиционное правительство с включением в его состав представителей эмигрантских кругов. И только территориальный договор с таким правительством мог рассчитывать на признание ведущих мировых держав. Вынужденное считаться с позицией союзников, руководство СССР не спешило с обнародованием подписанного соглашения, одновременно не отказываясь от переговоров с «лондонскими» поляками.

Летом 1944 г. США и Великобритания предприняли значительные усилия, чтобы возобновить отношения между руководством СССР и польским эмигрантским правительством. Очередная попытка найти компромисс была сделана на переговорах в Москве (29 июля – 9 августа) с участием И. Сталина и С. Миколайчика. Однако, как и во время предыдущих встреч, переговоры по территориальному вопросу между руководителями правительств, так же как и переговоры С. Миколайчика с делегацией ПКНВ, результатов не принесли. В Меморандуме от 29 августа 1944 г., подготовленном «лондонскими» поляками, эмигрантское правительство соглашалось признать «линию Керзона» лишь в качестве демаркационной линии с тем, чтобы окончательное разрешение проблемы советско-польской границы было сделано на будущих переговорах после завершения войны.

Для руководства Советского Союза такая постановка вопроса была категорически неприемлема, поскольку означала возврат в польском вопросе к ситуации 1941 г. Признание меморандума перечеркивало все дипломатические достижения советского руководства за годы войны. При том, что для подобной внешнеполитической «капитуляции» отсутствовали всякие основания – в частности, глава британского правительства У. Черчилль, присутствовавший

на советско-польских переговорах, целиком поддержал советскую позицию, настойчиво уговаривая поляков признать новую советско-польскую западную границу. Соединенные Штаты в советско-польском территориальном споре также, по сути, поддержали СССР, отказавшись от участия в обсуждении вопроса.

Сложившаяся ситуация привела к кризису в польском правительстве в Лондоне, результатом чего стала отставка С. Миколайчика и замена его социалистом Т. Артишевским, настроенным еще более непримиримо по отношению к СССР. 29 ноября 1944 г. от имени нового состава правительства Т. Артишевский обвинил Москву в очередном разделе Польши, одновременно возложив на англичан и американцев историческую ответственность за их отказ поддержать польские территориальные требования. Резкие заявления нового польского правительства в эмиграции привели к тому, что официальные Лондон и Вашингтон свели к минимуму контакты с поляками, тем самым отдав советской стороне инициативу в определении судьбы послевоенной Польши[14].

Польский вопрос оставался одним из наиболее актуальных и в 1945 г. Важные решения по польской проблеме были приняты на Крымской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, Великобритании и США (4–11 февраля 1945). Вопрос о польско-советской границе обсуждался на семи из восьми пленарных заседаний. В результате Великобритания и США еще раз подтвердили свое согласие на «линию Керзона» в качестве послевоенной западной границы Польши. В свою очередь, Советский Союз согласился отступить в некоторых районах на 5–8 км от «линии Керзона» в пользу поляков[15].

На прошедшей уже после завершения войны Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945) польская тема, хоть активно и обсуждалась, однако вопрос о советско-польской границе больше не поднимался. Участники переговоров исходили из того, что проблему восточной границы Польши разрешила Ялтинская конференция[16]. Советско-польская граница если и упоминалась, то только в связи с вопросом о западной границе польского государства. Делегация польского правительства в эмиграции передала участникам конференции записку члена президиума КРН профессора В. Грабского. Смирившись с потерей территорий на востоке, В. Грабский пытался обосновать необходимость максимального приращения территорий к польскому государству на Западе. По подсчетам бывшего премьер-министра Польши (1920, 1923–1925), потери Польши на востоке составляли 184 тыс. кв. км. С другой стороны, включение в состав польского государства земель до рек Одер и Западная Нейсе давало прирост лишь в 105 тыс. кв. км. Записка В. Грабского констатировала сокращение территории Польши в результате Второй мировой войны на 74 тыс. кв. км (на 20%) и ставила вопрос о компенсации за утраченные территории. Однако в Потсдаме союзники не разреши-

ли вопрос о западной границе Польши, поскольку он тесно зависел от того, какое правительство будет создано в послевоенной Польше и какова будет его внешнеполитическая ориентация[17].

Решения Крымской и Потсдамской конференций стран антигитлеровской коалиции позволили Советскому Союзу приступить к окончательному, в соответствии с международным правом, закреплению советско-польской границы. С целью заключения договора 6 августа 1945 г. из Варшавы в Москву выехала польская правительственная делегация в составе: президента КРН Б. Берута, премьер-министра Э. Осубко-Моравского, вице-премьеров С. Миколайчика и Моделевского, министра Минца, а также группы экспертов в количестве четырнадцати человек[18].

В результате советско-польских переговоров в Москве (15–16 августа 1945 г.) вместо соглашения от 27 июля 1944 г. был подготовлен двусторонний договор о советско-польской границе. 16 августа 1945 г. во исполнение решений Крымской и Потсдамской конференций союзных держав договор подписали наркоминдел СССР В. Молотов и премьер-министр польского Временного Правительства Национального Единства Э. Осубко-Моравский. В соответствии со статьей 1 документа государственная граница между Советским Союзом и Польской республикой устанавливалась вдоль «линии Керзона» с отступлением от нее в пользу Польши в некоторых районах от пяти до восьми километров. Кроме того, СССР дополнительно уступил Польше территорию, расположенную к востоку от «линии Керзона» до реки Западный Буг и реки Солокия, к югу от города Крылов с отклонением в пользу Польши максимально на тридцать километров, а также часть территории Беловежской пущи, на участке Немиров – Яловка, расположенной на востоке от «линии Керзона», включая Немиров, Гайновку, Беловеж и Яловку, с отклонением в пользу Польши максимально на семнадцать километров[19].

Новая линия советско-польской границы была нанесена на карту масштабом 1:500 000, на основе которой, после ратификации договора, смешанная демаркационная комиссия должна была провести границу на местности.

С передачей Польше почти всей Белостокской области БССР утратила Августовский, Белостокский, Бельский, Брянский, Граевский, Домбровский, Едвабновский, Заблудовский, Замбровский, Кольновский, Кринковский, Лапский, Ломжинский, Моньковский, Снядовский, Сокольский, Цехановичский и Чижевский районы. От Брестской области в состав Польши отошли Клящевский и Гайновский районы[20]. Польская сторона передавала БССР всего лишь 15 деревень, населенных преимущественно белорусами.

Всего же в результате корректировки «линии Керзона» и уступок И. Сталина по советско-польскому договору от 16 августа 1945 г. от Беларуси в пользу Польши переходило 14,3 тыс. кв. км с населением по переписи 1946 г. около 638 тыс. человек. По территории,

присоединенной к Польше, Белосточчина равнялась половине такого государства, как Албания или Бельгия. Позже Н. Хрущев в своих мемуарах признавал, что к Польше «отошли и отдельные земли с чисто белорусским и украинским населением». Такой шаг И. Сталина он объяснял желанием «задобрить» поляков, ослабить негативные эмоции, которые оставались у поляков от советско-германского договора от 23 августа 1939 г.[21] Отметим также, что это была не последняя уступка полякам, сделанная, исходя из подобных соображений. Но это было немного позже: внешнеполитические факторы сыграли свою роль и на этапе демаркации новой советско-польской границы.

Руководство БССР, несмотря на то, что решение о послевоенной советско-польской границе непосредственно касалось Белорусской республики, участия в обсуждении территориального вопроса не принимало. Его роль свелась к одобрению постановлений высших партийных и правительственных органов. Выступая на VI сессии Верховного Совета БССР (март 1944 г.), председатель ВС БССР Н. Наталевич поддержал «линию Керзона» в качестве советско-польской границы. Лишь относительно некоторых районов Белостокской области, в частности Бельского, председатель ВС БССР выразил сомнение в обоснованности претензий на них польского эмигрантского правительства. В связи с чем Н. Наталевич предложил Верховному Совету БССР обратить на данный вопрос особое внимание и «просить союзное правительство при определении государственных границ между Советским Союзом и Польшей учесть целиком законное и справедливое желание белорусского народа воссоединить все белорусские земли в единое Белорусское Советское государство»[22].

Между тем у руководства Беларуси имелись основания, чтобы более твердо и последовательно отстаивать белорусские национальные интересы относительно Белостокской области. Отчеты низовых партийных организаций, коллективные обращения в ЦК КП(б)Б и в правительство БССР свидетельствуют о том, что в 1944–1945 гг. среди населения Белостокской области сильны были настроения за то, чтобы область осталась в составе Белорусской республики. Заявления в руководящие органы БССР поступали сотнями и даже тысячами. Так, осенью 1944 г. свыше 6 тысяч жителей Беловежа направили в ЦК КП(б)Б коллективное письмо, в котором просили присоединить город и Беловежскую пущу к БССР. Через год, в октябре 1945 г., в Народный комиссариат иностранных дел БССР поступили заявления от почти тысячи жителей белорусских деревень Бельского, Орлянского и Клюковицкого уездов Белостокской области с просьбой пересмотреть советско-польскую границу[23].

Однако объективная ситуация была такова, что, даже имея столь веские аргументы, как обращения тысяч граждан, возможности руководства БССР повлиять на разрешение вопроса о белорусско-

польской границе были крайне ограниченными. Партийные и советские органы БССР могли лишь фиксировать подобные заявления и затем пересылать их в союзные органы. Окончательное решение вопроса о белорусско-польской границе оставалось прерогативой союзных органов власти, для которых белорусские национальные интересы не являлись приоритетными, особенно если они входили в противоречие с глобальными амбициями Советского Союза, как зарождавшейся в послевоенном мире сверхдержавы. Договор о советско-польской границе не обсуждался в высших органах власти БССР, УССР и ЛитССР, чьи национально-государственные интересы он непосредственно затрагивал. В Советском Союзе в принципе отсутствовал политико-правовой механизм взаимодействия и координации действий центральных и республиканских органов власти при решении такого сложного и важного вопроса, как изменение границ советских республик. Но даже предусмотренная в главных государственных документах процедура оформления решений, касавшихся изменения границ союзных республик, не была соблюдена. Президиум Верховного Совета СССР, ратифицируя советско-польский договор, не имел даже формального согласия руководства БССР на изменение границ республики, что требовалось в соответствии с Конституциями СССР и БССР[24].

Подписание договора о советско-польской границе вызвало в Польше неоднозначную реакцию. Новая политическая элита, руководство страны всячески подчеркивали справедливый и выгодный для Польши характер договора. Так, премьер-министр Временного польского правительства национального единства Э. Осубко-Моравский в интервью представителю ТАСС по поводу подписания советско-польского договора заявил: «Только что подписанный договор об установлении польско-советской границы имеет для наших народов огромное историческое значение, ибо этим договором урегулирован радикальным образом не только вопрос о границе, которая на протяжении сотен лет пылала ненавистью и борьбой, но и заложен прочный фундамент дружбы и братского добрососедского сожительства наших народов».

Руководители Польши в своих выступлениях часто подчеркивали тот факт, что взамен утраченных территорий на востоке страна получила экономически гораздо более развитые и перспективные для народного хозяйства земли на западе. В частности, президент Крайовой Рады Народовой Б. Берут на пресс-конференции по случаю подписания договора отмечал: «Сопоставление с экономической точки зрения того, что мы передаем на востоке, с тем, что мы получаем на западе, совершенно несоизмеримо. На востоке земли болотистые, лесистые, с экономической точки зрения бедные, населенные украинцами и белорусами. Как известно, эти территории были очагом вечного беспокойства, очагом войн... Благодаря западным землям Польша получает возможность стать страной индуст-

риально-аграрной, в то время как до сих пор она была страной с незначительным влиянием промышленности на экономику страны. Польша получила широкий доступ к Балтике и с этой поры будет причислена к морским державам»[25].

Польские власти прилагали значительные усилия для того, чтобы вышеприведенная оценка советско-польского договора стала доминирующей в общественном сознании. В этом смысле показателен характер публикаций в официальной польской прессе, посвященных советско-польскому договору о границе. Ведущее польское издание «Речь Посполита» в передовой статье «В интересах Польши» отмечала: «Московский договор... регулирует в духе дружбы и согласия границу между Польшей и Советским Союзом...». Газета «Глосс люду» определила московский договор как новую замечательную победу внешней политики демократической Польши. В подобном духе высказывались и другие газеты. Даже американская польскоязычная печать, как отмечалось в обзоре ТАСС от 23 августа 1945 г., положительно отреагировала на подписание договора о границе между СССР и Польшей[26].

Впрочем, реакция на советско-польский договор была далеко не столь однозначной, как это может показаться, если судить только по официальным публикациям. Среди радикально настроенной части общества наблюдалось негативное отношение к договору. Сторонники польского правительства в эмиграции, которых было немало в послевоенной Польше, рассматривали договор как документ, узаконивший очередной территориальный раздел польского государства. Стремясь хотя бы отчасти ослабить негативную реакцию на советско-польский договор, юридический отдел президиума КРН запретил давать ссылку на «линию Керзона» в печати и польской правительственной документации, несмотря на то, что данная дефиниция присутствовала в документе. Польские власти опасались, что упоминание «линии Керзона» усилит негативный резонанс, вызванный договором от 16 августа 1945 г. среди определенной части польского общества. И если поначалу термин «линия Керзона» еще присутствовал в речах первых лиц польского государства, то позже он исчез из употребления и в выступлениях, и в печатных материалах[27].

У советского руководства также возникли определенные сложности с выбором процедуры нотификации договора о советско-польской границе. Однако здесь основная проблема заключалась не в том, какой будет реакция на договор населения страны, а в том, каким образом уведомить международное сообщество о советско-польском договоре. У правительства СССР существовали опасения, что оповещение третьих государств о договоре может быть воспринято ими, как признание Советским Союзом «возможности широкого международного обсуждения и одобрения новой границы». В связи с этим было принято решение направить соответствующие ноты только посольствам США и Великобритании, что должно

было, с одной стороны, устранить возможность игнорирования новой советско-польской границы, а с другой – напомнить бывшим союзникам по антигитлеровской коалиции о 6-ом разделе решений Потсдамской конференции. Оповещение других государств предусматривалось провести посредством регистрации советско-польского договора в ООН[28].

31 декабря 1945 г. советско-польский договор о границе был вынесен на заседание сессии КРН и единогласно принят без обсуждения. 13 января 1946 г. закон ратифицировал президиум Верховного Совета СССР[29]. 4 февраля в Варшаве Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Польше В. Лебедев и министр иностранных дел Польской республики В. Жимовский обменялись ратификационными грамотами договора между СССР и Польской республикой о советско-польской границе[30]. Таким образом, все юридические формальности были соблюдены, и теперь стороны могли приступить к демаркации советско-польской границы.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать вывод о том, что проблема советско-польской границы занимала чрезвычайно важное место во внешней политике СССР в 1941–1948 гг. Руководству Советского Союза пришлось приложить значительные усилия, чтобы добиться от международного сообщества признания западной границы СССР, установившейся после 1939 г. В значительной степени успех советского правительства в данном вопросе зависел от положения на советско-германском фронте и, в целом, от геополитической ситуации в мире. Наступление Красной армии на Восточном фронте позволило Советскому Союзу занять более жесткую и независимую позицию в вопросе о советско-польской границе, постепенно убедив лидеров крупнейших держав, входивших в антигитлеровскую коалицию, в необходимости принять советский вариант границы с Польшей.

Столкнувшись с нежеланием польского эмигрантского правительства в Лондоне пойти на уступки в территориальном вопросе и признать границу 1939 г., руководство Советского Союза сделало ставку на просоветские силы в польском обществе, заключив с представителями левых польских организаций секретное соглашение о послевоенной советско-польской границе. Через год это соглашение стало основой для межгосударственного советско-польского договора от 16 августа 1945 г. о советско-польской границе. Руководство БССР к участию в обсуждении вопроса о белорусском участке советско-польской границы допущено не были.

Следует отметить, что и на переговорах с правительствами стран антигитлеровской коалиции, с «лондонскими» поляками, с просоветски настроенным послевоенным правительством Польши руководство СССР последовательно придерживалось так называемой «линии Керзона» в качестве единственно возможного варианта советско-польской границы. Такая политика вместе с укреплением гео-

политического положения СССР принесла свои плоды. На Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеры Великобритании и США приняли советский вариант при разрешении проблемы советско-польской границы.

Несмотря на отмеченную последовательность руководства СССР, в его позиции по территориальному вопросу, тем не менее, имелось существенное противоречие. С одной стороны, правительство Советского Союза провозглашало этнический фактор приоритетным при определении советско-польской границы, требуя от низовых органов, советских делегаций в составе межгосударственных пограничных комиссий жесткого следования данному принципу. С другой стороны, в процессе межправительственных переговоров лидеры СССР сами, без достаточного изучения вопроса, шли на довольно значительные уступки, пересматривая линию границы в пользу Польши. И позже, на этапе демаркационных работ, руководство СССР также давало санкцию теперь уже на более мелкие территориальные изменения в ущерб БССР, вопрос о которых инициировала польская сторона на уровне пограничных комиссий. Пересмотр советским руководством собственных решений, территориальные уступки в пользу соседних государств в большинстве случаев делались, исходя из внешнеполитических, прежде всего пропагандистских соображений.

Примечания

1 Снапкоўскі У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі, 1944–1953 гг. С. 76.

2 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: док. и материалы: в 2 т. / редкол.: Г.П. Кынин и др. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. С. 63.

3 Козловський І.С. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. Львів: Каменяр, 1998. С. 36–55.

4 Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль = Stalin and Churchill. Встречи. Беседы. Дискуссии: док. и коммент., 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 31–73.

5 Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 67.

6 См.: Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск: Беларусь, 1993. С. 101–102.; Крэнь І.П. Аб даследаванні дзейнасці Арміі Краёвай на Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны: зыходныя пазіцыі, падыходы, мэты // Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі. С. 11–17.

7 Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. М., 1978. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). С. 165–167.

8 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 21–22.

9 Там же. С. 142–143.

10 Снапкоўскі У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: у 2 ч. Мінск, 2004. Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. С. 145.

[11] Снапкоўскі У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944–1953 гг. С. 79–80.

[12] Пагадненне паміж урадам Саюза ССР і Польскім Камітэтам Нацыянальнага Вызвалення аб савецка-польскай граніцы // Знешняя палітыка Беларусі. С. 236–237.

[13] Eberhardt P. Polska Granica Wschodnia. C. 200–201.

[14] Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 133–135.

[15] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 251.

[16] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). С. 22–167.

[17] АВП РФ. Ф. Секретариат В. Молотова, оп. 7, пор. 618, д. 40, л. 6.

[18] Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 148.

[19] Текст договора см.: Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой о Советско-Польской государственной границе // Правда. 1945. 17 авг. См. также: Знешняя палітыка Беларусі. Зб. дак. і мат. (чэрвень 1941г. – жнівень 1945 г.) Т. 4. С. 322–323.

[20] Ракашевич В.К. Послевоенная демаркация советско-польской границы и «великое» переселение белорусского и польского населения // Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі. С. 115.

[21] Снапкоўскі У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі. Ч. 2. С. 146–147.

[22] Знешняя палітыка Беларусі. Т. 4. С. 195.

[23] Вялікі А.Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення. С. 33–35.

[24] Снапкоўскі У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі (1944–1953 гг.). С. 88.; его же: Снапкоўскі У.Е. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы ў 1943–1945 гг. // Беларус. гіст. часоп. 1994. № 3. С. 12–13.

[25] Знешняя палітыка Беларусі. Т. 4. С. 324–327.

[26] ГАРФ. Ф. 4459, оп. 27/1, ч.1, д. 4382, л. 18–21.

[27] Характерно, что руководство Советского Союза также стремилось избегать упоминания о том, что в 1945 г. часть территории, находившейся в составе БССР, была передана Польше. В издававшихся в послевоенные годы документальных сборниках из публикуемых документов изымались упоминания о существовании в БССР Белостокской области. См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 г. С. 43–44.

[28] АВП РФ. Ф. референта по Польше, оп. 27а, пор. 15, д. 207, л. 2.

[29] Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 151.

[30] АВП РФ. Ф. Польша референтура, оп. 88, пор. 29, д. 204, л. 7.

Глава 6

Государственная территория БССР в послевоенное время

6.1. Демаркация белорусского участка советско-польской границы (1946–1948 гг.)

Советско-польский договор о границе от 16 августа 1945 г. предусматривал создание смешанной комиссии по демаркации границы через 15 дней после обмена ратификационными грамотами. Местопребыванием комиссии должна была стать Варшава[1].

Сразу же после подписания договора стороны начали подбор сотрудников для работы в смешанной комиссии по демаркации советско-польской границы. В состав польской делегации этой комиссии вошли: вице-министр польского правительства А. Жарук-Михальский (председатель), генерал С. Моссор и генерал Пругар-Кетлинг (члены комиссии), Я. Замбрович (генеральный секретарь), полковник Т. Науменко, доцент С. Леткевич, инженер В. Новак (эксперты)[2].

Советская делегация состояла из 6 человек: А. Александров (председатель), генерал-майор Г. Чумаков и генерал-майор Ф. Красовский (члены), В. Логунов (генеральный секретарь), подполковник Ф. Ильин-Тихомиров, лейтенант В. Гаврилов (эксперты).

До начала совместных заседаний каждая из делегаций провела независимую подготовительную работу, целью которой была выработка собственного видения задач и принципов работы смешанной комиссии. Так, в ноябре 1945 г. польское правительство утвердило проект организационной структуры комиссии, предусматривавший выделение в ее составе трех подкомиссий в соответствии с национальными (белорусско-польский, украинско-польский и литовско-польский) участками советско-польской границы. Польская сторона подготовила также предложения по внесению изменений в линию границы, закрепленную в договоре от 16 августа 1945 г. Необходимость внесения поправок в договор аргументировалась соображениями экономического, этнического и стратегического характера. По плану польской стороны, на проведение всех работ по демаркации советско-польской границы требовалось более двух лет.

Советская делегация также провела определенную подготовительную работу по изучению пограничного вопроса, прежде чем приступить к установлению границы на местности. Демаркация белорусского участка советско-польской границы проводилась на территории Сопоткинского, Гродненского, Берестовицкого, Свислочского районов Гродненской области и Шерешевского, Высоковского, Бре-

стского, Домачевского районов Брестской области. Осенью 1945 г. Наркоминдел БССР поручил председателям этих районов изложить свои соображении относительно линии прохождения будущей советско-польской границы. Сразу же отметим, что некоторые предложения руководителей районов позже были учтены[3].

Работа смешанной демаркационной комиссии проходила в две сессии – Варшавскую (24 заседания с 7 марта 1946 г. по 7 мая 1947 г.) и Московскую (7 заседаний с 8 апреля по 8 июля 1948 г.).

Первое совместное заседание польской и советской делегаций состоялось в Варшаве 7 марта 1946 г. В течение следующего месяца (до 2 апреля 1946 г.) прошло еще 5 заседаний, носивших организационный характер. За это время в ходе переговоров был утвержден порядок проведения демаркационных работ на местности и их сроки, утверждено официальное название комиссии: «Смешанная комиссия СССР и Польши по демаркации границы между СССР и РП» (далее – Смешанная демаркационная комиссия), а также разработаны положение о Смешанной демаркационной комиссии и инструкция по проведению демаркационных работ.

Переговоры проходили непросто. Во многих случаях стороны по-разному представляли задачи и цели работы Смешанной демаркационной комиссии, по-разному видели технологическую процедуру демаркации границы. На первых же заседаниях советская делегация Смешанной демаркационной комиссии отклонила большинство предложений польской стороны. Вместо трех участков, выделенных поляками по национальному признаку, по инициативе делегации СССР линия границы была разбита на шесть участков, примерно одинаковой сложности. Для каждого участка создавалась соответствующая Смешанная подкомиссия Польши и СССР по демаркации государственной границы между Польшей и СССР (далее – Смешанная демаркационная подкомиссия). Аналогично Смешанной демаркационной комиссии подкомиссия состояла из двух делегаций – советской и польской. На участках 2, 4, 6 подкомиссий все демаркационные работы проводила советская сторона. Обязанности польской делегации ограничивались контролем за выполнением полевых и камерных работ. И наоборот, на участках 1, 3 и 5 основная ответственность ложилась на польские части соответствующих подкомиссий.

Белорусский участок советско-польской границы входил в сферу компетенции 4-й, 5-й и 6-й подкомиссий. Отрезок четвертой подкомиссии начинался от южной окраины населенного пункта Крылово и проходил по р. Буг до деревни Шостки, расположенной неподалеку от Немирова. Отрезок пятой подкомиссии проходил исключительно по территории БССР от Немирова до Крынок. Его протяженность составляла 194 км. Последний отрезок, находившийся в ведении шестой подкомиссии, начинался от Крынок и шел через Августовские леса до польско-литовской границы[4].

Особую твердость советская делегация Смешанной демаркационной комиссии проявила при обсуждении вопроса о возможной корректировке линии границы, закрепленной в договоре от 16 августа 1945 г. Советская сторона в категорической форме отказалась обсуждать данную проблему, сославшись на отсутствие полномочий. Придерживаясь указанной в договоре условной линии, эксперты от СССР соглашались на перенос границы лишь в особых случаях (когда она проходила через населенный пункт) и не более, чем на 2–3 км[5].

Польская делегация при проведении демаркационных работ предложила пользоваться картой с масштабом 1:100 000 – более детальной, чем собирались использовать советские специалисты (1:500 000). Свою позицию польская сторона объясняла тем, что карта, предложенная советской стороной, не учитывала в полной мере расположение небольших населенных пунктов, дорог, водоемов и т.д. При использовании карты 1:500 000 многие деревни оказывались разделенными линией границы либо отрезанными от своих земельных угодий, средств коммуникаций. Карта с масштабом 1:100 000 позволяла лучше учесть интересы людей, что, безусловно, выглядело достаточно веским основанием для принятия предложения польской делегации[6].

Тем не менее советская часть Смешанной демаркационной комиссии инициативу польской стороны не поддержала, настаивая на использовании того типа карт, который был предусмотрен мирным договором. Скорее всего, такая позиция делегации СССР объяснялась желанием строго придерживаться условий договора от 16 августа 1945 г. и была в некотором смысле ответной реакцией на стремление поляков добиться максимально возможной корректировки границы в свою пользу. Кроме того, прохождение линии границы через населенные пункты лишь на первый взгляд выглядело как игнорирование интересов местного населения. Следует учесть, что в любом случае такие небольшие деревни и хутора, как населенные пункты, находившиеся в непосредственной близости от границы, попадали под отселение, а их жители получали право выбора, гражданами какой страны им оставаться.

Активные дискуссии членов Смешанной демаркационной комиссии по вопросу корректировки границы не принесли результатов, и в конце концов польская делегация была вынуждена снять на время эту тему с повестки дня, чтобы вынести ее на межправительственный уровень[7].

Смешанная демаркационная комиссия работала оперативно. Уже к концу мая 1946 г. руководители польской и советской делегаций Смешанной демаркационной комиссии завершили перенос границы с карты, прилагавшейся к договору от 16 августа 1945 г., на рабочие карты более мелкого масштаба, по которым уже на местности предстояло работать подкомиссиям.

1 июня 1946 г. к работе приступили Смешанные демаркационные подкомиссии. На данном этапе польская сторона также предприняла попытку пересмотреть линию границы в пользу Польши. Острые споры разгорелись вокруг вопроса о принадлежности деревни Токарево, которая находилась на участке 5-й подкомиссии и была буквально разрезана пополам предполагавшейся линией границы. Польская сторона, основываясь на многочисленных письменных обращениях жителей деревни, добивавшихся сохранения деревни, предложила включить деревню Токарево целиком в состав Польши. Однако советская делегация в очередной раз проявила принципиальность и отказалась от любых изменений буквы договора между правительствами Польши и СССР. Такая же ситуация сложилась и по вопросу о принадлежности деревень Поречье, Езараки и поселка Крынки, польское население которых высказывало пожелание остаться в составе Польши.[8]

Встретившись с категорическим нежеланием советской делегации обсуждать данную проблему, польские власти решили вынести вопрос на более высокий – межгосударственный уровень. 12 августа 1946 г. президент Крайовой Рады Народовой Б. Берут во время встречи с Чрезвычайным и полномочным послом СССР в Польше В. Лебедевым передал последнему предложения польской стороны. Суть их, к сожалению, пока не известна. Однако, судя по тому, что руководство СССР на инициативу поляков отреагировало довольно сдержанно, если не сказать, негативно, то можно предположить, что изменения предлагались значительные. Советская делегация в составе Смешанной демаркационной комиссии даже провела негласное расследование, пытаясь узнать, кто персонально является инициатором постановки вопроса о пересмотре советско-польской границы. Как выяснилось, инициатива исходила от председателя польской делегации в Смешанной демаркационной комиссии, бывшего министра и одного из руководителей партии польских социалистов ППС А. Жарук-Михальского[9].

Обращение польского правительства обсуждалось на самом высоком уровне с участием И. Сталина, в результате чего было принято отрицательное решение. 16 сентября 1946 г. оно было сообщено Б. Беруту. Однако польская сторона проявила исключительную настойчивость, стремясь добиться от СССР хотя бы минимальных территориальных уступок. По словам Б. Берута, «это разрядило бы атмосферу неудовлетворенности польским правительством, которая создается польским населением, отходящим к СССР». Ради повышения собственной популярности польское правительство просило советское руководство разрешить положительно вопрос о передаче Польше четырех населенных пунктов, один из которых – деревня Залешаны – находился в БССР. На этот раз настойчивость поляков принесла результаты. В новом обращении на имя И. Сталина В. Молотов уже выступал за то, чтобы передать эти четыре насе-

ленных пункта в состав Польши, что и было сделано[10]. Таким образом, была решена судьба и государственная принадлежность деревни, в которой насчитывалось 93 хозяйства с населением 499 человек[11].

Всего за время демаркационных работ на местности поляки сделали 22 предложения. Однако в подавляющем большинстве инициативы польской стороны были отклонены либо речь шла о незначительных отклонениях от намеченной линии[12].

Советские делегации в составе подкомиссий, основываясь на информации местных властей БССР, также ставили вопросы о корректировке границы. Однако они касались небольших участков в рамках компетенции Смешанной демаркационной комиссии. Возможность более радикальной корректировки границы членами советской делегации не рассматривалась, и шаги в данном направлении не предпринимались. Такой была позиция высшего руководства СССР. Соответствующим образом действовала и советская делегация в Смешанной демаркационной комиссии. В частности, в конце 1945 – начале 1946 г. (точная дата в документе отсутствует) посольство СССР в Польше получило ходатайство населения пяти волостей, находившихся на советско-польском пограничье. Жители волостей Городок, Михайлово, Заблудово, Наров и Наровка, 70% которых составляли белорусы, добивались включения в состав СССР. Отметив, что делегация опоздала и советско-польская граница уже определена окончательно, сотрудники посольства порекомендовали белорусам воспользоваться советско-польским соглашением о репатриации и переехать в БССР. Одновременно ходатайство было передано председателю советской делегации в Смешанной демаркационной комиссии А. Александрову для использования в работе[13].

Анализируя сделанные на белорусском участке отступления от ранее утвержденной линии советско-польской границы, нетрудно заметить, что в целом они оказались более выгодными для польской стороны. Так, на участке Высоковского района Брестской области советско-польская граница на 1–3 км была перенесена на запад. Однако на участке Шерешевского района Брестской области, а также Берестовицкого и Гродненского районов Гродненской области граница, наоборот, была отодвинута на восток. В результате таких изменений линии советско-польской границы к Беларуси отошли 24 населенных пункта (3606 человек), а к Польше – 44 населенных пункта (7143 человека). При этом чуть менее половины населения территории, переданной Польше, составляли белорусы, и позже они были переселены в БССР[14].

В целом же, по той причине, что сразу после подписания советско-польского договора о границе пограничные войска заняли исходные позиции для охраны государственной границы не точно по определенной линии, а довольно приблизительно, в результате демарка-

ции советско-польской границы от СССР к Польше перешли 130 населенных пунктов (3626 хозяйств с населением 17402 чел.) Третья часть населенных пунктов (47 населенных пунктов, 1944 хозяйства), переданных Польше, первоначально находились в составе БССР. В свою очередь, Польша передала СССР 18 населенных пунктов (500 хозяйств).

Работа по демаркации советско-польской границы в основном была завершена к декабрю 1946 г.[15] Еще несколько месяцев потребовалось для оформления всех необходимых в данном случае документов: схемы геодезической сетки, перечня пограничных знаков, каталога координат и протоколов пограничных знаков[16]. К началу мая эта работа была завершена, и 7 мая 1947 г. советская и польская делегации Смешанной демаркационной комиссии констатировали окончание работ по демаркации государственной границы[17].

Завершающим этапом в деятельности Смешанной демаркационной комиссии стала организация приема-передачи демаркированной границы. Одновременно комиссии пришлось решать ряд сопутствующих вопросов, в частности переселения белорусских граждан в БССР и соответственно польских – в Польшу. Обсуждению данных проблем была посвящена московская сессия в работе комиссии, которая длилась до середины лета 1948 г.

8 июля 1948 г. Смешанная демаркационная комиссия подписала Заключительный протокол к Протокольной описи прохождения линии государственной границы, а также Договор о правовых отношениях на советско-польской государственной границе и Конвенцию о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов между правительствами Польши и СССР. После этого Смешанная комиссия СССР и Польши по демаркации границы между СССР и РП прекратила свое существование.

Анализ демаркационных работ на белорусском участке советско-польской границы показывает, что, когда речь шла о внешних границах, руководство СССР придавало гораздо большее значение территориальному вопросу, нежели в тех случаях, когда решался вопрос о границах между советскими республиками. Учитывая межгосударственный характер советско-польской границы, демаркационные работы на белорусском ее участке, как и в целом по всей границе, проводились с особой тщательностью, с привлечением самых квалифицированных специалистов. По сравнению с демаркацией границ Беларуси в 1920-е гг., когда пересматривались границы БССР с другими советскими республиками, качественный уровень работ по демаркации советско-польской границы был значительно выше.

В процессе демаркации советско-польской границы польское правительство предприняло попытку существенной ревизии линии границы, установленной в договоре от 16 августа 1945 г. Однако советская делегация в Смешанной советско-польской комиссии, следуя указаниям высшего руководства страны, заняла жесткую пози-

цию в данном вопросе. Она строго придерживалась линии, определенной в договоре от 16 августа 1945 г. Тем не менее даже на этом, заключительном этапе становления советско-польской границы, руководство СССР в пропагандистских целях сделало незначительные территориальные уступки в пользу Польши.

Примечания

[1] Знешняя палітыка Беларусі. Зб. дак. і мат. (чэрвень 1941г. – жнівень 1945 г.). Т. 4. Мн., 2001. С. 323.

[2] 11.07.1946 г. генерал С. Моссор и генерал Пругар-Кетлинг были выведены из состава польской делегации, а их места заняли генерал Бордзиловский и полковник Науменко. См.: Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 153–154, 156.

[3] Вялікі А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.). С. 40–41.

[4] Вялікі А.Ф. Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955–1959 гг. Мінск: БДПУ, 2007. С. 41.

[5] АВП РФ. Ф. Польша референтура, оп. 88, пор. 29, д. 204, л. 34.

[6] Вялікі А. Беларусь – Польшча ў XX ст. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955–1959 гг. С. 41–42.

[7] АВП РФ. Ф. Польша референтура, оп. 88, пор. 29, д. 204, л. 34.

[8] Вялікі А. Беларусь – Польшча ў XX ст. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955–1959 гг. С. 42–43.

[9] АВП РФ. Ф. Польша реферантура, оп. 88, пор. 29, д. 204, л. 34.

[10] АВП РФ. Ф. Польша реферантура, оп. 28, папка 244, д. 17, л. 4–6.

[11] АВП РФ. Ф. Реферантура по Польше, оп. 28а, папка 18, д. 206а, л. 36.

[12] Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 153–155.

[13] АВП РФ. Ф. Польша реферантура, оп. 88, пор. 29, д. 204, л. 8.

[14] Вялікі А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.). С. 41.

[15] В связи с окончанием демаркационных работ Совет Министров БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мероприятиях по отселению населения из 800-метровой запрещенной пограничной полосы в границах Белорусской ССР». Документ предписывал исполкомам областных Советов и обкомам КП(б)Б Гродненской и Брестской областей провести с 1 января по 1 июля 1947 г. отселение населения из 800-метровой пограничной полосы: 631 хозяйство из Гродненской области и 1823 хозяйство – из Брестской. См. НА РБ. Ф. 4-п., оп. 100, д. 2, л. 164–169.

[16] Советская делегация в составе Смешанной демаркационной комиссии жаловалась, что в процессе оформления документов комиссия столкнулась с непредвиденными сложностями: польская сторона, которая взяла на себя обязательства по размножению документов, не выполняла свои обязательства и потребовала за подготовку документов «огромное количество денег – 8 млн. злотых». См. АВП РФ. Ф. Реферантура по Польше (0122), оп. 29, папка 211, д. 29, л. 1.

[17] Козловський І. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. С. 157–180.

6.2. Корректировка государственных границ Белорусской ССР в 1950 – первой половине 1980-х гг.

В основном своем виде территория БССР сформировалась в 1920–1940-е гг. Это был сложный и противоречивый процесс. Однако окончательная точка в истории становления границ Белорусской ССР, а позже суверенной Республики Беларусь была поставлена в конце 1940–1960-е годы, после пусть и незначительной корректировки границ Беларуси с Польшей и с РСФСР.

Как известно, советская делегация в Смешанной демаркационной комиссии отклонила большинство предложений поляков относительно пересмотра линии советско-польской границы в пользу Польши. То, что не получилось в ходе московских переговоров 1945 г. и в процессе демаркации границы 1946–1948 гг., польское правительство попыталось исправить в последующие годы. За короткое время, на протяжении 1949–1955 гг., вопрос о корректировке только белорусского участка (проблемы на украинском участке решались отдельно) советско-польской границы поднимался 4 раза.

Не прошло и полугода после сообщения ТАСС о завершении демаркации советско-польской границы (8.07.1948 г.), как в марте 1949 г. состоялось уточнение границы между БССР и Польшей. В результате нового размежевания из Сопоцкинского района в состав Польши были переданы 19 деревень и 4 хутора с населением 5367 человек[1].

В 1950 г. польское правительство вновь обратилось к руководству СССР с просьбой об уточнении границы, в ходе которого изменялась государственная принадлежность отдельных деревень и хуторов.

Так, 13 мая 1950 г. Совет Министров Белорусской ССР своим постановление за номером 585 обратился к Президиуму Верховного Совета БССР с ходатайством об утверждении административно-территориальных изменений в составе Брестской и Гродненской областей. В частности, из Гродненской области в связи с демаркацией границы между СССР и Польской республикой предлагалось исключить 7 деревень и 4 хутора, входившие в состав Сопоцкинского района, 7 деревень Гродненского района и 12 деревень Берестовицкого района. Таким образом, в состав Польши передавалось 26 деревень и 4 хутора. В свою очередь, от Польши в состав Брестской области отходили 13 деревень и 4 хутора[2].

8 июля 1950 г. Президиум Верховного Совета БССР на основе вышеупомянутого постановления Совета Министров БССР принял указ «Об административно-территориальных изменениях Белорусской ССР»[3]. Однако и это была не последняя корректировка белорусско-польской границы. Еще через несколько лет состоялось очередное, на этот раз уже последнее, изменение белорусско-польского участка границы СССР. Произошло это уже после смерти И. Сталина, с согласия нового руководства СССР.

Процесс обновления, проходивший в стране во второй половине 1950–1960-е гг., оказал влияние практически на все стороны общественно-политической жизни. Однако в сфере территориального строительства советских республик позитивных изменений не произошло. Наоборот, руководство страны во главе с Н. Хрущевым проявляло еще больший волюнтаризм при разрешении территориальных вопросов, чем это было в предшествующие годы. Низкая политическая ответственность властей СССР становится особенно очевидной при анализе того, как осуществлялась передача Крыма Украинской ССР в 1954 г. Последствия этого непродуманного акта до сих пор служат источником напряженности в крымском регионе, осложняют и без того непростые российско-украинские отношения.

В 1920–1940-е гг. даже незначительному изменению границ между советскими республиками, не говоря уже о внешних границах Советского Союза, предшествовало серьезное изучение вопроса – рассматривались различные его аспекты, принималось во внимание (в большей или меньшей степени) мнение всех заинтересованных сторон, отношение населения, запрашивались научные данные. С приходом к власти Н. Хрущева процедура изменения границ, и до того не отличавшаяся особо сложностью, была максимально упрощена.

Опубликованные в постсоветское время материалы из архивов компартии показывают, что в 1954 г. всестороннее изучение такого принципиального предложения, как передача Крымской области в состав УССР, не проводилось. Для принятия окончательного решения понадобилось всего лишь одно заседание Президиума ЦК КПСС, состоявшееся 25 января 1954 г. Позиция конкретных участников заседания и мотивы, которыми они руководствовались, соглашаясь с передачей Крыма в состав УССР, в протокольной записи не отражены. Зафиксирована лишь резюмирующая часть заседания: утвердить с поправками проект указа Президиума Верховного Совета СССР и признать целесообразным необходимость специального заседания Президиума Верховного Совета СССР для оформления вопроса в советском порядке[4]. Однако из других источников известно, что постановление готовилось и принималось под сильным давлением Н. Хрущева, желавшего столь масштабной акцией отметить 300-летие добровольного присоединения Украины к России[5].

Решение руководства КПСС было оформлено в советском порядке не просто в короткие, а в кратчайшие сроки. Уже 5 февраля 1954 г. президиум Верховного Совета РСФСР на своем заседании принял постановление «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР», в котором говорилось: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, президиум Верховного Совета РСФСР постановляет: Передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР». А всего лишь через две недели, 19 февраля 1954 г.,

президиум Верховного Совета СССР утвердил указ о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, текст которого практически дословно повторял постановление президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г.[6]

Передача Крыма в состав УССР происходила в спешке, с нарушением существовавшего на то время законодательства, что сегодня дает юристам основание говорить о незаконности проведенной процедуры и сомнительности нынешнего политического статуса Крыма[7]. Весь корпус документов, касающихся передачи Крыма Украинской ССР, занимает всего лишь около двадцати машинописных страниц, а в законодательном оформлении акта передачи присутствует большое количество конституционных пробелов. Например, лишь после распада Советского Союза юристы обратили внимание на то обстоятельство, что еще в 1947 г. указом президиума Верховного Совета РСФСР Севастополь был выведен из состава Крымской области РСФСР и стал городом республиканского подчинения. В постановлениях президиумов Верховных Советов РСФСР и СССР 1954 г. о Севастополе и изменении его статуса ничего не говорилось. А это значит, что с формальной точки зрения город все эти годы находился и, по сути, в настоящее время должен находиться в составе РСФСР. Понятно, что исправить сегодня ошибки и просчеты, являющиеся результатом правового нигилизма лидеров Советского Союза, крайне сложно.

Недальновидность политики, проводимой руководством СССР в области государственно-территориального строительства советских республик, объясняется не только и не столько небрежностью или безответственностью высших политических деятелей Советского Союза. У этого явления более глубокие корни. Причины противоречивых решений, принимаемых высшим руководством страны в области территориального строительства, следует искать в эволюции взглядов лидеров СССР на национальную проблему в целом. Известно, что Н. Хрущев и его ближайшее окружение считали установление коммунистического строя делом ближайшего будущего. Одним из ключевых этапов в создании этого идеального общества должно было стать исчезновение границ в пределах СССР, стирание различий между нациями и народностями.

30 июля 1961 в «Правде» был опубликован проект новой программы КПСС, в котором провозглашалось, что «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». В принятой на октябрьском 1961 г. XXII съезде КПСС программе партии устанавливалась еще более конкретная дата наступления времени всеобщего благоденствия – компартия обещала, что к 1980 г. советский народ будет жить при коммунизме. В соответствии с программой КПСС развернутое в стране коммунистическое строительство означало наступление «нового этапа в развитии национальных отношений в СССР, характеризующегося дальнейшим сближением на-

ций и достижением их полного единства». Что касается границ внутри Советского Союза, то участники XXII съезда КПСС с воодушевлением констатировали, что «границы между советскими республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение»[8].

Третья программа КПСС 1961 г. ставила целью деятельности компартии и правительства СССР ликвидацию последних проявлений федеративных отношений между союзными республиками. Авторитетное издание Академии наук СССР – журнал «Советское государство и право» – следующим образом объясняло своим читателям задачи, заложенные в новой программе КПСС: «в настоящее время вопрос о национальных взаимоотношениях в СССР имеет лишь прямо коммунистическую постановку – достижение всестороннего единства советских наций с конечной перспективой их полного слияния.... Если раньше степень федерирования, характер национальной государственности, юридическое содержание национально-государственных границ имели значение гаранта национальной свободы, то теперь они по существу не имеют больше такого

Вид арок и пограничного моста с Польской Народной Республикой на нулевом километре Московского шоссе на территории Брестской области. 13 декабря 1968 г.

смысла... национальная государственность и федерация в целом выполнили свою историческую миссию»[9].

БССР в 1950-е гг. и позднее посчастливилось остаться в стороне от территориальных экспериментов Н. Хрущева, а те изменения границы республики, которые все же произошли во второй половине 1950–1960-е гг., были незначительными. Весной 1955 г. имела место последняя корректировка белорусско-польского участка государственной границы СССР, проводившаяся в несколько этапов. Так, 8 марта 1955 г. в результате очередной демаркации границы между СССР и Польшей из Сопоцкинского района в состав Польши перешли 2 деревни и 4 хутора с населением 1835 человек. А еще спустя несколько месяцев теперь уже Гродненская область уступила Польше 26 деревень и 4 хутора[10].

В окончательном виде территория БССР сформировалась в 1964 г., когда была откорректирована граница республики с РСФСР. На этот раз инициатива корректировки границы исходила от российской стороны. В 1964 г. Президиум Верховного Совета РСФСР выступил с предложением о передаче 7 населенных пунктов (Браги, Каськово, Конюхово, Ослянка, Новая Шматовка, Старая Шматовка и Северное Белищино) общей площадью 2256 га из Монастырщинского сельского района Смоленской области РСФСР в Мстиславский район Могилевской области. Поводом для пересмотра белорусско-российской границы стала просьба населения перечисленных населенных пунктов, которые в своей хозяйственной и социально-экономической жизни были тесно связаны с БССР.

Изучение вопроса происходило весной – осенью 1964 г. По существовавшей традиции вопрос сначала рассматривался в партийном порядке и только потом, после принятия окончательного решения, проводился через советские органы. При обсуждении изменения белорусско-российской границы данная процедура была сохранена.

4 августа 1964 г. вопрос рассматривался на заседании Президиума ЦК КПБ, который положительно отнесся к предложению Президиума Верховного Совета РСФСР[11].

3 октября 1964 г. был принят указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче некоторых населенных пунктов Монастырщинского сельского района Смоленской области в состав Мстиславского сельского района Могилевской области БССР». Через пять дней, 8 октября 1964 г., соответствующий указ принял и Президиум Верховного Совета БССР[12]. Точку в юридическом оформлении новой границы между Беларусью и Россией поставил указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1964 г.[13]

В указах Президиумов Верховных Советов БССР и РСФСР содержалось описание участка измененной границы между Мстиславским районом Могилевской области БССР и Монастырщинским сельским районом Смоленской области РСФСР: «Линия измененной границы... берет свое начало существующей линии меж-

республиканской границы в 500 метрах южнее населенного пункта Каськово, откуда она идет на восток до реки Сож; затем по реке Сож линия границы идет до населенного пункта Бахаревка, откуда она поворачивает на северо-запад и идет до пересечения реки Ослянка с дорогой, ведущей в город Мстиславль.

Затем линия границы идет в северном направлении по суходолу, огибая с восточой и северной стороны на расстоянии около 1,5 км населенный пункт Браги, далее она идет в северном направлении севернее населенного пункта Старая Шматовка до населенного пункта Северное Белищино, огибая его с северной стороны, и затем выходит на линию существующей межреспубликанской границы между населенными пунктами Бизюки и Южное Белищино»[14].

Изменение границы между БССР и РСФСР в 1964 г. стало последней корректировкой белорусских границ. В таком виде линия границы Белорусской республики сохранилась до начала 1990-х гг., когда с провозглашением независимой и суверенной Республики Беларусь ее границы обрели новый статус.

Отстранение от руководства страной Н. Хрущева и приход к власти Л. Брежнева внесли очередные коррективы в политику, проводимую КПСС относительно территории советских республик. Само понятие «период застоя», утвердившееся за значительным отрезком советской истории, говорит о невозможности существенных изменений границ между советскими республиками во второй половине 1960–1970-е гг. Проблема границ не являлась актуальной, поскольку руководство СССР во главе с Л. Брежневым считало процесс территориального строительства в советских республиках завершенным. Видимо, этим, в первую очередь, объясняется тот факт, что и в 1970-е гг. в СССР не появилось никакого единого акта, который регулировал бы правовое положение межреспубликанских границ и процедуру их изменения. В Конституции Советского Союза 1977 г., как и в предшествовавших главных законах СССР, содержалась лишь статья о том, что утверждение изменений границ между союзными республиками находится в введении СССР в лице его высших органов власти и управления и что территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия (ст. 14 Конституции СССР 1936 г. и ст. 73 Конституции 1977 г.). Однако процедура получения такого согласия разработана не была.

Гораздо большее внимание руководство СССР в 1970 – первой половине 1980-х гг. уделяло внешним границам Советского Союза. В 1982 г. в СССР был принят закон о государственной границе СССР, статья 2 которого еще раз подтвердила, что государственная граница СССР определяется решениями Верховного Совета СССР, президиума Верховного Совета СССР, а также международными договорами СССР[15].

Одним из таких международных договоров, которые Советский Союз обязывался исполнять, являлся Хельсинский заключи-

тельный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот исключительный по своей важности документ СССР подписал в августе 1975 г. Значительное место в нем занимали вопросы, касавшиеся нерушимости границ и сохранения территориальной целостности государств Европы. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе длилось с перерывами более двух лет – с 3 июля 1973 г. по 1 августа 1975 г. В его работе принимали участие представители практически всех европейских стран, а результатом Совещания стало принятие принципов («десяти европейских заповедей»), на основе которых должны были строиться отношения между европейскими странами. Государства-участники обязались рассматривать как нерушимые все границы друг друга, как и границы всех государств в Европе и воздерживаться от любых посягательств на эти границы. Они также соглашались уважать территориальную целостность каждого государства и в связи с этим воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава ООН, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника[16]. В будущем данное Соглашение сыграло большую роль, став одним из главных международных законодательных актов, на основе которых происходило установление государственных границ всех постсоветских республик.

Завершая анализ территориального строительства БССР в 1950 – первой половине 1980-х гг., следует отметить, что, несмотря на значительный отрезок времени, изменения границ Белорусской ССР в течение рассматриваемых 35 лет были минимальными. В первой половине 1950-х гг. состоялась корректировка белорусско-польского участка государственной границы СССР, в результате которой БССР и Польская республика обменялись небольшими населенными пунктами (территориальные изменения были не в пользу БССР). А в 1964 г. власти РСФСР передали в состав Белорусской ССР несколько приграничных деревень. Незначительность проведенных изменений границы БССР объясняется прежде всего тем, что к началу 1950-х гг. процесс формирования территории республики был практически завершен. Во всяком случае, этой позиции придерживались белорусские власти, в этом было уверено и высшее руководство СССР. Кроме того, во второй половине 1950–1960-е гг. произошел пересмотр целей, задач и содержания советской национальной политики, когда границы между советскими республиками стали рассматриваться как условное, формальное образование, которое в ближайшее время должно было исчезнуть.

Игнорирование национального вопроса со стороны руководства СССР, правовой нигилизм, проявленный при решении территориальных проблем, стали одной из причин обострения общественно-политической ситуации в СССР в конце 1980 – начале 1990-х гг. Подробнее о событиях второй половины 1980–1990-х гг. речь пой-

дет в следующем параграфе и в главе 7 данной монографии. Пока же отметим, что доказательством остроты и актуальности национального и территориального вопросов в СССР может служить тот факт, что распад Советского Союза произошел именно по линии национальных границ и именно там на долгое время образовались очаги напряженности в отношениях между постсоветскими республиками.

Примечания

1. Бодак А.Ю. Об изменениях западной границы Беларуси в 1944–1955 гг. // Берасцейскі хранограф. Вып. 1. С. 68.
2. НА РБ. Ф. 968, оп. 1, д. 114, л. 4,5.
3. Беларусы. Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі: атлас / Беларус. фонд Сораса; рэдкал.: С.А. Польскі (старш.) і інш. Мінск, 1996. С. 3.
4. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История советского государства: учеб. для вузов. М.: Инфра-М, 2002. С. 547–548.
5. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. С. 234.
6. «Исключительно замечательный акт братской помощи»: документы и материалы о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР (январь – февраль 1954 г.) // Ист. арх. 1992. № 1. С. 39–54.
7. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. С. 230–234.
8. Программа КПСС. М.: Политиздат, 1961. С. 20.
9. Семенов П.Г. Программа КПСС о развитии советских национально-государственных отношений // Совет. государство и право. 1961. № 12. С. 15–25.
10. Вялікі А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.). С. 41–42.
11. НА РБ. Ф. 4-п, воп. 81, спр. 1900, а. 56.
12. НА РБ. Ф. 968, воп. 1, спр. 603, а. 210–217.
13. Беларусы. Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі. С. 3.
14. НА РБ. Ф. 968, воп. 1, спр. 603, а. 212.
15. Закон СССР от 22.11.1982 о Государственной границе СССР.
16. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 33.

6.3. Территориальный вопрос как фактор общественно-политической жизни в БССР во второй половине 1980-х гг.

В начале 1980-х гг. перед руководством СССР со всей остротой встала задача коренного реформирования политической, социально-экономической, культурной и других сфер жизни страны. Необходимость перемен обуславливалась как внутренними, так и внешними обстоятельствами. С одной стороны, стремительно увели-

чивалось отставание Советского Союза от экономически развитых стран Европы и США. С другой – все более очевидным становился кризис внутренний, который характеризовался низкой эффективностью административно-командной системы хозяйствования, снижением популярности коммунистической идеологии.

О необходимости перемен заявляли многие руководители СССР, однако по-настоящему масштабные изменения в стране начались с избранием весной 1985 г. на пост генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева. Новый экономический и политический курс, провозглашенный М. Горбачевым, получил название «перестройка». Выступления генерального секретаря, программные документы компартии, постановления партийных съездов свидетельствуют, что первоначально перестройка задумывалась как ряд мер, которые должны были ускорить социально-экономическое развитие страны, усовершенствовать построенный социализм. Достигнуть этого предполагалось путем перегруппировки и концентрации сил и средств на приоритетных направлениях, прежде всего за счет внедрения достижений научно-технического прогресса[1].

Однако первые годы перестройки не принесли желаемых результатов. Хотя в некоторых из советских республик и наблюдалось увеличение объемов производства промышленной продукции (в БССР, например, в 1988 г. увеличение объемов производства в сравнении с 1985 г. составило 122%[2]), рост показателей, как и раньше, происходил за счет машиностроения, металлургического комплекса, а в целом – экстенсивных методов развития производства. Также следует отметить, что значительная часть советской политической элиты отреагировала на провозглашенную политику перестройки настороженно, к проведению в жизнь новых принципов подходила формально.

Это вынудило инициаторов перестройки искать поддержки у широких слоев общества. Уже с лета 1986 г. руководство СССР начало смещать реформационные акценты с экономической сферы в сферу политическую. В своих выступлениях М. Горбачев, отмечая медленный темп изменений в обществе, настойчиво высказывал мысль о сознательном либо несознательном противодействии переменам. Постепенно менялось и содержание, вкладываемое в понятия «перестройка» и «гласность». Если первоначально под «перестройкой» понималось изменение стиля работы и управления экономикой, а «гласность» рассматривалась как приближенность власти к населению, умение услышать и реагировать на критику снизу, то позже понятие «перестройка» стало охватывать не только экономику, но и политику, и коммунистическую идеологию. «Гласность» же стала призывом к открытому обсуждению прошлого, настоящего и будущего страны.

Начало новому этапу перестройки было положено на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. В своем докладе М. Горбачев не только признал, что перестройка пробуксовывает, но и предложил способы

преодоления такой ситуации – повышение роли Советов, профсоюзов, общественных организаций, реформирование избирательного процесса на всех уровнях. Впервые за многие десятилетия выборы в СССР предлагалось проводить на альтернативной основе. Именно в это время в СССР начинается быстрый рост общественно-политической активности населения. В стране появилось большое количество новых общественно-политических организаций, которые, действуя под лозунгами поддержки перестройки и борьбы с местными бюрократическими структурами, тормозившими процесс перемен, одновременно жестко критиковали существовавшую в СССР политическую систему.

Изменения в политической сфере в конце 1980-х гг. сопровождались ухудшением социально-экономической ситуации в стране. Проблемы в экономике были вызваны ошибками высшего руководства страны, объявившего перестройку, но не позаботившегося заранее о четком плане реформирования народного хозяйства. Скороспелость, непоследовательность, непродуманность и неподготовленность реформ вместе с неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой (падение мировых цен на нефть) привели к тому, что с 1989 г. Беларусь, как и в целом Советский Союз, оказались в ситуации острого экономического кризиса. Многотысячные митинги и демонстрации стали привычным явлением на улицах белорусских городов. Все чаще вместе с экономическими требованиями их участники выдвигали антисоветские и антикоммунистические лозунги. Со временем все недостатки в стране стали ассоциироваться с неудачным политическим курсом коммунистической партии. КПСС, выступившая инициатором перестройки, стремительно утрачивала свои позиции общественного лидера. Партия оказалась неспособной адаптироваться к новым обстоятельствам, эффективно реагировать на изменение внутри- и внешнеполитической ситуации. Формы ее работы морально устарели и не соответствовали вызовам новой действительности.

Во второй половине 1980-х гг. серьезной альтернативой коммунистической партии стали неформальные общественные организации. Возникавшие в поддержку перестройки, они через несколько лет перестройки превратились в опасного конкурента властным структурам. Становление и развитие неформальных объединений происходило в форме национальных фронтов, изначально ставивших своей целью достижение максимально возможной самостоятельности, вплоть до полной независимости и выхода из СССР. Особенно это было характерно для трех прибалтийских республик. В ноябре 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию о суверенитете и дополнения к Конституции, позволявшие в определенных случаях приостанавливать или ограничивать действие на территории республики общесоюзных законов. Немного позже, в мае и июле 1989 г., такие же документы приняли Литва и Латвия.

Весной 1990 г. сепаратистские настроения в прибалтийских республиках достигли своего пика. 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы, в котором после выборов доминировали сторонники выхода из СССР, принял акт «О восстановлении независимого Литовского государства». Отменялось действие Конституций ЛССР и СССР. Вместо них вводился Основной закон Литовской республики на основе Конституции 1938 г. Подобные же события произошли и в Эстонии, где 30 марта 1990 г. Верховный Совет принял закон «О государственном статусе Эстонии». В документе проводилась мысль о незаконности власти СССР с момента оккупации и провозглашалось восстановление Эстонской республики. Наконец, по примеру соседей 4 мая 1990 г. высший законодательный орган Латвии также принял декларацию «О восстановлении независимости Латвийской республики». Таким образом, весной 1990 г. три советские республики сделали серьезную заявку на выход из СССР, создав прецедент и тем самым поставив под сомнение дальнейшее существование Советского Союза.

Несмотря на схожесть процессов, происходивших в конце 1980-х гг. в советских республиках, в БССР они имели существенные отличия. С точки зрения союзного руководства, Белорусская ССР была одной из наиболее благополучных республик как в экономическом, так и в политическом отношениях. Компартия сохраняла здесь устойчивые позиции практически до самого последнего момента, когда ее деятельность была приостановлена в масштабах всего Советского Союза.

Из всех советских республик лидеры БССР наиболее последовательно и настойчиво выступали за сохранение СССР. Они достаточно жестко, насколько позволяли обстоятельства и политическая ситуация, критиковали центральное руководство, лично М. Горбачева за слишком мягкую позицию по отношению к сепаратистам, подталкивая последнего к более решительным и твердым действиям. Поэтому неудивительно, что когда возникла опасность выхода из СССР прибалтийских республик, именно белорусское руководство предприняло конкретные практические шаги, чтобы не допустить развала Союза. Поскольку других рычагов давления у властей БССР не было, в качестве фактора, сдерживающего литовских национальных деятелей, они решили использовать территориальный вопрос, а именно тот факт, что в состав Литовской ССР в 1939 и 1940 гг. были включены земли, которые ранее принадлежали Белорусской республике. В случае если Литва пожелала бы аннулировать свое членство в СССР, руководство БССР угрожало поставить вопрос о возврате этих территорий.

Впервые представители БССР подняли вопрос о возможных территориальных претензиях на внеочередном III съезде народных депутатов СССР. Съезд открылся 14 марта 1990 г. и имел без преувеличения судьбоносное значение для будущего советской страны.

Депутаты приняли Закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР», в значительной степени изменивший политическую систему в стране. В политической сфере положения Закона сводились к трем основным моментам: учреждался институт сильного президентства; устранялась норма ст. 6 Конституции о КПСС как ядре политической системы; вводилось положение о многопартийности. На этом же съезде депутаты избрали М. Горбачева первым президентом СССР.

Депутаты от Беларуси надеялись, что хотя бы в новом статусе президент М. Горбачев сможет стабилизировать политическую ситуацию и уберечь Советский Союз от распада, в частности, сможет покончить с сепаратизмом литовцев, разрешив обострившийся буквально накануне съезда литовский вопрос. Именно в этой тональности выдержано выступление представителя от БССР первого секретаря Гродненского обкома КПБ В. Семенова. Практически все выступление депутата от Гродненского территориального избирательного округа посвящено принятому Верховным Советом Литвы акту «О восстановлении независимого Литовского государства» (11 марта 1990 г.). В. Семенов выразил мнение, что «президент СССР сумеет оправдать наши надежды, найти верное решение литовского вопроса». Депутат от Беларуси также напомнил присутствующим на съезде, что в 1939 г. БССР передала Литве Вильно и Виленскую область, а в 1940 г. дополнительно еще территорию площадью 3 тыс. кв. км, на которой размещалось 830 населенных пунктов с населением 55 тыс. человек, причем последнее изменение границы в пользу Литвы самым непосредственным образом увязывалось с вхождением Литовской республики в состав СССР. В заключение своей речи В. Семенов предупредил литовское руководство, что «в условиях, когда литовская сторона в одностороннем порядке денонсирует договоры с 1939 г. по настоящее время, очевидно, что Белорусская ССР вынуждена будет пересмотреть принятые ею решения об административно-территориальном устройстве соответствующих областей Белоруссии.., и будет настаивать на возвращении БССР всех ранее переданных ею Литовской ССР частей своей территории»[3].

Новоизбранный председатель Верховного Совета Литовской Республики В. Ландсбергис на внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР не присутствовал. Однако речь стала известна литовскому руководству, вызвав у литовских политиков множество вопросов. 22 марта 1990 г. глава литовского высшего законодательного органа В. Ландсбергис обратился к председателю президиума Верховного совета БССР Н. Дементею с официальным запросом, в котором высказал озабоченность тоном и содержанием выступления первого секретаря Гродненского обкома КПБ В. Семенова. Литовскую сторону интересовало, был ли уполномочен В. Се-

менов выступать от имени правительства БССР либо выражал собственную точку зрения. По словам В. Ландсбергиса, мнение В. Семенова особо беспокоило литовское правительство еще и потому, что «в последнее время неизвестные руководству Литовской Республики лица расхаживают на границе Литвы и Белоруссии, оказывая психологическое воздействие на местных жителей, разъясняя при этом, что в будущем территория Литвы может быть передана Белорусской ССР».

Глава Верховного Совета Литовской республики особо подчеркнул в тексте обращения, что Литвой провозглашено соблюдение общепризнанных принципов международного права, в том числе и той главы Хельсинского Заключительного акта, где подтверждается неприкосновенность границ Европы. В заключение В. Ландсбергис выразил надежду, что Белорусская ССР как член ООН будет придерживаться норм международного права, а также попросил, чтобы Верховный Совет и правительство БССР подтвердили, что не имеют никаких территориальных претензий к Литве[4].

Ответное заявление президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1990 г. в адрес Верховного Совета Литовской республики показало, что выступление В. Семенова не было случайным. Наоборот, оно отражало позицию руководства республики, а возможно, даже было согласовано с М. Горбачевым. Характерно также, что некоторые отрывки из заявления Верховного Совета БССР буквально дословно совпадают с речью В. Семенова. Официальный ответ президиума Верховного Совета БССР по сути повторил аргументацию первого секретаря Гродненского обкома КПБ, сделав это лишь в более развернутой форме. Уже в самом начале авторы белорусского заявления открыто выразили главную мысль всего документа: «При выходе Литовской ССР из Союза ССР Белорусская ССР не будет считать себя связанной всеми Законами, Указами и иными актами относительно передачи Литве белорусских земель».

Аргументируя собственную точку зрения, белорусские власти еще раз обратили внимание на то обстоятельство, что «акты по территориальным вопросам между Белорусской ССР и Литовской ССР основывались на законе Верховного Совета СССР от 3 августа 1940 г. «О принятии Литовской ССР в Союз Советских Социалистических Республик», который ныне в одностороннем порядке объявлен литовской стороной недействительным». По мнению высшего законодательного органа БССР, намерение Литвы выйти из состава СССР прекращало действие пункта 2 указанного закона Верховного совета СССР относительно передачи Литовской ССР Свентянского района и части территории Видзовского, Годутишковского, Островецкого, Вороновского и Радунского районов БССР и давало правительству БССР право пересмотреть границу с Литвой. Причем, как следовало из текста заявления, претензии белорусской стороны распространялись и на город Вильно и Виленскую

область, переданные в 1939 г. литовскому правительству «без уведомления и согласия Белорусской ССР».

В конце заявления, чтобы у литовского правительства не осталось никаких сомнений в сути позиции БССР, еще раз была повторена главная мысль документа: «мы будем вынуждены настаивать на возвращении Белорусской Советской Социалистической Республике белорусских земель». Подписали заявление председатель президиума Верховного Совета БССР Н. Дементей и секретарь президиума Л. Сыроегина[5].

Сегодня крайне сложно дать объективную оценку демаршу белорусского руководства – не хватает информации, многие документы еще закрыты для исследователей. До конца не ясно, насколько действия белорусских властей были согласованы с центральными союзными органами в Москве, не известно, насколько солидарны были лидеры БССР с Н. Дементеем, подписавшим данный документ. Однако, если нельзя со всей определенностью говорить о глубинных причинах тех или иных действий белорусских властей, то вполне можно судить об их последствиях.

Заявление белорусского руководства не принесло результатов. Впрочем, какого-либо значительного эффекта вряд ли можно было ожидать. В 1990 г. даже у центральных союзных органов не было сколь-нибудь веских рычагов влияния на правительства национальных республик, не говоря уже о влиянии одной республики, такой как БССР, на другую, в данном случае Литовскую. Безусловно, в резерве у Москвы оставался силовой вариант, однако, учитывая внешнеполитическую ситуацию, новоизбранный президент СССР не решился бы реализовать этот вариант. Как и раньше, на протяжении последних пяти лет, в действиях и союзного, и белорусского республиканского руководства отсутствовал долгосрочный план. Предпринимаемые меры носили спонтанный, недостаточно продуманный характер. Думается, ни у Москвы, ни у Минска не было ясного представления о том, какие предпринять шаги в случае, если Литва проигнорирует угрозу со стороны БССР и выйдет из состава Советского Союза. Этот вариант не просчитывался. А потому акция белорусских властей была рассчитана лишь на психологический эффект и вызвала у литовского правительства лишь небольшое замешательство. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что лидеры Литвы предпочли провести переговоры не с официальными лицами БССР, а с оппозиционными политиками.

Получив официальный ответ высшего законодательного органа Беларуси, депутаты сейма Литвы связались с лидерами крупнейшей на то время в Беларуси оппозиционной организации – Белорусского Народного фронта. В ходе обмена мнениями, состоявшегося в Вильно, стороны пришли к заключению, что воспринимать заявление Н. Дементея серьезно не стоит. Представители БНФ выразили поддержку независимости Литвы в границах Литовской

ССР. Одновременно глава литовского парламента В. Ландсбергис дал гарантии защиты национальных прав белорусского национального населения Виленщины, пообещав оказать содействие в открытии белорусских школ, белорусского радио, телепередач на белорусском языке, а также предоставить белорусам, проживавшим в Литве, право свободного перемещения через белорусско-литовскую границу[6].

Постановка белорусско-литовского территориального вопроса со стороны правительства Белорусской ССР, которое, безусловно, предварительно заручилось в этом вопросе согласием руководства СССР, была непродуманным шагом и принесла больше вреда, нежели пользы. С самого начала можно было предугадать, что заявление белорусских властей не удержит Литву в составе СССР. В этом смысле оно было абсолютно неоправданным. Кроме того, действия руководителей БССР, выступивших инициатором постановки территориального вопроса, создали очень опасный прецедент: теперь власти в других республиках получили моральное право следовать данному примеру, вспоминая «старые обиды» и заявляя о необходимости исправления территориальных ошибок. Если раньше официальная Москва могла упрекать сепаратистов в дестабилизации обстановки (как это, например, было в ситуации, сложившейся вокруг Нагорного Карабаха), то теперь авторитет центра в этом вопросе резко снизился: высшие органы власти сами громогласно заявили, что существующие границы не есть нечто стабильное и неприкасаемое, и при определенных условиях они могут быть пересмотрены.

Именно в таком русле действовали и лидеры БНФ, занявшие в территориальном вопросе довольно противоречивую позицию. По отношению к Литве руководство БНФ заявило об отсутствии территориальных претензий, хотя позже лидер Белорусского Народного фронта З. Позняк заявил, что целью современной и долговременной международной политики Беларуси должен стать возврат Литвы в состав белорусского государства: «Из всех несправедливостей российской сталинской политики и всех потерь самой болезненной и самым большим вредом для Беларуси была передача в результате обмана Вильно и Виленщины Литве. Потеря Вильно невосполнимая. Потеря национальной столицы дезорганизует нацию, порождает негативные явления в культуре, нарушает культурные миграционные циклы, порождает провинциализацию общества, замедляет и тормозит культурно-национальное развитие. Какие ни были бы обстоятельства и сколько бы они ни длились, в мыслях каждого белоруса должно жить понимание величины потери и осознание необходимости возврата белорусской столицы. Если такое осознание будет достигнуто, оно станет элементом политики. Рано или поздно несправедливость сталинской оккупации будет исправлена»[7].

Так З. Позняк писал в 2004 г. А в 1990 г. лидер белорусской оппозиции занимал несколько отличную позицию. О претензиях на Виль-

но он предпочел временно умолчать, поскольку на тот момент БНФ рассматривал Литву и литовское правительство в качестве основного союзника в борьбе с коммунистическим строем. Впрочем, литовцам все же дали понять, что окончательно этот вопрос с повестки белорусско-литовских отношений не снимается, но на ближайшее будущее белорусские оппозиционные силы согласились о нем забыть.

Зато Белорусский Народный фронт максимально использовал пример официального руководства БССР, чтобы заявить о территориальных претензиях Беларуси на Смоленщину. Как следует из воспоминаний депутата Верховного Совета БССР начала 1990-х гг. О. Трусова, идея поставить вопрос о возврате некоторых территорий Смоленской области возникла у группы депутатов от оппозиции после посещения ими чернобыльской зоны. Лидеры Белорусского Народного фронта рассчитывали переселить людей из загрязненных районов Гомельщины на «чистые» земли Смоленщины. Представители оппозиции исходили из того, что после больших потерь среди населения в годы Великой Отечественной войны территория Смоленщины пустовала, а потому Россия, быть может, с легкостью согласится отдать их Беларуси: «для России 3–4 района не проблема, – воссоздал в недавно опубликованном интервью логику рассуждений белорусских парламентариев О. Трусов, – а для нас это важно. Учитывая, что это чистые районы и пустые»[8].

Для обсуждения этого проекта неофициальная парламентская делегация Белорусского Народного фронта посетила Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР. Этот факт отражен в воспоминаниях как О. Трусова, так и З. Позняка, хотя время визита они называют разное. З. Позняк говорит о том, что поездка в Москву состоялась уже в мае 1990 г., то есть в самом скором времени после того, как руководством БССР был поднят белорусско-литовский территориальный вопрос[9]. О. Трусов указывает, что переговоры в Москве состоялись осенью 1990 г. Однако в чем сходятся все рассказчики о данном событии – это в том, что депутаты от Смоленщины приняли белорусскую делегацию очень тепло. По словам О. Трусова, на встречу с белорусами пришли почти все депутаты от Смоленской области, около 20 человек. «Мы были в шоке, оказалось, что все они (депутаты Смоленщины. – *С.Х.*) хорошо знают белорусский язык и нашу историю, выписывали белорусские газеты... Они признались, что всегда завидовали белорусам. У них везде грунтовые дороги, а у нас уже тогда был асфальт. Ездили к нам за качественными продуктами. Беларусь у них ассоциировалась с лучшей жизнью... Особенно им понравилась идея референдума. Закон о референдуме только приняли в СССР, и это было популярно. В общем, депутаты от Смоленщины сказали, что большинство населения этих районов проголосует за вступление в состав БССР, и они в том числе»[10]. Правда, как признался З. Позняк, одним из условий соб-

ственного лояльного отношения к плану расширения Беларуси народные депутаты от Смоленщины поставили необходимость гарантий сохранения должностей для смоленских руководящих работников.

Впрочем, несмотря даже на столь благоприятное отношение местных властей к плану присоединения некоторых районов Смоленщины к Беларуси, в практической плоскости этот вопрос никогда не ставился. Возвратившись из Москвы, депутаты от БНФ провели ряд частных бесед с членами Совета Министров БССР, но этим все и ограничилось – лидеры оппозиции не нашли в правительстве сторонников расширения границ Беларуси за счет Смоленщины. А последовавший затем распад Советского Союза окончательно снял этот вопрос с повестки дня[11].

Территориальный вопрос, которым руководство СССР и БССР решило воспользоваться для сохранения Союза, оказался оружием обоюдоострым. По примеру правительства БССР, заявившего о возможности предъявления территориальных претензий к Литве, и белорусской оппозиции, попытавшейся поставить вопрос о присоединении части Смоленщины к Беларуси, некоторые политические организации Украины, а также представители украинской диаспоры в Брестской области также стали поднимать в средствах массовой информации вопрос о правомерности включения Брестчины в состав БССР в 1939 г. В 1990 г. один из лидеров украинского населения на Полесье писал: «Нам говорят: «Это было ваше добровольное вхождение в Советскую Белоруссию». Но факты, о которых не знает молодежь, говорят о другом. Вот только один из них: группа депутатов от Брестчины на Народном собрании Западной Белоруссии в Белостоке, исполняя поручение своих избирателей, хотела поставить вопрос про передачу наших украиноязычных уездов Полесского воеводства Украине, но им заявили: «Нельзя!» И они, зная о размахе репрессий в стране, замолчали. Кто же продолжал добиваться справедливости, поплатился отправкой в сибирские концлагеря»[12].

По подсчетам некоторых украинских деятелей, поднимавших в начале 1990-х гг. украинский вопрос в Беларуси, украинское население составляло значительную часть населения Брестской области. По их мнению, украинскими по составу населения являлись Малоритский, Брестский, Жабинковский, Кобринский, Березовский, Дрогичинский, Ивановский, Каменецкий, Пинский и Столинский районы полностью, а также частично Пружанский, Ивацевичский, Ляховичский, Ганцевичский и Лунинецкий районы. Общая численность украинского населения Брестской области оценивалась приблизительно в 1 миллион человек[13].

Безусловно, эти данные значительно завышали численность украинского населения. Официальные переписи населения, проводившиеся в БССР во второй половине XX в., фиксировали гораздо меньшее число украинцев в Белорусской республике. Вот данные

послевоенных переписей по Брестской области: 1959 г. – белорусы 86,1%, украинцы 2,2%; 1970 г. – белорусы 86,1%, украинцы 2,4%; 1979 г.: белорусы 84,7%, украинцы 3%; 1989 г.: белорусы 82,8%, украинцы 4,2%. Конечно, можно высказывать сомнения относительно точности советских переписей. Однако перепись 1989 г., проводившаяся в относительно благоприятных условиях гласности и перестройки, также не зафиксировала столь большого количества украинцев в Брестской области, как на это указывали некоторые украинские политические деятели. Никогда не фиксировали преобладание на Брестчине украинского населения над белорусским и переписи, проводившиеся в первой половине XX в. (1919, 1921, 1931), хотя в некоторые годы процент украинцев был здесь очень высоким[14]. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о Брестчине как ярко выраженной этноконтактной зоне, национальная принадлежность населения которой, как правило, не ярко выражена и носит спорный характер. Подобный феномен дает возможность исследователям, в зависимости от их субъективных интересов, относить достаточно обширные группы населения к тому или иному этносу.

Специфика политической ситуации начала 1990-х гг. состояла в том, что вопрос о национальном составе населения Брестской области вполне мог быть перенесен из сферы сугубо научной в сферу практической политики. Высказывания лидеров украинской диаспоры в Беларуси того времени свидетельствовали о том, что при определенных условиях они были готовы поставить вопрос о пересмотре южной границы БССР в пользу Украины. При этом украинские политики имели все основания рассчитывать на активную поддержку украинского населения Брестской области. Анализ настроений украинцев, проживавших в Брестской области, общей общественно-политической ситуации в регионе в конце 1980 – начале 1990-х гг. говорит о том, что украинское население очень критично и даже негативно относилось к национальной политике, проводившейся в те годы в Беларуси. Наибольшее неприятие вызывала государственная политика, направленная на максимальное расширение сферы применения белорусского языка. Именно эта проблема воспринималась белорусскими украинцами наиболее болезненно. 10 июля 1990 г. группа украинцев Брестчины выступила в прессе с протестом против белорусизации. 8 человек, члены бригады Березовского ХРСУ, в послании, переданном в местную газету, писали: «...этот факт, что коренное население нашего района не является белорусскоязычным и, подчеркнем, никогда им не было (также как и на остальной территории юго-западной части Брестской области), является ключевым в вопросе так называемого «возрождения» белорусского языка». В связи с вышеизложенным авторы письма предлагали руководству республики признать тот факт, что население юго-запада Брестской области не является белорусским, и внести соответствующие изменения в Закон о языках[15].

Такая позиция встретила поддержку со стороны украинцев, проживавших в Брестской области, о чем свидетельствуют публиковавшиеся в газете отзывы на поднятую проблему. Так, житель г. Белозерска М. Омелюсик в своем письме высказывал мысль, что все коренные жители района лишь условно могут называться белорусами, а потому переход на белорусский язык следует предпринимать только после проведения опроса общественного мнения[16]. Такого же мнения придерживалась и жительница Белозерска В. Гарбачева в корреспонденции, опубликованной в номере газеты от 2 августа 1990 г.[17]

Трудно предсказать, как дальше развивались бы события: смогло бы правительство СССР установить контроль над территориальной проблемой либо, наоборот, территориальный вопрос еще более обострился. Однако события 1991 г. и распад Советского Союза создали на постсоветском пространстве новую общественно-политическую реальность. Что же касается перестройки, то за шесть лет, пока она длилась, политические реформы в силу самых разных причин объективного и субъективного характера привели к совершенно иным результатам, чем это задумывали авторы перестройки, а именно к ослаблению роли центра и усилению центробежных тенденций. Одним из проявлений кризисных тенденций в советском обществе стало возникновение территориальных проблем. Важно отметить, что руководство СССР и БССР само в определенных случаях выступало инициатором постановки территориального вопроса, рассчитывая угрозой пересмотра границ удержать республики в Советском Союзе. Однако негативный эффект от этого шага был гораздо больший, нежели позитивный: по примеру компартии с инициативой пересмотра территориального состава своих республик стали выступать неподконтрольные КПСС национальные организации и движения. Стремительное увеличение числа межнациональных конфликтов, в том числе и на почве старых неразрешенных территориальных споров, стало одним из факторов распада Советского Союза.

Примечания

1 Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1987. Т. 2. С. 157.

2 Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. С. 424.

3 Выступление депутата Семенова В.М., первого секретаря Гродненского обкома Компартии Белоруссии (Гродненский территориальный избирательный округ, Гродненская область), на внеочередном, третьем Съезде народных депутатов СССР // Совет. Белоруссия. 1990. 21 марта.

4 НА РБ. Ф. 968, оп. 1, д. 2387, л. 39.

5 НА РБ. Ф. 968, оп. 1, д. 2387, л. 32–34.

6 Пазьняк З. Ідэалы БНР у рэчышчы геапалітыкі // Ідэалы БНР і Адраджэньне Беларусі. 85-я гадавіна незалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі: канф., г. Менск, 22 сак. 2003 г. / Беларус. Нар. Фронт «Адрад-

жэньне», Кансэрватыўн.-Хрысьціян. Партыя – БНФ. URL: www.bielarus.net/archives/2003/03/22/59.

7 Пазьняк З. Беларуска-Расейская вайна. Belarus in an eastern outpost. Варшава: Беларус. ведамасці; Нью-Ёрк; Вільня: Т-ва Беларус. культуры ў Летуве. 2005. С. 26.

8 Как белорусские депутаты ездили Смоленск забирать // Комсом. правда. 2006. 12 окт.

9 Пазьняк З. Ідэалы БНР у рэчышчы геапалітыкі // Ідэалы БНР і Адраджэньне Беларусі. URL: www.bielarus.net/archives/2003/03/22/59.

10 Как белорусские депутаты ездили Смоленск забирать // Комсом. правда. 2006. 12 окт.

11 Пазьняк З. Ідэалы БНР у рэчышчы геапалітыкі // Ідэалы БНР і Адраджэньне Беларусі. URL: www.bielarus.net/archives/2003/03/22/59.

12 Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. С. 384–385.

13 Козловський М. Ще раз спитаймо себе: хто ж ми такі насправді? // Голос Берестейщини. 1994.

14 Данные приведены по: Климчук Ф. Этническая структура населения Брестской области (к вопросу о «скрытых» этносах) // Гіст. брама. 1999. № 2/3. С. 4–7.

15 Не надо навязывать насильно / К. Сирисько и др. // Маяк коммунизма. 1990. 10 июля.

16 Омелюсик Н. Возрождение или дань моде? // Там же. 21 июля.

17 Горбачева В. Не повторять ошибок // Там же. 2 авг.

Глава 7

Установление государственной границы Республики Беларусь

7.1. Договорно-правовое обеспечение государственной границы Республики Беларусь

Распад Советского Союза стал важнейшим геополитическим событием конца XX в., коренным образом изменившим политическую карту мира, создавшим принципиально новый расклад сил на планете. На месте страны, которая занимала шестую часть суши и имела огромное влияние на международную жизнь, появились 15 новых государств.

Характерно, что ключевые события, связанные с распадом СССР, связаны непосредственно с Беларусью. Именно здесь руководители трех советских республик – Беларуси, Российской Федерации и Украины – 8 декабря 1991 г. подписали в Беловежской пуще Соглашение о денонсации союзного договора 1922 г. и создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Новое политическое образование провозглашалось открытым для всех постсоветских республик, а также других государств. Местом нахождения координационных органов СНГ был избран Минск. 10 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Беларусь ратифицировал подписанные в Беловежской пуще документы. Соответствующие постановления были также одобрены законодательными органами России и Украины.

Сегодня уже известно, что Беловежские соглашения были приняты скоропалительно, без необходимой экспертной проработки и ясного представления их участниками того, какие последствия будет иметь данный акт. Основным инициатором принятия документов, приведших к распаду Советского Союза, была делегация Российской Федерации и непосредственно ее руководитель Б. Ельцин, стремившийся таким образом отстранить от власти своего главного политического противника М. Горбачева. Как следует из воспоминаний главы белорусского правительства В. Кебича, из всех руководителей трех советских республик, собравшихся в Беловежской пуще, лишь Б. Ельцин четко понимал цель этой встречи, которая состояла в ликвидации Советского Союза. Его помощники привезли с собой заранее подготовленные черновики основных положений будущего соглашения. Остальные участники переговоров слабо представляли как тему переговоров, так и их последствия. Однако Б. Ельцин сумел убедить лидеров Беларуси и Украины в необходимости данного шага, и три советские республики, некогда стоявшие

у истоков образования Союза, теперь стали инициаторами его распада[1].

Впрочем, первоначально предполагалось, что политическое и экономическое размежевание между советскими республиками не будет столь радикальным – Советский Союз продолжит свое существование в форме СНГ, где государствам – членам Содружества будет гарантирована бóльшая, чем в рамках СССР, самостоятельность и независимость. Видимо, этим, в первую очередь, а также недостаточной проработанностью вопроса объясняется то обстоятельство, что столь важной проблеме, как статус границ между бывшими советскими республиками в Соглашениях о создании Содружества от 8 декабря 1991 г. уделено так мало внимания. В частности, в статье 5 Соглашения говорится лишь о признании и уважении взаимной территориальной целостности и неприкосновенности существующих границ в рамках Содружества. Этот же принцип был подтвержден и в Алма-атинской декларации от 21 декабря 1991 г., принятой в Казахстане во время встречи руководителей 11 бывших союзных республик – Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Украины. Итогом этого первого саммита руководителей новообразованных независимых государств стало подписание протокола об образовании СНГ.

Прежде чем рассмотреть процесс договорно-правового обеспечения границ Республики Беларусь, целесообразно вспомнить о практике регулирования территориальных и пограничных вопросов в СССР в последний период его существования. Находясь в составе Советского Союза, БССР, как и все другие советские республики, не имела никаких полномочий в сфере границ и распоряжения территорией. Существовал лишь один закон о границах – Закон СССР о государственной границе СССР от 24 ноября 1982 г. Статья 1 Закона определяла границу СССР как линию, определяющую пределы Советского Союза. Устанавливалось, что государственная граница СССР определяется решениями Верховного Совета СССР, Президиума Верховного Совета СССР и международными договорами СССР. Охрана государственной границы также находилась в исключительной компетенции органов СССР. Вопрос о территории и границах союзных республик в Законе отражен не был.

Законодательные документы, существовавшие в СССР, не могли помочь его бывшим республикам в решении пограничных проблем. Поэтому новообразованным постсоветским странам пришлось руководствоваться международным правом. На момент распада СССР в Европе действовал принцип нерушимости границ, выражавшийся в концепции uti possidentis. Концепция была заимствована из римского права, где она использовалась для обозначения распоряжения претора о принадлежности спорного недвижимого имущества прежнему владельцу до разрешения спора. В применении к

республикам, возникшим на постсоветском пространстве, эта концепция закрепляла за ними те территории, которыми они владели на момент провозглашения независимости.

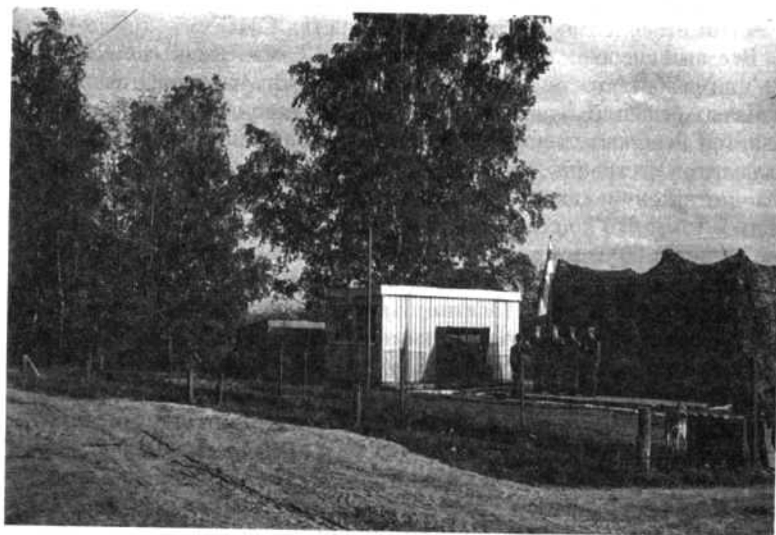
Данный принцип был лейтмотивом договоров, заключенных СССР, ПНР, ГДР, ЧССР с ФРГ в 1970–1973 гг. Так, в договоре между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. подчеркивалось, что «мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы». Стороны подтвердили, что они «не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем», а также обязались «неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах». Подобные же подходы содержались и в Венской конвенции от 23 августа 1978 г. о правопреемстве государств в отношении договоров[2]. Предполагалось, что 15 новых государств, возникших на постсоветском пространстве, будут придерживаться данных международных договоров, что станет гарантией от возникновения территориальных конфликтов.

О том, что постсоветские республики при решении пограничных вопросов действительно были намерены руководствоваться нормами международного права, свидетельствуют многие из принимавшихся на уровне Содружества законодательных актов. Так, в преамбуле Устава СНГ, принятого 21 января 1993 г., приверженность международному праву изложена в следующем виде: участники Устава действуют «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского Заключительного акта и другими документами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». В статье 3 этого же документа не только перечислены общепризнанные принципы международного права, такие как уважение суверенитета, нерушимость границ, территориальная целостность, но в качестве принципа зафиксировано также «верховенство международного права в межгосударственных отношениях». Таким образом, постсоветские республики, подписывая один из важнейших документов, регламентирующих деятельность Содружества Независимых Государств, продемонстрировали свое стремление войти в мировое сообщество в качестве сторонников господства права в международных отношениях и руководствоваться данным правом при решении территориальных вопросов на постсоветском пространстве.

Для понимания процессов, касающихся установления границ между постсоветскими республиками, важно помнить, что, подписывая документы о прекращении существования СССР и создании СНГ, главы стран – членов Содружества первоначально не рассматривали границы внутри СНГ в качестве полноценных государственных границ. Участники СНГ считали границей в полном смысле это-

го слова только ту границу, которая проходила по периметру Содружества Независимых Государств, то есть прежнюю государственную границу СССР. На психологическом уровне бывшие советские межреспубликанские границы не воспринимались как государственные ни руководством новообразованных государств, ни их населением. Скорее всего, именно этим обстоятельством объясняется, почему в документах декабря 1991 г., закладывавших основы СНГ, вопросу о границах уделено столь скромное внимание. Авторы Беловежского соглашения и Алма-атинской декларации сохранили за границами стран – членов Содружества административный характер. Государственный статус был признан лишь за бывшими государственными границами СССР. Подобный подход нашел отражение во многих юридических документах, регламентирующих существование Содружества Независимых государств. Так в статье 5 Соглашения о создании СНГ зафиксировано обязательство стран-участниц гарантировать открытость границ и свободу передвижения граждан. Данный принцип был сохранен и в более поздних документах: подписанном 13 марта 1992 г. Соглашении о принципах безвизовой политики, в соответствии с которым стороны брали на себя обязательство создать общую таможенную территорию, и Соглашении о безвизовом передвижении граждан от 9 октября 1992 г.

Принятые в начале 1990-х гг. законодательные документы, касавшиеся различных сфер функционирования СНГ, не смогли предупредить возникновения пограничных конфликтов между страна-



Пограничный пост «Росица» Верхнедвинского района на границе с Латвией. 23 мая 1994 г.

ми – членами Содружества. Дальнейшее развитие событий показало, что территориальные проблемы имеют более глубокие корни и таят в себе гораздо большие опасности, чем это представлялось политическим лидерам СНГ. По некоторым подсчетам, постсоветским государствам достались в наследство более трех десятков неурегулированных территориальных споров, затрагивавших почти треть всей территории бывшего СССР, на которой проживало около 30 миллионов человек[3].

Острота возникших на постсоветском пространстве территориальных конфликтов заставляла страны – члены Содружества Независимых Государств неоднократно возвращаться к этой проблеме. Так, ст. 3 Устава СНГ от 22 января 1993 г. в качестве взаимосвязанного и равноценного принципа отношений внутри Содружества закрепила нерушимость государственных границ, признание существующих рубежей и отказ от противоправных территориальных приобретений. Стороны обязались соблюдать территориальную целостность стран – членов СНГ и не предпринимать каких-либо действий, направленных на расчленение чужой территории.

Наконец, 15 апреля 1994 г. руководители стран – членов Содружества подписали Декларацию о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств – участников СНГ. Подписывая данный документ, стороны подтверждали, что государства будут удерживаться от военной, политической, экономической или любой другой формы давления, включая блокаду, а также поддержки и использования сепаратизма против территориальной целостности, неприкосновенности и политической независимости любого государства СНГ.

Все вышеперечисленные документы, к сожалению, «не работают» или «работают» не в полную силу. Несмотря на основательность принятых решений, одной из самых серьезных проблем внутри СНГ является необязательность ее членов в соблюдении подписанных документов – страны – члены Содружества игнорируют обязательства, которые они сами же добровольно взяли на себя. Все это приводит к тому, что до сегодняшнего дня на постсоветском пространстве остается большое количество неразрешенных территориальных вопросов. Острые конфликтные ситуации до сих пор существуют вокруг Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Гагаузии, Нагорного Карабаха и ряда других административно-территориальных образований.

Республика Беларусь смогла избежать серьезных территориальных конфликтов в отношениях со своими соседями. Однако это не значит, что в ее внешней политике вообще не возникали территориальные проблемы. С одной из них республика столкнулась еще в период существования СССР. Вопрос о границе стал одной из главных тем во время белорусско-литовских переговоров в октябре 1991 г. Дело в том, что граница между республиками проходила столь

причудливым образом и по такой замысловатой конфигурации, что часть территории Литвы протяженностью полтора километра вклинивалась в территорию Беларуси. Однако именно через этот литовский анклав проходило железнодорожное сообщение, важное для Беларуси. Ссылаясь на соображения государственной безопасности, правительство Литвы объявило о намерении закрыть движение поездов через этот участок своей территории. В результате сложных и продолжительных переговоров главы белорусского правительства В. Кебича с премьер-министром Литвы К. Прунскене было принято компромиссное решение: Беларусь брала этот кусочек литовской территории в аренду[4].

Конфликтная ситуация, возникшая в белорусско-литовских отношениях, другие территориальные вопросы, о которых мы говорили в предыдущей главе, заставили руководство Беларуси серьезно задуматься о самостоятельной пограничной политике. Сообразуя свои действия с общественно-политическими тенденциями, наблюдавшимися в Советском Союзе в начале 1990-х гг., Верховный Совет Республики Беларусь 20 сентября 1991 г. принял постановление «О подчинении пограничных войск Комитета государственной безопасности Союза ССР, дислоцирующихся на территории Республики Беларусь». В соответствии с этим документом пограничные войска, осуществлявшие охрану границ Беларуси, переходили в подчинение правительства Беларуси.

С распадом СССР в декабре 1991 г. руководство Республики Беларусь предприняло дальнейшие целенаправленные шаги, направленные на договорно-правовое обеспечение границ Беларуси. В соответствии с декларацией о государственном суверенитете от 15 января 1992 г. Верховный Совет РБ принял в 1992 г. постановление «О создании Главного управления пограничных войск при Совете Министров Республики Беларусь». На момент образования данного управления в Беларуси имелось 2 пограничных отряда в Бресте и Гродно, 29 пограничных застав, 16 пунктов пропуска через границу. Для охраны Государственной границы с Литовской и Латвийской республиками постановлением Совета Министров РБ от 15 сентября 1992 г. были созданы Полоцкий и Сморгонский отряды[5].

Важным событием в процессе договорно-правового оформления границ стало принятие Верховным Советом РБ 4 ноября 1992 г. закона «О Государственной границе Республики Беларусь». Это документ, являясь актом общего характера, юридически закрепил статус границы Беларуси с соседними государствами и зафиксировал процедуры установления, защиты и охраны, а также содержания Государственной границы РБ. В частности, документ устанавливал основополагающие принципы, которыми государственные органы должны руководствоваться при установлении и изменении прохождения государственной границы:

– обеспечение безопасности РБ и международной безопасности;

– взаимовыгодное всестороннее сотрудничество с иностранными государствами;

– взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ;

– мирное разрешение пограничных вопросов.

В соответствии с законом, прохождение государственной границы РБ устанавливается и изменяется международными договорами и законами Республики Беларусь[6].

Положения, заложенные в Законе «О Государственной границе Республики Беларусь», получили дальнейшее развитие и детализацию в постановлении Совета Министров РБ от 9 июля 1993 г. «О мерах по обеспечению выполнения Закона Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь». Этим постановлением правительство Беларуси утвердило Положение о порядке пограничного режима в пограничной полосе и пограничной зоне на территории Республики Беларусь, а также предписывало Брестскому, Гродненскому и Витебскому облисполкомам по согласованию с Главным управлением пограничных войск провести работу по определению населенных пунктов, на территории которых устанавливается пограничная зона[7]. Еще одно постановление Совета Министров РБ от 5 ноября 1993 г. детально прописывало порядок обозначения государственной границы РБ[8]. Данные постановления правительства были тем более актуальными, что еще 11 июня 1993 г. постановлением Верховного Совета РБ административной границе с Российской Федерацией, Украиной, Литовской и Латвийской Республиками был придан статус Государственной границы Республики Беларусь[9]. Наконец, 19 августа 1993 г. Совет Министров РБ принял постановление «О создании частей пограничных войск Республики Беларусь».

На протяжении второй половины 1990-х гг. и до настоящего времени ведется работа по совершенствованию законодательства, регламентирующего вопросы установления, охраны, защиты и режима Государственной границы Республики Беларусь. Так в декабре 1998 г. Национальное Собрание Республики Беларусь одобрило изменения, дополнения и новую редакцию Закона «О Государственной границе Республики Беларусь», а также новую редакцию Закона «О пограничных войсках Республики Беларусь».

Для реализации Договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместных усилиях по охране Государственной границы РБ от 21 февраля 1995 г. в 1997 г. был создан Пограничный комитет Союзного государства, который координирует правовую деятельность между Беларусью и Россией по пограничным вопросам. Указом Президента РБ от 31 июля 1997 г. «О мерах по усилению охраны Государственной границы Республики Беларусь» образованы Лидский, Гомельский и Пинский пограничные отряды, приступившие к охране государственной границы 1 ноября 1997 г.[10]

Проанализированные постановления белорусского правительства и высшего законодательного органа РБ имели большое значение, поскольку закрывали существовавший в законодательстве пробел, создавая правовую базу для охраны и защиты, делимитации и демаркации белорусской границы (этот процесс будет рассмотрен в следующем параграфе). Пока же важно отметить, что Республика Беларусь, как молодое белорусское государство, сумело в максимально короткие сроки, всего за несколько лет, создать законодательную базу для договорно-правового обеспечения своей Государственной границы и начать процесс ее установления и обустройства. Данная работа началась еще во время нахождения Беларуси в составе СССР, а после распада Советского Союза была значительно интенсифицирована. Правительство Республики Беларусь декларировало приверженность белорусского государства общепризнанным принципам и нормам международного права при решении пограничных проблем. Благодаря взвешенной и ответственной позиции белорусского правительства, белорусской политической элиты и в целом особенностям менталитета белорусского народа Республика Беларусь избежала конфликтов с соседними государствами на почве неразрешенных территориальных вопросов. Сегодня Беларусь – одна из немногих постсоветских стран, к которой другие государства не предъявляют территориальных претензий и которая сама такие претензии не выдвигает.

Примечания

1 Кебич В. Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск: Парадокс, 2008. С. 194–202.

2 Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. С. 199, 237.

3 Границы Российской Федерации / М.А. Мунтян и др. С. 3.

4 Кебич В. Искушение властью. С. 309–311.

5 Государственный пограничный комитет Республики Беларусь: сайт. Минск. URL: www.gkpv.gov.by

6 О Государственной границе Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1992 г., № 1908-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1992. № 31. Ст. 509.

7 Государственный пограничный комитет Республики Беларусь: сайт. Минск. URL: www.gkpv.gov.by

8 О порядке обозначения Государственной границы Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 нояб. 1993 г. № 759 // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1993. № 31. Ст. 610.

9 О придании границе Республики Беларусь с Российской Федерацией, Украиной, Литовской Республикой и Латвийской Республикой статуса Государственной границы: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 11 июня 1993 г., № 2379 // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1993. № 12. Ст. 264.

10 Государственный пограничный комитет Республики Беларусь: сайт. Минск. URL: www.gkpv.gov.by

7.2. Делимитация и демаркация Государственной границы Республики Беларусь на современном этапе

Границу Республики Беларусь по правовому статусу, который она имела до распада СССР, условно можно разделить на две части. Первая из них – это та часть, которая являлась Государственной границей СССР и была надлежащим образом оформлена в международно-правовом отношении. Она отделяла Республику Беларусь от Республики Польша. Прохождение этой границы устанавливалось договором между СССР и ПНР о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г.[1] Вторая часть границы Беларуси – это граница бывшей Белорусской ССР с бывшими союзными республиками, а ныне суверенными государствами: Латвией, Литвой, Украиной и Россией. После распада Советского Союза перед Республикой Беларусь встала задача превращения всех своих границ из административных в межгосударственные, что требовало не только серьезной работы самых разных органов и ветвей власти, но и значительных финансовых средств.

С распадом СССР способы образования правовых режимов и правовой статус границы Республики Беларусь с сопредельными государствами претерпели существенные изменения. Исходя из этих критериев границу РБ можно разделить на несколько частей:

– граница с независимыми государствами, взявшими курс на максимально полную интеграцию с Евросоюзом, – граница с Польшей, Литвой, Латвией;

– граница со странами – членами СНГ – граница с Украиной;

– граница с Российской Федерацией – со страной, которая совместно с Республикой Беларусь строит Союзное государство.

Решение задач установления полноценной государственной границы Республики Беларусь с сопредельными республиками в значительной степени зависело от политико-экономического курса развития этих стран, уровня государственного сотрудничества между ними и Беларусью.

Международное установление границ предполагает проведение определенной правовой процедуры, выработанной в ходе истории межгосударственных отношений. Данная процедура складывается из двух взаимодополняющих процессов: делимитации и демаркации. Делимитация государственной границы означает описание в договоре либо максимально точное непосредственное обозначение линии прохождения границы на специальных картах, составляющих неотъемлемую часть межгосударственного договора. Демаркация границы – это процесс проведения и обозначения линии границы на местности, сопровождаемый соответствующим описанием в протоколах о демаркации границы[2].

Первые законодательные акты, связанные с делимитацией и демаркацией государственной границы Республики Беларусь, белорусское правительство приняло еще в ноябре 1991 г. до распада СССР. 25 ноября 1991 г. Совет Министров РБ издал распоряжение, которое утверждало состав рабочих групп из числа представителей министерств и ведомств для участия в работе смешанной белорусско-литовской комиссии по делимитации границы. Первые же белорусско-литовские переговоры показали, что в Беларуси отсутствует законодательная база, которой белорусские делегации в составе смешанных двусторонних комиссий могли бы руководствоваться в своей работе.

Работа в этом направлении была интенсифицирована, и 28 апреля 1992 г. Совет Министров Республики Беларусь принял постановление, в котором впервые были сформулированы полномочия межведомственных комиссий и республиканских органов государственного управления. Комитету геодезии при Совете Министров РБ и топогеодезической службе Белорусского военного округа поручались топографические и картографические работы. На Комитет по земельной реформе и землеустройству при Совете Министров РБ и Министерство лесного хозяйства возлагалась обязанность нанести на топографические карты фактические линии землепользования и лесопользования. О том, что правительство Беларуси считало демаркацию и делимитацию государственной границы РБ чрезвычайно важным делом, свидетельствует уровень лиц, которым предстояло руководить работой белорусских частей комиссий. Со стороны Президиума Совета Министров РБ руководство возлагалось на одного из заместителей Председателя Совета Министров, а непосредственное руководство – на одного из заместителей министра иностранных дел[3]. При определении прохождения государственной границы белорусской делегации в составе смешанных межгосударственных комиссий предписывалось руководствоваться линией административной границы с учетом границ фактического землепользования[4].

На протяжении всего периода демаркации и делимитации Государственной границы Республики Беларусь состав белорусских частей комиссий неоднократно менялся, так же как пересматривался уровень ответственности тех или иных государственных органов. В настоящее время полномочиями в сфере установления государственной границы наделены несколько республиканских органов государственного управления и межведомственные комиссии (Комиссия Республики Беларусь по делимитации и демаркации государственной границы и белорусская часть комиссий по демаркации государственной границы Республики Беларусь с сопредельными государствами). Полномочия республиканских органов распределены следующим образом: Министерство иностранных дел РБ организует и проводит переговоры по установлению государственной границы[5];

Госкомпогранвойск участвует в делимитации и демаркации государственной границы[6]; Госкомимущества отвечает за решение вопросов геодезического, картографического и гидрографического обеспечения делимитации и демаркации государственной границы Республики Беларусь[7].

Что касается полномочий межведомственных комиссий, то наиболее важная из них – это Комиссия Республики Беларусь по делимитации и демаркации государственной границы. Комиссия была создана распоряжением Президента Республики Беларусь от 1 августа 1996 г., и в ее компетенцию входит ведение переговоров о делимитации и демаркации государственной границы с соответствующими органами соседних государств. В состав комиссии входят 10 представителей республиканских органов государственного управления и 4 представителя приграничных облисполкомов. При определении на местности линии прохождения государственной границы Комиссия РБ по делимитации и демаркации обязана руководствоваться административной границей БССР с учетом линии фактического землепользования. В случае возникновения спорных вопросов ее члены имеют право принимать решения по согласованию с соответствующими заинтересованными органами. На комиссию также возложена задача координации и контроля за деятельностью белорусских частей двусторонних комиссий по демаркации. С 2000 г., в соответствии с постановлением Совета Министров от 17 мая 2000 года, белорусские части демаркационных комиссий возглавил представитель Госкомпогранвойск. В своей деятельности белорусские делегации в составе межгосударственных демаркационных комиссий руководствуются «Положением о белорусской части комиссии по демаркации Государственной границы Республики Беларусь с сопредельным государством», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 октября 2004 г.[8]

Как мы отмечали выше, единственным соседним государством, с которым Республика Беларусь имела границу, установленную в соответствии со всеми нормами международного права, была Польша, в связи с чем лишь на белорусско-польском участке государственной границы РБ не требовалось проведения полноценной процедуры демаркации и делимитации. На границе Беларуси с другими постсоветскими республиками необходимость в осуществлении такой процедуры рано или поздно должна была возникнуть.

Первым на повестку дня стал вопрос о проведении демаркации и делимитации белорусско-литовского и белорусско-латвийского участков государственной границы РБ. Первоочередность установления полноценной границы именно с этими государствами объяснялась тем, что прибалтийские республики первыми заявили о своей независимости и выходе из состава СССР. К решению проблем демаркации и делимитации границы с Литвой Республика Бела-

русь приступила уже в 1991 г. Еще 25 ноября 1991 г., то есть за две недели до прекращения существования СССР, Совет Министров РБ издал распоряжение, которое утверждало состав рабочих групп из числа представителей министерств и ведомств для участия в работе смешанной белорусско-литовской комиссии по делимитации границы. Данный документ также предписывал Гродненскому и Витебскому облисполкомам, министерствам и ведомствам обеспечить своевременную подготовку и представление рабочим группам материалов и технических средств, необходимых для осуществления их деятельности. Первые же официальные белорусско-литовские переговоры прошли 3 января 1992 г. Белорусской делегацией на них руководил народный депутат Республики Беларусь, заместитель председателя Гродненского областного Совета народных депутатов И. Мошко.

Первоначально и белорусское, и литовское руководство рассчитывало, что делимитационные и демаркационные работы будут завершены в кратчайшие сроки, однако с течением времени стало понятно, что делимитация и демаркация – это крайне кропотливые и ответственные этапы установления государственной границы РБ, каждый из которых потребует нескольких лет совместных усилий белорусской и литовской сторон. Так, делимитация государственной границы Беларуси с Литовской Республикой была завершена только 6 февраля 1995 г., подтверждением чему стало подписание белорусско-литовского договора о государственной границе (ратифицирован 25 апреля 1996 г.). Неотъемлемой частью договора является прилагаемая к нему делимитационная карта (масштаб 1:10 000). Вместе с договором был подписан Протокол о нанесении линии государственной границы между Республикой Беларусь и Литовской Республикой на делимитационные карты. Данный документ подтверждал, что линия государственной границы между странами на делимитационных картах нанесена в соответствии с ее прохождением на рабочих экземплярах делимитационных карт, которые были утверждены на переговорах по вопросам делимитации и демаркации государственной границы.

В соответствии с Договором для проведения государственной границы на местности были созданы смешанные демаркационные комиссии. С учетом того, что положение о белорусско-литовской комиссии было подписано 12 июля 1996 г., можно подсчитать, что работы по обозначению белорусско-литовской границы длились почти 10 лет и были завершены лишь 10 марта 2006 г. Демаркация проводилась на паритетной основе. Белорусско-литовская граница была поделена на две зоны ответственности: белорусская – от пограничного знака № 0949 включительно до стыка государственных границ Республики Беларусь, Литовской Республики и Латвийской Республики; литовская – от стыка государственных границ Республики Беларусь, Литовской Республики и Республики Польша до

пограничного знака № 0949. Последний пограничный буй на границе Беларуси и Литвы был установлен 10 марта 2006 г. на озере Гилута.

Всего смешанные демаркационные комиссии установили 1957 пограничных знаков, на каждый из которых составлен отдельный протокол. 2 февраля 2007 г. все члены смешанной межгосударственной демаркационной комиссии подписали заключительный протокол и передали документы на утверждение в правительства Беларуси и Литвы.

Протяженность белорусско-литовской границы по геодезическим измерениям, проведенным независимо белорусской и литовской геодезическими службами, составила 678,819 км. (в том числе сухопутной – 379,938 км и водной – 298,881 км)[9].

И белорусские, и литовские представители отмечали, что в процессе демаркации белорусско-литовской границы больших противоречий между сторонами не было. Возникали лишь технические вопросы, которые достаточно быстро разрешались. Например, были разночтения при делимитации белорусско-литовской границы в районе станции Гадутишки (Поставский район) или Адутишки (литовская версия). Во времена СССР станция, исходя из экономических соображений, была передана на баланс Литовской железной дороги, но физически частично находилась на территории Беларуси. В итоге было решено провести белорусско-литовскую границу между двумя ветками этой станции.

Многие вопросы, которые пришлось рассматривать смешанным демаркационным комиссиям, касались бытовых проблем, возникавших у местного населения в связи с демаркацией белорусско-литовской границы. Наиболее яркий пример – ситуация с хуторами Стрежунай и Белюнцы. Хутора располагались в нескольких метрах друг от друга, поэтому у хозяев был общий колодец. Во время демаркации границы выяснилось, что Стрежунай находится в Литве, а Белюнцы – в Вороновском районе Беларуси. Получалось, что, идя за водой, хозяева незаконно пересекали государственную границу. Проблема разрешилась таким способом, что Литва выкупила у своих граждан землю, предложив им переселиться в другое место[10].

Самыми быстрыми темпами делимитация Государственной границы Республики Беларусь проходила на белорусско-латвийском участке. С одной стороны, это связано с небольшой, по сравнению с другими сопредельными государствами, протяженностью белорусско-латвийской границы – около 170 км. В то же время наряду с таким фактором, как протяженность границы, свою положительную роль сыграло и то обстоятельство, что еще в 1920-е гг. правительство Латвии позаботилось о том, чтобы максимально качественно провести демаркацию границы с РСФСР, которая позже стала границей с БССР. К выполнению данной работы были приглашены французские специалисты, которые обеспечили обозначение границы в соответствии

с международными нормами. Спустя 70 лет документы, подготовленные французскими специалистами, были взяты за основу и значительно облегчили работу смешанной белорусско-латвийской комиссии.

Таким образом, белорусская и латвийская делегации в составе межгосударственной комиссии фактически признали демаркационные документы государственной границы Латвии и РСФСР по результатам демаркации 1921–1923 гг. на участке от стыка государственных границ Беларуси, Латвии и России до впадения реки Робеж в реку Западная Двина. На участке от впадения реки Росица в реку Западная Двина до стыка государственных границ Беларуси, Латвии и Литвы признавались демаркационные документы государственной границы между Латвией и Польшей по результатам демаркации 1933–1935 гг. В целом же в качестве Государственной границы между Беларусью и Латвией была признана административная граница, существовавшая между БССР и Латвийской Республикой по состоянию на 16 июня 1940 г.

Итогом делимитации государственной границы Республики Беларусь с Латвийской Республикой стало подписание 21 февраля 1994 г. Договора о Государственной границе (ратифицирован 11 апреля 1995 г.). Неотъемлемой частью договора является прилагаемая к нему делимитационная карта (масштаб – 1:50 000).

В соответствии с Договором для обозначения государственной границы на местности созданы смешанные демаркационные комиссии. Как и в случае с Литвой, демаркационные работы на белорусско-латвийской границе растянулись более чем на десять лет. Положение о белорусско-латвийской Смешанной комиссии было подписано 21 февраля 1994 г. И лишь 3 октября 2006 г. завершились строительно-монтажные работы по обозначению на местности Государственной границы Беларуси с Латвией. Именно в этот день была завершена физическая демаркация границ Беларуси со странами Евросоюза. Последний пограничный столб был торжественно установлен на границе с Латвией вблизи населенного пункта Карасино Браславского района Витебской области в присутствии дипломатов стран ЕС, представителей пограничных служб Литвы и Латвии. Тем самым было завершено физическое обозначение на местности прибалтийского участка белорусской границы общей протяженностью 850 км. Общий бюджет демаркации данного участка составил 13 миллионов 500 тыс. долларов США. Из этой суммы 8 млн 840 тыс. – средства государственного бюджета Беларуси, а 4 млн 660 тыс. выделил Евросоюз. Всего смешанная белорусско-латвийская демаркационная комиссия на участке белорусско-латвийской границы протяженностью 170 км установила 425 пограничных знаков. Вдоль границы в рамках демаркации было построено свыше 100 км новых дорог и 8 км гатей через болота. В настоящее время завершается подготовка окончательных документов демаркации белорусско-латвийской государственной границы[11].

Государственная граница Республики Беларусь с государствами – членами Содружества Независимых Государств имеет в значительной степени иной, в сравнении с Литвой и Латвией, статус и соответственно пограничный режим. В особенности это касается границы с Россией, строящей совместно с РБ Союзное государство. Именно этим объясняется то обстоятельство, что полноценной государственной границы между Республикой Беларусь и Российской Федерацией пока не установлено. До заключения соответствующего договора о государственной границе статус государственной границы придан бывшей административной границе с Россией (постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 11 июня 1993 г.). На данный момент работы по делимитации или демаркации белорусско-российской границы не ведутся.

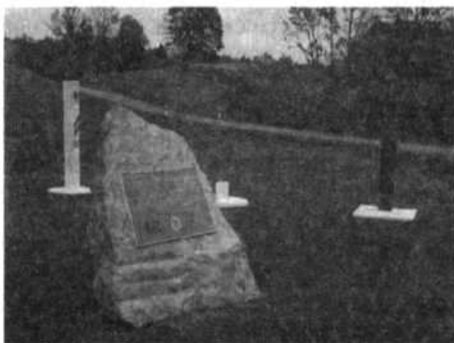
Не менее важное значение, чем делимитация и демаркация государственной границы со странами Евросоюза Литвой, Латвией и Польшей, имело установление в соответствии с международными нормами и правилами границы с государствами – членами Содружества Независимых Государств. Подготовительная работа по делимитации и демаркации государственной границы Республики Беларусь с Украиной началась в 1992 г. Следует отметить, что руководство Украины очень щепетильно подходило к вопросу установления границы с сопредельными странами, считая его одним из главных приоритетов своей внешней политики. Уже накануне саммита в Алма-Ате (декабрь 1991 г.) официальный Киев заявил, что Украина не считает Содружество Независимых Государств субъектом международного права и намерена в полном объеме реализовать свои права суверенного государства, включая право на обустройство границ[12]. 7 декабря 1992 г. Президиум Верховного Совета Республики Беларусь издал постановление, в котором утвердил состав официальной белорусской делегации для проведения переговоров с Украиной о делимитации и демаркации белорусско-украинской государственной границы[13]. Руководство делегацией было возложено на заместителя министра иностранных дел. До заключения белорусско-украинского договора о государственной границе статус государственной границы придавался белорусско-украинской административной границе, существовавшей на момент распада СССР. Соответствующее постановление Верховный Совет РБ принял 11 июня 1993 г.

Делимитация белорусско-украинского участка государственной границы РБ, учитывая ее протяженность (примерно 1084 км) потребовала больше времени, чем для делимитации границы с Литвой и Латвией. Если делимитация белорусско-латвийской границы заняла два года (1992–1994), белорусско-литовской – три (1992–1995), то белорусско-украинской – пять (1992–1997)[14].

Договор между Республикой Беларусь и Украиной о государственной границе был подписан 12 мая 1997 г. В отличие от догово-

ров о Государственной границе с Латвией и Литвой к договору с Украиной, кроме делимитационной карты, приложен Протокол-описание прохождения государственной границы, что должно было существенно упростить процедуру обозначения границы на местности.

Однако до 2010 г. демаркационные работы на белорусско-украинской границе так и не начинались. Несмотря на то, что Украина ратифицировала договор еще 18 июля 1997 г., парламент Республики Беларусь договор одобрил лишь в апреле 2010 г. Связано это с тем, что все это время белорусская и украинская стороны по-разному рассматривали место такого вопроса, как демаркация границы в системе двусторонних внешнеполитических отношений. Руководство Беларуси связывало ратификацию белорусско-украинского договора с урегулированием Украиной финансовых обязательств перед Республикой Беларусь. Первоначально украинское правительство также соглашалось с подобным подходом к решению проблемы. Подписывая в июле 1995 г. договор «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между



На церемонии открытия мемориальной доски на месте обозначения государственной границы, состоявшемся после демаркации белорусско-латвийского участка границы и границы Беларуси со странами Балтии (в центре – председатель Государственного комитета пограничных войск РБ генерал-лейтенант А.А. Павловский). Витебская область, 2006 г.

Республикой Беларусь и Украиной», стороны, по предложению президента Украины Л. Кучмы, договорились рассматривать вопрос об установлении границы между республиками во взаимосвязи с решением вопроса о государственном долге Украины перед Беларусью. Однако позже украинские власти изменили свою позицию, заявив, что речь идет не о государственном долге, а о корпоративном, то есть должником Беларуси является не украинское государство, а частные коммерческие компании[15]. Не было согласия и в оценке суммы долга – разные источники называли разные цифры.

Белорусско-украинские переговоры по вопросу о демаркации границы с разной степенью активности длились до 2010 г. Причем позиция белорусской стороны оставалась неизменной: Беларусь соглашалась ратифицировать белорусско-украинский договор о Государственной границе и начать демаркацию границы только после выполнения Украиной своих финансовых обязательств. Согласно обозначенной во время встречи президентов Беларуси и Украины в мае 2002 г. процедуре, после выплаты украинской стороной долга через три месяца Беларусь и Украина подписывают договор об уполномоченных по границе, а еще в течение трех месяцев начинается демаркация границы. В протоколе встречи премьер-министров Беларуси и Украины в 2004 г. была зафиксирована сумма долга – около 134 миллионов долларов США[16]. Однако в Украине позиция украинского премьер-министра была раскритикована многими политиками. Решение проблемы в очередной раз было заблокировано. И лишь во время визита президента Беларуси в Киев в 2009 г сторонам удалось урегулировать проблему долга. Президенты Александр Лукашенко и Виктор Ющенко сообщили о решении проблемы. В обмен на списание долга Украина пообещала продавать Беларуси электроэнергию со скидкой для реэкспорта в Литву. Вскоре договор о госгранице поступил в белорусский парламент.

2 апреля 2010 г. Палата представителей Национального собрания Беларуси ратифицировала договор между Беларусью и Украиной о государственной границе. Как сообщил, выступая в Овальном зале, председатель Госпогранкомитета И. Рачковский, демаркационные работы на государственной границе с Украиной начнутся сразу после ратификации Беларусью этого договора. Для их проведения может понадобиться около 10 лет. Для финансирования работ по демаркации в 2010–2020 гг. потребуются дополнительные поэтапные выделения из республиканского бюджета в размере около Br 51 млрд.

Договор о государственной границе между Беларусью и Украиной предполагает создание совместной комиссии для проведения демаркации. Документ определяет понятие госграницы на суше, воде, в недрах и воздушном пространстве. Условия прохождения зафиксированы в протоколе-описании прохождения линии госграницы и в альбоме топографических карт. Особую значимость договору и

его ратификации придает тот факт, что граница с Украиной составляет около одной трети всей государственной границы Беларуси. Руководитель белорусского пограничного ведомства пообещал парламентариям, что после ратификации договора будут исключены случаи, когда государственная граница разделяет населенный пункт на две части – белорусскую и украинскую. Решить проблему предполагается путем обмена территориями между странами и проведения дополнительных обмеров.

История решения вопроса о белорусско-украинской границе показывает, насколько сложна территориальная проблема. Даже в отношениях между дружественными государствами. Тем более что по ситуации на сентябрь 2010 г. нельзя сказать, что в вопросе о белорусско-украинской границе поставлена точка. До сентября 2010 г. стороны так и не обменялись ратификационными грамотами. Белорусская сторона отказывается проводить эту процедуру до тех пор, пока Украина не начнет выплачивать оговоренный долг. Окончательное решение вопроса вновь откладывается на неопределенный срок.

Еще один важный момент в делимитации и демаркации государственной границы Республики Беларусь – это оформление мест, где сходятся границы нескольких сопредельных государств. У Беларуси пять таких стыков государственной границы с двумя сопредельными государствами. В отличие от пограничных знаков, которые принято обозначать номерами, у стыков есть «имена». В основном они повторяют названия водоемов, по которым проходит граница. Единственный стык, где уже проведены и делимитация, и демаркация, находится на «соприкосновении» границ Беларуси, Латвии и Литвы. Его назвали Людвиново. Стык Беларуси, Латвии и России называется Неверица; Беларуси, Литвы и Польши – Марыха. Что же касается двух оставшихся стыков (Беларусь, Россия; Украина и Беларусь; Украина и Польша), то соглашения по ним пока не заключены, поэтому сами стыки имеют только рабочие названия и на местности не обозначены[17].

Таким образом, за время независимого существования Республики Беларусь была проделана значительная работа по установлению государственной границы Беларуси с сопредельными государствами. На момент распада Советского Союза полноценная государственная граница РБ существовала лишь на белорусско-польском ее участке. Практически сразу же после образования независимой и суверенной Республики Беларусь была начата активная работа по установлению границы со всеми соседними странами. Наиболее далеко процесс делимитации и демаркации государственной границы Республики Беларусь продвинулся на белорусско-литовском и белорусско-латвийском участках. Делимитация границы на этих участках уже завершена и можно ожидать, что в самое ближайшее время будет закончена демаркация границы Республика Беларусь с Литвой и Латвией. В то же самое время крайне сложно проходит

процесс установления Государственной границы Беларуси с Украиной. Вызвано это тем, что стороны, по инициативе украинских властей, с самого начала совершили ошибку, когда согласились рассматривать пограничный вопрос в пакете с финансовыми вопросами и, в частности, во взаимосвязи с выполнением украинским правительством своих долговых обязательств. Делимитация и демаркация Государственной границы Республики Беларусь с Российской Федерацией до настоящего времени не проводилась, что объясняется строительством Союзного государства России и Беларуси. Тем не менее, учитывая те сложности в создании Союзного государства, которые наблюдаются на протяжении последних лет, можно предположить, что работы по делимитации и демаркации белорусско-российской границы все же будут проведены.

Важным положительным фактором в установлении Государственной границы РБ стало то, что при смене политических элит в руководстве Республики Беларусь в середине 1990-х гг. была сохранена преемственность в оценках пограничных проблем и в подходах к их решению. Анализ процесса делимитации и демаркации Государственной границы Республики Беларусь показывает, что при осуществлении данной деятельности белорусское правительство, все заинтересованные ведомства и органы РБ руководствовались и руководствуются национальными интересами Беларуси, принципами и нормами международного права.

Примечания

1 Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1945. № 193 (17 авг.).

2 Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. С. 197.

3 Государственный пограничный комитет Республики Беларусь: сайт. Минск. URL: www.gkpv.gov.by

4 О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Совета Республики Беларусь «О делегации Республики Беларусь на переговорах с Украиной по вопросам делимитации и демаркации Государственной границы между Республикой Беларусь и Украиной»: постановление Президиума Верхов. Совета Респ. Беларусь, 29 дек. 1993 г., № 2650-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. 1993. № 36. Арт. 458.

5 О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь», 6 янв. 1999 г., № 234-З // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. 1999. № 4. Ст. 89.

6 Об утверждении Положения о Государственном комитете пограничных войск Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 мая 2002 г., № 260 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 60. 1/3704.

7 О геодезической и картографической деятельности: Закон Респ. Беларусь, 10 мая 1999 г. № 254-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 37. 2/29.

8 Положение о белорусской части комиссии по демаркации Государственной границы Республики Беларусь с сопредельным государством: утв. по-

становлением Совета Министров Респ. Беларусь, 1 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 158. 5/14942.

9 Государственный пограничный комитет Республики Беларусь: сайт. Минск. URL: www.gkpv.gov.by

10 Примак И. От делимитации до демаркации. Как определяются «последние пяди родной земли». // Нар. газ., 2010. 17 февр.

11 Беларусь завершила физическую демаркацию границ с Евросоюзом // Сообщение Белорусского Телеграфного Агентства. www.belta.by. См. также: Государственный пограничный комитет Республики Беларусь: сайт. Минск. URL: www.gkpv.gov.by

12 Кебич В. Искушение властью. С. 223.

13 Аб дэлегацыі Рэспублікі Беларусь на перагаворах з Украінай па пытаннях дэлімітацыі і дэмаркацыі дзяржаўнай граніцы паміж Рэспублікай Беларусь і Украінай // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. 1992. № 35. Арт. 564.

14 Примак И. От делимитации до демаркации. Как определяются «последние пяди родной земли». // Нар. газ., 2010. 17 февр.

15 Лещенко В. Быть хозяином в своем доме: народ решает, а политики осуществляют. Всегда ли этот принцип действует? // Нар. газ., 2006. 25 нояб.

16 Жданович Н. Динамика отношений // Республика. 2005. 15 нояб.

17 Примак И. От делимитации до демаркации. Как определяются «последние пяди родной земли». // Нар. газ., 2010. 17 февр.

Заключение

Лишь совсем недавно по отношению к XX в. мы стали употреблять определение «прошлый». Он пока еще настолько близок к нам, что трудно в полной мере оценить значение и место этого крайне сложного, противоречивого, наполненного трагическими событиями периода в истории белорусского народа. Однако какими бы ни были оценки минувшего столетия, со следующим наблюдением, думается, согласятся все: одним из главных достижений белорусской нации в XX в. стало создание независимого белорусского государства. Путь к собственной государственности был тяжелым. Потребовалось практически целое столетие, чтобы идея белорусской государственности, сформулированная в конце XIX в. представителями немногочисленной белорусской интеллигенции, реализованная пусть и неудачно в форме БНР, а затем более основательно в виде БССР, наконец нашла воплощение в полноценном белорусском государстве – независимой и суверенной Республике Беларусь. Не прошло и двух десятилетий со времени ее провозглашения, но мы уже привыкли к тому, что живем в самостоятельном государстве. Хотя, быть может, только сейчас начинаем понимать всю ценность белорусской государственности, ценность права жить в собственном национальном государстве, самостоятельно определять свое будущее и настоящее.

Одним из важнейших составляющих процесса государственного строительства является формирование государственной территории. Без территории нет и не может быть полноценного государства. Если народ – это душа любого государства, то территория, без сомнения, его тело. Это не только географическое пространство, на котором рождаются, живут и умирают близкие по менталитету, языку, историческому пути, традициям и культуре люди. У государственной территории есть более высокая, метафизическая функция: в границах собственного государства каждый народ творит общемировую историю, внося свой вклад в развитие всего человечества. В этом смысле объективно существующая государственная территория – это доказательство реального существования нации, свидетельство ее силы, значимости для мировой цивилизации, гарантия дальнейшего присутствия на арене человеческой истории.

Анализ истории Беларуси в XX в. показывает, что большое влияние на формирование территории белорусского государства, как, в принципе, и на становление самой белорусской государственности оказывали внешнеполитические факторы. Постановка в практической плоскости идеи создания белорусского государственного образования, обсуждение территории расселения белорусской нации

стали возможными только в 1910-е гг. Однако белорусские силы, представленные в основном немногочисленной национальной интеллигенцией и лишенные широкой народной поддержки, не смогли реализовать проект создания Белорусской Народной Республики. БНР так и не развилась в полноценное государство со всеми его атрибутами, в том числе и в том, что касается установления юрисдикции над государственной территорией. Правительство БНР никогда на протяжении сколь-нибудь длительного времени не контролировало какой-либо значительной территории. Тем не менее деятели БНР внесли большой вклад в формирование границ белорусского государства. Именно они, выражая интересы всего белорусского народа, впервые сформулировали представления белорусов о политических границах белорусского государства. Более того, с момента провозглашения БНР и на протяжении всего периода существования ее политических структур лидеры БНР целенаправленно отстаивали белорусские территориальные интересы.

Внешние факторы в виде поражения царизма в Первой мировой войне, а также российских революций 1917 г. сначала создали условия для провозглашения БНР, затем они же и уничтожили республику. Превалирование внешних сил над внутренними предопределило и дальнейшие события, связанные с процессом государственного строительства на Беларуси: создание ССРБ в конце 1918 – начале 1919 г., территория которой практически совпадала с этнографическими границами, последующее сокращение территории республики в январе – феврале 1919 г., образование Литовско-Белорусской ССР. Сложной геополитической ситуацией объясняется также повторное в июле 1920 г. провозглашение БССР в границах всего лишь шести уездов Минской губернии и раздел Беларуси в результате трагического Рижского мирного договора в марте 1921 г.

С завершением Первой мировой и гражданской войн влияние внешних факторов на развитие белорусской государственности, на установление границ Белорусской ССР несколько снизилось, однако по-прежнему оставалось значительным, особенно в первые годы советской власти. Возвращение восточнобелорусских земель в 1924–1926 гг., пусть оно и имело исключительно положительное значение для белорусской государственности, все же следует рассматривать как событие, произошедшее при существенном влиянии внешних факторов. Безусловно, лидеры БССР сделали многое, чтобы добиться максимально полного объединения белорусских земель вокруг Минска. Однако, ничуть не умаляя роль белорусской советской политической элиты, следует признать, что включение восточнобелорусских территорий в состав Белорусской ССР стало возможным лишь в связи с тем, что оно отвечало задачам советской национальной политики, выработанной союзными властями и к формированию которой белорусские коммунисты имели весьма отдаленное отношение. Избери руководство компартии другую так-

тику и стратегию разрешения национального вопроса в СССР, и у правительства БССР не было бы никакой возможности, никаких рычагов влияния, чтобы вернуть белорусские земли в состав БССР. Даже во второй половине 1920-х гг., когда советская национальная политика проводилась наиболее масштабно, руководство БССР всецело зависело от решений, которые принимались в Москве. Кардинальный пересмотр ориентиров в советской национальной политике в начале 1930-х гг. еще раз подтвердил несамостоятельность белорусских властей. Одним из проявлений влияния внешнеполитического фактора на процесс государственно-территориального строительства в БССР в 1920-е гг. следует считать и то обстоятельство, что любое крупное событие в общественно-политической жизни БССР рассматривалось сквозь призму того, какой резонанс оно будет иметь в соседних капиталистических странах, прежде всего в Польше.

И все же объективность требует признать, что при всех недостатках большевистской национальной политики 1920-х гг. именно она создала условия для становления белорусской государственности. Не выработай лидеры РКП(б) национальную политику в том виде, как она проводилась в 1920-е гг., не поддержи идею белорусской государственности в форме Белорусской ССР, не согласись с возвращением восточнобелорусских земель в состав БССР, вряд ли Беларусь в конце XX в. состоялась как независимое государство. Во всяком случае, те сопредельные государства, в состав которых в межвоенный период входили белорусские земли, идею белорусской государственности, развития национальной культуры и белорусского языка не поддержали. Наоборот, предпринимали все возможные шаги для усиления ассимиляционных процессов.

Доминирование внешних факторов над внутренними со всей очевидностью в очередной раз проявилось при установлении западной границы БССР с Литвой и Польшей в 1939–1946 гг. Размежевание Белорусской ССР с этими республиками неоднократно пересматривалось в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры, от того, какая линия границы была наиболее выгодна для руководства компартии в тот или иной момент. Именно исходя из подобных геополитических соображений решалась судьба Вильно, Виленской области, Белостока, других спорных территорий, на которые с полным на то основанием наряду с литовцами или поляками могли претендовать и белорусы. Однако территориальные претензии белорусского народа в данном случае не только не были озвучены и приняты во внимание, они не были даже сформулированы, поскольку к концу 1930-х гг. в БССР уже отсутствовала национальная в подлинном смысле этого слова политическая элита, способная выступить в защиту белорусских территориальных интересов. Существовавшее же на то время руководство БССР не рисковало высказывать и отстаивать собственное мнение о границах республики,

соглашаясь со всеми решениями центрального руководства по территориальному вопросу.

Столь сильное влияние на становление и развитие белорусской государственности, на установление ее границ объясняется не только неблагоприятной геополитической обстановкой, как могло бы показаться на первый взгляд. Действительно, Беларусь, находясь на стыке двух мощных цивилизаций – Западной и Восточно-христианской, на протяжении своего исторического пути являлась объектом интересов сопредельных государств. Однако главная причина того, что создание белорусского государства происходило столь болезненно и трагично, заключалась в слабости самой белорусской нации. В начале XX в. идея белорусской государственности не обрела достаточного числа сторонников, она оставалась чуждой и непонятной большинству населения края. Процесс самоидентификации белорусов не был завершен, их национальное самосознание находилось на низком уровне. С особой остротой проблема определения национальной принадлежности наблюдалась в этноконтактных зонах, где издавна проживали представители нескольких этносов. Такие этноконтактные зоны в начале XX в. существовали по всему периметру Беларуси. Более того, при рассмотрении данных этноконтактных зон в исторической ретроспективе становится заметным их последовательное продвижение вглубь белорусских этнических территорий, что является свидетельством сильных ассимиляционных процессов. Действительно, на протяжении нескольких столетий со стороны России и Польши и даже на границе с Украиной наблюдалось сильное ассимиляционное воздействие на местное белорусское население; в результате его национальная самоидентификация размывалась, а затем вообще подменялась. С данным явлением белорусские деятели сталкивались постоянно: и в процессе провозглашения БССР, и в 1920-е гг., когда решался вопрос о возврате восточнобелорусских территорий в состав Белорусской ССР, и в 1939–1946 гг., когда устанавливалась западная граница БССР с Литвой и Польшей. Многолетнее и даже многовековое ассимиляционное воздействие на окраинные белорусские этнические земли привело к тому, что их население, белорусское по своему национальному составу, выступало против включения в состав Белорусской республики, не признавало существование белорусской нации. Не будь этого противодействия, получи идея белорусской государственности большую поддержку со стороны широких народных масс, вполне вероятно, что сегодня территория белорусского государства была бы большей.

Волюнтаризм в государственно-территориальном строительстве СССР привел к тому, что с распадом Советского Союза перед новыми независимыми государствами пограничный вопрос встал с особой остротой. Следуя установившейся традиции, политики, подписывавшие Беловежское соглашение и Алма-атинскую декларацию,

вопрос о границах проигнорировали, сохранив за всеми внутренними границами стран – членов Содружества независимых государств административный характер. Статус государственных был признан лишь за внешними границами СНГ. Таким образом, важнейшая проблема государственно-политического устройства бывшего Советского Союза осталась открытой, что в будущем привело к возникновению многочисленных территориальных споров и конфликтов. И хоть все вновь образованные постсоветские государства взяли на себя обязательство соблюдать базовые постулаты системы международной безопасности, опирающейся в качестве главного на правовой принцип «статус-кво» (чем юридически владеешь, тем и владей), на практике декларирование независимости сопровождалось предъявлением многочисленных территориальных претензий к соседям.

С распадом Советского Союза Республика Беларусь получила в наследство территорию и границы БССР. Одна из немногих постсоветских республик Беларусь осторожно и взвешенно подошла к проблеме установления государственной границы, что позволило избежать пограничных конфликтов с сопредельными республиками. При проведении делимитации и демаркации государственной границы правительство РБ руководствовалось прежде всего национальными интересами, а также нормами и принципами международного законодательства. Проводимая в настоящее время работа дает возможность говорить о том, что в ближайшее десятилетие делимитация и демаркация государственной границы будет завершена на всех ее участках. После белорусско-польской границы, демаркация и делимитация которой была проведена еще в 1940–1950-е гг., быстрее всего, судя по темпам работ, будет установлена граница на белорусско-прибалтийском участке государственной границы РБ – с Литвой и Латвией. Демаркация белорусско-украинского участка границы также не должна представлять существенных трудностей и может начаться в ближайшее время, как только будет улажена экономическая сторона вопроса.

Литература

1. Аб дэлегацыі Рэспублікі Беларусь на перагаворах з Украінай па пытаннях дэлімітацыі і дэмаркацыі дзяржаўнай граніцы паміж Рэспублікай Беларусь і Украінай: пастанова Прэзідыума Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь, 7 снеж. 1992 г., № 2003-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 35. – Арт. 564.

2. Аб Міністэрстві беларускіх спраў ураду Літоўскага гаспадарства: часовае палажэнне, 29 чэрв. 1919 г. // Часоп. М-ва беларус. спраў. – 1919. – № 1. – С. 8–10.

3. Аб перадачы Беларусі раёнаў з пераважна беларускім насельніцтвам: пастанова Прэзідыума УЦВК РСФСР, 4 лют. 1924 г. // Сав. Беларусь. – 1924. – 6 лют.

4. Агурский, С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917) / С. Агурскій. – Минск: Белорус. гос. изд-во, 1928. – 346 с.

5. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Беларусь, 1985–1987. – Т. 1: 1917–1941 гг. / сост.: Т.А. Воробьев [и др.]; редкол.: В.А. Круталевич, В.В. Лашкевич, В.Н. Жигалов. – 1985. – 390 с.

6. Акуневіч, В.У. Да пытання аб ўваходжанні Віцебскай губерні ў склад БССР / В.У. Акуневіч // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 10–11 крас. 1997 г. / Беларус. асац. гісторыкаў; рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – С. 167–169.

7. Александровіч, С.Х. Кнігі і людзі: даследаванні, архіўныя знаходкі, успаміны, эсэ: [літ.-крыт. арт.] / С.Х. Александровіч. – Мінск: Маст. літ., 1976. – 206 с.

8. Архангельский, Б.Д. Южные уезды Псковской губернии и БССР / Б.Д. Архангельский. – Минск: [б. и.], 1926. – 28 с. – (Материалы к вопросу о районировании СССР).

9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд Секретариата В. Молотова. – Оп. 2. – Папка 192. – Д. 17. – Л. 6, 10–14.

10. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд Секретариата В. Молотова – Оп. 7. – Папка 618. – Д. 40. – Л. 6.

11. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд Советско-литовской пограничной комиссии. – Оп. 3. – Папка 8. – Д. 13. – Л. 2.

12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Фонд Советско-литовской пограничной комиссии. – Оп. 3. – Папка 8. – Д. 14. – Л. 3–5.

13. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / [уклад. С. Шупа]; Беларус. ін-т навукі і мастацтва, Т-ва беларус. пісьменства «Наша ніва». –

Вільня; Нью-Йорк; Менск; Прага, 1998. – Т. 1, кн. 1: Фонд № 582 Дзяржаўнага Архіву Літвы («Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі»). – 866 с.

14. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / [уклад. С. Шупа]; Беларус. ін-т навукі і мастацтва, Т-ва беларус. пісьменства «Наша ніва». – Вільня; Нью-Йорк; Менск; Прага, 1998. – Т. 1, кн. 2: Фонд № 582 Дзяржаўнага Архіву Літвы («Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі»). – [854] с.

15. Бабурин, С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 477 с.

16. Багалейша, С. Дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў у 1918–1924 гг. / С. Багалейша // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 9. – С. 22–26.

17. Бародзіч, С. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. / С. Бародзіч, У. Міхнюк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: в 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1 / навук.-рэд. савет: Я.І. Бараноўскі [і інш.]. – 2001. – С. 152.

18. Бароўка, А. Гістарычныя і сучасныя палітычныя аспекты беларуска-літоўскага тэрытарыяльнага пытання / А. Бароўка // II Усебеларускі фестываль «Студэнцкая вясна»: матэрыялы навук.-гуманітар. студэнц. канф., Віцебск, 6–7 мая 1993 г. / Віцеб. дзярж. пед. ін-т; рэдкал.: А. Даражэвец [і інш.]. – Віцебск, 1993. – С. 87–95.

19. Беларусіка=Albaruthenica: матэрыялы з'ездаў, канф. / Нац. навук.-асвет. цэнтр; рэд.: У. Конан [і інш.]. – Мінск: ННАЦ, 1997. – Кн. 6, ч. 2: Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу: матэрыялы II Міжнар. кангр. беларусістаў, Мінск, май 1995. – 362 с.

20. Беларуская нацыя: уз'яднанне: верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дак. і матэрыялаў / Беларус. дзярж. ун-т; аўт.-уклад. У.Ф. Ладысеў. – Мінск: БДУ, 2004. – 197 с.

21. Беларуская справа падчас польскай акупацыі 1919–1920 гг.: дак. і людзі / прадм. і публ. У. Ляхоўскага // Спадчына. – 1994. – № 6. – С. 50–87.

22. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛІМ). – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 97. – А. 61.

23. Беларусы: этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі: атлас / Фонд фундам. даслед. Рэсп. Беларусь, Беларус. фонд Сораса; [аўт.: А.В. Саўчэня і інш.; рэдкал.: С.А. Польскі (старш.) і інш.]. – Мінск: Кам. дзярж. знакаў пры М-ве фінансаў Рэсп. Беларусь, 1996. – 33 с.

24. Беларусь: государство для человека: нац. отчет о человеч. развитии / В. Шимов [и др.]; Представительство ООН/ПРООН в Респ. Беларусь. – Минск: Пикорп, 1997. – 104 с.

25. Беларусь: государство, управление, человек: нац. отчет о человеч. развитии '98 / В. Шимов [и др.]. – Минск: Новик, 1998. – 122 с.

26. Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага, З. Жылуновіча, Ў. Ігнатоўскага. – Менск: ЦВК БССР, 1924. – 322 с.

27. Белорусская конференция в Берлине // Звезда. – 1925. – 19 нояб. – С. 2.

28. Белорусская Советская Социалистическая Республика: [история, география, экономика, культура]. – Минск: Изд. СНК БССР, 1927. – VII, 528 с.

29. Белорусы / Рос. акад. наук, НАН Беларуси; отв. ред.: В.К. Бондарчик [и др.]. – М.: Наука, 1998. – 502 с. – (Серия «Народы и культуры»).

30. Бодак, А.Ю. Об изменениях западной границы Беларуси в 1944–1955 гг. / А.Ю. Бодак // Берасцейскі хронограф: зб. навук. пр. / Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст, 1997. – Вып. 1 / навук. рэд. В.Ф. Кушнер, П.А. Лойка. – С. 68–72.

31. Боєчко, В. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан / В. Боєчко, О. Ганжа, Б. Захарчук. – Київ: Основи, 1994. – 168 с.

32. Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ [и др.]; [сост.: Э.Л. Козловская и др.; ред.: А.И. Азаров, С.З. Почанин]. – Минск: Беларусь, 1968. – Т. 1: февраль 1918 г. – февраль 1919 г. – 602 с. – (Из истории гражданской войны в СССР: документы и материалы).

33. Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ [и др.]; сост.: Т.Ф. Каряева [и др.]; ред.: А.И. Азаров, Д.И. Куртов, С.З. Почанин. – Минск: Беларусь, 1971. – Т. 2: Февраль 1919 г. – 1920 г. – 631 с.

34. Бугаев, Е.И. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии / Е.И. Бугаев. – М.: Госполитиздат, 1959. – 270 с.

35. Бузук, П. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў: гутаркі Невельскага і Вялікага паветаў / П. Бузук; Ін-т беларус. культуры. – Менск: Інбелкульт, 1926. – 15 с.

36. Бюлетэнь Загранічнай групы Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў. – 1926. – № 3/4. – С. 24.

37. В Риге 70 лет тому назад: письма А.Г. Червякова о советско-польских переговорах / публ. подгот. М.В. Шумейко // Коммунист Белоруссии. – 1991. – № 9. – С. 14–20.

38. Вайна – школа для вяскоўцаў // Наша ніва. – 1914. – 5 сьнеж.

39. Вайткявичус, Б.Ю. Борьба трудящихся Литвы за победу социалистической революции (1918–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Б.Ю. Вайткявичус; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. – М., 1958. – 18 с.

40. Вайткявичюс, Б.Ю. Первая рабоче-крестьянская власть в Литве / Б.Ю. Вайткявичюс. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – 257 с.

41. Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году: карот. агляд / Я. Варонка. – Коўна: Друк. А. Бака і Х. Манкес, 1920. – 29 с.

42. Васілеўскі, Ю. Беларускі рух моладзі на Гомельшчыне (1920–1926 гг.) / Ю. Васілеўскі // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 70–85.

43. Великий Октябрь в судьбах белорусского и литовского народов: материалы межресп. науч. конф., посвящ. 60-летию образования Литовско-Белорусской ССР / редкол.: Б. Вайткявичюс [и др.]; Ин-т истории Акад. наук БССР, Ин-т истории Акад. наук ЛитССР. – Минск: Наука и техника, 1981. – 117 с.

44. Вишневский, А.Ф. Очерки истории государства и права Республики Беларусь, 1917–1995 гг.: [учеб. пособие] / А.Ф. Вишневский; Восточноевроп. негос. ин-т бизнеса и права. – Минск: Форум, 1995. – 267 с.

45. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажытных часоў да нашых дзён: вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага. – Мінск: Акад. М-ва унутр. спраў Рэсп. Беларусь, 1998. – 310 с.

46. Волаціч, М. Лінія Кэрзона на фоне падзеяў і тэрытарыяльных зьменаў у Усходняй Эўропе / М. Волаціч // Спадчына. – 1993. – № 5. – С. 4–21; № 6. – С. 16–33.

47. Вольныя муляры ў беларускай гісторыі: канец XVIII – пачатак XX ст. / Беларус. гіст. т-ва; уклад. і навук. рэд. А.Ф. Смалянчук. – Вільня [Вільнюс]: Gudas, 2005. – 27с.

48. Вопросы экономического районирования СССР: сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.) / под общ. ред. Г.М. Кржижановского. – М.: Политиздат, 1957. – 343 с.

49. Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г.: протоколы / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Госполитиздат, 1959. – 602 с.

50. Вынікі партфэльнай палітыкі: дакументы аб ліквідацыі «ураду Беларускай Народнай Рэспублікі» // Савец. Беларусь. – 1925. – 15 лістап. – С. 3.

51. Вялікі, А.Ф. Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя, 1955–1959 гг. / А.Ф. Вялікі; Беларус. дзярж. пед. ун-т, Нац. арх. Рэсп. Беларусь. – Мінск: БДПУ, 2007. – 271 с.

52. Вялікі, А.Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.) / А.Ф. Вялікі; Беларус. дзярж. пед. ун-т, Нац. арх. Рэсп. Беларусь. – Мінск: БДПУ, 2005. – 319 с.

53. Вяртання маўклівая споведзь: постаці творцаў беларускай гісторыі ў кантэксце часу: [гіст.-літ. зб.] / У. Казбярук [і інш.]. – Мінск: Выш. шк., 1994. – 318 с.

54. Гадлеўскі, В. З беларускага палітычнага жыцця ў Менску ў 1917–18 гг. / В. Гадлеўскі // Спадчына. – 1997. – № 5. – С. 18–39.

55. Германо-советское коммюнике от 22 сентября 1939 г. // Правда. – 1939. – 23 сент. – С. 1.

56. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск: Соврем. шк.: Экаперспектыва, 2007. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / [М. Біч і інш.; рэд.: В. Яноўская, С. Рудовіч]. – 518 с.

57. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – 2006. – 616 с.

58. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; гал. рэдкал.: І.М. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР, 1917–1937 гг. / рэдкал.: І.Я. Марчанка (гл. рэд.) [і інш.]. – 1973. – 693 с.

59. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (старш.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / рэдкал.: К.І. Шабуня [і інш.]. – 1972. – 686 с.

60. Гісторыя Мінска = История Минска / У.А. Бабкоў [і інш.]; пад рэд. У.А. Бабкова. – Мінск: Беларус. энцыкл., 2006. – 694 с.

61. Глушакова, Н. Знешнепалітычныя арыентацыі Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (1918–1924 гг.) / Н. Глушакова // Беларус. гіст. часоп. – 1998. – № 3. – С. 26–32.

62. Гіламёдаў, У. «Цяпер беларускай я песні ўладар»: Я. Купала і адраджэнне нашай дзяржаўнасці / У. Гіламедаў // Беларус. думка. – 1993. – № 9. – С. 34–41.

63. Гомельшчына: старонкі мінулага: нарысы: у 2 вып. / Гомел. абл. аддз-не беларус. краязн. т-ва. – Гомель, 1994–1996. – Вып. 1 / пад рэд. У.М. Канавалава, У.М. Лазько, У.М. Літвінава. – 1996. – 56 с.

64. Горбачев, М.С. Избранные речи и статьи: [в 7 т.] / М.С. Горбачев; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1987–1990. – Т. 2 – 1987. – 509 с.

65. Горбачева, В. Не повторять ошибок / В. Горбачева // Маяк коммунизма. – 1990. – 2 авг. – С. 2.

66. Горбунов, Т.С. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т.С. Горбунов. – М.: Госполитиздат, 1948. – 232 с.

67. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 130. – Оп. 29. – Д. 51. – Л. 11.

68. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 130. – Оп. 3. – Д. 129 б. – Л. 208.

69. Государственный пограничный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gkpv.gov.by. – Дата доступа: 17.12.2010.

70. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. – М.: Совет. энцикл., 1983. – 702 с.

71. Границы Российской Федерации: науч. программа «Модель демократии для России» / М.А. Мунтян [и др.]. – М.: Рос. акад. упр., 1993. – 86 с.

72. Грыцкевіч, А. Беларуска-літоўскія дачыненьні: 1918–1922 гг. / А. Грыцкевіч // Спадчына. – 1994. – № 5. – С. 58–63.

73. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: [в 2 т.]: ист. очерки. док. и материалы / В.И. Дашичев; отв. ред. А.М. Самсонов. – М.: Наука, 1973. – Т. 1: Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе, 1933–1941. – 766 с. – (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).

74. Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: стеногр. отчет / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.

75. Десятый съезд Российской Коммунистической партии: стеногр. отчет, 8–16 марта 1921 г. / Рос. коммунист. партия (большевиков). – М.: Гос. изд-во, 1921. – 392 с.

76. Деятельность Центрального Комитета партии в документах: события и факты, 25 марта – 24 июня 1919 г. / публ. подгот.: Ж. Адибекова, С. Иванова, Е. Караваева // Изв. ЦК КПСС. – 1989. – № 12. – С. 132–188.

77. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой о Советско-Польской государственной границе // Правда. – 1945. – 17 авг. – С. 1.

78. Договор о дружбе и границе // Правда. – 1939. – 29 сент. – С. 1.

79. Документы внешней политики: [в 24 т.] / М-во иностр. дел Рос. Федерации. – М.: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 22, кн. 2: 1 сентября – 31 декабря 1939 г. / редкол.: В.Г. Комплектов [и др.]. – 688 с.

80. Документы внешней политики СССР: [в 24 т.] / М-во иностр. дел СССР; [Комис. по изд. дипломат. док. при МИД СССР; А.А. Громыко (пред.) и др.]. – М.: Госполитиздат, 1959–2000. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / редкол.: Г.А. Белов [и др.]. – 1959. – 723 с.

81. Документы внешней политики СССР: [в 24 т.] / М-во иностр. дел СССР; [Комис. по изд. дипломат. док. при МИД СССР; А.А. Громыко (пред.) и др.]. – М.: Госполитиздат, 1959–2000. – Т. 4: 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / редкол.: Л.С. Гапоненко [и др.]. – 1960. – 836 с.

82. Документы внешней политики СССР: [в 24 т.] / М-во иностр. дел СССР; [Комис. по изд. дипломат. док. при МИД СССР; А.А. Громыко (пред.) и др.]. – М.: Госполитиздат, 1959–2000. – Т. 5: 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. / редкол.: А.Е. Богомолов [и др.]. – 1961. – 807 с.

83. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: [в 12 т.] / редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения, Пол. Акад. наук, Сектор истории пол.-совет. отношений. – М.: Изд-во АН СССР, 1963–1986. – Т. 1: Февраль 1917 г. – ноябрь 1918 г. / подгот. С. Вроньский [и др.]. – 547 с.

84. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: [в 12 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения, Пол. акад наук, Ин-т истории пол.-совет. отношений; редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1963–1986. – Т. 3: Апрель 1920 – март 1921 гг. / подгот. С. Вроньский [и др.]. – 1965. – 607 с.

85. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: [в 12 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения, Пол. акад наук, Ин-т истории пол.-совет. отношений; редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1963–1986. – Т. 4: Апрель 1921 – май 1926 гг. / подгот. В. Гостыньская [и др.]. – 1966. – 559 с.

86. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: [в 12 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, Пол. акад наук, Ин-т социалист. стран; редкол.: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1963–1986. – Т. 8: Январь 1944 – декабрь 1945 гг. / подгот. Э. Басиньский [и др.]. – 1974. – 680 с.

87. Елізарава, Г. «Пашыраная Беларусь» / Г. Елізарава, С. Елізараў // Беларус. мінуўшчына. – 1996. – № 5. – С. 7–10.

88. Елізараў, С.А. Праблема ўзбуйнення тэрыторыі БССР у 20-я гады / С.А. Елізараў, Г.У. Елізарава // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы ІІ Усебе-

ларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 10–11 крас. 1997 г. / Беларус. ассац. гісторыкаў; рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – С. 163–165.

89. Жданович, Н. Динамика отношений / Н. Жданович // Рэспубліка. – 2005. – 15 лістап. – С. 2.

90. Жизнь национальностей. 1919. № 15. № 16.

91. Жылуновіч, З. З'езд беларускіх нацыянальных арганізацый 25 сакавіка 1917 г. / З. Жылуновіч // Полымя. – 1925. – № 6. – С. 202–206.

92. Жылуновіч, З. Эпізод з жыцця беларускай часопісі / З. Жылуновіч // Полымя. – 1923. – № 7/8. – С. 111–117

93. Жюгжда, Р.Ю. Литовская ССР: крат. ист.-экон. очерк / Р.Ю. Жюгжда. А.С. Смирнов; под общ. ред. Ю.И. Жюгжды. – М.: Госполитиздат, 1957. – 183 с.

94. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі: дак. і матэрыялы / [падрыхт.: І. Касяк, Р. Астроўскі]. – Лондан: Выд. Беларус. цэнтр. Рады, 1960. – 198 с.

95. Запись разговора по прямому проводу И.В. Сталина с председателем Северо-Западного областного комитета РКП(б) А.Ф. Мясниковым о государственном строительстве Белоруссии // Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. / сост.: Э.Л. Козловская [и др.]; ред.: А.И. Азаров, С.З. Почанин. – Минск, 1968. – Т. 1: Февраль 1918 г. – февраль 1919 г. – С. 414–415.

96. Засецкі, М. Міністэрства беларускіх спраў: за 10 месяцаў істанаваньня: карот. нарыс / М. Засецкі // Часоп. М-ва беларус. спраў. – 1919. – № 1. – С. 2–4.

97. Зельцер, А. Белорусизация 1920-х гг.: достижения и неудачи / А. Зельцер // Евреи Беларуси: история и культура: сб. ст.: [в 6 вып.] / Белорус. об-ние евр. орг. и общин, Израил. культур.-информ. центр; ред. совет: И. Герасимова (отв. ред.), Е. Киммель, Г. Рутман. – Минск, 1998. – [Вып. 3/4]. – С. 60–92.

98. Зинкявичюс, З. Восточная Литва в прошлом и настоящем / З. Зинкявичюс. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. – 387 с.

99. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: [у 8 т.]. / Беларус. дзярж. ун-т, Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск: БелНДІДАС, 1997–2009. – Т. 1: 1917–1922 гг. / склад.: У.М. Міхнюк [і інш.]; рэдкал.: І.І. Антановіч [і інш.]. – 1997. – 397 с.

100. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: [у 8 т.]. / Беларус. дзярж. ун-т, Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск: БелНДІДАС, 1997–2009. – Т. 4: Чэрвень 1941 г. – жнівень 1945 г. / склад.: Н.М. Дзятчык [і інш.]; рэдкал.: У.Р. Латыпаў [і інш.]. – 2001. – 394 с.

101. Зубачевский, В. А. Советская политика на северо-востоке Центральной Европы в начале 1920-х годов / В.А. Зубачевский // Отечеств. история. – 2004. – № 3. – С. 116–127.

102. Зубачевский, В.А. Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 г. / В.А. Зубачевский // Вопр. истории. – 2004. – № 7. – С. 41–55.

103. Зуев, Ф.Г. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию, 1919–1920 гг. / Ф.Г. Зуев. – [М.]: Госполитиздат, 1954. – 232 с.

104. Іваноў, М. Праблема прыналежнасці Вільні і беларускае нацыянальнае пытанне ў 1939 г. / М. Іваноў // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 1. – С. 32–38.

105. Игнатенко, И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко; Акад наук БССР, Ин-т истории. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 254 с.

106. Игнатенко, И.М. Революция в историческом процессе: очерки / И.М. Игнатенко: НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Междунар. фонд «Беларус. кнігазбор», 1977. – 199 с.

107. Игнатенко, И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко; Акад наук БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1986. – 343 с.

108. Ігнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX сталецця: лекцыі, чыт. студэнтам Беларус. дзярж. ун-та / У. Ігнатоўскі – Мінск: Дзяржвыд Беларусі, 1925. – 253 с.

109. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1945. № 193 (17 авг.)

110. Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / Акад наук БССР, Ин-т истории; И.М. Игнатенко [и др.]; отв. ред. И.И. Минц. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 341 с.

111. История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост.: И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Минск: Амалфея, 2000. – 672 с.

112. «Исключительно замечательный акт братской помощи»: док. и материалы о передаче Крым. обл. из состава РСФСР в состав УССР (январь – февраль 1954 г.) // Ист. арх. – 1992. – № 1. – С. 39–54.

113. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / [Акад. наук БССР, Ин-т философии и права]; редкол.: С.П. Маргунский [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1970–1973. – Т. 1: 1917–1936 гг. – Минск, 1970. – 608 с.

114. История Литовской ССР: с древнейших времен до наших дней / [А. Таутавичюс и др.; редкол.: Б. Вайткявичюс (отв. ред.) и др.]; Ин-т истории АН ЛитССР. – Вильнюс: Моксрас, 1978. – 676 с., 33 л. ил.

115. История национально-государственного строительства в СССР: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: Д.А. Чугаев (отв. ред.) [и др]. – М.: Мысль, 1968–1970. – [Т. 1]: Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму, 1917–1936 гг. – 1968. – 504 с.

116. История СССР: с древнейших времен до наших дней: в 2 сер.: в 12 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; гл. ред. совет: Б.Н. Платонов (пред.) [и др.]. – М.: Наука, 1963–1980. – Сер. 2, т. 8: Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР, 1921–1932 гг. / редкол.: Ю.А. Поляков [и др.]. – 1967. – 726 с.

117. Кабаков О.И. Витебщина: стат.-экон. обзор / О.И. Кабаков // Нар. хоз-во ССР Белоруссии. – 1924. – № 6/7. – С. 44–52.

118. Каданчык, А.І. Пашырэнне тэрыторыі БССР у 20-я гады: хроніка падзей // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларус.

канф. гісторыкаў, Мінск, 10–11 крас. 1997 г. / Беларус. асац. гісторыкаў; рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – С. 165–167.

119. Казлоў, Л. Беларусь на сямі рубяжах / Л. Казлоў, А. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 1993. – 71 с.

120. Как белорусские депутаты ездили Смоленск забирать: [из истории пересмотра границ] // Комсом. правда в Беларуси. – 2006. – 12 окт. – С. 26.

121. Калубовіч, А. Крокі гісторыі: дaслед., арт., успаміны / А. Калубовіч, І. Каханоўская. – Беласток [і інш.]: ГаМакс, 1993. – 285 с.

122. Каменская, Н.В. Вялікая Кастрычніцкая Сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР / Н.В. Каменская. – Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1954. – 184 с.

123. Каменская, Н.В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі / Н.В. Каменская; Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; пад рэд. А.М. Панкратавай. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1946. – 170 с.

124. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. / Е.Ф. Карский; [ред. совет: Г.П. Пашков (гл. ред.) и др.]. – Минск: Беларус. энцыкл., 2006–2007. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. – 2006. – 652 с.

125. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. / Е.Ф. Карский. – Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1903–1922. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. – 1903. – X, 466 с.

126. Карский, Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени / Е.Ф. Карский. – Петроград: Тип. Рос. акад. наук, 1917. – 32 с.

127. Касцюк, М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 307 с.

128. Кебич, В. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В. Кебич [под ред. И.Н. Осинского]. – Минск: Парадокс, 2008. – 478 с.

129. Кін, М. Друскенікі / М. Кін // Звязда. – 1940. – 9 чэрв. – С. 3.

130. Климчук, Ф. Этническая структура населения Брестской области: к вопросу о «скрытых» этносах / Ф. Климчук // Гіст. брама. – 1999. – № 2/3. – С. 4–7.

131. Кнорин, В.Г. Избранные статьи и речи / В.Г. Кнорин; Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии; редкол.: Н.В. Кузнецов [и др.]; сост.: Н.В. Кузнецов, А.Т. Нетылькин, Л.В. Гриценко. – Минск: Беларусь, 1990. – 301 с.

132. Кнорин, В.Г. Мир и Белоруссия / В.Г. Кнорин // Избранные статьи и речи / В.Г. Кнорин; Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии; редкол.: Н.В. Кузнецов [и др.]; сост.: Н.В. Кузнецов, А.Т. Нетылькин, Л.В. Гриценко. – Минск, 1990. – С. 67–68.

133. Кнорын, В. Да гісторыі дыктатуры пролетарыяту ў Беларусі: да дзесяцігодзя агалашэньня БССР / В. Кнорын // Полымя. – 1929. – № 1. – С. 87–100.

134. Козловський, І.С. Встановлення українсько-польського кордону 1941–1951 рр. / І.С. Козловський. – Львів: Каменяр, 1998. – 222 с.

135. Козловський, М. Ще раз спитаймо себе: хто ж ми такі насправді? / М. Козловьский // Голос Берестейщини. – 1994. – Січень. – № 1 (10). – С. 2–5.

136. Колас, Я. Водгульле: [вершы] / Я. Колас. – Менск: Адраджэньне, 1922. – 111 с.

137. Коминтерн и идея мировой революции: документы / Рос. акад наук [и др.]; сост.: Я.С. Драбкин [и др.]. – М.: Наука, 1998. – 947 с.

138. Круталевич, В.А. Административно-территориальное устройство БССР / В.А. Круталевич; Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1966. – 133 с.

139. Круталевич, В.А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич; НАН Беларуси, Ин-т философии и права НАН Беларуси. – 2-е изд., доп. – Минск: Журн. «Право и экономика», 1999. – 385 с. – (История Отечества: прил. к журн. «Право и экономика»).

140. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики: Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г. / В.А. Круталевич; ред. А.Ф. Хацкевич, И.А. Юхо; Акад. наук БССР. Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1979. – 336 с.

141. Круталевіч В. Абвяшчэнне рэспублікі / В. Круталевіч // Полымя. – 1968. – № 9. – С. 168–210.

142. Круталевіч, В.А. На імя Леніна / В.А. Круталевіч // Полымя. – 1965. – № 4. – С. 97–109.

143. Круталевіч, В.А. Пасля абвяшчэння рэспублікі / В.А. Круталевіч // Полымя. – 1966. – № 9. – С. 129–145.

144. Крыжовы шлях: [зб. нарысаў]: дапам. для вывучаючых гісторыю Беларусі / Л. Лойка [і інш.]. – Мінск: Згода, 1993. – 240 с. – (Гістарычныя сшыткі; сш. 1).

145. Крэнь, І.П. Аб даследаванні дзейнасці Арміі Краёвай на Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны: зыходныя пазіцыі, падыходы, мэты / І.П. Крэнь // Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі, чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.: тэз. чацвертай навук. канф. беларус. і пол. гісторыкаў, Гродна, 6–7 кастр. 1994 г. / Беларус. навук.-даслед. цэнтр дакументазнаўства, археаграфіі і арх. справы; [падрыхт.: А.Ф. Макарэвіч, У.М. Міхнюк]. – Гродна, 1994. – С. 11–17.

146. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. – Минск: Дикта, 1999. – 271 с.

147. Кулевіч, І.Р. Беларускі нацыянальны рух (1902–1925 гг.): гістарыяграфія праблемы: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.09 / І.Р. Кулевіч. – Гродна, 2004. – 133 л.

148. Куличенко, М.И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 годах / М.И. Куличенко. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1963. – 447 с.

149. Куличенко, М.И. Образование и развитие Союза ССР / М.И. Куличенко. – Ереван: Айастан, 1982. – 399 с.

150. Купала, Я. Жыве Беларусь: вершы, арт. / Я. Купала; уклад. В. Рагойша. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 477 с.

151. Ладысеў, У. Міністэрства беларускіх спраў у Літве / У. Ладысеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкевіч (гал. рэд.) [і інш.]; Мінск, 1999. – Т. 5 / навук.-рэд. савет: М.В. Біч [і інш.]. – С. 145.

152. Ладысеў, У. Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці Канец нацыянальнага рамантызму / У. Ладысеў, П. Брыгадзін // Беларус. гіст. часоп. – 1997. – № 1. – С. 48–53.

153. Ладысеў, У.Ф. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 1999. – 127 с.

154. Ладысеў, У.Ф. Праблема тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі ў святле палітыкі бельведэрскага лагера ў 1920-я гады: рамантызм і рэаліі / У.Ф. Ладысеў // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі: [матэрыялы міжнар. беларус.-пол. навук. семінара], Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: К.І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 26–32.

155. Ладысеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2003. – 307 с.

156. Лазько, Р. «Перагаворы» Антона Луцкевіча ў Маскве як міф беларускай гістарыяграфіі / Р. Лазько // Беларус. гіст. часоп. – 2007. – № 4. – С. 9–14.

157. Лазько, Р. На скрыжаванні вялікай палітыкі: аб вяртанні Гомельшчыны ў склад БССР / Р. Лазько, М. Мурашка // Беларус. гіст. часоп. – 1996. – № 1. – С. 21–30.

158. Лазько, Р.Р. Заходняя Беларусь як поле барацьбы паміж СССР і Польшчай у міжваенныя гады / Р.Р. Лазько // Беларусь: гістарычны лёс народа і культуры: матэрыялы навук. сес., 16–17 лістап. 1994 г. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, аддз-не гуманітар. навук; рэдкал.: Л.Ф. Яўменаў [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 178–180. – (Беларусістыка).

159. Ласоўскі, П. Беларуская карта ў якасці літоўскага козыра 1918–1924 гг. / П. Ласоўскі // Беларус. мінуўшчына. – 1994. – № 4. – С. 3–6.

160. Литовский Государственный архив. Фонд. – 383. – Вопіс 7. – Спр. 2014.

161. Литовский Государственный архив. Фонд. – 391. – Вопіс 4. – Спр. 1740.

162. Лебедзева, В. БНР – УНР: першы вопыт дзяржаўных стасункаў (вясна 1918 г.) / В. Лебедзева // ARCHE. – 2001. – № 5. – С. 394–404.

163. Ленин, В.И. Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма: [сборник] / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1965. – 192 с.

164. Ленин, В.И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1967. – 160 с.

165. Ленин, В.И. Национальный вопрос в нашей программе / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е. – М., 1979. – Т. 7. – С. 233–241.

166. Ленин, В.И. Неизвестные документы, 1891–1922 гг. / В.И. Ленин; Федер. арх. служба Рос. Федерации, Рос. гос. арх. служба Рос. Федерации, Рос. гос. арх. социал.-полит. истории. – М.: Росспэн, 1999. – 670 с.

167. Ленин, В.И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: [в 55 т .] – Изд. 5-е. – М., 1963. – Т. 41. – С. 319–333.

168. Ленин, В.И. Тезисы об учредительном собрании / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: [в 55 т.] – 5-е изд. – М., 1981. – Т. 35. – С. 162–166.

169. Лёсік, Я. Аўтаномія Беларусі / Я. Лёсік // Спадчына. – 1990. – № 3. – С. 19–22.

170. Лёсік, Я. Творы: апавяданні, казкі, арт. / Я. Лёсік; уклад. А. Жынкіна. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 335 с.

171. Лещенко В. Быть хозяином в своем доме: народ решает, а политики осуществляют. Всегда ли этот принцип действует? / В. Лещенко // Нар. газ. – 2006. – 25 нояб. – С. 2.

172. Липинский, Л.П. Крестьянское движение в Белоруссии в период между двумя революциями (июль 1907 – февр. 1917 гг.) / Л.П. Липинский, Е.П. Лукьянов. – Минск: Наука и техника, 1964. – 258 с.

173. Ліпецкі, Э. Аляксандр Цвікевіч: «Ліквідацыя БНР не была манеўрам». «Візіт да Пілсудскага»: [з архіва КДБ] / Э. Ліпецкі, У. Міхнюк // Маладосць. – 1993. – № 1. – С. 211–240.

174. Ліпецкі, Э.А. Адносіны палітычнай эміграцыі ў 20–30-я гады да беларускай дзяржаўнасці / Э.А. Ліпецкі // Беларусь: гістарычны лёс народа і культуры: матэрыялы навук. сес., 16–17 лістап. 1994 г. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, аддз-не гуманітар. навук; рэдкал.: Л.Ф. Яўменаў [і інш.]. – Мінск, 1995. – С. 172–174. – (Беларусістыка).

175. Луцкевіч, А. Дзённік / А. Луцкевіч // Полымя. – 1991. – № 4. – С. 215–224.

176. Луцкевіч, А.І. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых беларус. паліт. арг.: Беларус. рэвалюц. грамада, Беларус. сацыяліст. грамада / А.І. Луцкевіч. – Мінск: Беларус. сав. энцыкл., 1991. – 64 с.

177. Мазец, В. Грамадзянства і межы БНР / В. Мазец // Беларус. гіст. зб. / Беларус. гіст. тв-а. – Беласток, 2001. – № 15. – С. 86–96.

178. Малыхіна, Л. Праблемы гістарыяграфіі Літоўска-Беларускай ССР / Л. Малыхіна // Беларус. гіст. зб. / Беларус. гіст. тв-ва. – Беласток, 2003. – № 20. – С. 119–151.

179. Малыхіна, Л. Прычыны абвяшчэння Літоўска-Беларускай ССР у лютым 1919 г. (гістарыяграфія праблемы) / Л. Малыхіна // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 1. – С. 64–68.

180. Мальдис, А. Христианская твердыня Поозерного края: репортаж с воспоминаниями, размышлениями и исторической загадкой / А. Мальдис // Совет. Белоруссия. – 2007. – 22 марта. – С. 10.

181. Манаков, А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия / А.Г. Манаков. – Псков: Изд-во Центра соц. проектирования «Возрождение», 2002. – 298 с.

182. Маргунский, С.П. Государственное строительство Белорусской ССР на первом этапе ее развития / С.П. Маргунский. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1953. – 115 с.

183. Маргунский, С.П. Создание и упрочение белорусской государственности, 1917–1922 / С.П. Маргунский; ред. Л.С. Абецедарский, Ю.И. Чернецкая; Акад. наук БССР. – Минск: Изд-во АН БССР, 1958. – 259 с.

184. Матвієнко, В.М. Політика УНР та Української держави щодо новопосталих державних утворень на териториї колишньої Російської империї (1917–1921 рр.): дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.02 / В.М. Матвієнко. – Київ, 2003. – 435 л.

185. Материалы по вопросу районирования Западной области Союза: [сборник]. – Минск: Госплан БССР, 1926. – Вып. 1: Гомельская губерния. – 87 с.

186. Мацюш, П.А. Беларускі нацыянальны рух у час савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. / П.А. Мацюш // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі: [матэрыялы міжнар. беларус.-пол. навук. семінара], Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: К.І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 18–22.

187. Международное право: учеб. для обучающихся по специальности «Правоведение (Междунар. право)», «Междунар. отношения» и «Междунар. экон. отношения» / Б.М. Ашавский [и др.]; отв. ред.: Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 606 с.

188. Мельтюхов, М.И. Положение на границах с Польшей и Румынией и планы Красной Армии, 1921–1922 гг. / М.И. Мельтюхов // Отечеств. история. – 2005. – № 1. – С. 132–140.

189. Михайленко, В.В. Культура многонационального Петербурга: культурно-просветительская работа среди национальных меньшинств / В.В. Михайленко, Н.М. Романова, Т.М. Смирнова. – СПб., 1992. – Вып. 2.

190. Міхнюк, У. Вязень сумлення / У. Міхнюк // Полымя. – 1996. – № 2. – С. 215–271.

191. Многонациональное Советское государство / [редкол.: М.И. Куличенко и др.]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1972. – 431 с.

192. Молатаў, В.М. Знешняя палітыка Савецкага Саюза: дакл. Старшыні Савета Нар. Камісараў і Нар. Камісара Замеж. Спраў на пасяджэнні Вярхоўн. Савета СССР 1 жн. 1940 г. / В.М. Молатаў // Бальшавік Беларусі. – 1940. – № 7/8. – С. 16–24.

193. Мунчаев, Ш.М. История советского государства: учеб. для вузов / Ш.М. Мунчаев, В.М. Устинов. – М.: Инфра-М, 2002. – 689 с.

194. Мядзёлка, П. Сцежкамі жыцця: [успаміны] / П. Мядзёлка. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 230 с.

195. Мязга, М.М. Перамовы ў Рызе: пахаванне палітыкі федэралізму / М.М. Мязга // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі: матэрыялы міжнар. беларус.-пол. навук. семінара, Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: К.І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 23–25.

196. Навицкас, К. Советско-литовские мирные переговоры. Литва и Антанта, 1918–1920 гг. – Вильнюс: Минтис, 1970. – 139 с.

197. Назаўсёды разам: да 60-годдзя ўз'яднання Заход. Беларусі: [зборнік] / уклад. У.І. Навіцкі; пад агул. рэд. М.П. Касцюка, І.Я. Наву-

менкі; рэдкал.: Я.І. Бараноўскі [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1999. – 256 с.

198. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / [М.П. Касцюк і інш.; рэдкал.: А.А. Кавaленя (гал. рэд.) і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 614 с.

199. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; аўт.: М.П. Касцюк [і інш.]; рэдкал.: М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.

200. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш.]; АН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларусь, 1994–1995. – Ч. 2. – 1995. – 560 с.

201. Национальный Архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 60. – Оп. 3. – Д. 66. – Л. 10–11.

202. Національні відносини в України у XX ст.: зб. док. і матеріалив / [М. Панчук]. – Київ: Наукова думка, 1994. – 560 с.

203. Не надо навязывать насильно: [о проекте район. программы «Родная мова»] / К. Сирисько [и др.] // Маяк коммунизма. – 1990. – 10 июля. – С. 2.

204. Недасек, Н. Большевизм в революционном движении Белоруссии: введение в историю большевизма в Белоруссии / Н. Недасек. – Мюнхен, 1956. – 152 с. – (Исследования и материалы. Серия 1 / Ин-т по изучению СССР; вып. 25).

205. «Нельга кіравацца адным этнаграфічным матэрыялам...» / падрыхт. А. Гесь // ARCHE. – 2001. – № 5. – С. 419–426.

206. Ненароков, А.П. К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924 / А.П. Ненароков; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1991. – 270 с.

207. Новый взгляд на историю Литвы: [сб. ст.]: пер. с лит. / сост. А. Эйдинтас, Г. Рудис. – Каунас: Швиеса, 1991. – 207 с.

208. О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Совета Республики Беларусь «О делегации Республики Беларусь на переговорах с Украиной по вопросам делимитации и демаркации государственной границы между Республикой Беларусь и Украиной»: постановление Президиума Верхов. Совета Респ. Беларусь, 29 дек. 1993 г., № 2650-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 36. – Арт. 458.

209. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь», 6 янв. 1999 г., № 234-З // Ведамасці Нац. сходу. Рэсп. Беларусь. – 1999. – № 4. – Ст. 89.

210. О геодезической и картографической деятельности: Закон Респ. Беларусь, 10 мая 1999 г., № 254-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 37. – 2/29.

211. О Государственной границе Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1992 г., № 1908-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1992. – № 31. – Ст. 509.

212. О Государственной границе СССР: Закон СССР, 24 нояб. 1982 г., № 8318-Х // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1982. – № 48. – Ст. 891.

213. О деятельности экономического совещания Белоруссии за 1921 г. // Нар. хоз-во Белоруссии. – 1922. – № 1. – С. 50–64.

214. О дополнении к постановлению о передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением: декрет ВЦИК, 24 марта 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительства РСФСР. – 1924. – № 39. – Ст. 357.

215. О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением: Декрет ВЦИК, 3 марта 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и крестьян. правительства РСФСР. – 1924. – № 24. – Ст. 237.

216. О порядке обозначения Государственной границы Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 нояб. 1993 г., № 759 // Збор пастаноў Урада Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 31. – Ст. 610.

217. О придании границе Республики Беларусь с Российской Федерацией, Украиной, Литовской Республикой и Латвийской Республикой правового статуса Государственной границы: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 11 июня 1993 г., № 2379-XII // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 12. – Ст. 264.

218. О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик: Закон СССР, 3 авг. 1940 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1944. – М., 1945. – С. 24.

219. Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1975. – № 33. – С. 521–523.

220. Об образовании Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской областей в составе Белорусской ССР: Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 4 дек. 1939 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1944. – М., 1945. – С. 66.

221. Об установлении границы между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Литовской Советской Социалистической Республикой: Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 6 нояб. 1940 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1944. – М., 1945. – С. 31–33.

222. Об утверждении Положения о Государственном комитете пограничных войск Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 мая 2002 г., № 260 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 60. – 1/3704.

223. Образование СССР: сб. док., 1917–1924 / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. Э.Б. Генкиной. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 472 с.

224. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: совмест. рос.-белорус. исслед.: учеб. пособие: в 3 ч. / под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель: Белорус. Агентство науч.-техн. и деловой информ., 1993. – Ч. 2: У истоков политического противостояния: материалы и док. по истории обществ. движений и полит. партий Респ. Беларусь. – 227 с.

225. Ольшанский, П.Н. Рижский мир: из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей, конец 1918 – март 1921 г. / П.Н. Ольшанский; Акад наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1969. – 260 с.

226. Омелюсик, Н. Возрождение или дань моде? / Н. Омелюсик // Маяк коммунизма. – 1990. – 21 июля. – С. 2.

227. Остафійчук, В.Ф. Історія України: сучасне бачення: навч. посіб. / В.Ф. Остафійчук. – Київ: Знання-Прес, 2002. – 352 с.

228. Отчет временного Белорусского бюро Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков): за время февр. – май 1924 г. / Рос. коммунист. партия (большевиков), Коммунист. партия (большевиков) Белоруссии. – Минск: Изд. Белбюро ЦК РКП, 1924. – 81 с.

229. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии: в 2 ч. / под ред. Н.А. Халипова. – Минск: Госиздат БССР, 1961–1967. – Ч. 1: 1883-1920 / под ред. Н.М. Мешкова, Н.А. Халипова. – 1961. – 399 с.

230. Паведамленне з Віцебскай губерні // Сав. Беларусь. 1924. 30 студз.

231. Павлов, Я.С. «Болевые точки» истории Беларуси: из науч. наследия / Я.С. Павлов; редкол.: В.Н. Михнюк (пред.) [и др.]. – Минск: Арти-Фекс, 1997. – 252 с.

232. Павлова, Т.Я. К вопросу о границах БНР / Т.Я. Павлова // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 1. – С. 77–83.

233. Пазьняк З. Ідэалы БНР у рэчышчы геапалітыкі / З. Пазьняк // Беларуская Салідарнасьць [Электронны рэсурс]. – Рэжим доступу: www.bielarus.net/archives/2003/03/22/59. – Дата доступу: 17.12.2010.

234. Пазьняк, З. Беларуска-Расейская вайна / З. Пазьняк // Беларуская Салідарнасьць [Электронны рэсурс]. – Рэжим доступу: http://www.bielarus.net/archives/2004/08/10/79. – Дата доступу: 17.12.2010.

235. Парсаданова, В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 г. / В.С. Парсаданова // Вопр. истории. – 1997. – № 7. – С. 13–31.

236. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. – Минск: Лимариус, 2005. – 302 с.

237. Первый сезон в Друскениках // Совет. Белоруссия. – 1940. – 15 февр. – С. 2.

238. Петербуржцы: этнонациональные аспекты массового сознания: социол. очерки / [Ю.А. Евстигнеев и др.]. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 1995. – 137 с.

239. Пимошенко, И. Особенности современного геополитического положения Республики Беларусь / И. Пимошенко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 4. – С. 66–68.

240. Пичуков, В.П. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века) / В.П. Пичуков, М.И. Старовойтов; Гомел. гос. ун-т. – Гомель, ГГУ, 1999. – Вып. 1. – 233 с.

241. Платонаў, Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі ў 20–30-х гг. / Р. Платонаў; Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск: БелНДІДАС, 1996. – 383 с.

242. Положение о белорусской части комиссии по демаркации Государственной границы Республики Беларусь с сопредельным государством: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 1 окт. 2004 г., № 1235 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 158. – 5/14942.

243. Полпреды сообщают...: сб. док. об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, авг. 1939 г. – авг. 1940 г. / М-во иностр. дел СССР; редкол.: В.Г. Комплектов (пред.) [и др.]. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 541 с.

244. Польско-советская война, 1919–1920: ранее не опубл. док. и материалы: в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; подгот.: И.И. Костюшко, М.Н. Черных, В.Н. Савченко; ред. И.И. Костюшко. – М.: ИСБ РАН, 1994. – Ч. 1. – 215 с.

245. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1986. – 270 с.

246. Пономаренко, П. Воссоединение белорусского народа / П. Пономаренко // Совет. Белоруссия. – 1940. – 9 февр. – С. 2–3.

247. Пономаренко, П.К. События моей жизни / П.К. Пономаренко // Неман. – 1992. – № 3. – С. 150–177.

248. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике: [в 2 ч.]. – Минск: Изд. Центр. Нац. Комиссии ЦИК БССР, 1927–1928. – Ч. 1: Белоруссизация: по материалам Центр. Нац. Комиссии ЦИК БССР. – 1927. – 147 с.

249. Пратакол 1 з'езда Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі / Ін-т гісторыі партыі і Кастр. рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б; падрыхт. Ю. Майзель, пад рэд. С. Агурскага, М. Леўкова. – Мінск: Парт. выд-ва, 1934. – 84 с.

250. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961. – 144 с.

251. Промышленность БССР: итоги и перспективы: к годовщине 10-летия БССР: [сборник / под ред. В.К. Строковского, А.Б. Шульмана]. – Минск: Высш. совет нар. хоз-ва СССР, 1928. – 373 с.

252. Прохоров, В.В. К вопросу о включении уездов Гомельской губернии в состав БССР (1924, 1926 гг.) / В.В. Прохоров // Науч.-информ. бюл. / Арх. упр. при Совете Министров БССР. – 1961. – № 10. – С. 20–25.

253. Ракашевич, В.К. Послевоенная демаркация советско-польской границы и «великое» переселение белорусского и польского населения / В.К. Ракашевіч // Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.): тэз. чацвёртай навук. канф. беларус. і пол. гісторыкаў, Гродна, 6–7 кастр., 1994 г. / Беларус. навук.-даслед. цэнтр дакументазнаўства, археаграфіі і арх. справы. – Гродна, 1994. – С. 109–117.

254. Ракашэвіч, У. Пашырэнне тэрыторыі Беларусі: да пытання аб далучэнні Гомельскай губерні да БССР / У. Ракашэвіч // Палессе. – 1996. – № 1. – С. 126–130.

255. Рассакрэчана Камітэтам бяспекі: [ліст Я. Купалы да старшыні ЦВК СССР і БССР А. Чарвякова] // ЛіМ. – 1990. – 7 верас. – С. 6.

256. Расторгуев, П.А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии / П.А. Расторгуев; Ин-т белорус. культуры. – Минск: [б. и.], 1926. – 24 с.

257. Революционное движение в России после свержения самодержавия: док. и материалы / В.Е. Полетаев (отв. сост.) [и др.]; под ред. Л.С. Гапоненко (отв. ред.) и др.; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 858 с.

258. Революция и национальный вопрос: док. и материалы по истории нац. вопроса в России и СССР в XX в. / под ред. С.М. Диманштейна. – М.: Коммунист. акад., 1930. – Т. 3: 1917, Февраль – октябрь / сост. И. Левин, Е. Драбкина. – 467 с.

259. Ржешевский, О.А. Сталин и Черчилль = Stalin and Churchill: Встречи. Беседы. Дискуссии: док., коммент., 1941–1945 / О.А. Ржешевский; [Рос. акад наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков Второй мировой войны]. – М.: Наука, 2004. – 562 с.

260. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 325. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 11–45.

261. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. / С. Рудовіч; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск: Тэхналогія, 2001. 200 с.

262. Савицкий, Э.М. Революционное движение в Белоруссии: август 1914 – февраль 1917 гг. / Э.М. Савицкий; науч. ред. К.И. Шабуня; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1981. – 182 с.

263. Савченко, В.Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг.: этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание / В.Н. Савченко; отв. ред. И.И. Костюшко; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Ин-т рос. истории. – М.: ИСБ, 1995. – 195 с.

264. Саладкоў, Ц.Я. Бальшавікі Беларусі ў перыяд Першай сусветнай вайны і другой рускай рэвалюцыі (1914–сак. 1917 гг.) / Ц.Я. Саладкоў; Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КПБ, Філ. ін-та марксізма-ленінізма пры ЦК КПСС. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1957. – 172 с.

265. Сборник законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР: в 3 т. / [сост.: Е.Я. Бурдзевицкий, В.А. Борисенко, А.И. Маршалко]. – Минск: Беларусь, 1974–1976. – Т. 1: 1938–1973. – 1974. – 671 с.

266. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 г. – 1961 г. / сост. Л.И. Мандельштам [и др.]. – М.: Изв. Советов депутатов трудящихся, 1961. – 976 с.

267. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. С. 43–44.

268. Свердлов, Я.М. Выступления на заседании административной комиссии при ВЦИК, 1 дек. 1918 года / Я.М. Свердлов // Избр. произведения: в 3 т. – М., 1960. – Т. 3. – С. 71–74.

269. Свердлов, Я.М. Избранные произведения: в 3 т. / Я.М. Свердлов. – М.: Госполитиздат, 1957–1960. – Т. 3. – 1960. – 274 с.

270. Северин, П.Я. Укрупнение Белорусской ССР в 1924 г. / П.Я. Северин // Ист. зап. – 1954. – № 46. – С. 289–304.

271. Селицкая, Л. Столицей БССР перед войной должен был стать Могилев / Л. Селицкая // Вечер. Минск. – 2008. – 28 авг. – С. 3.

272. Селіванаў, П.А. Брэсцкі мір 1918 г. / П.А. Селіванаў, А.В. Ціхаміраў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 103.

2734. Семенов, В.М. Выступление депутата Семенова В.М., первого секретаря Гродненского обкома Компартии Белоруссии (Гродненский территориальный избирательный округ, Гродненская область) на внеочеред-

ном третьем Съезде народных депутатов СССР / В.М. Семенов // Совет. Белоруссия. – 1990. – 21 марта. – С. 1–2.

274. Семенов, П.Г. Программа КПСС о развитии советских национально-государственных отношений / П.Г. Семенов // Совет. государство и право. – 1961. – № 12. – С. 15–25.

275. Сергійчук, В. Етнічні межі і державний кордон України / В. Сергійчук. – Київ: Укр. вид. спілка, 2000. – 431.с.

276. Серебрякова, З.Л. Областные объединения Советов России: март 1917 г. – декабрь 1918 г. / З.Л. Серебрякова; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1977. – 230 с.

277. Сержпутовский, А.К. Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году / А.К. Сержпутовский; Ин-т беларус. культуры. – Менск: 1-ая Гостип. БГИ, 1926. – 16 с.

278. Сидоревич, А. Антон Луцкевич: главы из книги / А. Сидоревич // Неман. – 1990. – № 7. – С. 91–167.

279. Сідарэвіч, А. «Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі» / А. Сідарэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 439.

280. Сідарэвіч, А. Антон Луцкевіч: ад краёвасці да незалежніцтва (1916–1918): агляд крыніцаў / А. Сідарэвіч // ARCHE. – 2006. – № 1/2. – С. 80–91.

281. Сідарэвіч, А. Беларускі шлях / А. Сідарэвіч // ЛіМ. – 1990. – 23 лістап.– С. 13.

282. Сідарэвіч, А. З думай аб незалежнасці / А. Сідарэвіч // Полымя. – 1991. – № 4. – С. 205–214.

283. Сільчынка, М.У. Асноўныя этапы беларускай дзяржаўнасці: навуч. дапам. / М.У. Сільчынка, І.А. Басюк; Гродзен. дзярж. ун-т. – Гродна: ГрГУ, 1995. – 121 с.

284. Скалабан, В. «...В это суровое и важное время»: Максим Богданович в Минске / В. Скалабан // Нёман. – 1981. – № 12. – С. 141–149.

285. Скалабан, В.В. Укрупнение БССР: попытка 1928 года / В.В. Скалабан // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гомель, 28–29 верас. 2006 г. / Гомел. дзярж. ун-т; рэдкал.: Р.Р. Лазько (гал. рэд.), В.А. Міхедзька, М.М. Мязга. – Гомель, 2007. – С. 184–187.

286. Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – 2-е выд., дапрац. – СПб.: Неўс. прасцяг, 2004. – 404 с.

287. Сміт, Э.Д. Нацыяналізм у дваццатым стагодзі / Э.Д. Сміт; пер. з анг. С. Нагорнага. – Мінск: Беларус. фонд Сораса. 1995. – 272 с. – (Адкрытае грамадства).

288. Снапкоўскі. У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: у 2 ч. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2003–2004. – Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. – 2004. – 302 с.

289. Снапкоўскі, У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі, 1944–1953 гг. / У.Е. Снапкоўскі; пад рэд. Ю.П. Броўкі; Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – 207 с.

290. Снапкоўскі, У.Е. Міжнародныя аспекты вызначэння савецка-польскай мяжы ў 1943–1945 гг. / У.Е. Снапкоўскі // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 3. – С. 9–14.

291. Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док.: [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР; ред. комис.: А.А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М.: Политиздат, 1978–1984. – Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании, 28 ноября – 1 декабря 1943 г. – 1984. – 174 с.

292. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док.: [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР; ред. комис.: А.А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М.: Политиздат, 1978–1984. – Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4–11 февраля

293. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док.: [в 6 т.] / М-во иностр. дел СССР; ред. комис.: А.А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М.: Политиздат, 1978–1984. – Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 17 июля – 2 августа 1945 г. – 1984. – 511 с.

294. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: док. и материалы: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР; редкол.: Г.П. Кынин [и др.]. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 1: 1941–1943. – 542 с.

295. Советско-германские документы 1939–1941 гг.: из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. – 1993. – № 1. – С. 83–95.

296. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; науч. ред. С.Н. Хомич. – Минск: Тесей, 2004. – 222 с.

297. Союз Советских Социалистических Республик // Белорусская ССР: крат. энцикл.: в 5 т. / редкол.: П.У. Бровка [и др.]. – Минск, 1979. – Т. 1: История. Общественный и государственный строй. Законодательство и право. Административно-территориальное устройство. Населенные пункты. Международные связи. – С. 674–682.

298. Справаздача ўраду Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі VII Усебеларускаму з'езду Саветаў. – Мінск: ЦВК БССР, 1925. – 346 с.

399. СССР – Германия: [сб. материалов и док.]: в 2 т. / сост. и пер. Ю. Фельштинский. – 2-е изд. – Нью-Йорк: Телекс, 1989. – Т. 1. – 128 с.

300. СССР – Германия, 1933–1941: [сб. док. / шеф-ред. С. Кудряшов]. – М.: Арх. Президента Рос. Федерации, 2009. – 368 с. – (Вестник Архива Президента Российской Федерации).

301. СССР и Литва в годы Второй мировой войны: [в 2 т.]: сб. док. / Ин-т истории Литвы, Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук; сост.: А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева; редкол.: А. Каспаравичюс [и др.]. – Vilnius: LII, 2006. – Т. 1: СССР и Литовская Республика, март 1939 – август 1940 гг. – 774 с.

302. Сталин, И.В. О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого / И.В. Сталин // Сочинения: [в 13 т.] /

Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М., 1947. – Т. 5. – С. 371–387.

303. Сталин, И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), 26 января 1934 г. / И.В. Сталин // Сочинения: [в 13 т.] / Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М., 1951. – Т. 13. – С. 282–306.

304. Станкевіч, А.В. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення: да 70-лецця смерці Кастуся Каліноўскага рэд. «Muzyckaj praudy» (1864) і 50-лецця «Гомана» (1884) / А.В. Станкевіч. – Вільня: Шляху моладзі, 1935. – 128 с.

305. Сташкевич, Н. На грани возможного: идейно-политическая борьба вокруг создания белорусской советской государственности: «белые пятна» / Н. Сташкевич // Нёман. – 1989. – № 10. – С. 137–152.

306. Сыч, А.И. Национальный аспект Версальской системы / А.И. Сыч // Вопр. истории. – 2004. – № 1. – С. 126–133.

307. Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещ. ЦК РКП с отв. работниками нац. респ. и обл. в г. Москве, 9–12 июня 1923 г.: стеногр. отчет / Рос. междунар. фонд культуры. – М.: ИНСАН, 1992. – 293 с.

308. Талкачоў, В. Цяжкі студзень 1919-га...: да пытання аб стварэнні Літоўска-Беларускай ССР / В. Талкачоў // Беларус. думка. – 1994. – № 1. – С. 67–69.

309. Таран, Г. Народ – гаспадар свайго лёсу / Г. Таран // Звязда. – 1939. – 10 кастр. – С. 2.

310. Территория // БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – [1-е изд.] – М., 1946. – Т. 54. – С. 178–179.

311. Территория государственная // Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.) [и др.] – М., 1979. – С. 1335.

312. Тихомиров, А. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство / А. Тихомиров // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 3. – С. 46–55.

313. Тихомиров, А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920 – начале 1921 г. / А. Тихомиров // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2004. – № 2. – С. 49–61.

314. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй: пер. с пол. / Ю. Туронак. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.

315. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня [Вильнюс]: Ін-т беларусістыкі, 2006. – 878 с.

316. Турук, Ф. Белорусское движение: очерк нац. и революц. движения белорусов / Ф. Турук. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 144 с.

317. Тычка, Г. Я. Купала і савецкая ўлада / Г.Я. Тычка // Полымя. – 1999. – № 1. – С. 186–218.

318. Урбшис, Ю. Литва в годы суровых испытаний, 1939–1940 / Ю. Урбшис; пер. с лит. Л. Черной, В. Чепайтиса; ред. Г. Гирич, Л. Черная – Вильнюс: Минтис, 1989. – 123 с.

319. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / В. Скалабан // Беларус. гіст. часоп. – 1993. – № 1. – С. 66–69.

320. Устав Белорусского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны = Статут Беларускага таварыства па аказанню помачы пацярпеўшым ад вайны. – Вильня: Тип. М.М. Кухты, 1915. – 15 с.

321. Хоміч, С.М. Асноўныя этапы фармавання тэрыторыі БССР (1918–1926) / С.М. Хоміч // Беларус. гіст. агляд. – 2000. – Т. 7, Сш. 2. – С. 351–363.

322. Хоміч, С.М. Да пытання аб вяртанні ў склад БССР яе ўсходніх тэрыторый (пазіцыя губернскіх улад) / С.М. Хоміч // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 84–87.

323. Хоміч, С.М. Далучэнне Гомельскага і Рэчыцкага паветаў да БССР у 1926 г. / С.М. Хоміч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1999. – № 4. – С. 28–31.

324. Хоміч, С.М. Праблема вызначэння беларускай этнічнай тэрыторыі ў працэсе ўсталявання граніц БССР у 1920-я гады / С.М. Хоміч // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 2000. – № 4. – С. 105–109.

325. Цвикевич, А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики / А. Цвикевич. – Киев: Тип. «И.И. Чоколов», 1918. – 16 с.

326. Цітоў, В. Этнічная тэрыторыя / В. Цітоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – Т. 6, кн. 2. – С. 271–272.

327. Цітоў, В.С. Этнаграфічная спадчына: Беларусь: краіна і людзі: вучэб.-метад. дапам. / В.С. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 1996. – 208 с.

328. Ціхаміраў, А. «Віленскае пытанне» ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 3. – С. 37–45.

329. Цуба, М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907 – люты 1917 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / М.В. Цуба. – Мінск, 1996. – 128 л.

330. Цуба, М.В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма рэвалюцыямі (1907–1917 гг.): матэрыялы да курса «Гісторыя Беларусі» / М.В. Цуба. – Брэст: Лаўроў, 2003. – 195 с.

331. Чарвякоў, А. За Савецкую Беларусь / А. Чарвякоў; Централ. камісія ЦВК БССР па адзначэньню 10-й гадавіны Кастрыч. рэвалюцыі. – Менск: [б. в], 1927. – 138 с.

332. Червяков, А. От 2-го к 3-му съезду Советов Белоруссии / А. Червяков // Советская Белоруссия: [сборник]. – Минск, 1921. – С. 17–21.

333. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 623 с.

334. VI Всебелорусский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: стеногр. отчет: [заседания 1–7]. – Минск: [б. и.], 1924. – 35 с.

335. Ширяев, Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах / Е.Е. Ширяев; Моск. о-во белорус. культуры. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 113 с.

336. Шкляр, Е.Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919–1920 гг.) / Е.Н. Шкляр. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1962. – 178 с.

337. Щавлинский, Н.Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Б. Щавлинский. – Минск, 2000. – 108 л.

338. Щавлинский, Н.Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Н.Б. Щавлинский. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2001. – 136 с.

339. Экономический очерк Гомельской губернии. – Гомель: Гомел. губерн. стат. бюро, 1925. – 128 с.

340. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Беларус. энцыкл., 1993–2003. – Т. 1 / рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]. – 1993. – 495 с.

341. Юхо, Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў / Я. Юхо // Спадчына. – 1991. – № 6. – С. 2–11.

342. Як адстойвалі ўсходнія землі: [дакладная запіска У. Ігнатоўскага; М. Скарэўскі. Беларускі рух у Віцебшчыне] / А. Гесь (прадм. и публ.) // Спадчына. – 1995. – № 6. – С. 37–54.

343. Якубовская, С.И. Строительство Союзного Советского социалистического государства, 1922–1925 гг. / С.И. Якубовская; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 400 с.

344. Guthier, S.L. The Belorussians: national identification and assimilation, 1897–1970 / S.L. Guthier // Sov. Studies. – 1977. – Vol. 29, № 1. – P. 37–61.

345. Terry, M. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 / M. Terry. – Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2001. – 496 p.

346. Smith, J. The Bolsheviks and the national question, 1917–1923 / J. Smith. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 281 p.

347. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia, 1939–1945 / P. Eberhardt. – Warszawa: Spotkania, 1993. – 223, [25] s.

348. Eidintas, A. Lithuania in European politics: the years of the first Republic, 1918–1940 / A. Eidintas, V. Ћalys, A.E. Senn. – Vilnius: Vaga, [2003]. – 248 p.

349. Genzelis, B. The restitution of Lithuania's statehood / B. Genzelis. – Vilnius: Lith. Nat. Museum, 2007. – 110 p.

350. Slezkine, Y. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism / Y. Slezkine // Slavic Rev. – 1994. – Vol. 53, № 2. – P. 414–452.

Научное издание

Хомич Сергей Николаевич

Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo

Редактор *Э. В. Куфтерин*
Технический редактор *Я. В. Жизневская*
Компьютерная верстка *Т. В. Дугановой*
Корректор *В. Н. Россинский*

Подписано в печать 07.07.2011.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,18. Уч.изд. л. 23,25. Тираж 100 экз. Заказ 1268.

Издательский центр УП «Экономпресс».
ЛИ № 02330/0056914 от 16.03.2009.
Ул. К. Цеткин, 18–64, 220004, г. Минск.
Тел./факс: (017) 200703776.
e7mail: econompress@mail.ru
www.literature.by

Отпечатано в типографии УП «Промбытсервис»
Лицензия № 02330/0494132 от 03.04.2009.
Ул. Ф.Скорины, д. 14, к. 203, 220114, г. Минск